В. Осеева

3

В. Осеева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

3

МОСКВА
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
1986

В. Осеева

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

В. Осеева

3

ТОМ

ДИНКА

ПОВЕСТЬ

ЧАСТИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

Р2
О-72

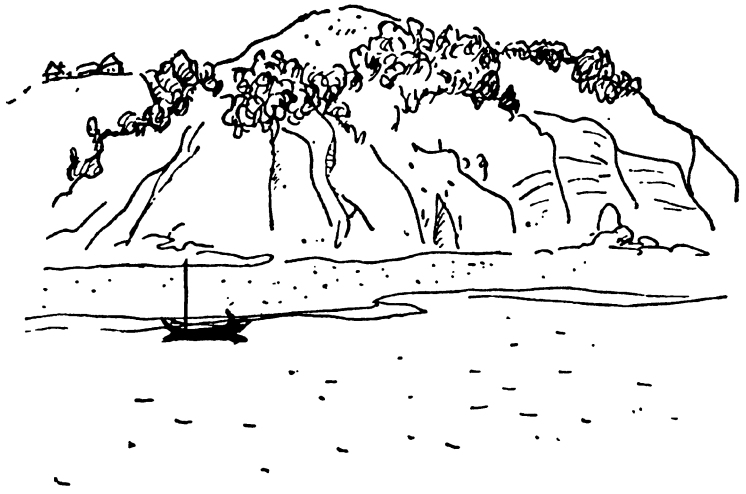
Оформление А. Г а н н у ш к и н а

Рисунки А. Е р м о л а е в а

О $\frac{4803010102-072}{М101(03)86}$ Подп. изд.

© Состав. Комментарии. Оформление.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.

Часть Первая



Посвящаю эту книгу
матери и сестре Анжеле

Глава первая

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ночью раздался негромкий стук в калитку. В маленькой даче было тихо и темно. Стук повторился громче, настойчивей.

Марина подняла голову с подушки, прислушалась, потом вскочила и, протянув в темноте руки, добралась до постели сестры:

— Катя! Проснись! Кто-то стучит...

— Кто стучит?

Младшая сестра мгновенно открыла глаза и потянулась за спичками.

— Подожди! Не зажигай! Слушай...

Мимо террасы прошлепали чьи-то осторожные шаги, заскрипели ступеньки.

— Это я... Лина,— послышался тихий шепот за дверью.

Катя сняла крючок. В комнату протиснулась кухарка Лина. Заспанное лицо ее было встревожено.

— Стучит ктой-то... Открывать али нет?

— Калитка на замке. Вот ключ. Постарайся задержать. Если обыск, скажи, что пойдешь за ключом,— быстро зашептала Катя, накидывая халат.

Лина понятливо кивнула головой.

— Подождите... Надо позвать Никича,— торопливо сказала Марина,— я сейчас пойду...

— Никича нет, он в городе,— остановила ее Катя.

— Вчерась еще укатил,— прошептала Лина.

— Ах, да! — вспомнила Марина.

Все трое смолкли. В тишине было слышно, как кто-то пробует открыть калитку.

— Подождите волноваться. Может, это просто воры? — глядя в темноту широко раскрытыми глазами, сказала Катя.

Лина поспешно приперла табуреткой дверь.

— Коли воры, так запастись бы чем, попужать их...

У калитки снова раздался нетерпеливый громкий стук.

— Воры не стучат... Лина, иди задержи,— шепнула Марина.

Лина широко перекрестилась и вышла. Катя присела на корточки около печки и встряхнула коробок спичек...

— Марина, где Сашино письмо? Давай скорей!.. Ах, какая ты неосторожная!

— У меня только одно... единственное... И в нем ничего такого нет,— доставая из-под подушки письмо и пряча его на груди, взволнованно сказала Марина.— Тут нет никаких адресов... Подождем Лину!

— Глупости... Все равно это надо сделать... В прошлый раз тебя спрашивали, переписываешься ли ты с мужем! Зачем же так рисковать... Давай скорей...

Марина молча протянула ей конверт... В печке вспыхнул огонек и осветил склоненные головы сестер, смешивая темные пряди Катиных кудрей и светлые косы Марины.

— Это письмо мне и детям...— с глубокой грустью прошептала старшая сестра.

Катя схватила ее за руку:

— Тише... Идет кто-то...

Ступеньки снова заскрипели.

— Не пужайтесь. Это дворник с городской хватеры. Самоё кличет,— сообщила Лина.

— Меня? А что ему нужно? Это Герасим? Так зови его сюда!

— Звала. Не идет. Чтоб и знатья, говорит, не было, что я приезжал.

— Странно... Что могло случиться? Ну, я иду, Катя. Не разбудите детей, потише.

Марина накинула платок и вышла. Катя сунула ей в руку ключ. Большая черная тень неподвижно стояла под забором.

— Герасим! — тихонько окликнула Марина.— Вы один?

— Один, один. Не извольте сомневаться,— также тихо ответил дворник.— Мне только слово сказать.

— Так пойдемте в кухню. Там никого нет.

Марина открыла калитку. Герасим оглянулся и боком пролез на дорожку.

— Не опоздать бы мне на пароход. Один только ночной идет... Да дело-то в двух словах... может, нестоящее, а упредить надо.

— Пойдемте, пойдемте.

Стараясь не скрипеть гравием на дорожке, Марина пошла вперед, Герасим покорно следовал за ней.

В летней кухне царил мягкий полумрак. Перед иконой богородицы теплилась лампадка, у стены белела неубранная постель. Под окном стоял чисто выскобленный стол, на плите поблескивали сложенные горкой кастрюли.

Марина подвинула Герасиму табуретку:

— Садитесь...

— Так вот, может, нестоящее дело...— повторил Герасим застеснявшись.— Может, я зря вас потревожил, конечно...

— Ничего, ничего... Рассказывайте,— попросила Марина, присаживаясь на Линину постель.

Герасим осторожно подвинул к ней табуретку; в сумраке забелел ворот его рубашки, блеснули глаза.

— Вчерась человек какой-то к хозяину приходил... Спрашивал, куда госпожа Арсеньева с детьми выехала. А хозяин меня позвал. «Ты, говорит, помогал им, вещи носил: куда они

выехали?» А я гляжу — человек незнакомый, ну и не стал признаваться. «Не знаю, говорю, куда выехали, я только до извозчика провожал. А вы, говорю, кто им будете?» — «А я, грит, ихний знакомый». И сует мне гривенник. «Нет, говорю, не знаю». А сам гляжу: человек чужой,— шепотом рассказывает Герасим.

— А какой он на вид? И что еще спрашивал?

— Одет ничего, чисто. Под барина вроде. Так, молодой, неказистенький человечишка. Спрашивал еще: бывает ли кто на городской квартире? Живет ли здесь кто? «Нет, говорю, никто не бывает и никто не живет. Заперли да уехали...» А хозяин и говорит: «Госпожа, говорит, Арсеньева в газете служит, можете, говорит, туда зайти, я адрес дам». А он стоит, мнется и адреса не спрашивает. Ну, постоял и пошел. А хозяин мне и говорит: «Беда с неблагонадежными квартирантами — и выгонять их жалко, и неприятности от полиции наживешь».

Марина провела рукой по волосам:

— Значит, так и ушел он?

— Ушел... А я думаю себе: неспроста это, надо бы упредить на всякий случай... Тут недалеко, съезжу. Да в темноте-то проблуждал маленько. Перевозил я вещи днем, а тут ночью пришлось искать... Ну, я пойду.

— Куда вы?! Опять заблудитесь. Переночуйте у нас, а рассветет — и поедете! — уговаривала Марина.

— Нет, уж я пойду. В крайности пересижу около пристани. Теперь такие дела творятся, что не приведи бог! В девятьсот седьмом году, почитай, полны тюрьмы насовали и теперь все еще опасаются чего-то...— Голова Герасима с сильным запахом лампадного масла приблизилась к Марине.— Сказывали, весной побег из тюрьмы готовился... Политические, что ли, своих выручать хотели, только один среди них иудой затесался. Вот он в самый момент возьми да и выдай всю компанию... Ну, и хватают сейчас охапками кто прав, кто виноват...

— Это в городе? На нашей улице? — спросила Марина.

— Не... на нашей улице тихо. Жители все почтенные, комнат не сдают... Это вон на окраинах, где общежития али комнатушки какие сдаются. Рабочий люд ютится да студенты по большей части. У нас без подозрения. Но, между прочим,

дворников тоже проверяют в полиции... Я пойду,— заторопился Герасим.— Счастливо оставаться. Простите за беспокойство.

Марина крепко пожала ему руку.

— Герасим, у вас же денег нет, вы потратились на проезд. Я сейчас вам принесу,— заторопилась она.

— Ну, чего там... Я вами не обижен. Бывайте здоровы!

Герасим ушел. Марина закрыла калитку и пошла в дом. Катя и Лина нетерпеливо ждали ее, тревожась и недоумевая.

Марина передала свой разговор с Герасимом. Сидя втроем в темной комнате, они озабоченно припоминали всех, кто мог их разыскивать.

— Если знакомый, то завтра явится в редакцию. Только какой же знакомый пойдет расспрашивать хозяина? — пожала плечами Катя.

— Может, это меня мой Силантий разыскивает? — предположила Лина.

Силантий, брат Лины, служил в солдатах, и вот уже несколько лет она все ждала его в отпуск.

— Силантий в солдатском. Это кто-то другой,— вздохнула Марина.

— Ну, что сейчас гадать! Утро вечера мудренее. Ложитесь-ка лучше спать,— зевая, сказала Лина и, осторожно прикрыв за собой дверь, ушла.

Сестры не спали долго. Увидев в окно светлеющий сад, Катя всполошилась:

— Ложись скорей спать, Мара! Тебе осталось два часа каких-нибудь поспать... Ложись...

— Сейчас... Только посмотрю, не проснулись ли дети,— сказала Марина, приоткрывая дверь в соседнюю комнату.

— К Алине не ходи, разбудишь,— предупредила Катя.

Младшие дети крепко спали, разметавшись во сне. Восьмилетняя Динка сладко причмокивала, кольца жестких волос закрывали ей лоб, лезли на щеки... Одеяло ее сползло на пол, крепкие загорелые ноги и руки темнели на простыне... Мышка была старше на полтора года, но она выглядела хрупкой по сравнению с крепышом Динкой. Мышка спала так тихо, что худенькое личико ее с прозрачными веками казалось неживым.

Мать наклонилась над ней, поймала чуть слышное дыха-

ние. Потом подняла Динкино одеяло, повесила его на спинку кровати, повернула Динку на бок, отвела от ее лица волосы и вышла. К старшей девочке она не зашла. Алина спала в отдельной маленькой комнате. Мать постояла у ее двери, послушала и, успокоившись, вернулась к себе.

Катя сидела на полу у печки и обрезала ножницами обгоревшие края уцелевшего клочка письма. Руки ее были в золе, лоб и нос испачканы сажей.

— На́ тебе...— сказала она с неожиданной кроткой улыбкой и протянула сестре обрезанный краешек бумаги.

Губы Марины дрогнули, она поднесла к окну бумажку и прочла единственные уцелевшие слова: «...родная моя...»

— Ну, ложись теперь,— примиряюще сказала Катя.

Марина разделась и легла, отвернувшись лицом к стене.

Глава вторая

ДОРОГОЕ ПИСЬМО

Катя завела будильник, не раздеваясь, бросилась на свою постель и мгновенно заснула. Марина не спала. Она не думала о сообщении Герасима. Мало ли кто мог спрашивать их адрес... Возможно, какой-нибудь знакомый проездом был в Самаре и хотел повидаться... Может быть, на службе лежит для нее записка... Все это пустяки. Марине было жаль письма, которое сожгла Катя. Письма от Арсеньева приходили редко. Зная, что полиция тщательно разыскивает его следы, письма свои к жене Арсеньев передавал только через верных людей. В этих редких длинных посланиях он подробно расспрашивал о детях, о ней, Марине, рассказывал о своей жизни, о встречах с новыми и старыми товарищами. Читая эти письма, Марина радовалась, что муж по-прежнему полон энергии и в среде новых товарищей не чувствует себя одиноким. Последнее письмо пришло весной. В теплых, грустных строчках его чувствовалась глубокая душевная тоска по семье. Марина так часто читала и перечитывала это письмо, что помнила наизусть каждое слово, она никогда не решилась бы уничтожить его, если бы не Катя... «...Дети растут и забывают отца,— горько жаловался жене Арсеньев.— А мне

так часто видятся они все трое... И кажется, что я снова на элеваторе, что вот сейчас я приду домой...»

Марина закрывает глаза, и ей представляется элеватор, где ее муж служит инспектором. Большой казенный дом... Засыпанный зерном двор... Высокое крыльцо... Марина слышит знакомые шаги... В передней хлопает дверь, и Саша в пыльной кожаной тужурке заглядывает в комнату.

«А где мои три чижика?» — громко спрашивает он, сбрасывая тужурку и шумно плескаясь у рукомойника.

Алина бросается в детскую, выводит из уголка тихенькую Мышку, тащит упирающуюся Динку:

«Вот они, папа!»

«А где тот чижик, который называется Орало-мучеником?» — шумит отец.

Динка тогда была еще совсем маленькая и только училась ходить. Падая, она поднимала такой рев, что сбегался весь дом. Отец называл ее Орало-мучеником.

«...Я не могу простить себе, что сердился на Динку. Помнишь, как она являлась ко мне в кабинет?..» — пишет в этом письме Арсеньев.

Марине снова представляется элеватор... Она видит большую холодную гостиную и в конце ее дверь в кабинет... Динку интересовал отцовский кабинет... Добравшись до закрытой двери, она начинала стучать в нее обоими кулачками. Отец не мог ее увести и беспомощно кричал:

«Марочка! Мара! Возьми ее!»

Марина прибегала из кухни или из детской. Большой, широкоплечий мужчина с сердитым и расстроенным лицом стоял перед ребенком, не умея с ним справиться.

«Она опять пришла. Я же занят»,— серьезно объяснил он. «Ну-ну!» — кричала на него Динка, порываясь в кабинет. И лицо у нее было такое же сердитое, как у отца.

«Ну, подумай! Не хочет уходить! Я ее просил, просил!..»

«Конечно, Саша был очень занят,— серьезно думает Марина.— Ведь тогда уже шел девятьсот четвертый год... В доме печатались прокламации, секретные брошюры... Нужно было помочь Косте в типографии, распределить и разослать хранившуюся в доме нелегальную литературу... А вечерами Саша выступал на рабочих собраниях... И в кабинете у него

постоянно собирались рабочие... Конечно, Динка мешала... Но иногда он сам звал ее...» Марина вспоминает, как, заслышав маленькие шажки, отец открывал дверь. Динка останавливалась на пороге и, склонив голову набок, спрашивала:

«Папа?»

Отец присаживался на корточки, гладил стриженую головенку.

«Я, папа, папа...» — Динка прятала за спину руки и важно удалялась.

«Опять приходила?» — удивлялась Марина.

«Ничего. Она ненадолго. Больше для проверки»,— смеялся отец.

Короткая летняя ночь идет к концу. В комнате уже почти светло. Марина с упреком смотрит на спящую сестру. Зачем Катя сожгла это письмо? Конечно, когда-нибудь его все равно надо было сжечь, Марина сама обещала сделать это при первой тревоге. Но зачем она сделала это сегодня?.. Катя просто напугана обысками...

В 1907 году, после отъезда Арсеньева, полиция долго не оставляла в покое его семью. Только последние два года уже не было обысков, и дело Арсеньева как будто заглохло. Марина снова вспоминает письмо мужа. «...Я часто думаю об Алине. Ты пишешь, что она чувствует себя почти взрослой и не терпит никаких возражений... А помнишь, какая это была спокойная, послушная девочка? Как она старалась помочь нам в самое горячее время... Ведь в девятьсот пятом году ей было уже семь лет... Она многое понимала...»

Перед глазами Марины встает шумный элеваторский дом... В кабинете мужа бурно обсуждаются события, открыто собираются товарищи, между ними приезжие из Москвы, из Питера... В угловой комнате, где раньше была воскресная школа, наспех сдвинуты скамейки, там останавливаются приезжие, многие из них скрываются от полиции... Марина достает им паспорта, деньги, налаживает связи с нужными людьми... Дом Арсеньевых уже хорошо известен полиции, но царское правительство растерянно... Всюду проходят рабочие забастовки, на улицах громко звучат запрещенные песни...

«Полиция парализована! Около дома ни одного сыщика!» — возбужденно говорит Саша, возвращаясь с митинга.

В эти дни дети целиком предоставлены Кате, но Алина не хочет сидеть в детской. Ее тоненькая фигурка то и дело мелькает между взрослыми.

«Алина, что ты тут делаешь?»

«Я помогаю папе».

«Алина! — кричит отец.— Убери у меня на столе! Открой форточки в кабинете! Мы скоро придем! Алина, где моя шапка?»

Алина находит шапку, прибирает на отцовском столе, открывает форточки, наливает в графин воду...

«...Детство Алины кончилось на элеваторе,— с грустью пишет отец.— Но все-таки оно было, коротенькое счастливое детство, кусочек его достался и Мышке, а вот Динка совсем не знает отца... Да и я не могу теперь узнать моей выросшей дочки... «Здравствуй, папа! — пишет она в коротенькой записке.— Не слушай никого про меня. Я хорошая девочка, и я исправлюсь к твоему приезду...»

Будильник неожиданно и резко звонит. Катя вскакивает и машет руками:

— Закрой его, закрой!.. Ты давно встала?

— Не знаю,— говорит Марина.— Эта ночь была такая короткая...

Катя смотрит на бледное лицо и синие тени под глазами сестры.

— Ты не спала? Ты думала о том человеке? — быстро спрашивает она.

— О каком? — искренне удивляется Марина.— О том, что спрашивал наш адрес? Нет, я не думала о нем... Сегодня узнаю в редакции... Может, приходил кто-нибудь из знакомых...

— Но ведь надо быть дураком...— резко говорит Катя и, взглянув на часы, быстро перебивает себя: — Одевайся! Уже половина седьмого. Опоздаешь!

Глава третья

ТЕТКА И ПЛЕМЯННИЦА

Марина уезжает рано. Катя, раздраженная ночным происшествием, нервничает. Сдвинув у переносья темные брови, она мрачно смотрит на мир своими изумрудно-зелеными, русалочьими глазами и мысленно клянет того «неизвестного человека», который спрашивал у хозяина их адрес, ругает себя и сестру за ночную панику, сердится на Марину за то, что она не спала и теперь, наверное, еле-еле сидит на службе, сердится на Мышку за то, что она плохо ест, а больше всего на Динку, которая, как нарочно, с самого утра шумно носится по саду и устраивает всякие шалости. А сейчас она уже вертится около стола, чтобы схватить горбушку хлеба и поскорей исчезнуть из дома...

Обычно Катя бывает рада, когда Динка убегает гулять, но сегодня она хочет наказать ее за утренние проделки.

— Не тронь хлеб. Скоро будет завтрак,— сурово говорит она и прячет тарелку с хлебом в буфет.

Динка убегает в комнату и, присаживаясь на пол, сбрасывает с ног сандалии: она всегда ходит босиком, считая, что всякая обувь тянет ее книзу.

— Ты никуда не пойдешь,— строго говорит Катя, входя в комнату и закрывая за собой дверь.

Динка вскидывает на нее удивленные глаза:

— Почему не пойду?

— Потому что ты слишком много безобразничала сегодня! И вообще, что это за беготня такая? Не успели мы приехать, как ты обегала всю Барбашину Поляну! Тебя видели на Учительских дачах, везде! — с возмущением заканчивает тетка.

Кате двадцать два года. Она вместе со старшей сестрой воспитывает ее девочек. Она очень редко делает замечания Мышке, потому что Мышка уступчивая и послушная девочка: Катя почти никогда не вступает в спор с Алиной, потому что Алина очень обижается; зато с младшей, упрямой и своевольной Динкой, ей приходится постоянно пререкаться из-за всякого пустяка. Из-за Динки у Кати часто возникают споры с сестрой.

«Боюсь, Катя, что ты придираешься к ней по мелочам»,— недовольно замечает Марина.

«Ну конечно! — сердится Катя.— Ты уезжаешь на службу и не видишь, что вытворяет эта девчонка! Тебе все кажется мелочью, а попробуй-ка посиди тут целый день со всеми тремя — тогда узнаешь!»

«Да я и так все знаю, но по тому, что ты мне рассказываешь, я часто вижу, что, наряду с каким-нибудь серьезным проступком, ты придираешься к мелочам... Ну, зачем это, Катя? Не дергай ее по пустякам, лучше строго спрашивай за какой-нибудь серьезный проступок».

«Ах, оставь, пожалуйста! Это очень легко говорить. Как это — строго спрашивать? Что я могу с ней сделать? Ведь она даже не выслушивает до конца, когда я говорю с ней. Нет уж, спрашивай сама! Мне надоели эти вечные пререкания! Хорошо еще, что она целый день бегает где-то...»

«Где же она бегает?»

«По каким-нибудь дачам, по просекам... Почем я знаю, где она бегает! Не могу же я бросить все и бежать за ней! Ты просто бог знает чего требуешь от меня, Марина!»

Марина с тревогой смотрит на сестру, брови ее хмуро сдвигаются, у губ появляется глубокая морщинка.

«Конечно, я понимаю, что тебе легче, когда она уходит из дома. Но мало ли что может случиться? Ведь были же случаи, когда она приходила с разбитым носом...» — глубоко вздыхая, говорит она.

«Подумаешь — с разбитым носом! Как будто она не может и дома разбить свой нос!»

«Конечно, может... Она сказала тогда, что зацепилась за пенек и упала...— задумчиво говорит мать,— а может, она и подралась с кем-нибудь?»

«Не беспокойся, пожалуйста! Она себя в обиду не даст, это не Мышка. И правды от нее не узнаешь, потому что она врет на каждом шагу. Тебе скажет одно, мне — другое, а Лине — третье».

«Но что же вынуждает ее врать?»

«Ах, скажите пожалуйста, «вынуждает»! Ты просто всеми силами стараешься ее выгородить. А кто ее вынуждает сочинять целые истории, выдавая их за правду?»

«Ну, это не вранье, а фантазия... Дети часто любят что-нибудь сочинять...»

Катя безнадежно машет рукой. Она всегда торопится закончить спор, когда видит, что щеки сестры начинают розоветь от волнения. «К чему еще заводить эти споры? — думает с досадой Катя.— Надо самой найти хоть какое-нибудь наказание для девчонки!»

Сегодня она решила оставить Динку без прогулки и, глядя в упрямые глаза племянницы, решительно повторила:

— Ты никуда не пойдешь, потому что не умеешь себя вести! И гулять, как приличные дети, ты тоже не умеешь! Тебя видели на берегу, на пристани, на пятой просеке...

Динка молчит, но щеки ее краснеют и глаза делаются злыми.

— Везде, везде тебя видели! — с негодованием восклицает тетка.

— А почему меня нельзя видеть? — сердито спрашивает Динка.

— Не притворяйся, пожалуйста! Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю! Одним словом, я запрещаю тебе выходить за калитку, поняла?

Катя берет с полки книгу и уходит на террасу. Спор окончен. Динка остается одна. Теперь уже некому кричать, доказывать, не на кого смотреть исподлобья колючими, злыми глазами. И уйти тоже нельзя.

Если она уйдет, Катя скажет маме, что Динка надерзила ей, не послушалась и ушла. И еще всякие сегодняшние провинности расскажет Катя, а мама приедет усталая, она не успеет даже снять свою шляпку, как на нее обрушится целая куча неприятностей. Если же послушаться и никуда не уйти, то Катя хоть и расскажет про нее маме, но тогда только про утренние проделки, и вообще она будет говорить совсем другим голосом.

Динка стоит посреди комнаты и не знает, на что решиться.

Мышка осторожно просовывает в дверь свою голову. Прямые белые волосы ее рассыпаются по плечам, серые глазки смотрят озабоченно. У Мышки нежный, тоненький голосок и подвижный носик, которым она очень хорошо чует всякие неприятности. Она входит бочком и старается не скрипеть

дверью, потому что Катя запретила ей утешать сестренку.

«Пусть посидит одна и подумает о себе,— сказала Катя и, жалея Мышку, добавила: — Не беспокойся, она не плачет, а злится!»

Но Мышка все-таки пошла. Когда сестренка злится, она делается такая красная, всех отталкивает, всех ненавидит, а сама такая несчастная...

— Динка...— шепотом окликает Мышка.— Пойдем играть?

— Не хочу! — топает ногой Динка.— Я хочу гулять!

— Мы пойдем и гулять. И купаться пойдем с Катей, только после завтрака. А сейчас мы можем поиграть во что-нибудь, или я расскажу тебе сказку про принцессу Лабам,— заглядывая сестренке в глаза, предлагает Мышка.

— Не нужна мне никакая Лабам!.. Я все равно уйду! Пусть жалуется! Пусти меня!

Динка отталкивает сестру и бежит на террасу. Там, умерив шаг, она проходит мимо Кати, спускается по ступенькам в сад, идет по усыпанной песком дорожке и останавливается у калитки. Решимость снова покидает ее. Катя молчит, она больше не скажет ей ни слова, она оставит всякие объяснения до мамы...

Динка вспоминает мамино лицо, грустные вопросительные глаза... Когда мама волнуется, у нее всегда начинает биться на виске синяя жилка.

«Нет, не пойду. Буду весь день стоять тут»,— решает Динка и, прижавшись лбом к зеленым дощечкам, смотрит на дорогу.

На дороге лежит мягкая, теплая пыль, так приятно шлепать по ней босыми ногами. Еще приятно бегать по густой и низкой траве, она стелется по земле, как пушистое одеяло, а на просеках стоят черные пни; там плохо бегать, но зато можно увидеть зеленых ящериц. Они такие хорошенькие и быстрые. Только их нельзя ловить — они очень пугаются и бросают свои хвостики. Это, наверное, очень больно и неудобно: кто привык жить с хвостом, тому тяжело его бросать... И куда они убегают без хвостов? Может быть, к Волге? В воде лучше всего заживают всякие царапины. Окунешься в воду — и все пройдет!

Динка тоскливо смотрит на кусты, на деревья, на убегающую

вбок тропинку... Солнце поднялось уже высоко. Хорошо сейчас на Волге! Спустишься с обрыва на берег — там песок и камни. Когда солнце сильно печет, камни делаются такие горячие, что по ним можно только прыгать с одного на другой — и скорей к воде. А черные уже ничего не боятся, они просто валяются на горячем песке, им хочется хорошенько согреться на солнышке. И купаться они любят... Только очень медленно везутся по песку. Динка часто помогает им добраться до воды. Тяжелющие они, неудобные какие-то... Но зато добрые, совсем не кусаются.

«Уйти бы»,— думает Динка, но не уходит.

С террасы слышится голос Кати:

— Дина, иди завтракать!

На столе звенят чашки, тарелки. Но Динка не смотрит туда и не отвечает. Ей ничего не надо, ей только бы уйти...

На террасе слышен негромкий разговор. Завтрак кончается. Солнце начинает припекать сильнее, а Динка все стоит, не желая возвращаться и не решаясь уйти.

Она стоит так долго, что всем в доме делается не по себе.

В летней кухне возится Лина. Она шлепает на доску тесто и, налегая на него сильными руками, взглядывает в окно.

«Стоит... битый час стоит»,— сокрушенно вздыхая, думает она.

Круглое лицо ее с ямочками на щеках омрачается. Ночной приезд дворника, о котором она боязливо думает все утро, вылетает из ее головы. Сочувствие к Динке все сильней охватывает жалостливое сердце Лины.

«Ножки-то небось подгибаются... И головочку солнышко печет,— расстроенно думает она, все чаще взглядывая в окно.— Катя не мать, у ней душа не болит».

Но Лина не хочет поддаваться жалости. Хотя она и вынянчила Динку на своих руках, а тоже понимает, что девчонка растет сорвиголова.

«Утресь Алиночке досадила и с теткой горланила. Да еще у Мышки все сливки вылакала. Беда с ей! — Вспоминая о сливках, Лина не может удержаться от улыбки, и симпатии ее снова перекидываются на сторону Динки.— Тоже ведь дитё... Сливочек-то хочется попробовать... Много она понимает, кто больной, кто здоровый...»

Лина в сердцах налегает на тесто. Мучная пыль оседает на ее

пушистых бровях, сердце окончательно растравляется жалостью. И, взглянув еще раз в окно, она бежит отыскивать Катю. Катя сидит на ступеньке террасы с двумя старшими племянницами и громко, как-то чересчур громко и весело, читает им «Приключения Тома Сойера». Но девочки слушают невнимательно — их беспокоит младшая сестра.

— Катя, можно я позову Динку? — прерывая чтение, спрашивает Мышка.

— Не надо. Постоит, постоит и придет сама.— Катя хочет выдержать характер.

— Но Динка не придет сама,— огорченно вздыхает Мышка.

— Конечно, сама она не придет,— подтверждает и Алина.— Пусть Мышка позовет ее, Катя!

— Я пойду, Катя, ладно? — вскакивает Мышка.

— Ну хорошо. Пойди и скажи этой противной девчонке, что я читаю вам «Тома Сойера». Пусть идет слушать,— смягчается Катя.

Мышка бежит к калитке и, замедлив шаги, тихонько приближается к сестре:

— Диночка! Пойдем домой! Катя будет читать нам «Тома Соейра».

— Пусть она подавится своим «Томом Сойером»! — грубо отвечает Динка.

Мышка растерянно отступает, моргает короткими ресницами.

— Ой... Как тебе не стыдно так говорить! Если Катя подавится «Томом Сойером»...

— Уйди! — сердито прерывает ее Динка и снова утыкается лицом в калитку.— Не хочу я ни с кем говорить! Я скоро умру...

— Как?.. Почему ты умрешь? — заикаясь от волнения, спрашивает Мышка.

— Потому что у меня сердце лопнет от злости! Смотри, я уже сделалась больной.

Динка поворачивает к сестре свое лицо. Она действительно чувствует, что умирает. Горькая обида и жалость к себе отражается в ее глазах, нижняя губа тихо опускается, щеки вытягиваются. Мышка бросается к ней, обхватывает ее обеими руками, тоненький голосок ее дрожит от огорчения:

— А мама?.. Что скажет мама?..

Динка глубоко вздыхает, губы ее шевелятся, слова застревают в горле:

— Мама скажет: а где же моя третья дочка? У меня было три, а тут только две...

Глаза Мышки наполняются слезами.

— Тут только две дочки, а у меня было три... скажет мама,— тоскливым шепотом повторяет Динка.

— Не говори так...— жалобно просит ее Мышка.— Зачем ты все это придумываешь?

— Мышка! — раздается с террасы голос Кати.

Динка мгновенно приходит в себя и хватает сестру за руку:

— Вытри глаза, а то Катя скажет, что я тебя обидела! Ты всегда подводишь меня!

— Как я тебя подвожу? Ты сама...— шмыгая носом, защищается Мышка.

— Нет, не сама! Зачем ты мне утром сливки дала попробовать? «Попробуй, попробуй, два глоточка»! — сварливо передразнивает сестру Динка.

— Так я же не знала, что ты всю чашку выпьешь,— морщась, оправдывается Мышка.

— «Не знала»! Ты никогда ничего не знаешь, а у меня во рту такой вкус, что если мне попадет что-нибудь, так я уже все целиком проглатываю!

— Мышка! — настойчиво зовет Катя.

— Иду! — откликается Мышка и тянет сестру за руку.— Пойдем... ну, пойдем же!

— Нет! — вырывает свою руку Динка.

Мышка возвращается одна.

— Динка не идет, Катя.

— Ну и пусть стоит до приезда мамы! — с досадой отвечает тетка.

Чтение «Тома Сойера» прекращается. Алина берет книгу и уходит к себе в комнату.

— Я сейчас дочитаю три страницы и сама позову Динку,— говорит она, уходя.

— Катя! — запыхавшись, говорит Лина и, вытирая фартуком перепачканное мукой лицо, присаживается на нижнюю ступеньку.— Это что же ты, Катерина, делаешь, а? Поставила девчонку у калитки, и стоит она у тебя, как пугало огородное,

битых два часа! Никакие нервы не выдержат, право слово! — сердито выговаривает она Кате.

— Да не ставила я ее! Она из упрямства стоит, да еще хочет показать всем, какая она несчастная!

— Да уж чего тут показывать! Постой-ка два часа безо всяких делов да на своих ногах! Ой, да как же это ты надумала, Катя!

— Да ничего я не надумала! Я только запретила ей идти гулять! — окончательно сердится Катя.

— «Запретила»... Гляди-ко! Так она тебя и послушает! Ишь стоит перемогается. Головочкой своей измысляет чтой-то. Ножкой об ножку постукивает...— приподымаясь на верхнюю ступеньку и глядя на сиротливую фигурку у калитки, говорит Лина.— Пойдет, беспременно пойдет! — с уверенностью добавляет она и, присаживаясь около Кати, шумно вздыхает: — Ох и что ж это за разнесчастный день нынче! Не успел петух пропеть, как все напасти на нас свалились... Тот стучит, а тот и вовсе, как покойник, в калитку лезет...

— Что такое? — удивленно спрашивает Катя и поспешно отсылает Мышку: — Пойди займись чем-нибудь.

Мышка неохотно идет в комнату.

— Что ты говоришь, Лина? Я не понимаю...

— А что тут понимать?.. Не первый раз...— Лина придвигается ближе и, понизив голос, рассказывает: — Никич-то наш... опять костюм пропил! Еще поперед Герасима заявился... Уж я против ночи не стала говорить вам...

— Откуда же он заявился?

— Известно откуда. Може, и впрямь в городе был, только похоже, что где-нибудь тут на пристани. И весь, весь, до ниточки расторговался... Да не поздно пришел, чуть-чуть так темнело еще. Вы на террасе чай пили, а Динка по саду бегала...

— Но Динка ничего не сказала,— удивленно прошептала Катя.

— Да разве Динка скажет? Она и ко мне-то ластилась, чтобы я молчала... Ну, я вчера-то смолчала, а нынче уж невмоготу...

— Действительно, несчастье какое-то! — расстроенно говорит Катя.

— Кругом несчастье... что на даче, что в городе, везде нам

клин! — горестно подтверждает Лина и еще ближе придвигается к Кате.— Ведь вот я все думаю... Кто же это к хозяину-то наведывался? Уж не сыщик ли какой? Так он у меня в глазах и стоит, так и стоит...

— Глупости! — нетерпеливо обрывает ее Катя.— Вот Марина приедет и скажет. Может, кто-нибудь к ней на службу заходил...

— Катя! Ушла! Ушла! — радостно кричит Мышка, выбегая из комнаты.— Я в окно смотрела! Ушла! Убежала Динка гулять!

— Ну, вот те и все! — подымаясь, говорит Лина.— Улетела птичка в далеки края!

Глава четвертая

МАКАКА

Важно и неторопливо течет Волга. Большая река такая тихая и ласковая сегодня, что кажется, можно лечь на ее теплую воду, положить голову на волну и закрыть глаза. Волга будет плыть да плыть вместе с тобой мимо обрывистых берегов, мимо пристаней, мимо кудрявых лесистых гор, далеко-далеко... Повернет направо, повернет налево. Куда плывешь, Волга? А куда тебе, девочка, нужно? Неведомо куда нужно Динке...

Она сидит на обрыве, свесив вниз ноги. Под обрывом каменистый берег, у берега плещется желтенькая волжская водичка... А подальше вода глубокая, темная, но это не везде, есть такие места посредине реки, где из-под воды вдруг выходит остров-коса... Ударит над Волгой гроза, блеснет молния и усеет косу чертовыми пальцами. Надо эти пальцы собрать и зарыть на Лысой горе. А самой притаиться и ждать. Как наступит полночь, прилетит черт за своими пальцами. Вот тогда проси у него один глаз. Разозлится черт, не будет давать свой глаз, а ты пальцы ему не давай... Загудит-забушует Волга, брызнет с неба молния, пора черту свои пальцы на косу бросать, а пальцев-то у него нет! И отдаст он тебе свой огненный глаз, вденешь ты его в колечко и носи всегда при себе. Как захочет кто тебя обидеть, поверни колечко, мигни на обидчика чертовым глазом, и пропал тот человек, как не был...

Плывут по Волге баржи, перегоняют их пароходы, около

пристани стоит пароход «Надежда». Это дальний пароход, он всегда долго стоит, нагружается. По сходням бегают грузчики с тяжелыми ящиками. Иногда ящик больше человека, а лежит у человека на спине! Тяжело это... А вон идет пароход «Гоголь». Динка вскакивает и машет ему, как старому знакомому. Это мамин пароход. Он каждый день возит маму с Барбашиной Поляны в Самару. Мама ездит туда на службу. Динка тоже ездила на этом «Гоголе» с мамой. Она все бегала по палубе, а потом спустилась в трюм. И в машинное отделение тоже зашла. Там железная решетка, а внизу машина и треск такой, что Динка даже не слышала, как ее выгоняли оттуда, пока один матрос не взял ее за руку и не вывел к лесенке, а там она уже сама полезла наверх и нашла маму. На этом пароходе они с мамой пили чай из волжской воды. Если набросать в Волгу много сахару, такой же чай получится.

Динка сидит на обрыве и мечтает. Вот бежит маленький пароходик... Такой маленький, а тащит на буксире две огромные баржи, груженные тесом. Не хочется пароходику тащить эти баржи. В самом деле, кому это интересно? Бежит, бежит бедный пароходик и все рассказывает, как ему тяжело, как надоело. И сердится он: «Чук-чук-тра-та-та! Чук-чук-чук-тра-та-та... Оторвусь-убегу! Оторвусь-убегу!» А вон еще одна баржа стоит около берега, прямо против Динки. Она давно уже стоит, никуда не плывет. Посредине палубы у нее маленький домик, а около домика ходит какой-то мальчик. Вот он сел на канат и ест горбушку хлеба. Динке тоже хочется есть, она отрывается от своих мыслей и вспоминает о доме. Ничего даже не поела она там сегодня. Только успела выпить сливки у Мышки, как начались всякие неприятности: сначала из-за сливок, потом из-за Алины, а потом из-за вчерашних и позавчерашних проделок. Так что поесть уже ничего не пришлось.

А солнце так печет в спину между лопатками, что хочется нырнуть на самое дно Волги и сидеть там, не вылезая. Но перед Динкой еще целый день! До приезда мамы можно двадцать раз искупаться. Динка не боится воды — на ней волшебный лифчик. С виду это самый обыкновенный лифчик, который застегивается сзади на пуговицы, но зато изнутри лифчик подшит пробковым поясом. Это сделала мама, когда учила Динку плавать. Она сама надела на Динку пробковый лифчик и при этом сказала:

«Не бойся ничего, помни, что на тебе волшебный лифчик и что в нем ты никогда не утонешь».

Динка перестала бояться и быстро научилась плавать. Она плавала и на боку, и на спине, и собакой, и лягушкой, и саженками, а иногда, чтобы проверить волшебную силу лифчика, она заплывала подальше от берега и пробовала там нырять, но лифчик всегда выносил ее на поверхность. Динку тянет купаться, но не всем еще насладилась она на обрыве, можно еще влезть на широкий пень и сказать оттуда какое-нибудь стихотворение... Слова летят далеко, далеко над Волгой.

Динка влезает на пень и, выставив вперед босую ногу, декламирует свое любимое стихотворение:

Был суров король дон Педро,
Трепетал его народ,
А придворные дрожали,—
Только усом поведет...

И вот этот суровый король дон Педро скачет на охоту вместе со своими вельможами, и ему говорят, что

Чудо-мальчик где-то здесь
Живет в горах,
Купидон в широкой шляпе,
С козьим мехом на плечах...

Суровый король велит позвать к нему необыкновенного мальчика и задает ему три вопроса:

Сколько капель в синем море,
Сосчитай-ка да скажи!

Динка изображает попеременно то сурового короля дон Педро, то чудесного пастушка. Король у нее представлен с сильно выпяченной нижней губой и вытаращенными глазами; для чудо-мальчика Динка изо всех сил укорачивает нижнюю губу, голову откидывает назад и чуть-чуть щурит глаза.

«Я сочту,— ответил мальчик,—
Счет не долог, не тяжел.
Но пока считать я буду,
Прикажи, чтоб дождь не шел!»

На берегу раздаются мальчишеские голоса:

— Не пускай, не пускай его, Трошка! Он хочет улизнуть в воду!

Динка мгновенно забывает короля дон Педро и подскакивает к краю обрыва. На берегу двое мальчишек преследуют ужа. Уж ползет к воде, а они забрасывают его песком и мелкими камушками.

— Эй, вы! Не бейте его! — свешиваясь с обрыва, кричит Динка.— Не бейте, чертовские дураки!

Тонкий длинноногий мальчишка поднимает голову и подпрыгивает в восторге:

— Макака! Трошка, смотри! Макака! — указывая пальцем на Динку, кричит он своему товарищу.

— Макака! Макака! — подхватывает неуклюжий Трошка и тоже гогочет от удовольствия.

— Вы сами макаки! — бесится Динка.

Этих мальчишек она хорошо знает. Тонконогий Минька — сын кассира на пристани. У Миньки плоское лицо с приплюснутым носом и заячья губа. Другой, неуклюжий, приземистый мальчик,— сын булочницы.

У Трошки сытое румяное лицо, ленивая походка и крепкие кулаки. Это Динкины враги. Они всегда дразнят ее, а один раз так избили, что она пришла домой с распухшим носом и не знала, что сказать. Динка долго помнит обиды и часто перед сном мечтает проснуться утром с отросшими за ночь богатырскими кулаками и побить сразу обоих мальчишек. Но это только мечта, а на самом деле Динка боится своих обидчиков и избегает встречи с ними.

— Вот мы тебе покажем дураков! Только сунься на берег! — угрожают мальчишки.

— Дураки, дураки, у вас руки коротки! — надрывается Динка, чувствуя себя в безопасности.

— А мы сейчас этого ужа до смерти забьем!.. Трошка, бери камень побольше! — издевается Минька.

— Не смейте! — кричит Динка.

Трошка, ухмыляясь, поднимает увесистый камень:

— По чем его бить, Минька: по голове али по хвосту?

У Динки темнеет в глазах.

— Не бей, Трошка, не бей! — отчаянно кричит она и,

хватаясь за корни деревьев, торчащие из откоса, стремительно спускается вниз.

Ноги привычно нащупывают опору, руки ловко и быстро цепляются за сухие мохнатые корни, на берег сыплются комки глины и сухой песок. Динка не боится спускаться с крутого откоса, она уже давно освоила этот кратчайший путь, а сейчас страх за ужа и ярость удесятеряют ее ловкость.

— Эй, Макака, Макака! — в восторге прыгают мальчишки.— Африканская шимпанзе!

В конце спуска больше нет корней. Динка камушком падает на песок и секунду лежит неподвижно.

— Трошка, гляди! Убилась! — трусливо кричит Минька, отбегая в сторону.

Трошка лениво направляется к Динке:

— Эй, ты! Чего лежишь?

Динка вскакивает на ноги и, пользуясь их замешательством, мчится к ужу. Черное длинное тело ужа, как тяжелый канат, тащится за ней по песку. Уж вертит головой и выскальзывает из рук.

— Иди в воду! Иди в воду! — отчаянно подгоняет его Динка.

— Не трожь! — грозно орет Трошка, подбегая к берегу.

С другой стороны мчится к воде тонконогий Минька.

— Дай ей по башке! Дай ей! — истошно орет он, размахивая руками.— Отыми ужа! Отыми, Трошка!

Но Динка уже стоит по щиколотку в воде.

— Уплыл!..— злорадно кричит она, отступая от берега.

Минька хватает горсть мокрого песку и швыряет ей в голову. Трошка, шлепая по воде, пытается достать ее кулаком, но Динка увертывается и отбегает еще дальше. Вдогонку ей летят мелкие камни и песок, они рассыпаются вокруг, как большой дождь... Но дно уже ускользает из-под ног Динки, и, оглянувшись на берег, девочка бросается вплавь. Мокрое платье, как пузырь, лепится к ней и стесняет ее движения, но волшебный лифчик легко держит ее на поверхности. Буйная веселость охватывает Динку; вытащив из воды руку, она показывает мальчишкам кулак. Мальчик с баржи тоже грозится кулаком и что-то кричит не то ей, не то Миньке и Трошке. Но Динке не страшно. «Пусть

хоть все трое догоняют — я все равно уплыву!» — веселится она.

— Эй, ты, повертай назад! Мы тебя не тронем! — стоя по колени в воде, кричит ей Трошка.

— Плы-ви назад! Не тронем! — машет рукой Минька.

— Плыви назад! — как эхо, доносится с баржи.

Берег уходит все дальше и дальше... «Может, и правда вернуться?» — думает Динка. Но гребет и гребет, не чувствуя страха.

— Утопнешь, дура! — изо всех сил орет Трошка.

Но Динка снова показывает ему кулак.

С пристани доносится гудок парохода... Куда он идет? Если мимо, то от него побегут большие волны. Динка пугается и поворачивает назад. На берегу останавливаются люди. Минька и Трошка что-то объясняют им, показывая на девочку.

— Пароход! Пароход — кричит мальчик с баржи.

Посредине реки с длинным протяжным гудком проплывает пароход. Динка торопится. «Сейчас будут волны... Сейчас будут волны...»— зажмуриваясь, думает она. С берега ей машут руками и что-то кричат. Динка гребет изо всех сил. Первая большая волна поднимает ее вверх и, опрокинув навзничь, бросает вниз. Динка заглатывает воду, теряет из виду берег, но в памяти ее звучат слова мамы: «Не бойся ничего, на тебе волшебный лифчик...» Динка поворачивается, вскидывает голову и снова видит берег... Теперь он кажется ближе, она выплевывает изо рта воду, жадно хватает воздух.

С баржи, подняв вверх руки и сложив вместе обе ладони, бросается в воду мальчик. Наклонив вниз голову, он плывет крупными саженками наперерез Динке... Динка видит его уже почти рядом...

«Топить будет»,— с ужасом думает она и шарахается в сторону.

— Не бойся, не бойся! — кричит ей незнакомый, чужой голос.

Новая волна тащит Динку вниз и накрывает с головой. Чья-то рука больно вцепляется в волосы и сильным рывком поднимает захлебнувшуюся девочку над водой... На один короткий миг Динка видит бледное мокрое лицо мальчика с баржи. Она хочет ударить его, вырваться, закричать, но вода залепила ей рот

и нос, ей нечем дышать... Лицо мальчика то исчезает, то снова появляется рядом. Синие губы его шевелятся:

— Не бойся... Не бойся...

Громадная пенистая волна накрывает их обоих.

— Лодку! Эй, лодку! — кричат на берегу.

Из-за баржи выплывает рыбацкий челнок. Седой старик молча налегает на весла. Белобрысый паренек нетерпеливо вертится на корме...

— Не видать что-то, Митрич. Греби скореича... Эй, эй! — поравнявшись с баржей, кричит он.— Эй, хозяин!

Из домика на барже выходит бородатый человек в плисовой поддевке и высоких сапогах.

— Ленька твой тонет, слышь, хозяин! — приподнявшись в лодке и указывая на реку, кричит парнишка.

Хозяин подходит к самому краю баржи и, приложив к уху ладонь, спрашивает:

— Чево гукаешь?

— Ленька тонет! — уже издалека кричит ему парень, сбрасывая рубашку.

Хозяин глядит по направлению лодки и смачно плюет за борт.

— Ах ты, гнида паршивая...— бормочет он, торопясь на берег.

А в темной воде, то появляясь, то исчезая, барахтаются двое детей: мальчик — постарше, девочка — помладше.

Глава пятая

УТОПЛЕННИЦА

Изо рта Динки льется вода, из груди вырывается громкий плач.

— Ну, оживела теперь! — весело говорит белобрысый паренек.

— Чья такая? — сочувственно спрашивает простоволосая женщина.

— Да, видать, с дачи. Мало ли их тут понаехало,— отвечает ей товарка.

— Да... река, она шутить не любит,— глядя на девочку, глубокомысленно бросает седой рыбак.

— И ведь, скажи, куда заплыла-то! Чего ее занесло? — удивляются собравшиеся на берегу.

— А я тута недалечко белье полоскала. Слышу, ребята шумят: девчонка топнет! Батюшки, думаю, не моя ли? И как была, подхватилась, бегу, ног не чую! Ведь вот тоже цельный день в воде торчит, хоть говори, хоть не говори... Ну, думаю, убью, на месте убью, коль моя! — тараторит какая-то женщина.— Ведь мне за ней приглядывать некогда... Я внаймах живу! — Она глубоко вздыхает и, взглянув на Динку, машет рукой: — Слава богу, не моя!

Девочка сидит на песке, в мокром платье, с волос ее стекает вода, в ушах стоит шум. Она разбита, уничтожена, побеждена самым позорным образом, ее тащили за волосы, топили, как щенка. Она боится поднять голову, открыть глаза. Голоса взрослых долетают до нее откуда-то издалека, она не слушает и не понимает, о чем они говорят.

— Вот ты баешь: не моя — и слава богу! А что твоя, что чужая — все едино живая душа. Ведь это когда б не мальчонка, дак поминай как звали...— рассуждает рыбак.

— Он ее, дяденька, еще с баржи приметил да как сиганет в воду! — захлебываясь, объясняет подросток.

— Верно, верно, когда б не он, пропала бы...— подтверждают вокруг.

— Ишь сочувственный какой. Сам-то небось напужался до смерти... Инда трясет его, бедняжечку,— раздаются жалостливые голоса женщин.

— Обыкновенное дело, тоже воды хлебнул немало... А между прочим, мы с Митричем тащим их, а он вцепился ей в гриву и не пускает... «Пусти, кричу, Лень!» А он держит. То ли рука у него онемела, то ли боялся, что упустим ее,— усмехаясь, рассказывает белобрысый парнишка.

Ленька, стоя поодаль, ежится от озноба. Длинные холщовые штаны липнут к его ногам, лицо покрыто мелкой рябью, глаза смотрят испуганно... К кучке людей торопливо идет хозяин баржи...

— И ведь вот как чудно на белом свете,— степенно рассуждает Митрич. У него мягкие курчавые волосы с сильной проседью и такая же курчавая с проседью борода, а глаза светлые, лучистые. Такие глаза со светинкой называются

«божий дар», и все, что бы ни говорил Митрич, они освещают своим внутренним чувством.— Чудно...— повторяет он, покачивая головой.— У бедного человека полна изба, иной и рад бы от лишнего рта ослобониться, дак вот ведь живут и в огне не горят и в воде не тонут, а у господ и няньки и мамки, а дитё углядеть не могут.

Динке холодно, она съеживается в комочек и еще ниже опускает голову. Какая-то женщина наклоняется к ней, гладит жесткой ладонью мокрые волосы и участливо спрашивает:

— Сымешь платьице-то? Пущай просохнет на камушках.

Но прикосновение чужой руки к волосам причиняет Динке сильную боль, она мотает головой и открывает глаза.

— Вставай, вставай, барышня! Накупалася, голубушка, вдосталь, другой раз не полезешь эдак-то,— ворчливо говорит прачка, отжимая подол Динкиного платья.—Ишь какая дачница купальная!

В кучке собравшихся слышится смех. Трошка и Минька, скрываясь за спинами людей, отходят подальше. Под тяжелыми сапогами хозяина баржи скрипит песок.

— Чего это тут собрались? — хмуро спрашивает он, бесцеремонно раздвигая народ и разглядывая Динку.

— Да вот утопленницу вытащили из воды. Ленька твой спасал...— поглаживая бороду, говорит Митрич.

— А и где он, Ленька-то? — оглядываясь, спрашивает хозяин баржи.

— Я тута,— тихо отзывается Ленька.

— Я те дам «тута»! — грубо передразнивает его хозяин.— Ты на барже должон быть. Пошто ушел без моего спросу?

Ленька со страхом смотрит в бородатое лицо.

— Так ведь он человека спасал, чего кричишь, Гордей Лукич? — вступается белобрысый паренек.

— Ты не пужай мальчонку зря, чего его пужать? Он не по своей воле убег! — говорит Митрич.

Хозяин молча отстраняет их, делая шаг к Леньке.

— Я ему покажу свою волю! Зачем убег, спрашиваю? — снова обращается он к мальчику.

Громкий и сердитый голос выводит Динку из оцепенения. Она широко раскрывает глаза и, подавшись вперед, с ненавистью смотрит в бледное лицо мальчика с баржи, на мокрые

пряди волос, прилипшие ко лбу, на синие губы. Ведь это же он! Это он ее топил! Она бы выплыла, волшебный лифчик сам вынес бы ее на берег, и она не захлебнулась бы водой...

— Зачем убег, спрашиваю? — гремит голос хозяина.

Ленька, переминаясь с ноги на ногу, слабо взмахивает рукой, указывая на Динку:

— Вон... она тонула.

— Врет! Врет! — с неожиданной яростью вскакивает Динка.— Это он топил меня! За волосы! Топил! Топил! — Голос ее прерывается громким плачем.— Я маме скажу! Я все маме скажу!

Кучка людей с изумлением расступается.

— Ого! — слышится в толпе.— Вот те фунт!

Хозяин медленно подходит к Леньке и с размаху бьет его по щеке.

— Я не топил! — вскидывая вверх руки, отчаянно кричит Ленька.

Хозяин снова подымает тяжелую ладонь... Женщины, громко охнув, сбиваются в кучку.

— Стой, стой! — хватает его за рукав белобрысый паренек.— За что бьешь? Ты людей спроси...

— Чего кулаками сучишь, ирод поганый! — придя в себя, наступает на Гордея Лукича прачка.

— Кому веру даешь? Мы все на берегу были! — кричат вокруг женщины.

— Измываешься над сиротой, бога не боишься! — причитают они, заслоняя собой Леньку.

— Мы все видели! Дяденька, не трожь его! Это она врет, ей-богу, врет! — волнуются подростки.

Митрич сурово качает головой:

— Эх ты, Гордей... Кулачник! За святое дело разбой учиняешь.

— А мне плевать на это дело! И совет ваш здесь не нужон. Я из-за него неприятности себе иметь не желаю! — Он указывает толстым пальцем на онемевшую от испуга Динку.— Слышь, матери жалиться пойдет! А кто отвечать будет? Хозяин! Да я с него три шкуры за то спущу!.. Пошел домой, гад!

Он хватает Леньку за плечо, тяжелым пинком бросает его вперед и, не глядя на людей, молча шагает за мальчиком, по

пути настигая его ударами кулака. Ленька, плача и спотыкаясь, бредет по берегу. Вдогонку ему несутся горестные причитания женщин:

— Ох, божечка, божечка! И вступиться-то некому!

— А как ты вступишься, когда его полное право над мальчонкой,— хмуро говорит Митрич.

— Гляди, гляди! Опять бьет! Да что ж это такое, люди добрые! — волнуется прачка.

— Эх ты, паскуда! — неожиданно бросает Динке белобрысый парень и, сплюнув на песок, утирает рот рукавом.— Знал бы, не вытаскивал тебя, подлюку!

Общий гнев обрушивается на девочку.

— Маленькая ты, а бессовестная! Совести в тебе нет! — сурово корит ее рыбак Митрич.

— У-у, змееныш! Задушить тебя мало, не то что спасать! — злобно шипит прачка.— Чего мальчонку под кулак подвела? Ну? Что рот раззявила? Беги, жалься мамашеньке своей!

— Что ж, господское дитё. Яблоко от яблони недалеко падает. Ихняя благодарность известна...— вздыхает другая женщина.

Откуда-то из-за спин трусливо выглядывают Трошка и Минька.

— Тетенька, тетенька! Это Макака! — дергая прачку за рукав, гнусавит Минька.— Она знаешь какая язва! Чуть что — и в драку лезет!

— И каменьями кидается,— добавляет Трошка.

Но Динке сейчас не до них. Как затравленный зверек, она испуганно водит глазами по лицам взрослых. Среди этих недобрых лиц — испещренное морщинами лицо старого рыбака. Мягкий укоряющий взгляд его внушает доверие.

Динка бросается к нему.

— Дядечка! Дядечка! — бормочет она, прижимаясь к потной рубахе Митрича и захлебываясь слезами.— Дядечка... тот мальчик топил меня или спасал?

Женщины невольно затихают. Митрич наклоняется к девочке и удивленно смотрит в ее умоляющие глаза.

— Топил или спасал? — отчаянно цепляясь за него, повторяет свой вопрос Динка.

Митрич кладет руку на ее голову.

— Спасал, дурочка...— мягко говорит он.

— А... за волосы... зачем? — всхлипывает Динка.

Лицо Митрича освещается грустной улыбкой.

— Ну, как — зачем? Ведь утопший не сознает себя, цепляется. Завсегда их за волосы хватают,— объяснил он.

Динка разнимает руки и, не глядя ни на кого, идет по берегу. Ноги ее тонут в песке, спотыкаются о камни.

Громкий плач доносится до оставшихся на берегу.

— Жалеет,— с чувством говорит Митрич и, словно извиняя девочку в глазах всех присутствующих, поясняет.— Глупая еще... Ишь спрашивает, зачем хватал за волосья...

Глава шестая

ДОМА

Обычно Динка является домой незадолго до обеда и обязательно норовит проскользнуть через лазейку в заборе. Но сегодня она возвращается очень рано и идет прямо по дорожке. Первой ее видит Лина и бежит сказать Кате:

— Идет наша беглянка! Недолго погуляла нынче!

— Может, совесть заговорила? — предполагает тетка.

Но, когда девочка подходит ближе, обе они недоуменно переглядываются.

На Динке мятое непросохшее платье, волосы ее стоят дыбом, а на лице и в медленной походке выражение равнодушия и покорности.

— Батюшки! — охает Лина.— Что это она с платьем делала? Стирала его, что ли? — И шепотом добавляет: — Умаялась...

Но выбежавшая из комнаты Мышка чует недоброе.

— Катечка! Смотри, какая Динка... Не ругай ее! — горячо просит она тетку.— Не говори ей ничего сейчас.

Но Катя и не собирается ничего говорить; она тоже обеспокоена странным видом девочки.

«Заболела?» — с тревогой думает она и идет искать градусник.

«Не емши»,— догадывается Лина и идет греть ей завтрак.

Мышка сбегает с крыльца.

— Иди, иди,— ласково говорит она сестренке,— тебя никто ругать не будет. Ты ведь ненадолго уходила. Что ж тут такого?

И оттого, что Динка молчит, тревога ее разрастается. Она заглядывает сестре в глаза, обнимает ее за шею. Шея у Динки холодная, мокрая, платье тоже мокрое.

— Ты была на берегу? Ты упала в воду? Но ведь платье просохнет, что ж тут такого? — испуганно бормочет Мышка, и, чувствуя потребность как-то успокоить сестру, она напоминает ей, что завтра воскресенье, что мама весь день будет дома и что к ним придут «всамделишные» гости.— Мама привезет что-нибудь вкусное, мы будем их угощать!

Динка шевелит губами и, отстраняя сестру, капризно тянет:

— Я есть хочу...

— Есть? — радуется Мышка и стремглав мчится в кухню.— Лина, Лина! Она хочет есть!

Катя стоит на террасе, держа в руках сухое платье и градусник.

«Что-то случилось,— испуганно думает она, прислушиваясь к разговору Мышки с сестрой.— Почему на ней мокрое платье? Не купалась же она в платье? Ах, боже мой! И почему она молчит?»

— Я хочу есть,— вдруг говорит сестре Динка, и тревога Кати моментально рассеивается.

«Ах, подлая девчонка! Вот как напугала... Конечно, она хочет есть, только и всего. А платье мокрое потому, что лазила где попало, не разбирая...»

Катя решительно прячет в карман градусник и бросает платье на спинку стула. Лицо ее принимает холодное, непроницаемое выражение.

Динка поднимается на террасу, останавливается перед теткой и, подняв голову, молча смотрит на нее. Она ждет, что Катя встретит ее сердитым, язвительным замечанием, выговором, угрозой пожаловаться маме. Но ей все равно. Пусть жалуется, пусть ругает. Когда с человеком случается самое худшее, он уже не обращает внимания на повседневные неприятности.

Но Катя молчит, она удивлена поведением девочки, и в ее глазах снова появляется тревога.

— У тебя что-нибудь болит, Диночка? — спрашивает она,

нащупывая в кармане градусник и трогая губами Динкин лоб. В голосе Кати, против ее воли, слышится беспокойство и сочувствие.

Динка подходит ближе и нерешительно прижимается щекой к ее плечу:

— Дай мне раньше всего поесть, Катя.

«Раньше чего? — с горечью думает тетка, тронутая лаской девочки.— Наверное, раньше выговора. Я для нее — вечный судья, какая-то старая грымза-гувернантка... И что думает Марина? Как будто мне приятно быть в этой роли и постоянно одергивать девчонку!»

— Конечно, поешь хорошенько,— мягко говорит она.— Только переодень платье. Оно же совсем мокрое. Ты ходила на берег? — спрашивает она, помогая Динке переодеться, но девочка молчит, и, чувствуя ее недоверие, Катя тихо добавляет: — Я не буду ругать тебя. Пусть мама сама поговорит с тобой сегодня.

— Несут! Несут! — кричит Мышка и, запыхавшись, вбегает на террасу.— Тебе несут еду!

Динка оживает, двигает стулом, усаживается за стол и нетерпеливо похлопывает ладонью по клеенке. На щеках ее выступает румянец, глаза блестят. Катя опять чувствует себя обманутой, сбитой с толку. «Подумать только, какая представлённая девочка!.. Напустила на себя такой несчастный вид... Может, правда голод на нее так действует?»

Лина ставит на стол тарелки и с удовольствием смотрит, как девочка ест кашу, запивая ее холодным молоком, потом принимается за вчерашнюю котлетку, смачно закусывая горбушкой хлеба.

Лина очень любит, когда хорошо и вкусно едят то, что она сготовила, и, налегая на стол всем своим грузным корпусом, она тихонько спрашивает размягченным, умильным голосом:

— Еще чего дать али объешься?

Динка мотает головой и, запихивая в рот кусок хлеба, дотрагивается пальцем до недоеденной котлеты.

— Вот это съем, тогда скажу,— заговорщически шепчет она.

— Ну, доешь, доешь,— соглашается Лина и еще крепче налегает на стол. Золотисто-карие глаза ее светятся любопыт-

ством.— Ну, а где же это ты платье все измочила, а? Рыбу, что ли, ловила аль рыба тебя?

Динка вскидывает глаза и шутя замахивается на Лину ложкой.

— Не дури, не дури!.. Накидаешь мне полну голову каши...— добродушно ворчит Лина.— Ты лучше скажи, где бегала утресь? Для ча стирку-то делала? Нос у тебя цел, а платье мокрехонько... Али топил тебя кто в ем? — снова любопытничает Лина.

Динка молча отодвигает тарелку и вылезает из-за стола.

— Допивай молоко-то! — предлагает Лина.

— Не надо. Я пойду к Мышке... Мышка! Мышка! — кричит она в сад.

Мышка уже сбегала к Алине сказать, что Динка пришла и ест кашу.

— Ну, пришла так пришла! Подумаешь, какая новость! Не бегай зря и не хлопай дверью. Видишь, я выжигаю по дереву.

Алина срисовывает с открыток цветы на тоненькие дощечки, а потом выжигает их своей машинкой. Она не любит, чтобы ей мешали. Мышка хочет сказать что-то еще про младшую сестренку, но, подумав, круто поворачивается и убегает.

— Мышка! Мышка! — зовет Динка.

— Я здесь! — кричит Мышка.

— Пойдем посидим на большой скамейке,— предлагает Динка. Глаза ее слипаются от усталости.

Девочки, взявшись за руки, идут в сад. В саду под кленом — широкая скамья. Здесь самый тенистый уголок, сюда приходят секретничать Алина со своей подругой Бебой и мама с Катей. Динка усаживается на скамейку и, приткнувшись боком к сестре, наваливается на нее всей тяжестью своего крепко сбитого тела. Мышка одной рукой обнимает сестру, а другой хватается за край скамейки, чтоб не упасть.

— Говори что-нибудь или пой все время,— сонным голосом просит Динка.

Мышка еще крепче хватается за край скамейки и, выставив вперед одну ногу, упирается ею в землю.

Спи, милая сестрица,
Так сладко, чуть дыша...—

запевает она тоненьким голоском, сильно фальшивя и перевирая слова.

Я охранять готова
Твой сон хоть до утра.

Динка закрывает глаза и еще сильнее наваливается на сестру.

Я не позволю мухе
К тебе на грудь присесть,—

с усилием выводит Мышка, цепляясь за скамейку.

* * *

Динка спит долго. Она не слышит, как приходит Катя и, освободив изнемогающую Мышку, усаживается около скамейки с книгой, не слышит, как снова прибегает Мышка и вместе с Катей укладывает ее голову на подушку, как приходит Лина и вызывает Катю на кухню, а Мышку посылает в комнату за ножницами и нитками. Динка просыпается от громкого голоса Алины:

— Пароход «Гоголь» вышел из Самары!..

«Мама едет...» Динка вскакивает и садится на скамейке, сонно протирая глаза. Ей хочется бежать к калитке, но что-то мешает ей. Перед глазами встает длинный берег и лицо мальчика с баржи.

Девочка медленно плетется на террасу. Алина сидит за столом и поминутно смотрит на круглые папины часы. Мышка уже вертится у калитки и ждет гудка...

Глава седьмая

МАМА

У парохода, который привозит маму, совершенно особенный гудок: он такой звонкий и протяжный, что его слышно даже на Учительских дачах. Мышка уверяет, что этот пароход не гудит, а поет, выговаривая одно слово: «Ма-а-м... Ма-а-м...»

Мама уезжает и приезжает каждый день, и каждый день к ее

приезду Алина кладет на стол большие круглые часы и торжественно объявляет:

— Пароход «Гоголь» вышел из Самары!

Младшие дети сейчас же сбегаются на ее голос и нетерпеливо топчутся около стола. Но Алина не любит, чтоб они смотрели на часы, она смотрит сама и спустя некоторое время еще громче и еще торжественней сообщает:

— Пароход «Гоголь» подходит к пристани!

И все трое замирают в ожидании длинного радостного гудка: «Ма-а-м... Ма-а-м... Ма-а-м...»

— Пойдемте, пойдемте! — кричит Мышка.

Каждому хочется встретить маму первым, но Алина никому не позволяет быть первой.

— Будем стоять все трое у калитки,— говорит она.

Динка проскальзывает в дальний угол террасы и усаживается на перила. Сегодня в первый раз ей не хочется встречать маму.

«Я не мамина дочка»,— горько думает она, чувствуя, что мать никогда не простила бы ей сегодняшнего поступка. Динка вспоминает, как один раз, еще в городе, она столкнула с крыльца слюнявого Егорку. Егорка даже не ушибся, он только упал и испугался, но как тогда рассердилась на нее мама! «Ты злая девочка, я не хочу такой дочери»,— сказала она, и, сколько ни плакала и ни просила Динка, мама не хотела даже разговаривать с ней.

«Мама, мама!» — кричала Динка, но лицо у мамы было холодное, чужое... Динка, захлебываясь плачем, объясняла, что толкнула Егорку за длинные слюни, которые он распустил на крыльце, но мама ничего не хотела слушать, повторяя:

«Ты не моя дочка...» В конце концов Динка пришла в такое отчаяние, что за нее вступились Катя и Алина.

«Вы не понимаете,— сказала им тогда мама.— Ведь это уже не шалость, а злой поступок».

Это случилось давно, Динка тогда была еще маленькая, а теперь она выросла и сделала еще худший поступок.

«Эх ты, паскуда!» — сказал ей на берегу белобрысый паренек.

Динка вспомнила злые, недобрые лица, гневные слова и взгляды, обращенные к ней.

«Лучше б я утонула...» — тоскливо подумала она и снова вспомнила маму. Один раз мама читала им стихи:

Есть на свете много бедных и сирот...

У мамы был такой грустный голос, что Динка невольно вслушивалась в эти стихи и запомнила их наизусть.

У одних могила рано мать взяла,
У других нет в зиму теплого угла...

В этом месте Мышка заплакала, а Динка крепилась. Но под конец мама читала так, будто просила своих детей:

Если доведется встретить вам таких,
Вы, как братья, детки, пожалейте их...

И тогда Динка тоже заплакала... А теперь ей довелось встретить такого сироту. Ведь там, на берегу, она узнала, что мальчик с баржи, Ленька, тоже сирота, но она, Динка, не пожалела его, она пожаловалась на него злому хозяину...

— Пароход «Гоголь» подходит к пристани! — торжественно объявляет Алина и оглядывается на Динку.— Пойдем! Мышка уже у калитки!

«Ма-ам... Ма-ам... Ма-а-м...» — протяжно гудит пароход.

— Пойдем! — кричит Алина и поспешно сбегает с крыльца.

Терраса пустеет. Динка вытягивает шею и старается увидеть, как откроется калитка и как войдет в нее мама. Но ей ничего не видно, и она опять опускает голову. Катя тоже с нетерпением ждет сестру: ей хочется узнать, не приходил ли в редакцию вчерашний человек, но, открыв дверь на террасу, она видит Динку. «Как это Динка не побежала встречать? — удивляется Катя.— Боится все-таки матери... Ну, еще бы! Все утро безобразничала, не послушалась, убежала гулять... А теперь сидит и думает, что я сейчас же начну на нее жаловаться! Но я не начну. У меня теперь будет совсем другая тактика. Пусть сама все рассказывает матери... Она и так не любит меня. С какой стати я буду вечной жалобщицей в ее глазах!» — нервничает Катя. И, взглянув еще раз на девочку, мягко напоминает:

— Я ничего не скажу. Ты сама расскажешь маме про все плохое, что делала сегодня.

— Хорошо,— безучастно отвечает Динка и вдруг быстро, словно проснувшись, спрашивает: — А что я делала, Катя?

— Как — что?! — Тетка широко раскрывает глаза...

Но из сада уже доносится голос Мышки:

— Мама приехала!

— Мама приехала! — сияя, сообщает и Алина.

Они идут по дорожке втроем: мама — посредине, а по бокам — Мышка и Алина.

Динка медленно сползает с перил и тихонько повторяет за сестрами:

— Мама приехала...

Мама идет, улыбаясь, но лицо у нее усталое, под глазами — синие круги.

Встречаясь с вопросительным взглядом сестры, она слегка пожимает плечами:

— Никого не было...

— Черт знает что! — бурчит Катя и, заметив удивленный взгляд Алины, спохватывается: — У тебя ужасный вид, Марина! Где ты была сегодня?

— Как — где? На службе, конечно. Где же мне еще быть? Я даже немного раньше ушла. Ходила, покупала кое-что — ведь сегодня давали жалованье... Ой подождите, дети! Дайте мне сесть. Я так набегалась. Унеси эти свертки, Алина...

Алина уносит в комнату мамины покупки. Марина садится в плетеное кресло и, морщась, снимает с головы круглую шляпку. На шляпке голубые незабудки, такие же голубые, как ее глаза. Алина и Мышка вертятся около кресла, они берут у мамы из рук шляпку, сумочку, зонтик.

— Ну, к чему еще зонтик? Лишь бы что-то в руках таскать! — возмущается Катя.

— Да я же на целый день уезжаю. Мне жалко шляпу,— объясняет сестра.

Мышка влезает на маленькую скамеечку и, стоя за спиной матери, вынимает из ее волос шпильки.

— Ой, как хорошо! — говорит Марина и встряхивает головой. Две тяжелые светлые косы скользят по ее плечам и спускаются до пола.— Измучили меня эти косы! Сегодня так разболелась голова...— жалуется она сестре.

— Дети, отойдите от мамы! Дайте ей посидеть спокойно. Вы

же слышите, что у нее болит голова,— замечает Катя.— И нужны тебе эти косы, Мара! Я бы давно остригла их под корень! — с досадой говорит она сестре.

— Ну конечно! Тебе кажется, что мне уже ничего не нужно! — обижается Марина.

— Отрезать косы? Что ты, Катя! — пугается Мышка.

— Папа никогда не позволил бы,— строго замечает Алина.

Мышка заглядывает матери в лицо:

— У тебя очень болит голова, мамочка? Я сейчас переменю тебе туфли, ладно?

Но мать не отвечает ей. Глаза ее кого-то привычно ищут и останавливаются на дальнем углу террасы. Там, прижавшись спиной к перилам, стоит ее младшая дочка. Голова девочки опущена, глаза смотрят исподлобья.

Мать забывает усталость и головную боль.

— Что случилось? — тревожно спрашивает она сестру.

Вопрос этот возмущает Катю, ее возмущает также, что Динка стоит в углу, как наказанная.

— Когда ты перестанешь удивляться, Марина? Случилось то, что случается каждый день. И не думай, пожалуйста, что это я поставила ее в угол. Она сама стала к твоему приходу.

Но сестра не слушает ее и, нетерпеливо отстраняя старших детей, подзывает к себе младшую дочку.

— Иди сюда, Диночка, разве ты не хочешь поздороваться со мной? — ласково спрашивает она.

Динка подбегает к матери, судорожно обнимает ее за шею. Мать гладит жесткую копну кудрявых волос.

Катя укоризненно качает головой:

— Ах, Мара, Мара! Ты хоть бы узнала раньше, как она вела себя!

— Я и узнаю,— спокойно говорит мать.— Но раньше нам надо поздороваться!

— Конечно, надо поздороваться. Ведь Динка еще не видела маму,— беспокоится Мышка, сидя на полу с домашними туфлями матери.

— А ты не вмешивайся! — обрывает ее тетка.

Алина подходит к матери и, осуждающе глядя на нее большими серьезными глазами, строго говорит:

— Дина очень плохо вела себя, мама.

— Хорошо. Я сейчас поговорю с ней. Идите все отсюда.

— Почему же именно сейчас! Пообедай, по крайней мере, и отдохни хоть немного,— пожимает плечами Катя.

— Ты думаешь, что я могу спокойно обедать и отдыхать, не зная, в чем дело, и глядя вот на это...— говорит с упреком сестра, указывая глазами на прижавшуюся к ней Динку.— Пожалуйста, уведи детей.

Катя уводит старших девочек в комнату. Мышка идет нехотя и на пороге выскальзывает из рук тетки.

— Мамочка, Динка пришла рано сегодня! — успевает она крикнуть, прежде чем Катя закрывает за ней дверь.

Когда все голоса затихают, мать осторожно размыкает Динкины руки, обнимающие ее за шею.

— За что рассердилась на тебя Катя? — мягко, но серьезно спрашивает она.

Динка видит светлое мамино лицо. Это лицо, такое родное и близкое, заслоняет собой все чужие, враждебные лица, которые весь этот день стоят у нее перед глазами. Динка рада, что за ней есть многие мелкие провинности, о которых можно рассказать. Она спешит загородиться ими от того главного, что лежит у нее на сердце и о чем никогда не должна узнать мама.

— За что рассердилась на меня Катя? — задумчиво переспрашивает она.— За что первое, мама?

— Как — первое? — теряется мать.— Разве Катя много раз сердилась на тебя сегодня?

Динка выпячивает нижнюю губу и молча трет лоб.

— Катя сердилась много раз,— подтверждает она.

— За что же за первое? — отнимая ее руку ото лба, допытывается мать.

— Я скатывалась на больших счетах,— припоминает Динка.

— Как это?

— По доскам... Я положила на ступеньки две доски... вон там... а потом села на счеты и поехала! — почти весело рассказывает Динка.

— Ну, и что же? — не понимает мать.— Катя сердилась за то, что ты взяла счеты?

— Нет... Она сердилась за Алину. Потому что Алина нервная, а счеты гремели. Они ехали и гремели, а Катя сердилась,— поясняет Динка.

— И ты не могла бросить эту забаву ради сестры?

— Я все говорила: последний раз, последний раз. А потом Катя отняла у меня счеты и назвала меня убоищем...

— Как? — переспрашивает мать.

— Убоищем. Это такое имя.

— Не имя, а прозвище для упрямых детей,— слегка затрудняясь, объясняет мать.

— Ну да! — соглашается Динка.

Мама внимательно смотрит на нее:

— А второе что ты сделала?

— А второе... это сливки. Я выпила у Мышки сливки.— Динка глубоко вздыхает и облизывает языком губы.— Я хотела немножко... Мышка сама дала... только попробовать, а я пила, пила и все выпила.— Динка безнадежно разводит руками.— Мышка кричит, а я все пью да пью!

Легкая грусть обволакивает мамино лицо. Она хочет сказать, что Мышка слабенькая, а сливки стоят дорого, но вместо этого с губ срывается неожиданное обещание:

— Я куплю тебе сливок тоже.

— Не надо! — машет рукой Динка.— Я больше не буду их пить. Пусть они провалятся сквозь землю...

— Не говори глупостей! Я хочу знать, что ты еще делала сегодня? — нетерпеливо прерывает ее мать, торопясь выяснить все преступления дочки.

— А еще...— Динка стоит в затруднении, она не помнит, что было еще дома.

Но ее выручает Катя. Она потихоньку отворяет дверь и останавливается на пороге:

— Дина, ты не забыла сказать маме, что я запретила тебе выходить за калитку, а ты все-таки ушла?

— Мама, Катя запретила мне выходить за калитку, а я все-таки ушла,— механически повторяет за теткой Динка.

Лицо матери темнеет от огорчения и усталости.

— Смотри, до чего ты довела маму! Она еле дышит уже! — накидывается на девочку Катя.

— Подожди, Катя! Мы еще не договорили! — с досадой

останавливает ее сестра.— Иди. Мы сейчас кончим... Диночка! — обращается она к дочке.— Я хочу, чтобы ты поняла, почему нехорошо делать все то, что ты делала сегодня. Вот счеты... Ведь это вещь, сделанная чьими-то руками. Кто-то трудился, думал, как их лучше сделать, устал этот человек, но сделал...

— А кто этот человек, мама? — быстро спрашивает Динка

— Не все ли равно кто? Какой-нибудь рабочий... Важно, что он трудился, а ты, маленькая девчонка, схватила его труд и давай ломать по ступенькам! Хорошо это, Дина?

— Я еще не сломала, мама. Я только погнула там железки. Я выпрямлю... и отнесу дедушке Никичу.

— А потом возьмешь какую-нибудь другую вещь и опять не подумаешь о том, что она сделана чьими-то руками...

— Нет, я подумаю. Я теперь всегда буду думать,— торопится уверить Динка.

Мама грустно смотрит на нее:

— Это только одно плохое, Дина... А другое плохое, что ты не жалеешь сестру, не любишь ее.

— Я люблю, но забываю, что нельзя шуметь.

— Чтобы помнить об этом, надо жалеть. Ты же знаешь, что, если Алина расплачется, ее трудно успокоить. А потом у нее так разболится голова, что я всю ночь сижу у ее постели... Так неужели тебе какая-нибудь игрушка дороже сестры? — с болью спрашивает мать.

— Ох, нет... мамочка, нет...— с испугом бормочет Динка. Перед ней встает бледное лицо Алины с компрессом на голове.— Ох, нет, нет...— бессвязно повторяет она в ужасе от того, что могло бы случиться.

— Помни же об этом. Жалей ее, Диночка,— с тихой просьбой говорит мать.

Когда они обе успокаиваются, Динка вспоминает Катю.

— Мама... я не послушалась и ушла. Она наказала меня... Я не хочу такого наказания, я хочу другое! — взволнованно говорит Динка.

— Взрослые не спрашивают у детей, какое наказание им больше нравится. Взрослые имеют право наказывать так, как считают нужным, Дина. Катя прощает тебе многое, но если

уж случилось так, что она наказала тебя, то ты не смела ослушаться, Дина. Ты могла попросить у нее прощения, это другое дело. Но ты не попросила прощения, ты просто ушла. Разве ты не наша девочка, а чужая? Чужую Катя не будет наказывать, чужая девочка может не послушаться, у нее есть своя тетя. Но ты ведь наша девочка, Дина? — строго и удивленно спрашивает мать.

— Я наша,— спешит заверить Динка, чувствуя в маминых словах скрытую угрозу потерять свою маму, тетю, свой дом... Стать чужой девочкой так страшно! — Я наша девочка. Я буду слушаться, я только, мамочка, так прошу... Если Катя согласится и ты согласишься, можно просто побить меня сколько вы хотите, а потом пускай я хожу, гуляю...— робко предлагает она.

— Побить? — с волнением спрашивает мать.— Это же очень стыдно и страшно, когда взрослый человек бьет ребенка. Это унизительно, Дина! Разве ты можешь себе представить хоть на одну минуту, что я или Катя ударим тебя?

— Конечно, нет, мама. Вы пожалеете, но мне ведь хуже от этого. Я так люблю гулять, мне скучно дома.— Динка взмахивает рукой и жалобно добавляет: — Там такой широкий воздух, мама.

— Где там, Дина? Куда ты ходишь одна? Ведь я не позволила тебе уходить далеко от дачи. Я уже говорила с тобой об этом, и если когда-нибудь я узнаю, что ты не послушалась меня...

— Нет-нет! Я слушаюсь, мама! Я не хожу далеко, я совсем близко, я просто сяду где-нибудь и смотрю. Я сижу на обрыве и смотрю на пароходы, я не на самом краю, а далеко сижу...— поспешно уверяет Динка.

Мать чувствует вдруг безграничную усталость.

— Хорошо, я верю тебе, но ты помни, о чем я тебя просила,— тихо говорит она, проводя рукой по лбу.— А теперь иди, скажи Лине, чтоб давала обедать.

Освобожденная от тяжкого объяснения, Динка мгновенно срывается с места.

Она мчится по дорожке к летней кухне, но ее окликает Катя:

— Дина, подойди сюда!

Она сидит в гамаке с книгой.

— Я не могу. Мне надо сказать Лине, чтоб давала обед! — пробует отказаться девочка.

— Она уже знает. Иди сюда! — настойчиво зовет тетка.

Динка нехотя подходит к гамаку.

— Дина,— серьезно говорит тетка,— я не сказала маме, что ты сегодня пришла в мокром платье, я не хочу ее тревожить. Мама может вообразить бог знает что... Но мне ты должна сказать правду, почему у тебя было мокрое платье.

— Оно было мокрое, потому что...— Динка вдруг вспоминает Лину.— Я его постирала,— быстро добавляет она.

— Постирала? Зачем? — пристально глядя на нее, допрашивает тетка.

— Я... не зачем, а почему...— оттягивая ответ, поправляет ее Динка.

— Дина, если ты не хочешь, чтобы я сказала маме, то говори правду! — хмурится Катя.

— Но я же говорю. Я постирала его, потому что запачкала... Я села на коровью лепешку! — неожиданно весело говорит она и тихонько фыркает.

— Дина, я не шучу с тобой. И ты, пожалуйста, не придумывай какую-то историю с коровьими лепешками...— краснея от досады, говорит Катя.— Лучше не ври, Дина!

— Катя...— тоскливо говорит Динка, присаживаясь на траву и обхватывая руками коленки.— Может, это была и не коровья лепешка, я ее плохо разглядела... Я просто чем-то испачкалась и постиралась... Там стирала одна женщина, ну, и я постиралась...— наблюдая за теткой краешком глаза, фантазировала Динка.

Катя шумно вздохнула.

— Вот это уже больше похоже на правду,— примиряюще сказала она.— Но как же смела ты не послушаться мамы и пойти на берег?

— Я не смела! Мама не позволяет мне купаться, но я же не купалась. Я вас слушаюсь — и тебя и маму. Я же не чужая девочка...— с облегченным сердцем рассуждает Динка.

— Ох! — крутит головой Катя и открывает книгу.— Иди уж... И больше не устраивай никаких стирок, глупая девчонка!

— Ладно! — весело говорит Динка, торопясь исчезнуть.

— Динка, Динка! — зовет ее из кустов Мышка.— Тебе

очень попало? — шепотом спрашивает Мышка и, не дожидаясь ответа, тянет сестру за руку: — Пойдем в комнату. Я тебе что-то скажу!..

Девочки бегут в комнату. Мышка прикрывает дверь и таинственно сообщает:

— Мама что-то привезла. Она сегодня получила жалованье. Это, наверное, гостинцы.

— Гостинцы?! — подпрыгивает Динка.— Гостинцы! Гостинцы!

Она чмокает сестру в нос, обхватывает обеими руками ее плечи и вместе с ней скачет по комнате. Неудержимая радость ее выражается в нежных прозвищах, которыми она щедро награждает Мышку:

— Ты моя сестричка, птичка-невеличка, ты собачий хвостик, ты крольчишка-Мышка!

— Афан Делейн! Афан Делейн! — в буйном веселье кричит Мышка, поднимая вверх худенькую руку и выражая этими таинственными заклинаниями восторг своей души.

— Хватя! Хватя! — просовывая в дверь потное лицо, шипит Лина.— Обедать идите! Который раз грею...

Глава восьмая

ЗА ОБЕДОМ

На столе дымится суповая миска, но за столом никого нет. Мышка тоже куда-то исчезла.

Динка бросается в одну комнату, в другую и, покраснев от натуги, тащит стулья.

— Обедать! Обедать! — кричит она, хлопая в ладоши.

Но никто не торопится. По дорожке медленно идут мама и Алина. Катя лениво поднимается с гамака...

Наконец все в сборе. Мышка появляется из Алининой комнаты, и по ее лицу видно, что она уже тыкалась своим любопытным носиком во все свертки. Но Динке не до нее, она раскладывает вилки и ножи, подвигает всем тарелки, тащит к себе поднос с хлебом, высматривая румяную горбушку.

Катя, усаживаясь за стол, переглядывается с сестрой.

— Ты видишь? С нее как с гуся вода! Твои душеспаситель-

ные разговоры только приводят ее в веселое настроение,— тихо говорит она

— А тебе обязательно хочется, чтобы она плакала? Это ребенок,— так же тихо отвечает ей Марина.

— Это убоище, а не ребенок! — фыркает Катя.— Ты просто неисправима!

— Ну, значит, мы обе неисправимы! — смеется мама.

— Смейся, смейся...— с горечью шепчет ей Катя.

Но Мышка хлопает в ладоши и крутит головой:

— А-а! Шепчутся, шепчутся за столом!

— У мамы с Катей секреты от нас! — подхватывает Алина.

— У них всё секреты, а обед перестоит, тогда Лину будут виноватить,— появляясь на террасе, ворчит Лина и, подмигнув тетке, сует ей на колени бутылочку, завернутую в салфетку.

— А! Вижу, вижу! — подпрыгивает Динка.

— Не предвосхищай событий! — непонятно бросает ей Катя, вылезая из-за стола.— Ну, кто первый выпьет рыбий жир? — с торжественной улыбкой вдруг провозглашает она, держа в одной руке столовую ложку, а в другой — обернутую салфеткой бутылку.

— Как — рыбий жир? Почему? — испуганно спрашивает Мышка.

— Катя, ведь сейчас лето! Никто не пьет рыбий жир летом! — откидываясь на спинку стула, протестует Алина.

— Что это ты выдумала? Откуда он у тебя? — удивляется Марина.

— Ну, напали! — хохочет Катя.— Это вовсе не я выдумала. Это аптекарь подарил Лине, чтоб она поправилась.

— Да не подарил, не подарил, насмешница этакая! Я свои деньги заплатила. Гляжу, аптекарь по дешевке отпускает, ну я и взяла детям на пользу,— объясняет Лина.

— Ну, а раз взяла, значит, надо выпить! — решительно заявляет Катя.— Не пропадать же деньгам! Всего одна бутылка... Ну, кто первый?

— Мама! — пищит Мышка и закрывает обеими руками лицо.

— Ну, Катя, не дури!.. Лина, возьми свою бутылку! — морщась, говорит Марина.

— Куда ее возьму? Вы всё со своими фокусами! Только зря

деньги выкидываем! Жир свежий, как янтарь, только что со льду...— недовольно ворчит Лина.

— Конечно, раз уж куплен, так надо пить! — заявляет Катя.— Я сама сейчас попробую!

— Попробуй! Попробуй! — весело подпрыгивает Динка.

— Хоть один разочек! — смеется Алина.

— Катя, не пей! Это такая гадость! — машет руками Мышка.

Катя делает большие глаза:

— Гадость? Это прелесть, а не гадость. Вот я вам сейчас покажу, как пьют рыбий жир! — Она наливает полную до краев ложку и, громко декламируя, подносит ее ко рту.

...На помост к петле поднимался...

Лица детей полны любопытства и ожидания.

...И в самой петле улыбался...—

с приятной улыбкой заканчивает Катя и, полузакрыв глаза, опрокидывает себе в рот полную ложку рыбьего жира.

— Браво! — хлопает Алина.

Но приятная улыбка сбегает с лица тетки, ложка падает на пол.

— Лина, возьми...

Лина подхватывает бутылку, а Катя, закрывая рот платком, убегает в комнату.

— Мамочка! — вскакивает Мышка.

— Мама, ей стало плохо! — беспокоится Алина, но мама уже торопится за сестрой.

Алина поднимает указательный палец.

— Смотрите на Динку! — удивленно говорит она.

Динка совсем сползла со стула, лицо ее беззвучно трясется от смеха, глаз не видно. Мышка, всплеснув руками, тыкается носом в скатерть и звонко вторит сестре.

— Дети, дети...— пробует остановить их Алина, но, не выдержав, хохочет вместе с сестрами.

— Ну, зашлись! — добродушно говорит Лина, вытаскивая из салфетки бутылку.— И чего она вам тут петрушку разводила! Что детям положено, того взрослому касаться нечего,— спокойно добавляет она, поднося ко рту Алины полную ложку: — Ты

старшенькая, ты и первая! Захватывай, захватывай ложечку, милушка! Да со вкусом пей, чтобы на пользу пошло!

Девочка хочет сказать что-то, но мягкая рука Лины бесцеремонно откидывает ей голову и вливает в рот полную ложку рыбьего жира.

— Вот и славно! — говорит она, наливая вторую ложку и не обращая внимания на старшенькую, которая, давясь хлебом с солью, сердито смотрит на нее.

Мышка пьет безропотно. Ведь даже Алина выпила!

Динку упрашивать не надо, но она так трясется от смеха, что Лина никак не может улучить момент.

— Да хватит тебе! Прокиснет жир-то! — шутит она, стоя над Динкой с полной ложкой.— Хватит, говорю! Непутевая!

Динка вскакивает на стул:

— Давай сюда ложку!

— Куда... куда... расплескаешь! — кричит Лина.

Но Динка уже подносит ложку ко рту, громко декламируя:

...И в самой петле улыбался...

На лице ее приятная Катина улыбка, глаза полузакрыты.

— Катя, Катя! — кричит Алина и, хлопая в ладоши, хохочет.

Мышка взвизгивает от удовольствия.

— Батюшки! Вылитая Катя! — всплескивает руками Лина.— Ах ты актриса! Тебе ж в балаган идтить, народ забавлять! — и, расчувствовавшись, прижимает к груди расшалившуюся любимицу.— Головочка ты моя бедовая! Был бы отец дома, снял бы поясочек ременный да поучил тебя уму-разуму! А то и заняться тобой некому. У Кати у самой еще дурь в голове сидит, мать — андел небесный, доброты неописуемой... Сиротиночки вы мои горькие...— разжалобливая себя до слез, причитает Лина.

Но взволнованный голос старшей девочки мгновенно приводит ее в себя:

— Что ты, Лина! Мы вовсе не сиротки. И папа никогда не побил бы Динку. Ты не говори так.— Губы Алины вздрагивают.— Не говори так, Лина...

Мышка с испугом смотрит на старшую сестру, Лина тоже пугается.

— Ладно, ладно! Не нервничай только, господь с тобой. Я ведь любя сказала, жалеючи... Вот кушайте суп-то. Совсем простыл небось. И куда это они обе запропали? Протошнилась — и иди, чего там еще делать-то...

С опаской поглядывая на притихших детей, Лина торопится уйти. Если старшенькая разнервничается, ей сильно попадет от «андела». Алина помнит и любит отца, она вместе с мамой читает его редкие письма, беспокоится за него и ждет. Ждет безнадежно, потому что знает, что он не может приехать, что его разыскивает полиция... Алина никогда не забывает, что, уезжая, отец просил ее помогать маме воспитывать младших сестер; считая себя взрослой, она называет их, как мама, «дети», занимается с ними, делает им замечания и нередко вмешивается в распоряжения взрослых.

Один раз Мышка тихим шепотком пыталась рассказать Динке, что когда они жили на элеваторе, а папу уже искала полиция, то по улицам ходили какие-то люди с иконами, они пели «Боже, царя храни», а потом как-то ночью напали на их дом.

«На наш дом?» — удивилась Динка.

«Ну да. Это их научила полиция, чтобы поймать папу.— Мышка зябко поводила плечами и ближе придвигалась к сестре.— Только ты никому не говори, что я тебе рассказала. Но это было так страшно... Они разбили все окна, и даже в комнате упал большой камень... Ты, наверное, спала тогда, а меня тоже завернули в одеяло. А Алина так плакала... А потом прибежали папа и все элеваторские рабочие. Нас вынесли через сад. А был такой мороз... Папа сам нес Алину, а меня Малайка».

«А меня?» — с испугом спрашивала Динка: она боялась, что вдруг ее забыли в этом страшном доме.

«Тебя тоже кто-то нес... Кажется, Лина... Мы потом сели в какие-то сани, а Алина все боялась за папу, потому что кругом наехали казаки и полиция...»

«А папа уехал с нами?»

«Конечно. И Никич... Такие большие сани, знаешь... Дядя Лека сам правил, как кучер. Лошади как дернули сразу... А нас накрыли тулупом, и мы куда-то все мчались, мчались... А потом у Алины стала болеть голова, и доктор сказал, что ей нельзя плакать. Понимаешь?»

Динка плохо понимала, от слез у нее никогда не болела голова, поэтому из рассказа Мышки она вынесла единственное убеждение, что старшая сестра неженка и что лучше с ней не связываться, потому что можно нажить себе большие неприятности.

Но сейчас она украдкой взглядывает в большие растревоженные глаза сестры; она в первый раз так внимательно всматривается в эти глаза.

— Пойдем за мамой, Динка! — испуганным голоском предлагает Мышка.

Но Динке не хочется бежать, какое-то новое чувство побеждает в ней страх. Она нерешительно сползает со стула и подходит к старшей сестре.

— Алина...— робко говорит она, протискиваясь между стульями и кладя свою лохматую голову на край стола.— Алиночка, ты моя... родненькая...

Алина порывисто прижимается губами к ее щеке и взволнованно шепчет:

— Мы не сиротки... у нас есть папа... Он вернется.

Мышка тянется к обеим сестрам, ей тоже хочется обнять Алину.

Но Алина уже справилась со своим волнением и замечает непорядок:

— Сядьте... Сядьте за стол, дети. Вон идет мама.

Мама и свежеумытая Катя, смеясь, входят в комнату. Глядя на их веселые лица, Алина начинает улыбаться. Динка и Мышка поспешно усаживаются на свои стулья.

— Ну, давайте наконец обедать! Суп уже чуть теплый,— озабоченно говорит мать, поднимая крышку супницы.— А где же дедушка Никич? — спрашивает она.— Разве он еще не приехал?

— Нет, приехал,— быстро говорит Динка.— Он еще вчера вечером приехал!

Марина удивленно смотрит на сестру.

— Наливай суп детям,— не отвечая на ее взгляд, торопит Катя.

Марина разливает суп и, положив ложку, подходит к перилам террасы.

— Лина! — кричит она.— Позови Сергея Никитича!

— Чего? — откликается Лина и, шлепая босыми ногами по ступенькам, поднимается на террасу.

— Лина, позови же Сергея Никитича! — нетерпеливо повторяет мама.

Катя делает Лине таинственные знаки.

— Да как ты его позовешь, ежели он как Адам, прости господи,— глядя на Катю и не понимая ее знаков, тихонько ворчит Лина.

— Почему как Адам? Где он? — тревожится Марина.

Катя с досадой смотрит на Лину:

— Я же просила тебя, Лина! Ну, сказала б, что спит...

Дети сидят молча, наклонив головы над тарелками. Они уже с утра знают, что дедушка Никич снова продал свое платье, которое недавно купила ему мама.

Дедушка Никич — большой приятель Динки. За столом они сидят рядом и делят пополам хлеб. Динка выгребает из ломтя мякиш и дает дедушке, а себе берет корки. Мясо для дедушки Никича выбирает мама и всегда спрашивает: «Мягкое?»

«Хорошо»,— сильно упирая на букву «о» и растягивая слова, отвечает Никич.

Марина очень любит и ценит дедушку Никича. Когда с ним случается «запойный грех», как говорит Лина, Марина никому не позволяет упрекать старика. Особенно часто ей приходится сдерживать Катю.

«Подумай! Он опять пришел пьяный! Как же ему не совестно! У тебя дети! — возмущается Катя.— Неужели же он не понимает этого?»

«Он понимает и очень мучается. Я тебя прошу ни одним словом...» — волнуется сестра.

«Да слышала, тысячу раз слышала! — машет рукой Катя.— Не беспокойся, пожалуйста. Я ничего не скажу. Но что он за человек после этого?»

«Катя! — строго говорит сестра.— Нехорошо иметь такую короткую и неблагодарную память. Мы с тобой лучше всех знаем, что он за человек».

Катя недовольно замолкает.

Но сегодня нервы у нее возбуждены волнением бессонной ночи, неизвестным человеком, который не пришел на службу к

сестре и оставил после своих расспросов неприятное чувство брезгливости и тревоги, Динкой, которая досаждала ей с утра своими дурацкими выходками, и, наконец, Никичем, которому нужно весь вечер штопать и латать какие-нибудь обноски.

— Бессовестный старик! — с сердцем бросает она, вспыхивая от негодования.

— Катя! — строго останавливает ее сестра.

— Он больной, Катя,— тихонько вступается Мышка.

— Больные тоже бывают бессовестные,— не унимается Катя.

Алина сидит, вытянувшись в струнку; заплетенные в косички волосы открывают ее торчащие уши, тонкая шея кажется слишком длинной. Она поднимает на тетку глаза и, глядя ей прямо в лицо, твердо говорит:

— Он папин и наш. Никогда нельзя его ругать.

— Он такой старенький, Катя...— умоляюще шепчет Мышка.

Катя молчит. Слова Алины наглухо закрывают ей рот. Но Динка беспокойно шевелит губами; защита старших сестер вдохновляет ее поделиться впечатлениями вчерашней встречи с дедушкой Никичем.

— Мамочка,— тихо говорит она,— он пришел еще вчера вечером... в одних только беленьких штанишках. Ему было так холодно, что он весь шатался, и даже нос у него был такой отмороженный, красненький с синеньким...

— Это что еще за выдумки! — перебивает ее Катя.— Прекрати сейчас же свои чувствительные истории!

— Конечно. Это ни к чему совсем,— пожимает плечами Алина.

Мышка фыркает в кулачок и изо всех сил удерживается от смеха. Динка, сопя от обиды, толкает ее под столом ногой.

— Дедушка Никич заболел. Я потом схожу к нему,— говорит мама.— Мышка, скажи Лине, чтобы давала второе.

Лина входит расстроенная, с красными подушечками под глазами: ее тоже допек этот «разнесчастный день», да еще Катя упрекнула за Никича,— мол, не тогда сказала, надо было после обеда.

Марина смотрит на красные подушечки под глазами Лины и, чтобы подбодрить ее, весело напоминает:

— Сегодня суббота, завтра к нам приедет Малайка!

Малайка, общий любимец семьи Арсеньевых, много лет служил на элеваторе дворником. Он пришел на элеватор еще подростком, учился в воскресной школе Марины и, горячо привязавшись ко всей семье, был ее верным помощником и не раз выполнял поручения самого Арсеньева. В тяжелое время, когда начались повальные обыски, Малайку тоже не раз вызывали в полицию, но на все вопросы он упорно отвечал одно и то же: «Мы татарин, по-русски не понимаем».

Когда Арсеньев вынужден был скрываться, Малайка приносил от него весточки и тайком устраивал ему свидания с Мариной. Теперь, оставшись один на элеваторе, Малайка тосковал. Он не любил нового инспектора и никогда не забывал в свободные дни навестить семью Арсеньева. Но не только «барина Мара» и выросшие на его глазах дети привлекали Малайку... Давней любовью его была Лина.

— Обязательно приедет! — лукаво улыбается Марина.— Он, наверное, уж соскучился, наш Малайка!

— Ишь нехристь, соскучился! По ком это ему скучать? — не поднимая глаз, говорит Лина, но полные губы ее невольно растягиваются в улыбку.— Может, по вас? А по мне нечего, я ему в пару не гожусь...

— Ну и не надо! Я сама за Малайку замуж выйду, он хороший. Правда, мамочка? — весело говорит Динка.

— Конечно. Каждая за него пойдет с удовольствием,— подтверждает мама.

— Удовольствие! — фыркает Лина и, уже развеселясь, спрашивает: — А вы что над кушаньями-то мудруете? Ночевать, что ли, за столом хотите? Али третьего ждете? Дак третьего нынче нет!

— Нет, есть,— говорит Марина.— На третье у нас яблоки и...

— «Сытин»! — подсказывает Мышка. Она больше всяких сладостей и игрушек любит маленькие книжечки, на которых написано: «Типография т-ва И. Д. Сытина».

— Сытин на третье! Вот так Сытин! — хохочет Динка.

— Алина, принеси свертки! — говорит мать.

Глава девятая

МАМИНЫ ГОСТИНЦЫ

Алина приносит свертки. Стол быстро освобождается. Катя вытирает голубую клеенку. Старшие сестры терпеливо ждут, пока мама разворачивает свертки, но Динка лезет с ногами на стул и топчется на нем, возвышаясь над всеми головами.

— Ну, куда ты вылезла? — тянет ее за платье тетка.

Динка быстро-быстро гладит ее по волосам:

— Ничего, Катя! Пускай я буду тут! Не тащи меня!

Мама вынимает из кулька три яблока. Одно из них очень большое и румяное.

— Это детям,— говорит она.

Алина берет самое большое яблоко и смотрит на Мышку.

— Я дам это Динке, ладно?

— Конечно,— рассеянно соглашается Мышка и жадно смотрит на аккуратно завязанную стопочку книг.

Динка с радостью хватает яблоко.

— Его даже есть жалко! — говорит она.

Мама разворачивает еще один сверток.

— А что ты привезла себе, мамочка? А Кате? — спрашивает Алина.

— А дедушке Никичу? А Лине? — напоминает Мышка.

Они знают, что если мама привозит какие-нибудь гостинцы, то она привозит их всем.

— Подождите... Вам яблоки и книжки... Дедушке Никичу перочинный ножик. Он вот здесь. Разверни, Алина.

Алина достает перочинный ножик.

— Покажи. Острый? — спрашивает Динка. Она трогает лезвие ножа и деловито заявляет: — Хороший. Дедушка Никич как раз потерял свой, а ему надо!

— Ну, значит, кстати,— радуется мама.— А вот Лине три гребешочка!

— Лина! Лина! — перегнувшись через перила, кричат дети.

Но пока Лина доходит до крыльца, Динка уже летит к ней навстречу и тащит ее за фартук.

— Пойдем! Там такие гостинцы! Всем, всем гостинцы! — захлебываясь, говорит она.

— Пришла-приехала баловница... Все свое жалованье

небось растрынькала. Ну, купила б детям по яблочку, а то гляди чего тут,— подперев рукой щеку и глядя на стол, выговаривает Лина.

Но Мышка уже снимает с нее головной платок и засовывает ей в волосы новые гребешки. Ободочки у гребешков выложены цветными камушками, и Лина очень довольна.

— И угадает же, что кому! Андел ты наш, милушка бесталанная! — целуя маму, растроганно говорит Лина и тут же выкладывает все, что ее тревожит: — Ведь вот стратила денежки-то, а в булочной у нас за две недели не плочено. Туды-сюды раздадим, а как начнут энти сыщики про нас расспрашивать да распытывать, да сгонит нас хозяин с квартеры, куда без денег пойдем?

— Что такое? — искренне удивляется Марина и смотрит на Катю.

— Да глупости! Вечные Линины страхи! — смеется Катя и, видя, что Лина собирается что-то возразить, быстро предупреждает: — Лина, не забывайте...

Но старшая девочка уже настораживается:

— О чем это она говорит! Какие сыщики? Почему нас сгонят с квартиры?

— А почему раньше сгоняли? Как узнают, что неблагонадежные, так и сгоняют. Ладно, попался хороший хозяин, ничем не антересуется, а то б живо...— начинает опять Лина и, поняв, что проговорилась, машет рукой.— Терпения нет с этой жизнию!

— Лина, поставь лучше самовар! Так чаю хочется! — говорит Марина и, проводив Лину смеющимся взглядом, шутит: — Ну, неблагонадежные, теперь остается последний, очень интересный гостинец... Это нам с Катей!

— А книжки, мамочка? — жалобно спрашивает Мышка.

— А книжки будете смотреть после. Это удовольствие на целый вечер. Потерпи немного, Мышка!

— Сейчас Кате с мамой. Ишь какая! Все ей да ей! Нехорошо, Мышка! — строго замечает и Алина.

Мышка, краснея до слез, прячется за тетку.

— А нам с Катей...— Марина, с улыбкой поглядывая на сестру, роется в сумочке.— Сейчас... сейчас...

Дети в нетерпеливом ожидании смотрят на ее пальцы,

которые быстро-быстро перебирают в сумочке какие-то бумажки, встряхивают платочек, торопливо роются в боковых отделениях...

— Потеряла? — ахает Алина.

— Нет, нет... Сейчас... подождите...

— Вот носишь с собой всякую дрянь...— начинает Катя, но Марина с торжеством вытаскивает две тоненькие зеленые бумажки.

— Это билеты в театр,— говорит она сияя.

Катя всплескивает руками, глаза ее тоже сияют, и на щеках вспыхивает румянец.

— Ну, подумай, Марина! Что ты только делаешь! — нежно упрекает она сестру.— С какой же это радости?

— Не с радости, а с гадости,— смеется Марина.— Сегодня так скверно было на душе, так захотелось чего-нибудь хорошего! Пошла и купила билеты. И знаешь на что? На пьесу Толстого «Живой труп».

— Неужели? — Катя хватает билеты, не в силах скрыть своей радости.— Это просто замечательно! Мне так хотелось пойти на эту вещь!

Алина и Мышка разглядывают билеты и, видя, как счастливы мать и тетка, тоже радуются.

— Идите, мамочка, идите! Я посмотрю за детьми! — говорит Алина.

— А я за Динкой посмотрю! — обещает Мышка.

— Да это еще не так скоро,— говорит мать.— Я просто заранее взяла билеты.

— Как это — билеты на труп? — налегая на стол, громко спрашивает Динка.

Но матери и тетке не до нее. Они уже советуются между собой, в чем пойти в театр и как оставить на этот вечер детей.

— Какой труп, мама?..— капризно тянет Динка.

— Не приставай! — строго говорит Алина.— Все равно ты ничего не поймешь! Это такая пьеса. И слезь со стола сейчас же!

Мышка тянет сестру за руку.

— Пойдем, я тебе скажу. Живой труп — это не труп,— шепотом объясняет сестра, отводя Динку в сторону.— У нас есть он на чердаке, в папиных книжках.

Динка недоверчиво смотрит на сестру.

— Он живой? — так же шепотом спрашивает она.

— Да нет... Ты не понимаешь...— пытается объяснить Мышка.— Это же не настоящий труп, а живой человек... просто он такой несчастненький.

Динка почему-то вспоминает стихи: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца...»

— Его притащили на чердак? — еще тише спрашивает она.

— Кого? — таращит глаза Мышка.

— Да этого... несчастненького... живого трупа,— показывая что-то руками, допытывается Динка.

— Хи-хи-хи! — тоненько хихикает Мышка.— Хи-хи-хи! Это же книга... это пьеса... Она просто так называется,— заикаясь от смеха, говорит она.

— А чего же ты врешь тут все! — сердито толкает ее Динка.

— Хи-хи-хи! — пригнувшись к полу, заливается Мышка.

Динка больно дергает сестру за волосы:

— Вот тебе за твой труп! Дуришка-Мышка! Куриная голова!

— Ты сама куриная голова! Я с тобой больше не вожусь,— обижается Мышка.

— Дети, дети! — кричит Алина.— Не ссорьтесь! Пойдем смотреть книжки! Мышка, ты плакала?

— Я не плакала,— подходя к столу и вытирая слезы говорит Мышка.

— Динка, что ты ей сделала?

Динка, сердито сопя, берет со стола свое яблоко.

— Где мама? — спрашивает она вместо ответа.

— Мама с Катей ушли на кухню. Не ходи туда, дай им отдохнуть от детей,— говорит Алина.— Займись чем-нибудь.

— Я буду есть яблоко,— угрюмо говорит Динка, усаживаясь на перила.

— Ну, а мы будем читать! Вот книги, Мышка! — Алина поднимает со стула горку маленьких книжечек.

— Ой, как много! — с восторгом говорит Мышка и, уткнувшись в книгу, забывает обо всем на свете.

Алина тоже садится читать. На террасе становится очень тихо...

Глава десятая

УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ

Динка остается одна. На коленях ее лежит яблоко, но она не ест его, а только гладит румяные бока. Везде так тихо, из кухни не доносится ни одного голоса, сестры сидят молча. В саду тоже скучно, солнце уже спряталось за калиткой, и кусты, не окрашенные в его теплый цвет, и дорожки, и листья на деревьях тускнеют... На Волге гудит пароход. Высокие пенистые волны бегут от него к берегу...

Динка ежится, подбирает ноги. Никогда больше она не заплывет так далеко. Как они швыряли ее, переворачивали, эти пароходные волны... Вода набиралась ей в рот и в нос. Ведь она же и вправду тонула, а тот мальчик... его зовут Ленька... все время кричал ей: «Не бойся, не бойся»,— а сам схватил ее за волосы.

Динка трогает свою голову. Наверное, много волос выдернулось с корнем, потому что даже сейчас до головы больно дотронуться. Дурацкое это спасение — за патлы...

Динка снова вспоминает все с самого начала. «Никто ничего не знает,— думает она.— Ни Алина, ни Мышка, ни мама... Если бы мама знала, как она поступила с тем мальчиком! Если б она видела, как его бил хозяин! Шел и бил, шел и бил. А берег длинный, длинный... Мама сшила бы мешочек, положила туда хлеб и сказала бы Динке: «Иди себе, девочка, куда знаешь, мне не нужна такая дочка». Динка плакала бы и кричала, а потом пошла... Пошла бы, как тот гномик на открытке, которую прислал папа. На этой открытке густой-густой лес. И в лесу идет гномик. На нем красный колпачок, в руке палочка, а за спиной узелок... Далеко-далеко, в самой чаще горит огонек. «Вот,— сказала бы мама,— иди на этот огонек,— может, там есть добрые люди, которые примут тебя».

На глаза у Динки набегают слезы.

«Эх ты, паскуда!» — сказал ей тот паренек.

Такое нехорошее слово сказал — наверное, это самое главное ругательство. И никто-никто не заступился, все смотрели такими злыми глазами, как будто хотели опять бросить ее в воду...

Динка смотрит на Мышку, на Алину... Если убежать на

кухню, к маме, Алина рассердится. Если бы все говорили, шумели, бегали, Динке было бы не так страшно. А сейчас... все молчат, и так страшно, так горько на сердце... Если бы пойти на баржу и сказать: «Ленька! Не сердись на меня...»

Динка крепко сжимает яблоко, взгляд ее падает на его гладкие румяные бока.

«Я отдам ему яблоко. Я скажу: «Возьми, Ленечка. Зачем ты меня спасал, даже волосы все выдернул, я теперь уже никогда не забуду, как тебя бил хозяин... Лучше бы мне утонуть и не жить на свете... А может, ты хочешь ножик с перламутровой ручкой? Так у меня есть, я тебе отдам, и открытки папины отдам, и цветные карандаши... Я прямо на баржу тебе принесу, я скажу: «Возьми, Ленечка». Я никого не забоюсь... Мне так плохо, Ленечка, я теперь уже не мамина дочка. И папы у меня нет. Папа тоже не стал бы меня любить из-за тебя. И Мышка не стала бы, и Алина... У меня, Лень, и пенальчик есть, и маленький топорик; что тебе надо, то и возьми, возьми, Ленечка...»

Динка мысленно роется в своем ящике с игрушками и отбирает все самое ценное, самое дорогое ей. Жалостно и тоскливо у нее на сердце, вещь за вещью отдает она Леньке, повторяя одни и те же слова: «Возьми, Ленечка...»

Она завтра же раным-рано пойдет на баржу. Подарки утешают ее, но мама... Как это один раз сказала мама?

Еще тогда Катя обидела Лину, а потом ей стало жалко, она взяла свой новый шелковый платочек и велела Мышке отнести его Лине, а мама сказала: «За обиду не платят подарком, Лина не возьмет твой платок!»

А потом пришла сама Лина и отдала Кате ее платок. Лина очень плакала и все говорила: «Ты мне сердце растревожила, а платок посылаешь на голову...»

Так и Ленька скажет: «Наврала на меня, подвела под кулак, а теперь пришла: «Возьми, Ленечка...» Не нужны мне твои подарки: ни ножик с перламутровой ручкой, ни яблоко, ни открытки. Обида моя дороже этого стоит».

«А что же ты хочешь за свою обиду, Ленька? Если б были у меня камни самоцветные из Мышкиных сказок... и волшебный самолет, и Конек-горбунок... все отдала бы я тебе...»

«Нет, не нужен мне ковер-самолет, не нужны камни, и

Конек-горбунок не нужен... Растревожила ты мне сердце обидой... Дороже этого она стоит...»

«Тогда приду я к тебе, Ленька, и буду плакать... Долго-долго буду плакать из-за тебя...»

«Что же, плачь,— говорит Ленька,— может, успокоится мое сердце от твоих слез и пройдет в нем обида... Ведь сказала же твоя мама, что за обиды не платят подарками, а вот когда плачет и раскаивается человек, то от слез его и обида уменьшается...»

Яблоко с глухим стуком падает с колен Динки.

— Дина! У тебя яблоко упало! — с раздражением говорит Алина.— Подними сейчас же!

— Не надо мне его,— тихо отвечает Динка.

Она сползает с перил и подходит к Мышке. Мышка сидит на стуле, подняв коленки и уткнувшись носом в книгу. Когда Мышка читает, то ее можно толкать, дергать за волосы, «выжимать» со стула, давить ей на ногу — она ничего не видит, кроме книги. Но Динка не может больше оставаться одна.

— Мышка,— говорит она и тянет из рук сестры книжку.— Давай поиграем, побегаем... Расскажи мне сказку, Мышенька.

— Оставь, не тронь меня,— бормочет Мышка, изо всех сил цепляясь за книгу.— Уйди, уйди...

— Мышенька, не читай... пойдем со мной,— просит Динка.

Мышка прижимает к себе книгу и смотрит на сестру далеким, отсутствующим взглядом.

— Что тебе нужно?.. Алина! Возьми ее от меня! Она мне мешает! — взывает Мышка к старшей сестре.

Алина вскакивает и сердито хватает Динку за руку:

— Не смей трогать Мышку! Что ты лезешь ко всем! Вот я скажу маме!

Слезы щекочут Динке горло, подступают к глазам.

— Ладно,— бормочет она,— ладно... Я могу опять утонуть, если захочу.

— Уходи и не бормочи тут! Сама не читаешь и другим не даешь. Уходи с террасы! — гонит ее Алина.

Динка не сопротивляется. Но в саду уже становится темно, и идти некуда. Динка смотрит на усыпанную камнями дорожку, на черную землю под цветами. Алина зажигает на террасе лампу с зеленым абажуром. Зеленовато-желтый свет падает на дорожку.

«Сейчас провалюсь сквозь землю,— думает Динка.— Сяду к черту на сковородку и скажу: «Зажарь меня и сожри с косточками». А черт скажет: «Ты в бога не веришь, тебя жарить нельзя».

Динка глубоко вздыхает. Неправда все это: никакого черта нет. Если бы он и был, то даже на сковородке ей нет места. Все ее прогнали, бросили. Мама с Катей сидят в кухне. Там тоже горит огонек. Наверное, они все трое чинят белье для Никича. А Никич лежит в своей палатке и ни о чем не думает. Может, он спит? А может, проснулся, но не хочет выходить? «Пойду к Никичу»,— решает Динка.

Но калитка громко хлопает, и в наступающих сумерках вырастает высокая фигура.

— Дядя Лека! — кричит Динка, мгновенно забывая все свои горести.— Дядя Лека приехал!

Глава одиннадцатая

ДЯДЯ ЛЕКА

— Дядечка! Дядечка! — раздаются за спиной Динки радостные голоса сестер, но она первая влетает в широкие объятия дяди Леки, виснет у него на шее, вдыхает знакомые запахи табака и леса.

Дядя Лека служит лесничим и всегда живет в лесу. Он приезжает редко и ненадолго, но когда он приезжает, то все в доме становится праздничным. Олег Леонидович — страстный охотник. Зимой у Марины перед кроватью лежит рыжая шкура убитого им медведя, а у детей не переводятся меховые варежки и беличьи телогрейки.

— Мама! Катя! Дядя Лека приехал! — кричит Алина.

Марина и Катя бегут по дорожке.

Олег Леонидович обнимает сестер и, заглядывая им в глаза, спрашивает:

— Ну, как вы тут? Живы, здоровы?

Олег — высокий, худой, голубоглазый. На нем охотничья куртка и желтые краги. Когда он стоит рядом с сестрами, то всем сразу бросается в глаза удивительное сходство всех троих. У них одинаковые вьющиеся волосы, голубые глаза. Только у

Кати волосы немного темнее и глаза зеленые, но и ее часто путают с Мариной.

— Сестреночки мои, голубочки... Никак я не мог раньше вырваться,— целуя то одну, то другую сестру, говорит Олег.— Как вам тут живется? Как бедуется?

Сестры наперерыв что-то рассказывают ему, что-то шепчут на ухо и спрашивают; он отвечает сразу обеим, и к дому они идут втроем, тесно обнявшись и улыбаясь друг другу.

А дети, подпрыгивая, бегут сзади, и даже Алина не подходит к дяде Леке, чтобы не помешать маме и Кате хорошенько поздороваться и излить свою радость.

Олег — старший и единственный брат Марины и Кати. Они рано лишились матери и, когда отец женился на другой, тяжело страдали от сурового обращения мачехи. Единственной воспитательной мерой воздействия этой злой женщины были розги. Особенно доставалось Марине, потому что Катя была еще маленькой, а Олег уже учился в городе. Приезжая на каникулы и видя жестокое отношение мачехи к сестрам, Олег пробовал жаловаться отцу, но отец был болен, редко выходил из кабинета, и мачеха умела убедить его, что мальчик не желает считаться с ней, как с матерью, и нарочно клевещет на нее отцу. Олега перестали брать на каникулы домой; он терзался, писал отцу умоляющие письма, но мачеха жгла их, не передавая.

Однажды Олег самовольно вырвался из пансиона и тайком приехал домой. Прорвавшись к отцу, он потребовал отдать ему обеих сестер или выгнать мачеху. Впервые после смерти матери отец откровенно объяснился с сыном и поверил ему. Олег получил разрешение взять Марину и поместить ее в частный пансион. Катя оставалась дома, но, когда через год отец умер, старший брат, приехав на похороны, тайком увез младшую сестру к себе. Боясь погони, он долго прятал сестру у знакомых, но мачеха и не думала разыскивать детей, не пробовала вернуть их домой и совершенно не интересовалась, на что они живут. Олег, боясь, что она потребует от него сестер, никогда не обращался к ней за помощью. В шестнадцать лет он уже окончил пансион и работал в частной конторе переписчиком, а в свободные часы бегал по урокам. Эти средства давали ему возможность платить в пансион за Марину и кое-как перебиваться с маленькой Катей.

Время шло, старшая сестра подрастала и становилась

в помощь брату; оба они, нагрузившись уроками, воспитывали младшую сестру. Катя долго не могла забыть истязания мачехи, она росла угрюмым, недоверчивым ребенком, дичилась чужих людей. Нежные заботы и ласки брата и сестры постепенно изменили ее характер, но на нем навсегда остался отпечаток грусти и суровости.

Выйдя замуж, Марина взяла Катю к себе и с тех пор никогда с ней не расставалась. Олег женился, но по-прежнему заменял сестрам отца. Мачеху они больше никогда не видели, и от тяжелого детства у всех троих осталась только страстная, нежная привязанность друг к другу. Поэтому и сейчас приезд Олега был большим праздником для сестер.

«Ты такой худой, Олежка! Поживи хоть немного с нами, отдохни»,— каждый раз просили Марина и Катя.

Но Олег никогда не отдыхал. Способный и деятельный, он вечно что-то изобретал и продавал свои маленькие изобретения какой-нибудь фирме, служил лесником, охотился и баловал сестер подарками. В революционной деятельности семьи Арсеньевых он не принимал прямого участия, хотя охотничий домик его в лесу был постоянным и надежным местом для укрывающихся от полиции революционеров. Там же хранилась и подпольная типография, вывезенная с элеватора.

— Вон бежит Лина! — освобождаясь от сестер, сказал Олег и пошел навстречу Лине.

— Здравствуй, здравствуй, моя Лина, чернобровая дивчина! — шутливо запел он, протягивая ей руку.

— Гость ты наш неописуемый! — запричитала Лина, на ходу вытирая раскрасневшееся лицо широким рукавом.— Заявился, наконец, долгожданный наш!

— Заявился! Заявился! И прямо к чаю! — шутит Олег.

— Здрасте, Олег Леонидович! — церемонно закончила свои причитания Лина, подходя ближе и протягивая дощечкой руку.— Вот радости-то! — снова затараторила она.— А мне нынче под утро крыса приснилась! Так и сигаеть вкруг меня, так и сигаеть! Ну, думаю, обязательно гость какой-нибудь неописуемый заявится! Встала утресь и давай пироги ставить!

— Пироги? Ну и молодец ты, Лина! То-то и мне нынче

приснилось, что я вокруг твоих пирогов так и сигаю, так и сигаю! — шутит Олег.

— Ишь насмешник! — хохочет Лина и, махнув рукой, бежит в кухню.— Катя, становь чашки, сейчас самовар несу!

За чаем Олег дурачится с детьми, показывает фокусы, вытаскивает из рукава то вилку, то нож. Повеселевшая Динка не сводит с него глаз; Алина обязательно хочет подловить дядю Леку и заглядывает ему в рукав; неисправимая читальщица Мышка держит на коленях недочитанную книгу и, пробегая тайком страницы, смеется из вежливости. Но она смеется невпопад, потому что, углубившись в чтение, не видит никого из окружающих.

— Мама, лежачего не бьют? — неожиданно спрашивает она, поднимая голову от книги.

За столом раздается общий хохот. Мышка сильно смущается и вместе с книгой юркает под стол. Но, когда хохот утихает, из-под скатерти снова показывается ее голова с прямыми прядями белых волос.

— Лежачего не бьют? — тихо и настойчиво повторяет она свой вопрос.

— Ха-ха-ха! Как раз бьют! — бойко отвечает Динка.

— Ого! — поднимает брови Олег и с комическим недоумением смотрит на Марину.

Сестра отвечает ему легким пожатием плеч, но щеки ее розовеют. А Динка уже уносится мыслями на берег, где лежат рядышком два ее врага — Минька и Трошка.

— Еще как бьют! — с удовольствием говорит она.

— Ну, это ты врешь! — вмешивается Олег.— Кто же бьет лежачего?

— Если человек лежит, значит, он уже сдался. Он беззащитный, а кто же бьет беззащитного? — серьезно спрашивает мать.

— В общем, этот лежачий может быть и не в прямом смысле слова лежачий, но как ей объяснить? — с улыбкой поворачивается к сестре Олег.

Но Динка снисходительно улыбается и щурит глаза:

— Лежачего не бьют, ну да... Пускай встанет и сам даст по шее?

— Кто встанет? — спрашивает Катя.

Динка настораживается. Она всегда настороже, когда в разговоре принимает участие Катя.

— Ну, если этот лежачий вдруг встанет и сам начнет бить? — спрашивает она.

— Динка, видно, подразумевает драку и хочет знать, как ей поступить, если враг ее уже упал и лежит,— догадывается Олег.

— Да,— хитро улыбается Динка.—Как быть, если он лежачий?

— Ну, если он упал, значит, ты оказалась сильнее. Зачем же тебе пользоваться своей силой и бить его еще? — пожимает плечами мама.— Ведь это же нечестно!

— А если он не упал, а просто спит. Вот я так иду, иду, а он спит... Он тоже лежачий? И его тоже нельзя трогать? — заинтересовывается Динка.

— Ну, это уж совсем подло, Дина! — хмурится мать.— Как ты не понимаешь таких простых вещей!

— А если человек просто упал... За ним гнались, а он бежал, бежал и упал — вот тогда разве можно его бить, мама? — взволнованно спрашивает Мышка, все еще находясь во власти прочитанной страницы.

— Есть такие негодяи, что и бьют,— серьезно отвечает Олег.

Но Динка не согласна. Ей сразу представляется, как главный ее враг, Минька, вдруг вскочил и удирает от нее во все лопатки; у Миньки длинные ноги, его бы ни за что не догнать, но вот счастье: Минька споткнулся и упал!

— Ого-го! — хохочет вдруг Динка.— Лежачего не бьют? А сидячего? Упал! Ого-го! Так я бы ему крикнула: сядь, убоище, сядь!

— А ты не знаешь, кто упал! Ты не знаешь! — вдруг обрушивается на сестру Мышка.

— А я посмотрю на его харю, так сразу узнаю! — старается перекричать ее Динка.

Взрослые озадаченно смотрят друг на друга.

Олег вдруг разражается громким хохотом.

— Я пропал, Марина! Я пропал! — хохоча, повторяет он.— Твое изысканное воспитание дает блестящие результаты! Ха-ха! Я погиб!

Катя, зараженная смехом брата, тоже начинает смеяться.

— Да перестань, Олег! С ней же ничего нельзя предви-

деть! — оправдывается Марина, с трудом удерживаясь сама от смеха.— Динка, ты совсем не понимаешь, что болтает твой язык! Ведь мы смеемся над твоей глупостью! — говорит она дочке.

— Это плохие слова, Дина, и маме стыдно за тебя! — вступает Алина, не понимая, как могут смеяться взрослые, видя такое безобразие.— Надо говорить «лицо», а не так, как ты...— поправляет она сестру.

— У хорошего — лицо, у плохого — харя,— решительно заключает Динка.

— Правильно! — вскакивает вдруг Олег.— У хорошего — лицо, у плохого — харя! Коротко и ясно! Марочка, не сбивай ее!

— Нет, неправильно! Это грубое слово, и если она сама может его произносить, то другим противно слушать! — горячится мать.

— Она не должна даже знать таких слов! — вставляет Катя.

— Ну, а если узнала? И совершенно правильно поняла их? Так чего вы от нее хотите?

Динка со снисходительной усмешкой смотрит на взрослых. Она знает и другие слова, похуже этого! Подумаешь, «харя»! Есть о чем спорить! Послушали бы, как грузчики на пристани ругаются!

Но девочке становится скучно. Она вообще не любит, когда много говорят об одном и том же. А у взрослых языки — как у ночного сторожа колотушка: тра-та-та... тра-та-та... Сами кричат и друг друга перебивают, а детям делают замечания.

— Мама! Пойдем к пианино! Мама! Давайте вылезать из-за стола!..— капризно тянет Динка.

Марина и Катя мгновенно забывают обо всем на свете.

— Олежка, спой! Спой! — обнимая брата, просят они.

Любимая вещь в доме — пианино — стоит в маленькой комнате, заменяющей в дождливые дни столовую. Алина зажигает свечи, Олег достает папку с нотами, мать придвигает к пианино свой стул. Мышка усаживается с Катей в одно кресло, Алина устраивается на подоконнике, Динка долго возит по комнате свой стул: ей обязательно надо видеть лицо дяди Леки, когда он поет. Наконец и она усаживается, обхватив руками колени.

— Ну, вы уселись? — спрашивает Олег и хлопает в ладо-

ши.— Начали! «Песня жаворонка». Кто написал? Какой композитор? Живо! — обращается он к девочкам.

— Рахманинов! Нет, Глинка! — гадает Мышка.

— Алябьев,— говорит Алина.

— А ты, егоза, как думаешь? — спрашивает дядя Лека Динку.

— Я никак о нем не думаю.

— Нехорошо. Песни любишь, музыку любишь, а не хочешь даже знать, кто написал. Ну, начали!

Марина берет первые аккорды.

— «Между небом и землей жаворонок вьется...» — тихо и медленно начинает Олег.

Маленькая птичка кружится и кружится над землей вместе с голосом дяди Леки, с поющими клавишами под мамиными руками, она поднимается вверх и падает вниз. Из-под Динки уходит стул; вцепившись в свои коленки, она тоже поднимается и падает вместе с голосом дяди Леки, вместе с птичкой... И сердце у нее замирает, как на качелях... А жаворонок поднимается все выше, он уже поет над другой птичкой, над подруженькой своей поет этот жаворонок звонкий... Губы Динки шевелятся, лицо принимает выражение поющего Олега, жаворонок кружится уже где-то далеко-далеко...

Когда последние аккорды замирают, все молчат.

Динка тоже молчит. Перед ее глазами встают какие-то смешные штучки-закорючки на нотах. Ей хотелось бы спросить самого композитора, как это он придумал, что из таких закорючек получается песенка птички...

Но дядя Лека ставит перед мамой новые ноты, и все знают, что сейчас будет что-нибудь веселое. Веселая музыка и веселые слова не бросают Динку вверх и вниз, она принимает их как плясовые, ей хочется выделывать какие-то антраша ногами и руками, она не может удержаться и подпрыгивает на стуле в такт музыке.

Но все уже кончается, и только в тишине слышен голос Кати:

— Динка, сиди тихо!

Дядя Лека достает из папки еще одни старые, истрепанные ноты.

— Что это? — спрашивает Марина, глядя на обложку.

Когда мама поворачивается, от пламени свечей косы ее

блестят, словно переплетенные золотыми ниточками. Но косы мешают ей, брат бережно поднимает их и укладывает за спинку стула. Золотые ниточки исчезают.

— Вот сейчас мы вам споем волжскую песню про Степана Разина! — объявляет дядя Лека.

Динка нетерпеливо ждет. Она знает, кто такой Стенька Разин. Мама много рассказывала о нем. И теперь иногда, глядя с обрыва на Волгу, Динка представляет себе, как выплывают на середину реки расписные острогрудые челны. И на переднем сидит Стенька Разин. Кафтан его весь в серебре и золоте, шапка у него из алого бархата. Стоит перед ним чарка вина, и сидит рядом с ним персидская княжна. Но атаман говорит, что эта самая княжна совершенно ему не нужна, и Динка вполне согласна с атаманом Стенькой Разиным. Сейчас он будет сражаться и убивать врагов, тут такое подымется, и она будет сидеть и хныкать, а товарищи атамана рассердятся — одним словом, ни к чему ее тут держать! Пускай берет ее себе в подарок Волга-матушка! Вот какая песня есть про атамана, но дядя Лека будет петь про какой-то утес.

— Утес Стеньки Разина,— объявляет он.

Динка настораживается и вся превращается в слух.

Есть на Волге утес,
Диким мохом оброс,—

запевает Олег.

Динке представляется поросший зеленым мхом утес. Высоко-высоко возвышается он над Волгой. И сидит на том утесе храбрый атаман Стенька Разин. И никто не знает, о чем он думает, знает один утес. Но если взобраться на этот утес, то

...утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет...

Динка глубоко задумывается. Песня давно уже допета, а она сидит, не шевелясь и уставившись в одну точку.

Дядя Лека тихонько окликает ее, потом громко кричит, вскидывая вверх руку

— «Сарынь на кичку!»

Динка вскакивает.

— Что это? — испуганно спрашивает она.— Что ты закричал?

— Ага! — смеется дядя Лека.— А важничаешь, будто все знаешь... Ну-ка, Мышка, объясни ей, что я крикнул.

Мышка охотно спрыгивает с кресла:

— Это, понимаешь... Степан Тимофеевич...

— Не хочу Тимофеевича какого-то... Говори: атаман Стенька Разин,— недовольно прерывает Динка.

— Ну, это ведь все равно... Так вот, когда увидит атаман врагов и захочет на них напасть, он сразу кричит: «Сарынь на кичку!» И все товарищи его выскакивают, а враги сильно пугаются, и никто атамана победить не может... Да, дядя Лека? — спрашивает Мышка.

— Да-то да, но что означают эти слова? Ты не знаешь?

— Это, может, такой клич просто? — интересуется Мышка.

— Нет, не просто... Сарынь — это голытьба...— начинает объяснять дядя Лека, но Динка крепко зажимает уши и отбегает к двери.

— Мне не объясняй! Я сама знаю! — кричит она оттуда. Ей кажется, что чудесные слова потому и таят в себе волшебную силу, что они непонятны. Сам атаман Стенька Разин шел с ними в бой!

«Сарынь на кичку!» Они звучат как заклятие против врагов. Как можно их объяснить простым, скучным голосом? Они могут все потерять от этого... И, пятясь от дяди Леки, Динка еще крепче зажимает уши.

— Не объясняй! Не объясняй! Я не хочу! — кричит она с испуганным и сердитым лицом.

— Что случилось? — спрашивает мама, но Динка уже исчезает за дверью.

— Вот лентяйка! Ничего выслушать не может! — серьезно говорит сестре Олег.— Хотел им объяснить, что значит «сарынь на кичку», а она заткнула уши и убежала. Надо с этим как-нибудь бороться, Марина!

— Я тоже говорю...— вмешивается Катя.

Между взрослыми заводится спор о воспитании детей. Алина торопится высказать свое мнение наравне с мамой и Катей, Мышка, стоя в углу, тревожно прислушивается к повышенным голосам: она боится, чтобы взрослые не перессорились между собой.

Динка стоит за дверью в нерешительности. Она слышит, как

дядя Лека и Катя упрекают маму в излишней мягкости, как мама, волнуясь, оправдывается и сердится.

— Катя хочет сделать из меня какого-то жандарма в юбке! — говорит мама.

«Вот дура эта Катя! — пожимая плечами, усмехается Динка.— Еще не хватало, чтобы приехал папа и застал вместо мамы какого-то жандарма в юбке!» Динке кажется это смешным, но ей жаль маму... Вон и дядя Лека нападает на нее.

— У меня действительно, может быть, мягкий характер... И потом, я никогда не забываю мачеху...— оправдывается мама.

— Но никто же и не предлагает тебе мачехины меры! — возмущается брат.

«Бедная мама! — думает Динка.— За что они нападают на нее?» Если за то, что она мама и родила такую плохую девочку? Так ведь родила-то она ее совсем маленькую и еще не плохую! А теперь Динка уже сама по себе, можно было бы не приставать к маме, а ругать самое Динку. Смешно прямо! Но Динке не смешно, ей надо выручать маму. Она распахивает обе половинки двери с таким треском, как будто рвет на груди рубаху, и появляется на пороге с таким видом, как будто хочет сказать: «Нате, стреляйте! Вот я!» Но никто уже ничего не говорит и даже не обращает на нее внимания. Дядя Лека снова роется в папке и ставит перед мамой еще одни ноты.

— Сейчас мама сыграет любимую Динкой «Бурю на Волге». Под эту музыку папа часто укладывал спать своего Ораломученика! — улыбаясь, говорит он.

Воспоминание об отце сразу отражается на лицах детей. Алина и Мышка с нежной завистью смотрят на Динку, кивают ей, указывают глазами на пианино, откуда уже слышны первые раскаты начинающейся бури...

Динка должна бы счастливо улыбаться и вспоминать о том, как папа брал ее на руки и шел с ней в детскую, оставляя открытой дверь в гостиную, где играла мама.

Но у Динки неспокойно на душе. Она не видит папы... она видит большие пенистые волны над своей головой... Волны швыряют ее то вверх, то вниз... А рядом с ней мокрое лицо мальчика... Синие губы его шевелятся. «Не бойся... не бойся...» — слышится ей сквозь бурю в песне рыбаков, которую играет мама... Динка хватается за голову и тихонько стонет.

«Это он топил меня, он!» — слышит она свой голос. Бородатый человек поднимает тяжелый кулак... «Ленька! Ленечка!» Динка хочет бежать к маме, но громкий плач вырывается из ее груди.

Музыка резко обрывается. Мама и дядя Лека подбегают к девочке, пробуют разнять руки, обнимают ее, что-то говорят ей тихими, ласковыми голосами. Катя взволнованным шепотом упрекает за что-то брата и сестру... А Динка громко и безутешно плачет. Она знает, что никто-никто не может ей помочь, даже мама.

* * *

Уложив плачущую Динку, мать долго сидит у постели девочки, пытаясь разгадать причину ее слез.

— Просто нужно было вовремя уложить ее спать,— говорит Катя, чувствуя себя виноватой в том, что не подумала об этом раньше.

— Может быть, я как-то неосторожно напомнил ей об отце? — предполагает Олег, тоже чувствуя себя виноватым в Динкиных слезах.

— Нет... нет...— качает головой мать,— скорее, просто музыка... Ложитесь спать, дети! Попрощайтесь с дядей Лекой и ложитесь,— говорит она.

Мышка и Алина по очереди виснут у дяди Леки на шее. Завтра они уже не увидят его: он всегда уезжает с самым ранним пароходом.

— Идите, идите уже! — торопит их Катя. Ей хочется скорее уложить детей, чтобы успеть наговориться с братом. Они всегда очень долго сидят втроем, а сегодня сестрам необходимо рассказать Олегу о ночном приезде дворника с городской квартиры и о многом другом.

— А! — грозит пальчиком Алина.— Вы будете разговаривать без меня! Вы, может быть, разные секреты будете говорить!

— Ну мало ли о чем мы должны поговорить! Иди скорей и ложись... Мышка, не разбуди Динку! — на всякий случай говорит мама, хотя разбудить Динку — это обычно совсем не легкое дело.

Дети уходят. В комнате Марины до рассвета горит лампа. Олег слушает сестер и рассказывает им всякие новости сам.

История с неизвестным человеком, который расспрашивал о том, куда уехала госпожа Арсеньева с детьми, очень не нравится ему. Он хмурит брови, задумывается. Потом вдруг, хлопнув себя ладонью по лбу, весело говорит:

— Догадался! Знаете, кто это? Один из Лининых поклонников! Вы помните, как уже один раз она всех напугала? Помните?

Глава двенадцатая

ЛИНА

Лина поступила к Арсеньевым, когда у них только что родилась Динка. Взяли ее прямо из деревни, куда ездила Марина с детьми на летние месяцы. Родных у Лины не было, старшего брата Силантия забрили в солдаты, вести от него приходили редко. Первые дни Лина дичилась, по комнатам ходила на цыпочках и отвечала на вопросы шепотом. Чернобровая, румяная, с золотисто-карими глазами, в длинном деревенском сарафане и с толстой русой косой, Лина была настоящей русской красавицей, и знакомые Арсеньевых удивлялись:

«Где вы такую красоту выкопали?»

«Это я нашла! — с гордостью отвечала Марина.— Она не только красивая — у нее душа замечательная!»

«Барыня, миленькая...» — говорила Лина.

«Я не барыня! — обижалась Марина.— Не называй меня так, Линочка. Зови меня, как все, Марина Леонидовна».

Лина мялась, путалась, не в силах запомнить такое длинное имя, и, не называя свою хозяйку никак, в случае надобности дергала ее за подол и объяснялась с ней по-своему:

«Иди... как тебя звать-то... запамятовала я опять».

Лина приучалась к работе медленно. «Сронив» на пол чашку, она сильно пугалась и начинала плакать.

«Линочка, здесь нет злых людей, не бойся же так! Никто не обидит тебя,— с огорчением говорила ей Марина.— Ну, разбила и разбила! Так же и я могла разбить! Ведь не нарочно же!»

Через неделю после поступления Лины к Арсеньевым в семье случились два события: рассчиталась и уехала к сыну старенькая кухарка Агафья и заболела воспалением легких Мышка.

Слабенькая Мышка болела очень тяжело, воспаление легких повторялось у нее четвертый раз. Мать и молоденькая тетка сбились с ног, отец вместе с ними просиживал ночи около постели девочки... Малайка бегал то за доктором, то в аптеку... На Лининых руках осталась заброшенная Динка и пустая, холодная кухня, в которой некому было истопить плиту и сварить обед. Видя всеобщее отчаяние и слезы, Лина вдруг почувствовала себя необходимой и, никого уже не спрашивая, как и что делать, вставала чуть свет, топила плиту, наваривала по-дерезенски «пишшу» на целый день, купала и укачивала Динку, носила ее к матери кормить и, находя, что малышка орет с голоду, подкармливала ее манной кашей. Когда кризис миновал и Мышка начала поправляться, голоса в доме зазвучали громче и веселее, все вспомнили о маленькой Динке, отданной всецело на руки Лине.

«Надо бы подкармливать ее кашей»,— сказала мать.

«Ишь когда надумалась! — засмеялась Лина.— Уж без тебя подкармливаю! Разве она так орала бы? Она бы вам ни днем ни ночью спокоя не дала!»

Так Лина сделалась хозяйкой, перестала дичиться людей и, встречая на базаре кухарок из богатых домов, скромно выспрашивала у них рецепты городских кушаний. Марину она называла теперь милушкой, а Динку считала своим выкормышем и любила ее больше остальных детей. Нового человека Арсеньевы не брали, помогал по хозяйству Малайка, которым Лина командовала как хотела. Новый человек в доме был опасен: тревоги и волнения, связанные с революционной работой Арсеньевых, трудно было бы скрыть от чужих глаз и ушей. Лина многое видела, многое слышала, многое поняла и многого не поняла. Всех жандармов она называла «приставами» и больше всего боялась сыщиков. Сыщики мерещились ей везде и всюду. Случай, который вспомнил Олег, был такой: однажды молодой парень, заглядевшись на красивое, румяное лицо Лины, пожелал с ней познакомиться и начал частенько похаживать около дома Арсеньевых. Лина прибегала вся в слезах.

«Сыщик! Выглядывает чегой-то! Господи! Так бы и своротила ему скулы на сторону... Ведь заарестуют нас всех тута... урод неслыханный!»

Это было после арестов и обысков девятьсот седьмого года.

В то время жандармское управление еще не имело сведений об отъезде Арсеньева и пыталось найти его след. Около дома Арсеньевых нередко появлялся сыщик.

«Ходит урод... ходит!» — жаловалась Лина, прибегая под вечер из булочной...

Однажды Катя решилась выйти. У ворот действительно прохаживался какой-то парень. Катя была сама еще очень молодой, но характер у нее был решительный и уже закаленный в постоянных опасностях. Она подошла вплотную к чужому человеку и строго спросила, что нужно ему около их дома. «Урод» оказался красивым парнем с кудрявой шевелюрой. Он смущенно снял картуз и молча стоял перед Катей, подавленный суровостью ее взгляда. Потом оказалось, что он мастеровой и что ему понравилась «куфарочка» из этого дома, но познакомиться с ней не решается — вот и ходит в пустой надежде около дома

«Вы не подумайте чего-нибудь плохого...» — умоляюще повторял парень.

Подозрительная Катя, не зная, чем кончить этот разговор, придумала выход:

«Пусть придет к нам ваша мать»,— сказала она.

Парень обрадовался, и на другой день чинная старушка в кашемировой шали робко кланялась у порога. Семья оказалась хорошая, рабочая.

Лина расчувствовалась, поила старушку чаем, а под конец обратилась к ней с «покорнейшей и нижайшей» просьбой, чтобы парень не ходил у ворот: «Замуж я не пойду, а время провожать зря нечего».

Всем было жаль красивого парня, но Арсеньевым Лина объяснила свой отказ тем, что раз уж померещился ей в парне сыщик, то так и будет всегда мерещиться.

«Не смогу я его личность переносить».

Парень долго писал слезные письма, получая всегда один и тот же ответ:

«Покорнейше и нижайше прошу: оставьте меня, девицу, в покое».

Напомнив сестрам этот случай, Олег весело сказал:

— Конечно, это опять какой-нибудь из Лининых поклонников, поэтому он и не пришел к тебе на службу! А что ж, Малайка

по-прежнему любит нашу недоступную красавицу? — спросил он.

— Любит, бедный,— вздохнула Марина.

Олег вдруг посмотрел на Катю и начал поспешно рыться в боковом кармане.

— Ой-ой-ой! Чуть я не забыл! Хорош друг! — Он вытащил сложенный вдвое конверт.— Вот, Катя, тебе письмо от Виктора. Я подозреваю, о чем он пишет. И, несмотря на нашу дружбу, отклонить его предложение сам я не решился. Напиши ему мягко, но окончательно, не оставляя никаких надежд. Он очень хороший человек — пожалуйста, не допускай никаких резкостей. Откажи мягко, но решительно,— повторил старший брат.

Катя вспыхнула, рассердилась:

— Почему я должна отвечать? Отвечайте сами!

— Кто — сами?

— Ты и Марина! — дернув плечом, сказала Катя.

— Но он же не нам делает предложение! Я, может быть, и не отказался бы от такого богатого жениха. Директор сахарного завода! Сколько одного варенья наварить можно! — пошутил Олег и снова строго сказал: — Бери письмо и отвечай, но помни, что обижать этого человека не за что. Он и так будет очень тяжело переживать твой отказ, поэтому пиши просто, тепло, но решительно. Ты уже взрослая и сама понимаешь, что значит любовь... А Костя не приезжал? — живо спросил он сестер.

Катя еще гуще покраснела и, взяв письмо, вышла из комнаты.

— Костя приезжал несколько раз. Но ведь он все время занят...— Марина наклонилась к брату и что-то зашептала ему на ухо.

Олег покачал головой и глубоко вздохнул.

— Жаль мне нашу Катюшку,— тихо сказал он.— Много горя принесет ей эта любовь. Костя постоянно рискует своей головой... Ну, что делать... Напомни ему на всякий случай, что мой охотничий домик по-прежнему стоит в лесу. По счастью, наш граф не любит эти места,— улыбаясь, сказал Олег.

Катя спрятала письмо и, успокоившись, снова вошла в комнату. Беседа со старшим братом продолжалась до рассвета. Говорили о детях, о Саше, от которого давно нет писем. Олег

жаловался на тягостную скуку в имении графа. От станции далеко, в прилегающем селе нет школы, кругом леса...

— Зато в моем распоряжении великолепные орловские рысаки,— грустно шутил Олег.— На моей обязанности следить, чтоб они не застаивались в конюшне. Ну вот я и езжу то к Виктору на сахарный завод, то за почтой на станцию... Кстати, Костя очень интересовался графскими лошадьми, так передайте же ему, что и лошади и охотничий домик в лесу по-прежнему в моем распоряжении. Его сиятельство приезжает на охоту по первой пороше, а до тех пор я полный хозяин в имении.

Когда Олег уехал и сестры легли спать, ночная роса уже высохла на цветах, птицы громко пели и Динка открыла глаза.

Глава тринадцатая

ВСТРЕЧА НА БЕРЕГУ

«Сегодня воскресенье,— думает Динка.— Мама целый день дома. Надо побежать на берег, пока все спят, и посмотреть на баржу. Если Ленька там, можно тихонько вызвать его и сказать, что я не нарочно. А если он захочет меня побить, то пускай бьет...»

Динка потихоньку сползает с кровати и смотрит на спящую Мышку. Что-то еще нужно сделать на берегу... Динка мучительно вспоминает и не может вспомнить. Что это такое было вчера вечером? Дядя Лека пел... Ой, да! «Есть на Волге утес...» Надо обязательно найти этот утес! На нем сидел и думал атаман Стенька Разин. Если Динка заберется туда, то «утес-великан все, что думал Степан,— все тому смельчаку перескажет...».

Динка ищет платье, но платья нет ни у нее, ни у Мышки. В субботу Катя всегда отбирает их платья, а в воскресенье дает им чистые. Но, когда Катя проснется и принесет платье, будет уже поздно идти. Динка вспоминает, что в ящике для игрушек есть ее старое, прошлогоднее платье. Мама отдала его для кукол. Один рукав они с Мышкой уже оторвали, но самое платье, может, еще цело. Но, чтобы пройти на террасу, надо открыть дверь в мамину комнату и пробраться мимо Кати и мамы. Динка открывает окно и, цепляясь за подоконник, спрыгивает на землю. На террасе скрипучие половицы — Динка перелезает

через перила. В ящике действительно лежит старое платье с вылинявшими синими цветочками. Один рукав его вырван от плеча, другой отрезан до половины.

«Ничего,— думает Динка, натягивая на себя платье.— Можно потом оторвать и второй рукав, тогда будет одинаково. Мало ли какие люди есть на свете! У одних такие платья, у других — другие...»

Динка замечает на полу свое яблоко. Но оно почему-то уже надкусано. Когда же она его надкусила? Ведь это яблоко было для Леньки... Вот дурка так дурка! Ешь теперь сама! Динка хватает яблоко и на цыпочках спускается в сад. В саду около палатки, где живет дедушка Никич, раздается тихое покашливание. Значит, он уже встал!

Динка, пригнувшись и прячась за кустами, бежит к забору. Отодвинув доску, помеченную красным карандашом, она выскакивает на дорогу. Теперь все! Беги да беги, не оглядывайся! Все, что встретится, все, что увидится,— все твое! Где идешь, где стоишь — никому до тебя нет дела. Забежишь за деревья и спрячешься, а деревья стоят и молчат; спрячут тебя и с места не сойдут.

— Айда! Айда! — подгоняет себя Динка.

Свежее утро холодит ей спину, короткое платье не закрывает голых коленок. Но солнце уже близко, с обрыва будет видно, как оно вылезает из воды, огромное, красное... Сначала до половины вылезет, потом присядет на воду отдохнуть, а потом не успеешь и оглянуться, как оно уже поднимется на небо. Одно-одинешенько солнце, а всю землю греет, всех людей припекает и глядеть на себя не велит — не любит! Как засветит в глаза, так и ослепнешь!

Босые ноги легкие, они бегают хорошо. Вон уже и обрыв... Динка раздвигает кусты и смотрит на Волгу. Сердце у нее начинает сильно биться... Вон баржа... Только Леньки на ней не видно. Может, он в том домике, что стоит на палубе? Может, он еще спит и хозяин его спит... Что же делать теперь? Если спуститься на берег и спросить каких-нибудь дачников, где утес Стеньки Разина? По воскресеньям много приезжает дачников. Надо пойти подальше от пристани, туда, где купаются дачники, и подождать какого-нибудь дяденьку с полотенцем через плечо — такой уж наверное знает, где утес. Только бы не

набежали Минька и Трошка... Она сама их найдет, когда побывает на утесе, они от нее не уйдут теперь! Дудки! Динка садится на обрыве и смотрит на солнце. Солнце уже совсем вылезло из воды, по Волге идут пароходы, тянутся плоты... «Что же это нет людей?» — беспокоится Динка и тихонько взглядывает на баржу. И там пусто... В воскресенье мама спит долго, а сегодня они с Катей провожали дядю Леку — может быть, еще дольше поспят? Не поискать ли самой этот утес? Динка идет по обрыву, держась за кусты, становится на самый край и, высунувшись, вглядывается в даль... Нет, нигде не видно большого камня, поросшего мхом...

А на берегу появляются уже дачники. Динка видит двух человек — женщину и мужчину. Мужчина в белом халате, как доктор. Он что-то рисует, глядя на обрыв. Рисует он на большом полотне, натянутом на рамку. И рамка эта с полотном стоит перед ним на трех деревянных ножках. «Художник! — догадывается Динка.— Интересно посмотреть, что он рисует». Женщина указывает ему на Волгу и что-то говорит. На ней белое платье и кружевная накидка. Когда она оборачивается к обрыву, видно ее нежно-розовое лицо, окаймленное черными локонами.

«Волосы черные, а красивая...» — удивляется Динка. Ей кажется, что красивее всех на свете ее мама, потому что у нее светлые волосы, но, оказывается, и с черными бывают красивые. Динка свешивается с обрыва. По склону, у самых корней среди зеленых пучков неудобно растущей травы, белеют нежные цветы кувшинок. Их трудно добыть, но Динке это нипочем. Она часто рвет кувшинки для мамы, но домой не приносит. Дома все знают, где растут эти цветы, и у Динки могут быть неприятности.

— Плывите к маме,— говорит она кувшинкам и пускает их на воду. Может, на середине реки они встретят мамин пароход...

С берега вдруг доносится звонкий смех. «Катись, серебряное яблочко, по серебряному блюдечку» — вот какой это смех! Злые люди так не смеются. И уж наверное, этот художник знает, где утес Стеньки Разина. «Сейчас я дам им кувшинки и спрошу про утес»,— решает Динка и, схватившись за куст, повисает над обрывом. Берег далеко, но выступающих по склону корней много, есть один даже такой толстый обломыш, что на нем можно и посидеть. Динка спускается медленно, держа во рту букетик кувшинок, руки у нее должны быть свободны. Внизу

слышатся тихие голоса... Женщина в белом платье и художник, подняв головы, смотрят на девочку. Динка чувствует себя польщенной их вниманием, ей хочется похвастаться своей ловкостью. Она ускоряет движения, виснет на одной руке и, достигнув толстого корня, усаживается на нем, обрывая вокруг цветы.

— Она упадет, она упадет...— тревожно повторяет женщина, следя глазами за Динкой.

— Не упадет! — весело отвечает художник.— Она лазает как обезьянка.

Динке не нравится слово «обезьянка», и настроение ее портится. Обезьянка — это опять та же Макака. Стóит перед ними «показываться» после этого! Зажимая в руке цветы, она быстро спускается и прыгает на песок. Половина рваного рукава свисает с ее плеча, сбоку на платье — дырка, прожженная утюгом, нечесаные волосы закрывают лоб и лезут на щеки. Она стоит в нерешительности, не зная, как назвать человека в белом халате, чтобы спросить у него про утес.

«Скажите, пожалуйста, художник...» Или: «Скажите, пожалуйста, господин...»

Динка хочет быть вежливой.

— Скажите, пожалуйста...— тихонько спрашивает она.

Но художник дергает за руку свою подругу.

— Смотри! Смотри, какая прелесть! — неожиданно говорит он, указывая на девочку.— Вот он, сюжет!

Динка вспыхивает ярким румянцем, глаза ее густо синеют от удовольствия. Никто еще никогда не говорил, что она прелесть. От восторга и благодарности она не знает, что делать. Отдать им цветы? Сказать спасибо?

— Что тебе нужно, девочка? — ласково спрашивает женщина.

Динка протягивает ей зажатые в руке цветы:

— Вот кувшинки... возьмите...— Она скашивает глаза на белый халат и, боясь обидеть этого человека, робко добавляет: — Поделитесь с ним.

— Спасибо! Я поделюсь! — смеется женщина и, порывшись в кармане, достает серебряную монетку.— Вот возьми... купи себе конфетку.

— Нет,— говорит Динка, отступая и пряча назад руки.—

Нет! — Румянец сбегает с ее щек, глаза смотрят испуганно.— Я только хотела спросить вас: где утес Стеньки Разина?

— Что? Что? — растерянно переспрашивает женщина, держа в руке монетку и вопросительно глядя на своего спутника.— Какой утес?

— Утес Стеньки Разина, о котором поется в песне,— твердо отвечает Динка.

— Постой, постой... Есть такой утес! Но где он, я тоже не знаю. Ты говоришь, что о нем поется в песне? — с любопытством разглядывая девочку, вмешивается художник.

— «Есть на Волге утес, диким мохом оброс...» — мечтательно говорит Динка и, вздохнув от неудачи, поворачивается, чтобы уйти.

— Подожди... Мы придем сюда завтра. Я узнаю, где этот утес, хорошо? А потом я буду рисовать тебя — вот там, на обрыве. Я художник... Ты знаешь, что такое художник? — быстро и ласково говорит человек в белом халате.

— Я знаю...— Динка бросает беглый взгляд на полотно. «Но ведь он сказал, что я лазаю как обезьянка. Может, он и нарисует какую-нибудь обезьянку».— Вы нарисуете меня красивой? — с беспокойством спрашивает она.

— Красивой? — Художник оглядывается на свою подругу, но та прячет лицо в кувшинки.— Послушай, тебе не нужно быть красивой. Я нарисую тебя такой, какая ты есть,— серьезно говорит художник и берет Динку за руку.— Ты будешь вон там на обрыве срывать цветы, а я буду тебя рисовать. Придешь?

Динка вспоминает, что завтра с утра мама уже уедет.

— Приду! — весело говорит она и, взмахнув рукой, указывает на обрыв.— Я буду там виснуть хоть целый день!

— Ой, боже мой! — смеется женщина.

— Нет, виснуть не надо. Приходи прямо сюда, и мы будем уже здесь,— улыбаясь, говорит художник.

Динка кивает головой и снова поворачивается, чтобы уйти.

— Но ведь мы можем уехать завтра! — беспокоится женщина.— Предупреди ее, что мы можем уехать.

— Я никуда не уеду, я с детства не видел Волгу! — сердится художник.

Динка торопится уйти. Когда взрослые заводят между собой ссору, то попадает и детям.

— Подожди, девочка! Ты скажешь нам завтра, зачем тебе нужен утес Стеньки Разина? — снова окликает художник.

— Нет, не скажу! — отвечает Динка и бежит по берегу.

Солнце уже обливает горячим теплом ее голову и плечи. Вон как далеко еще пристань! Надо посмотреть еще раз на баржу и бежать домой.

Глава четырнадцатая

ШАПКА ШАРМАНЩИКА

Динка подходит близко к барже, но с берега не видно, что делается на палубе. Покричать Леньке она не решается и, постояв немного, идет на пристань.

«Посмотрю, что там делается, и бегом домой»,— решает она.

У пристани стоит дачный пароход. По мосткам сходят дамы с зонтиками и корзиночками, мужчины с перекинутыми через руку пальто, нарядные девочки, мальчики, пожилые тетеньки... Слышны веселые дачные голоса, шутки, удивленные возгласы, смех. Около пристани — большой воскресный базар. Торговки продают свежую и соленую рыбу, ситные хлебцы и баранки. Разносчик носит большой лоток со сладостями. Лоток этот держится на ремне, перекинутом, как петля, на шее разносчика; он, наверное, очень тяжелый, потому что сзади разносчик подкладывает под ремень заскорузлую от пота, сплюснутую, как лепешка, подушечку.

— Вот рожки, тянучки, сладкие конфеты! Вот пряники с картинками — забава для детей, радость для родителей! — выкликает он зычным голосом, прохаживаясь взад и вперед по берегу.

Дети то и дело подбегают к нему, протягивая зажатые в руке медяки. Динка заглядывается на тугие черные рожки, на маковки и перевитые бумажными ленточками длинные конфеты. Но у нее нет денег, и, сглотнув слюну, она отходит ни с чем.

А вот и два знакомых мороженщика; они стараются держаться подальше друг от друга, но всегда встречаются и, переругавшись, снова расходятся. Динка уже не раз покупала у них мороженое. Они дают его в костяных стаканчиках с костя-

ными ложечками. Когда у человека нет ни одной копейки, то лучше не смотреть, как другие едят из таких стаканчиков.

А пароход все стоит. «Чистая» публика уже давно сошла, теперь сходят мужики, бабы с грудными детьми, торговки с корзинами, цыгане в теплых меховых шапках и цыганки с серьгами в ушах, в цветных шалях и широченных юбках. Сходят татары в тюбетейках и длинных халатах. Татары держат в степи кобылиц и продают дачникам жидкий острый кумыс — в жару он такой холодный и приятный. А татары почти все похожи на Малайку, и лица у них черные, потому что они живут в степи.

Динка протискивается к самым сходням, ей хочется пробраться на пароход, публика уже сошла. Но теперь по сходням бегут грузчики.

— Посторонись! Посторонись! — кричат они. На спинах у них прикреплены дощечки, чтобы тяжелые ящики, которые они тащат, не сползали вниз.— Посторонись! Посторонись!..

Лица у грузчиков черные, потные, ноги худые, с синими жилами, рубахи рваные, истлевшие от грязи и пота. Динка очень жалеет грузчиков.

На пристани есть чайная, она называется почему-то «Букет»; там стоят столики, и половые в фартуках разносят чай в круглых пузатых чайниках. Грузчики нарезают большими ломтями хлеб и, толпясь около стойки, пьют, закусывая сухой воблой и хлебом. Один раз Динка пролезла в этот «Букет» за грузчиками: ей очень хотелось знать, что они едят и почему они такие худые. В чайной стоял настоящий дым коромыслом, пахло табаком, грузчики колотили о столики сухую воблу и ругались нехорошими словами. Динка тоже купила себе воблу и хотела поколотить ее об один столик, но там сидели два грузчика, и старший из них сердито закричал на нее:

— Куда лезешь? Что, тебя дома не кормят, что ли?

Динка бросила воблу и убежала; ей только хотелось посидеть в «Букете» так же, как эти люди.

Динка отходит от пристани и замешивается в толпу. Черноглазая цыганка держит руку молодой женщины и водит пальцем по ее ладони. У женщины за спиной плачет ребенок, на локте висит тяжелая корзина, платок съехал с ее головы, но она внимательно слушает, что говорит ей цыганка.

— Через счастливую судьбу свою разбогатеешь, через черную женщину получишь хлопоты и слезы...

Лицо у женщины становится изумленным, словно ее вдруг осеняет какая-то мысль.

— Верно, верно,— кивает она головой,— через соседку и слезы... и хлопоты...

Динка отходит. Ее привлекают тягостные скрипучие звуки шарманки. Это бедный старичок шарманщик. У него очень плохая, старая шарманка. С нее свисает какая-то рыжая бахрома и темная рваная тряпка. А наверху стоит ящичек с двумя отделениями. В этих отделениях — свернутые в трубочку бумажки. Люди покупают их на счастье. Счастье стоит копейку, но если бы его вытягивал клювом попугай, то люди брали бы охотнее, а так они не очень-то верят в это счастье.

У богатых шарманщиков бывает обезьянка в красной юбочке и попугай или даже крыса. Один раз, еще в городе, Динка заплатила копейку, и крыса вытащила ей свернутую в трубочку бумажку. Там было написано: «Вы найдете свое счастье в скором браке». Девочка свернула бумажку и положила обратно в ящик.

Динка пробирается сквозь толпу на звуки шарманки. Старик шарманщик стоит среди собравшихся вокруг людей и крутит железную ручку. У него всего несколько песен и одна плясовая музыка. Он играет «Разлуку», потом «По Мурманской дороге стояли три сосны» и «Ах, зачем эта ночь так была хороша!». Динка знает все эти песни, но больше всего ей нравится плясовая, потому что за нее в шапку старика чаще всего бросают денежки.

Девочка пробирается поближе к старику. Сегодня воскресенье, на пристани много народу — наверное, денежки так и посыплются в шапку старика. Один раз Динка положила туда целый пятак, и с тех пор шарманщик всегда кивает ей головой. Шарманка проигрывает все свои песни и единственную плясовую; люди слушают и уходят, подходят новые, толпятся девчонки и мальчишки. Но у девчонок и мальчишек нет денег, они слушают на даровщинку. Старик кончает играть и, сняв с головы шапку, идет по кругу. Но никто не роется в карманах, никто не вынимает на ладонь медные гроши. Шарманщик кивает Динке головой и на минуту задерживается перед ней, встряхи-

вая своей шапкой. У Динки сжимается сердце: у нее ничего нет, а в шапке так жалобно звенят две копейки...

Если бы посадить на шарманку обезьяну в красной юбочке, то люди смеялись бы и платили деньги, а если бы хоть один раз под эту шарманку спел дядя Лека, то денежки так и посыпались бы в шапку... А что, если ей, Динке, спеть? Она может почти так же, как дядя Лека, только своим голосом. Может быть, люди дадут старику больше...

Динка с волнением вглядывается в лица... А что, если все начнут кричать и гнать ее отсюда? Да еще кто-нибудь расскажет маме и Кате... Динка стоит в нерешительности, лицо ее то густо краснеет, то покрывается зябким холодом. А шарманщик вынимает из шапки две копейки и снова берется за железную ручку.

— Дедушка! — подбегая к нему, взволнованно шепчет Динка.— Играй «Ах, зачем эта ночь», играй скорее!

Шарманщик кивает ей головой и, хрипло заканчивая «Разлуку», переходит на другой мотив.

Динка прижимает руку к сильно бьющемуся сердцу.

Ах, зачем эта ночь
Так была хороша...—

медленно запевает она.

Не болела бы грудь,
Не страдала б душа...

«Не страдала б душа!» — звонко и горестно повторяет Динка, стараясь во всем походить на дядю Леку. Люди смотрят на ее рваное платье, на босые ноги и придвигаются ближе. Динка чувствует, что они жалеют ее, бедную, несчастную сиротку. Ей тоже делается жаль себя, и старого шарманщика, и того, о котором поется в песне:

Полюбил я ее, полюбил горячо,
А она на любовь
Смотрит так холодно...

Слова эти Динка выводит со слезами и, теряя образ дяди Леки, представляет себя брошенной, нищей девочкой...

Круг ширится, люди проталкиваются вперед. Сердобольные

женщины лезут в глубокие карманы своих юбок, торговки звенят медяками, разносчик с лотком, заглянув через головы, бросает Динке длинную, перевитую бумажными лентами конфету. Конфета падает на землю, какая-то девчонка поднимает ее и кладет на шарманку.

Динка заканчивает песню трогательно и печально:

И никто не видал,
Как я в церкви стоял,
Прислонившись к стене,
Безутешно рыдал...

Шарманка замолкает, кто-то сует в руки девочке монетку, она кладет ее в шапку старика и обходит круг.

— Дайте что-нибудь на пропитание! — бормочет она слышанные когда-то слова и добавляет от себя громким шепотом: — Пожалейте нас, люди добрые!

— Ох ты, бедняжечка...— вздыхает какая-то женщина и, отломив кусок ситного, сует ей в руки.

— Развелось сирот на белом свете, девать некуда,— глубокомысленно замечает пожилой человек и лезет в карман.

— Ох-хо-хо! — протяжно вздыхают в толпе.

Динка встряхивает шапкой — в ней слышится веселый звон. Мокрые щеки девочки разгораются румянцем.

— Спасибо! Спасибо! — кланяется она и, не в силах удержать своей радости, бежит к шарманщику.— Вот шапка! Играй, играй «Разлуку», дедушка!

Динка снова поет и снова ходит с шапкой. В шапку с веселым звоном падают копейки... Какой-то мальчик долго роется в карманах. Динка поднимает голову и прямо перед собой видит тонкое лицо, прядь волос на лбу и серые глаза. Язык ее прилипает к гортани, во рту становится сухо.

«Прости меня, Ленька»,— хочет сказать она, но голоса у нее нет и сердце зашлось от испуга.

Ленька вынимает копейку и кладет ее в шапку.

— Я не трону...— говорит он без улыбки и отступает в толпу.

Динка отдает деду шапку и прячется за его спину. Старик взваливает на плечи шарманку.

— Пойдем, на дачах споешь,— говорит он довольным,

ласковым голосом и, видя, что девочка не двигается с места, добавляет: — Мороженого куплю, чайку попьем, а?

Но Динка мотает головой:

— Иди один. Я потом как-нибудь... Сейчас мне нельзя...

Глава пятнадцатая

ДЕДУШКА НИКИЧ

Динка тихонько крадется вдоль забора и заглядывает в сад. На террасе слышны голоса мамы, Мышки, Алины, над кухней подымается дымок. Значит, все встали. Динка ищет лазейку в конце сада. Надо пойти к дедушке Никичу, и потом, когда ее спросят, где она была, можно будет сказать, что была у Никича.

Старичок возится около брезентовой палатки. Он всегда живет в палатке и ни за что не хочет ночевать дома.

«Зачем? — отвечает он на просьбы Марины перейти в комнату.— Я встаю рано, тут у меня и верстак и инструменты под рукой, а в комнате только мешать всем».

В палатке у Никича жесткие нары с сенником, грубо сколоченный стол и папино кожаное кресло с мягким сиденьем и высокой спинкой. На спинке и по бокам кресла — выточенные из дерева львиные головы. Мама сама перенесла это кресло в палатку и подарила его Никичу. Старик был очень доволен; вечерами, надев на нос очки, он сидит в этом кресле и, наслаждаясь покоем, читает книгу. На мягкий матрас и удобную кровать Никич ни за что не соглашается.

— Я не дачник, а рабочий человек. Нежиться не люблю. Сашино кресло — это другое дело, это память и удобство для чтения.

Раньше Никич работал в столярной мастерской. Руки у старика были ловкие, умелые в работе, и резные шкатулки его из дерева быстро раскупали. Но в последнее время Никич вдруг затосковал, запил, руки у него стали дрожать, тонкая работа не получалась. Старик ушел из мастерской, и, чтобы хоть чем-нибудь помочь Марине, начал делать табуретки, скамеечки, детские стульчики. Все это продавалось за гроши, и Никич заболевал от огорчения.

«Когда-то наступает для каждого человека такое время, что он не может работать в полную силу, а вы, Никич, работали всю жизнь,— уговаривала его Марина.— Надо же и отдохнуть немножко...»

«Э-э, нет, что уж тут отдыхать! Отлежусь и на том свете!» — со вздохом отвечал старик.

Когда Марина приходила, Никич требовал, чтобы она садилась в кресло, а сам присаживался у стола на нары. Свет лампы падал на лица обоих, освещая спокойное, участливое лицо Марины и смущенное, виноватое лицо Никича.

«Уйду я от вас, Марина... У тебя дети, трудно тебе заработать, помочь я не могу, а запью — тебе расход и хлопоты...» — говорил старик.

Лицо Марины омрачалось:

«Никогда не говорите мне это, Никич! Если любите Сашу, и меня, и детей, так не говорите мне таких слов... Помощь деньгами — это самая легкая помощь, Никич. Вы нужны нам, как родной, близкий человек, только бы вы не болели».

Старик безнадежно машет рукой:

«А кому я нужен? Вот только тебе да детям! А Саша уж на что вас любил и то, бывало скажет: «Нельзя человеку в своей семье замыкаться, жить надо широко, с народом». А я что? Зарылся, как крот, в свою нору. При Саше и Никичу дела находились. А теперь зайдет Костя, посидит, похмурится да с тем и пойдет».

«Костя говорил, что вы будете нужны ему, Никич...» — осторожно говорит Марина.

Но Никич снова машет рукой:

«Старики никому не нужны... Молодые все сами делают, а нет чтобы посоветоваться...»

Никич долго ворчит и жалуется, а Марина ласково, терпеливо успокаивает его, потом беседа их становится веселее, из брезентовой палатки доносится смех...

Марина обязательно приходит к Никичу после того, как он сильно выпьет. Она уже знает, что старик сидит и мучается угрызениями совести, что он ждет ее, чтобы излить ей душу.

«Была уже мама или не была?» — заглядывая через забор, соображает Динка. И, судя по тому, что Никич насвистывает песенку и бодро перебрасывает к верстаку какие-то дощечки,

Динка убеждается, что мама была. Отодвинув помеченную красным крестиком доску в заборе, она быстро шмыгает в сад и бежит к палатке.

Динка любит поговорить с дедушкой Никичем. Никич для нее не просто взрослый человек, а старший товарищ. Во всяком случае, он скорее старый, чем взрослый, а Динка давно уже знает, что взрослые не умеют хранить детские тайны и всякое откровенничание с ними почти всегда кончается неприятностями. Во-первых, взрослые люди всего боятся. Боятся драки, боятся лазить в чужие сады, боятся всяких болезней и многого такого, что детям даже не приходит в голову. Все это было бы еще ничего, если бы они не шушукались между собой и не принимали своих мер, как они любят выражаться. Дедушка Никич не любит шушукаться, и никаких мер он никогда сам не принимает, поэтому с ним легко говорить о всяких вещах. Конечно, не о главных делах, потому что он может ими заинтересоваться и что-нибудь посоветовать маме. Недаром мама иногда говорит: «Надо посоветоваться с Никичем». Но, может быть, это о чем-нибудь другом...

Динка подкрадывается к дедушке Никичу, тихонько кукарекает за палаткой и, довольная собой, усаживается на старый пень. Старик дружески кивает ей головой, продолжая свою работу.

— Ну, пришла-появилась? — спрашивает он через секунду.

— Появилась,— говорит Динка и с любопытством разглядывает на носу деда красные ниточки.

— Пришла и молчишь,— недовольно бурчит Никич, бросая на девочку быстрый взгляд.— Чего сотворила спозаранку? — спрашивает он, прилаживая дощечку на верстак.

— А ты что вчера сотворил? — фамильярно интересуется Динка.— Мама говорила — у тебя болезнь, а я знаю, что ты опять пил водку!

Никич дует в рубанок, вычищает пальцем застрявшие в нем стружки и молчит.

— Лина сказала, что ты лежишь, как Адам. Что это значит? — спрашивает Динка.

Никич бросает рубанок под верстак и присаживается на кучу досок.

— А вот... что это значит! — Он дергает ворот старого, рваного пиджака и показывает Динке выглаженную, но штопанную, ветхую рубашку.— Все пропил...

Динка с сочувствием смотрит на худую, щуплую фигуру Никича, на рубашку, на рваный пиджак. Ей хочется утешить старика.

— Так это ведь только вещи. А мама говорит, что из-за вещей стыдно сильно расстраиваться; надо расстраиваться, если с человеком что-нибудь случится,— серьезно говорит она.

— Твоя мама — ангел, а живем мы на земле. И всякая вещь стоит денег, а денег у нас нет. Кто их зарабатывает? Одна мама. У меня вот руки дрожат... Хотел полочки сделать с резьбой, на дачах купили бы сейчас, а вот не могу... Пальцы не слушаются.— Он кладет на колени худые руки и шевелит узловатыми, вздрагивающими пальцами.

— Подожди... может, занозы у тебя? — деловито осведомляется Динка.— В меня один раз стекло влезло, так тоже руки дрожали, пока не выдернула.

— Нет, что уж тут гадать...— вздыхает Никич.— Это все от этой пакости — от водки.

— Вот какие мы с тобой недотепы! — усмехаясь, говорит Динка.— У тебя руки дрожат, потому что ты старый, а меня двое мальчишек бьют, потому что я маленькая.

— Как это понимать — бьют? — удивляется Никич.

— Ну, просто бьют,— пожимает плечами Динка.

— А зачем ты с ними играешь? — строго допытывается старик.

— Я не играю. Они сами по себе дразнят меня и бьют.

— Тебя бьют, а ты молчишь?

— Я не молчу, я тоже бью, но я не успеваю. Они же старше, и потом их двое. Это Трошка и Минька, знаешь?

— Откуда мне их знать? Вот пойду с тобой, так узнаю.

— Ну нет! Ты со мной не ходи! — живо протестует Динка.— Они еще хуже дразниться будут! Вот, скажут, Макака какой живой труп привела!

— Хе-хе-хе! — добродушно смеется старик.— Ну, ты и скажешь тоже! Где что услышишь, все на свой язык подхватываешь... Хе-хе-хе! Живой труп! Вот дурочка-то!

— Да что ты, дедушка Никич! Ну, кто тебя испугается?

И потом, я теперь и сама их побью! А знаешь почему? — Динка взмахивает рукой и кричит в самое ухо старика: — «Сарынь на кичку!» Вот почему! Догадался?

Никич трет ладонью ухо:

— Ничуть. Опять тебе что-то ворона на хвосте принесла,— усмехается он.

— Не ворона, а дядя Лека... А ты что же, про Стеньку Разина не знаешь? — презрительно щурится Динка.

— Нет, погоди! — лукаво грозит ей пальцем старик.— Я-то знаю. А вот ты-то знаешь ли, какие это слова: «Сарынь на кичку!»?

— Я знаю, мне все объяснили. Это просто волшебные слова. Степан Разин всегда побеждал с ними!

— Он-то побеждал, а ты-то едва ли... Хе-хе!

— Почему? — вскакивает Динка.— Я как гикну: «Сарынь на кичку!» — и у меня сразу силы прибавятся! Я тогда кулаком, кулаком! Одного, другого!

— Ну нет! Ты это брось! А то у тебя, хе-хе-хе, такая кичка получится! — вытирая мокрые от смеха глаза, говорит Никич.

— Да ты что! Это у Миньки кичка получится! — дергает его Динка.

— Хе-хе-хе! Вот попугайка! Насмеешься с тобой! Только в драку ты все же не лезь. С таким кулачишком в драке делать нечего.

— Как раз! «Нечего делать!» — выпячивая губу, передразнивает его Динка.— Да я знаешь как могу садануть? Ого! Вот выбери у себя какое-нибудь место, где не так больно. Давай я тебя ударю, тогда узнаешь! Ну, выбирай!

Динка воинственно размахивает кулаком, пальцы ее болят от натуги, ногти врезаются в ладонь.

— Скорей, а то разожму! — кричит она, подскакивая к Никичу.

— Да погоди ты... Стой, стой! — отводя от себя крепкий коричневый кулак, сопротивляется Никич.— Ишь ты какая скорая! Выбери ей! А чего я тебе выберу, когда у меня кругом кости!

— Ага, забоялся! — торжествует Динка, разжимая кулак и почесывая ладонь.— Мне только ногти мешают, а то бы я долго не разжала...

— Да садись уж, хватит воевать-то! Устал я с тобой.

Динка снова усаживается на пенек.

— А мой папа сильный? — неожиданно спрашивает она.

— Папа твой? Ну, этот горы своротит. Он и с детства такой.— Лицо старика светлеет от дорогих воспоминаний.— Жена моя, покойница, очень его любила. Мы ведь рядышком жили. Вот так деда твоего дом, а так мой... Я в артели работал, чуть свет из дому уходил...

— А папа что? — нетерпеливо перебивает Динка.

— А папа твой как встанет, так волчком туда-сюда... И матери воды принесет, и к жене моей забежит, не надо ли чего... Она, бедняжка, уж прихворывала тогда. Так он ей и дров наколет, и печку затопит! А всего ведь десятый годок ему тогда шел, а эдакий ходкий мальчишка был! Никакой работы не боялся! Бывало, из училища забежит ко мне в мастерскую и там дело себе найдет... А вы вот белоручками растете! — ворчливо добавил дедушка Никич и, приглаживая редкие седые волосы, покосился на дачу.— Маменька всё душу в вас воспитывает... жалостливыми, добрыми людьми хочет вас сделать. Головы тоже насаждают вам книжками, разговорами. Да... А вот руки-то у вас, руки мертвые, бездельные руки, никакой в них умелости нет! — с горькой досадой сказал старик и тихо, словно извиняясь перед кем-то, добавил: — Я не осуждаю, а только не потерпел бы этого Саша.

Динка испуганно и внимательно посмотрела на свои руки. В ладони ее въелась пыль, старые царапины лущились, новые — краснели узенькими полосками, ногти были обломаны...

— Про тебя я не говорю,— кивнул ей дедушка Никич.— У тебя руки обсмоленные, не боятся, видать, ничего. Ты и у меня тут дощечки постругаешь, и сабельку себе выточишь, и гвоздик забьешь. И моей работой поинтересуешься... А вот сестры твои — эти вовсе безрукие растут. Неправильно это,— вздыхает старик.

Динке делается жаль сестер.

— Алина учится хорошо, и книжки читает, и с нами занимается, а Мышка тоже книжки читает — она даже из папиных таскает.

— Ну да... Головы у них будут с начинкой, это верно. Они знают, что к чему. С любым человеком поговорить могут,

и поступки у них сознательные. А ты вот как волчок между людьми вертишься: один раз хорошо сделаешь, а двадцать раз плохо. Где соврешь, где правду скажешь, с тем и спать ляжешь.

Динке становится скучно: она любит слушать, когда ее хвалят, а если беседа становится похожей на выговор, глаза у нее тускнеют, нижняя губа выпячивается вперед, и вся она становится вялой, как тряпичная кукла.

— Не говори подолгу — я делаюсь больной. Лучше про папу еще расскажи.

— Ишь ты,— косится на девочку старик. Он и сам устал от Динки, и работать ему надо, и недоволен он тем, что перебила его мысли.— А что папа? Папа — он папа. А ты вот чепуховая девчонка, ничего путного к тебе не пристает. Ну, чего вырядилась в рвань эдакую? Где была? Воскресенье нынче, люди на дачи едут, а ты мать срамишь! Никого на свете не уважаешь!.. Куда вот карточку отца подела? — обрушивается на Динку Никич.

— Ту, что ты дал? В рамочке? Она знаешь где? — Динка обхватывает шею старика и шепчет ему что-то на ухо.

Никич выпрямился и огорченно разводит руками:

— Здравствуй, кум, я твой Федор! Ну, к чему такое дело? Разве ей место под камушком лежать?

— А если полицейские придут? — быстрым шепотком говорит Динка.— Помнишь, когда обыск был, мама все карточки в самовар прятала, ага?

— Ну, прятала, как память, конечно. А в полиции на твоего отца сто портретов есть. Они не этого искали. Одним словом, беги сейчас и принеси мне эту карточку! Не умеешь ты обращаться с дорогими вещами!

Динка неохотно встает и исчезает за палаткой.

— Ох и беда с ней! Все придумки какие-то,— ворчит ей вслед Никич. Он часто сердится на девочку, но очень скучает, когда она долго не появляется.

Динка возвращается тихенькая. Карточку отца в дубовой рамочке она несет под мышкой и, оглянувшись, передает ее дедушке Никичу.

— Вот какая ты! Я ведь тебе только на подержание дал,— сдувая с рамочки пыль, укоряет старик.

— Так она и была у меня на подержании,— оправдывается Динка, поднимаясь на цыпочки и заглядывая в лицо отца.

На карточке — молодой, только что выпущенный из училища железнодорожник. Новенькая, «с иголочки», форма ловко обтягивает его грудь, глаза глядят задорно и весело, над лбом стоячие густые волосы, под темным пушком чуть приметных усов простодушная детская улыбка.

— Это он молодой снялся. Только что кончил училище и форму получил. За твоей матерью ехал...— любовно объясняет дедушка Никич.

— Похожа я на него? — спрашивает Динка и изо всех сил таращит глаза.

Но Никич безнадежно машет рукой.

— Я исправлюсь! — поспешно говорит Динка.— К приезду папы обязательно исправлюсь!

— А когда он приедет, ты знаешь?

Девочка качает головой.

— Ну вот. И я не знаю. Значит, не обещай.

Оба замолкают.

— Знаешь, дедушка Никич, Минька и Трошка думают, что у меня совсем нет папы... Я знаю, они так и думают,— тихо говорит Динка.

На морщинистых щеках Никича проступает темный румянец.

— А я вот как пойду и накостыляю им хорошенько по шее, так тут будет и папа и мама! — сердито кричит он. Голос его доносится до террасы, где сидят за чайным столом Катя и мать.

— Да позови же ее наконец! Она совсем заболтала Никича! — беспокоится Катя.

Обе они уже давно поглядывают на палатку старика, пытаясь отгадать, о чем так долго беседует Никич с Динкой.

— Да, надо уже позвать,— соглашается Марина и, подойдя к перилам, громко кричит: — Дина!

Девочка вскакивает:

— Иду, мама!.. Дай мне еще папу на подержание! Я ничего не сделаю! — просит она Никича.

— Иди, иди! Я сам его давно не видел. Придешь — вместе посмотрим! У матери много карточек, а у меня одна,— торгуется Никич.

— Дина! — снова раздается голос матери.

— Иду! — откликается девочка, но не уходит, а, волнуясь, пытается что-то вспомнить.— Дедушка, я что-то хотела тебя спросить... Да, вот что! Где утес Стеньки Разина? Вот про который пел дядя Лека?

— Тьфу! — теряя терпение, отплевывается старик.— Что ты мне голову крутишь! Устал я от тебя, как тысячу верст прошел. Какой еще утес тебе понадобился? Ступай, ступай отсюда!

Динка в раздумье направляется к дому. Она идет медленно, потому что еще не придумала, что сказать маме.

Где она была утром? Может быть, ей сказать, что она была на пристани и слушала, как играет шарманщик? Может, при этом можно громко вслух сказать, что в шапке старика шарманщика очень весело звенят денежки, когда их много?

И Ленька тоже дал ей копейку, она и ее бросила в шапку! «Дзинь-дзинь! — подпрыгивает Динка.— Будь что будет!»

— Мамочка, ты уже встала? — весело кричит она.

— Я не только встала, а уже позавтракала, а вот ты еще ничего не ела,— спокойно отвечает мать.

— Садись поешь,— придвигая к столу табуретку, говорит Катя.

Динка мельком взглядывает на лица обеих; она не знает, что после ее ночных слез мать строго-настрого запретила ругать девочку за ее утреннюю прогулку и за рваное платье:

«Я сама с ней поговорю, когда она увидит, что мы не собираемся ее ругать».

«Делай как знаешь, я больше ни во что не вмешиваюсь»,— ответила Катя.

И теперь она молча пододвигает Динке молоко, мажет ей маслом хлеб и кротко спрашивает:

— Хочешь еще?

Динка хочет. Она ест быстро, весело, словно с каждым глотком сердце ее переполняется радостью жизни, и, убедившись, что никто не собирается спрашивать, где она была, она сама, с полной неожиданностью для себя и для всех, заявляет:

— А я встала раным-рано! И побежала на пристань. Там играл шарманщик. И ему дали много-много денег! Даже один бедный мальчик, совсем сирота, дал целую копейку! Как хорошо было, мама! Дзинь-дзинь — в шапке денежки! Дзинь-дзинь!

Глава шестнадцатая

ГОСТИ

Дети всю неделю ждут воскресенья, им хочется подольше побыть с матерью, пойти с ней гулять, купаться, почитать вместе книжку. Мать тоже ждет воскресенья: служба и поездки в город отнимают у нее много сил и времени. Только в воскресенье она может провести весь день со своими девочками, ближе присмотреться к каждой из них, разрешить всякие недоразумения и вопросы, которые возникли за неделю, в тихой, уютной обстановке поговорить с ними об отце, почитать им книгу. Кроме того, Марина намечает себе много всяких дел. Эти дела постепенно скапливаются за неделю и откладываются на свободный день. Но в воскресенье приходят гости.

Гости бывают разные. Динка делит их попросту на «всамделишных» и «гостиных». «Всамделишные» — это те гости, которым все радуются и жалеют, когда они начинают собираться домой; а «гостиные» — это те, которые мучают хозяев ненужными разговорами и, требуя к себе усиленного внимания, не только не вносят никакой радости в дом, а словно вбирают в себя все силы хозяев и уходят довольные собой.

Сегодня самыми первыми придут гости «всамделишные». Они приходят каждое воскресенье к двенадцати часам дня. Их ведет самая старшая гостья — девятилетняя Анюта, дочка сторожа.

Знакомство с Анютой завела Динка. Как-то после обеда, когда Марина играла свой любимый вальс «Осенний сон», Динке показалось, что за калиткой мелькнуло чье-то платье... Она влезла на забор и увидела незнакомую девочку. Приподнявшись на цыпочки и заложив руки за голову, девочка тихонько кружилась в такт музыке.

«Эй! — окликнула ее Динка.— Что ты тут кружишься?»

Девочка испуганно оглянулась, потом робко подошла к забору:

«Я смерть как люблю музыку! Кто это у вас играет?»

«Это моя мама! Пойдем к нам! Как тебя зовут?»

«Анюта... Я в то воскресенье долго слушала...» — Девочка подняла большие темные глаза. Гладкие черные волосы ее были

разделены ровным, как ниточка, пробором и заплетены в две тонкие косички. Коричневое платье, аккуратно заштопанное на локтях, едва покрывало голые коленки.

«Иди к калитке! — крикнула Динка и, спустившись с забора, выбежала на улицу.— Иди же, Анюта!»

Но девочка стояла все на том же месте.

«Почему ты не идешь?» — подбегая к ней, спросила Динка.

Анюта покачала головой:

«Боюсь... Вы богатые... господа...»

«Да что ты! Мы совсем не господа!» — усмехнулась Динка.

«Ну, как не господа! Дачу снимаете... Бедный человек дачу не снимет»,— серьезно сказала Анюта.

«Конечно, мы не бедные... Моя мама сама зарабатывает деньги. Но мы не господа, мы просто это... как его...— Динка вспомнила новенькую железнодорожную форму, в которой был снят отец.— Железнодорожники — вот кто мы! Элеваторские!»

«Кто? — переспросила Анюта и, взглянув на копну Динкиных волос, пожала плечами.— Цыгане, что ли? Не пойму я!»

«Да ну тебя! Какие еще цыгане! Идем лучше, а то мама перестанет играть! Ну, идем, не бойся!» — Динка решительно взяла Анюту за руку и потащила ее за собой.

«Вот моя мама, вот Мышка, вот Алина!.. А эту девочку зовут Анюта!» — весело кричала она, врываясь в комнату.

Марина, не переставая играть, оглянулась и приветливо кивнула головой. Мышка поспешила ободрить оробевшую гостью.

«Вот хорошо! — сказала она так, как будто только и ждала эту незнакомую девочку.— Садись со мной, Анюта!»

«Нет! — вмешалась Динка.— Анюта хочет танцевать! Она смерть как любит музыку!»

Алина, удивленно и строго рассматривающая неожиданную гостью, вдруг оживилась.

«Ты умеешь танцевать?» — спросила она.

«Да»,— испуганно пролепетала Анюта.

«Так пойдем! Это вальс!» — не понимая испуга девочки и не решаясь взять ее за руку, сказала Алина.

Но Анюта вдруг расцвела улыбкой, заторопилась.

Обе девочки вышли на середину комнаты и, обнявшись, прислушивались к музыке.

«Сейчас... сейчас...» — подняв вверх тоненький палец и удерживая подругу, шептала Анюта и вдруг, словно оторвавшись от земли, увлекла за собой Алину.

Глядя друг на друга смеющимися глазами, девочки кружились так легко и плавно, что всем казалось, будто в комнату влетели две большие бабочки. Этот первый вальс положил начало дружбе Алины и Анюты. Правда, дружба эта со стороны Алины сразу стала покровительственной, и, когда обе девочки сидели в саду или шли рядом по дорожке, Анюта чем-то напоминала старательную ученицу, а Алина — строгую учительницу, и обе они были довольны друг другом.

Жизнь Анюты была нелегкой. Отец ее, хмурый, вечно занятой человек, мало обращал внимания на детей. Семья была большая. Анюта нянчила младших детей, стирала пеленки, варила обед. Подружившись с Алиной, худенькая большеглазая Анюта в своем заштопанном коричневом платьице забегала к Арсеньевым и в будни, но в воскресенье она торжественно приходила «в гости» и приводила с собой младших детей: пятилетнюю веселенькую Грушку и серьезного карапуза Васятку.

Четвертая и самая любимая гостья — это Марьяшка, девочка портнихи. Марьяшке четыре года. Она кругленькая и тяжелая, как камушек. У нее большие голубые глаза, пухлый рот и красный курносый носик. Марьяшка живет недалеко, она приходит всегда самостоятельно и, сильно картавя, спрашивает: «Кисей будет?» Она уже хорошо знает, что каждое воскресенье Лина варит для гостей сладкий кисель.

Мать Марьяшки ходит шить поденно, запирая девочку на целый день одну. Марьяшка успевает наплакаться и выспаться, пока придет мать. Ест Марьяшка, сидя на полу и черпая ложкой суп прямо из кастрюли. Мать нарочно ставит ей на пол эту кастрюлю, чтобы девочка не перевернула на себя суп. По вечерам портниха надевает на свою Марьяшку нарядное платьице, покрывает свою гладко причесанную голову воздушным шарфом и выходит за калитку. Заходящее солнце освещает грустную портнихину фигуру и прильнувшую к ней девочку.

С парохода шумно и весело идут дачники, ветерок раздувает парусом воздушный шарф, а портниха все стоит и смотрит вдаль, как будто кого-то ждет.

Но ждать ей некого. Муж ее, скромный приказчик в магазине дамского белья, утонул в прошлом году, выехав в один из воскресных дней порыбачить. Портниха с дочкой не вернулась в город, а устроилась сторожихой на одной из богатых и вечно пустующих дач; владельцы ее почти всегда жили за границей. Роскошная барская дача с вычурными балконами была наглухо заколочена, большие окна закрыты белыми решетчатыми ставнями, ворота с ажурной резьбой заперты на замок... Широкая аллея заросла травой, и только узенькая дорожка от калитки вела к убогой сторожке, где жила со своей дочкой портниха. В сторожке было темно и сыро, единственное окошко никогда не открывалось, над кроватью, покрытой лоскутным одеялом, висела икона божьей матери.

Приезжая из города, Марина всегда шла с пристани мимо богатой дачи. Одинокая фигура под воздушным шарфом привлекла ее внимание. Портниху пригласили в дом сшить детям платья. Марьяшка быстро привыкла к девочкам и, узнав дорогу, начала приходить в гости одна. Портниха жалела дочку и часто, работая где-нибудь неподалеку, оставляла дверь сторожки открытой.

Марьяшка, почуяв свободу, вылезала из сторожки, смело шагала за калитку и, размахивая своей ложкой, направлялась к дому Арсеньевых. Там она до тех пор колотила ложкой по забору, пока кто-нибудь из детей или взрослых не выбегал к ней навстречу.

«Кисей будет?» — важно осведомлялась Марьяшка и, не ожидая ответа, торопилась к дому.

Марьяшку усаживали за стол, кормили и укладывали спать в гамаке. Спала она со своей неизменной ложкой, очевидно считая ее главной подательницей земных благ.

Таковы были всамделишные и любимые гости Динки и Мышки.

* * *

Детей, как всегда, привела Анюта. Динка и Мышка засуетились. Гости уселись на низенькие скамеечки, которые смастерил дедушка Никич. Васятку усадила Мышка. Он поднял вверх пальчик и что-то сказал ей на своем языке. Мышка закивала головой, засмеялась и подвинула ему тарелку с широ-

ким красным ободком. Марьяшка поймала Мышку за белые длинные волосы и притянула к себе. Мышка легонько придавила пальцем красный носик Марьяшки и сказала:

— Дзинь!

Марьяшка взвизгнула от удовольствия, а Грушка моментально подставила Мышке свой носик. Мышка тоже придавила его пальцем и сказала: «Дзинь!» — а потом и Васятка подставил ей свой нос... Дети визжали от удовольствия, и сама Мышка весело смеялась.

Динка бегала и суетилась вокруг стола. От Васятки она отодвинула тарелку с красным ободком, и он очень разобиделся.

У Марьяшки Динка хотела взять ложку, но девочка вцепилась в нее обеими руками.

— Я только вымою, Марьяшка, я вымою и принесу,— уверяла ее Динка.

Но Марьяшка покраснела от обиды и замахнулась на нее ладошкой:

— Ты нехолосая...

Динка надулась и отступила.

— Нельзя так говорить! Нельзя! — подбежала к Марьяшке Анюта.

— Пускай говорит, мне-то что! — с напускным равнодушием махнула Динка рукой. Она ревновала своих гостей к Мышке.

Дети чувствовали доверие и симпатию к Мышке, они тянулись к ней через стол, прятались от нее, закрывая лицо руками, «пугали» ее, тараща глаза и открывая рот... Динка со своими неутомимыми хлопотами и громким голосом не вызывала в детях таких чувств, хотя она гораздо больше Мышки старалась, чтобы гостям было хорошо и удобно сидеть, чтобы у каждого из них была красивая тарелка, чтобы повкусней накормить их.

За обедом распоряжалась Алина. Она разливала по тарелкам суп, следила, чтобы у каждого был хлеб. Анюта, прямая и тоненькая, как палочка, обходила вокруг стола, держа сложенный вчетверо носовой платок и вытирая им носы сестренке и братишке. Потом, присев на краешек стула, нетерпеливо смотрела на дверь.

— Выйдет твоя мать или нет? Будет она играть нынче? — тревожно спрашивала она сидящую рядом Мышку.

— Будет, будет! — успокаивала ее Мышка.

Марина была у Никича. Она пришла веселая.

— Ой, какие гости у нас! Ну, здравствуйте, гости! — ласково поздоровалась она.

Гости заулыбались, пытаясь что-то ответить. Но в это время на террасе появилась Лина с большой миской киселя.

— Кисей! Кисей! — закричала Марьяшка.

Дети засмеялись, задвигали тарелками, застучали ложками.

— Кто потише сидит, тому и киселя дам первому,— пошутила Лина.

Дети спрятали под стол руки и притихли. Кисель ели с аппетитом, размешивая его с молоком и сладко причмокивая. Лина с удовольствием смотрела на измазанные киселем курносые лица гостей.

— Хорош ли кисель-то? — спрашивала она.

— Хорош! — хором ответили гости.

— Може, еще принесть?

— Еще!

Лина снова наполнила миску.

К концу обеда глазки у Марьяшки закрываются. Марина относит ее на гамак и возвращается к детям. Надо бы уложить и Васятку, но Васятка стоит перед Динкиным ящиком с игрушками и, запустив туда ручонку, пробует вытащить за ноги куклу.

— Ну, пускай поиграет,— говорит Марина.— А мы сейчас будем плясать. Кто хочет плясать?

Плясать хотят все. Пляшут отдельно, пляшут вдвоем и целым кругом. Грушка упирается ладошками в бока и топчется на месте, Динка кружится одна со стулом, но больше всех рвется к танцам Анюта. При первых звуках музыки щеки ее розовеют, глаза блестят и на губах расцветает неожиданная самозабвенная улыбка...

— Девочки, айдате польку! Айдате польку! — кричит она веселым окрепшим голоском и вытягивает на середину комнаты Мышку.

Но Мышка все делает невпопад, у нее совсем нет слуха, движения не совпадают с музыкой, и Анюта, стараясь направить девочку, беспомощно повторяет:

— Слушай музыку, слушай музыку, она же сама ведет!

— Давай со мной! — предлагает ей Алина.

Анюта отпускает Мышку и кружится с Алиной. Алина танцует хорошо, но с Анютой ей не сравниться — столько самозабвения и счастья, столько изящества и глубины чувства вкладывает в свои движения Анюта, что Марина, играя, не может оторвать от нее глаз. А Катя удивленно шепчет сестре:

— Совсем другая девочка! Ты посмотри на нее... Это просто талант!

— Сейчас я сыграю ей вальс отдельно...— шепотом говорит Марина.

Анюте играют вальс. Она танцует его одна, но это не вальс, это собственный танец Анюты, в котором расцветает ее душа и, словно вырвавшись на волю из тесной клетки нищенской жизни, ликуя и жалуясь, вызывает у всех слезы... Марина перестает играть, и Анюта останавливается. Она еще не пришла в себя, не спустилась на землю... И никто не смеет подойти к ней...

— Что это было, мамочка? — громко шепчет Динка.— Что это? У меня так бьется сердце...

Марина быстрым взглядом окидывает притихших детей и весело ударяет по клавишам.

— Девочки, айдате польку! — слышится голос Анюты.

Марина играет польку, венгерку, краковяк, мазурку, она хочет сыграть еще украинский гопак, но на террасе появляется Лина и машет руками:

— Гости пришли! Гости!

* * *

— Мы пойдем,— говорит Анюта, поспешно собирая детей.

— Да куда ты? Куда ты? Вы ведь тоже гости! — цепляются за нее Мышка и Дина.

— Ну, отведи детей, Анюта, а сама приходи назад. Сегодня же воскресенье, твоя мама дома,— говорит девочке Катя.

— Ладно,— обещает Анюта,— я отпрошусь и приду.

Но девочки с сожалением смотрят ей вслед: они знают, что она уже не придет,— Анюта боится чужих людей.

Глава семнадцатая

ГОГА-МИНОГА, «ГОСТИНЫЙ» ГОСТЬ

За калиткой веселый шум, повышенные голоса, смех. Мальчик в клетчатом костюмчике пропускает вперед маленькую женщину в английской блузе. На плечи ее небрежно наброшена жакетка, в пышной прическе черепаховые гребни.

— Прошу! — говорит мальчик, широким жестом открывая калитку перед своей матерью.

— Здравствуйте, моя дорогая! — восклицает гостья, приветствуя еще издали хозяйку дома.

— Здравствуйте, Полина Владиславовна! — приветливо откликается Марина, торопясь к ней навстречу.

Полина Владиславовна — жена очень известного в Самаре инженера Крачковского, мальчик в клетчатом костюмчике — ее сын Гога. У Крачковских великолепная собственная дача, одна из лучших дач в Барбашиной Поляне. Полина Владиславовна только недавно вернулась из-за границы и сочла своим долгом посетить «опальную» семью Арсеньевых.

«В конце концов, каждый может иметь свои взгляды,— любит говорить мадам Крачковская.— Россия — бедная и отсталая страна, в этом, конечно, можно обвинить самодержавие, но менять существующий строй путем революции — это значит пролить много крови».

Крачковские предпочитают, чтобы все оставалось так, как есть. Зиму Полина Владиславовна с Гогой проводят за границей, но в летнее время их привлекает дача на Волге.

Подвижная фигурка Крачковской, мелкие черты ее лица, каждую секунду меняющие свое выражение, знакомая манера ее поправлять прическу и даже непомерно толстое обручальное кольцо на маленькой пухлой руке живо напоминают Марине шумные «званые» вечера на элеваторе, большую гостиную, бойкие, кокетливые голоса дам... Товарищи заботились о том, чтобы вечера на элеваторе считались «модными». Они приглашали известных артистов и кое-кого из местной знати. Среди этих чужих и напыщенных лиц мелькали светлые лица товарищей. Многие из них готовились к переправке за границу. Они исчезали незаметно среди общего веселья... Никич провожал уезжающего через сад...

Крачковские часто посещали эти вечера. Их экипаж с важно восседающим на козлах кучером вводил в заблуждение сыщиков...

— Здравствуйте, Полина Владиславовна! — машинально повторяет Марина, и щеки ее вспыхивают густым румянцем.

Полина Владиславовна, улыбаясь, протягивает Марине обе руки и вместе с сыном шествует по дорожке к дому.

— Гога! Посмотри, какая прелестная дачка! Ну, вы великолепно устроились! А мы ужасно скучаем в наших хоромах... Мой муж сейчас на Урале... Осенью мы всей семьей отправимся путешествовать по Италии,— непринужденно болтает Крачковская.

Она кажется старшей сестрой своему сыну. Они почти одного роста. Гога — худой и высокий. Короткие штанишки не закрывают его колен, от этого ноги мальчика кажутся слишком длинными. Кроме того, Гога носит темные очки и поэтому кажется старше своих лет.

— Ах, какие славные девочки! Как они выросли — ведь я видела их прошлым летом! Гога! Вот идут твои юные подружки... Ха-ха! Он очень смущен, мой бедный мальчик! — перебивая себя, болтает мадам Крачковская; она болтает без умолку, задает вопросы и не слушает ответов, поминутно поворачиваясь к своему Гоге, который обращается с ней рыцарски вежливо, с оттенком мужской снисходительности.

— Маме свойственно сильно преувеличивать. Я нисколько не смущен,— поправляя отложной воротничок и торопясь навстречу девочкам, заявляет Гога.

— Зачем, однако, вы забрались в такую глушь? Это же совсем не фешенебельное место! Узнаю вашу скромность, моя дорогая! — бойко тараторит Крачковская, не давая раскрыть рот хозяйке.

Но Марина и не стремится поддерживать эту болтовню, она слушает свою гостью с любезным вниманием, ощущая пустоту и глубокую усталость.

Динка останавливается на дорожке и толкает сестру.

— Это Гога-Минога,— недовольно говорит она.

Мышка хочет что-то ответить, но Гога уже подходит к ним с громким приветствием:

— Здравствуйте, девочки! Вы очень выросли с тех пор, как я видел вас!

— Здравствуй, Гога! Ты тоже вырос! — отвечает ему Мышка.

Гога старше ее только на один год, но он держится так самоуверенно, что девочка совершенно подавлена его превосходством.

Динка, наоборот, с открытым любопытством разглядывает старого знакомца; она еще в прошлом году дала ему прозвище «Гога-Минога» и запомнила его взрослый тон. Но Гога не подавляет ее этим тоном, он просто кажется ей забавным кривлякой.

— Посмотрите, какая прелестная группа! — указывая на детей, говорит Крачковская и, снизив голос, интимно спрашивает: — Скажите, как самочувствие вашего мужа? Есть ли от него какие-нибудь вести?

— Спасибо, он за границей,— кратко отвечает Марина.

Полина Владиславовна прижимает к себе ее локоть и хочет продолжить свои участливые вопросы, но Динка и Мышка подходят здороваться.

— Ах вы, мои милые! Ну, как вам здесь живется? — наклоняясь к девочкам, спрашивает Крачковская.

— Спасибо. Хорошо,— отвечают девочки вместе.

Гога смеется.

— Они говорят хором, как солдаты! — замечает он матери по-французски.

Марина досадливо сдвигает брови. «Надо же сделать из своего ребенка такое чучело!» — с возмущением думает она, предлагая своей гостье выпить чашку чая на прохладной террасе.

Полина Владиславовна поднимается по ступенькам и шумно падает в кресло.

— А где же Катюша? — спрашивает она. Катя в ее представлении осталась такой же шестнадцатилетней девочкой, какой была на элеваторе.— Где ваша старшая дочка? Где ваша красавица Лина? — засыпает она вопросами хозяйку.

Между тем Гога уже сидит в комнате девочек и, обводя стены оценивающим взглядом, делает небрежные замечания:

— Гм... Это картина Репина. Так называемые знаменитые

«Бурлаки». Вернее, репродукция картины.— Гога снимает очки, протирает их и отходит в глубину комнаты.— Довольно плохая репродукция, между прочим. Здесь было бы лучше взамен ее повесить большую географическую карту — тогда я смог бы показать вам те страны, где я побывал.

— А где ты побывал? — усаживаясь на пол, говорит Динка.

Гога пожимает плечами и снисходительно усмехается:

— Я, конечно, мог бы обойтись и без карты, но ведь многие вещи для вас пустой звук. И мне придется раньше устроить вам нечто вроде экзамена.

Он присаживается на ручку кресла и, сняв очки, смотрит в потолок блестящими выпуклыми глазами. Динка фыркает, но Мышка не поддерживает ее; она напряженно смотрит в лицо Гоге и ждет, о чем он спросит. Ей не хочется ударить лицом в грязь и осрамиться перед гостем.

— Ну вот, например: назовите мне родину Чарлза Диккенса. Кстати, кто такой Чарлз Диккенс? — живо спрашивает Гога.

Динка бросает быстрый взгляд на Мышку; сама она не решается ответить, так как не совсем уверена в своих знаниях.

— Чарлз Диккенс — писатель. Он родился в Англии,— торопится Мышка.

— Правильно,— подтверждает Гога.— Теперь я вам могу сообщить, что мы с мамой прошлой зимой путешествовали по Англии и осматривали различные достопримечательности.

— А что вы смотрели? — с загоревшимися глазами спрашивает Мышка.

— А какие там люди? Говорят они по-русски? — искренне заинтересовываясь, спрашивает и Динка.

— Ну, люди как люди! Пьют, едят, говорят. Говорят, конечно, по-английски... Мне лично ближе французский язык,— разглагольствует мальчик, чувствуя себя как столичный артист в глухой провинции.

— Так что же ты видел в Англии, что там самое-самое интересное? — нетерпеливо спросила Мышка.

Гога высоко поднял плечи:

— Какой детский вопрос! Там все интересно! Это же передовая страна, совсем не то, что наша Россия!

— Как? Чем же они такие передовые? — взволновалась вдруг Мышка.— Если писателями... Если у них Диккенс, так

у нас тоже есть! Ты, может, просто не знаешь...— язвительно усмехнулась она.

— Как я не знаю? Я всех классиков читал! — возмутился Гога.

— Хорошо. Тогда назови мне, какого ты знаешь великого русского писателя? — чувствуя себя на твердой почве, спросила Мышка.

— Пожалуйста! Лев Николаевич Толстой! «Война и мир». Великолепная вещь! Я читал не отрываясь,— уничтожающе улыбнулся Гога.

Но Мышка не сдалась.

— А еще? — упрямо спросила она.

— Ну, Тургенев, Гончаров, Короленко... Не могу же я всех перечислять! — пожимая плечами, сказал Гога.

— А, не можешь! — вдруг выскочила Динка.— Тогда и не хвались! Потому что ты врушка! Все только бл-бл-бл своим языком!

— Что это за «был-был-был»? Я тебя не понимаю,— насторожился Гога и, обращаясь к Мышке, добавил: — У тебя довольно странная сестра!

— Я совсем не странная! — взъерошилась Динка.— А вот ты так очень даже странный! И по-настоящему ничего не знаешь. Вот скажи, например, где утес Стеньки Разина? Ага!

— Утес Стеньки Разина? — Гога в затруднении потер лоб.

— Ну да! Вот о котором поется в песне! Так где он? — добивалась Динка, торжествуя победу.

До сих пор ей не удавалось вставить ни одного слова в общий разговор и ни на один вопрос Гоги она не ответила, полагаясь на сестру. А теперь сам Гога вынужден был молчать.

— Может, ты даже не знаешь атамана Степана Разина? — с насмешкой спросила она озадаченного мальчика.

— Нет, почему не знаю... Слыхал, конечно. Но вот утеса такого я не знаю... А ты знаешь? — обратился он к Мышке.

— Я никогда не была там...— мягко уклонилась Мышка и, заметив свирепый взгляд сестры, перевела разговор на другую тему.— А вот стихи, Гога... Любишь ты стихи?

— Ну как же!

Гога вскочил и, держась за спинку стула, начал четко и красиво декламировать отрывки из «Полтавы» Пушкина:

Динка, сердито посапывая, отошла в сторонку и издали пронизывала сестру колючими взглядами. Поведение Мышки ей не нравилось, она уже не была заодно с ней, с Динкой, а во все глаза таращилась на Гогу и старалась показаться перед ним очень умной.

«Ладно, ладно...» — думала Динка, но стихи, которые читал Гога, постепенно увлекли и ее. Она заслушалась, но, когда мальчик дошел до слов «он прекрасен...», а потом с тем же пафосом повторил «лик его ужасен...», Динка словно споткнулась на ровном месте; она беспокойно заерзала и снова с раздражением взглянула на темные очки и клетчатый костюм мальчика.

А Гога, закончив длинный отрывок из «Полтавы» Пушкина, уже перешел на другие стихи. Он читал их одно за другим, одно за другим... И Мышка стояла как очарованная.

— «По небу полуночи ангел летел...» — проникновенно начал мальчик.

Динка снова споткнулась на слове и, не выдержав, дернула Гогу за пиджачок.

— Подожди... По какой луночи летел ангел? Что такое луночь? — с беспокойством спрашивала она, глядя то на сестру, то на Гогу.

Те непонимающе пожали плечами.

— Какая луночь? Надо лучше слушать! — рассердился Гога.

— Что ты не даешь почитать? — возмутилась и Мышка.

Динка двинула об пол стулом.

— Нет, объясни, объясни раньше, а то буду двигать стулом! Ты сам ничего не знаешь! Ты еще раньше переврал: «он прекрасен, лик его ужасен»! Так не написано в книге! Ты несчастная бормоталка! А Мышка вытаращилась на тебя, как лягушка, и слушает! — возбужденно и капризно кричала Динка.

Гога воздел к потолку обе руки.

— У вас есть Лермонтов? — спросил он Мышку и, получив утвердительный кивок, быстро попросил: — Принеси, пожалуйста!

Мышка побежала за Лермонтовым и, боясь грубых выходок сестры, бросилась к маме.

Мама сидела на террасе и слушала мадам Крачковскую. Катя была тут же. Она принесла из гамака проснувшуюся Марьяшку, демонстративно усадила девочку за стол против мадам Крачковской, налила ей чашку молока и, раскрошив туда сладкую булочку, кормила ее, не обращая никакого внимания на сидящих за столом.

Выспавшаяся Марьяшка возила по столу своей ложкой, громко взвизгивала и смеялась, перебивая болтовню мадам Крачковской.

— Ах, боже мой! — подпрыгивая от ее визга, восклицала та.— Какая подвижная девочка! Я совершенно отвыкла от маленьких детей!

— Уйди с ней в комнату, Катя,— мягко сказала Марина.

— Не уйду,— заупрямилась Катя.— Это ребенок! Когда поест, тогда и отнесу!

Сестра показала ей глазами на Крачковскую и строго повторила:

— У нас гости. Отнеси ее в мою комнату.

Катя в сердцах подхватила девочку на руки, молча взяла чашку с молоком, но уронила Марьяшкину ложку.

— Лозку! — истошно взревела Марьяшка, выгибаясь и дрыгая ногами.— Лозку улонила!

— Ах, Катя...— Расстроенно сказала Марина, наклоняясь за ложкой.— Кому ты делаешь назло? — тихо прошептала она, поднимая на сестру усталые глаза.

Марьяшка мгновенно утихла, и Катя ушла, но из комнаты выбежала красная как кумач Мышка.

— Мамочка! Пойдем скорей! Там Динка кричит и сердится на Лермонтова! — возбужденно сообщила она.

— Что такое?

Мышка, путаясь и торопясь, рассказала, в чем дело. Мама встала, мадам Крачковская, заливаясь громким смехом, поспешила за ней.

— Ах, Гога, Гога! Неужели ты не можешь объяснить своей юной даме эти строчки? — шутливо сказала она сыну.

— Да я первый раз вижу такое невежество! Честное слово, с ней невозможно говорить о поэзии! — пожаловался Гога, чувствуя себя оскорбленным и беспомощным.

— Я после объясню ей,— сказала мама.

Динка стояла красная, сердитая и молча смотрела в пол.

— Дети, идите в сад! Поиграйте в крокет,— предложила мама.

— Пойдем? — спросила Гогу Мышка.

— С удовольствием! С тобой хоть на край света! — галантно ответил Гога и, пропустив вперед свою «юную даму», пошел за ней.

Полина Владиславовна пожелала посмотреть комнаты. Когда все вышли, Динка схватила томик Лермонтова и жадно уставилась глазами в раскрытую страницу.

— Полуночи...— прошептала она с удивлением и, наморщив лоб, стала припоминать другое стихотворение. Там тоже было одно непонятное слово: «По́душу». Динка старательно припоминает всю строчку:

Да в Москву приехав,
Вдруг он захворал,
И господь бедняге
По́ душу послал...

Когда Мышка прочитала эти стихи, Динка подумала, что господь послал больному бедняге такую сладкую и пышную, как подушка, булку — «по́душу», а потом уже Лина объяснила, что это вовсе не булка, а просто господь послал за душой бедняги, чтобы тот умер.

«Умер так умер! И нечего тут какую-то «по́душу» посылать!» — сердито думает Динка и, важно выпятив губу, сочиняет свои слова:

И господь бедняге
Передать велел:
Умирай, бедняга,
Если заболел!

Глава восемнадцатая

КОСТЯ

В комнату заглянула Марина.

— Дина, ты тут? Отведи, пожалуйста, Марьяшку домой и найди Катю. Куда она исчезла... у меня же гости,— расстроенно добавила мать. Лицо у нее было усталое, на лбу лежала глубокая складка.

— Сейчас, мама! — вскочила Динка.

Марьяшка расхаживала по террасе и, словно из детского упрямства, лезла к незнакомой нарядной женщине, облокачивалась на ее колени, тянулась к золотой брошке, трогая пальчиком запонки на манжетах.

— Подожди, подожди, крошка!.. Я так отвыкла от детей...— брезгливо отстраняя ее, оправдывалась Крачковская.

Динка взяла Марьяшку за руку и пошла с ней к калитке. Девочка вырвалась и побежала вперед. Динка шла за ней по дорожке, прислушиваясь к оживленным голосам, доносившимся с крокетной площадки.

— Неужели ты не читала? Обязательно прочти! Это же интересная книга...— говорил Гога.

Динка не слышала, что отвечала Мышка. Она была очень обижена и на сестру и на Гогу.

За калиткой стояли Катя и Костя. Они о чем-то тихо разговаривали.

Костя познакомился с семьей Арсеньевых еще на элеваторе. Сначала он приходил только на занятия в воскресную школу Марины, потом, сблизившись с Арсеньевыми, стал выполнять небольшие поручения товарищей, а когда в подпольной типографии понадобился знающий и верный человек, Костя привел к Арсеньевым своего друга, типографского рабочего, Николая... Бывали дни, когда Костя и Николай выходили из типографии с воспаленными от усталости глазами, но работа никогда не останавливалась. Потом Николая арестовали, Косте пришлось уйти со службы... Долгое время он жил в семье Арсеньевых и особенно сдружился с Катей. Дружба эта была неровная и часто кончалась ссорой, которую разбирала Марина... Шестнадцатилетняя Катя ходила еще в гимназическом платье, она была очень строга и не любила шуток, а Костя часто поддразнивал ее, выпрашивал на память ленточки, а потом терял их... Катя обижалась, плакала... В тысяча девятьсот седьмом году Костя был арестован. Когда он вышел из тюрьмы, семьи Арсеньева уже не было на элеваторе. Марина с Катей и с детьми уехала к Олегу, сам Арсеньев был в Финляндии. В эти тяжелые годы Катя выросла, повзрослела, Костя вступил в партию... Ему поручались серьезные, ответственные дела, в которых нередко участвовали и сестры.

В семье Арсеньевых Костя по-прежнему был своим, близким человеком, и, когда он долго не приезжал, Марина тревожилась, а Катя не находила себе места...

Теперь, стоя у калитки, Костя почему-то не шел в дом, а о чем-то тихо советовался с Катей. Потом громко сказал:

— Так ты иди, а я вслед за тобой. Только предупреди Марину Леонидовну, что мне необходимо это знакомство.

Катя открыла калитку и увидела Марьяшку.

— Возьми ее за ручку! — сказала она Динке.

Но Динка подбежала к Косте поздороваться.

— Здравствуй, здравствуй! — рассеянно сказал он, погладив ее по голове.

— Иди к нам, Костя! Что ты тут делаешь? — спросила Динка и, вспомнив мамино поручение, обернулась к Кате: — Катя, тебя мама ищет!

— Иди, иди! Мы сейчас...— ответила Катя.

Динка взяла Марьяшку за руку и пошла. Посредине дороги девочка вдруг попросила:

— Понеси меня!

Но Динке не хотелось нести тяжелую Марьяшку, настроение у нее было испорчено ссорой с Мышкой и Гогой, она злилась на Крачковскую за то, что эта гостья замучила маму, обижалась на Костю, который встретил ее как-то равнодушно, и жалела весь этот пропавший зря мамин день.

— Иди ножками,— сказала она Марьяшке.

Мать девочки была уже дома. Она подхватила дочку на руки и, целуя ее, сказала:

— Ишь выспалась, наелась, румяная какая! — И, обернувшись к Динке, добавила: — Спасибочко вам...

Марьяшка что-то защебетала, полезла с ногами на лоскутное одеяло и, показывая Динке бумажные цветы, спускающиеся двумя гирляндами с иконы, причмокнула языком:

— Эна!

— Не тронь, не тронь, дочка! — снимая ее с постели, сказала мать.— Это боженькины цветочки!

Когда Динка пришла домой, Костя уже сидел на террасе, пил чай и оживленно рассказывал что-то мадам Крачковской, Катя и Марина были тут же.

— Я очень люблю рыбную ловлю,— вдруг сказал Костя.—

Хотелось бы недельки на две снять где-нибудь тут комнатку и порыбачить... Но, кажется, все комнаты и дачи уже заняты.

Динка с удивлением взглянула на мать. Как было б хорошо, если бы Костя пожил у них! Но мама как-то неуверенно сказала:

— Можно было б у нас... может, на террасе?

— Позвольте! У меня в саду совершенно пустует флигель. Там никто не живет... Вы сможете свободно располагаться в нем когда вам угодно! — любезно предложила Крачковская.— Кстати, Гога тоже мечтает о рыбной ловле. Это было б чудесно!

— Ну что ж... Спасибо за гостеприимство! Я с удовольствием воспользуюсь им на недельку,— поклонившись, сказал Костя. На лице его действительно было выражение полного удовольствия, и Динка сердито пожала плечами.

«Очень надо идти к Крачковским! Как будто один Гога хочет ловить рыбу...— обидчиво подумала она, искоса взглядывая на Костю.— Подумаешь, какой... Пойдет к Крачковской! И почему это ни мама, ни Катя ничего не говорят ему?»

Катя даже, наоборот, быстро сказала:

— Вот и хорошо! А то у нас и правда негде отдохнуть. На террасе шумно.

Костя еще раз поблагодарил за любезное приглашение.

— Я могу даже дать вам ключ. И познакомлю вас с нашим сторожем... Можете приходить когда угодно, вы никого не побеспокоите! — рассыпалась в любезностях Крачковская.

Костя был очень доволен. Высокий, черноволосый, с живыми карими глазами, Костя был бы даже красивым, если бы его не портил широкий нос и веснушки. Сейчас он казался моложе своих лет, смеялся, острил... И в конце концов пошел провожать мадам Крачковскую с Гогой до самой их дачи.

Когда гости ушли, из-за забора выглянула голова Алины.

— Динка! — громким шепотом позвала она.— Ушли Крачковские?

— Ушли, ушли! — закивала ей Динка.

— Ой, я так устала! — пожаловалась, входя на террасу, Алина.— Я ходила, ходила... Налей мне чаю, мамочка!

Костя вернулся скоро. Дети сидели за столом. Марина разливала чай.

— Ну, все хорошо! — потирая руки, сказал Костя.—

Великолепная дача, в саду отдельный флигель, калитка. Я имею ключ и милостивое разрешение ночевать в этом флигеле, когда задерживаюсь у вас в гостях,— засмеялся он, падая в кресло и задумываясь о чем-то.— Черт побери! — сказал он вдруг.— До чего же несправедлива жизнь! Богачи держат на замке пустые дачи, а беднякам негде головы приклонить. Если бедняк женится и у него появляется семья, то дети его дышат смрадным воздухом подвала. Если б я сейчас женился, то со мной произошло бы то же самое... Негде жить, нечем детей кормить...— Костя закинул за голову руки и хрустнул пальцами.— Знаете, когда я женюсь? — блеснув глазами, сказал он неожиданно.— Я женюсь, когда мальчишки вытащат из струковского сада одну самодовольную статую и будут волочить ее на веревке по улицам, когда над дворцами взовьются красные флаги и тот, кто поведет нас в последний бой, скажет: «Ну, Костя, теперь давай строить новую жизнь и растить свободных людей...» Вот тогда я женюсь, и у меня родится сын! — мечтательно сказал Костя.— Я хочу, чтобы мой сын родился свободным! — добавил он с гордостью.

— А я...— сказала Катя, вставая и держась за притолку двери.— Я хочу спасти тех детей, которые уже родились...— Лицо ее вдруг побелело, губы дрогнули.

— Что ты сказала? — удивленно переспросил Костя.

— Я сказала, что, кроме твоего сына, который еще не родился...— Катя не договорила и поспешно вышла.

— Не понимаю,— серьезно сказал Костя и посмотрел на Марину.

— Она просто устала. Мы все устали сегодня! — сказала Марина.

Костя хмуро улыбнулся.

— Дети, пейте скорее чай и идите к себе!.. Алина, возьми Мышку и Динку в свою комнату, почитайте книжку... Нам нужно поговорить,— строго сказала мать.

Алина поморщилась, но ослушаться не посмела. Допив чай, дети ушли. Марина зажгла в своей комнате лампу и увела туда Костю. Через несколько минут туда же вошла Катя.

— Марина, не забудь рассказать Косте про Лининого поклонника,— напомнила она.

Глава девятнадцатая

И СТЕНЫ ИМЕЮТ УШИ

Костя внимательно выслушал рассказ Марины о ночном посещении городского дворника Герасима.

— Д-да...— задумчиво протянул он.— Но это ни в коем случае не может быть поклонник Лины.

— Как? Почему? — всполошились сестры.

— Да хотя бы просто потому, что не пойдет какой-либо мастеровой спрашивать у хозяина. Он постарается узнать у кого-нибудь во дворе: у соседей и у того же Герасима. Скорее, это действительно какой-нибудь ваш знакомый, проездом зашел узнать. Но почему же тогда не сказал своей фамилии, не зашел на службу, не написал открытки...

— Ах, боже мой! — заволновалась Марина.— Хорошо, что мы предупредили вас, Костя. Ведь вам приходится бывать на нашей квартире.

— Да, я один раз ночевал там. Прошел благополучно по двору, огня не зажигал...— задумчиво припоминал Костя.— Но кстати!..— вдруг оживленно заговорил он.— Квартира, которая находится на примете у полиции, никогда, как правило, не посещается днем сыщиком, жандармами и прочими лицами. Кроме того, я уверен, что в полиции уже точно известно, куда и когда вы выехали на дачу.

— Но мы никому не говорили,— вмешалась Катя.— Может, в полиции еще не знают...

— Ну! — легонько присвистнул Костя.— Великолепно знают.

Мягкий свет лампы освещал встревоженные лица сестер и задумчивое, серьезное лицо Кости.

— Послушайте,— сказала Марина.— А не мог это быть какой-нибудь случайный человек от Саши?

Костя пожал плечами:

— Вряд ли Александр Дмитриевич прислал бы случайного человека с поручением... Вы же обычно получаете письма через товарищей.

— Да, конечно. Но я просто не знаю, что и думать! — вздохнула Марина.

— А думать надо, что это касается меня, а не вас,— улыбнулся Костя.— У меня есть небольшое подозрение на одного человека.

— Неужели опять тот? — с ужасом воскликнула Катя.

Костя кивнул головой.

Весной Косте и его товарищам поручили организовать побег из тюрьмы. Среди заключенных был Николай, которому грозила бессрочная каторга. К побегу все было готово, но на условленном месте оказалась полиция. Многих товарищей арестовали. Костя успел скрыться. В полиции остались его приметы и под ними фальшивая подпись: «Григорий Мордуленко». Организуя побег, Костя достал себе паспорт на имя мещанина Григория Мордуленко. Под этим именем он значился в среде товарищей и был прописан на новой квартире. После ареста товарищей Костя снова переехал на новую квартиру и числился там уже под своим собственным именем.

Провалившийся побег ясно показал, что в организацию пробрался предатель. Взбешенный Костя поклялся разыскать его и уничтожить. Подозрение пало на бывшего студента, неказистого, сутулого человека с бесцветными глазами. Наведя справки, Костя узнал, что уже второе дело, в котором участвовал Меркурий Глумов, кончалось провалом. Это усилило подозрения Кости и его товарищей. Меркурий был вызван на тайное совещание, но, чувствуя недоброе, не явился. С тех пор Меркурий исчез...

Костя и его товарищи снова готовили побег из тюрьмы. Для этой цели один из верных людей поступил туда надзирателем и устраивал тайные передачи заключенным.

— Я рассчитываю на вашу дачу... А возможно, что понадобится и флигель Крачковской. Эти люди вне всяких подозрений. Если только удастся освободить Николая, то прямо из тюрьмы я привезу его сюда и в ту же ночь переправлю на ту сторону Волги,— закончил Костя.— Но сейчас... нужно будет последить, не появился ли снова Меркурий... И не вызнал ли он, что Мордуленко и я — одно и то же лицо!

— Костя,— умоляюще прошептала Катя,— тебе ведь тоже надо бежать, если это так!

— Бежать? — удивился Костя.— Да я сам раздавлю эту гадину, как червяка! И потом, на мне лежит ответственность за

жизнь Николая. Мы поклялись освободить его любой ценой! — горячо сказал Костя.

— Не могу и представить, что переживает мать,— вздохнула Марина.— Знает она, что вы готовите побег ее сыну?

— Знает... Надеется...— Он снова вспомнил предателя Меркурия.— У меня есть карточка этой гадины. Товарищи из университета переслали мне фотографию бывших студентов. Я переснял и размножил среди товарищей копию этой дряни. Пожалуй, я привезу ее и вам. Надо будет последить, не шатается ли этот субъект около вашей дачи...

Пока взрослые разговаривали, дети сидели в Алининой комнате. Мышка читала, Динка, борясь со сном, разглядывала картинки в книге.

— Я пойду спать,— попросилась она у Алины.

— Иди. Только умойся раньше,— ответила Алина.

Динка пошла на террасу, взяла со стола графин с водой и начала умываться.

— Не возись,— выходя за ней, сказала Алина и отвела сестренку в комнату,— ложись скорей, уже поздно!

— Сейчас...— нехотя пробурчала Динка.

Холодное умывание прогнало ее сонное настроение, и, очутившись на террасе, она вдруг вспомнила, что мадам Крачковская берет к себе Костю. Но с какой же стати Костя пойдет к этой лягушке? Костя никогда не любил богатых людей. Динке опять стало очень неприятно и обидно за Костю.

«Вот я ему скажу...» — с угрозой подумала она и, тихо ступая босыми ногами, подошла к двери маминой комнаты.

В комнате была Алина.

— Мамочка, о чем вы всё разговариваете? — с обидой спросила она.

— Мало ли о чем говорят взрослые, Алина! Дети не должны даже спрашивать об этом! — недовольно сказала мать.

— Но я же все понимаю. И я уже не ребенок, неужели вы боитесь говорить при мне? Я же не Динка...

«Во какая! — с возмущением подумала Динка.— Задается перед Костей... Сейчас Катя ей задаст...»

Но, к своему глубокому удивлению, Динка вдруг услышала голос Кости:

— Наоборот, Алина. Мы очень доверяем тебе. Я знаю, что

ты умеешь хранить секреты, и потому в следующий мой приезд я дам тебе одно очень важное и тайное поручение.

— Мне? — прошептала Алина, и в голосе ее было столько волнения и столько радости, что даже Катя не посмела ничего сказать.

— Тебе. Но только тебе. Дети не должны знать об этом!

— Конечно. Я никому, никогда...

Костя кивнул головой Алине:

— А теперь иди... Я приеду очень скоро и тогда скажу тебе, в чем дело.

— Спокойной ночи! — дрожащим голосом сказала Алина и, не помня себя, выпорхнула за дверь.

Динка с размаху бултыхнулась в свою кровать.

«Костя дает тайное поручение Алине... Сам Костя... Что же это такое может быть? Костя ничего не скажет зря. Надо обязательно узнать. Но когда он приедет? И как он передаст это поручение Алине? Конечно, не при всех... Может, выспросить потом Алину? Но разве она скажет? Алина каменная, она никогда не болтает зря...»

Динка юркнула головой под подушку и начала придумывать способ узнать тайное поручение Кости.

А в комнате мамы раздавались возбужденные голоса.

— Все равно это рискованно, Костя. Она ребенок! — говорила Катя.

— Вот именно потому, что она ребенок, ей гораздо легче появиться там, где взрослый будет сразу замечен. И потом, я совершенно уверен, что она будет следить чрезвычайно добросовестно,— усмехнулся Костя.

— Ну, уж это конечно! — подтвердила Марина.

— Но тогда надо сказать об этом Никичу и Лине...— начала Катя.

— Никичу обязательно, а вот Лине, по-моему, не нужно... А то она каждого встречного и поперечного будет принимать за сыщика и только запутает дело! — сказал Костя.

Прощаясь, он тихо спросил Катю:

— Что это было с тобой?

— Было и есть! — с грустной улыбкой ответила Катя.

Глава двадцатая

ВЕЛИКИЙ ДАР ЧЕЛОВЕКУ

Сон — это великий дар человеку на земле; правда, он любит веселых и здоровых людей, хорошо набегавшихся за день, но он жалеет и тех, кого мучают заботы или гнетет горе. С такими людьми сон долго борется, закрывает им глаза, укладывает их головы на подушки... А они опять открывают свои глаза, и подушки их делаются мокрыми от слез. Но сон не теряет терпения. Окутавшись ночным сумраком, он проникает к самому изголовью измученного человека, теплым дыханием сушит его мокрые ресницы и тихонько опускает их вниз. «Спи, спи, усталый человек! За ночь я сделаю тебя крепче и сильнее, я приглажу и смягчу твои горькие мысли... Пусть идут часы — это двигается вперед время, а время, как река, уносит с собой все горести. Спи, спи...»

Марина не упрямится. Она так измучена сегодняшним днем: визиты мадам Крачковской всегда оставляют в ней чувство пустоты и усталости. Но сегодня Крачковская понадобилась Косте. Мысли Марины тревожно следуют за Костей, проникают в темную камеру Николая, которому грозит бессрочная каторга. Что переживает мать этого Николая, удастся ли побег и когда это будет... Костя не сказал — видно, не так скоро... Несчастная мать...

Глаза Марины закрываются. Сон склоняется к ее изголовью, заволакивает ее мысли туманом... Марина не упрямится, только скорбная складка остается до утра в уголках ее рта...

Не упрямится и Никич. Он немного обижается, что Костя не зашел к нему. «Ну что ж... Теперь молодые все сами... старики никому не нужны»,— думает Никич. Он никогда не выходит к гостям, не любит праздного сидения за чайным столом. Только Костя не гость, с ним поговорить можно по душам. Хороший человек, да вот за большие дела берется — уцелеет ли?

Никич наработался за день. Все косточки у него ноют. Не так работал он двадцать лет назад, и не ныли кости... Видно, старость, никуда от нее не денешься. Никич, зевая, поворачивается к стене. Сон разглаживает на его лбу морщины и торопится к детям.

Не спит Мышка-худышка, серые глазки ее давно уже морит

усталость, но она все вспоминает вопросы Гоги и радуется, что не попала впросак. Но Гога столько читал, он знает гораздо больше. Надо завтра же полезть на чердак и найти папину энциклопедию, потом взять толстые книги Брема о животных и, может быть, анатомию человека тоже взять. В маминой медицинской книжке есть такой человек — он стоит во весь рост, и все в нем разборное. Ребра разборные, и все, что внутри, тоже разбирается, и каждые внутренности в этом человеке помечены цифрами и выкрашены в разные краски. Можно открыть грудную клетку, приподнять легкие, сердце и еще всякие вещи, можно посмотреть на цифру и узнать, как что называется. Тогда уж никакой Гога не собьет ее в этом вопросе, если ему вздумается спросить, как устроен человек и что у него внутри. Мышка подкладывает под щеку руку и осторожно опускает на глаза прозрачные веки. Она всегда спит с полузакрытыми глазами, оставляя под короткими ресницами узенькую щелочку.

Динка не думает ни о чем, в голове у нее так тесно, что там уже не могут поместиться длинные мысли, но перед глазами у нее проходят разные картины из этого дня. Вот Ленька роется в кармане и достает копейку... Простил ее Ленька! Вот Анюта кружится, кружится и кричит: «Айдате польку, девочки!» А Гога-Минога противно таращит глаза. «Я в первый раз вижу такое невежество!» — говорит он. А сам, дурак, не знает, где утес Стеньки Разина! А вот голос Кости в маминой комнате... Лица его не видно, но Динка хорошо представляет себе лицо Кости. «Я дам тебе тайное поручение»,— говорит он Алине. «Как же это узнать?» — засыпая, думает Динка.

Не спит и Алина. Смотрит в потолок, думает об отце. «Вот, папа, Костя даст мне тайное поручение, он мне доверит его, он сказал — очень важное; значит, политическое... Ох, скорей бы, папа...»

Но Алина не очень противится сну, она устала, как мама. Столько ходила и ждала под забором, когда уйдут Крачковские... А еще эти Костины слова... Алина так взволновалась, обрадовалась, что даже нет больше у нее сил думать об этом. Только бы скорей шли часы и дни до приезда Кости...

Засыпает и Алина... В окнах маленькой дачи темно. Нет огонька и в палатке у Никича, погашен свет и у Лины. Лина спит, хотя перед сном она долго сердилась на Малайку за то, что

он не приехал. «Ишь бритая голова... Погоди, заявишься... Какой бродяга неописуемый! За целый день воскресный не выбрался. Известное дело — нехристь. Что с него возьмешь! И ведь никогда этого не было! Может, заболел, а и приглядеть за ним некому...» — засыпая, думает Лина.

Всех уложил сон, только не справиться ему сегодня с Катей. Когда человек решает свою судьбу, то ему не до сна.

«Не нужна я Косте,— думает Катя.— Костя идет один своей дорогой. Никогда не сказал он, что я могла бы быть всегда с ним рядом... «Я женюсь, когда над дворцами взовьются красные флаги... Мой сын должен родиться свободным...» Его сын! А дети Марины? Они живут без отца, Марина изнемогает от усталости, от вечного безденежья. Если бы не помощь Олега, ей никогда не справиться бы одной». Катя пробовала брать переписку на машинке, но работы так мало и за нее платят такие гроши... Устроиться куда-нибудь на службу почти невозможно — женщин никуда не принимают. Да и что может делать она, Катя? Марина — опытный корректор, она служит давно и то всегда боится, что, как только уйдет знакомый редактор, на ее место возьмут мужчину. Что будет тогда с детьми? Мышка слабенькая, Алина больная, Динка становится хуже день ото дня.

«Надо решиться,— думает Катя и смотрит в темноту сухими, горячими глазами,— и все сразу станет иначе...»

Разве Марина не заменила ей мать? У нее, у Кати, неоплатный долг перед старшей сестрой. И не только долг — рука об руку шли они все эти годы... Ни за что не бросит ее Катя, не бросит Мышку, Алину и даже Динку. Катя поставит Виктору условие всегда жить с сестрой. Виктор очень хороший человек, и мать его так тепло относится ко всей их семье. А что же Костя? Костя никогда не думает о них. Он и не может думать о чем-нибудь, кроме своих дел. Разве Катя не понимает этого? Она понимает — может, за это и любит Костю. И всегда будет любить, как Марина Сашу. Но Костя не знает, не понимает жизни. Когда Марина отказалась от помощи товарищей, он очень одобрил ее решение. Катя тоже одобрила, потому что есть семьи, которым живется еще тяжелее,— это семьи арестованных и сосланных на каторгу.

Ах, Костя, Костя... Он никогда не думает, что они могут

расстаться. После свадьбы Виктор увезет Катю к себе на завод. Там вокруг большого дома глухой лес и такая гнетущая тишина, что сердце разрывается от тоски... После отъезда Арсеньева Катя и Марина с детьми долгое время жили у Олега и часто ездили к Виктору. Катя была почти девочкой, но уже тогда она уходила в лес и вспоминала Костю. А Костя сказал потом, что эти месяцы показались ему длиннее всей его жизни. Ах, Костя, Костя...

Редко плачет Катя, она не любит слез, не любит раскрывать свою душу. Но сейчас, вместе с решением выйти замуж за Виктора, пришли к ней слезы. Неудержимо катятся они по щекам, и рвется из сердца громкий стон... Уйти бы куда-нибудь, чтобы не разбудить сестру... Сестра никогда не захочет, не примет ее жертвы, она возмутится таким решением, она скажет, что не только для нее, для Кати, невозможен этот брак без любви, но она еще не имеет права так огорчать Костю. Она скажет, что Костя заслужил покой и счастье, что нельзя сейчас нарушать его душевное равновесие...

Никто не поймет и не оправдает поступка Кати. Но человек сам отвечает за себя, и Катя знает, зачем и почему она это делает. А Костя?.. Что ж Костя... Он успокоится, а потом найдет другую невесту. Да она никогда и не была его невестой — ни одного слова не сказал он ей о любви...

А Виктор любит ее. Он писал ей такие хорошие, грустные письма и часто приезжал к ним в Самару вместе с Олегом. Оба они страстные охотники и обязательно являлись с мороженой птицей, с беличьими шкурками, с зайцами. А один раз Виктор привез целую глыбу сахара, и Динка прозвала его «Сахарной головой»; с тех пор он так и остался у них в семье под этим прозвищем...

Вот противная эта Динка! Она может сказать Косте, что Катя выходит замуж за «Сахарную голову». Но все это ерунда. Катя горько улыбается.

Под подушкой у нее лежит письмо: Виктор просит ее разрешения приехать. Что делать? Малайка хочет взять у них Лину. Катя и Марина хотят, чтобы Малайка и Лина были счастливы, они сами уговаривают Лину. Но что же будет с ними, когда милая, верная Лина уйдет из их семьи, кто будет так преданно заботиться о детях, беречь каждую копейку, кто будет

делить с ними все печали и радости дома? В кухню придет чужая женщина, дом опустеет. Марине станет еще тяжелей... А что, если арестуют Сашу? В конце концов, это всегда может случиться... «Костя, Костя, ты не понимаешь всего этого!» — горько думает Катя.

Она не спит. В окна уже видны очертания кустов, белеет посыпанная песком дорожка... Что делать?

Катя смотрит на сестру. У нее такое усталое лицо. Уезжая, Саша крепко поцеловал Катю: он знал, что она никогда не бросит сестру, никогда не оставит его детей.

И Саша не ошибся. Катя запрет свое сердце на крепкий замок и ради детей, ради Марины выйдет замуж за нелюбимого человека... Завтра она напишет Виктору, чтобы он приехал. А потом скажет об этом Косте... Ах, Костя, Костя...

Редко плачет Катя, никто никогда не видел ее слез. Никто не видит их и сейчас, все спят... Сон приходит под утро и к ней. Крепкий сон, великий дар человеку на земле!

Глава двадцать первая

ЛЕНЬКА

Мать Леньки, одинокая вдова, проживала в небольшой деревеньке под Вяткой. Хозяйство у нее было исправное, изба крепкая, просторная. Изба эта стояла на краю села, и крестьяне из других сел, отправляясь на ярмарку или на базар в город, нередко просились переночевать и обогреться в доме вдовы, с тем чтобы, выехав наутро пораньше, вовремя попасть на базар. За «постой» они платили недорого, но при хозяйстве этого хватало на жизнь, и вдова с мальчиком жила безбедно.

Гордей Ревякин был пришлый человек в деревне. Никто не знал, когда и откуда он появлялся, ведя какие-то таинственные дела с лесником и занимаясь в городе продажей дров. Останавливаясь на день-два у вдовы, Гордей с раннего утра отправлялся с топором и пилой в лес и, нагрузив розвальни свежеспиленными дровами, гнал свою лошаденку в город, а спустя некоторое время появлялся опять.

К людям Гордей Лукич относился подозрительно и никогда

не заезжал во двор к вдове, не выспросив ее предварительно о случайных постояльцах.

Вдова, как и прочие люди в деревне, объясняла это тем, что у Гордея имеются немалые деньги, за которые он и опасается.

Узнать что-либо о его прошлой жизни никому не удавалось, так как Ревякин был мужик неразговорчивый и на все вопросы отвечал хмурым молчанием; а заросшее черной бородой лицо его, с недобрым огоньком в темных глазах, отпугивало любопытных.

«Не человек, а волк»,— говорили о нем в деревне.

Леньке было три года, когда Гордей, приметив, что хозяйство у вдовы в исправности, женился на ней и, покончив с продажей леса, начал хозяйничать по-своему.

Прежде всего он решительно запретил принимать в дом каких-либо постояльцев, затем, убедив жену, что корова у нее старая и плохая, он свел ее на ярмарку и, купив на вырученные деньги вторую лошадь, отправился в город извозничать. Наезжая домой раз в две недели, он обходил двор, осматривал свое хозяйство и вечером, завесив окна, при свете тусклой лампочки считал вырученные деньги.

Год выдался неурожайный, проезжие в избе уже не останавливались, помощи ниоткуда не было. Кроме того, лишившись своей главной кормилицы — коровы, вдова с ребенком терпела нужду и голод. Увидев в руках мужа деньги, жена начинала плакать и просить денег на покупку коровы взамен проданной.

Худая, с острыми лопатками и чахоточным румянцем на щеках, она упрекала Гордея за свою загубленную жизнь, за голодного ребенка, за проданную корову. Гордей молча сгребал деньги в жестяную коробку и, прокладывая себе дорогу тяжелыми кулаками, выходил во двор. Заперев снаружи избу на засов, он прятал в потайном месте свою жестянку и заглядывал в кладовушку, где в большом ларе хранилась мука и в мешках стояли отруби для свиней. Покупать корма́ Гордей Лукич не любил и, заметив, что мука и отруби сильно поубавились, грозно призывал к ответу жену.

Жена, обливаясь слезами, клялась и божилась, что не пекла и не варила, а муку потребляла только на болтушку себе и Леньке. При этом она выволакивала на середину избы Леньку

и, показывая мужу на его вздутый живот, истошно голосила:

«Погубил ты сироту, погубил! Пухнет мальчонка с голоду... И крошки молока не видит он теперь. Разорил ты нас с ним, обездолил...»

Гордей брезгливо смотрел на мальчика и хмурил густые брови:

«Не обязан я его кормить. Сдохнет — туда и дорога!»

Как-то перед пасхой, харкая кровью, жена вцепилась в Гордея Лукича всё с той же просьбой купить ей корову. Гордей Лукич в сердцах пнул ее кулаком в грудь... и на другой день мастерил в сарае гроб.

Ленька редко видел ласку матери; больше всего он помнил ее, когда, задыхаясь от надрывного кашля, она проклинала мужа или, поставив перед мальчиком жидкую болтушку, капала в миску крупными, частыми слезами. И теперь, сидя в темном уголке, Ленька молча смотрел, как соседи обряжали покойницу, не понимая еще, что произошло в его жизни.

Гордей Лукич продал дом, продал все хозяйство и переехал в город. Леньку он оставил у птичницы из господского имения. Птичница была не злая женщина; она кормила Леньку тем, что ела сама, и, посылая мальчика пасти гусей, клала ему в котомку кусок хлеба. Жадная до нарядов, она соблазнилась вещами покойницы, и подаренные ей Гордеем Лукичом шаль да шерстяной платок обеспечили Леньке спокойное житье. Мальчик вырос, возмужал, перестал прятаться по углам, бегал за гусями, купался в речке. Птичница мало обращала на него внимания, и, только когда люди замечали ей, что на мальчишке истлели штаны, она рылась в старом тряпье покойницы, которое великодушно оставил ей вместе с платком и шалью Гордей Лукич, доставала изношенную до дыр юбку и, проклиная всех женщин, которые производили на свет детей, шила Леньке штаны. Зимой Ленька топил печь, путаясь в больших валенках, таскал воду, замешивал птице корм и, промерзнув, лез на горячую печь.

Лежа на печи и слушая, как шумит за окном метель, заметая сугробами окошки, Ленька вспоминал мать... Смутно, словно в тумане, вставала перед ним высокая, худая фигура, молчаливо двигающаяся по избе; расплывчатые черты ее лица ускользали из памяти, и только надрывный кашель и горький плач долгое

время преследовали мальчика даже во сне. Зато хмурое, бородатое лицо отчима с недобрыми волчьими глазами из-под нависших бровей, мальчик помнил хорошо. Малейшее воспоминание о Гордее Лукиче приводило его в трепет и бросало в жар.

Между тем прошло две зимы и лето, а Гордей не появлялся. На второе лето в имение приехали господа; птичница пожаловалась барыне на подброшенного ей сироту. Барыня велела привести мальчика, пожертвовала ему старую шубейку выросшего из нее барчука, валенки с галошами и теплую шапку. Уезжая осенью, она обещала поискать в городе отчима мальчика и освободить птичницу от навязанного ей сироты.

Но Гордей Лукич появился сам. Он успел за это время обжиться, купил баржу и стал возить по Волге товары купцам. Баржа давала немалый доход. Гордей Лукич богател, но управиться одному ему было трудно, работник стоил дорого, и тут-то Гордей вспомнил о Леньке. Рассчитав, что мальчишке уже пошел девятый год и что из него можно сделать себе бесплатного работника, Гордей Лукич неожиданно приехал в деревню. Расспросив по дороге земляков, он узнал, что Ленька — крепкий, здоровый и работящий парнишка.

Приехал Гордей Лукич под вечер.

Ленька увидел в окно входившего во двор бородатого человека и в ужасе заметался по избе. Птичница выбежала навстречу дорогому гостю. Гордей Лукич, в теплом полушубке и в валяных сапогах, шагнул в избу. Отряхнув снег и сняв шапку, он ласково сказал:

«За Ленькой своим приехал!»

Ленька забился за печку, замахал руками:

«Никто я ему, никто! Не отдавай меня, тетенька!»

Птичница оторопело развела руками:

«Да как же я могу не отдавать? Ведь отец он твой! Благодетель!»

Гордей Лукич нахмурился.

«Собирай парня, некогда мне здесь валандаться! На-ко тебе за кормление!..— Он бросил на стол трешку и вынул из-за пазухи кусок яркого ситца.— Получай вот!»

Птичница схватила ситец, увязала Ленькины вещи в старый платок и подступила к мальчику. Леньку трясло как в лихо-

радке; он не помнил, как надел валенки и подаренную барыней шубку, как попрощался с птичницей.

Гордей Лукич молча оглядел барскую одёжу Леньки и довольно погладил бороду:

«Видать, у барыни выпросила? На́ тебе еще рубль».

Птичница рассыпалась в благодарности и, только когда дверь за Гордеем Лукичом и Ленькой закрылась, выбежала к воротам и, обхватив руками Ленькину голову, заголосила:

«Сиротка ты мой, сироточка...»

«Ну, ну! — отталкивая ее, строго сказал Гордей Лукич.— Не вой! Не на кладбище провожаешь...»

Ленька не сказал ни слова, не оглянулся. В его сердце росла ненависть к людям. Он шел, еле передвигая ноги. Гордей Лукич крепко держал его за руку и тащил за собой. До ямщицкого стана было верст пять. Дорога лежала лесом. Запорошенные ели тонули в глубоком снегу, голые березы потрескивали нарядными белыми ветками, красногрудые снегири прыгали под деревьями. Ранние сумерки окрашивали лес голубоватым светом. Последние деревенские избы остались уже позади, на дороге было пустынно и тихо... Ленька глянул на лес, на оставшуюся вдалеке деревню и, громко всхлипнув, рванулся назад.

Но Гордей больно сжал его руку и с недоброй усмешкой сказал:

«От меня не уйдешь! Я тебе с этих пор хозяин и благодетель! Запомни это!»

Ленька понял, что бежать ему некуда, и, дрожа от страха, молча пошел за ним. Так началась его новая трудная жизнь. И не было в ней дня и часа, когда бы не мечтал он бежать от своего мучителя.

Глава двадцать вторая

ПОТЕРЯННЫЙ ДРУГ

Зимой, когда Волга замерзала, Гордей Лукич снимал в городе дешевую комнатушку и, не желая даром кормить Леньку, посылал его на заработки. При этом, глядя на мальчика своими темными недобрыми глазами, мрачно предупреждал:

«Гляди мне... Ежели кто подойдет, спросит, с кем живешь,

чтоб ни единым словом не обмолвился. Живу, мол, у тетеньки... И домой сразу не иди, дорогу не указывай. А укажешь, тогда...»

Ленька, бледнея, отступал к двери:

«Не укажу я, разрази меня бог...»

«Бог не разразит, а я разражу! Упрячу в мешок и заброшу в речку!» — грозил Гордей Лукич.

Ленька не знал, чего опасается его отчим, но, помня суровый наказ, ни с кем в разговоры не вступал.

Заработать мальчику было трудно. Проторчав весь день на пристани или на базаре, он часто возвращался домой с пустыми руками. В такие дни Гордей морил своего приемыша голодом, сурово поучая:

«Хоть укради, да принеси, а не то пропадай как собака!»

Но красть Ленька не умел, попрошайничать он тоже не мог, и каждый кусок, который он получал от хозяина, сопровождался упреками и руганью.

В одну зиму рядом с Гордеем Лукичом, в небольшой затхлой комнатушке, поселился молодой рабочий из типографии. Рабочего звали Николаем.

Возвращаясь с работы, Николай ставил чайник и, обложившись книгами, за полночь жег маленькую керосиновую лампу. Однажды, заметив в коридоре худого и бледного мальчонку, он зазвал его к себе, напоил чаем с баранками и, узнав, что Ленька неграмотный, взялся его учить.

«Книга, брат Ленька,— это большой друг. Она меня в люди вывела,— серьезно говорил Николай.— Только на голодный желудок грамота нейдет»,— тут же шутил он, нарезая колбасу и хлеб.

Сидя на табуретке около стола, Ленька с восторгом и удивлением глядел на своего покровителя. Николай был первым человеком, который не только принял в нем участие, но и относился к нему по-товарищески, любовно и просто, как к младшему брату, даже называя его в разговоре «брат Ленька».

Способный мальчик быстро научился читать и писать. Николай покупал ему карандаши и тетради, а иногда, задумчиво глядя на склоненную голову мальчика, тихо говорил:

«Не нравится мне твоя жизнь, Ленька... Ты вот молчишь, не жалуешься, а ведь я все вижу.— Николай, кивая головой на

соседнюю дверь и понизив голос, спрашивал: — Кто он тебе? Отчим?»

Ленька поднимал голову и с испугом смотрел на открытое лицо Николая, на его светло-голубые глаза с ласковым прищуром, на темные брови, сходившиеся у переносья, и высокий чистый лоб.

«Отчим он мне... благодетель...» — робко лепетал он заученные раз навсегда слова.

Николай грустно усмехался и пытливо смотрел в глаза мальчику.

«Это он научил тебя так говорить?»

Ленька еще больше пугался и молчал. Николай обводил глазами свою комнату и, что-то обдумывая про себя, говорил:

«Ну ничего... Я поговорю с товарищами... Мы тебя вызволим, брат Ленька!»

Николай искренне привязался к худенькому неулыбчивому мальчику с пытливыми серыми глазами.

Однажды он пришел веселый и, несмотря на отчаянные мольбы Леньки, пошел к Гордею Лукичу. Мальчик в ужасе забился в угол и закрыл руками лицо. До него долетали только громкие, сердитые голоса. Потом Гордей Лукич открыл дверь и грозно крикнул:

«Ленька!»

Мальчик бросился в комнату. Хозяин держал в руках какие-то измятые бумаги и совал их Николаю:

«У меня документы есть! Я с детства его воспитывал и никому не отдам!.. Ленька! — заорал он, останавливаясь перед мальчиком и глядя на него покрасневшими от злобы глазами.— Кто я тебе? Отвечай! Ну? Отвечай!»

«Не запугивайте мальчика! — возмущенно сказал Николай.— Мне не нужен его ответ! Я найду способ вырвать его из ваших рук! Негодяй!»

С тех пор хозяин, обозленный вмешательством молодого типографщика, строго-настрого запретил Леньке ходить к нему в комнату. Напрасно Николай грозил Гордею Лукичу заявить о его жестоком обращении с сиротой в полицию: хозяин только злорадно посмеивался и вымещал свою злобу на Леньке. Мальчик, разлученный со своим другом, побледнел, осунулся и, встречаясь с Николаем в коридоре, тоскливо глядел ему

в глаза... И только иногда теперь выпадали на его долю счастливые вечера, когда Гордей Лукич уходил из дому.

«Терпи, брат Ленька! — крепко прижав мальчика к своей груди, утешал Николай.— Весной увезу тебя от хозяина... К матери своей увезу... Хорошая она у меня... Как в раю будешь жить!»

С рождества к Николаю зачастили товарищи, потом и сам он начал надолго уходить из дому.

Ленька, глядя в темноту открытыми глазами, допоздна ждал его возвращения и, стараясь не разбудить хозяина, выбегал на цыпочках в коридор. Николай совал ему в руку кусок колбасы или какое-нибудь лакомство, бегло обнимал его и проходил к себе. Ленька прислушивался к каждому шороху, доносившемуся из комнаты его друга, и удивлялся, что тот не спит... Один раз у Николая засиделся какой-то товарищ, и оба они не ложились спать до утра.

Однажды, проснувшись ночью, Ленька заметил, что Гордея Лукича нет на кровати. Куда и зачем уходил хозяин, он не знал. Но на другой день к Николаю нагрянула полиция. Ленька с ужасом смотрел, как в комнате его друга переворачивали матрас, подушку, книги, поднимали половицы... Потом в руках у жандармского офицера вдруг оказались пачки свеженапечатанных бумажек. Ленька с ужасом услышал, что бумажки эти запрещенные и называются они прокламациями.

Николая увели. Он шел бледный, но спокойный и, проходя мимо Леньки, тихо шепнул ему:

«Не горюй... Мы еще увидимся...»

С тех пор он исчез. От дворника этого дома Ленька узнал, что Николай в тюрьме... Однажды, убежав от хозяина, он целый день тоскливо бродил вокруг темно-красной кирпичной стены, за которой стояла городская тюрьма. За железными решетками были видны бледные лица арестантов, но Николая между ними не было. Ленька подходил к тяжелым запертым воротам тюрьмы, но часовой сердито гнал его прочь.

Наступала уже весна, шли частые дожди, но земля была промерзлой, и кое-где во рву лежали грязные бугорки снега...

Голодный и промокший до нитки, мальчик с трудом дотащился домой и потом был отвезен в городскую больницу с жестоким воспалением легких.

В тяжелые бредовые дни он видел перед собой лицо своего потерянного друга и слышал его слова:

«Не горюй... Мы еще увидимся...»

Хозяин, не надеясь на выздоровление Леньки, махнул на него рукой; Леньку выписали из больницы прямо на улицу, хотя все знали, что он сирота и дома у него нет.

Шатаясь на слабых ногах, Ленька шел по мостовой, держа в руках узелок с гостинцами, которые ему дали на дорогу больные из той палаты, где он лежал.

Весеннее солнце уже обогрело землю, молодая трава густо зеленела по обочинам улиц. Гордей Лукич, получив заказ на перевозку товаров, готовил баржу к отплытию и решил справиться о Леньке.

Не дойдя двух кварталов до больницы, он увидел двигающуюся ему навстречу худенькую фигурку мальчика...

И Ленька снова попал на баржу. О Николае он больше никогда не слыхал. Встреча с большим и настоящим другом осталась в его памяти как случайный, вспыхнувший и погасший огонек на пути.

Глава двадцать третья

МЕЧТА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Голова Динки еще лежала на подушке, но в ней уже беспокойно копошились три главные мысли. Одна, радостная и спокойная, была о Леньке. Простил ее Ленька... Хорошо бы повидать его и сказать ему все-таки, что тогда, на берегу, она подвела его под кулак нечаянно...

Другая мысль, не дававшая Динке покоя, была о «тайном и важном поручении», которое Костя обещал дать Алине. Динка во что бы то ни стало решила выведать эту тайну. Конечно, не у Алины...

И третья мысль, заставившая девочку вскочить с постели, была о художнике в белом халате. Этот художник, наверное, уже пришел и ждет ее. Как она могла забыть! Ведь он сказал, что она «прелесть». Никто так не говорил, а он сказал! Надо скорей идти! Динка осторожно подходит к двери и, приоткрыв ее, изучающе вглядывается в лицо спящей Кати. Спит Катя... Алина тоже, верно, спит.

«Сейчас я ка-ак разоденусь! Ка-ак расфуфырюсь! А художник скажет: «Вот ты какая прелесть! Я и не знал!» — улыбаясь, думает Дина, лихорадочно роясь в шкафу, где висят праздничные платья.

— Алинино... Мамино... Мышкино...— шепотом перечисляет она.— А вот — мое!

Это платье сшили ей к пасхе, оно белое, батистовое и все в пышных оборках. Динка тянет с вешалки платье, чуть не уронив на себя весь шкаф. Потом хватает гребень и, зажмурившись, дерет спутавшиеся за ночь волосы. Она дерет их так, что даже приседает на пол, но ей необходимо заплести косы. Хотя бы две небольшие коски по бокам... Потом она роется в Мышкиной коробке с лентами... Если бы эти противные волосы примазать Лининым маслом или хотя бы рыбьим жиром... Но рыбий жир плохо пахнет. Может, художник не любит этого запаха? Но Динке некогда задумываться об этом, она очень спешит.

* * *

Мягко шурша, набегают на берег волны. Солнце золотит песок, с пристани доносится глухой шум. Баржа кажется меньше и уютнее, издали она похожа на большую, разбухшую на воде лодку.

Позднее придут на берег дачники, но сейчас здесь никого нет. Только одна Динка стоит на берегу и ждет человека в белом халате. А может, это не Динка, а какая-то другая, аккуратненькая девочка в нарядном белом платьице с пышными оборками... Голова ее блестит от сливочного масла, по бокам торчат две коротенькие толстые коски с голубыми бантами на концах. Правда, над лбом и сзади осталась еще целая куча волос, но девочка думает, что это не так уж видно. Не будет же ее рисовать художник сзади! Перед уходом Динка взглянула на себя в зеркало и удивилась. Лицо вытянулось, притянутые на висках волосы придали ему какое-то заячье выражение, губа важно выступила вперед, и щеки не кажутся уже такими круглыми и красными, как всегда. Динка осталась очень довольна собой...

— Прелесть! — шепотом повторила она, радуясь, что

приготовила художнику такой сюрприз. Ведь он видел ее вихрастую, растрепанную, в рваном платье.

Динка давно уже на берегу. Она то прохаживается мелкими шажками по песочку, как совсем приличная девочка, то, вспомнив, что обещала художнику висеть, поспешно бросается к обрыву. Ухватившись одной рукой за толстый корень, она нащупывает ногами глиняный выступ и, повиснув в воздухе смотрит вдаль... Потом опять сходит на берег... «Это ничего, что художника нет так долго,— думает Динка.— Взрослые любят опаздывать. Зато как удивится он, увидев такую хорошую девочку!» Динка самодовольно улыбается и осторожно трогает пышные банты в своих косках.

Жена художника вынула тогда десять копеек, но Динка не взяла — брать от чужих денег задаром нельзя, но если ей придется висеть на обрыве до самого обеда, то она возьмет. Потому что, пока он будет рисовать, она должна болтаться в воздухе, как в цирке. А в цирке платят за это деньги — значит, возьмет и она.

Динка, облизываясь, вспоминает мороженое в костяном стаканчике с костяной ложечкой, черные витые рожки с семечками, которые нельзя разгрызть... Еще бы она купила толстую длинную конфету, обернутую бумажной ленточкой. Это для Марьяшки — пусть она сидит над своей кастрюлей и сосет конфету. Еще она дала бы целых три копейки Леньке. «Возьми, Ленька,— сказала бы она,— мне так хочется что-нибудь дать тебе, что у меня просто чешутся руки и сосет под ложечкой».

Динка вспоминает о Леньке и решает прогуляться по берегу к барже... Если художник придет, она быстро вернется.

Девочка нерешительно оглядывается назад. Далеко на берегу появляются две фигуры. Они! Динка быстро забывает свои мечты, стремительно карабкается на обрыв и повисает в воздухе.

Фигуры двигаются медленно-медленно... Но ведь Динке нужны еще цветы. Как это она забыла! Ведь художник сказал, что будет рисовать ее с кувшинками. Она срывает кувшинки и снова повисает в воздухе с робкой выжидающей улыбкой. Но две фигуры на берегу вдруг поворачивают назад. Может, они забыли это место? Динка спрыгивает на берег и, спотыкаясь, бежит за ними.

— Сюда! Сюда! — кричит она, размахивая руками. Но это так далеко, что голос ее замирает, ноги останавливаются.

Нет, это не они! Это просто дачники. Художник ничего не забыл, он обязательно придет и нарисует ее на большом белом полотне.

«Неужели это моя Динка?» — скажет мама.

«Вот уж никак не ожидала!» — язвительно скажет Катя, а художник засмеется.

Динка незаметно для себя ускоряет шаги и бежит к пристани... А художник засмеется. «Это не Динка, это прелесть»,— скажет он Кате. А потом еще он скажет маме при Кате: «У вас очень приличная девочка».

Вот уже видна и баржа... На ней ходят какие-то люди. Динка оглядывается назад... Нет, художника еще нет...

Когда-нибудь он нарисует и Леньку... А может, он подарит Леньке ее портрет с кувшинками, и тогда сам Ленька, может быть, скажет: «Я уже совсем не сержусь на эту Динку. Что на нее сердиться, если она такая приличная прелесть!»

— Эй, эй, гляди! Макака вырядилась! Макака вырядилась! — раздаются сзади Динки ненавистные голоса.

Она испуганно шарахается в сторону, шире раскрывает глаза и видит перед собой насмешливую физиономию своего врага Миньки; рядом с ним, тупо улыбаясь, стоит Трошка...

— Фу-ты ну-ты, ножки гнуты...— цедит он сквозь зубы, уставившись на Динкино платье.

— Глянь, глянь! Ха-ха-ха! Макака вырядилась! — ломаясь и указывая на нее пальцем, кричит Минька...

Глава двадцать четвертая

НА БАРЖЕ

В последнее время к хозяину Леньки зачастил приказчик купцов Овсянниковых. Овсянниковы торговали керосином и лесом. Склады леса и лавчонки под вывеской «Овсянников и сын» содержались ими по всем приволжским городам. Хозяин баржи, Гордей Лукич, уже не раз имел дело с хитроватым прилизанным приказчиком Овсянниковых, не раз Ленька под окрики хозяина помогал рабочим грузить овсянников-

ский лес или бочки с керосином. Теперь приказчик появился снова.

«Значит, скоро грузиться будем»,— тоскливо подумал Ленька.

Сегодня с утра хозяин послал его за колбасой и водкой. Сидя в маленькой хибарке друг перед другом, хозяин и приказчик наливали водку, заедали хлебом и колбасой, лущили воблу. Приказчик был чистенький, в сером пиджачке и белой косоворотке. Поднося ко рту стаканчик, он брезгливо морщился и тонким фальцетом произносил одну фразу:

— За благополучный исход дела-с!

Гордей Лукич в плисовой поддевке и голубой сатиновой рубахе сидел, опираясь широкой спиной на дощатую стенку своей хибарки. Плисовые штаны его, засунутые в хромовые сапоги, лоснились, будто смазанные салом.

Он поднимал указательный палец и грозил:

— С Гордеем Лукичом шутки плохи! Мне чтобы все по чистой было выплачено вперед! Кто денежки дал, тому я и слуга.

— Это что ж! Это известно-с... Нами обижены не будете. Вот как бы с грузчиками чего не вышло... Уж очень сволочной народ,— ощипывая хлеб и отрезая тоненький ломтик колбасы, говорил приказчик.

— Грузчики — это особь статья. Купца такие дела не касаются, а нам они не впервой... Ты вот гляди, какая пигалица, а мимо носа не пронесешь.

Приказчик тоненько хихикнул и закивал головой:

— Не пронесу, Гордей Лукич! Мы в этой коммерции разбираемся, сызмальства науку прошли-с.

— Ну, вот всю науку прошел, а со мной торги затеваешь! Только напраслинный твой труд! Что на погрузке выгадаем, то пополам, а что за баржу причитается, то мое! И цену свою я снижать не намерен.

Ленька сидел на скрученном канате, слушал эти торги и думал о тяжелой своей жизни и о том, что свет велик, а ему, сироте, нигде и места нет, кроме как на этой барже с ненавистным ему человеком.

Скоро двинется баржа вниз или вверх по Волге, и уже не сойти с нее никуда: слушать брань хозяина, варить ему похлебку

и щелкать зубами, как голодный щенок, глядя, как он жадно двигает челюстями... «Убежать бы... Так поймает он — тогда не жди пощады. Искалечит и выбросит ночью в воду. А то просто на улице заберут, коли отчим заявит в полицию»,— тоскливо думает Ленька.

— Эй, ты! Чего расселся как колода? Я что сказал тебе делать? — загремел из хибарки голос хозяина.

Ленька вскочил.

— Я все сделал: палубу подмел, белье ваше отстирал, все прибрал к стороне, как велено,— тихо сказал он.

— Еще мой, еще скреби, неча руки на груди складывать! — поднимаясь и берясь за картуз, сказал хозяин.— Я, може, на неделю по делам отлучусь, тогда гляди, если что неладно будет... Ну, пошли, что ли? — обратился он к приказчику.

— Пошли, Гордей Лукич! Сейчас самое время на пароход попасть,— с гордостью вытаскивая из кармана круглые часы с цепочкой, сказал приказчик.

Хозяин тяжело зашагал по сходням, приказчик в узких ботинках, растопырив руки, поспешал за ним мелкими шажками. Ленька стоял и смотрел, как подошел пароход, как появилось на палубе бородатое знакомое лицо и рядом с ним мелкое веснушчатое лицо приказчика...

Пароход дал короткий свисток и, шумно ворочая колесами, пошел мимо баржи. Хозяин пристально поглядел на Леньку и погрозил ему кулаком, но с каждым поворотом колес пароход уходил все дальше, и радостное ощущение свободы постепенно возвращало мальчика к жизни. Он вспомнил, что белобрысый паренек Федька, который одно время работал на барже, обещал ему дать на вечер свою удочку, а Митрич звал на завтра поторговать рыбой... Значит, и ему, Леньке, перепадет две-три копейки, да пару рыбешек даст еще Митрич... Щеки Леньки порозовели, глаза стали веселее. Он знал, что, когда начинаются торги, хозяин не сидит дома и часто уезжает в город на целую неделю.

Отломив корку оставшегося хлеба, Ленька убрал стаканы и бутылку из-под водки, вытер мокрой тряпкой пол и, услышав на берегу голоса, подошел к борту.

— Глянь! Глянь! Макака вырядилась! Макака вырядилась! — хватаясь за живот, кричал Минька.

— Эй, Макака! Фу-ты ну-ты, ножки гнуты! — с тупой ухмылкой вторил ему Трошка.

Между ними, прижав к груди руки и беспомощно озираясь кругом, стояла девочка.

Глава двадцать пятая

«САРЫНЬ НА КИЧКУ!»

Ленька не сразу узнал свою знакомую. Он почти не видел ее лица, когда они вдвоем отчаянно барахтались в воде, он смутно помнил эту девчонку на берегу, мокрую, сердитую, красную от слез, и хорошо запомнил ее на пристани. Она стояла на виду у всех, пела песни и собирала деньги в шапку шарманщика. У нее были грязные босые ноги и рваное платьишко. То была нищенка... может быть, такая же сирота, брошенная и несчастная, как Ленька. Шапка дрожала в ее руках, и в глазах был испуг... Ленька жалел сирот и потому, не помня зла, отдал девчонке свою последнюю копейку.

И сейчас, услышав знакомое слово «Макака», он с удивлением вглядывался в маленькую барышню, осажденную с двух сторон своими обидчиками. Он не хотел вмешиваться, полагая, что у господских детей всегда найдется защита, их не так-то легко обидеть. Его удивляло только знакомое слово «Макака» да еще сама девочка. Она стояла молча, словно что-то лихорадочно обдумывая, тогда как обнаглевшие мальчишки подступали к ней все ближе и ближе, дергали накрахмаленные оборки нарядного платья и, гогоча, выкрикивали обидные прозвища:

— Африканка! Куцый заяц! Ишь вырядилась! Го-го-го!

Леньке становилось невтерпеж глядеть на это издевательство, он уже поднял кулак, чтобы погрозить мальчишкам, как вдруг на берегу раздался отчаянный боевой крик:

— Сарынь на кичку!

Ленька увидел, как девочка стремительно налетела на Миньку; нагнув голову, как молодой бычок, она с размаху ударила Миньку в живот, потом так же молниеносно бросилась на Трошку.

— Сарынь на кичку! — с удалью и отчаянием кричала она, нанося удары и отбиваясь от своих противников.

Белое платье ее металось от одного к другому, голубые банты прыгали на плечах...

Минька, держась за живот и охая, осыпал ее песком и камнями, Трошка, защищаясь левой рукой, правой наносил девочке крепкие удары кулаком; она увертывалась, отбегала в сторону и снова бросалась на своих обидчиков.

— Сарынь на кичку! — отчаянно и жалобно кричала она.

Ленька прыгнул на сходни и в три прыжка выскочил на берег. Он узнал этот жалобный голос и звенящие в нем слезы. Это была та самая нищая девчонка, которую он видел на пристани. Непонятные слова, которые она выкрикивала, подстегивали Леньку как призыв на помощь, и, сбивая ноги о камни, он мчался по берегу, задыхаясь от злобы и возмущения.

А девочка все еще не сдавалась... Оторванная от платья оборка волочилась за ней, голубые банты втоптались в песок, из разбитого носа капала кровь...

— Сарынь на кичку!

Ленька обрушился на ее врагов со страшной силой. Мускулы его, окрепшие в постоянной тяжелой работе, налились твердыми желваками. Одним ударом кулака он сбил Трошку, схватил за шиворот и отбросил Миньку. Не давая им подняться и нанося удары то одному, то другому, он повторял злобно и отчетливо, подкрепляя каждое слово увесистым тумаком:

— Не тронь, сволочь! Не тронь ее! Убью гадов!

Минька тонко взвизгивал и хватал его за руки, Трошка истошно ревел, пряча от Ленькиных кулаков разбитое лицо.

Динка, вне себя от изумления и восторга, торжествующе выкрикивала свои чудодейственные слова:

— Сарынь на кичку!

— Хватит,— вдруг сказал Ленька, останавливаясь и отирая со лба пот.— Вон отсюда, жулье проклятое! Чтоб ноги вашей не было больше тут! — заорал он на воющих мальчишек.— Живо уходи! Ну?!

Минька подхватил падающие штаны и бросился бежать; Трошка, прихрамывая и держась за щеку, пошел за ним. Отойдя подальше, оба оглянулись и, подняв камни, швырнули их в Леньку. Камни, не долетев, упали на песок. Ленька усмехнулся.

— Ладно, ладно, бродяга! Попомнишь ты нас! — трусливо оглядываясь, грозили мальчишки.

— Побей их еще! — бойко предложила Динка.

— Хватит,— спокойно повторил Ленька.— Теперь не тронут.— И, поглядев на оторванную оборку и закапанное кровью платье девочки, озабоченно спросил: — Чье платье-то на тебе?

Динка мгновенно вспомнила пристань, жалостливое выражение в глазах Леньки, копейку, которую он ей дал... и испытующе взглянула на него исподлобья:

— Мое платье...

— Знаю, что твое, а вот где взяла ты его? Украла? — Ленька посмотрел на нее строго и участливо. Серые глаза на его бледном лице казались совсем черными.

Динка испуганно замотала головой.

— Не... Потихоньку я взяла... Я положу назад...— пробормотала она.

— «Назад»! — с горечью усмехнулся Ленька, присаживаясь на камень.— Ты гляди, оборвала ведь все, кровью попортила... Не миновать тебе палки,— безнадежно закончил он, и снова в его глазах мелькнуло выражение глубокой жалости.

Динке вдруг непреодолимо захотелось удержать его сочувствие, сравнять их судьбы, быть такой же бездомной сиротой, как и он, Ленька. Она уже видела себя рваной и голодной девчонкой, тайком надевшей нарядное платье барышни и поплатившейся за это короткое счастье жестокими побоями. Видение было настолько ясным, что Динка закрыла лицо руками и заплакала.

— Не реви, не реви! — испугался Ленька.— Еще хуже закапаешь. Пойдем, умойся... Ишь размазала кровищу-то!

Он взял Динку за руку, подвел ее к воде и, глядя, как она умывается, набирая пригоршнями воду, с досадой сказал:

— Не так! Ведь ты опять же на одёжу льешь! Опусти свою личность в воду и пошуруй ее там руками, а тогда вытаскивай.

— Э-э... ишь ты какой! — покрутила головой Динка.— Я окунаться боюсь!

— Ништо,— сказал Ленька.— Прячь руки назад! — Он осторожно наклонил Динкину голову, несколько раз окунул в воду ее лицо, обмывая его там своей ладонью. Ладонь у него была жесткая и шершавая.

— Корябаешься,— сказала Динка.

Но Ленька не обратил никакого внимания на ее слова:

— А ну, глянь на меня!

Динка подняла подбородок кверху. Из носа потекла тонкая струйка крови.

— Текет,— озабоченно сказал Ленька и зажал ей нос двумя пальцами.— Не бойся. Дыши ротом. Постой так маленько!

Динке не хотелось стоять с зажатым носом, но, полная уважения к своему старшему товарищу, она не спорила. Операция Леньки помогла.

— Я все это на себе испытал,— сказал он, снова усаживаясь на камень.— Я тертый птиц...— задумчиво добавил он.

— Птица,— поправила Динка.

— Почему птица? Птица — это она, а я — он. Чего не знаешь, молчи! — обиделся Ленька.

— А как же говорят: летит птица... Откуда знают, что это она?

— Вот глупая! Раз говорят, то знают. К примеру, летит стая птиц... это про кого? Птица — она, птиц — он, тут и думать не над чем!

— Правда! Очень просто, оказывается,— соглашается Динка.

— Я много чего знаю. Одной энтой «Пещеры» сколь перечитал! Девятый выпуск вот дочитываю...— Он вынимает из кармана сложенную в трубочку тоненькую темно-красную книжицу с картинкой на обложке.

— «Пещера Лихтвейса», выпуск девятый, цена пять копеек,— с трудом читает вслух Динка и с интересом разглядывает картинку. На картинке мрачными, темными красками нарисована пещера, загроможденная камнями и ящиками. Из-за ящиков видны зверские лица присевших там людей, а у входа в пещеру стоит человек с поднятым вверх револьвером.— Что это, Лень? — с испугом спрашивает Динка.

— А вот, вишь, всё убийцы... Графиню одну затащили они... А вот этот самый Лихтвейс и приметил их. Да вот на этой странице как раз написано...— Ленька послюнявил палец и, перелистав смятые страницы, нашел в конце книжки относящиеся к картине строчки.— «Стой! — крикнул громовым голосом Лихтвейс.— Руки вверх и ни с места! Ваша карта бита!» — громко и медленно прочитал Ленька.

— Ой, как страшно! — прошептала Динка.— И убил он их?

— Зачем — убил? Когда б убил, так не об чем и писать было! Он их все с первого выпуска ловит, а это еще только девятый. Может, под конец убьет, конечно, только этих выпусков еще много.

— Ну как же они спрячутся от него? — глядя на картинку, интересуется Динка.

— А вот тут есть, в самом конце...— Ленька снова берет книжку и читает последние строчки: — «Прогремел роковой выстрел, но пещера вдруг дрогнула, и в тот же миг пол под ногами Лихтвейса провалился вместе с убийцами...»

— Ой! — всплеснув руками, вскрикивает Динка.— Провалился?

— Не бойсь! Вылезет... Ему уже не первый раз эдак-то,— успокаивает ее Ленька, пряча книжку в карман.

Динка задумчиво крутит головой:

— У нас книг много, но такой я не видела еще. Может, только на чердаке где-нибудь...

Глаза у Леньки загораются.

— Коли есть, принеси... А тогда обратно положишь, ладно? — просит он.

Динка неуверенно кивает головой.

— Погоди... А как звать-то тебя? Макака, что ли? — спрашивает вдруг Ленька.

— Нет, меня зовут Динка, а Макакой меня дразнят. Макака — это обезьяна, а у меня вот...— Динка выпячивает вперед нижнюю губу и с огорчением говорит: — Из-за нее меня и дразнят!

— Пустяк дело! — небрежно говорит Ленька.— Дать еще раза два по шее, так и губа понравится. А Макака — имя хорошее, куда лучше, чем энта Динка.

— Да ведь это обезьянье имя! — волнуется девочка.

— Ну, а обезьяна что? Она еще получше людей.

— Так ведь Макака — это для дразнения такое имя!

— Кто скажет со злостью, тому для дразнения! Да злой человек еще и не так назовет... Ты на это плюнь с высокого дерева. Макака — имя хорошее, ни у кого такого нету, а у тебя есть,— убежденно говорит Ленька.

Динка молчит. Может, и правда ей наплевать? Макака так Макака.

Ленька хмурит лоб и о чем-то думает, потом неожиданно спрашивает:

— А чего ж ты, Макака, затесалась сюда, на берег, в эдаком платье? Ты ж с шарманщиком ходишь!

Динка с обидой рассказывает про художника.

— Уехал, видно... Ну, может, приедет еще...— говорит Ленька и лукаво спрашивает: — А какими это ты словами ребят пугала? «Сарынь на кичку!» Выдумала тоже! — усмехается он.

— Нет, что ты! Я ничего не выдумала. Это же слова Стеньки Разина! Ты слыхал про Стеньку Разина?

— Про атамана? Ясно, слыхал! На Волге живу, да не слыхал! Что я, глухой, что ли?

— Ну вот! А когда Стенька нападал на врагов, то он всегда так кричал — для смелости просто, чтоб победить! — объясняет Динка.

— Да, есть такие слова: скажешь их про себя и вроде сразу сила прибавится,— соглашается Ленька.

— И еще вот песня такая есть про утес! — волнуясь, говорит Динка.— Про утес Стеньки Разина.

— Не знаю такой. А ты знаешь?

Динка кивает головой и встает перед Ленькой с серьезным, торжественным лицом.

Есть на Волге утес,
Диким мохом оброс,—

запевает она, сильно копируя дядю Леку.

Ленька слушает внимательно, но Динка не помнит слов и поет пятое через десятое, заканчивая обрывистой фразой:

И утес-великан
Все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет...

Она долго вытягивает последнее слово, ей кажется, что так полагается по мотиву. Но Ленька нетерпеливо машет рукой:

— Погоди выводить-то! С одного слова толку мало. Что же это за песня, с гулькин нос?

— Как — гулькин нос? — фыркает Динка.— Это я просто слова забыла!

— Жаль. Хорошая песня, ты бы выучила слова.

— Я выучу! Только знаешь что? Никто, никто не может сказать, где этот утес! — печально говорит Динка.

— Никто не может? — спрашивает Ленька, и глаза его светятся гордостью.— А я могу! Пойдем, покажу! — Он встает и меряет Динку долгим взглядом: — Только помни, Макака: скажешь кому — навечно останусь я на барже.

Глава двадцать шестая

УТЕС СТЕНЬКИ РАЗИНА

Ленька подходит к отвесной стене обрыва и, поплевав на ладони, быстро карабкается наверх, ловко перешагивая от одного корня к другому. Из-под ног его сыплются на голову Динки колючий песок и сухие комки глины, но она молча зажмуривается, стараясь не отстать от своего товарища. Оторванная оборка платья волочится за ней, цепляясь за корни и чахлые кусты.

Поднявшись наверх, Ленька присаживается на корточки и протягивает Динке руку:

— Ну, вылезай! Распустила павлиний хвост и ползешь — эдак и сковырнуться можно! Обвяжи его вокруг себя или за пояс заткни,— советует он.

Динка поспешно привязывает к поясу оборку. Она боится, что Ленька раздумает брать ее с собой, и, заглядывая ему в глаза, робко торопит:

— Пойдем, Лень?

Ленька молча встает и идет по краю обрыва. Чуть приметная тропка вьется между кустами; подмытая ливнями, она иногда обрывается, и вместо нее торчат из земли голые корни поваленных деревьев; иногда, отходя от края, тропка теряется в кустах колючего дерна с круглыми, как шарики, зелеными ягодами. Ленька раздвигает кусты, и, смыкаясь за его спиной, они больно хлещут Динку по лицу и по плечам, но она не жалуется и, крепко сжав губы, продирается за Ленькой, обрывая платье и царапая руки... Босые ноги ее исколоты, а тропка все бежит да бежит, то круто поднимаясь на гору, то падая вниз, а слева, освещенная ярким солнцем, блестит Волга, ослепляя глаза и с мягким шелестом накатывая на берег волны...

Динка спотыкается и на ходу вытаскивает из босых пяток колючки, но если нашелся человек, который может показать ей утес Стеньки Разина, то надо идти и молчать, хотя бы со всех сторон вонзались в нее колючки, думает усталая Динка.

А Ленька идет да идет, не оглядываясь и словно не замечая следующей за ним по пятам Динки.

Крутой обрывистый берег вдруг рассекается надвое, образуя между двумя половинами глубокую трещину. Ленька обходит опасное место и снова идет по краю обрыва. Берег поворачивается, пристань с баржами и пароходами уходит из глаз. Ленька останавливается, раздвигает кусты и оглядывается назад:

— Вот утес Стеньки Разина! Гляди!

Динка протискивается вперед и становится с ним рядом. Один только шаг отделяет их с Ленькой от глубокой пропасти. Земля в этом месте круто обрывается, и огромный, как остров, кусок обрыва стоит совсем отдельно, окруженный со всех сторон широкими провалами. В середине его — пожелтевший от времени и поросший диким мхом утес. Рядом с ним лежит поваленное грозой дерево, голые ветки его простираются над берегом и тянутся к воде, словно черные, высохшие руки мертвеца. У Динки захватывает дух от любопытства и страха. Вцепившись в руку Леньки, она заглядывает в пропасть... Далеко-далеко виден каменистый берег, вода подходит почти к самому обрыву и, смывая с него желтую глину, с шумом отбегает назад...

— Вот это и есть утес Стеньки Разина,— тихо и убежденно говорит Ленька.

«...И стоит много лет, только мохом одет...» — припоминает очарованная Динка.

— Лень, Лень, а как же пройти туда, на этот камень? — спрашивает она с замиранием сердца.

Ленька усаживается на траву и задумчиво жует травинку.

— Я знаю как, только не скажу...

— Почему не скажешь? — шепотом спрашивает Динка.

— Потому не скажу,— медленно говорит Ленька,— что ты девчонка маленькая, сболтнешь кому-нибудь, похвалишься и выдашь это место.

— Не похвалюсь я, Лень! Не выдам я! — лихорадочно цепляясь за него, уверяет Динка.— Разве я сыщик какой-

нибудь? Я не сыщик! Нет! — В голосе ее слышится обида и гнев.— Я не сыщик! — топая ногой, кричит она на Леньку.

— Хорош сыщик! — усмехается Ленька, забавляясь ее гневом.— Сыщик — это Нат Пинкертон, пять копеек за выпуск! А ты куда годишься с оборкой энтой?.. Ну, чего разобиделась? Занозистая какая! Утес ей понадобился! Ну, прыгай головой вниз!

Динка тоскливо оглядывается на камень... Леньке становится жаль девочку.

— Ладно,— мрачно говорит он,— я поведу. Только слышь, Макака... Задумал я убечь от хозяина, а деться мне некуда, кроме этого места. Скажешь кому — пропал я.

Динка отчаянно мотает головой.

— Ну, посиди тут.

Ленька раздвигает соседние кусты, расшвыривает кучу валежника, отодвигает в сторону тяжелые камни и вытаскивает из земли широкую крепкую доску.

Подтащив ее к краю обрыва и перекинув через трещину, он долго пробует крепость доски ногой, потом смело шагает на середину и, схватившись за ветку сухого дерева, перепрыгивает на утес.

— Вот как я! — весело говорит он, глядя на оробевшую Динку.— Теперь можешь идти! Тут твоих три шага, не больше. Только вниз не гляди. Боишься?

— Боюсь,—сознается Динка.

— Ну, боишься, так посиди маленько; а обвыкнут у тебя глаза, тогда и перейдешь.

— Ладно,— соглашается Динка, усаживаясь на край доски. «Как же атаман переходил туда? Тоже по доске или просто прыгал? — думает она.— Наверное, просто разгонялся и прыгал — ноги у него большие, длинные. А у меня ноги маленькие и не очень длинные, мне не допрыгнуть, а надо по доске...»

Ленька дважды переходит на обрыв, потом обратно на утес — проверяет доску.

— Ну, обвыкли глаза? — спрашивает он.

— Нет еще,— вздыхает Динка.— Доска-то... она качается...

— Ну, а что ж такого? Это ведь не сходни. Ну, обвыкай еще,— соглашается Ленька и снова переходит на утес. Остановившись на самом краю его, он выжидательно смотрит на Динку

и, вытянув почти до середины доски руку, ободряюще говорит: — Вот и рука моя. Шаг шагнешь и хватайся.

Динка крепко сжимает зубы и встает на доску, но взгляд ее падает вниз, и она снова усаживается на обрыв.

— Ну, что же ты? — разочарованно спрашивает Ленька, опуская руку.

— Вниз поглядела...— жалобно оправдывается Динка.

— Ну, вот какая! Я же сказал — не гляди! — с досадой говорит Ленька.

Динка снова встает на доску.

— Давай руку! — решительно говорит она.

Ленька напряженно вытягивается вперед.

— Шагай — раз! Шагай — два! — считает он, подхватывая на середине доски Динкину руку и осторожно переводя ее на утес.— Вот и все!

— Все! — облегченно говорит Динка и громко смеется от радости.

— Ну, теперь не страшно! Обходи за мной камень, тут у меня скрытное жилье есть. Не жилье, а настоящая пещера Лихтвейса! — хвастливо говорит он.

Динка трогает поросший мхом и кое-где пожелтевший камень с дырочками на поверхности.

— Полезем на него! — просит она.

— Полезем! — соглашается Ленька.— Только с другой стороны, тут не влезть.

Они обходят камень и, карабкаясь по сухим веткам поваленного дерева, взбираются на самую верхушку.

— Здесь атаман Стенька Разин сидел? — шепотом спрашивает Динка, усаживаясь рядом с Ленькой на зеленый мох.

— А где же больше? Самое место ему тут! — говорит Ленька.— А посидевши, конечно, спать лег. И знаешь, где спал?

— Где?

— А в той пещере, что я сейчас говорил,— таинственно сообщает Ленька и стучит ногой по камню.— Вот под этим самым камнем...

— Под нами? Но ведь он не спал, а думал...— сомневается Динка.

— Когда думал, а когда и спал...— задумчиво отвечает Ленька.

Динка смотрит на Волгу, на бегущие по ней пароходы, на длинные плоты...

— «И утес-великан все, что думал Степан, все тому смельчаку перескажет...» — тихо говорит она и робко спрашивает: — Перескажет нам что-нибудь утес, Лень?

— Перескажет,— уверенно кивает головой Ленька.— Я и песни твоей еще не знал, а как приду, бывало, сюда, и чтой-то мне вроде кто нашептывает в уши: «Беги, Ленька, от хозяина али возьми камень и убей его! Не убьешь ты его, так он тебя убьет!»

— Убей ты! — хватая его за руку, просит Динка.

— Убить человека не просто. Сроду никого не убивал я... Лучше убечь... Это я так, к слову сказал: вроде сила у меня тут такая является!

— И у меня сила является,— шепчет Динка, сжимая свои кулачки.— Это нам с тобой от Стеньки Разина, да?

— Может, от него, а может, от чего другого. Нет тут над человеком кулака, и расправляет он себя, как орел крылья! — Ленька встает и, упершись рукой в бок, гордо оглядывается.— Вот убегу я и, как орел, буду жить тут! Сам себе хозяин!

— Беги, Лень! Я тебе хлеб приносить буду! И денежек принесу! — горячо обещает Динка.

Ленька снова усаживается рядом с ней:

— Откуда ты денег возьмешь? Своих у тебя нет, а красть я тебе никогда не посоветую. Слышь, Макака? Сроду не кради ничего! Я воров много видал — руки у них скрючены, а глаза ровно волчьи, так и бегают, так и бегают! Сохнут они от воровства, жулики-то.

— А почему сохнут? — со страхом спрашивает Динка.

— А потому, что все ж они люди, а ни рукам, ни глазам покою нет и воровской хлеб на пользу не идет, вот и сохнут... Совесть как возьмется за человека, так она его всего искорежит,— с глубокой убежденностью говорит Ленька.— А ты и вовсе девчонка маленькая, мелкая сошка, пропадешь совсем, если красть будешь! — строго добавляет он.

— Я не буду красть, Лень...

Динка хотела б сказать, что она возьмет у мамы и хлеб и денежки, что мама у нее добрая-предобрая, что она сама пожалеет его, Леньку, и, может быть, даже насовсем возьмет его

к себе... Но, вспомнив с горьким сожалением, что она в глазах Леньки сирота, несчастная, брошенная девочка, что именно поэтому он пожалел ее и побил ее врагов, Динка замолкает. Она боится сознаться, что у нее есть мама... Ленька может подумать, что она вообще лгунья, и пожалеть, что показал ей утес.

— Я деньги заработаю, буду с шарманщиком ходить, петь буду,— тихо говорит она.

— Я и сам себя прокормлю,— бодрится Ленька.— Возьму удочку у Федьки, рыбу буду продавать...

— А кто это Федька?

— А тот паренек, белобрысый такой, что вместе с Митричем из воды нас вытаскивал.

Динка ежится и опускает голову.

«Эх ты, паскуда!» — вспоминает она и торопливо начинает объяснять Леньке, как все это вышло, почему подумала тогда, что он вместе с Минькой и Трошкой хотел ее утопить.

Но Ленька не слушает объяснений, он по-своему понимает ее поступок.

— Что ж, ты сирота,— вздыхая, говорит он.— У тебя и сердце сторожкое, и ненависть к людям... Я не сержусь, я понимаю...

— А у тебя разве ненависть ко всем людям? — спрашивает Динка.

— Нет, был один редкий человек,— тихо говорит Ленька.— Сказывал мне — есть хорошие люди. Только сам я их не видел. А тех, что видал...— Глаза его темнеют, грудь тяжело дышит.— Вон гляди! — срывая с себя рубаху, говорит он.— Кто это, как не люди?

Динка видит темные рубцы и вдавленные белые шрамы на его спине. Между острыми торчащими лопатками — свежая набухшая полоса.

— Кто это, как не люди? Хозяин тоже считается человеком,— надевая снова рубаху и усаживаясь рядом с Динкой, говорит Ленька.

Динка молчит, но губы у нее трясутся.

— Ты что? — спрашивает Ленька.

— Я сейчас возьму камень и убью его...— бормочет Динка.

— Кого убьешь? — с живым интересом спрашивает Ленька.

— Хозяина твоего,— задыхаясь от злобы, шепчет Динка.

Ленька широко раскрывает глаза и, опрокидываясь навзничь, громко хохочет.

— Ты что, в уме? — спрашивает он и снова хохочет.— С первым человеком смеюсь,— говорит он, успокоившись и ласково глдядя в злые, колючие глаза девочки.— Чудная ты, Макака... Ну, что смотришь? Ладно тебе...

— Сбеги тогда! — строго говорит Динка.

— А вот как погрузимся, так и сбегу. Мне бы только не забояться в последнюю минуту...— вздыхает Ленька.

— Не забойся! Не буду водиться с тобой, если забоишься! — сердито кричит Динка.

— Ишь ты! — говорит Ленька, но в глазах его загорается решимость.— Так сбечь? — спрашивает он вдруг, глядя в лицо Динки потемневшими от волнения глазами.— Велишь сбечь?

— Сбечь! — ударяя кулаком по камню, коротко отвечает Динка.

— Ладно. Пусть вместе со мной провалится в Волгу этот утес, пусть убьет меня на этом камне гроза, если я не сбегу! — торжественно клянется Ленька.— Вот поклялся, теперь уже не отступлю,— серьезно говорит он.— И самая лютая смерть мне не страшна!

Динка молча прижимается щекой к его плечу. Спутанные волосы ее лезут Леньке в глаза.

— Погоди,— говорит он, острожно отодвигая девочку,— весь свет ты мне своей гривой закрыла. На-ко вот гребень, расчешись!

Динка берет у него обломок гребешка и, морщась, старается расчесать густые пружинистые кольца своих волос.

— Э, нет! — отбирая у нее свой обломок и пряча его в карман, говорит Ленька.— Я тебе железный гребень куплю!

— Купи! А разве бывают железные? — удивляется она.

— Ну как же! Я на базаре видел. Может, они, конечно, для лошадей, но и тебе в самый раз! — серьезно говорит Ленька.

— Конечно! Они же не ломаются! А когда купишь?

— Вот заработаю и куплю... Ну, пойдем пещеру смотреть! — вспоминает он.

— Где атаман спал? Пойдем.

Ленька показывает подружке глубокую яму под камнем:

— Тут ни дождь, ни гроза не достанут! А сидеть и вдвоем можно!

— Это ты вырыл, Лень? — спрашивает Динка.

— Нет, она тут и была. Я только камни повыкидал.

— Она тут и была? Значит, верно, что Стенька Разин здесь спал?

— Может, и верно.

— Конечно... Чего же ему? Подумал, подумал да и заснул... Но в песне про это ничего не поется,— задумчиво говорит Динка, заглядывая в «пещеру».

Ленька извлекает откуда-то помятую жестяную кружку:

— Вот для воды я себе припас. А теперь начну сухари здесь копить!

— А когда хозяин твой приедет? — беспокоится Динка.

— Не знаю. Сказал: еду на неделю. Может, обманул? — хмурится Ленька.— Надо мне идти!

— Ну, пойдем! Мне тоже некогда.

Назад Динка идет по доске спокойнее. Ленька протягивает ей руку.

— Ну, вот и обвыкли твои глаза! — хвалит он девочку, засыпая землей и валежником доску.

— Камни положи,— напоминает Динка.

— Непременно, а то видна будет.

— Опять по краю пойдем? — морщится Динка.

— Можно прямо наверх подняться, к дачам. Тут близко. А ты где живешь? — спрашивает Ленька.

— Я... на дачах живу.

— Ну, так иди прямо. Там дорожка гладкая, без колючек. Найдешь сама? — спрашивает Ленька.

Динка кивает головой и скрывается между деревьями.

— Книжку поищи! — доносится до нее голос Леньки.— Эй, слышь, Макака?

Глава двадцать седьмая

ДЕДУШКА НИКИЧ В СВОЕЙ РОЛИ

Проплутав немного между деревьями, Динка вдруг попала на хорошо утоптанную тропинку и, поднявшись выше, уткнулась прямо в свой забор.

«Вот так штука! — удивилась она.— Мы так далеко шли с Ленькой по обрыву, а здесь, оказывается, сбежать — и все!» Значит, к утесу гораздо ближе от их дачи, чем к пристани. Вот хорошо! Динка подошла к забору и хотела уже нырнуть в лазейку, как вдруг около палатки Никича раздался голос Алины:

— Дедушка Никич! А Динки так и нет!

«Я здесь!» — хотела крикнуть Динка, но, вспомнив о своем платье, решила пройти через калитку. Если Алина у Никича, то Мышка тоже, наверное, там, а может быть, и Катя. Надо снять платье и пробежать в сад — там около крокетной площадки стоит кадушка с водой. Если немного обрызгаться и свернуть платье, как полотенце, то все подумают, что она купалась. А потом можно будет незаметно положить этот узелок в самый дальний угол шкафа. Сняв платье и сунув его под мышку, она помчалась вдоль забора в одной рубашонке и, завернув за угол, остолбенела от испуга и неожиданности. Прямо навстречу ей из калитки вышла Катя.

— Ой! — шлепаясь с размаху в траву, прошептала Динка.

Но Катя не видела ее, она смотрела прямо перед собой и шла медленно, как будто не хотела идти, но все-таки шла. Лицо Кати поразило Динку: оно было такое белое, как будто с него сошел весь загар, не оставив ни кровинки даже на щеках, а зеленые глаза Кати казались такими светлыми и грустными, что Динке вспомнилась сказка о немой русалочке. Она, наверное, была такая же, как сейчас Катя. Вот так же солнце просвечивало насквозь ее кудри, и крупные кольца их сверкали, как темное золото. Лежа в траве, Динка в молчаливом изумлении провожала взглядом свою молоденькую тетку. Ах, если бы у Кати был рыбий хвост и если бы она внезапно онемела, то ничего не могло бы быть лучше! Динка сама водила бы Катю на берег, и они вдвоем ждали бы там ее принца. Но у Кати нет рыбьего хвоста, и, наверное, она еще не совсем онемела — во всяком случае, она всегда сумеет сказать Динке что-нибудь неприятное... И куда она идет? Не искать ли «подлую девчонку», это «убоище», которое опять убежало из дому, надев самое лучшее платье? Но нет, в руках у Кати запечатанное письмо, она, наверное, хочет отправить его на пристани.

Не смея верить удаче, Динка долго смотрит вслед своей тетке, и, когда фигура Кати скрывается за деревьями, она в один

миг влетает в калитку и мчится по дорожке к дому. На террасе никого нет, в комнатах тоже пусто. Динка открывает дверцу шкафа, засовывает в самый дальний угол свой узелок и, найдя вчерашнее платье, поспешно облачается в него. Теперь все! Можно спокойно подумать о чем-нибудь другом... Почему, например, Алина у дедушки Никича? Она так редко ходит к нему в палатку... Может, рано утром у них побывал Костя и теперь Алина выполняет уже его «тайное и важное поручение»? Но при чем тут дедушка Никич? И где Мышка?

— Мышка! Мышка! — выбегая на террасу, кричит Динка.

— Ау! Иди сюда! — раздается голос Мышки.

Динка бежит на ее голос и видит обеих сестер у палатки Никича. Ого! Да они работают! Алина выпиливает что-то из фанеры, а Мышка стругает дощечку. А сам дедушка Никич ходит между ними и все что-то объясняет, указывает... Дедушку Никича совсем нельзя узнать. Он такой торжественный, в начищенных ботинках и в синей рубашке с галстучком. И лицо у него светлое, доброе, совсем как на пасху, когда он приходит христосоваться. Динка подбегает к сестрам и подозрительно обходит вокруг Алины... Гм... фанерка... пилочка...

— Становись на работу! Почему опоздала? — кричит дедушка Никич, и голос у него такой зычный, требовательный, что Динка невольно робеет.

— На какую работу? Куда опоздала? — спрашивает она.

— Опоздала ко мне на урок,— сильно окая, говорит дедушка Никич.— Сейчас сестер отпущу, а ты останешься!

— Да она, дедушка Никич, не знала. Нам Катя только после чая сказала, что мы будем с вами заниматься,— объясняет Алина.

— Ну, не знала, так на первый раз прощаю... А то вон они, часы-то. И звонок я себе завел!

Старик показывает детям будильник и блестящий школьный звонок.

— Вот как зазвоню, чтобы мигом собирались! Ну, говори, Динка, что тебе по душе? Скамеечку ли будешь мастерить или рамочку выпиливать себе? Одним словом, ставь перед собой цель, а поставишь цель — добивайся. Не так, чтоб какое дело начать, а потом бросить и другое начать. Этого я не позволю. Ну, выбирай, что будешь мастерить?

Девочка вспоминает Леньку.

— Я сундучок такой, легонький, с ручкой, чтобы взять и идти с ним куда глаза глядят!

— Ишь ты! Сундучок с ручечкой! — усмехается дедушка Никич, разглаживая свою бородку.— Немалая задача! Ну, между прочим, я помогу, конечно. Гм... да... А какой же размером ты хочешь?

Динка разводит руками:

— Ну, просто, не маленький и не большой, вот как моя спина... Померяй по моей спине, дедушка Никич!

Динка поворачивается и подставляет спину.

— Зачем тебе? — удивляется Мышка.— У тебя целый ящик есть для игрушек.

— Ну, пускай, пускай делает! Вещь должна быть по душе! — добродушно говорит дедушка Никич и ведет Динку отбирать дощечки.— Погоди, не ворочай зря. Чего копаешься без толку? Какой толщины тебе нужна доска? Говоришь, чтоб был легонький, ну и бери потоньше. А теперь давай сантиметром смеряем длину и ширину твоего сундучка...

Девочки работают охотно. Алина старательно выпиливает по рисунку; Мышка, розовая от непривычных усилий, стругает вторую дощечку. Она хочет сделать скамеечку маме для ног. Никич обещал покрасить ее в зеленый цвет с нарядным ободочком. Динка тоже старается вовсю, но, чувствуя себя более умелой, чем сестры, вдруг вмешивается в их работу.

— Не так, не так стругаешь! — кричит она Мышке.— Дай я!

Мышка пищит и изо всех сил тянет к себе дощечку.

— Дети! Дети! — строго покрикивает Алина, не поднимая головы от своей фанерки.

— Прекратить возню! Стань на свое место! Не указывай! Я сам укажу, что надо! — стучит по верстаку Никич.

Динка принимается за свое дело, но, взглянув на Алину, шепчет:

— Алина, ты бы взяла пилочку потоньше... Дать тебе?

— Дина, не мешай...— рассеянно откликается Алина.

Динка успокаивается, но ненадолго.

— Смотри, дедушка Никич, так я делаю? — поминутно дергает она старика.

— Ты смотри не торопись! Испортишь мне материал,

другого не дам! — угрожает дедушка Никич.— Что ты рвешься, как щенок на привязи? Работать надо с толком, с терпением.

Конец урока дедушка Никич торжественно возвещает звонком.

— Складывайте работу,— довольно говорит он,— теперь до завтра!

Девочки складывают работу, каждая отдельно: Никич для всех троих находит удобные местечки.

— Спасибо, дедушка Никич! — степенно говорит Алина.

— Спасибо...— тянется к старику Мышка и звонко чмокает его в морщинистую щеку.

— Спасибо, Никич! — шлепая ладошкой по ладони старика, дурачится Динка.— Давай в окунька и рыбочку сыграем!

— Иди вон с Мышкой сыграй, а я тут маленько приготовлю кое-что к следующему уроку.

Лицо старика сияет. Ну вот, наконец уговорил он мамашеньку, и все пошло нормальным ходом. «Девочки ничего, послушные, задору, правда, в работе у них нет, от себя ничего не придумают, но старание есть. Обвыкнут помаленьку, смелей будут браться — может, и задор явится... А приедет Саша и скажет: «Я думал, белоручки у меня растут, ан нет! Видно, повернул их мой Никич на свою трудовую стезю...» — глядя вслед своим ученицам, радостно думает старик.— «Спасибо скажет Саша... скажет спасибо»,— приговаривает он про себя, готовясь к завтрашнему уроку.

Глава двадцать восьмая

ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ КОНЦЫ КНИГ

Окончив занятия с Никичем, Динка наскоро позавтракала и пошла в комнату. Она вспомнила, что обещала Леньке поискать «Пещеру Лихтвейса».

«Надо посмотреть в той пачке, что привезла мама»,— думает она.

Книжки, аккуратно сложенные, лежат на этажерке около пианино. В комнате никого нет.

Динка усаживается на полу около этажерки и кладет на колени несколько книжек.

— «Толстой,— читает она.— «Бог правду видит, да не скоро

скажет». Интересно, про что это? Заглянуть или не заглянуть? Может, лучше не надо...

Динка смотрит на книжку боязливо и недоверчиво. Кто знает, какая это книга... Может, у нее плохой конец и все герои умирают или еще что-нибудь с ними случается. Тогда будешь долго ходить как потерянная и все будешь думать, думать, а помочь все равно ничем нельзя.

Динка осторожно листает страницы — первую... последнюю... «Наверное, с плохим концом,— думает она,— лучше не читать...»

У девочки много неприятностей из-за таких книг.

Один раз, когда она была еще маленькой, Марина принесла из библиотеки «Хижину дяди Тома» и читала ее детям. Все плакали. Динка тоже плакала. Сначала тихо, а потом, когда умерла Ева, она вскочила, затопала ногами и хотела разорвать книгу. Алина и Мышка изо всех сил пытались успокоить ее, мать гладила ее по голове и говорила, что всем жалко добрую девочку Еву и все плачут над ней, горе часто выражается слезами, но зачем же так злиться и рвать книгу? Чем виновата сама книга?

Динку с трудом уложили спать в тот вечер и по секрету от нее договорились завтра, во время чтения, отправить ее с Линой на прогулку. Но вышло иначе. Утром Динка забралась к матери в комнату, вытащила оттуда злополучную книгу и убежала с ней в дальний угол двора. Там она бросила книгу на землю и, топча ее ногами, в ярости кричала:

«Вот тебе! Вот тебе за Еву!»

Арсеньевы жили тогда в городе, и на дворе было много детей. Дочка дворника, Машутка, в ужасе бросилась в дом:

«Тетенька! Динка книжку бьет! Ужасти, как она ее треплет!»

Матери дома не было. Катя и Лина выбежали во двор. Книга с растерзанными страницами валялась на земле, а Динка, низко опустив голову, сидела с ней рядом. Вокруг, молчаливые и испуганные, стояли ребятишки со двора. Катя молча собрала разбросанные страницы и крепко взяла Динку за руку:

«Пойдем!»

Но Динка не шевельнулась. Тогда Лина, онемевшая от удивления, вдруг пришла в себя и разразилась громкими упреками:

«Да что же это ты содеяла здесь, страмница эдакая, а? Ведь

книга-то не своя, а на время даденная! Это какие же деньги теперь платить за такую книжищу, а? Ох, ты ж бессовестное дитё! Нет, чтобы какую махонькую книжонку взять, дак она эдакую библию, прости господи, стащила!»

«Пойдем!» — сердито повторила тетка и дернула Динку за руку.

Маленькая детская рука беззащитно натянулась, но Динка не встала. Жалкая фигурка ее не выражала никаких желаний, не было в ней и сопротивления.

«Ах ты Мазепа, Мазепа...» — укоряла Лина.

Из кучки ребят выдвинулся слюнявый Егорка и, вынув изо рта пальцы, важно пояснил:

«Она тую книгу ногами топтала».

Машутка, подскочив сзади, дала ему крепкий подзатыльник:

«А ты молчи, черт!»

«Пойдем домой, Дина!» — уже мягче сказала Катя.

Девочка подняла голову и посмотрела на нее пустыми, словно выцветшими глазами, потом повернула голову к Лине.

Лина не вынесла ее взгляда:

«Крохотка ты моя! Ведь сама не своя стала! Иди ко мне, дитятко ты мое выхоженное!»

Лина схватила девочку на руки и, вытирая своим передником грязные щеки Динки, быстрыми шагами пошла с ней к дому.

«Да провались она пропадом, книга эта самая! Своими деньгами не поскуплюсь, а мытарить ребенка не дам! Бумага — она и есть бумага, а дитё напугать недолго,— бормотала она на ходу, чувствуя себя единственной защитницей Динки. Теплые руки девочки, доверчиво обнимавшие ее шею, усиливали это материнское чувство.— Таскают в дом всякую баламутку, а ребенок отвечай! — ворчала Лина и, прижимая к себе девочку, переходила на тихое воркованье.— Глазочек ты мой синенький, былиночка моя! Да мы их всех с энтой книгой! Не бойся, не бойся! А Лина сейчас кисельку сладенького даст! Хошь кисельку-то?»

«Не-ет»,— капризно тянула Динка.

«А чего хошь? Изюмцу коль дам?»

«Я спать хочу. У меня голова болит...» — заплакала Динка.

Тетка шла сзади, вглядываясь в лежащую на плече Лины знакомую вихрастую голову Динки, и на душе у нее было

тревожно. Она понимала, что поступок с книгой — это не обычный каприз и не баловство.

«Это такой характер, упрямый, настойчивый... Вот разозлилась на книгу и порвала ее! Ну что я могу сделать? Наказать? Но она и так наказана — ревет, и голова у нее болит»,— думала Катя, испуганная и озадаченная поступком Динки.

«Уложи ее спать»,— сказала она Лине, так и не решив, как надо поступить с провинившейся девочкой.

Динка охотно легла в постель и заснула крепким сном здорового ребенка. Но, по мере того как она спала, в Кате росло раздражение:

«Безобразие! Устроила такую пакость и спит как ни в чем не бывало!»

Сестру она встретила выговором:

«Не знаю, о чем ты думаешь, Марина, таская из библиотеки эти книги! Можно потерять голову с твоими ангелочками! Вот, полюбуйся!» — Она бросила на стол разбухшую и растрепанную книгу.

Вечером, когда дети заснули, сестры допоздна обсуждали этот случай.

«Да, я, кажется, сделала большую глупость... Она еще слишком мала для такой грустной книги»,— каялась мать.

«Но зачем же вообще читать такие книги, даже и старшим детям? Зачем это нужно, чтоб они сидели перед тобой и плакали? Почему не читать им сказки, какие-нибудь веселые стихи, наконец...» — волновалась младшая сестра.

«Подожди... Я читаю и сказки и стихи,— нетерпеливо прервала ее Марина.— Но этого мало. Они должны знать, что в жизни бывает много горя и несправедливостей. И если они плачут, так это хорошие слезы. Значит, они понимают, жалеют, они будут бороться против этих несправедливостей! Я же воспитываю их, Катя, на этих книгах!»

«Воспитываешь? — Катя насмешливо улыбнулась и подвинула к сестре растрепанную книгу.— Вот, пожалуйста, наглядный результат твоего воспитания!»

«Ну, это Динка...— улыбнулась Марина.— Она еще мала».

«Мала? Ну, знаешь... Будь это мой ребенок, так я бы как взяла ремень да вздула ее один раз...»

Щеки Марины вспыхивают ярким румянцем.

«Конечно, тебе, видно, кажется идеалом воспитания плетка нашей мачехи,— горько напоминает сестра,— а я вот даже кричать на ребенка не могу, я не могу и не хочу видеть испуганные лица, я не хочу, чтобы меня боялись! Они должны бояться не меня, а своих поступков, которые могут оттолкнуть меня от них... И зачем ты врешь, Катя, что ты будешь бить своего ребенка? Ты и пальцем не тронешь его, потому что тебе всю жизнь помнятся мачехины побои. Нет! Ты не будешь бить, но ты вырастишь его таким эгоистом, Катя...»

«Ну конечно, я выращу эгоистов, а ты замечательных людей! Ну, не будем спорить! Давай лучше подумаем о Дине... Что это за поступок, по-твоему? Озорство, шалость, просто желание побезобразничать?» — Катя выжидающе смотрит на сестру.

Марина задумчиво качает головой:

«Нет, Катя, это не шалость. Это отчаяние! Динка еще не умеет владеть своими чувствами. Она не хочет примириться со смертью Евы! Она протестует, кричит, топает ногами, но Ева все-таки умирает! И Динка набрасывается на книгу. Она считает ее виновной в этом плохом конце...» — медленно, словно думая вслух, разбирает поступок Динки мать.

Но Катя не верит. Она считает сестру безнадежной фантазеркой.

«Ну предположим,— говорит она.— Но в этом «отчаянии» Динка порвала книгу. Так, может, все-таки надо наказать ее?»

«Да она сама себя накажет. Я объясню ей, что она не умеет слушать, кричит, рвет книги — значит, ее нельзя пускать на чтения. Вот и все! Она прекрасно поймет...»

«Значит, она на твоих чтениях больше не будет?» — настойчиво переспросила Катя.

«Пока не будет».

«Как это «пока»?»

«Ну, пока не научится владеть собой»,— спокойно пояснила старшая сестра.

«Ну, посмотрим! В общем, я думаю, это ненадолго, она найдет какой-нибудь выход...» — насмешливо улыбнулась Катя.

На другой день Марина объяснила Динке, почему она не должна больше приходить на чтения. Беседа была тихая, спокойная; растрепанная книга лежала тут же, и Динка помогала матери собирать и подклеивать страницы.

«А теперь иди,— сказала ей мать, когда страницы были подобраны.— Мы будем читать».

Динка ушла, но потом вернулась и стала около двери. Она не рвалась в комнату, не просила, не плакала. Но с тех пор как только Алина и Мышка усаживались около матери, Динка усаживалась за дверью и, приоткрыв щелочку, жадно ловила мамин голос.

Когда в комнате раздавался смех, она тоже тихонько смеялась, а когда Мышка начинала шмыгать носом, девочка отходила подальше. Потом снова возвращалась и, приоткрыв щелку, испытующе смотрела на лица. Иногда, забывшись, она просовывала в дверь свою лохматую голову и, стоя в таком неудобном положении, слушала.

«Мама, она мешает!» — недовольно говорила Алина.

«Пустим ее»,— просила Мышка.

«Рано еще»,— вздыхала мать.

Один раз мать читала очень грустную повесть о мальчике, которого отдали из приюта в деревню к очень злой женщине. Динка сидела на порожке и слушала. Она сидела тихо, размазывая на щеках слезы, и только в самых грустных местах повести молча ударяла себя кулачком в грудь.

«Пустим ее...» — как всегда, попросила Мышка.

«Попробуем... Диночка, ты уже научилась хорошо слушать?» — спросила мама.

«Научилась,— серьезно ответила Динка.— Но только мне лучше сидеть на порожке, потому что я иногда ухожу за дверь и что-нибудь меняю».

«Как это?» — удивилась мать.

«Ну, просто я сама все меняю... Плохие у меня сразу умирают, а хорошие ходят гулять и все самое вкусное едят, и я там с ними... мед-пиво пью, по усам течет»,—задумчиво сказала Динка.

«Но ведь ты плакала сейчас,— напомнила мать. Она была совершенно озадачена тем «выходом», который нашла для себя Динка.— Почему же ты плакала?»

Динка вздохнула:

«Я не успела переменить, он уже умер».

Видимо, придуманные ею самой «хорошие концы» все же не удовлетворяли ее, она предпочитала, чтобы это сделал сам ав-

тор книги, и, если бывало, что все кончалось хорошо, она хватала у матери книжку и, прыгая с ней по комнате, кричала:

«Мед-пиво пьем! Мед-пиво пьем!»

С тех пор как только Динка во время чтения поднималась и уходила за дверь, Мышка тихо говорила:

«Пошла уже... варить мед-пиво...»

* * *

Солнце золотило склоненную голову Динки. Вокруг нее на полу в беспорядке валялись книги.

«Пещера Лихтвейса... Пещера Лихтвейса...» — тихо повторяла про себя Динка. Ей очень хотелось принести Леньке эту книгу. Но «пещера» не попадалась. Взамен нее внимание девочки приковывали другие книги, с интересными названиями.

Но кто знает, какие это книги? Например, «Гуттаперчевый мальчик»?..

Динка долго держала в руках эту книжку, ощущая тянущее беспокойство за судьбу «гуттаперчевого мальчика», потом, отложив ее в сторону, снова занялась поисками «Пещеры Лихтвейса». Но в это время в комнату вошла Мышка.

— Что это ты роешься тут? — с испугом спросила она.— Разве можно класть книги на пол? И руки у тебя, верно, грязные...

Динка показала руки. Мышка придирчиво и обиженно ткнула пальцем в темное пятно на ее ладони:

— А вот, вот!..

— Это ничего! Это сухая грязь... Не толкайся... Это же просто пыль, пыль! — защищаясь, кричала Динка.— Отстань от меня, какая... Гогша!

Динка не могла простить сестре ее дружбу с Гогой и, сердясь на нее, называла ее «Гогшей».

Но, когда дело касалось книг, Мышка становилась яростной.

— Ну и пускай я буду Гогша! А ты уходи! Не трогай! Разбросала все! Зачем сама полезла? Лучше мне сказала бы! — чуть не плача, кричала она.

— Ну, дай сама! — не желая с ней ссориться, согласилась Динка.— Мне нужно «Пещеру Лихтвейса»,— с трудом выговорила она.

Мышка сразу насторожилась.

— Я не знаю такой книги,— с удивлением сказала она.

— Ну, тогда, может, она на чердаке есть, в папиных книгах? — спросила Динка.

— Нет... Я там все знаю. Там уже я только одного Фореля не читала да еще всякие инженерные книги, а то все...— в недоумении протянула Мышка и, сморщив лоб, переспросила: — Как называется? Какая пещера?

— «Пещера Лихт-вейса», выпуск пять копеек,— пояснила по складам Динка.

— Выпуск пять копеек? Ой, подожди... Я один раз купила такую книжку. Это, может быть, Нат Пинкертон? — озабоченно спросила Мышка.

— Нет, я же тебе говорю: «Пещера Лихтвейса». Но если у тебя ее нет, так давай хоть Нат Пинкертона! — соглашается Динка и, чтоб вызвать сочувствие сестры, добавляет: — Это для одной сироты!

— Да у меня давно уже нет этой книжки, я ее сейчас же выбросила. Мама сказала, что такую гадость противно взять в руки!

— Да, мне тоже не очень понравилось. Там все какое-то ненастоящее... Но этот мальчик хочет все-таки почитать!

— Не надо! Я лучше дам ему другую книжку, настоящую. Я поищу что-нибудь хорошее,— пообещала Мышка.

Глава двадцать девятая

ОБЩАЯ ЛЮБИМИЦА

— Принимайте гостью-то! Два часа ребенок в калитку колотит, а они как глухие! — крикнула из сада Лина.

— Ой, Марьяшка! А я почитать хотела! — выбегая на террасу, с сожалением говорит Мышка.

— И у меня всякие дела... Мне тоже некогда! — перегоняя ее, кричит Динка.— Марьяшечка, не стучи, мы идем!

Но Марьяшка изо всех сил колотит своей ложкой в калитку.

— Кисей будет? — привычно осведомляется она.

Круглая мордочка ее с красной пуговкой посередине, голубые веселые глазки и толстенькие, словно надутые, щечки вызывают в девочках неудержимую нежность.

— Марьяшенька, поцелуй меня!

— И меня, Марьяшенька, и меня!

Марьяшка громко чмокает то одну, то другую и, размахивая своей ложкой, важно шествует к дому.

— Марьяшка, вон Лина! Крикни: «Лина, Лина! Дай Марьяшке молочка, булочки...» — нашептывает ей Динка.

— Ина! Ина! Мальяске мойока, були!..— кричит Марьяшка.

— Сахарку! — подсказывает ей Динка.

— Сахайку! — кричит Марьяшка.

— Слышу, слышу! Иди уж, топай! С собой, что ли, ложката? Ох ты ж, гостья моя неописуемая! — растроганно откликается с террасы Лина, наливая в чашку молока.

Девочки начинают спорить.

— Иди, я сама ее покормлю,— говорит Мышка.

— Ишь какая, сама иди! Ты же читать хотела! Я покормлю, а ты уложи,— прижимая к себе девочку, говорит Динка.

— Хитрая ты! Самое удовольствие кормить...— протестует Мышка.

— Ну, давай вместе. Неси одеяло на гамак! — командует Динка.

— Так она, может, поиграет еще.

Марьяшка шествует посредине и, поворачивая то к одной, то к другой свое веселое личико, что-то рассказывает непонятное и очень нужное, подкрепляя свои сообщения неожиданным звонким смехом.

— Ты будешь кормить, а я буду поить молочком,— примиряюще говорит Мышка.

Но Лина захватывает девочку своими большими теплыми руками, усаживает ее к себе на колени, обтирает мокрым полотенцем Марьяшкину ложку и, зачерпнув каши, шумно дует на нее. Марьяшка, широко открыв свой рот с мелкими белыми зубками и закинув головенку на грудь Лины, терпеливо ждет.

Девочки стоят по обеим сторонам и, налегая на стол, довольно улыбаются.

После завтрака начинается веселая игра.

— Ку-ку! — кричит Марьяшка, прячась за дверью.

— Ку-ку! — откликается из-под стола Мышка.

— Где они? Где они? — нарочно не замечая их, мечется по террасе Динка.— Где моя Марьяшка?

Мышка быстро перебегает к Марьяшке и что-то шепчет ей на ухо.

— Нас нету! — пищит из-за двери тоненький голосок.

— Зайчики, зайчики! Где моя Марьяшка? — закрывая лицо руками, спрашивает Динка.

«Зайчики», взявшись под ручку, прыгают ей навстречу.

Но в этот момент входит Катя. На бледном, хмуром лице ее появляется рассеянная улыбка.

— Не спит? — спрашивает она, указывая на Марьяшку, и, неотступно думая о чем-то своем, машинально добавляет: — Уложите ее в гамаке!

Девочки переплетают руки стульчиком и несут Марьяшку в сад. Уложив девочку в гамак, они тихо покачивают ее, напевая колыбельную:

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю...

Глаза Марьяшки медленно закрываются, на красные щеки ложится темный ободок пушистых ресниц.

— Тсс!..— шепчет Динка, подняв палец.

И обе девочки на цыпочках удаляются.

Глава тридцатая

ХОРОШЕЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЛУЧШИМ

За обедом Марина несколько раз взглядывает на сестру:

— Почему ты такая бледная, Катя? У тебя не болит голова?

— У меня никогда ничего не болит,— улыбается Катя, но улыбка ее какая-то неживая, деланная.

— Катя весь день сегодня бледная,— замечает Алина.

— Катюшенька, почему ты такая? — в сотый раз спрашивает Мышка.

— Может, ты гладила и угорела? — пытается угадать старшая сестра.

— Да нет. Вот надо вам всем обращать внимание! Я просто не высыпалась последнее время.

— Вот это скорей всего,— подтверждает Марина и вдруг звонко, заразительно хохочет.— Я, знаешь, недавно заснула на службе. Хорошо, что наш курьер вошел и сильно хлопнул

дверью. Я сразу проснулась и говорю: «Спасибо». А он: «Чего-с?» Ха-ха-ха!

Дети тоже начинают смеяться.

— Чего-с? Чего-с? — повторяет Динка, хохоча и балуясь.

— И главное, что я всегда раньше просила этого курьера,— вытирая выступившие от смеха слезы, говорит Марина,— чтобы он не хлопал так сильно дверью, а тут... вдруг: спасибо! Конечно, он ничего не понял и — чего-с? — под общий смех объясняет она.

Когда кто-нибудь хорошо рассказывает и все смеются, Динка приходит в неистовое возбуждение. Ей тоже хочется что-нибудь рассказать, или выкинуть какой-нибудь неожиданный фокус, или, на худой конец, хоть высунуть свой нетерпеливый язык и подразнить Мышку: «Мэ-мэ-мэ...»

Но сейчас ей обязательно хочется что-нибудь рассказать.

— А я... а я...— кричит она, вскакивая на стул.— А я один раз шла, шла по улице да как засну! Да как налечу на какую-то старушку, да как поддам ей головой в живот! Она только: ой-ой! И мы с ней в разные стороны так и раскатились! Ха-ха! Вот как смешно было! Вот так заснула я!

Но никто не смеется, а мама даже озабоченно спрашивает Катю:

— Когда это было? Какая старушка?

— Да никогда этого не было! Врет! И старушка тут ради красного словца. Что ты, не знаешь ее, что ли? — машет рукой Катя.

— Это она для смеха...— хихикает Мышка.

— Ну, надо прямо сказать, что тут смеха очень мало,— пожимает плечами мать.

— Уж какой тут смех! — фыркает Катя.

И все громко смеются. У Динки растерянно бегают глаза, щеки густо краснеют, она чувствует себя посрамленной и, стараясь скрыть это, смеется вместе со всеми.

— Ну, довольно,— говорит мать.

Но Мышка заглядывает Динке в лицо и хлопает в ладоши.

— А! Покраснела, покраснела! — кричит она.

— А тебе, Мышка, оказывается, недостаточно, что человек попал в неловкое положение, тебе надо еще подразнить его,

да? — улыбаясь, говорит мать, но ой-ой-ой как боятся дети этой улыбки! — Ты радуешься, злорадствуешь, Мышка? Ты совсем как тот голубь в басне Крылова, помнишь?

Чижа захлопнула злодейка-западня,
Бедняга в ней и рвался и метался,
А голубь молодой над ним же издевался.

Мышка сильно теряется, белые волосы ее прилипают ко лбу, лицо делается маленьким и несчастным.

— Мама, мамочка, не говори так! — испуганно бормочет она и, закрыв лицо руками, выбегает из-за стола.

— Ну к чему это, Марина! — обрушивается на сестру Катя.— Что это за издевательство, на самом деле! Кому надо, тому не попадает! Ты просто пользуешься беззащитностью Мышки, знаешь, что она хорошая, добрая девочка, и придираешься к ней, как ни к кому!

— Так вот, если она добрая и такая хорошая, то ей уж совсем не к лицу дразнить сестру, когда она видит, что та и так готова провалиться сквозь землю.

— «Провалиться сквозь землю»! — с возмущением кричит Катя.— Никуда она не провалится, у нее хватит еще дури для трех таких старушек!

— Надо чувствовать состояние другого человека, а если у Мышки этой чуткости нет!..— повышает голос мать.

— Не спорьте, не спорьте! — просит Алина.— Мышка плачет, мама!

— Она и должна плакать, потому что ей стыдно,— упрямо отвечает мать.

Катя в сердцах встает из-за стола:

— Ну, Марина, этого я тебе никогда не прощу! Ты мать и такое выделываешь!

— Так, может, я «такое выделываю», как ты выражаешься, именно потому, что я мать? — с невеселой усмешкой отвечает ей сестра.

Катя уходит. Динка исподлобья оглядывает опустевший стол. Алина сидит потупившись, мама нервно стряхивает со стола крошки, Мышки нет. Мышка где-то тихонько плачет, она совсем не может выносить, когда мама на нее сердится.

Динка чувствует себя виновницей всего, что произошло.

«Чтоб он пропал, мой несчастный язык,— думает она,— чтоб он распух так, чтобы не повернулся больше во рту! Вот намажу его медом и выставлю пчелам — небось тогда уж не забормочет что попало!.. Лучше уж, правда, было рассказать про трех старушек. Пусть бы они сами между собой столкнулись. Одна немая, другая глухая, а третья слепая».

Алина неодобрительно смотрит на младшую сестру.

— Всегда ты подымаешь целую бучу...— тихо говорит она Динке.

— Довольно, Алина! — останавливает ее мать и встает из-за стола.

Она идет к Мышке и приводит ее уже успокоенную. Катя тоже возвращается на свое место. За столом начинается обычный разговор. Приходит Лина и спрашивает, понравился ли ее новый суп с «крикадельками». А мать говорит, что она даже не заметила, что суп был с фрикадельками.

— Ну, милушка, тебе и вола положи на тарелку, так ты не заметишь,— подозрительно оглядывая лица детей, отвечает Лина.

И понемногу все начинают улыбаться, на заплаканном лице Мышки тоже появляется прежняя улыбка, Катя перестает дуться, Алина шутит с мамой, а Динка сидит подавленная, низко опустив голову, словно ей на шею привязали большой камень и этот камень тянет ее книзу.

— Динка,— тихонько шепчет ей Мышка,— я тебе отдам свои ягоды из компота, хочешь?

Динка мотает головой, и нижняя губа ее набухает от подступающих к глазам слез. Мать незаметно взглядывает в сторону девочек, напряженно прислушиваясь к их разговору.

— Не сердись,— еще тише шепчет Мышка и, найдя под столом руку сестры, тихонько гладит ее.

«Не трогай. Мне это еще хуже»,— хочет сказать ей Динка, но голос не слушается ее, и, вскочив из-за стола, она быстро убегает в комнату.

— А это еще что такое? — удивленно и холодно пожимает плечами Катя.

— А вот такое... чего ты не понимаешь,— тихо отвечает ей сестра.

— А ты понимаешь? — насмешливо спрашивает ее Катя.

— Я понимаю,— говорит та и ласково кивает Мышке.— Ешь сама свои ягоды, Мышка.

— Хорошее должно быть лучшим,— говорит она Кате, когда они остаются наедине.— А у Мышки все-таки не хватает чуткости.

Глава тридцать первая

У КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА СВОИ ДЕЛА

Дни идут, а Костя не приезжает. Алина каждый вечер выходит к калитке и ждет. Динка знает, чего она ждет, и на всякий случай вертится тут же. Но вечером ей хочется побыть с мамой, и она скоро убегает. Алина тоже постоит, постоит и уходит. Она никого не спрашивает, когда приедет Костя, но вечером, ложась спать, долго и беспокойно ворочается в своей постели. То ей кажется, что Костя раздумал давать ей «тайное и важное поручение», что он считает ее еще маленькой девочкой, не способной участвовать в делах взрослых, то она начинает беспокоиться, что с самим Костей что-то случилось — ведь он обещал приехать очень скоро. Днем, положив на колени книжку, Алина вдруг задумывается об отце. Где он, почему не пишет? Может, его уже арестовали и посадили в тюрьму...

Алине чудятся толстые железные решетки и за ними дорогое лицо... Алина встает и, опустив книжку, ходит по террасе, по дорожкам сада, стараясь успокоиться. Если бы она была старше, отец взял бы ее с собой, он не побоялся бы дать ей любое поручение, он хорошо знает свою дочку... Он рассказывал ей, что среди политических заключенных в тюрьме и на каторге много девушек... Алина возвращается домой и долго сидит у пианино, тихонько трогая клавиши. Она вспоминает мотив и слова романса, который поет дядя Олег: «Кто мне она?» Там есть такие слова, которые всегда волнуют Алину:

Чудится мне, что в тюрьме за решеткою,
В мягкой сырой полутьме,
Свесились донизу черные, длинные
Косы тяжелых волос...

О ком это? Может быть, о Софье Перовской?

Алина трогает клавиши, и поющие звуки наполняют ее сердце глубокой грустью. Если бы Костя приехал и дал ей

обещанное поручение, если бы ей удалось его выполнить, то она успокоилась бы, она бы написала отцу: «Папа, в одном большом общем деле есть и моя капелька». А может, она написала бы иначе, но так, чтобы никто не понял, кроме отца.

— «Чудится мне, что в тюрьме за решеткою...» — тихонько напевает Алина знакомый мотив.

И хочется ей, так хочется что-нибудь сделать настоящее, нужное! Ведь Костя сказал: «важное и тайное поручение». Но Костя не едет. Дни идут... Алина молчит и ждет...

А мать тревожно говорит Кате:

— Как мог Костя так опрометчиво обещать? Хоть бы посоветовался со мной... Посмотри, что с ней делается,— она же замучилась от этого напрасного ожидания!

Но Катя сразу прекращает всякий разговор, если он касается Кости. У Кати свои дела, свое наболевшее сердце, она тоже ждет, но она ждет иначе... Ей хочется бежать, когда хлопает калитка, скрыться, спрятать голову под подушку и ни с кем не разговаривать. А сестра, ничего не зная, уже несколько раз спрашивала, не забыла ли она ответить Виктору.

«Нет, не забыла»,— коротко отвечала Катя и торопилась куда-нибудь уйти от вопросительного взгляда сестры. У каждого человека свои дела, но все-таки... Разве возможно укрыться от взгляда близкого человека?

«Катя, ты прямо сама не своя последние дни. Я начинаю очень беспокоиться. Скажи мне: может, ты поссорилась с Костей и потому он не едет?» — тревожно спрашивала старшая сестра.

«Да что за глупости! Вечно ты сама себе придумываешь всякие беспокойства! Я совсем не ссорилась с Костей...» — неизменно отвечала Катя.

Но старшая сестра не успокаивалась. Она написала Олегу: «Приезжай. Я не могу понять, что творится с нашей Катюшкой...»

А у Лины тоже невесело на душе. Если Малайка не приезжает в воскресенье, то всю неделю у Лины валится из рук то тарелка, то стакан, то опять стакан, то опять тарелка... И хотя «нехристь» и «бритая голова», но мало ли что может с ним случиться? По городу и лошади полощут копытами мостовую, и конка дребезжит. И лошади и конка не больно-то разбирают, кого давить, они и на Малайку наскочут, коль зазевается.

«Засиделись мы с Катей в девках, уж обеим за двадцать перевалило, вот и таем, как две свечечки»,— шумно вздыхает Лина, разглядывая в «зеркило» свои толстые румяные щеки и могучие плечи.

У каждого человека свои дела... Мышка готовится к приходу Гоги. Она уже извлекла с чердака маминого «медицинского человека» и пересчитала ему все ребра, все печенки, селезенки и берцовые кости... Теперь уж не Гога, а она сама задаст ему вопрос, как устроен человек. Пусть только попробует не ответить! Тогда она скажет:

«Но ведь это же необходимо знать каждому образованному субъекту... или типу. Нет, «типу», кажется, нельзя сказать, а «субъекту» плохо... Джентльмену? Вот-вот! Я скажу: каждому образованному джентльмену!» — веселится Мышка, заранее торжествуя свою победу над всезнайкой Гогой.

Дедушка Никич тоже не унывает, дела у него идут на радость и удивление: ровно в десять, точно по звонку, все три ученицы спешат к нему на урок. И пожалуй, зря он их ругал: такие старательные девчонки! И главное, Динка совсем перестала исчезать из дому рано утром; она чинно идет гулять часов в двенадцать пополудни, не раньше. Видно, поняла, осознала, прочувствовала все, что ей говорили взрослые, и исправилась. «Надо же когда-нибудь»,— думает дедушка Никич.

Но у Динки свои дела... О них разговор особый.

А вот у матери, у Лининой милушки, не только свои дела — к ней, словно ручейки, сбегаются отголоски всех дел: и Кати, и Лины, и дедушки Никича, и Мышки, и Динки, и Алины. Они собираются в ее душе все вместе, но внимания к себе требует каждый порознь. Но ведь она — мать и хозяйка дома. А кроме того, она тот безотказный человек, в сердце которого всегда есть горячая готовность помочь своим товарищам. Недаром вечерами она о чем-то шепчется с Катей и, опаздывая после службы на свой обычный пароход, спокойно объясняет детям:

«Я сегодня задержалась с работой...» — и, встречая вопросительный взгляд сестры, незаметно кивает ей головой... Марина нужна не только дома.

Глава тридцать вторая

ДРУЖБА ДАЕТ И ТРЕБУЕТ

Динка действительно производила впечатление «взявшейся за ум». Она вставала вместе с сестрами, завтракала за общим столом и охотно шла на урок к Никичу.

— Подменили тебя, что ли? — ласково спрашивал Никич.

— Нет... я все такая же,— скромно отвечала Динка.

— Наша-то ветрогонка, гляди, какая усидчивая,— подмигивала Кате Лина.

«Тут что-то не так»,— подозрительно думала тетка, но мысли ее не задерживались на поведении девочки.

— Динка ведет себя хорошо,— сообщала матери Алина.

Мать ходила к Никичу посмотреть, что делает там каждая из ее девочек. Удивленный взгляд ее останавливался на Динкином сундучке.

— Зачем тебе он, Диночка? — спрашивала она.

Динка, разговаривая с матерью, старательно избегала открытой лжи, она всегда держалась около правды.

— Я кому-нибудь подарю его, мамочка,— отвечала она.

— Может быть, она готовит его к Лининой свадьбе? — говорила сестре Марина.

— О свадьбе еще речи не было,— пожимала плечами Катя.

— Ну, она слышит все эти разговоры про Малайку.

Мышка после урока «выдавала» Динке книгу.

— На́, почитай. Тут только в середине грустное немножко, но теперь ты уж не будешь так сердиться,— говорила она и, усаживаясь где-нибудь неподалеку, ежеминутно спрашивала: — Интересно?

— Угу! — отвечала Динка и быстро-быстро листала страницы.

— Зачем ты? Что ты делаешь? Здесь же каждое слово нужно!..— кричала Мышка, вскакивая и хватаясь за книгу.

— Ничего не нужно. Это просто описание природы, тут целых две страницы идет дождь,— говорила Динка.

— Ну, так пусть идет! Пусть идет! Какое тебе дело, это сам писатель знает!

— А мне неинтересно про дождь. Я уже и так знаю, что раз он идет, то все герои мокрые.

— Но дождь бывает разный — вот он и описывает, какой был дождь!

— Отстань от меня! Я же не все пропускаю, а только вот эту размазню! — тыкая в страницы пальцем, сердится Динка.

— Грязь пропускаешь, да? А у мальчика рваные ботинки и все пальцы вылезают — тоже пропускаешь?

— Нет. Про мальчика я все читаю. Я только вот эти густые черные строчки не очень-то смотрю.

— Эх, ты! А я тебе так завидовала, что ты еще не читала этой книги! — с горечью упрекает Мышка.

— Ну, на́ тебе! На! Читай про свой дождик, а я посмотрю, сколько времени.

Время близится к полудню, и Динке уже не сидится на месте: она виснет на заборе, заглядывает в самый дальний угол сада... Как только в этом углу на столбе появится маленький елочный флажок, Динка исчезнет. Флажок означает, что Ленька уже пошел на утес и ждет ее на обрыве...

По утрам Ленька очень занят. Он торчит на пристани и старается что-нибудь заработать, предлагая свои услуги торговкам и дачникам, или уезжает в город вместе с Митричем продавать рыбу. Вечером Ленька ходит на рыбалку с белобрысым пареньком Федькой, но у Федьки нет лишней удочки, и Ленька ловит рыбу корзиной. Эту рыбу никто у него не покупает, потому что она очень мелкая, и, походив по базару, Ленька бросает ее в котелок и потом варит себе похлебку.

— Скоро вернется хозяин,— мрачно говорит он Динке,— а я еще и сухарей не запас...

— Мне так хочется сухариков, Лина... Насуши мне сухариков! — просит дома Динка.

— Сладких, что ли? — спрашивает Лина.

— Нет, просто из хлеба. У меня зубы чешутся.

— Ишь ты! — удивляется Лина и приносит Динке два-три сухаря.

— Да ты побольше насуши, это мне на один прикус! — разочарованно говорит Динка.

— Хватит! Нечего портить аппетит, а то будешь как Мышка. Того не ем, этого не хочу!

Динка относит сухари на утес, но их так мало, что вместе с Ленькиными не набирается и маленького мешочка.

— Не надо. Не бери ничего из дому, не нужен мне чужой хлеб! — сердится мальчик.

Он уже знает, что у Динки есть дом, есть мать и сестры. Динка сказала ему об этом на следующий день после того, как они в первый раз ходили на утес.

— Лень! — сказала она, сидя на обрыве и тяжело вздыхая.— Ты не рассердишься на меня, если я тебе что-то скажу?

— А что ты скажешь? — усаживаясь рядом с ней, заинтересовался Ленька.

— Я скажу... что я врушка! — неожиданно выпалила Динка и, сильно испугавшись своего признания, начала быстро оправдываться: — Я не хотела тебе врать, ты сам подумал, что я сирота. Но я только для шарманщика тогда пела, ему никто не давал денег. И не созналась бы тебе, Лень, но я хочу, чтобы ты пошел к моей маме. Она возьмет тебя насовсем. У меня такая добрая мама!

Но Ленька вскочил, и глаза его потемнели от злобы:

— Хватит мне благодетелей! И ты тоже не лазай сюда, коли так! «Насовсем возьмет»... Какая барыня нашлась! Проваливай отсюда подобру-поздорову! Я всю жизнь ел чужой кусок и теперь, может, на смерть иду, чтобы от своего благодетеля избавиться! Уходи отсюда! Я тебя, как сироту, жалел, утес тебе показал, а ты что сделала?

Динка заплакала:

— Я ничего не сделала, я для тебя хотела лучше...

— Ишь язва! Лучше она хотела! Выведала у меня все — куда я теперь денусь? Небось все уже матери растрепала обо мне? Говори, кому сказала про утес? Ну, говори! А то как двину сейчас, так и останешься на месте!

Слезы у Динки высохли, глаза злыми, колючими иголками впились в лицо товарища:

— Я никому не сказала и не скажу! И не приду сюда больше, и знаться с тобой не хочу! Я тебя тоже, как сироту, жалела...— Динка вспомнила красные рубцы на Ленькиной спине, и губы ее задрожали: — Я из-за тебя плакала, а ты меня какой-то язвой ругаешь и бить хочешь!.. Ладно! Я сама тебя побью, если захочу...

— Ты — меня? — прищурился Ленька.— Ну, бей! Ну, захо-

ти! Кричи свое «Сарынь на кичку!» и бей! — издевался он, выпячивая грудь и загораживая Динке дорогу.

— Если захочу, так и побью. Но я не захочу, потому что и так... у тебя... вся спина...— Динка безнадежно махнула рукой и снова заплакала.

— А что тебе моя спина? Это ведь другие били... а теперь ты руку приложи,— горько усмехнулся Ленька.

— Я пойду...— сказала Динка.

Но мальчик снова загородил ей дорогу:

— Переплачь, тогда и пойдешь. На-ко вот... гребень тебе купил,— неожиданно добавил он и, вытащив из кармана завернутый в бумажку железный гребешок, протянул девочке.

Но Динка оттолкнула его руку:

— Не надо мне ничего!

— Да бери уж!

— Не надо!

— Эх, ты! — с укором сказал Ленька, держа в руке гребешок.— Я последние пять копеек заплатил... какую корзинищу одной торговке нес. Думал, обрадуешься ты, расчешешь свою гриву...

Динка бросила косой взгляд на гребешок.

— Не надо мне от тебя ничего,— повторила она.

— Ну, не надо так не надо,— сказал Ленька и сел на траву, обхватив руками колени.— Тогда и книжку свою бери, мне тоже не надо,— добавил он, поднимая обернутую в бумагу книжку.— Дала, теперь бери назад.

— Это не я дала, это Мышка,— не оборачиваясь, ответила Динка и медленно пошла по обрыву, но Ленька догнал ее.

— Бери гребень, тогда возьму книгу,— примирительно сказал он.— Тебе ведь купил, зленная какая!

— Я не зленная, а если ты меня прогонял и язвой ругался, то мне и гребня не надо.

— Прогонял... А зачем врала про себя? Я к тебе с хорошим, а ты ко мне с плохим. Я думал, ты хоть и маленькая девчонка, а дружбу понимаешь.

— Я ничего тебе плохого не сделала, я и не врала вовсе, а просто не сказала сразу, потому что ты только сирот жалеешь. А раз я не сирота, то и водиться со мной нечего! — сердито сказала Динка.

— Значит, и на утес не пойдешь?

— Домой пойду.

— Ну ладно,— грустно сказал Ленька.— Меня Митрич на субботу в город посылает. Рыбу он даст продать. Я думал, вместе с тобой поедем. Там на базаре карусели есть. Кто на лошади едет, а кто в санках. Один за другим крутятся вокруг столба. Видала ты их?

Динка покачала головой.

— Ну вот! — обрадовался Ленька.— Я бы покатал тебя. Мне Митрич десять копеек обещал за рыбу. А на каруселях, верно, недорого. Ты бы хоть одна покаталась, я не маленький.

У Динки захватило дух.

— Я бы поехала,— нерешительно сказала она,— но ведь мы уже раздружились.

— Да я больше не сержусь на тебя,— улыбнулся Ленька.

— А я сержусь! Зачем ты меня язвой обругал? Поклянись, что больше так никогда не скажешь! Тогда поеду!

— Да ну тебя! Еще клясться ей буду! — рассердился Ленька.

— Ну, тогда катайся сам на своих каруселях! — И Динка решительно двинулась вперед.

— Да погоди! Ну как я клясться буду? Чего хоть говорить-то? — расстроился Ленька.

— Как ругался, так и клянись.

— Язвой, что ли?

— Не язвой, а своим честным именем и гробом.

— Каким гробом?

— Своим, конечно.

— А где у меня свой гроб? — засмеялся Ленька.— Я же не мертвец!

— Так будешь мертвецом, если нарушишь клятву! — припугнула Динка.

— Я и без клятвы буду мертвецом, если хозяин мой вернется, а на барже пусто.

— А разве он уже должен приехать?

— Да не должен бы... Но я ведь на барже с утра не был. Ну как он вернулся? — забеспокоился вдруг Ленька.

— Тогда, значит, мы и в город не поедем?

— Какой тогда город!

— Как же я узнаю, Лень, приехал он или нет?

— А где ты живешь? Далеко отсюда?

— Да нет, совсем близко, только подняться наверх — и все! Пойдем, покажу! И знаешь, Лень? Вешай мне флажок на забор, когда идешь на утес, вот я и буду знать... Если нет флажка, значит, хозяин приехал,— быстро придумала Динка.

— А где я его возьму, этот флажок?

— У нас есть много, елочные остались. Я дам тебе, ладно? И тогда я тоже не буду зря бегать, а то все ругаются дома.

— Ну пойдем, покажи свой забор и вынеси мне флажок. Пошли скорее!

— Подожди... а клятва? — придирчиво спросила Динка.

Ленька махнул рукой и улыбнулся:

— Да я и так тебя сроду больше не обругаю. Что я, враг себе, что ли?

— Ну, тогда пойдем! — великодушно согласилась Динка.

С тех пор она каждый день с нетерпением ждала флажка и обещанной субботы.

Глава тридцать третья

СБОРЫ В ТЕАТР

Пока Динка бегала на утес и ждала субботы, подошел торжественный день сборов в театр. Еще перед этим вечером Катя и Марина вытащили из шкафа все свои наряды. На кроватях лежал целый ворох старых, поношенных платьев и блузок. А вокруг с озабоченными лицами стояли ближайшие советчицы — Мышка и Алина. Динки не было — она повела домой Марьяшку.

— Я так давно себе ничего не шила,— перебирая свои вещи, говорила Марина,— что просто не знаю, что надеть!

— Мамочка, а вот это! Папино любимое надень! — сказала Алина, доставая черное шелковое платье.— Надень, мамочка!

— Конечно! Оно же очень скромное и так идет тебе,— сказала Катя.

— Да нет! Зачем трепать его зря... Повесь, повесь, Алина! — забеспокоилась мать.

— Надень, надень! Ничего ему за один раз не сделается.

Все-таки модная пьеса, может оказаться много знакомых, надо быть в приличном виде,— решительно заявила Катя.

— Надень, мамочка! Ты будешь такая красивая! — запросили девочки.

— Нет, дети! Это папино любимое, и я его очень берегу. Когда папа приедет, тогда я и дома его надену. А сейчас я себе что-нибудь другое найду.

«Когда-то он еще приедет! — подумала Катя и с грустью посмотрела на сестру.— Хорошо еще, что она так верит в его возвращение!..»

Марина поймала ее взгляд и улыбнулась:

— Ты стала такой неверующей, Катя. Но ведь Саша не один. И борьба идет... Нельзя же так опускать руки.

— Совсем я не опускаю рук. Но пройдут, может быть, годы, пока опять соберутся силы. А ты... бережешь платье,— мягко пошутила сестра.

С террасы, запыхавшись, вбежала Динка, она очень боялась опоздать на сборы.

— Вот это платье наденет мама? — спросила она, трогая двумя пальцами мягкий шелк и замирая от восторга.

— Нет, мама не хочет его надевать, это папино,— шепотом объяснила ей Мышка.

— Папино? А почему оно папино? Папа переодевался в него, да? — вытаращив глаза, зашептала ей на ухо Динка.

— Дети, дети, не трогайте руками!.. Алина, повесь в шкаф, зачем ты его вытащила? — снова забеспокоилась Марина, примеряя перед зеркалом блузку.— Ну смотрите, хорошо так? — спросила она, поворачиваясь ко всем улыбающимся лицом.

— Очень! Очень! — закричала Мышка.

— Хорошо, мама, но лучше бы целое платье,— заметила Алина.

— Конечно, лучше. Ну, кто это ходит в театр в блузке и юбке? Что ты, курсистка, что ли? — недовольно сказала Катя.

— Да ну вас! — рассердилась Марина.— Я ведь не на бал собираюсь, а в театр! И никаких там особых нарядов не требуется. Как есть, так и есть! Вот поглажу, пришью свежий воротничок и пойду!

— Какой воротничок? Тут же есть уже один. Вечно ты с какими-то выдумками, вроде зонтика!

— При чем тут зонтик? У меня есть хорошенький новенький воротничок, он все-таки оживит и украсит,— роясь в картонке, возразила сестра.

— Надень колечко, мама! У тебя есть колечко с красненьким камушком. И брошку надень — вот будет красиво! — закричала Динка.

— Очень красиво! Точь-в-точь Крачковская... А Гогу тоже с собой взять? — засмеялась мама. И все засмеялись.

— Терпеть не могу, когда кто-нибудь навешивает на себя все эти побрякушки! Такое мещанство, что смотреть противно! — добавила Катя и, вдруг что-то сообразив, всплеснула руками: — Слушай, Марина! Вот что можно заложить в ломбард! Спасибо Динке — напомнила!

— Пожалуй, да! Мне как-то не пришло в голову. Так, знаешь, ты приезжай завтра к концу службы, и мы успеем сбегать. Это действительно выход!

Марине нужны были деньги. Каждые две недели товарищи готовили передачи для заключенных. Марина тоже вносила свою долю. В этот раз денег у нее было мало.

— Так ты приезжай пораньше,— повторила она сестре.

— А дети?

— Ну, что дети? Пообедают без тебя... Алина! — обратилась она к старшей девочке.— Завтра Катя уедет немного пораньше, а потом, мы можем после театра не успеть на последний пароход... я уже просила дедушку Никича переночевать на террасе, а Лина ляжет с Динкой и Мышкой. Ты ведь не будешь бояться?

— Нет, что ты! Я никогда ничего не боюсь. Только скажи Динке, чтобы она без вас никуда не бегала.

— Дина!..— строго сказала мать.

— Я никуда не пойду, я буду сидеть как пришитая. Не беспокойся, мамочка, я же знаю,— поспешно перебила ее Динка.

Когда споры были окончены, Катя принялась за приведение в порядок отобранных вещей. Для себя она погладила темное платьице с длинными рукавами.

— Ну, что это за монашенка такая! — удивлялась сестра.— У тебя же есть что надеть! Столько тебе Олег надарил! Правда, многое ты своим шитьем перепортила...

— Лучше я испорчу, чем мне кто-то испортит.

— Так это совершенно одинаково по результатам,— засмеялась Марина.— Конечно, самой приятней портить — не надо никого ругать, по крайней мере,— весело добавила она.

Глава тридцать четвертая

ПЕРЕД ПОЕЗДКОЙ В ГОРОД

Сборы эти происходили в пятницу вечером, а утром в тот же день, сидя на утесе, Динка очень волновалась:

— Завтра суббота. Но как же я поеду — ведь мама тоже едет с утра!

— А я выйду на пристань да погляжу. Как она проедет, так и мы следующим пароходом,— успокаивал ее Ленька.

— Да как же поглядишь — ты ведь мою маму не знаешь совсем!

— Как — не знаю! Я всех твоих уже знаю,— усмехнулся Ленька.

— Да откуда же? — удивлялась Динка.

— Ну, как откуда... Забегу, повешу флажок и загляну за забор, а то и вечером иногда — заскучаю и подойду к твоей даче... Я один раз почти у самой калитки стоял, как раз вы мать встречали. Вот эта Алина твоя была и другая... как ее, Мышка, что ли?

— Мышка! — радостно подтверждает Динка; ей приятно, что Ленька видел всех, кого она любит.— Мышка, Мышка!

— Ну вот! И ты тут была, все к матери жалась, а потом и тетка твоя вышла...

— Катя! — подсказывает Динка и тихо спрашивает: — А где же ты стоял, Лень?

— Да там... за уголком... Постоял да пошел... Вы — в дом, а я — на баржу: боялся, как бы хозяин не приехал...— задумчиво вспоминает Ленька.

— А вдруг он как-нибудь днем приедет? — беспокоится Динка.

— Нет, днем он не приезжает. Либо утром, либо уж вечером. Да теперь уж скоро. Целая неделя прошла... Я все вымыл, вычистил на барже, только вот крупы маленько подъел. Вроде немного брал, а заметно...

— Побьет он тебя? — шепотом спрашивает Динка.

— Может, и побьет... Ну, да ведь в последний раз.

Динка испуганно цепляется за его руку:

— Я не хочу, Лень... я не хочу и последнего раза...

— Ну, не будет он, не будет... Что ты какая жалостливая,— ласково утешает ее Ленька и, чтоб переменить разговор, вспоминает, как он жил у птичницы, как ходил далеко-далеко в лес, каких видел там птиц и зайчишку один раз поймал, серого, пушистого. Поймал да выпустил.— Плачут ведь зайцы, как дети маленькие. Я и побоялся обидеть его... А еще я один раз лису видел...— рассказывает Ленька.

Но девочка не слушает его и думает о другом.

— А добрая была птичница? — спрашивает она.

— Птичница-то? Нет. Конечно, она не била меня и есть давала... Но только пустое сердце у нее!

— А вот у того, что тебя читать учил, тоже пустое сердце? — с интересом спрашивает Динка.

— Ну нет... что ты... Тот настоящий человек, все он понимал. Шел бы я за ним, куда он захочет! Только нет его... Настрадался я тогда об нем... И не встречал таких больше...

Ленька еще долго рассказывает о своей жизни, потом начинает рассказывать Динка.

— У нас все хорошие, одна я плохая...— говорит она.

— Чем же это ты плохая?

— Да многим... Не слушаюсь никого...

— Что же ты не слушаешься? Мать любишь, а не слушаешься? — серьезно спрашивает Ленька.

— А как же мне быть? Если бы я слушалась, то мне бы надо было дома сидеть и никуда носа не высовывать... Мама очень добрая, но если бы она увидела меня на этом утесе да еще на этой доске...— Динка махнула рукой и засмеялась.— Для нее же это прямо неописуемая доска!

Ленька помрачнел.

— Я сделаю... Я уже надумал, как сделать. Я чегой-то и сам стал бояться... прямо поджилки у меня трясутся — ну-к упадешь ты!

— Да не упаду! Я уж привыкла. А если упаду, ты никому не говори, что мы вместе были. Прямо беги тогда скорей на баржу, а то еще придерутся к тебе...

— «Беги»! Да что я, не человек, что ли? И какая мне жизнь после этого — так и будешь ты у меня перед глазами стоять... Нет, уж тогда некуда мне бежать,— вконец расстроился Ленька.

— Да не упаду, не упаду, не бойся! — опять засмеялась Динка.

— Я сделаю... вон гляди, как я сделаю.— Ленька вынул карандаш и начал что-то рисовать на камне.— На каждом краю по два столбика вкопаю, и на них тугие крючки сделаю, и перекладины пристегивать буду к ним. А между тех столбов доску положу и тоже на крючки ее пристегну к столбам, поняла?

— Ничего не поняла! — весело сказала Динка.

— Ну, поняла не поняла, а переходить будешь, как барыня! — довольный собой, ответил Ленька.

— И без тебя буду переходить? — поинтересовалась Динка.— Ну, если, например, ты в городе будешь, а я захочу сюда прийти, перейду я?

— Сроду не перейдешь! Слышь, Макака! Чтоб этого у тебя и в мыслях не было! — испугался Ленька.— Не велю я тебе одной, понятно? Чтоб ни в каком разе! Клянись мне сейчас на этом же самом месте!

— Да я и доску не перекину, что ты!

— Доску ты, может, и перекинешь — высохла она, легонькая стала, да и нешироко тут, но все это ни к чему... Не хочу я, чтоб ты одна шла... Клянись — и все тут!

— Клянусь своим честным именем и гробом...— быстро начала Динка.

Но Ленька остановил ее:

— Не так. Говори за мной: «Клянусь никогда и ни при каком разе не переходить одна на утес! Пускай, ежели нарушу эту клятву, хозяин исполосует Леньку до смерти...»

— О! — замахала руками Динка.— Сроду я не пойду, если так! Зачем ты меня пугаешь?

— Ну, помни! — сказал Ленька, успокаиваясь.— Клятва твоя дадена!

Оба помолчали.

— Лень, а Митрич уже дал тебе рыбу? — спросила Динка.

— Утром даст. Ночью наловит еще. Я и сам с Федькой пойду. Если что поймаю, тоже на базаре продам.

— А ты корзинкой будешь ловить?

— Ну, а чем же мне еще? Известно, корзинкой. Удочку я сделал себе, но что-то не клюет на нее. Бамбуковую бы надо... Вот заработаю — так куплю!

— А у Федьки ведь тоже плохо ловится — он и не продает никогда!

— Да, конечно, у берега какая рыба? Лодку бы надо, а где ее взять?.. Митрич любит один ездить, он и места знает, да Федьку не берет туда,— рассказывал Ленька.

— Лень, а ты бы ездил один на лодке?

— Что ж! Я гребу хорошо, я и один и с Федькой бы ездил, если бы от хозяина ушел, но про это и думать нечего: лодка, она дорого стоит. Вот один рыбак за старую пять рублей просит...

Дети еще долго беседуют на утесе... Потом Ленька вдруг вскакивает на камень и, прикрыв глаза рукой, смотрит на Волгу.

— Слышь, Макака?.. Пароход какой-то показался, не «Гоголь» ли?

— «Гоголь»? — пугается Динка.— Пойдем скорей, скорей, а то я пропущу маму!

Ленька осторожно переводит ее по доске.

— Завтра крючки куплю,— говорит он.

Глава тридцать пятая

ВЕСЕЛЫЙ БАЗАР

С вечера Динка долго не могла заснуть и все придумывала себе всякие неудачи: то ей казалось, что Митрич возьмет у Леньки свою рыбу и поедет на базар сам, то она со страхом думала, что неожиданно появится хозяин баржи и о поездке уже нечего будет и думать...

Но все обошлось благополучно, и утром, после отъезда матери, на заборе появился долгожданный флажок. Динка схватила приготовленные еще с вечера сухари и мгновенно исчезла.

Когда Никич, поглядев на свои часы, зазвонил в свой звонок, Динка уже слезла с парохода и шла рядом с Ленькой по незнакомым улицам города. Ленька нес на плечах тяжелую корзину, а Динка ничего не несла и, забегая вперед, забрасывала мальчика вопросами:

— Мы раньше будем торговать, Лень, а потом пойдем на карусель?

— Раньше расторгуемся,— тяжело дыша, отвечал Ленька и останавливался, чтобы переложить корзину на другое плечо.

— А как мы будем продавать рыбу, Лень,— по десяткам или по пяти? А может, кто-нибудь даст нам весы и мы будем вешать?

— Кто же нам даст весы? По штукам будем продавать, тут ведь разная рыба. Я и свою сверху положил, да вряд ли кто купит — все больше плотва у меня.

— А мы, Лень, давай подороже просить, чтобы побольше денег заработать, ладно?

— Какая цена у всех, ту и мы будем спрашивать. Да хоть бы так раскупили, чего уж тут думать — подороже! Рыбы на базаре много.

Динка замолкала, с любопытством оглядываясь по сторонам. Немощеные, кривые улочки с деревянными домиками, непросыхающая грязь на дороге, покосившиеся ворота, лавчонки на углах... У одной такой лавчонки Ленька поставил на землю корзину и остановился передохнуть. Динка прочитала вывеску «Бакалейные товары» — и сунулась вслед за людьми в раскрытую дверь.

— Куда ты? — окликнул ее Ленька.

— Я сейчас... Только посмотрю.

В лавке теснились женщины и подростки. В спертом воздухе носился запах керосина и селедок. Под стеклом лежали конфеты в бумажках, высохшие тянучки и слойки. Толстая женщина шлепала на весы селедку и, обтерев руки о бумагу, вешала там же сахар, потом цедила из бочки керосин и считала деньги.

— Не дам, не дам! — сердито говорила она какой-то женщине в старом коричневом платке.— За вами и так долг с прошлого месяца...

Но женщина не уходила и, пропуская вперед других покупателей, стояла у прилавка, время от времени тихо повторяя:

— Да я отдам... Мне бы только крупички маленько...

Динка, сморщив нос, оглядела лавку, просунулась между покупателями к конфетам под стеклом и, не ощутив желания съесть хоть одну из них, вышла.

— Мне бы крупички...— донесся до нее уже в дверях голос женщины.

— Лень, там нищая просит... В лавке тоже, значит, стоят нищие? — со вздохом сказала она и пожала плечами.— Крупички ей надо...

Ленька поднял на плечи корзину и, ничего не ответив, пошел вперед. Динка шла за ним и от нечего делать читала вывески. На одной лавке с большими стеклами половина вывески была оторвана, и на уцелевшей половине значилось: «закус...»

— Леня, что это за такой «закус»? — спросила она.

Но Ленька свернул за угол, и перед глазами Динки неожиданно открылась грязная площадь с телегами и распряженными лошадьми; повсюду валялись солома, огрызки недоеденных огурцов, гнилых фруктов и овощей. Между возами ходили люди, торгуя картофель и яблоки. Тут же продавались лопаты, грабли, табуретки, скалки и детские, выкрашенные в розовый цвет низкие колясочки с деревянными колесиками. Немного поодаль от возов теснилась масса народу, оттуда доносились звонкие голоса торговок и разносчиков.

— Вот и базар,— сказал Ленька.— Сейчас пройдем толкучку и прямо в рыбный ряд станем.

— А что это за толкучка, Лень? — спросила Динка, стараясь держаться ближе к товарищу; слово «толкучка» было чем-то связано с именем дедушки Никича.

Ленька, толкая всех своей корзиной, врезался прямо в толпу людей, которые сновали взад и вперед, держа на руках разное тряпье и выкликая покупателей:

— Вот, кто без штанов, подходи! Вот, кому одеяло! Продам недорого!

Некоторые, сложив в кучку свое тряпье, стояли тут же молча, а проходившие женщины и мужчины рылись в этом тряпье, встряхивая и разглядывая на свет.

— Что это они, Лень, с себя одежду продают, как наш дедушка Никич? — поинтересовалась Динка.

— Либо с себя, либо краденое... Тут и беднота, тут и жулики толкутся. Держись за меня, а то затрешься в толпу да еще потеряешься.

Динка со страхом вглядывалась в изможденные лица и, про-

тискиваясь за Ленькой сквозь толпу, крепко цеплялась за его штаны.

— Да ты держись за ремень! Порвешь штаны, кто отвечать будет? — недовольно говорил Ленька. Он устал, на лбу его выступили крупные капли пота, руки занемели.

Они прошли птичьи ряды, где кричали и бились куры, которых хозяйки тащили прямо за ноги, головой вниз; прошли мясной ряд со столами, на которых было навалено горой мясо, а рядом стояли огромные пни, окровавленные и изрубленные сверху. Мясники рубили на них целые туши, с размаху опуская топор и брызгая на проходящих кровью и мелкими костями. Зеленые мухи целыми роями кружились над мясом и садились на лица покупателей.

— Фе...— затыкая нос и стараясь не смотреть, морщилась Динка.

Ей начинал очень не нравиться этот базар, от которого она так много ждала веселого. Она поднялась на цыпочки и окинула глазами площадь. По краям ее стояли лавки с посудой, на стойках шла бойкая торговля молочными продуктами, но везде была грязь и суета. Откуда-то доносились тянущие за душу голоса нищих, поющие голоса бродячих артистов, которые толклись в самом конце площади, около огромного шатра с бахромой... «Это наверное, и есть карусель»,— подумала Динка и нетерпеливо дернула Леньку за ремень:

— Давай уже продавать, Лень!

— Иди, иди,— пробурчал Ленька.

Наконец остро запахло рыбой, и по обеим сторонам неширокого прохода появились рыбные торговки. Они сидели прямо на земле, расстелив рядом с собой мешки и разложив на них свежую рыбу. У некоторых рыба была еще живая, она била хвостом и, выскользнув из рук продавца, падала под ноги проходивших; жабры ее тяжело поднимались, и стеклянные глаза пучились...

Ленька выбрал бойкое местечко и встал в ряд. Поставив на землю корзину, он тоже расстелил чистый холщовый мешок и начал раскладывать рыбу: окуньки, стерлядки, щуки и караси.

— Куда влез на чужое место? Ступай, ступай отсюда! Ишь нахальный какой! — затрещала вдруг над ухом толстая тетка в засаленном сером переднике и с рыбьей чешуей на таком

же засаленном ситцевом платке.— Я здеся кажный день торгую, меня, слава богу, покупатель уж не один год знает, а он расположился, гляди! Ступай лучше, а то как швырану корзину, так и хвостов не соберешь!

Динка испугалась и схватилась обеими руками за корзину, но Ленька спокойно сказал:

— Кто первый занял, того и место. Это вам не в театре, тетенька, здесь места не купленные. Вон напротив становитесь, коль охота, а я отсюда не пойду!

— Ох ты, сопливый эдакий! Еще будешь указывать мне место! — заорала торговка.

Но стоящий рядом с Ленькой мужчина, с большой рыбиной в руках, вступился за мальчика:

— Иди, иди отсюдова! Нечего свои порядки заводить! Раз занято место — так занято! Не опаздывай другой раз!

Торговка подхватила свою корзину, смачно плюнула и перешла в другой ряд, заняв место напротив.

— Вот рыба, рыба! — звонко закричала она, заметив подходивших покупательниц и ловко перекидывая с ладони на ладонь жирную рыбину.— Подходите, подходите, господа хорошие! Вот рыба, рыба!

— Ну, теперь и мы будем торговать! — весело сказал Ленька.— А то я эту бабу знаю — она страсть какая языкастая, всех покупателей отобьет!

Динка оглядела ряды и, увидев неподалеку бьющуюся в мешке рыбу, отвернулась.

— Ну, продавай скорей,— сказала она.

— Да кому продавать? Покупателей много, а рыбы еще больше... Что ты больно нетерпеливая! Насильно не всучишь ведь никому.

— А ты кричи, как та торговка!.. Смотри, она уже деньги получает! Что ты молчишь? Никто и не подходит к нам поэтому!

— Да погоди, ведь только что пришли. Чего торопиться? — уговаривал ее Ленька.

— Как — чего? А карусель? Там уже все перекатаются, пока мы продадим! Ну нет! Сейчас я буду... Вот рыба, рыба свежая, жареная, неописуемая! — упершись рукой в бок, заголосила вдруг Динка.— Подходите, подходите, господа хорошие! Вот рыбка сладкая, вкусная, рыбочка, рыбочка, окунек!

КОЖАНАЯ
ВАЛЕНАЯ
ОБУВЬ
Я.П. СУПОНИНЪ

Ленька широко раскрыл глаза и, подавившись от смеха, упал около своей корзины.

— Вот рыбка жареная, пареная, неописуемая! — держась на одной ноте, голосисто выводила Динка.

В рядах послышался громкий смех и шутки. Торговцы через головы друг друга с интересом поглядывали на девочку.

— Ну, эта продаст!

— Эта всех перекричит! — добродушно шутили они.

— Вот рыбка сладкая, сахарная! — заливалась Динка.

— Заткни глотку-то! Ишь разоралась на весь базар, как на похоронах! — закричала торговка в сером переднике.

Но Динка и глазом не повела в ее сторону:

— Вот рыбка свежая, румяная, сладкая, сахарная!

Покупатели, привлеченные звонким голосом и небывалым перечислением всех качеств рыбы, смеясь, подходили к девочке.

— Ну, где твоя сладкая, сахарная рыба? — спрашивали они.

— Пожалуйте, выбирайте!.. Лень, получай скорей денежки!

— Погоди денежки, мы еще и рыбы не выбрали!

Ленька перекидывал карасей, окуней, щук.

— Вот что угодно, пожалуйте!

— Пожалуйте, пожалуйте, что угодно для души! — бойко помогала ему Динка.

— Ну давай! Уж больно хорошо ты зазываешь,— добродушно говорили хозяйки, укладывая в кошелки рыбу и отсчитывая деньги.

— Спасибо, на здоровье, не подавитесь костями! — весело провожала их Динка.— Вот рыбка не-о-пи-суемая! — затягивала она опять.

— Ох, не кричи, пожалуйста! Что уж это, прости господи, за крикунья такая! — ворчала пожилая женщина с кошелкой на руке.— Куплю, куплю, только замолчи ты хоть на минуту!

Динка замолкала, но через минуту, откашлявшись, начинала снова.

— Уйми ты ее! — кричала Леньке сердитая торговка, но Ленька не унимал, и рыбу охотно раскупали.

Мальчик прикладывал к каждому десятку по одной своей рыбке и был очень доволен.

— Ну, помолчи теперь. Осталось пять штук всего да один окунь. Я их домой возьму, сварю похлебку,— сказал Ленька.

— Не надо брать. Мы и так совсем провоняли рыбой! Сейчас продадим все! Вот рыба крупная, ядреная, с пыла-жара, на копейку пара! — заголосила Динка.

Студент в поношенной шинели, с обросшим и небритым лицом вывернул запачканный табаком карман и, вынув оттуда две копейки, хрипло сказал:

— Купить не могу. Нет покупательной способности. А вот на леденцы тебе тут хватит. На, прочисти себе горлышко! — Он протянул Динке две копейки.

— Даром не берем! — важно сказал Ленька и, собрав оставшуюся рыбу, протянул ее студенту.— Нате вам за леденцы!

Студент вынул газету и, кивнув Леньке, сказал:

— Пожалуй, возьму. Я давно не ел горячего! — Завернув рыбу в газету и сунув ее в карман, студент поблагодарил и ушел.

— Задаром не бери ни от кого! — строго сказал Ленька и, бросив в корзину мешок, взял Динку за руку.— Теперь пошли на карусели!

За катанье на карусели брали недорого, и, посоветовавшись между собой, друзья решили для первого раза сесть вдвоем в санки.

Санки эти были расписные, красивые, с высокой резной спинкой и деревянным сиденьем. Динка подробно рассмотрела карусель, обошла кругом и удивилась:

— Лень, ведь это все вокруг столба крутится! И санки и лошадки! Они привязаны, что ли?

— А вон проволока-то сверху спускается! А эта крышка из парусины сделана, чтоб солнце не пекло!

— А не оборвется проволока?

— Нет, что ты! Здесь и взрослые катаются; это сейчас мало народу, одни ребята, а вечером погляди!

Народу действительно было мало. Лошади и санки на карусели ехали пустые, только на одной лошадке сидел малыш в новом картузе и, проезжая мимо отца, махал ему ручонкой.

— Держись, держись, Митейка, упадешь! — кричал отец и бежал вслед за сыном.

В отдалении стояла толпа ребятишек и с завистью глядела

на пустых лошадок, на пустые санки, на счастливого малыша.

Когда карусель остановилась, Динка влезла в самые красивые санки, Ленька последовал за ней. Оба гордо возвышались на сиденье и ждали колокольчика, который означал отправление.

— Вот весело! — говорила Динка.— И кто это придумал, Лень, такие карусели?

— А кто придумал? Они, верно, давно уже тут стоят.

Колокольчик зазвонил, и санки полетели по кругу.

— Лень, Лень! Мы вокруг света едем! У меня просто сердце проваливается куда-то! Давай так до вечера кататься!

Но Ленька не выдержал и четырех кругов.

— Я слезу,— сказал он.— Мне эта крутня не нравится. У меня от нее в животе бурчит!

— У меня тоже бурчит. Ты думаешь, это от карусели? Тогда давай скорее слезем!

Очутившись на земле, они оба зашатались и сели прямо на траву.

— Как пьяные! — засмеялась Динка.

— И кто это придумал только! — с удивлением сказал Ленька.— Вокруг столба человека крутить... Сроду не сяду я больше на эту карусель! Пойдем лучше пошатаемся по базару да купим чего-нибудь поесть.

— Пойдем! — обрадовалась Динка.

Они пошатались по базару, купили крючки, хлеб, баранки, съели мороженого, послушали шарманку и человека, который стоял в черном плаще и, переделив свой рот ребром ладони на две половины, пел то мужским, то женским голосом.

«Приходите, милый мой, выпить чашку чая»,— пела одна половина его рта высоким, визгливым фальцетом.

«Нет, красотка, не приду, я сижу скучаю»,— отвечала другая половина густым басом.

— Зачем это он так делает? — удивилась Динка.— Пел бы просто!

— Так, верно, больше дают, интереса больше,— пояснил Ленька.

— Вот шоколады, мармелады, яблоки, тянучки! — выкрикивал разносчик с лотком.

Ленька купил две тянучки и дал их Динке.

— Одну съешь сейчас, одну на пароходе,— сказал он.— А мне не надо. Я без них обхожусь и сроду сладкого себе не покупаю.

Они снова пошли через толкучку; там как будто стало еще больше народу. Ленька положил вырученные деньги себе на грудь и все время прижимал их рукой; Динка держалась за его ремень.

— Скандал в замке графа, невеста оказалась гусаром! — выкрикивал в самой гуще какой-то человек.— Скандал в замке графа, выпуск пять копеек!

— Смотри, Лень, выпуск пять копеек! Это, верно, опять Пинкертон какой-нибудь?

— Бог с ним! — сказал Ленька.— Мне что-то надоел он теперь.

— Ну и хорошо! Раз книга плохая, то нечего ее и читать! Еще и пять копеек платить! — рассудительно сказала Динка.

— Полезные советы для вспыльчивых людей! — грянул над ее головой чей-то голос.— Вот, покупайте полезные советы для вспыльчивых людей! Кто хочет изменить свой характер и избавиться от многих неприятностей, покупайте книжку! Всего три копейки! Три копейки полезные советы для вспыльчивых людей! — кричал, размахивая тоненькой книжкой, человек в рваном пиджаке и парусиновых брюках.— За три копейки вы можете изменить свой характер!

— Ой, Лень! Мне обязательно надо изменить свой характер! Купи мне эту книжку! — вцепилась вдруг Динка.

— Зачем это? У тебя хороший характер,— воспротивился Ленька.

— Нет, Лень! Я очень вспыльчивая! Купи! Всего три копейки!

— Покупайте, покупайте полезные советы для вспыльчивых людей!..— выкрикивал человек в парусиновых брюках, подходя ближе и размахивая своей книжонкой над самой головой Динки.

— Дайте, пожалуйста, ваши советы! Лень, заплати! — крикнула Динка, протягивая руку к книжке.

Ленька нехотя отдал три копейки и спрятал книжку в карман.

— На пароходе почитаем,— сказал он.

На пароход они поспели только в четыре часа.

— Ох, Лень! Катя уже, наверное, уехала, а меня нет, и Алина волнуется!

— Ну вот! — недовольно сказал Ленька.— А я думал, раз матери нет, то ты сегодня вечером пойдешь со мной глядеть фейерверк!

— Это на Учительских дачах? Мы были один раз с Катей и с мамой. Так красиво! Но сегодня мне нельзя. Алина одна с нами, она будет волноваться, если я уйду. Да мне все равно нельзя так поздно уходить из дому. Нет, уж иди один!

— Ну, одному какой интерес!

Они уселись на корме, и Ленька вытащил купленную на базаре книжку.

— Читай с самого начала,— сказала Динка, придвигаясь поближе и заглядывая на первую страницу.— Читай вот здесь!

— «Совет первый,— медленно прочел Ленька.— Если вы, охваченный со всех сторон гневом, обидели свою жену, то предложите ей небольшую эффектную прогулку, и отношения ваши уладятся...»

— Что значит «эффектную»? — озабоченно спросила Динка.

— Ну... значит, куда-нибудь подальше...— морща лоб, сообразил Ленька.

— А здесь сказано «небольшую прогулку» — это, значит, поближе,— возразила Динка.

— Ну, так или сяк — одним словом, куда она хочет, туда и веди ее.

— Это совет для взрослых, читай дальше,— сказала Динка.

Медленно, затрудняясь на каждом слове, Ленька прочел дальше.

— «Если вы, охваченный со всех сторон злобой, боитесь оскорбить любимую вами особу, то опустите голову в ведро с водой, и состояние ваше изменится...»

— Еще бы не изменится! — засмеялась Динка.— Вылезешь мокрая как мышь... Но это все-таки мне больше подходит,— серьезно добавила она.

— Чего там «подходит»! Ты смотри! А то сунешь голову в ведро и не вытащишь ее оттуда!

— Ну что ж, я так и буду ходить с ведром на голове, по-твоему?

— По-моему не по-моему, а этот совет не годится. Вот тут еще есть. «Если вы в порыве вашей злобы кого-нибудь обругали бранным словом и хотите это исправить, то заверьте его в своей полной искренности».

— Это что же... непонятное какое-то,— сказала Динка.— Наверное, опять для взрослых. Читай дальше.

— Тут уже идет другое — вон написано: «Советы неудачным женихам».

— Ну, читай, посмотрим, что это такое...

— «Если вам отказала любимая вами особа, то объявляйте всюду, что у нее одна рука короче другой, и когда ее женихи от нее отпадут, то сватайтесь еще раз...» — с трудом прочитал Ленька и закрыл книжку.— Мошенство все это!

— Нет, не мошенство, а как раз подходит. Не мне, конечно, а Малайке — вот кому! Потому что он никак не может упросить Лину выйти за него замуж, вот!

— Ну ладно! Их дело взрослое, а ты тут ни при чем... Нако, спрячь свои советы, сейчас сходить будем! — Ленька вынул из-за пазухи тряпку, в которую были завернуты деньги, и весело улыбнулся: — Хорошо поторговали! Митрич доволен будет!

Пароход, медленно поворачиваясь, подходил к пристани. Из трубы его вместе с черным дымом вырвался протяжный гудок.

— Приехали! — сказал Ленька и бросил боязливый взгляд на свою баржу. Но на ней никого не было.

Глава тридцать шестая

НЕУДАЧНЫЙ ПОДАРОК

Алина встретила сестру взволнованным восклицанием:

— Наконец-то! Где ты была?

Испуганная Динка наспех придумывала оправдание:

— Я очень далеко ходила... и очень ослабела...

— Ослабела?

— Ну да... теперь уже все прошло, ты не беспокойся. А разве Катя уже уехала? — с опаской спросила Динка.

— Конечно. Она и так задержалась из-за тебя. Я просила ее

не говорить маме, что ты куда-то пропала. Ведь мама будет сидеть в театре как на иголках! — с упреком сказала Алина.

— Ну ничего, Алиночка, ты не сердись, ладно? Я сейчас только поем, а потом буду делать все, что ты хочешь,— заглядывая сестре в глаза, сказала Динка.

— Ой, какая ты! — покачала головой Алина, смягчаясь от покорного вида Динки.— Ну, иди поешь, а потом будем заниматься!

Но Динке захотелось окончательно успокоить сестру и задобрить ее подарком.

— Алиночка, я купила одну книжку, чтобы изменить свой характер... Это полезные советы, они стоят всего три копейки... Но мне пока только одно ведро здесь подходит. Хочешь, я подарю ее тебе? — спросила она, протягивая Алине свернутую в трубочку базарную книжонку.

— Ты купила книжку? — с удивлением спросила Алина.— Про ведро?

— Да нет! — засмеялась Динка.— Почитай лучше сама, тогда все поймешь! А я пойду к Лине, ладно?

Динка побежала на кухню. Алина разгладила измятую книжку и, открыв первую страницу, прочитала несколько строк, потом поглядела на обложку... Автора нигде не значилось. Алина открыла наугад другую страницу и с удивлением прочла заглавие третьей главы:

«Семейные советы.

Если вы сильно провинились перед своей женой и не ждете себе скорого прощения, то притворитесь смертельно больным и оглашайте воздух тихими воплями, а также избегайте хорошего аппетита, и вы получите прощение...»

Алина пожала плечами и еще раз осмотрела обложку.

— Выпуск три копейки,— повторила она вслух и побежала искать Динку.

— Дина, Дина! Где ты купила эту книжку? — спросила она сестру, найдя ее за кухонным столом уплетающей свой утренний завтрак и обед.— Где ты купила эту книжку? — повторила Алина.

Динке захотелось повысить в глазах сестры ценность «полезных советов».

— Я купила ее у одного учителя! — с гордостью сказала она.

— У учителя? — Алина снова бросила взгляд на обложку и решительно заявила: — Ты врешь! Никакой учитель не станет продавать такую чепуху. Говори правду!

— Я нашла ее в лесу,— испугавшись дальнейших расспросов, сказала Динка.

— А при чем тут учитель? — строго спросила Алина.

— Да это я просто так, для красного словца, сказала... Я нашла ее на Учительских дачах и думала, что потерял какой-нибудь учитель, потому что тут такие полезные советы...— окончательно завралась Динка.

— Ну, Дина!.. Находить такие книжки да еще приносить их в дом! Этого я от тебя не ожидала...

— Но ведь я же не знала, о чем тут написано! Я же принесла только показать! Брось ее в печку, Алина! Брось скорей!

— Нет, я покажу маме. Пусть мама знает, какие книжки находит ее дочка! — угрожающе сказала Алина и, держа злополучные «советы» двумя пальцами, направилась в свою комнату.

Закрыв на крючок дверь и устроившись в уголке постели, она внимательно прочитала все советы, тихонько фыркая в руку, а иногда смеясь до слез. Некоторые, самые смешные, по ее мнению, она даже переписала для Бебы. Вдвоем они говорили о многом и знали гораздо больше, чем могли предполагать взрослые.

Окончив это занятие, Алина обернула книжку в бумагу, чтобы мама не испачкала рук, и сама тщательно вымыла руки с мылом.

«Это же три коп...» — повторяли они потом с Бебой каждый раз, когда им приходилось встречаться с величайшей глупостью или недостойный их внимания гимназист просил у них на память ленточки из кос.

Глава тридцать седьмая

НА КРЫЛЕЧКЕ

Когда младшие дети оставались на попечении Алины, то в доме наступал образцовый порядок и тишина. Боясь, что Алина рассердится на что-нибудь и разнервничается без мамы,

Динка и Мышка изо всех сил старались угодить ей. И теперь, сидя за столом, они усердно занимались. Алина, держа в руках учебник грамматики, прохаживалась по террасе и, подражая настоящей учительнице, медленно диктовала:

— «Румяной зарею покрылся восток...» Повторяю: «Румяной зарею...» Дина, слушай внимательно, как я говорю...

Динка, склонив набок всклокоченную голову, которой не помогал даже железный Ленькин гребень, старательно выписывала слова. В диктовках, которые писала Динка, были всегда два главных недостатка: у тех слов, которые почему-либо казались ей значительнее других, она ставила даже в середине фразы заглавные буквы и, кроме того, очень любила восклицательные знаки.

Но сегодня Динка тщательно следила за собой, и Алина, заглянув к ней в тетрадку, сделала только одно замечание:

— Дина! У тебя написано «руманой зарею». Тебе же ясно слышно: румяной...

— Ой! — воскликнула вдруг Мышка.— Я вышла замуж за линейку!

Все три девочки засмеялись. Мышка редко делала ошибки, но по рассеянности часто переносила слова за линейку.

— Перепиши заново эту строчку, Мышка! И старайся быть внимательной! — сказала ей Алина.

Мышка начала переписывать строчку, но у калитки вдруг раздался громкий смех, и на дорожке появились Катя и Марина. Обе они были нарядные, разглаженные и причесанные как для театра, и это было как раз то время, когда люди уже входят в партер или в ложу и кладут на колени бинокль. Что же случилось?

— Мама! Почему вы вернулись? Забыли билеты?.. Почему ты смеешься, мамочка? — бросаясь навстречу, спрашивали дети.

— Да потому что... ха-ха-ха... один раз в кои-то веки выбрались, одевались, одевались...— хохоча до слез, пыталась объяснить Марина.

— Ну, скажи пожалуйста, всю дорогу хохочет, прямо неловко. Ну что тут смешного? Отменили «Живой труп» — и все! Вернули нам деньги,— сказала Катя.

— Одним словом, «як бидному жениться, то и ничь мала».

Ну, бог с ними! Пойдем в другой раз! Зато посидим сегодня вместе на крылечке,— обнимая детей, сказала Марина.

Посидеть вечерком на крылечке, тесно прижавшись к маме, такой уютной, тесной кучкой, слушать тихий мамин голос, когда она что-нибудь рассказывает о папе, о том, как они жили раньше и какие они были маленькими... Обо всем, обо всем говорит с ними мама... Такие счастливые эти вечера на крылечке!

— Только не торопите маму, пусть она раньше поест, слышите, дети? — тихонько предупреждает сестер Алина.

— Конечно, конечно, пусть мама раньше поест,— соглашаются обе, но через несколько минут нетерпеливо спрашивают: — Ты хочешь есть, мамочка? Ты раньше попьешь чаю? Сказать Лине, мамочка?

— Нет-нет! Я ничего не хочу. Я только переоденусь,— отвечает мать.

Марина тоже любит эти вечера наедине со своими детьми; кроме того, она уже давно записала в маленькой книжечке разные пословицы, ей хочется разобрать их вместе с девочками.

— Ну, садитесь,— говорит она,— а я сейчас найду свою записную книжку.

— Садитесь, садитесь! — хлопочет Динка.— Занимайте где хочете...— уступчиво предлагает она сестрам.

Алина и Мышка усаживаются на верхней ступеньке, оставляя между собой место для мамы. Каждой хочется держать мамину руку и прижиматься головой к ее плечу, но есть еще третье место, ниже одной ступенькой; это место у маминых колен, там виднее мамино лицо, ее глаза и улыбка. Это Динкино место.

И вот уже все уселись, разобрали мамины руки и косы, мама сидит так тесно, как в гнезде. Заходящее солнце уже заблудилось где-то за дальними просеками, но в саду еще светло. Впереди длинный-длинный летний вечер.

— Подождите, дайте мне мои руки, я хочу прочитать вам пословицы,— улыбаясь, говорит мама, освобождая свои руки и перелистывая книжечку.— А что это такое — пословицы? Откуда они взялись, кто их сочинил,— вы не знаете?

— Это народная мудрость,— говорит Алина.

Но Динка смотрит на маму.

— Диночка, эти пословицы не сочинял писатель. Они

появились в народе. Вот скажет кто-нибудь, а другие запомнят. Меткое, умное выражение легко запоминается, вот и ходят в народе эти пословицы...— затрудняясь объяснением, говорит мама.— Вот ты послушай и поймешь. О чем, например, говорит эта пословица: «Тонул — топор сулил, а вытащил — и топорища жаль». О чем это?

— Это вот если неблагодарный человек,— торопится ответить Мышка.— Вот, например, Алинина Клепеницер. Она очень боялась экзаменов, и, когда Алина с ней занималась, она все-все обещала! Даже такие красивые книги издательства Вольфа хотела ей дать почитать, а как выдержала экзамен, так ничего не дала. Алина попросила у нее на лето маленький глобус, так она и глобус не дала!

— Ну ладно! — говорит Алина.— Я ведь с ней не за глобус занималась.

Клепеницер была ее одноклассница и сидела на ближайшей к ней парте.

— Она же моя подруга,— добавляет Алина.

— Но Мышка права: у твоей подруги нет чувства благодарности, она не захотела сделать что-то хорошее и для тебя, а сулила больше, чем ты просила у нее... А вот еще одна пословица: «Пошел кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить». Что это значит? — спрашивает мать.

— А! Вот это, уж наверное, о нашей Клепеницер! — оживляется Алина.— Она, мама, все время списывает да списывает и когда-нибудь обязательно попадется! Сколько я ей говорила!

Мама разбирает одну пословицу за другой, и всё почему-то оказывается, что они подходят одной несчастной Клепеницер.

— Ну, оставим уж в покое эту беднягу Клепеницер. Может, и вам тут что-нибудь подходит? — лукаво говорит мама.— Вот, например, такая пословица: «Не в свои сани не садись»...

— Это мне...— смущенно говорит Алина.— Я знаю, что ты про меня думаешь.

— Но почему? — улыбается мама.

— Ну, потому что я все воображаю себя взрослой и стараюсь сесть «не в свои сани».

— А! — смеется мама.— Может быть, и так. А вот эта кому: «Сколько веревочку ни вить, а кончику быть»...

— Это нашей Динке! Динке! Динке! — шумно радуются Мышка и Алина.

— Потому что она, мама, наврет что-нибудь, а потом забудет, как врала, и скажет совсем другое — вот кончик и вылезет наружу! — объясняет Алина.

Динка настороженно смотрит то на сестру, то на мать.

— Слышишь, Динка, говорят, что это о тебе сказано. А ведь человеку бывает ужасно стыдно, когда его ловят на вранье,— наклоняясь к дочке, говорит мама и, приглаживая ее волосы, добавляет: — Ну ничего. Скоро она у нас станет старше и сама поймет, как это нехорошо.

«Ох, мамочка,— уткнувшись к ней в колени, думает Динка,— я и сейчас понимаю, но у меня такая жизнь... Ну разве можно сказать про Леньку, когда сам Ленька не хочет! Ведь это чужая тайна... Счастливые вы все, вам не надо врать...»

А мама, как будто не замечая ее смущения, вычитывает из книжечки еще одну пословицу: «Не плюй в колодец — пригодится воды напиться».

— А это мне! — радуется Мышка.— Это о Гоге... Вот я не презираю его, как Динка, и он мне много интересного рассказал, и стихи читал, и книжку обещал дать. Значит, я не плюнула в колодец — и мне пригодилось!

Алина заглядывает в мамину книжечку и вдруг горестно вздыхает:

— Ох, мама! Смотри: «Куй железо, пока горячо». Это ведь мне! Не ответила я сразу своей подружке Сонечке из Витебска, а теперь письмо потерялось, и нет адреса...

— Так и не нашлось письмо? — закрыв книжечку, спросила мама.— Да, я помню. Это ужасно неприятно. Только эта пословица не совсем подходит к такому случаю...

Мама объясняет пословицу и незаметно переходит к тихим, теплым воспоминаниям.

— Когда мы с папой жили на элеваторе...— начинает она.

— Мама! Почему от папы так долго нет писем? — неожиданно прерывает ее Мышка, и все трое с тревогой смотрят на мать.— Может быть, с ним что-нибудь случилось?

— Нет, если бы что-нибудь случилось, я бы сейчас же узнала. Просто ему не с кем послать письмо. Ведь папа не может писать по почте,— спокойно объясняет мать.

— А где же Кулеша? Разве он не приезжал с тех пор? — спрашивает Алина.

— У Кулеши много других дел. Но он обязательно приедет и привезет нам письмо,— успокаивает детей Марина.

— Мама! Расскажи про Кулешу! — вдруг просит Динка.

— Расскажи, расскажи! — поддерживают ее сестры.

— Да вы уже двадцать раз слышали! — улыбается мать, но она и сама любит вспоминать свое первое знакомство с Кулешей.— Ну, слушайте...— начинает она, понизив голос.— Случилось это, когда мы еще жили на элеваторе. Один раз товарищи поручили мне перевезти в другой город запрещенную литературу...

— В Сызрань, мамочка,— шепотом подсказывает Алина.

— Да, в Сызрань,— подтверждает мать.

Дети придвигаются ближе и с волнением смотрят ей в лицо.

Марина рассказывает, как она укладывала в чемодан свои вещи, перемешивая их с нелегальной литературой, как волновалась на вокзале и наконец села в поезд.

— В вагоне было мало народу... Рядом со мной сел студент. Он попросил разрешения поставить мой чемодан на полку, а рядом поставил свой, новенький черный чемодан...

— Мама, а какой он был, этот студент? — с жадным любопытством спрашивает Динка.— Ты сразу посмотрела на него?

— Конечно. Мало ли кто мог ехать со мною. Но я посмотрела и успокоилась. Студент был совсем молодой. Видимо, еще первокурсник. Крепкий, приземистый, с коротко остриженной головой и торчащими ушами, он показался мне немножко чудным...— весело усмехается Марина, но дети нетерпеливо ждут продолжения.— Ну, я успокоилась... Едем, едем... Вдруг...

— Почти перед самой Сызранью,— шепотом подсказывает Алина.

— Да, на одной из станций... в вагон входит жандармский офицер и с ним два жандарма...

— Ой...— чуть слышно вздыхает Мышка.

Динка прижимает к щеке мамину руку. А взволнованный рассказ подходит к самому интересному месту:

— «Мадам, вы арестованы. Потрудитесь указать ваши вещи».— «У меня нет вещей».— «Нам известно, что с вами был чемодан».

Марина бросает быстрый взгляд на студента и указывает на его чемодан. Студент молчит, но молодое скуластое лицо его выражает полную растерянность...

Жандарм снимает с полки новенький черный чемодан и идет с ним к выходу.

«Прошу»,— говорит Марине жандармский офицер.

У двери она оглядывается. Студент стоит у окна, торчащие уши его пылают огнем... Марина проводит ночь в тюремной камере. Утром ее вызывают на допрос.

На столе — раскрытый чемодан. Содержимое его вызывает полное недоумение следователя: несколько старых, исчерканных карандашом учебников, со старыми надписями многочисленных владельцев, огрызок свежей булки, серый кулек с сахаром, завернутое в полотенце мыло и аккуратно сложенная чистая рубашка...

— Ну и отпустили меня домой! — весело заканчивает Марина.

Динка громко хохочет и подпрыгивает от удовольствия, Мышка хлопает в ладоши и обнимает мать, но Алина усаживает сестер на место:

— Подождите! Ведь самое главное было потом... Мама, рассказывай дальше!

— Рассказывай, мамочка! — просят дети.

— Прошло года три...— напоминает матери Алина.

— Да, не меньше. Я уже совсем забыла этот случай, как вдруг приходит откуда-то папа и с хохотом рассказывает мне, что товарищи рекомендовали ему для связи одного студента по фамилии Кулеша. И что, рассказывая о себе, студент упомянул о случае в вагоне, когда в его руки случайно попал чемодан с нелегальной литературой. «Эта попутчица лишила меня последней рубашки, но открыла мне глаза»,— серьезно добавил он, не обращая внимания на то, что наш папа совершенно поражен его рассказом...— Марина взглянула на веселые, улыбающиеся лица детей.— Вот и все про Кулешу.

— А помнишь...— снова начинает кто-то из детей.

Сумерки уже мягко ложатся на кусты и деревья, окна в даче становятся черными, скоро Катя зажжет в комнате лампу, а воспоминания следуют одно за другим, и маленькая теплая кучка на крыльце все тесней жмется друг к другу.

Но от калитки отделяется какая-то фигура и торопливо идет по дорожке к дому.

— Малайка! Мама! Малайка приехал! — вскакивает Динка.

— Малайка! Малайка! — бросаясь навстречу, кричит Мышка.

— Здравствуй, здравствуй все, хороший мой! — растроганно здоровается Малайка. На его круглом лице широкая белозубая улыбка, руки обнимают сразу Мышку и Динку.— Давай полезай один на горбушку, а один тут будет! — весело говорит он.

Девочки виснут у него на шее, целуют его, гладят по лицу:

— Малаечка наш!

Глава тридцать восьмая

МАЛАЙКА И ЛИНА

— Малайка приехал? — спрашивает Катя, выходя на террасу.

Малайка здоровается со всеми за руку и усаживается на крыльце. Катя пробует отогнать от него Мышку и Динку, но они никак не отходят, и Малайка, загораживая девочек от тетки, просит:

— Не тронь, не тронь. Малайка скучал, ай шибко скучал Малай!.. Где мой барина Мара? Как поживаем? Все думал, воскресенье поедем, а хозяин не пустил Малайка. Ай, плохо было, плохо...

— Малайка,— грустно и ласково говорит Марина,— ты не забывай нас!

Воспоминания всегда оставляют в душе Марины глубокую грусть, а черные глаза Малайки, милая детская улыбка на его лице снова напоминают ей то счастливое время, когда она с Сашей жила на элеваторе. Так и кажется, что сейчас где-то рядом раздастся знакомый дорогой голос: «Смотри в оба, Малайка...» И Малайка ответит строго и серьезно: «Четырем глазом смотрим...»

— Ты не пропускай воскресенья, Малайка,— тоскливо повторяет Марина.

— Как можно забывать? Никогда не забываем. Хозяину говорим, не будешь пускать — убегать будем. Берем билеты, надеваем чистая рубашка. Пароход битками набитый, пассажира полно... Вот возьми гостинца, клади на зубы, кушай,— обращается он к детям, вынимая из кармана пакетик с изюмом и крепкие черные рожки.— Бери кушай, насыпай в руку!
в руку!

Динка и Мышка грызут сладкие рожки, носятся с пакетиками, предлагая матери, Алине и Кате.

— Все кушайте, все! — с удовольствием глядя на них, угощает Малайка. Сегодня он принарядился в новый пиджак, надел ботинки со скрипом и расшитую красной и зеленой шерстью тюбетейку.

— Ну, как там теперь на элеваторе, Малайка? — спрашивает Марина: ей хочется что-нибудь услышать про знакомый дом, про беседку в саду, про широкий двор...

— Работаем,— кратко отвечает Малайка и машет рукой.— В доме не бываем, чужие люди. Малай один ходит.

— А беседка в саду совсем, верно, уже развалилась? — спрашивает опять Марина.

— Нету беседка. Хозяйка новый, кухарка такой сердитый, стопил беседка в плите.

Наступает короткое молчание.

— Один Малайка остался,— как-то недоуменно и грустно добавляет Малайка.

— А ты выходи замуж за Лину и живи у нас,— ласкаясь к нему, просит Динка.

Малайка гладит ее по голове и тяжело вздыхает:

— Не хочет Лина, она хочет русскому богу молиться.

Он лезет за пазуху и достает маленький сверток:

— Едем, берем немножко подарок Лине. Вот, барина Марина, давай сам. Малай боится.

Марина развертывает и свертывает обратно шелковый цветистый платочек.

— А ты не бойся, отдай сам. Лина покричит и перестанет, а сама рада будет,— ободряюще говорит Марина.

— Она тебя любит, Малаечка, тебя все любят,— уверяет Мышка.

— Мы не дадим тебя обидеть,—серьезно говорит Алина.

— Идем вместе,— решительно предлагает Катя.— Что ты боишься, на самом деле? Идем со мной!

Но Малайка упирается, робеет.

— Пускай еще сижу,— быстро говорит он, отодвигая Катину руку.— Тут вот Орало-мучень с Малаем. И Мышка, и Алина, и барина Мара... А как видим Лина, так сейчас беспокоимся, сердце прыг-скок, туда-сюда, языка нету, сильно пугаемся...— жалуется Малайка.

И так смешно видеть этого сильного, плечистого, круглоголового Малайку в таком смущении, что все начинают смеяться.

— Ну что ты, Малайка... Лина не такая уж страшная!

— Вот еще принцесса, подумаешь! — возмущается Катя.

— Гордый Лина... Очень гордый... Силком ее таскать замуж нельзя,— грустит Малайка.

— Ишь расселся... Какой гость неописуемый! — раздался вдруг голос Лины, и она сама неожиданно появляется перед крыльцом, позвякивая бусами на белой шее и ослепляя бедного Малайку пышным сатинетовым сарафаном.

Не смея взглянуть на ее чернобровое румяное лицо, Малайка жмурится, как от солнца.

— Здравствуй, Лина,— неуверенно говорит он, вставая и стаскивая со своей бритой головы тюбетейку.— Вот приехали, беспокоимся. Хотим смотреть, какой ты стал... Может, пересердился...— с улыбкой бормочет он, поднимая на Лину ласковые, умоляющие глаза.

— Ишь какой разлюбезный! «Может, пересердился»! А нет того, чтобы до кухни дойти, поздороваться? Сидит тута под прикрытием... Ладно, ладно, Малай Иваныч! — весело укоряет Лина.

Малайка топчется на месте, смущенно оправдывается и наконец, решившись, протягивает ей свой сверток.

— Бери, пожалуйста, бери! — с неожиданной горячностью восклицает он.— Носи на здоровье, пожалуйста!

— Не обижай его! — торопится предупредить Марина.

— Лина, не обижай! — волнуется Мышка.

— Мы не позволим обижать Малайку,— строго говорит Алина.

Динка, упирается головой в Линин бок, сердито толкает ее.

— Лина, не ломайся! — кричит Катя.— Как тебе не стыдно мучить человека?

— Да чего вы шумите-то? Я ему еще и одного слова не сказала...— разворачивая сверток, говорит Лина. Яркий шелк блестит и переливается в ее руках.

— Носи на здоровье,— просит Малайка.

— Да здоровья у меня и без твоего платка хватит, не об этом речь,— нежно и задумчиво отвечает Лина, любуясь шелком.— Только что ж ты мне подарки возишь, Малай Иванович...— мягко и выразительно начинает она.— Что я — жена тебе аль невеста? Али уж глаза у меня такие завидущие, что я на чужое добро польщусь? За что про что подарки мне дарить? — постепенно расходится Лина, глядя на Малайку с уничтожающей насмешкой.— Кто ж это я тебе, по твоему разумению, Малай Иваныч?

— Ну, пошел-поехал! — машет руками Малайка и, оборачиваясь к Марине, отчаянным взглядом призывает ее на помощь.

— Что у тебя, сердца нет, Лина? Я просто удивляюсь тебе! — возмущается Марина.

— Лина, бери платок сейчас же! — топает ногой Динка.— Сейчас же бери! Я делаюсь больной!

— Сичас, сичас... Как же, так и схватила! Да не родился еще тот поп, который татарина с русской девкой обвенчает! И церкву ту еще не построили, где ихняя свадьба стрясется! — гневно кричит Лина, и, сверкнув яркими цветами, платок падает Малайке на грудь.— Не невеста я тебе, бери свой подарок назад, Малай Иваныч! — низко кланяясь, говорит Лина.

— Вот невежа! — сердится Катя.— Хотя бы из вежливости взяла!

— А вежливость эта мне ни к чему, я не барского роду-племени, душой кривить не могу,— вздыхает Лина и, взглянув на убитого горем Малайку, неожиданно ласково говорит: — Пойдемте, Малай Иваныч, на кухню, я вас чайком попою, пирогами угощу. Спрятайте ваш платок, и пойдемте.

Малайка поднимает с земли бумагу, аккуратно заворачивает свой платок и покорно следует за Линой.

— Он же может выкреститься, наконец! — с досадой говорит Катя.— Что это за ерунда такая?!

— Конечно, он может выкреститься. Но это не ерунда, а драма... Ведь Лина любит его. Вот что делают с людьми религиозные предрассудки,— грустно отвечает Марина.

А на кухне идет веселое угощение. Малайка что-то рассказывает, Лина хохочет. И провожать его она выходит в новом шелковом платочке.

Глава тридцать девятая

«СЛЕТИ К НАМ, ТИХИЙ ВЕЧЕР...»

Мягкий свет лампы падает на ступеньки, детям пора спать, но никому не хочется уходить. В обступающей со всех сторон черноте вечера освещенное крыльцо кажется маленьким светлым островком. Катя набрасывает на плечи Марины платок и сама усаживается на верхней ступеньке. Лина, проводив Малайку, тоже устраивается подле девочек. Говорить никому не хочется, воспоминания нарушены...

— «Слети к нам, тихий вечер...» — запевает Марина.

Девочки присоединяются к матери; голос Мышки, серебристый и фальшивый, неуместно взлетает вверх, Лина подперев рукой щеку, мастерски ведет втору. Катя тоже не может остаться молчаливой: свежий, сильный голос ее сразу укрепляет маленький хор.

«Тебе поем мы песню, вечерняя заря...» — тихо повторяются слова, похожие на вечернюю молитву.

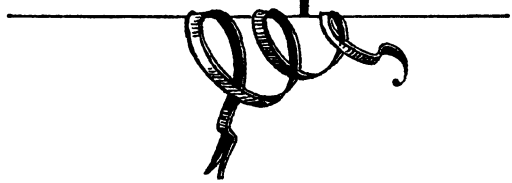
— «Слети к нам, тихий вечер...» — просят взрослые и дети. И никто из них не знает, что этот тихий вечер — последний счастливый вечер на маленькой даче.

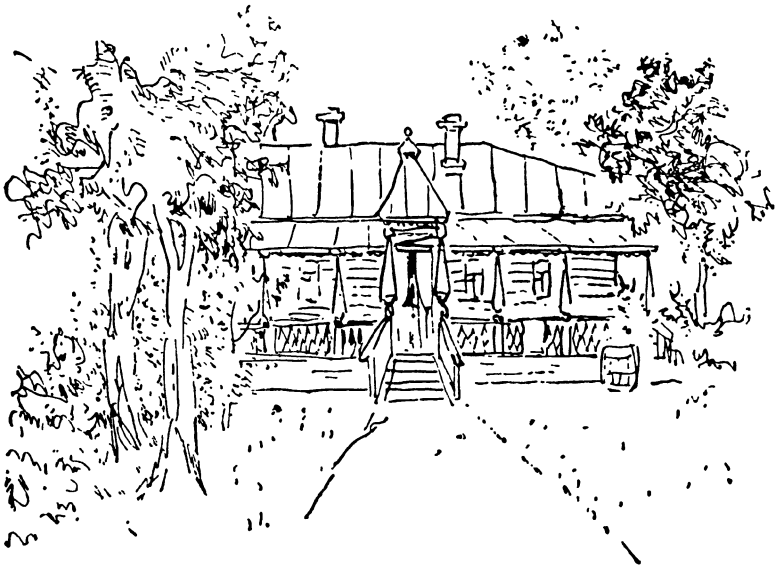
Не знает Динка, что завтра она уже не увидит на заборе знакомого елочного флажка; не знает Алина, в какую страшную ночь придется ей выполнять тайное и важное поручение Кости; не знает Мышка, сколько горьких слез прольет она о тех, кого любит...

Не знает Лина, как тяжко испытывает своих верующих пресвятая богородица; не знает Катя, что не там ищет она свою судьбу, где найдет; и не знает мать, наслаждаясь тихим материнским покоем, что не уберечь ей от горя неокрепшие сердца ее детей и никуда не уйти ей самой от тяжких испытаний...

— «Слети к нам, тихий вечер...» — поют на крыльце, и вечер слетает. А за вечером идет ночь.

Часть Вторая





Глава первая

ПОЛЫНЬ-ТРАВА

На уроке Никич показывает Динке блестящие угольники и какой-то мудреный певучий замок для ее сундука.

— Вот сделаем все в лучшем виде! — торжествующе говорит он и, сдвинув на нос очки, внимательно смотрит на девочку.— А ты что как вареная репа нынче? Вроде и не радуешься ничему? — с обидой спрашивает Никич.

— Я сержусь,— быстрым шепотом отвечает ему Динка и показывает глазами на сестер.

Старик машет рукой и отходит к девочкам. Ему обидно. Динка так торопила его с этим сундуком, что бóльшую половину работы сделал он сам, а теперь, когда осталось только приладить крышку, девчонка вдруг остыла, и даже замок со звоном ее не радует. Вон они какие, девчонки! Ни к чему у них нет устойчивого интереса...

Никич не знает, что как-то в разговоре, похвалившись Леньке своим подарком, Динка вдруг услышала обидный смех:

«Куда он мне? Что я, старая бабка, что ли? Деньги копить в нем буду? Нашла что подарить! Мне котелок солдатский да мешок за плечи — вот и все!» — весело заявил Ленька.

«Ну и будешь как нищий!» — огрызнулась Динка.

«Нищим не буду. За чужим куском руку не протяну, не бойся. Что заработаю, то и съем,— хрустнув пальцами, твердо ответил Ленька.— А сундук свой кому другому подари, он мне ни к чему!»

Динка решила подарить его Лине, но работать с тех пор ей совсем расхотелось. А сегодня ее мучили и другие мысли. Обычно после сидения с мамой на крылечке девочки делались очень ласковыми и уступчивыми. Вчера Алина даже поцеловала своих сестренок на ночь, а Динка и Мышка, не зная, чем отплатить за эту ласку, наперерыв предлагали ей свои услуги: одна тащила тазик с водой, другая держала полотенце, пока Алина не отослала их спать со строгим замечанием:

— Я не барыня, и подавать мне ничего не надо. Папа терпеть не мог неженок...

Сестры сразу присмирели и, стараясь никому больше не надоедать своими услугами, отправились спать, излив всю оставшуюся нежность друг на друга. Мышка, присев на корточки, помыла Динке ноги, а Динка отдала ей свою подушку и, уложив сестру на мягкое ложе, разлеглась на своей постели, находя, что ее голове куда просторнее без подушки. Когда пришла мама, Мышка уже спала, а Динка притворилась, что спит. Мама посмотрела на обеих девочек и вышла.

Динка не спала долго; она вспоминала мамин рассказ и легко представила себе скуластое веснушчатое лицо Кулеши. Потом мысли ее остановились на отце, но лицо его, голос и улыбка ускользали из ее памяти, а перед глазами вставала только карточка молодого железнодорожника. Живого, настоящего папу Динка никак не могла вспомнить, и от этого ей стало так обидно и горько, что захотелось плакать. К тому же этим вечером ее разобидела и Алина, сказав, что если бы папа вернулся, то Динка даже не узнала бы его...

А потом еще и Мышка вдруг вспомнила, что когда она переходила улицу с папой, то ей ничего не было страшно, потому

что папа держал ее за руку. А она, Динка, всю свою жизнь перебегала улицу под самым носом извозчиков, и никакой папа не держал ее за руку... Конечно, если бы папа вдруг приехал домой, она могла бы и не узнать его... «Кто этот дядя?» — спросила бы она тогда у Мышки. И папа не узнал бы свою дочку. «Что это за девочка?» — спросил бы он у мамы...

Динка долго не спит, и горечь, переполняя ее сердце, ищет виноватого. Но если виновата сама жизнь, то трудно обвинять кого-нибудь из людей — может быть, только дедушку Никича за то, что он отобрал папину карточку и держит ее у себя... Если она, Динка, не будет смотреть на карточку, то действительно может так случиться, как сказала Алина.

Девочка заснула расстроенной и сердитой, утром обида ее окончательно пала на дедушку Никича, и, с трудом дождавшись ухода сестер, она сразу подступила к старику с угрюмым требованием:

— Отдавай папу! Зачем у себя прячешь? Что ты ему, дочка какая, что ли?

От грубого тона ее и неожиданности старик опешил.

— Что ты, что ты...— забормотал он.— Какая дочка? Что тебя укусило нынче?

— Отдавай папу! Ты, верно, хочешь, чтоб я его совсем не узнала никогда? Да? — снова закричала Динка. Из сердитых глаз ее, как бисер, разбрызгивались по лицу быстрые мелкие капельки слез.

— Бог с тобой! — испугался Никич.— Разве я прячу твоего папу?! Я ведь просто так, берегу для памяти. Ведь единственный друг он мне!

— Врешь! — топнула ногой Динка.— Я тебе тоже друг! И мама! И все мы друг тебе! Отдавай без разговоров!

Старик покорно вытащил из-под подушки старенький, потертый бумажник и извлек оттуда карточку.

— Бери,— с горечью сказал он.— Грубиянка ты, а не друг...

Динка схватила карточку и, даже не взглянув на нее, вышла. Потом вернулась.

— Пусть в моем сундучке лежит. Я уносить не буду. Когда хочешь, тогда и смотри,— милостиво сказала она и, положив карточку в свой сундучок, добавила: — Вот там, за палаткой, будет, под трехногим столом, чтоб дождь не намочил.

Никич махнул рукой.

— Где хочешь,— сухо сказал он.

Динка вынесла сундучок и поставила его за палаткой, под столом, который Никич все лето собирался починить.

— Вот здесь будет! — крикнула она еще раз.— А то ты спишь иногда, к тебе нельзя, а мне посмотреть захочется...

Старик молчал. Динка вытерла подолом слезы, посидела около сундучка и, так и не взглянув на карточку, ушла.

Никич, услышав ее шаги, покачал головой с обиженным и недоумевающим видом.

«Ну, Саша... горе тебе с ней будет... Не девчонка это, а полынь-трава. Полынь-трава...» — разводя руками, горестно подумал старик.

Глава вторая

ФЛАЖКА НЕТ!

Жаркий полдень сушит на деревьях листья, отяжелевшие от зноя ветки бессильно свешиваются на забор, синими, оранжевыми глазками мелькают в кустах сережки, в глубокие щели между досками видна сбегающая вниз тропинка... Динка внимательно оглядывает угол забора; присев на корточки, шарит в траве... Нет флажка! Может быть, Ленька снова уехал в город продавать рыбу? А может, он просто сидит на пристани и ждет пассажирского парохода, чтобы понести кому-нибудь вещи и заработать немного денег?

Девочка тоскливо слоняется вдоль забора от одного угла к другому, поминутно взглядывая на тропинку, потом она бежит домой узнать, сколько времени, и, в надежде увидеть Ленькин флажок, возвращается назад. Но флажка нет...

«Может быть, приехал из города хозяин баржи и Леньке никак нельзя уйти?» — с тревогой думает Динка. Не побежать ли ей самой на пристань? Но Лина уже накрывает на стол; лучше уйти после обеда, а то ее начнут искать... хотя искать ее сегодня некому. Катя с утра получила какое-то письмо и заперлась в своей комнате; Алина ушла к своей подруге Бебе; Мышка читает... Но лучше все-таки уйти после обеда. Динка бросает взгляд на белеющую за деревьями палатку. Из-за папы она поссорилась с Никичем, а потом даже не взглянула на

карточку и ушла. Просто спрятала папу в сундук за палаткой, не хотела смотреть на него и показываться ему с таким злющим, красным лицом. Хорошая дочка, нечего сказать! Такую дочку папа гнал бы от себя за три версты. А если бы он еще слышал, как она разговаривала с Никичем, так и вовсе отказался бы... Динка вспоминает растерянное лицо старика и трясущиеся пальцы, которыми он как-то суетливо вытаскивал карточку из своего старенького бумажника.

«Почему мама не купит ему новый бумажник?» — с раздражением думает она, пытаясь уклониться от тяжелого сознания своей вины перед стариком.

Пойти бы да помириться... Но так, сразу, ничего не бывает. У людей такие длинные обиды, что они растягиваются иногда на целую неделю. Смотря, верно, как обидеть... Уж она-то натопала и накричала не меньше, чем на неделю. Давай папу да давай папу! Никич даже испугался сразу — мог бы и умереть на месте.

Динка поднимается на цыпочки и смотрит через забор... Не идет Ленька... Может, он тоже за что-нибудь обиделся на нее и теперь не хочет больше водиться? А если сейчас еще не обиделся, так когда-нибудь обидится, потому что она вспыльчивая... Вот это, конечно, полезный совет — сунуть голову в ведро с водой. Но, во-первых, не будешь же всюду за собой это ведро таскать, а во-вторых, если человек дурак, так все равно он раньше накричит всяких глупостей, а потом уже сунется головой в воду...

Динка мрачно усмехается. Тонула одна такая дура — ну и пусть бы себе тонула! Дур вытаскивать нечего...

С террасы слышен голос Лины. Вот уже и обед!

Динка нехотя идет домой. Алина уже пришла и сидит за столом. Мышка ест и читает. Катя молча разливает всем суп; она такая бледная и невеселая, что никому не хочется разговаривать. Динка ест быстро-быстро, обжигаясь супом, и, еще не закончив его, протягивает свою тарелку за вторым блюдом — ей кажется, что на заборе уже появился флажок и надо торопиться.

— Не жадничай! — говорит ей Алина.

А Катя молчит, и Динка, покончив с едой, беспрепятственно вылезает из-за стола. Издали, сквозь кусты и деревья, ей чудится знакомый флажок.

«Пришел Ленька!» — радуется она.

Но у забора пусто, только в самом углу на столбе прыгает какая-то веселая птичка. Сердце у Динки сжимается тяжелым предчувствием. Ждать больше нечего. И, нырнув в лазейку, она мчится вниз по тропинке.

Глава третья

ТРЕВОГА

Серое облако медленно проплывает над утесом, бросая тень на большой камень, неподвижны черные ветки засохшего дерева, в душном, стоячем воздухе не шелохнется ни один куст...

— Лень! Лень! — громко зовет Динка.

Может, он просто не слышит ее голоса? Может, он всю ночь рыбачил вместе с Федькой и теперь спокойно спит в своей пещере под большим камнем? Но почему же не перекинута доска? Может быть, он втащил ее на утес?

Динка нащупывает под кучей валежника доску... Нет, Леньки здесь нет. Значит, он на барже и не может уйти, потому что приехал хозяин... Хозяин!

Перед Динкой встает страшное бородатое лицо и тяжелый волосатый кулак. «Побил!» — с ужасом догадывается она и, всплеснув руками, бежит к пристани. Колючие кусты загораживают дорогу, бесконечная тропа то падает вниз, то подымается вверх, в памяти мелькают какие-то опасения Леньки, что хозяин вернется и не застанет его на барже... и еще что-то о крупе, которую подъел у хозяина Ленька. Может, за это побил он его? А может, еще не побил, а просто не велит уходить с баржи?

Динка, запыхавшись, останавливается и, раздвинув ветки, ищет глазами баржу. Но отсюда ей видна только пристань, около нее маленький буксирный пароходик, за ним качается на воде длинный плот, какая-то баржа стоит у другой пристани, из Самары идет пароход «Надежда»...

Динка бежит дальше. Вот наконец и спуск. Но где же Ленькина баржа? Отсюда ее было хорошо видно... Неужели она ушла? Ушла, уплыла... А Ленька? Где Ленька? На берегу стоят двое мальчишек. Динка спускается на берег и бесстрашно бежит к ним.

— Трошка, Трошка! — кричит она еще издали.— Где баржа? Вот эта, что была тут... Ленькина? Где она?

Мальчишки, ухмыльнувшись, переглядываются.

— Грузится баржа... Уезжает твой Ленька! — злорадно сообщает девочке Минька.— Тю-тю твой защитник!

Но Динка смотрит на Трошку — она не хочет слушать Миньку, она словно не замечает его рядом.

— Трошка... баржа... ушла? — задыхаясь от волнения, повторяет она.

И Трошка, польщенный ее неожиданным доверием, смягчается:

— Да не ушла еще. Грузится сейчас... Вон буксир стоит. Он ее и возьмет... Плот да ее... Пойдем, покажу.

Он медленно поворачивается и вперевалку идет к причалу, где стоит баржа. Минька, озадаченно поглядывая на товарища, следует за ним.

— А ты что, не знала? — спрашивает девочку Трошка.

Та молча мотает головой и, обгоняя обоих мальчиков, бежит вперед.

Тревога ее сменяется надеждой. Баржа грузится, баржа уходит. Но Ленька не уйдет, Ленька сбежит. Завтра утром они опять будут сидеть на утесе, а баржа с бородатым чудовищем будет плыть все дальше и дальше по Волге... Щеки Динки вспыхивают румянцем, в глазах появляется лукавый огонек. Вот как испугалась она! Бежала, бежала... И даже с Трошкой от страха помирилась!

Динке делается смешно, и, тихонько фыркнув, она поворачивается к мальчикам.

— Гляди! Смеется!..— удивленно тараща на нее глаза толкает товарища Минька.

Трошка настороженно морщит лоб и замедляет шаг.

— Трошка, спасибо тебе! Ты добрый, Трошка... Я побегу вперед, ладно? — весело кричит Динка и, махнув рукой, оставляет мальчиков далеко позади.

— То ревет, то смеется... Настоящая Макака... Малахольная! — сплюнув в сторону, говорит Минька.

Трошка не поддерживает товарища и не ускоряет шаг, чтоб догнать девочку, но маленькие быстрые следы на песке невольно ведут его за собой.

Глава четвертая

СИНЯЯ БОРОДА

Баржа действительно грузится. Палуба ее загромождена железными бочками; от причала отъезжают пустые телеги, возчики лениво взмахивают кнутами, мохноногие лошади покрыты мыльной пеной.

Динка осторожно пробирается на причал и, прячась за бочками, ищет глазами Леньку... Около перил толкутся не занятые погрузкой рабочие. Заскорузлые от пота, рваные рубахи едва прикрывают их черные жилистые плечи и выступающие ребра. Почесываясь и сплевывая в воду обсосанные цигарки, они перебрасываются короткими замечаниями, сопровождая их крепкой руганью.

— Троих человек изо всей артели взяли, гады эдакие! Надрываются наши с утра, а мы без дела сидим!

Чистенький приказчик в сером пиджачке и узких ботинках суетливо взбегает по сходням; обмахиваясь картузом, шныряет между бочками.

— Аккуратней, аккуратней, ребятишки! Плотнее одну к другой устанавливайте! — командует он высоким, визгливым голосом.

— На эдакую тяжесть не меньше как десять человек надо бы, а он, гад, купецкие денежки бережет,— сплюнув, говорит худой скуластый парень, провожая недобрым взглядом суетливого приказчика.

— Сговорились, сволочи! — хмуро добавляет другой.

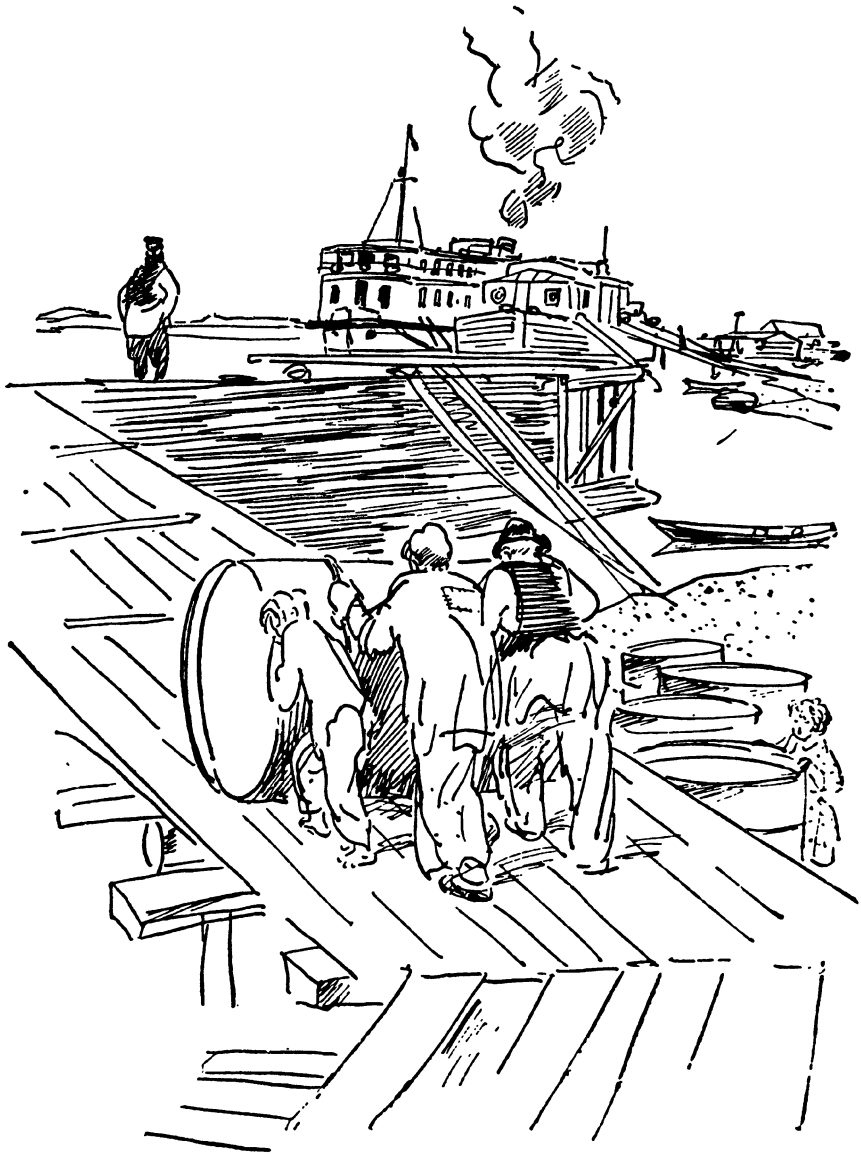
— Ясно, сговорились... Купцу-то небось всю артель в счет поставят, а лишку — себе в карман. Знаем мы это дело, не впервой... Богатеют на нас, проклятые! — мрачно поясняет третий, глядя на товарищей мутными запавшими глазами.

— Надо было нам с бочки договариваться, а так только зря своих ребят мучаем!

— Поди, договорись с ими! И так два часа торговались! — обрывает разговор пожилой грузчик.— Заладили в одну душу: других возьмем. Ну, что ты будешь с ими делать?

— Одно слово — кровососы...— добавляя смачное ругательство, говорит скуластый парень.

Трое грузчиков медленно спускаются по сходням и, о чем-то



советуясь между собой, останавливаются внизу около бочки.

— Не под силу, видать... Може, еще кого возьмут? — с надеждой говорит пожилой грузчик.

— Глянь, глянь, робя! Хозяин подошел... Морда кирпича просит, сапоги с глянцем, борода, как у павлина хвост... Не нам чета! — с ненавистью говорит один грузчик, указывая товарищам на палубу.

Динка поднимается на цыпочки. По сходням, тяжело ступая, спускается Гордей Лукич. Густая черная борода закрывает половину его лица. Динка со страхом и ненавистью смотрит на бороду хозяина, ей кажется, что именно из-за этой злодейской бороды так страшен всем этот человек.

«Он — Синяя борода!» — с ужасом догадывается Динка, и по спине ее пробегают мурашки.

— Ну, чего стали? — кричит Гордей Лукич на грузчиков, обтирая голенища своих сапог сложенной вчетверо мокрой веревкой.— Потяжеле грузили, и то ничего, а тут стали... Только время провожаете зря!

— Время, хозяин, и нам дорого. Не об том речь,— переминаясь с ноги на ногу, говорит один из рабочих, кивая головой товарищам.

— В чем дело? — подскакивает к нему приказчик.

— Да, вишь ты, сходни крутые, замучились мы! Бери еще одного человека в помочь! Не одолеть нам никак,— вытирая рукавом пот, объясняет рабочий.

— Бери еще одного человека, хозяин! Вон из нашей артели ребята без дела стоят. Чего жадничаешь?

— С утра животы рвем на ваших бочках! Совесть надо иметь!

— Бери еще двух человек али хоть одного, в крайности! — раздаются голоса грузчиков.

— Куда еще? И так вас трое около одной бочки топчется! — гремит голос Гордея Лукича.— Не будем мы никого брать! Вон мой парнишка поможет... Эй, Ленька!

Динка с беспокойством вытягивает шею и пробирается ближе к сходням. На палубе мелькает голова Леньки. С ведром и тряпкой в руке, он торопится на зов хозяина. Задерганный с утра грубыми окриками, потный, взъерошенный, Ленька

кажется таким маленьким и жалким рядом с мощной фигурой Гордея Лукича, что среди грузчиков раздаются смех и язвительные шутки.

— Ты еще воробья найми, хозяин! Воробей, он те живо все бочки перетаскает и денег не спросит!

— Грудного найми, этот великоват вроде.

— Я вам покажу, как лясы точить! — свирепеет хозяин.— Задаром денежки получать хотите! Грузи мне немедля, а то всех погоню отседова! Я вами не нуждаюсь! В другой артели народ возьму! Кому брюхо подвело, тот и за копейку прибежит!

Взгляд Динки снова приковывается к злодейской бороде. Забывшись, она выдвигается вперед и, закинув вверх голову, напряженно вглядывается в лицо хозяина... Черная гущина бороды с тугими барашковыми колечками кажется ей надежной зацепкой. В голове проносится быстрая мысль:

«Если бы вскочить... сначала на сапог... потом ухватиться за жилетку...»

Пальцы Динки нервно сжимаются, но зычный голос хозяина приводит ее в себя.

— Ну, живо берись! А не хошь, заворачивай оглобли! — грозно кричит он на рабочих.

Грузчики с глухим ропотом возвращаются к бочке.

— Берись, робя... С паршивой овцы хоть шерсти клок,— вздохнув, говорит один.

«Бедные эти робя»,— сочувственно думает Динка, глядя, как грузчики, поплевав на ладони, берутся за бочку.

— Стой! Стой! — расталкивая их, кричит вдруг высокий курчавый парень в грязной тельняшке.— Бросай погрузку! Мне одно слово шепнуть, и ни одна артель сюда не пойдет! Бросай, робя! Пусть сами грузят! Нечего над людьми измываться!

— А ты кто такой есть? Чего народ смущаешь? — наступает на него Гордей Лукич.

— Как это можно погрузку бросать? Какое твое полное право здесь распоряжаться? — визжит приказчик.— Не слушайте его, братцы! Кто бросит, тому ни гроша не заплачу! Верное слово, не заплачу!

— Бросай, робя! Мы свое возьмем! — настаивает парень.

Грузчики в нерешительности оглядываются на товарищей.

— Бросай, ребята! — возбужденно кричат оттуда несколько человек.

Но от перил отрывается пожилой грузчик и отводит парня в сторону:

— Пущай грузят, Вася. Не тронь их! Они ведь с утра работают, а глядишь, и правда не заплатят ироды, вот те вся артель без обеда останется... Сам знаешь, боле взять негде,— заглядывая парню в глаза, говорит он и, обращаясь к остальным, громко добавляет: — Не шумите зря, робята! Три бочки осталось, пущай грузят, него там!

— Пущай грузят! Чего теперь бросать! — соглашаются товарищи.

— Эх, вы! — машет рукой парень.— Неправильно это! Учить их, кровососов, надо, а вы об обеде думаете!

— Отойди, отойди! — кипятится приказчик.— Буксир отходит! Грузите, братушки!

— Ну? — дергает бороду хозяин.— Долго нам ожидать вас?

Грузчики нехотя берутся за бочку и, упираясь ногами в пол, наваливаются на нее сбоку.

— Раз-два, взяли! Раз-два, взяли! — натужно кричат они.

— Помогай! Чего стоишь! — толкает Леньку хозяин.

Ленька, путаясь между грузчиками, упирается руками и головой в бочку.

«Вот так стать бы... сначала на сапог... потом ухватиться за рукав...» — дрожа от ненависти, думает Динка.

Глава пятая

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

— Раз-два, взяли! Раз-два, взяли!

Грузчики вкатывают бочку на палубу и, установив ее в ряду других, возвращаются. Ленька, шатаясь от усталости, идет рядом с ними. Улучив момент, он быстро наклоняется к Динке и шепчет:

— Иди отсюда. Я скоро...

Грузчики наваливаются на последнюю бочку.

— Давай, давай, робя... Сейчас пошабашим и пойдем обедать,— подбадривают они друг друга.

— А ты, воробей, не мешайся тута! Чего под ногами вертишься? — сердится на Леньку пожилой грузчик.

— Чего вертишься? Знай свое место! Я те поверчусь! — подхватывает хозяин.

Динка с беспокойством смотрит, как, вытянувшись в струнку и упираясь руками в бочку, Ленька изо всех сил старается помочь рабочим.

— Раз-два, взяли! — кричат грузчики, и с каждым вскриком бочка рывком двигается с места и, поворачиваясь железными боками, медленно катится наверх...

Над Волгой снова проносится резкий гудок буксирного парохода.

— Живей, черти! — срываясь с места, кричит хозяин.

Грозный окрик его пугает Леньку, и, поскользнувшись на гладких, обкатанных сходнях, он растягивается во всю длину позади бочки.

— Ты что — пьяный? — в бешенстве кричит хозяин и взмахивает веревкой.

— Не смей! — бросается Динка, и хлесткий удар обжигает ей спину...

Болезненный, резкий крик девочки мгновенно подымает на ноги Леньку.

— Не трожь! — яростно кричит он, сжимая кулаки и подступая к хозяину.— Не трожь! Кровопиец! Палач!

Грузчики удивленно переглядываются.

— Не трожь ее! — вне себя орет Ленька.

Искаженное злобой и отчаянием лицо его синеет от крика, поднятые кулаки заставляют хозяина отступить, но, придя в себя от неожиданности, он разражается отборной руганью и, схватив Леньку за плечи, скручивает ему назад руки.

Онемевшая от ужаса Динка забывает жгучую боль в спине; спотыкаясь и падая, как подбитая птица, она бросается на помощь. Черный глянец хозяйского сапога ослепляет ей глаза, крик Леньки удесятеряет силы... Ухватившись за рукав хозяина и упираясь ногами в согнутую спину мальчика, она добирается до злодейской бороды и, вцепившись в нее обеими руками, соскальзывает вниз.

— Грузчики! Грузчики! Робя! — отчаянно кричит она, чувствуя, как рядом из последних сил бьется Ленька.

Лицо хозяина багровеет, он встряхивает головой и, освободив одну руку, хватает девочку за волосы.

— Робя! Робя! — стонущим криком зовет Динка; руки ее слабеют, но грузчики уже со всех сторон сбегаются на помощь.

Парень в тельняшке вырывает из рук Гордея Динку и передает ее товарищам.

— Отпусти парня, слышь! Отпусти мальчонку! — с бешенством кричит он, пытаясь разжать железные руки хозяина.

— Не вступай! Худо будет! — угрожающе кричит Гордей, еще крепче стискивая мальчика.

Голова Леньки бессильно падает, губы синеют... Грузчики молча обхватывают Гордея сзади и валят его на пол. Парень в тельняшке выносит из толпы Леньку и ставит его на ноги.

— Уходи отсюда. Бери сестренку,— торопливо говорит он, возвращаясь к товарищам.

Грузчики расступаются... Гордей молча поднимается с пола. Жилетка его расстегнута, ворот рубахи оторван, сбившаяся клочьями борода в пыли.

— Где приказчик? Тащи его сюда! Пусть делает расчет немедля! — командует парень в тельняшке.

Грузчики вытаскивают с баржи перепуганного приказчика.

— Братцы! Ребятушки! Давай по чести, по совести! — вопит упирающийся приказчик.

— Знаем мы твою совесть! Плати за погрузку! С бочки плати! — со всех сторон наседают на него грузчики.

— Плати с бочки! — командует парень в тельняшке.— Нам твоего не нужно, но и своего мы не упустим!

Сломленный Гордей тяжелым, мутным взглядом окидывает возбужденные суровые лица грузчиков и молчит.

Приказчик дрожащими руками отсчитывает деньги. Пожилой староста артели степенно прячет их в бумажник.

— А теперь поспешай! — насмешливо говорит хозяину парень в тельняшке.— Да гляди, боле сюда не заявляйся! Ракам скормим!

Гордей тяжелыми шагами подымается на баржу, приказчик трусливо семенит к выходу. Один из грузчиков швыряет ему вслед помятый картуз.

— Эй ты, заяц! Цилиндру свою забыл! — смеются рабочие, убирая сходни.

Буксирный пароход дает три коротких гудка. Между причалом и баржей растет глубокая черная щель.

Гордей выпрямляется и окидывает взглядом палубу.

— Ленька! — зычно кричит он.

«Ле-ень-ка!» — откликается за Волгой насмешливое эхо.

Глава шестая

ПОМИНАЙ КАК ЗВАЛИ...

От пристани медленно удаляются две фигуры. Ленька идет впереди; Динка, всхлипывая, тащится сзади. Ноги у нее словно перебиты, голова не поворачивается, спина горит.

Ленька подходит к берегу и, опустившись на колени, погружает в воду занемевшие руки.

— Как работать буду? — с отчаянием бормочет он, двигая в воде острыми локтями и поворачивая ладони.— Суродовал он меня!

Динка, всхлипывая, присаживается рядом.

— Ну, чего плачешь? — расстроенно спрашивает Ленька.— Зачем полезла не в свое дело?

Динка всхлипывает еще горше.

— Мало с кем я подерусь, дак ты и будешь завсегда соваться?

Динка поднимает залитое слезами лицо и молча кивает головой. Ленька отворачивается и безучастно смотрит на хлопотливый буксирный пароходик, который тащит за собой плот и баржу. Палуба на барже загромождена бочками. Ленька подается вперед, глаза его расширяются, щеки вспыхивают.

— Макака! — кричит он, вскакивая на ноги и указывая рукой на Волгу.— Баржа уходит! Гляди, гляди! Уходит!

Динка силится разглядеть баржу, но слезы застилают ей глаза, и она ничего не видит.

— Уходит! Уходит! — торжествующе говорит Ленька.— Без меня уходит! Я теперь вольный человек! — Он вытягивает вперед руку и трогает свои мускулы: — Работу найду! Туда-сюда кинусь! Много денег заработаю! Всего тогда накуплю тебе, Макака!

— А чего ты накупишь? — всхлипнула Динка.

— Чего хошь, того и накуплю! Игрушков али обновы какие! — весело обещает Ленька.

— Я хочу обновы,— смаргивая слезы, говорит Динка. Ей нравится незнакомое слово.— А какие они, эти обновы? — спрашивает она, заинтересовываясь будущими подарками.

— Обновы-то? — Ленька морщит лоб и склоняет голову набок.— Ну, полботинки с галошами али ситец, а то, бывает, и шелк. Я на одной барыне видал — тахта называется. Как парус, вкруг человека стоит. Красиво! Я тебе тахту куплю! — говорит Ленька, и заложив руки в карманы, гордо закидывает голову.

Изорванная рубаха клочьями свисает с его мальчишеских плеч, старые холщовые штаны пестрят заплатами, но Динке кажется, что Ленька действительно неописуемо богат и все может.

— Не надо паруса,— говорит она.— Лучше купи дом. Большой дом для всех сирот... Чтоб они там жили... Чтобы их никто не бил...

— Куплю и дом! — с гордой уверенностью говорит Ленька.— Светлый дом на тысячу окон! Соберу сирот, настановлю им всяких кушаньев вдоволь... Ладно так будет? — с улыбкой спрашивает он, присаживаясь на корточки и заглядывая Динке в глаза.

— Ладно,— говорит она, всхлипнув.

— А коли ладно, так не плачь... Больно он тебя зашиб? — участливо спрашивает мальчик.

— Больно...

— По спине вдарил?

— По спине... и голову оторвал...— жалуется Динка.

Ленька мрачно задумывается. Разговор смолкает. Динке надо торопиться домой; она вспоминает, что мама уже давно дома и, наверное, ищет ее, но дорога кажется девочке такой длинной, ей так трудно подняться. И, ощущая свое бессилие, она снова начинает плакать.

— Не плачь... Меня инда в пот кидает от твоего плача,— нервничает Ленька.

Солнце красным шаром уже садится за Волгой, когда Динка добирается домой. Проводив ее до самой дачи, Ленька горячо советует:

— Ты намочи полотенец и приложи его к спине! Он у тебя весь жар вытянет за ночь, и к утру оздоровеешь...

Динка молча кивает головой и с жалостью смотрит на озабоченное лицо Леньки. Нет, не оздоровеет уже она, не поможет ей мокрый полотенец! Не живут люди на свете без спины и без шеи. А у нее ничего уже этого нет. И недаром говорят, что когда человек умирает, то душа его расстается с телом. Динка сама чувствует, как, протянув через ее спину костлявые пальцы, смерть уже вытаскивает из ее тела бедную душу.

— Прощай, Лень,— тихо говорит она, но не уходит. Что-то еще хочется сказать ей своему другу Леньке, какие-то последние слова. Она хочет сказать, как говорят взрослые: «Не поминай лихом», но слова эти затерялись в ее памяти и взамен их напрашиваются другие.— Прощай, Лень. Поминай как звали,— скорбно говорит она и, не оглядываясь, бредет к своей калитке.

Глава седьмая

ПОТРЯСАЮЩИЕ НОВОСТИ

У калитки слышится громкий голос Кости:

— Я же сказал вам, что ничего не случилось. Мама приедет с последним пароходом. Ай-яй-яй, как не стыдно! Стоят и плачут как маленькие.

— Я не плачу,— говорит Алина.— Это Мышка...

— Я тоже не плачу, но мама никогда не опаздывала так...— прерывающимся голосом оправдывается Мышка.

— Никогда не опаздывала, а сегодня опоздала. И всегда может так случиться, потому что у мамы много всяких дел. И ты должна это понимать... Ой, Мышка, Мышка!.. Глаза у тебя распухли, нос стал красный, как клюковка. А ну, посмотри на меня! — присаживаясь на корточки и заглядывая Мышке в лицо, шутливо говорит Костя.

Девочка, смущенно улыбаясь, прячется за Алину. Динке хочется незаметно проскользнуть через калитку, но Костя сразу видит ее поникшую фигуру.

— И Динка ревет! — всплескивая руками, говорит он.— Ну, знаете, братцы, это уже трио!

Мышка переглядывается с Алиной и тихонько прыскает от смеха. Но Динку не веселит Костина шутка, она озабочена тем, чтобы пройти, не зацепившись ни за кого своей спиной. Она боится, что кто-нибудь, дурачась, схватит ее за руку, обнимет за шею...

— Дайте мне пройти,— жалобно просит она, останавливаясь в калитке и беспомощно озираясь вокруг.

— Куда тебе пройти? — весело спрашивает Костя, поднимаясь и делая шаг ей навстречу.

Но Динка машет на него руками и разражается громким плачем.

— Ну! — возмущенно говорит Костя.— Это уже чересчур! Да я вас всех троих уважать перестану! Большие девчонки — и ревут по каждому поводу! Алина! Прекрати раз и навсегда эти крокодиловы слезы!

— Динка! Прекрати сейчас же! — испуганно кричит Алина.

— Я прекращу,— плачет Динка.— Но дайте мне пройти, не трогайте меня никто!

— Да иди, пожалуйста, иди, кто тебя трогает! — удивляется Костя и, отступая в сторону, шутит: — Когда начнешь тонуть в своих слезах, крикни! Я подъеду на лодке.

— Одной лодки нам мало, Костя! — смеется Мышка.

— Нам пароход «Гоголь» нужен! — острит Алина.

А Динка, стараясь не показать, как больно ей идти, с трудом преодолевает ступеньки и, добравшись до своей комнаты, садится на край постели.

«Умираю...— тоскливо думает она.— Сидя умираю... Прощайте все...»

А в саду слышен громкий голос Кости и смех сестер. Динка чувствует вдруг глубокую жалость и любовь ко всем тем, кого оставляет навсегда. Она видит перед собой заплаканные лица матери и Мышки, испуганные глаза Алины и притихшую Катю... Она слышит громкие причитания Лины.

«Не плачьте, не плачьте!» — говорит она им, складывая на груди руки. Ей хочется сказать каждому что-то хорошее, так же как Леньке... Но в сердце ее вдруг возникает мучительное беспокойство. Дедушка Никич! Она так обидела его и теперь умирает, не помирившись. Вот, скажет он, какая! Пришла, накричала, натопала и теперь как ни в чем не бывало умерла...

Динке вспоминается папина карточка, спрятанная в сундучке. Она даже не взглянула на эту карточку. Надо пойти взглянуть и отдать ее дедушке Никичу.

«Надо обязательно пойти,— думает Динка, но каждое движение причиняет ей резкую боль.— Нет, не помирюсь я уже с Никичем, не посмотрю на папу, и никто не узнает, как мне было жалко их...»

Девочка боком сползает с кровати и, сцепив зубы, направляется к двери; терраса кажется ей очень длинной, а ступеньки крутыми. Кроме того, она боится встретить Катю. Но Кати нигде не видно...

Сумерки уже окутывают сад, и у Никича горит огонек. Динка присаживается за палаткой и вынимает из сундучка папину карточку. Лица его уже почти не видно...

«Прощай, папа!.. Так и не увиделись мы с тобой»,— хочет сказать Динка, но чьи-то тихие голоса спугивают ее. Она кладет карточку на колени и прислушивается. Может, Никич не один?

Но голоса смолкают.

«Прощай, папа!» — снова начинает Динка, но до ее слуха неожиданно долетает взволнованный шепот Алины:

— А если я узнаю, увижу его?

— Если увидишь, то сейчас же скажешь об этом Никичу,— тихо отвечает ей голос Кости.

Динка мгновенно забывает обо всем на свете и прижимается ухом к жесткому брезенту. Но в палатке уже не слышно голоса Алины. Там один Костя... Он тихонько откашливается и стучит пальцами по столу.

«Куда ушла Алина? Кого она должна увидеть?» — с беспокойством думает Динка и, морщась от боли, пытается встать. Но в палатке снова слышны голоса. Там почему-то появляется Катя. Но Катя говорит так тихо, что Динка боится пошевельнуться. «О чем говорит Катя? Может, она видела, что я сижу за палаткой?» — с ужасом думает Динка и, торопливо пряча в сундук карточку, хочет скорее уйти... Но голос Кости привлекает ее внимание.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь... Выйти замуж за нелюбимого человека... Зачем? Почему? — громко и взволнованно спрашивает Костя.

— Я уже говорила тебе... Марине трудно, у нее трое детей... Алина больная. Динка распускается с каждым днем...

«Ого!» — думает Динка.— Нашла о чем говорить! Да я уже не распускаюсь, я умираю...» — горько думает она, прижимаясь головой к палатке.

— Ты не понимаешь... Саша уже, может быть, не вернется... Я выхожу замуж ради детей. Это мой долг, Костя... Марина заменила мне мать...— тихо говорит Катя. Она говорит, как больная, и Динка с тревогой вслушивается в ее слова.

— И ты... не думаешь обо мне? О нас? Ты разлюбила меня, Катя? — глухо спрашивает Костя.

Голос Кости вызывает у Динки слезы. «Противная Катька!» — думает она. Но Катя тоже плачет.

— Я не нужна тебе, Костя....— говорит она прерывающимся голосом.— Я никому не нужна, кроме Марины и ее детей.

— Неправда! — кричит Костя.— Ты знаешь, что я люблю тебя... И ты хочешь разбить нашу жизнь! Ты хочешь выйти замуж за чужого человека! Но я не допущу этого! Ты сегодня же напишешь ему письмо...

Катя падает головой на стол, и где-то, почти рядом, Динка слышит ее рыдания.

«Коська! — хочет крикнуть она.— Не обижай Катю!»

Но Костя уже не кричит и не сердится.

— Ты сейчас же напишешь отказ...— твердо повторяет он.

Но Катя не дает ему договорить.

— Поздно, поздно...— рыдает она.— Тебя так долго не было... Я дала согласие... Он завтра приедет...

Динка широко раскрывает глаза... И голос Кости снова переворачивает ее сердце.

— Никогда,— с отчаянием говорит Костя,— никогда я не думал, что ты можешь нанести мне такой удар... Ты знаешь мою жизнь, но у меня была мечта... А теперь... ты, Катя...— Костя, не договорив, выбегает из палатки, и Динка, остолбенев от ужаса, слушает рыдания Кати.

И потому, что она не знает, кто виноват в этой ссоре, ей одинаково жаль обоих. Но Катя так плачет, что Динка начинает тихонько вторить ей по ту сторону брезента.

— Кто там? — испуганно спрашивает Катя; рыдания ее обрываются.

Динка поспешно выползает из своего убежища и, скрываясь за кустами, идет в дом. Кости уже нет.

— Он сказал, что будет ждать маму на пристани и проводит ее домой,— сообщает Мышка.

Динка с трудом забирается в свою постель. «Нет, нельзя мне умирать,— думает она, вспоминая ссору в палатке.— Надо прогнать Катиного жениха... Но как прогнать? Может, опять начнется драка?» Динка осторожно дотрагивается до своей спины и, нащупав горячий, набухший рубец, пугается: «Что делать? Я же совсем не могу драться! Может, взять длинную палку, а самой спрятаться за забором и просто шпынять этого жениха палкой, когда он полезет в калитку?»

Глава восьмая

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ

Костя встречает Марину на пристани. Дачники, приезжающие с последним пароходом, торопятся домой; перегоняя друг друга, они разбегаются по разным направлениям, и Костя с Мариной остаются одни.

— Ну как? — спрашивает Костя.

— Все хорошо,— отвечает Марина и, ничего больше не поясняя, начинает рассказывать малозначащие городские новости, потом спрашивает о детях.

— Я застал их у калитки... Динка и Мышка плакали, а Алина сдерживалась. Ну, потом я их немножко развеселил и покричал на них, так что обошлось... Но все-таки надо как-то приучить их к мысли, что вы всегда можете запоздать,— сказал Костя.

— Я скажу, что иногда меня будут задерживать в редакции,— говорит Марина.

Они проходят через пустынную базарную площадь.

— Первая партия уходит через неделю,— оглянувшись, шепчет Марина.

— А вторая? — так же тихо спрашивает Костя.

— Вторая — неизвестно. Ждут начальство... Нам сообщат,— быстро говорит Марина.

Сзади слышатся торопливые шаги, и мимо пробегают запоздавшие дачники.

— Вы сейчас зайдете к нам, Костя? — спрашивает Марина.

— Нет,— быстро отвечает Костя.— Я буду ночевать во флигеле у Крачковских. Нужно постепенно приучить сторожа к моим ночевкам... У вас есть что-нибудь для меня? — шепотом спрашивает он.

— Есть. Вы должны зайти,— так же тихо отвечает Марина.— Какой свежий вечер! А днем было ужасно душно! — громко говорит она.

Они выходят на дачную аллею; кое-где сквозь деревья видны освещенные окна разбросанных кругом дач, в тишине летнего вечера откуда-то издалека долетает до них тихая музыка.

— Проходит лето...— с грустью говорит Марина.— Сегодня утром я в первый раз заметила на листьях коричневые ободочки. Трава тоже поблекла... Я совсем не видела лета,— жалуется она.

Костя молчит и думает о чем-то своем; Марина тоже замолкает. Она очень устала и переволновалась, но на душе у нее радостно.

— В общем, я успокоилась,— говорит она, помолчав.

— А я забеспокоился,— серьезно отвечает Костя.

— Почему?

— Да потому что не все еще сделано!.. Да, кстати! Сегодня Алина наконец получила то, что я ей обещал,— вспоминает вдруг Костя.

— Да? Но я немножко побаиваюсь, что она перестарается,— говорит Марина.

— Может, и перестарается, конечно,— соглашается Костя,— но зато я совершенно уверен, что не пропустит...

— А вы серьезно думаете, что эта фигура может появиться на нашем горизонте?

— Я думаю, что может.

Разговор снова замолкает. Они подходят к калитке. Костя молча пропускает Марину вперед. На террасе горит лампа, но дети уже легли. Кати тоже не видно. Марина осторожно отворяет дверь в свою комнату, зажигает свечу и достает из-за корсажа сложенный вдвое конверт.

— Здесь записки из камер...— тихо говорит она.

Костя оживляется:

— От него тоже?

— Да, и от него... Он здоров, настроение бодрое,— коротко сообщает Марина.

— Вы просили ему сообщить о том, чтобы он был готов?

— Конечно.

— Ну, я пойду! Спасибо вам...

Марина снова провожает Костю до калитки.

— Если что-нибудь понадобится, я извещу вас,— говорит он, торопясь уйти.

Впервые за много лет дом Арсеньевых кажется ему чужим, и, одиноко шагая по кратчайшей тропинке через лес, он чувствует себя разбитым и осиротевшим.

Но Марина не знает этого. Она просто удивляется, что Костя так быстро ушел.

На дорожке слышно тихое покашливание. Около террасы появляется Никич.

— Пришла? Ну, слава богу! А я тут по-стариковски захандрил было... Смотрю на часы и думаю: ну как не приедет она нынче! — тихо говорит старик.

— Вот глупости! — улыбается Марина.— Никогда не беспокойтесь за меня. Это совсем лишнее.

Успокоенный Никич идет спать. Дети тоже спят. Одна Алина ждет мать.

— Что ты не спишь, Алина?

— Я сейчас лягу. У тебя все хорошо, мамочка?

— Все хорошо. Ложись скорей, уже очень поздно,— целуя ее, говорит мать. Она недовольна тем, что Алина каким-то болезненным чутьем всегда угадывает дела взрослых. Нехорошо это — все-таки она еще девочка.

Из сада, медленно поднимаясь по ступенькам на террасу, входит Катя.

— Где ты была? — удивляется сестра.— Я только что приехала... Заходил Костя...

— Я слышала... Он уже ушел?

— Конечно, ушел,— пожимает плечами сестра.

Оставшись наедине с Катей, она передает ей все подробности своей встречи с надзирателем тюрьмы, где сидит Николай, товарищ Кости.

— Ты знаешь, старику очень трудно быть в роли надзирателя, он давно хочет уйти и работает там только по нашей просьбе.

Я много узнала от него интересного... Между прочим, хорошо помнит Сашу...— Марина задумывается и вдруг живо говорит: — Я у них обедала... И вот посмотрела бы ты на его внучку! Такая девочка, меньше нашей Алины, а сама хозяйничает. Наварила какую-то мучную похлебку, накрыла на стол. А дед, видно, за хозяйку ее считает. «Подлей, говорит, горяченького». А потом пришел ее брат-подросток. Он на мануфактурной фабрике работает. И вот смотрю, пошел к ней за печку и вытаскивает из кармана цветные лоскутики. И она уже открыла какую-то свою коробку, запела, замурлыкала... Ну просто прелесть! Я подумала, что вот где спокойно и разумно растет ребенок. А мы отдали себя в полное рабство нашим детям и растим неженок. Ну чего я, например, как сумасшедшая лечу со службы домой? И почему мои дети стоят и ревут у калитки? Все это интеллигентщина...— раздеваясь, говорит Марина и, с удовольствием забираясь в постель, оживленно добавляет: — В общем, впечатлений много! Разных! А главное, я как-то воскресла духом. Как будто снова мы с Сашей молодые и нам надо мчаться куда-то на собрание... Вот что значит повидать настоящих людей! А ты что молчишь? — вдруг заинтересовывается она, вопросительно глядя на сестру.

— Мне нужно сказать тебе одну вещь... о себе,— нерешительно говорит Катя.— Только ты не волнуйся и не сердись, но... завтра приедет Виктор.

— Какой Виктор? — морща лоб, спрашивает Марина.

— Ну, Виктор... Сахарная голова...— хмуро поясняет Катя.

— Ах, тот! Зачем же он приедет? Ты ведь написала ему письмо... Ай-яй-яй!.. Неужели еще надеется, бедный? — с сочувствием говорит Марина.

Катю раздражает сочувствие сестры.

— Ни на что он не надеется, он мой жених! — словно бултыхнувшись с размаху в холодную воду, неожиданно объявляет она.

— Подожди... Ты дала согласие стать его женой? — быстро и требовательно спрашивает сестра.— Когда?

— Я написала ему письмо...— упавшим голосом отвечает Катя.

Марина, широко открыв глаза, молча смотрит на бледное,

убитое лицо сестры и, медленно сплетая и расплетая свою косу, тихо спрашивает:

— Зачем ты это сделала, Катя?.. Только не лги... В детстве ты всегда говорила мне правду... Зачем ты это сделала?

Катя закрывает лицо руками и молчит.

— Катя,— бросаясь к ней, горячо говорит сестра,— скажи, что случилось? Я видела, как ты металась эти дни, но я не понимала... У тебя что-нибудь произошло с Костей?

— Нет-нет...— отворачиваясь, говорит сестра, и на глаза ее набегают слезы.— Костя тут ни при чем. Я просто решила, что так будет лучше для меня, для нас всех... Мы всегда будем вместе. Вместе будем воспитывать твоих детей...— тихо говорит Катя.— Я смогу помочь тебе...

Марина с ужасом смотрит на нее и, опустив руки, медленно качает головой:

— Никогда ни я, ни мои дети не примут такой помощи. Слишком дорогой ценой будет заплачено за нее, Катя... Но мне кажется — я все поняла...

— Нет-нет, ты ничего не поняла! — пугается сестра.

— Нет, Катя, я поняла. Ты не веришь, что вернется Саша... Ты боишься за меня, за детей... Ты не веришь! — с болью говорит Марина.— Я всегда вижу в твоих глазах это неверие... и, помнишь, тогда, когда я мерила любимое Сашино платье... и всегда... Я только молчу, я не хочу говорить об этом, я очень берегу эту уверенность в том, что Саша вернется, и в том, что все еще будет хорошо. Я всегда смотрю вперед и вижу только хорошее... Я, Катя, вижу...— Марина подняла голову, крупные слезы медленно катились из ее сияющих глаз.— Я вижу не только себя и Сашу... Я такое хорошее вижу...

— Ну, так чего же ты плачешь? — обнимая ее, ласково усмехается Катя.— Видишь хорошее и плачешь!

— Так от хорошего и плачут,— улыбнувшись и вытирая слезы, сказала Марина.— Я от плохого не заплачу, нет! И я не боюсь жизни. Я не боюсь бедности! Мне наплевать, что у меня нет денег! Я буду кормить своих детей мучной похлебкой и не заплачу! Потому что вот тут у меня...— Марина прижала руку к сердцу и замолчала.

Катя тоже молчала, думая о своем.

— Ну хорошо,— нетерпеливо сказала Марина.— Я считаю,

что ты сделала глупость, и надо ее исправлять. Жаль Виктора! Это действительно хороший, мягкий человек. Но еще больше жаль Костю. Мне просто будет стыдно и больно смотреть в глаза Косте, если он узнает, что ты собиралась сделать.

— Но он знает... я сказала ему,— с отчаянием прошептала Катя.

— Ты сказала? Ты решилась сказать любимому человеку, что выходишь замуж по расчету?

— Я все сказала... и он ушел... Он уже не вернется... Все равно... у меня уже ничего нет, Марина! — вытирая слезы, прошептала Катя.

— Да... На его месте я не простила бы этого,— безжалостно сказала Марина.— Когда ты сказала ему?

— Сегодня...

— Бедный Костя! Он так поспешно ушел... Сейчас, конечно, не спит... А у него столько дела, столько нужно ему душевных сил, напряжения! — задумчиво сказала Марина и, глубоко вздохнув, махнула рукой.— Другая девушка пошла бы за ним на край света...

Катя молча плакала. Старшая сестра накинула на себя халат и, выдвинув ящик стола, бросила на стол конверт и бумагу.

— Что ты хочешь делать? — спросила Катя.

Но Марина быстро-быстро настрочила несколько строк, запечатала конверт и сухо сказала:

— Завтра я разбужу Алину и скажу, чтобы она передала это письмо Виктору. Я прошу его, чтобы, прежде чем говорить с тобой о замужестве, он постарался повидать меня. Вот и все!

Глаза у Кати посветлели.

— А я запрусь в своей комнате,— сказала она.

— Почему? Это совсем неудобно. Можешь поговорить с ним об отвлеченных вещах.

— Ну, еще бы! Сидеть друг против друга, как два дурака! Мне совершенно не о чем с ним говорить! — возмутилась Катя.

— А о чем же ты говорила бы, если бы он оставался твоим женихом? — язвительно спросила сестра.

— Мало ли о чем! Прежде всего мы обсудили бы мое условие.

— Какое условие? — удивилась Марина.

Катя вынула из-под подушки листок, на котором крупным четким почерком было написано несколько слов.

— Я хотела поставить ему условие...— сказала она.

Сестра взяла у нее из рук этот листок и медленно прочла вслух:

— «Никогда не разлучать меня с теми, кого я люблю...» То есть с Костей? — лукаво спросила она и, разорвав на мелкие части листок, бросилась в постель.— Все это глупости, Катя! Давай спать!

Через полчаса обе сестры спали.

По лицу младшей бродила счастливая улыбка.

Глава девятая

НОЧНЫЕ ПРИВИДЕНИЯ

Ночью Динка жалобно стонет. Мышка в длинной ночной рубашке подходит к постели сестры и, наклонившись над ней, тихонько шепчет:

— Проснись... Тебе снится что-то страшное... Проснись скорей...

Динка открывает глаза, и белеющая в темноте Мышка кажется ей слетевшим ангелом, собирающим на земле души умерших.

«Он душу младую в объятиях нес»,— смутно припоминает она и изо всех сил отталкивает от себя склонившегося над ней «ангела»:

— Не хочу!.. Не дам! Пошел вон отсюда!

Но «ангел» не отходит.

— Диночка! Диночка, проснись...— шепчет он, обнимая ее плечи теплыми руками.

Динка круто поворачивается на живот и, прижимая к груди подушку, старается спасти свою «душу».

— Пошел вон! Пошел вон! — сонно бормочет она, не поднимая головы.

— Кто «пошел»? Это я, Мышка. Это я... я...— теребит ее сестра.

Динка с трудом поднимает голову и приоткрывает один глаз.

Мягкие волосы Мышки падают ей на лицо, и, узнав сестренку, она сонно спрашивает:

— Улетел он?

— Кто? — смеется Мышка.

— Да вот этот...— Динка подозрительно вглядывается в темноту, но она уже понимает, что никакого ангела не было, что он только снился, и, замолкая, прислушивается к тупой боли в спине.

— У тебя горячий лоб... Может, разбудить маму? — тревожится Мышка.

— Нет-нет! Я не заболела, я просто упала с дерева, и один кривой сучок хлестнул меня по спине...— быстро сочиняет Динка.

— Кривой сучок? Палка?

— Нет, просто ветка... Ну, как мокрая веревка,— со стоном объясняет Динка.

Мышка фыркает в кулачок:

— Да тебе приснилось все это!

— Мне не приснилось... только ты не говори никому... У меня распухла вся спина.

— Да где? Покажи.— Мышка осторожно дотрагивается до ее спины.— Ой... здесь и правда... что-то возвышается! — испуганно говорит она.— Надо разбудить маму!

— Не надо. Мне бы только мокрый полотенец приложить...

— Полотенце? Но здесь нет воды,— оглядываясь, шепчет Мышка.

— Так принеси. Самой холодной, из кадушки.

— Из той, что в саду? Но сейчас там темно. Я утром принесу...

— Утром? А ночью пускай я умру, да? — с упреком говорит Динка.

Мышка, поеживаясь, берет в углу тазик.

— Иди через окно. Тут невысоко,— шепчет ей Динка.— Открой окно!

Мышка открывает окно и с робостью смотрит в черноту сада... Потом, прижав к себе таз и неловко сползая с подоконника, прыгает на землю. Ощущение полного одиночества охватывает девочку. Зажмурив глаза, чтобы не видеть выступающие в темноте кусты и деревья, Мышка осторожно обходит террасу.

Собственные крадущиеся шаги кажутся ей чужими, словно какой-то неведомый зверь идет за ней по пятам. Выгнанная из теплой норки, Мышка пугливо принюхивается к свежим запахам ночи и затаив дыхание робкими шажками двигается вперед. Достигнув бочки, она набирает воды и, выставив перед собой, словно для защиты, таз, медленно идет обратно... Но за углом террасы перед ней вдруг вырастает длинная серая тень... Она кажется огромной летучей мышью, и девочка вместе с тазом бессильно опускается на дорожку.

— Кто это? — испуганно спрашивает тень и на всякий случай отступает за дерево.

— Это... я...— загораживаясь тазом, пищит Мышка.

Из темноты, запахиваясь в одеяло, выходит Алина.

— Зачем ты вышла? — недовольно спрашивает она.

— Я за водой! — обрадовавшись этой неожиданной встрече, отвечает Мышка и, осмелев, в свою очередь спрашивает сестру: — А ты зачем?

Но Алина не отвечает и, волоча по ступенькам одеяло, поднимается на террасу. Мышка торопится к своему окошку и, подняв над головой таз с водой, шепотом взывает к сестре:

— Динка... возьми скорей!

Динка, сцепив зубы, лезет на подоконник, принимает таз и спускает сестре маленький стульчик.

— Неумеха... А еще говорила, что наши дедушки были обезьянами! — ворчит она, превозмогая боль и втаскивая Мышку в комнату.

— Не дедушки, а позадедушки еще...— дрожащим голосом поясняет измученная ночным путешествием Мышка.

— Ладно. Мочи́ скорей полотенец...— не слушая ее объяснений, торопит Динка.

Мышка мочит полотенце и с нежной заботливостью сестры милосердия раскладывает его на Динкиной спине.

— А в саду была Алина. Она в сером одеяле... А я думала — летучая мышь...— шепотом рассказывает Мышка.

— Алина?

Динка сразу вспоминает палатку и потрясающие новости вчерашнего вечера. Кого ищет ночью Алина? Но это можно узнать потом, а вот Катя... Катю надо спасать от жениха немедленно.

— Мочи́, мочи́ полотенец...— торопливо повторяет она сестре.— Мне уже лучше. Но я должна совсем выздороветь... Завтра я скажу тебе что-то очень важное... Ты только мочи́ и прикладывай!

Мышка мочит и прикладывает, терпеливо превозмогая сон и усталость... Динка давно спит, предоставив ее заботам свою спину.

Перед рассветом, сжавшись в комочек, засыпает и Мышка.

Глава десятая

ВАЖНЫЕ И ТАЙНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ

Утром мать будит старшую девочку:

— Алина! Я сейчас уезжаю... Мне необходимо дать тебе одно поручение.

Алина, потягиваясь, открывает сонные глаза, но, услышав слово «поручение», вскакивает и хватает свое платье.

— Подожди... Куда ты? Еще рано... Вот письмо... Сегодня к нам должен приехать Виктор Николаевич... Ты помнишь его?

— Конечно. Сахарная голова?

— Ну да. Слушай внимательно: ты передашь ему это письмо сразу, как только он приедет. Поняла?

Алина кивает головой. Ей хочется спросить, что заключается в этом письме, но она сдерживается. Поручение нужно выполнять не спрашивая.

— Не беспокойся, мамочка. Я все сделаю, как нужно,— обещает она.

— Ну, спасибо. А сейчас ложись, можешь еще доспать! — целуя ее, говорит Марина и поспешно бежит по дорожке. За калиткой мелькают голубые незабудки на ее шляпке и острый шпиль легкокрылого зонтика.

Алина больше не ложится.

Прислушавшись к полной тишине в доме, она запирает свою дверь на крючок и вынимает из-под матраса завернутую в газетную бумагу фотографическую карточку. Расстелив на коленях газету, она осторожно и брезгливо, словно касаясь чего-то скользкого и противного, берет двумя пальцами карточку и подносит ее к глазам. Узкое, длинное лицо с тонкими губами

и лишенные всякого выражения, застывшие глаза поражают Алину.

— Белоглазый...— тихо шепчет она.— Человек с белыми глазами... сыщик... предатель...

Взгляд ее тщательно обследует завязанный бабочкой галстук, узкий пиджак и сложенные на коленях руки.

«Жаль, что я не спросила Костю, какого он роста,— озабоченно думает она, снова возвращаясь к длинному лицу и странному выражению пустых глаз.— Какое это выражение? Никакое... Я узнала бы его из тысячи... Я не ошибусь»,— вглядываясь в лицо незнакомого человека, волнуется Алина. Ей представляется эта фигура, крадущаяся вдоль их забора, прячущаяся за калиткой, осторожно перебегающая от дерева к дереву на ближайшей аллее...

Закрыв глаза, девочка снова и снова восстанавливает по памяти черты белоглазого человека. Она хочет изучить это лицо так тщательно, чтобы днем и ночью мгновенно, без ошибки отличить его от других.

Но где-то уже слышатся голоса, и Алина, поспешно спрятав карточку, выходит на террасу. Дважды намыливает она руки мылом и добросовестно трет их пемзой. Потом, вернувшись в свою комнату, с любопытством разглядывает узкий мамин конверт. Интересно, что это за письмо? Почему так срочно нужно передать его? Мама сказала: «Сразу, как только приедет». Почему же так, сразу? Это даже неудобно — открыть гостю калитку и ни с того ни с сего сунуть ему под нос письмо... Ни шагу дальше, читайте!

Алина весело фыркает. Вот как хохотали бы они вместе с Бебой над этим смешным положением! Но ничего этого Беба никогда не узнает. Не узнает она и о тайном поручении Кости, о том, что под матрасом, на котором спит ее верная подружка, лежит в газетной бумаге карточка настоящего предателя, сыщика... Ничего этого не узнает Беба. Потому что есть на свете вещи превыше дружбы и любви...

И только, может, когда-нибудь, обливаясь горькими слезами, Беба передаст ей в тюрьму запеченный в хлебе томик Пушкина.

«За что посадили твою подружку Алину?» — спросят ее девочки в гимназии. «Она выследила и поймала самого главного предателя!» — с гордостью ответит Беба.

А Алина будет стоять в камере в своем коричневом форменном платьице, заложив назад руки и прислонившись спиной к сырой стене, совсем как княжна Тараканова...

И на допросе она скажет только:

«Я дочь своего отца...»

Громкий стук в дверь нарушает мечты Алины о тюремной решетке.

— Вставай, покушай горяченьких пирожков! Уже давно все чай отпили! — кричит Лина.

Глава одиннадцатая

СОВЕТ ДРУГА

Динка вылезает из-за стола и с недоеденным пирогом пробирается в конец сада.

«Может, Ленька пришел... Ведь Синяя борода уехал!» — с радостным чувством думает она.

Ленька действительно сидит под забором, обхватив руками коленки и скучно жуя травинку.

— Лень! — окликает его Динка.— Ты уже пришел? А я не умерла! Вот гляди! — весело заявляет она, прижимая к щели свежеумытое лицо.

Промерзший за ночь и отогревшийся на солнышке Ленька с удовольствием смотрит в синие лукавые глаза подруги.

— Ну, отошла? Не плачешь больше? — с улыбкой спрашивает он.

Динка мотает головой:

— Не плачу. Мне чуть-чуть больно. Просто нельзя зацепляться спиной. А больше ничего!.. На, укуси! — протягивая через щель Леньке свой надкусанный пирог, предлагает она.

Ленька меряет глазами оставшийся кусок и, осторожно надкусывая самый краешек, отодвигает Динкину руку:

— Ешь сама... А я пойду, а то утрешний пароход уже был... Не пропустить бы второй...

— А ты завтракал, Лень? — беспечно спрашивает Динка.

— Давно! — смеется Ленька.— Лягушка варила, мышь подносила... Вот заработаю, так и позавтракаю. Придешь на утес? — уходя, спрашивает он.

Динка вдруг вспоминает жениха.

— Нет-нет, Лень! — энергично мотая головой, кричит она.— У меня сегодня опять драка. Вот иди, что я тебе скажу! Протяни сюда свое ухо!

Ленька возвращается и, привалившись боком к щели, недовольно спрашивает:

— Ну, чего там еще?

— Нет, ты ухо давай! Я не могу громко!

Динка обеими руками тащит к себе Ленькино ухо и, приложившись к нему губами, быстро и неразборчиво начинает рассказывать.

— Да погоди ты... Оторвешь ведь. Тащит, как лошадь за узду, и не поймешь ничего...— освобождаясь и почесывая свое ухо, ворчит Ленька.

— Да чего ты не поймешь?! Я тебе говорю: мне надо гнать же-ни-ха,— оглянувшись, раздельно повторяет Динка.

— Какого жениха?

Динка снова оглядывается по сторонам и тихо шепчет:

— Катиного...

Ленька изумленно вскидывает брови и пугается:

— Ну, ты, знаешь, не путайся... Женихов приманывают, а она — гнать! Да тебе мать так за это поддаст, что ты сроду свою спину не вылечишь! Берет он вашу Катю, ну и пусть берет! Ты-то чего не в свое дело лезешь?

— Так они плачут... Они не хотят совсем... И Катя плачет, и Костя сам плачет...— расстроенно поясняет Динка.

— Так с чего ж бы это? Свадьба — не похороны,— пожимает плечами Ленька.— Силком, что ли, вашу Катю отдают?

— Да она сама себя силком отдает. Потому что она хочет помочь маме... А сама плачет... И Костя чуть не плачет, понимаешь?

Ленька хмуро смотрит ей в лицо.

— А Костя тут при чем? — спрашивает он.

— Как — при чем? Он при ней... Они оба с Катей друг на друге жениться хотят,— изо всех сил старается объяснить Динка.

— А!..— понятливо кивает головой Ленька.— Тогда конешно... Вот, к примеру, нас бы с тобой разлучил кто... хоть мы и не женихи обое, а уж привыкли друг к дружке...— задумчиво прикидывает он.

— Ну вот! Так я этого жениха палкой, палкой! Как погоню, так от него только пух и перья полетят! — хвастается Динка.

— Да не... Какие с его пух и перья... Дракой тут не возьмешь. Тут, слышь, Макака, как надо? Встретить его пораньше и объяснить: так и так, мол, обстоит ваше дело, она, мол, вас не признает... Поняла? — таинственно шепчет Ленька.

— Ну да! Сначала просто сказать, а потом палкой!

— Да что палкой, что палкой! Взрослые люди слова понимают... Только тебе это одной не сделать, ты Мышку бери... Она лучше тебя поговорит,— советует Ленька.

— Ну да! Мы вместе... Я сейчас скажу ей,— соглашается Динка.

— Ну вот... А палку вовсе не бери. А то не разберешься, что к чему, да заедешь жениху в морду. Он сразу и на дыбки... У вас ни то ни се и получится,— беспокоится Ленька.

Но Динка уже не слушает его и нетерпеливо оглядывается назад.

— Вон Мышка...— говорит она.— Я пойду, Лень.

— Ну, и я пойду! С тобой проторчишь тут... и все на свете пропустишь,— отходя от забора, ворчит Ленька.

Глава двенадцатая

ОБЪЯСНЕНИЕ

Динка заводит сестру в дальний уголок сада и быстрым шепотом рассказывает ей о том, что случилось в палатке. Про Алину она молчит. «Знает один — знает один, знают два — знают двадцать два»,— всегда говорит дедушка Никич, и Динка помнит его слова. Да ей сейчас и не до Алины.

— Катя плакала, ой, как плакала!

Мышка, потрясенная неожиданной новостью, цепляется за соломинку:

— Динка! Может, ты все это придумала? Скажи! Я не буду сердиться, но у меня сердце разрывается!

— Ничего я не придумала! Говорю тебе: сейчас приедет жених! — сердится Динка.

— Так пойдем за калитку! Может, он уже идет! — волнуется Мышка.

Динка, волоча за собой длинную веревку, бежит вперед; Мышка — за ней... Калитка хлопает, и Катя, выглянув из своей комнаты, испуганно кричит:

— Алина! Кто-то идет...

Алина хватает со стола мамино письмо и мчится по дорожке.

— Что вы бегаете? — набрасывается она на сестер.— Играйте где-нибудь в другом месте!

— Мы сейчас уйдем! — говорит Мышка.

Алина, выглянув на дорогу, возвращается.

— Там никого нет. Это дети,— говорит она тетке.

Катя вздыхает и молча удаляется в свою комнату.

«Вот еще несчастье! — расстроенно думает она.— Сиди и жди как дурочка... И о чем говорить? Нет, я запрусь, пусть Алина его принимает!»

Алина чувствует волнение тетки и, заложив руки за спину, деловито прохаживается по дорожке, держа наготове мамино письмо.

— А сколько времени? — спрашивает она высунувшуюся в окно Катю.

— Уже десять,— упавшим голосом отвечает Катя.

— Смотри, уже десять...— шепчет сестре Динка.— Пойдем сядем у дороги, подальше от дома. Там все видно!

Мышка растерянно оглядывается по сторонам и следует за Динкой.

Усевшись на обочине дороги и зарывшись босыми ногами в теплую пыль, девочки зорко вглядываются в даль.

— А когда приезжают женихи, ты не знаешь? — спрашивает сестру Динка.

Мышка зябко поводит плечами.

— Я думаю... к обеду,— почему-то предполагает она и, морщась, как от зубной боли, просит: — Только ты не кричи сразу. Надо все-таки вежливо...

— Он вежливо — я вежливо, он драться — я драться,— выпятив губу, говорит Динка и, сложив вдвое смоченную в кадушке веревку, шлепает ею по траве.— Вот этим как дашь по спине, так всякий жених вверх тормашками опрокинется!.. Лучше любой палки!

— А какой он вообще, Катя не говорила? — со вздохом спрашивает Мышка. Она так подавлена всем случившимся и той

неизвестной ролью, в которой ей сейчас придется выступать, что бледное личико ее совсем поникло, а серые глазки смотрят испуганно.

Но испуг сестры только прибавляет Динке воинственный жар, и фантазия ее разыгрывается.

— Какой жених? — широко раскрывая глаза, переспрашивает она и, смешивая вместе все впечатления вчерашнего дня, шепотом описывает: — У него борода как веник. И зубы длинные, желтые, а на шее такой бугор, а голова просто череп... И кулачищи! А из носа все время идет дым...

— Ой, что ж это! — боязливо подбирая под себя ноги, шепчет Мышка.— И такой жених хочет жениться на нашей Кате?! Ну нет! — В глазах ее, против ожидания сестры, вдруг появляется отчаянная решимость и тоненький носик взлетает вверх.— Чтоб никакой ноги его даже не было! Я прямо ему скажу: «Сейчас же уходите! Мы Катю не отдадим!»

На повороте появляется какая-то фигура, и девочки замолкают. Фигура приближается, и за деревьями уже виден высокий человек в белой рубашке с отложным воротником и в серых брюках. Он идет медленно, вдыхая полной грудью свежий запах леса и обмахивая шляпой круглое вспотевшее лицо. Мягкие черешневые глаза его еще издали замечают девочек и, щурясь от солнца, приветливо улыбаются...

— Смотри! Сахарная голова! — радуется Мышка.— Бежим к нему навстречу!

Но Динка хватает сестру за руку. Быстрая мысль мелькает у нее в голове.

— Подожди... Может, это он — жених? Мы же не знаем! — возбужденно шепчет она.

— Ну, если он, так это хорошо! Тогда Катя не будет плакать! — порываясь вперед, говорит Мышка.

— Молчи, глупая! Катя все равно заплачет, потому что она любит Костю... Но, может быть, это не он? — сомневается Динка.

— Конечно, не он! — убеждает Мышка.— Ты же говорила: желтые зубы и дым из носа...

— Мало ли что я говорила...— бормочет Динка, озабоченно морща лоб.

— Эй, вы! Босоножки! Что вы тут делаете? — кричит

неожиданный гость и, подойдя к девочкам, протягивает им обе руки.— Здравствуйте, лисички-сестрички!

— Здравствуйте, Виктор Николаевич! — смущенно и радостно здоровается Мышка.

Но Динка быстро вырывает свою руку и, подозрительно оглядывая гостя, серьезно спрашивает:

— Это не вы называетесь «жених»?

— Так нельзя спрашивать,— тихонько толкая сестру, смущается Мышка.

Но Виктор Николаевич громко смеется.

— А ты что-то пронюхала уже? — весело шутит он.

Динка быстро выталкивает вперед сестру.

— Вы приехали к Кате? — сильно краснея и волнуясь, спрашивает Мышка.

— Да! И к вам!.. А что, Катя здорова? — тревожится вдруг Виктор Николаевич.

— Да, она здорова. Мы тоже здоровы. Но если вы Катин жених, то мы не пустим вас в дом,— решительно выступает Динка.

— Вы не пустите меня в дом? За что же такая немилость? — удивляется гость, глядя на обеих девочек.

— Виктор Николаевич... Сахарная голова... то есть наоборот...— совершенно запутавшись от смущения, шепчет Мышка.

— Ха-ха-ха! — громко хохочет Виктор Николаевич.— Это кто же окрестил меня так? Ах вы насмешницы!

— Я нечаянно...— бормочет Мышка.— Но вы не смейтесь, потому что нам нужно сказать вам одну тайну.

— Тайну? Так пойдемте домой, и там вы мне все расскажете! — добродушно предлагает Виктор Николаевич.

— Э, нет! Мы пойдем вот куда! Пойдем, пойдем! — хватая Виктора Николаевича за руку и увлекая его за собой, говорит Динка.

Мышка идет сзади. Она совершенно не уверена, что Сахарная голова — тот самый жених, о котором говорила Динка. Мышке очень страшно обидеть взрослого человека, приехавшего к ним в гости. Динка всегда может наделать глупостей... Ну куда она тащит его?

— Динка! Надо же раньше узнать хорошенько...— шепчет Мышка, забегая вперед.

— Подождите! Куда это вы меня тащите? Здесь уже глухой лес... Взяли меня в плен и тащат, как связанного медведя! Ну, выкладывайте ваши тайны! — усаживаясь на пень, говорит Виктор Николаевич.

Но девочки нерешительно переглядываются, и Мышка, набравшись храбрости, поясняет:

— Если вы правда Катин жених, то мы вам скажем, а если нет, то вы идите, а мы будем еще ждать.

— Хорошо, я вам сознаюсь. Я и правда Катин жених, только, чур, пока никому не говорить! — лукаво грозит он пальцем.

— Мы не будем говорить, потому что вы больше не жених... Катя вчера из-за вас плакала... Они с Костей хочут друг на друге жениться. Они даже подрались, наверное потому, что Костя сказал, что Катя нанесла ему удар...— бойко рассказывает Динка.

— Что ты врешь! Катя никогда не дерется,— быстро перебивает ее сестра.

— Подождите, девочки...— медленно говорит Виктор Николаевич, проводя рукой по лбу.— Я хочу знать, откуда ты все это знаешь? — спрашивает он Динку.

— Я сидела за палаткой, а они говорили...

— Динка нечаянно подслушала,— краснея, вставляет Мышка.

— Я не подслушивала, я просто услышала, потому что Костя сразу закричал: «Зачем ты это сделала?» А Катя говорит: «Мне жалко Марину и ее детей...» И сразу начала плакать, а Костя ушел...

Мышка толкает сестру и, указывая глазами на Виктора Николаевича, трясет головой. Динка замолкает. В лесу становится тихо-тихо. Только какая-то птичка, весело перепархивая с ветки на ветку, шуршит листьями. Взрослый человек изо всех сил старается справиться со своим горем... Он поднимает с земли тоненькую веточку и, медленно обламывая ее, для чего-то складывает на коленях короткие, как спички, обломыши... Здоровый загар его щек бледнеет, и прикушенная нижняя губа нервно вздрагивает. Мышка пытается поймать его отсутствующий, уходящий куда-то вдаль взгляд... Ей кажется, что мягкие черешневые глаза полны слез...

— Хорошо, девочки, спасибо...— говорит Виктор Николаевич.— Я сейчас уеду...— Он поднимает на Динку глаза и, пытаясь улыбнуться, тихо добавляет: — Я больше не жених, ты не беспокойся...

Динка ежится и, не зная, что сказать, опускает голову.

— Я сейчас уеду,— повторяет Виктор Николаевич и, достав из кармана блокнот, вырывает из него листок.

Мышка широко раскрытыми, испуганными глазами следит, как Виктор Николаевич встает, подходит к дереву и, приложив к стволу свой блокнот, медленно пишет на листке какие-то слова...

Перед Мышкой вдруг, как страшное видение, возникает большой газетный лист с жирным, черным заголовком «Происшествия». Она вспоминает короткие сообщения о самоубийцах, которые всегда оставляли записку: «Прошу никого в моей смерти не винить».

Изнемогая от жалости и тревоги, она дрожащими губами прижимается к Динкиному уху и прерывающимся голосом сообщает ей свою догадку. Динка смотрит на брошенную в траве веревку, на сестру, на Виктора Николаевича, который, задумавшись, что-то пишет, зачеркивает, отрывает новый листок и снова пишет. Потом, медленно складывая его, поворачивается к девочкам.

— Вы передадите Кате эту записку,— говорит он.

Но Динка со страхом отступает назад и прячет за спиной руки.

— Вы хотите повеситься? — тихо спрашивает она.

Мышка с громкими рыданиями бросается к Виктору Николаевичу и, обнимая его обеими руками, жалобно просит:

— Не надо... Не надо... Мы найдем вам другую... такую же хорошую... Мы будем всех... спрашивать...

Виктор Николаевич растроганно поднимает девочку, гладит ее волосы:

— Успокойся, успокойся... Мышка, голубчик... Посмотри, я же не плачу... Ну конечно, мы найдем другую, хорошую...

Слезы Мышки глубоко трогают его; ему хотелось бы долго и неутешно плакать вместе с ней или, наоборот, скорей утешить ее и уйти...

— Мы найдем другую, и тогда никто не будет плакать,

а сейчас я пойду! — мягко улыбаясь, повторяет он и, наклонившись к Мышке, берет в обе руки ее тонкие пальчики.— Спасибо тебе, голубчик... Прощай, девочка...

— Прощайте! — всхлипывает Мышка.

Виктор Николаевич медленно рвет на мелкие кусочки свою записку.

— Я потом напишу Кате...— говорит он и, кивнув девочкам головой, быстро удаляется.

Динка, опустив руки, смотрит вслед уходящему... Виктор Николаевич идет не оглядываясь; этот большой человек словно бежит от чего-то, плечи его согнуты, и голова так напряженно поднята вверх, как будто он собирается раздвигать лбом нависающие над дорогой ветки.

— Пойдем,— трогая за руку сестренку, тихо напоминает Мышка.

Но Динка до тех пор не двигается с места, пока высокая фигура Виктора Николаевича не скрывается за поворотом дороги. И странно, она не ощущает ни радости, ни торжества от изгнания Катиного жениха.

Глава тринадцатая

НОВЫЕ ПЛАНЫ

Динка сидит на утесе и весело болтает:

— К нам дядя Лека приезжал! Он сказал, что мы с Мышкой молодцы и что Виктор Николаевич на нас не сердится!

— А чего ему сердиться! На чужой каравай рта не разевай! Дружбу разбивать нельзя! — серьезно говорит Ленька.

Заходящее солнце освещает большой камень Стеньки Разина. На камне сушится сорванная трава, а внизу, у входа в «пещеру», горит маленький костер и в котелке варится картошка. Ленька, сидя на корточках, подкладывает в огонь щепки.

— А я вашего Костю видел... у Митрича... И дедушка Никич твой там был,— говорил Ленька.

— Зачем? — удивляется Динка.

— Так, верно, зашли... Никича-то я часто у рыбаков вижу, а вот Костю в первый раз... Я испугался да скорей ушел! — тыкая ножом картошку, говорит Ленька.

— Костя ничего не сказал. Они с Катей уже совсем помирились. Катя такая веселая стала и ко мне ничуточки не придирается... А мама вчера опять с последним пароходом приехала! — рассказывает Динка.

Ленька стягивает рукава и, захватив ими котелок, снимает его с огня.

— Сейчас картошку есть будем! — сглатывая слюну, говорит он.

— Давай! — весело соглашается Динка и, усевшись поудобнее, ждет.

Ленька выливает воду из котелка и кладет на камушек жестянку с солью.

— Ну, давай мне! — заглядывая в котелок, говорит Динка.

— Погоди, она горячая... Пальцы обожжешь!

Ленька вынимает одну картошку и кладет на камушек.

— Вот остынет, тогда и будешь есть.

— А ты.

— Сейчас и себе остужу,— говорит Ленька, вытряхивая из котелка еще три картошки.

Ленька не ел со вчерашнего вечера. Утром, потолкавшись на пристани и не заработав ни копейки, он пошел к Митричу. Но у Митрича были Костя и дедушка Никич. Договориться насчет продажи рыбы не удалось, и Ленька снова пошел на пристань. Утренние пароходы уже прошли, и никто не нуждался в его услугах, а голод начинал мучить все сильнее... Базарная площадь тоже опустела, торговки разошлись, и только кое-где одна-две еще сидели с семечками. Ленька вспомнил, что вчера мужики грузили на лодку картофель и у одного из них лопнул мешок. Пошарив около мостков, он нашел завалявшиеся в песке четыре картофелины и пошел на утес.

Слушая болтовню Динки и подкладывая щепки в огонь, мальчик нетерпеливо ждал, пока сварится картошка, и думал о том, что завтра надо во что бы то ни стало проехать «зайцем» в город и постараться заработать себе на хлеб.

— Ну, ешь,— сказал он, придвигая к Динке картофелину.

Динка, обжигаясь, неумело чистит кожуру и, макая картошку в соль, спрашивает:

— А хлеба у тебя нет?

— Да вот... не купил я...— вздыхает Ленька.

Динка тревожно вглядывается в бледное лицо товарища и, вспомнив тот день, когда он обещал ей накупить всякие подарки, тихо спрашивает:

— Ты еще не забогател, Лень?

— Нет еще. Вот завтра поеду в город... может, работу какую найду... Иной раз привезут чего-нибудь в лавку, ну, лавочник и зовет: кто, мол, хочет таскать. А то просто на базаре кухарка али барыня накупит всякой провизии, а нести ей тяжело, и тоже просит: «Поднеси, мальчик»... Работа найдется... Вот поеду завтра...— глотая горячую картошку, говорит Ленька.

— А сегодня никто тебе не сказал: «Поднеси, мальчик»? — задумчиво спрашивает Динка.

— Сегодня я поздно пошел. Раз — то, что ночью не спал, захолодал, как лягушка, а два — то, что к Митричу ходил; думал, он рыбу пошлет продавать, а Митрич ничего не сказал... Ну, а пароходы прошли...— рассказывает Ленька.

Динка заглядывает внутрь Ленькиной пещеры и мысленно представляет себе, как, съежившись, сидит тут ночью захолодавший, как лягушка, Ленька.

— Лень! — быстро говорит она.— Я тебе дам свое одеяло. Оно у меня под простыней лежит. Это старое одеяло, я еще родилась в нем...

— Что ты! Из дому вещи таскать... Я вон травы высушу и подстелю себе. А заработаю, так куплю на толкучке и одеяло,— решительно отказывается Ленька.

— Нет, я принесу все равно! И ты мне даже не говори! Что ты все поперек да поперек! — сердится Динка.— Не хочу я, чтоб ты как лягушка был! Идем сейчас!

— Куда? — оторопело спрашивает Ленька.

— Домой! Я одеяло тебе вынесу! Идем! — вскакивает Динка.

— Да что ты как смола... Вот привяжется с чем-нибудь... Что ты за человек такой? — удивляется Ленька и, вдруг подавившись картошкой, заразительно хохочет: — Ой, не могу! Картина!

— Чего ты? Ну, чего ты? — тормошит его Динка.

— Ой, я...— хохочет Ленька и, опрокинувшись навзничь, дрыгает ногами.— Ой, я... вспомнил, как ты... на бороде... повисла... Ха-ха!

— Хозяина, да? — фыркает Динка.

— Ой... ой... сама повисла... а сама кричит: «Робя... робя...» Ха-ха-ха! — задыхаясь от смеха, вспоминает Ленька.

— Ну, а что ж! А что ж! Я же долго висеть не могу! А потом он меня за волосы схватил...— трясет его за плечо Динка.

— Ой, погоди! Слышь...— Ленька вдруг садится, и лицо его сразу делается серьезным.— Слышь, Макака: я вчера того Васю видел. Ну, грузчик, который в тельняшке был... Они пароход «Надежду» разгружали, а я так стоял...

— Ну, и чего этот Вася?

— Он узнал меня и спрашивает: «Ну, как живешь, Воробей? Где, грит, сестренка твоя?»

— Сестренка! — смеется Динка.

— Ну да! Это он про тебя. И тоже посмеялся насчет бороды, а потом и говорит: «Твой хозяин сюда боле не заявится...»

— Не заявится? — радуется Динка.— А куда же он заявится?

— Да ничего он больше не сказал... Тут как раз капитан подошел... Хороший капитан! Все грузчики его хвалят. Сроду он с ними не торгуется... Ну, я постоял да пошел... Вот бы и правда не вернулся мой хозяин!..— мечтательно протянул Ленька.

— А тебе что? — вскинулась вдруг Динка.— Ты ведь на утесе теперь... Как увидишь баржу, так и спрячешься. А придет он, я его опять за бороду! — расхрабрилась Динка.

— Сюда не придет...— усмехнулся Ленька.— Только вот бумаги у него на меня, он мне вроде как отчим приходится, в полицию не заявил бы...

— В полицию? Тогда, значит, у тебя будет обыск? — с испугом спросила Динка.

— Да нет, какой тут на утесе обыск... Меня самого зацапать могут: ведь я то на базаре, то на пристани шатаюсь,— озабоченно сказал Ленька.— На бродяг часто облаву делают.

— А разве ты бродяга?

— Ну, а кто же я? Живу как птица, ни рабочий, ни што... Вот если бы нам с Федькой лодку купить, мы бы к рыбакам пристали... Тогда ищи-свищи ветра в поле!

— Лень...— подумав, сказала Динка.— Я завтра начну с шарманщиком ходить. Нам с ним много денежек будут давать... Я заработаю, и мы купим лодку, хорошо?

— А что ж! Походи с неделю... Ты заработаешь, да я... может, и накопим! Только гляди, чтоб мать не узнала... А так бы хорошо! — оживился Ленька.

— Никто не узнает! Я на Учительских дачах петь буду! — весело сказала Динка.— А сейчас пойдем, одеяло вынесу!

— Ну, давай уж! — нехотя поднялся Ленька.

Глава четырнадцатая

ЛИНИН БОГ И ГРЕЧНЕВАЯ КРУПА

Утром Динка долго копается, разыскивая свое рваное платье и переодеваясь в укромном уголке около забора. На пристани уже никого нет, день будний, и торги идут скучно. Динка заглядывает во все уголки, открывает дверь в чайную, бежит к булочной, но старика шарманщика нет...

— Вы не знаете, где живет шарманщик? — вежливо спрашивает она торговку семечками.

— А мне что до его? Где хочет, там и живет,— лениво отвечает торговка.

«Опоздала,— думает Динка.— Он уже, наверное, пошел по дачам... Что ж теперь делать? И Ленька уехал, незачем идти на утес». Девочка медленно плетется домой, нехотя переодевается в кустах и ныряет в лазейку. Маленькая дача кажется ей пустой и неуютной. Мама приезжает поздно. Теперь они часто обедают и ужинают без нее. На террасе уже не слышно веселых голосов, как будто все живущие разошлись по разным дорожкам сада и никогда не сходятся вместе. Алина уже не кладет на стол круглые папины часы и не объявляет, что пароход «Гоголь» вышел из Самары... Никто не знает, когда ждать маму, и от этого стало так скучно за обедом, так пусто во всем доме. А между тем каждый занят своим делом. Из сада доносится голос Анюты... Алина обязательно хочет научить Анюту читать, она даже заявила маме, что на время откладывает занятия с детьми.

— Когда мы уедем, Анюта будет очень скучать. Пусть она научится читать книги. Мы с Мышкой оставим ей много книг,— сказала Алина.

Анюте трудно вырваться из дома, но она тоже очень хочет научиться читать и, как только мать отпускает ее, бежит к Алине.

— Мы-а... мы-а...— вытягивает Анюта.

— Ма-ма,— поправляет ее Алина.— Здесь нет буквы «ы», а у тебя она слышится. Не прибавляй ее каждый раз.

Анюта — понятливая и послушная. Она уже выучила все буквы, и Алина довольна своей ученицей. Сейчас они вместе читают маленький рассказик по букварю.

Но Динке скучно их слушать. Постояв на дорожке, она тихими шагами направляется к палатке... Она все еще не помирилась с Никичем... «Может, сейчас помириться?» — думает она, но Никича нет. Он теперь занялся рыбной ловлей и даже сделал какие-то мудреные удочки с двумя крючками каждая. «Это, наверное, чтоб сразу ловилось две рыбы. Вот Леньке бы такую удочку! Но Никич куда-то их отнес и одну уже подарил Митричу...» Динка заглядывает внутрь палатки и идет искать Мышку. Потом, передумав, решает заглянуть к Лине.

«Интересно, где у Лины картошка? И каши всякие. Хорошо бы отнести на утес... Если Ленька ничего не заработает, то можно сварить похлебку».

Динка подходит ближе к кухне... Лина стирает. Из-за кустов видно ее широкую спину, видно, как она стряхивает с рук мыльную пену и налегает на кучу мокрого белья, а потом, выкрутив его, с шумом бросает в таз. Лина стирает... Но почему же она не поет?

Динка в нерешительности останавливается... Лина считает стирку очень важным и ответственным делом. Обычно она еще с вечера предупреждает всех домашних:

«Завтра обеда не ждите... Белье намочила».

И на другой день с утра около кухни начинается громыхание корыта, плеск воды и какая-то особая, задушевная песня.

Любовь, восторги я заби-ила,
Теперь, однако, тем дрожу,—

чувствительно выводит Лина, сжимая и отжимая белье.

— Это значит: «одна, как тень, брожу»...— обязательно скажет кто-нибудь на террасе, заслышав Линино пение.

Но Лина не придерживается точного текста песен.

Кого я страшно так любила,
Того коварством нахожу,—

певуче жалуется она и, шлепая в таз отжатую простыню, начинает новую строфу:

Забудь ты, зрост, мою походку,
Забудь черты мово лица...

Но сегодня Лина стирает в полном молчании. Она, наверное, очень злая сейчас... «На кого же она злится?» — думает Динка и, приподнявшись на цыпочки, вдруг замечает Мышку.

Мышка сидит на траве, сжавшись в такой маленький комочек, что ее почти не видно за корытом.

— Значит, твой бог, Лина,— это вообще враг людей? — неожиданно спрашивает Мышка.

Динка фыркает и зажимает ладонью рот.

«Вот дурка! Что это она сказала? Сейчас Лина ей даст!» — со смехом думает она.

Но Лина так огорошена, что не сразу находит ответ.

— Господи! — стонет она, выпрямляясь и поворачиваясь к Мышке.— Да как же это язык твой повернулся? Ведь за этакую хулу руки-ноги тебе покорежит! Паралик разобьет!..

— Да подожди... Ты только не сердись, Линочка,— быстро перебивает ее Мышка.— Но ты же сама сказала, что бог посылает людям всякое горе...

— Батюшки мои! Да разве я так сказала? Ведь это ж и в священном писании говорится, что господь бог наш посылает людям испытания, чтобы укрепить их веру во всемогущего. И не греши ты, ради господа! — стряхивая с рук пену, испуганно убеждает Лина.

— Да я не грешу... Ты не бойся... Ты только скажи: а почему, если твой бог все может,— так почему он не сделает всех людей счастливыми? Почему люди умирают, плачут, просят его, а он не делает? Значит, он не всемогущий или совсем не добрый...— торопливо говорит Мышка, боясь, что Лина не даст ей высказать свою мысль.— Тогда какой же он бог? И где он сидит?..

Динка, забывшись, вылезает на дорожку. И правда, где он сидит, этот бог? И кто его видел? Но Лина ничего не желает отвечать.

— Уйди отсюдова! — кричит она на Мышку.— Ты мне всю стирку спортила, сердце мое растравила! Нехристями вы растете! Нет, чтобы стать на коленки да за мать помолиться, чтоб господь ее уберег, так ты еще слова такие говоришь!

Господи, и куда я с вами поденусь?! Спаси и сохрани нас, господи! — наклоняясь над бельем, причитает Лина; крупные слезы текут по ее щекам и падают в мыльную пену.

— Уходи отсюда,— замахивается на сестру Динка.— Смотри, что сделала! Наговорила тут всякого! Иди, иди отсюда!

— Но ведь я только хотела...— огорченно шепчет Мышка, оглядываясь на Лину.

— Иди, иди! — толкает ее Динка и, заглядывая в лицо Лины, примирительно говорит: — Не плачь, Линочка... Мышка просто неверующая... А ты верующая... И у тебя икона висит этой самой заступницы... Если бог есть, тебе ничего не будет, а если бога нет, то и Мышке ничего не будет. Не плачь!

— За вас плачу,— сморкаясь в мокрый передник, тихо говорит Лина.

Но мысли Динки уже вертятся около картошки.

— Я пойду в кухню, Лина, посмотрю на твою заступницу,— делая постное лицо, говорит она.

— Сходи... Да лоб-то перекрести хоть разок...— смягчается Лина.

Динка осторожно переступает порог кухни и, не глядя на заступницу, тыкается носом во все кошелки. Но картошки нигде нет. Динка присаживается перед шкафом и, открыв дверцу, наугад запускает руку в какой-то пакет.

«Каша!» — догадывается она и, не зная, куда взять эту крупу, сыплет ее себе за ворот. Потом, обтянув потуже платье и держа на боку складки, смиренно выходит из кухни.

— Видала... Ничего, хорошая заступница,— говорит она, проходя боком мимо Лины и скрываясь за кустами.

«Никича нет... высыплю сначала в сундучок»,— думает она, тихими шажками направляясь к палатке и чувствуя, что крупа уже просачивается ей на живот...

— Динка! Она плачет! — выскочив из кустов, вдруг бросается к ней Мышка.

— Отойди! — кричит Динка, изо всех сил стягивая платье, но крупа тоненьким ручейком сыплется на дорожку.

— О-о! — удивленно говорит Мышка.— Из тебя что-то сыплется!

— Так подставь что-нибудь! Руки подставь! — нетерпеливо командует Динка.

Мышка, присаживаясь на корточки, складывает обе ладони.

— Но с тебя со всех сторон сыплется! — испуганно бормочет она, подставляя ладони.

Динка садится на землю и еще крепче зажимает собранную сбоку материю.

— Принеси скорей пакет,— просит она.

— Какой пакет? Я принесу газету!

— Ну газету! Только скорей! Я делаюсь больной! — мрачно вздыхает Динка. Она хочет сказать сестре, чтобы она никому не говорила, но уже поздно...

— Катя, Катя! Дай газету! Из Динки сыплется крупа! — кричит Мышка, не добегая до террасы.

— Что такое? Какая крупа? — слышится голос Кати, и Мышка уже мчится обратно, держа в руках газету.

— Расстели на траву... Вытряхни меня...— быстро командует Динка, становясь на газету.

Мышка дергает ее со всех сторон за платье, но крупа уже почти вся высыпалась раньше.

— Что это вы делаете? — спрашивает, подходя, Катя.

— Это... птичкам! — чуть не плача, объясняет Динка.

Глава пятнадцатая

ОБО ВСЕМ ПОНЕМНОГУ

В те часы, когда раньше приезжала мама, детям становится особенно скучно. Все так же гудит у пристани пароход «Гоголь», а мамы нет... Но сегодня Катя приготовила детям сюрприз.

— Алина! — говорит она.— Мама приедет, как обычно. Возьми часы и объявляй!

Алина забывает, что она уже «взрослая», и вприпрыжку бежит за часами.

— Пароход «Гоголь» вышел из Самары! — каким-то особенным голосом объявляет она.

Динка вместе с сестрами радуется приезду мамы и беспокоится, что этим же пароходом приедет Ленька, на заборе появится флажок, а ей нельзя будет уйти из дому. Мама приезжает веселая, и всем сразу становится весело. К обеду возвращается откуда-то и дедушка Никич. Динке очень хочется помириться с дедушкой, но она не знает, как это сделать.

— Сегодня мама раньше приехала! — заглядывая ему в лицо, говорит она за обедом.

Но Никич не обращает никакого внимания на ее слова, он говорит со всеми, кроме Динки, и девочке становится обидно.

«Ладно, ладно!» — думает она.

Но когда обед кончается и Никич идет к себе в палатку, Динка бежит за ним и, догнав его у самого входа, смущенно предлагает:

— Давай помиримся, дедушка Никич, а то нам все некогда — то тебе, то мне.

Старик останавливается и холодно спрашивает:

— А как это наспех мириться, по-твоему?

— Не знаю... Просто, чтобы все по-прежнему было.

— А если у человека обида есть, то куда она денется? — спрашивает опять Никич.

Динка опечаливается:

— А у тебя еще есть обида?

— Конечно. Нагрубила ты мне, старику, обидела меня, как же я могу быть с тобой по-прежнему? Что ты для этого сделала? Пришла ли, прощенья ли попросила, совесть ли тебя мучила?

— Совесть мучила,— говорит Динка.

Старик молча смотрит на нее.

— Видно, мало мучила,— говорит он и уходит в свою палатку.

Динка присаживается на пенек у входа и, подперев рукой щеку, задумывается. Никич прибирает свою постель на нарах, переставляет что-то на столе и, выглянув из палатки, видит девочку:

— Ступай. Чего сидишь?

— А ты не будешь мириться? — спрашивает Динка.

— Опять тот же разговор... Я ж тебе объяснил,— пожимая плечами, говорит Никич.

— Ну, так и я тебе объяснила,— отвечает Динка.

— Что ты мне объяснила?

— Что меня совесть мучает...— со вздохом говорит Динка.

— Ну,— разводит руками Никич,— ты сама виновата.

— А разве я говорю, что ты? Я только говорю: давай мириться, потому что меня совесть уже мучила.

Но Никич не сдается.

— Иди, иди... Пусть еще помучает,— говорит он, легонько поворачивая девочку за плечи.

— Нет,— говорит Динка.— Уже хватит. Мне ведь без тебя скучно... Давай на правду мириться, дедушка Никич!

— Ну, гляди... чтоб этой грубости больше не было! — грозит ей пальцем Никич.

— Конечно. Я и сама не хочу — ты очень долго сердишься... С тобой надо по-хорошему,— соглашается Динка и, обхватив шею Никича, звонко чмокает его в щеку.— Вот и помирились! Ну, я пойду!

Старик озадаченно смотрит ей вслед и, махнув рукой, уходит в палатку.

Динка мчится к забору. Если Ленька пришел, ей надо сказать ему, что мама сегодня дома. Но Леньки нет, и солнце уже садится. Как же быть? Ей же нельзя бегать каждую минуту и оставлять маму. Она так соскучилась по маме... Ей бы только знать, что Ленька приехал и заработал себе на еду...

— Лень! — тихонько зовет Динка, прижимаясь лицом к щели.

— Макака! — выскакивает вдруг из кустов Ленька.— Это ты тут? А я думал — опять Алина, и запрятался,— шепотом говорит он.

— Мама приехала...— не слушая его, торопливо шепчет Динка.— Я не приду... У тебя есть еда?

— Я ел... Со мной один случайный случай вышел. Помнишь студента, того, в шинели, мы еще рыбу ему дали? — прижимаясь к щели, спрашивает Ленька.— Так я у него чай пил... и вот, гляди, что тебе принес.— Ленька просовывает в щель нагревшийся от его руки стеклянный шарик.— Он сам дал... Ты на свет погляди, там внутри вроде картинка... Пароходы плывут, лодки...

— Ой,— восхищенно шепчет Динка,— какой красивый шарик!

— Приходи завтра на утес... с утра приходи. Я тебе что расскажу... из-за чего у нас дружба вышла со студентом-то этим...

Но Динка занята стеклянным шариком. Бока его помяты и исцарапаны.

— Лень, а почему этот шарик вот тут поцарапан?

— Да он им сахар бил. Как стукнет при мне, я аж испугался. Такую-то драгоценную вещь портить...— Ленька вдруг замолкает и, пригнувшись, быстро скрывается в кустах.

— Дина, с кем ты разговариваешь? — окликает сестру Алина.

Динка прячет за спину шарик и отходит от забора.

— Я ни с кем не разговариваю.

— Нет, ты разговаривала,— раздвигая кусты и заглядывая через забор, говорит Алина.

Динка сердито выпячивает нижнюю губу. «Вот еще какая искательница! Чуть-чуть Леньку не выискала»,— недовольно думает она и, желая подразнить сестру, безразлично говорит:

— Я просто сказала: иди, иди себе, дурак!

Алина широко раскрывает глаза:

— Кому ты сказала?

— Да одному человеку, потому что он все ходит да ходит тут,— искоса наблюдая за сестрой, сочиняет она.

— Какому человеку? Где он ходил? Тут был какой-то мальчик...— оглядываясь, говорит Алина.

— Ну нет... Это так один... с бородой...— пугает Динка.

Но Алина вдруг успокаивается:

— С бородой? Так это дачник. Как же ты смеешь обругивать кого-нибудь через забор? Иди отсюда сейчас же! Вот я скажу маме! — хватая сестру за плечо, строго говорит Алина.

Динка понимает, что попала впросак, и, упираясь, кричит:

— Не толкайся!.. Я бородатому ничего не сказала. Я тому, который без бороды... гладенькому такому!

— Какому гладенькому? — снова останавливается Алина.

Динка чувствует, что попала в цель.

— Ну да, гладенькому... без бороды, без усов, лысому...

— Лысому? — в замешательстве переспрашивает Алина.

Но Динке хочется еще крепче припугнуть сестру.

— Он как подскочит к забору да как скривится вот так...— Динка зажмуривает один глаз и скашивает на сторону рот,— да как моргнет на меня...

— Это какая-то ерунда...— серьезно глядя на нее, говорит Алина.

— А я ему говорю: иди, иди, дурак! — увлекается своим сочинением Динка.

Но Алина краснеет от гнева:

— Иди домой! Врушка! Несчастная врушка!

— Как хочешь...— пугаясь, говорит Динка и покорно идет рядом с сестрой.

Около террасы цепкие пальцы Алины выпускают ее плечо. От крокетной площадки доносятся громкий смех и веселые голоса...

— Крачковские пришли,— упавшим голосом говорит Алина и, взбежав по ступенькам на террасу, скрывается в свою комнату.

Динка кладет на ладонь стеклянный шарик, разглядывает его на свет, пробует языком.

— Вкусный-превкусный... Не конфетка, не игрушка, а неведома зверюшка...— счастливо улыбаясь, говорит она.

А на площадке снова раздается общих смех и голос Крачковской:

— Ну что ж, Гога, отвечай, отвечай! Иначе твоя юная дама посадит тебя в галошу!

— Да побей меня бог, если я понимаю, о чем она спрашивает! — комически восклицает Гога.

— Я спрашиваю: из какого ребра сделал бог Еву? И еще: где находятся у человека берцовые кости? — уверенно звенит голосок Мышки.

Динка прячет за пазуху свой шарик и бежит на площадку. На скамейке, покатываясь от смеха, сидят мама, Катя и мадам Крачковская. В середине площадки, оправдываясь и пожимая плечами, стоит смущенный Гога, а рядом с ним торжествующая Мышка.

— Ну, как же ты не знаешь? Сколько ребер было у Адама? И потом, берцовые кости... Ведь это же устройство человека, и каждый порядочный джентльмен должен знать, как он устроен! — твердо повторяет Мышка выученную наизусть фразу.

— Ха-ха! Браво, браво, Мышка! — хлопают в ладоши Крачковская и Катя.

Мама вытирает мокрые от смеха глаза.

— Ха-ха-ха! — громко доносится с гамака, где сидит Костя.

— Я проиграл! Проиграл! Сознаюсь! — прижимая руку к груди, кричит Гога и, подняв с площадки брошенную кем-то сухую ветку, подносит ее Мышке.— Отдаю пальму первенства!

— Браво! Браво! — хлопают взрослые.

Динка, забыв про все на свете и наслаждаясь торжеством Мышки, выскакивает на площадку.

— Браво! Браво! — кричит она, тоже хлопая в ладоши.

Стеклянный шарик выскальзывает из-под ее рукава и подкатывается под ноги Кате. Костя машинально поднимает его и, проводя пальцем по обитым и исцарапанным бокам, задумчиво говорит:

— Что это за игрушка? Где-то я уже видел такую...

— Это мое! — подскакивает к нему Динка.

Но Костя снова проводит пальцем по исцарапанным бокам и силится что-то вспомнить.

Глава шестнадцатая

СЛЕЗЫ — ЭТО РЕДКАЯ ВЕЩЬ

Крачковские и Катя с Костей уходят на Волгу. Костя обещал покатать их на лодке. Марина весь вечер дурачится и шутит с детьми, потом, забравшись вместе с ними на широкую кровать, рассказывает им про девочку, которая варит обед для всей семьи.

— Нравится вам эта девочка? — спрашивает она.

Алине нравится, она не любит лентяек; Мышке тоже нравится, но она беспокоится, что этой девочке все-таки трудно варить на всех обед.

— А кто же приносит ей воду? Ведь ведра очень тяжелые...— говорит она.

А Динка молчит.

— А ты, Динка, хотела бы иметь такую подружку? — неудачно спрашивает мама.

— Нет! — трясет головой Динка.— Зачем она мне? Я не люблю бездельных людей.

— Как — бездельных? Я же только что рассказывала, что эта девочка такая помощница в семье: она варит обед и кормит всех взрослых.

— Ну, так я жалею ее, конечно, потому что у человека... ну, вообще у другой девочки много дела, а у нее все похлебка да похлебка... Они, наверное, запирают ее на весь день, что ли?

— Почему запирают? Она бегает и гуляет, как все дети, но

она понимает, что взрослые придут с работы голодные и что им надо сварить обед.

— Все равно не стала бы я...— говорит Динка.

— Смотри какая! А если бы наша мама приехала с работы голодная, ты тоже не стала бы? — удивляется Мышка.

— Дина такая лентяйка! — возмущенно говорит Алина.

— Это очень плохо,— вздыхает мама.— Я приехала и легла бы спать голодная, потому что у меня такая дочка.

— Мамочка, я не такая дочка! Но мне всегда некогда, я тебя чем-нибудь другим покормлю,— жалобно говорит Динка.

Перед ее глазами встает железная плита, на которой булькает целая кастрюля похлебки, а она сама стоит и мешает да мешает ложкой в этой кастрюле, а Ленька сидит на утесе и ждет, а шарманщик опять ушел с утра по дачам... Нет, какая тут похлебка, когда что ни день, то новые дела... А кто станет высиживать у дороги и гнать Катиных женихов? А еще что-нибудь случится, так та похлебка целый день будет одна булькать на плите...

— Нет, какая тут похлебка,— пожимая плечами, повторяет Динка, и у нее делается такое испуганное лицо, так смешно морщится одна бровь с чердачком посередине, так недоуменно таращатся на всех глаза и подымаются дыбом клочкастые кудри, что все сразу покатываются со смеху, а мама весело шутит:

— Нет, уж, видно, не есть нам Динкиной похлебки! — Но чужая девочка не выходит у нее из головы.— Вот посмотрите,— говорит она.— Когда я первый день задержалась в городе, вы все вылезли к калитке и начали плакать... А ту девочку — ее зовут Настя — я спросила: «Поздно приходит твоя мама?» И она спокойно ответила: «Когда как... Если останется на вечернюю смену, то поздно...»

— Так она привыкла, мамочка, а мы думали, что с тобой что-нибудь случилось,— защищается Мышка.

— Э, нет! Вы вообще любите плакать по всякому поводу. А человек должен уметь сдерживаться, слезы — это очень редкая и дорогая вещь, их вовсе не льют, как воду... Обиделись — заплакали, поссорились — заплакали, мама опоздала — опять заплакали. Да что это за неиссякаемые колодцы такие? Я понимаю, когда случается горе или жаль кого-нибудь

очень, а помочь не можешь,— ну, плачет человек тихонько, не может не плакать — так тяжело ему. Ведь я же не плачу, а мало ли у меня всяких неприятностей? — серьезно спрашивает мама.

— Много,— вздыхает Мышка, прижимаясь к ней щекой.

— Взрослые редко плачут,— задумчиво говорит Алина.

— Так маленький тоже будет взрослым когда-то! Надо же растить себя самому крепким, закаленным, а то ведь можно так и остаться хныкалкой на всю жизнь. Что вы думаете — есть такие люди: ходят и хныкают и жалуются вечно на что-нибудь... Вы смотрите следите за собой! — предупреждает мама.

Но Динка весело машет рукой:

— А я реву, когда захочу! Еще когда что болит, так я только хныкаю, а если от злости или кого-нибудь мне жалко, так я прямо и ногами и руками дрыгаю и голосом реву, просто я разрываюсь, мама! Не знаю, что делать!

— Ну, вот так и вырастешь большая тетенька, пойдешь куда-нибудь в гости и вдруг — что такое? Все смотрят: валяется наша тетенька, руками и ногами дрыгает и ревет не своим голосом,— смеется мама.

— Ха-ха-ха! — подхватывает Мышка.— Она еще не то делать будет!

— Она еще и побьет кого-нибудь в гостях! — хохочет Алина.

— Ну да,— недовольно сопит Динка.— Я в гостях всегда тихенькая, у меня даже рот не разжимается. Я там больной делаюсь.

— Зато дома ты здоровая! — острит Алина.

— И не дома, а на воле... На воле, когда ревешь, так и ветер ревет: у-у-у!.. А смеешься — и ветер смеется: ха-ха-ха! И никто не вмешивается,— говорит Динка.— А ведь хуже всего, когда человека утешают!

— Не знаю, что хуже, что лучше...— рассеянно говорит мама и смотрит на часы: — Ой-ой-ой! Уже двенадцать! А вы не спите! И Кати с Костей еще нет... Неужели они все еще катаются на лодке?!

— Конечно, катаются! Сегодня такая луна! — глядя в окно, говорит Алина и, словно припомнив что-то, быстро выходит.

— А вдруг лодка перевернулась? — шепчет Мышка.

— Заплачь! Ну, заплачь! — дергает ее Динка.— Они уже в воде бултыхаются! Хоп! Хоп!

— Отстань! Я просто так сказала! Я ничуть не думаю даже! — отбивается Мышка.

— Не думаешь? И тебе не жаль Кати? А на Волге такие волны... что я... мы... э... а... никогда уже... нашу... Катю...— притворно всхлипывает Динка.

— Мамочка! — кричит Мышка.— Она хочет, чтоб я заплакала! Она все нарочно делает!

— Что такое? — вмешивается мама.

Динка с хохотом выбегает из комнаты.

Глава семнадцатая

«СЛУЧАЙНЫЙ СЛУЧАЙ»

— Слышь, Макака, а тот студент против царя идет...— таинственно шепчет Ленька.

— Почему? Как — против царя? — морща лоб, спрашивает Динка.

— Погоди... Я только погляжу, нет ли кого...— беспокоится Ленька и, вскочив, обходит вокруг камень, смотрит на обрыв.

Динка тоже встает и, прижав к груди шарик, следит за товарищем.

— Лень, кого ты смотришь?

Но Ленька не отвечает и, втянув для верности на утес доску, возвращается.

— Вот ты слушай, какой со мной случайный случай вышел,— усаживаясь около своей пещеры, говорит он.

— Случай? Страшный? — заинтересовывается Динка.

— Да нет, чудной, а не страшный... Да ты садись, я тихо буду говорить! — тянет ее за руку Ленька.

— Тихо? Тогда говори прямо в ухо,— присаживаясь рядом, предлагает девочка.

— Ничего, я и без уха... Ты только не перебивай... Хожу это я на пристани, около рабочей столовой. А тут самый привоз, баржи разгружаются, и мешков навалено видимо-невидимо. И конешно, покупатели ходят, торгуют на корню, что подешевле, значит... И нанимает меня одна барынька мешок поднести. Тяжелющий мешок яблоков она купила.

— Тяжелющий мешок! Вот дура! — сердится Динка.

— Ну, ты погоди... Ведь заработать-то мне надо? Думаю,

сволоку как-нибудь. Стал тянуть этот мешок с воза себе на спину — вдруг слышу, кто-то как закричит на мою барыньку: «Мальчишку, грит, на такую тяжесть нанимаете, покалечить хотите!» — и швырк мешок с моей спины обратно на воз! Гляжу, а это тот студент...

— Вот хорошо! — смеется Динка.— А барынька что?

— А что ей? Она другого взяла, а я озлился.

— Подожди, Лень. А он узнал, что это ты?

— Сразу-то не узнал, а потом и меня и тебя вспомнил. «А-а, говорит, старый знакомый!» А я голодный как собака. Какое тут знакомство! «Зачем, говорю, вы так сделали? Теперь я когда еще работу найду!» А он пошарил в кармане да и говорит: «Денег у меня нет, а хлеб есть. Приходи ко мне, будем чай пить... Читать умеешь? Вот тебе адрес, где я живу...» — и достает карандаш. «Не надо, говорю, я так запомню...» Ну, сказал дом, улицу...

— И пил ты у него чай? — перебивает Динка.

— Чай-то пил... Так до чаю еще, погоди, что было...

— Случайный случай до чаю был?

— Ну да... Ты слушай, а то перебиваешь все время...

— А в чем этот студент был? В той шинели, что тогда? Я его хорошо помню — такой высокий, согнутый и борода узенькая, а глаза добрые. Он хороший, Лень, только очень бедный, да?

— А откуда ему богатства взять? Он себя не жалеет... Ему тюрьма,— хмуро сказал Ленька.

— Как — тюрьма? За что тюрьма? — всполошилась Динка.

— Так ведь вот не слушаешь, а все то вперед, то назад заскакиваешь. Я, коль так, и рассказывать не буду! — рассердился Ленька.

— Нет, говори... Раз начал, то говори!

— Опять же с того места надо. Ну, сказал он мне, где живет, и пошел. А я гляжу вслед, и что-то чудно мне кажется. Денег у него нет, а он шасть в рабочую столовую... Ну, думаю, либо попрошайка какой, либо кто из дружков его накормит. А тут время на обед, рабочих много идет: и с ремонтных мастерских, и пристанские, и грузчики тут... Народу — не протолкнешься, и такой меня интерес взял... Ну, и сунулся я за ним в эту столовую. Гляжу, а он в самую толкучку залез и все чего-то между людьми шныряет. Ну, думаю, кого-нето обокрасть хочет.

А народ все бедный, рабочий. Стал за его спиной и гляжу... А он пошарит, пошарит в своей кошелке и отойдет... Гляжу, у одного рабочего всякий струмент в ящике, а студент этот шасть к нему... Вроде что-то положил. А рабочий нагнулся, хотел хлеб вынуть, а там бумажка. Взял он ее, развернул, и вроде оторопь его взяла... Смял, смял и швырк соседу под ноги, а сам — ходу... А я думаю: что за бумажка такая? Вроде видел я где-то такие... А уж ее ногами затискали, не видать... Ну, все же нагнулся я и вроде ненароком схватил ее... А студента того уж и след простыл...

— Он убежал, Лень?

— Да не убежал, а ушел. А может, еще где меж рабочими шнырял... Я уж не стал его искать — уж очень бумажка интересная. Вот такие у дяди Коли полиция нашла... Когда обыск делали, я видал. За них и в тюрьму его посадили. Запрещенные бумажки. Прокламацией они называются.

— Прокламацией? Я тоже знаю. Мне Мышка говорила. Ну, рассказывай, Лень!

— Да, теперь самое главное... Вышел я на пустырь, оглянулся и стал читать. Всего, конечно, не разобрал...

— А какими буквами? Печатными?

— Печатными. Как вот в книге. Не рукой писано. И все складно. Так и так, мол, свергайте царя, будете сами хозяева. А то, мол, вы спину гнете, а богачи вашим трудом задаром пользуются... Одним словом, я не все понял... Об одном только догадался, что за это тюрьма. Хорошо, никто не видел. Я и сам испугался. Отнесу, думаю, ему да скажу, чтоб поаккуратней делал... Ну и пошел!

— И сказал? — с интересом спрашивает Динка.

— А как же! Захожу, а он тоже только что пришел. Комнатка у него махонькая, на самом чердаке. Один живет. Стол, да кровать, да две табуретки...

— А шарик где был? — спрашивает Динка.

— Не знаю, где был. Только я как пришел, студент и говорит: «Садись, сейчас чай будем пить! Меня зовут Степан, а тебя как?» — «А меня, говорю, Ленькой». И сразу бах эту бумажку на стол! «Вот, говорю, спугался человек и бросил... Аккуратней, говорю, надо, ведь за это тюрьма». И стал рассказывать, как за эти бумажки дядю Колю арестовали.

— А он что?

— Он — ничего... Бумажку спрятал и молчит, слушает. А потом стал спрашивать, как дело было. Я сказал. Он опять молчит. Налил чаю, нарезал хлеб и давай чего-то между книгами копаться. «Тут, говорит, у меня сахар был». И верно, кусок сахару у него. Только не между книгами, а под столом...

— А шарик? — нетерпеливо перебивает опять Динка.

— Вот тут и шарик он вытащил из-под книг да как вдарит им по сахару! Я даже подскочил. «Разобьете, говорю, такую драгоценную вещь...» Я уже его разглядел тогда... Ну, сели чай пить; стал он спрашивать, где я живу да кто у меня есть. И про тебя спросил. Ну, я сказал... И про дядю Колю опять сказал. «Он, говорю, может, и сейчас еще в тюрьме...» — «А фамилию, спрашивает, знаешь?» — «Знаю, говорю: Пономаренко его фамилия». А он опять спрашивает: «Так кто он тебе был?» А я говорю: «Не знаю кто, чужой человек, а жалел меня, и я его век не забуду...» Ну, так поговорили, попили чаю по три чашки, съели его хлеб... Стал я уходить. «Спасибо, говорю, до свиданья...» А он все думает о чем-то, потом взял шарик и сует мне в руки. «Возьми, говорит, для своей подружки!»

— Для меня? — радуется Динка.

— Для тебя, конечно. Я даже покраснел весь — так обрадовался; только как взять — ведь он сахар им бьет! «Бери, бери, говорит, я сахар и чернильницей разобью, это мне неважно чем: был бы сахар»,— и засмеялся. А я осмелел и опять про ту бумажку вспомнил: «Вы бы, говорю, ее к бублику привязали. Голодный человек бублик сроду не выбросит, а бумажку выбросит». Тут он давай смеяться: «А ну как этот самый рабочий мой бублик вместе с бумажкою съест!» — «Не съест, говорю, он домой детям понесет, а там вместе с товарищами и почитает». Ну, посмеялись так, а он и говорит: «Приходи запросто ко мне; что у меня есть, тем и поделюсь. Ты, я вижу, славный парнишка! Спасибо тебе, что бумажку подобрал и принес... И о бубликах я подумаю...» — Ленька замолчал и глубоко вздохнул.

— А где же случайный случай? — разочарованно спросила Динка.

— Как — где? Я же тебе рассказал. Вот это он и есть! — засмеялся Ленька.

Глава восемнадцатая

ПЕРВЫЕ ЗАБОТЫ

Мама опять приезжает вовремя, и все в доме идет по-прежнему. По-прежнему Алина выносит на террасу круглые часы, по-прежнему выскакивают к калитке дети. Вечерами мама читает вслух книгу Диккенса «Большие ожидания». Эту книгу подарил Мышке Гога за то, что она сумела посадить в галошу такого литературнообразованного человека, как он. После чтения мама играет на пианино, а Анюта и Алина тихо кружатся по комнате. Анюта стала таким же частым гостем, как Марьяшка: мать ее теперь сидит дома и охотно отпускает девочку к подругам.

По-прежнему весело проходит воскресенье. Лина печет большой пирог, приезжает в гости Малайка... Все идет по-прежнему... Изменилась только Катя. После отказа Виктору и примирения с Костей Катя ожила, повеселела и меньше стала обращать внимания на всякие неприятности.

— Катя совсем не жалуется на тебя, Диночка! Ты, наверное, уже исправилась? — шутит мама.

— Это Катя исправилась,— серьезно отвечает ей Динка.

Мама смотрит на Катю, и обе они смеются. Вечером они рассказывают об этом Косте и смеются все втроем. Но Динке не смешно. В голове у нее теснятся разные мысли... Из рассказа Леньки она вдруг поняла, как трудно заработать деньги. Ей запомнился тяжелый мешок, который мальчик взваливал себе на спину... Она видела, как носят такие мешки грузчики. На висках их вздуваются синие жилы, по лицу грязными струйками стекает пот... Динке жалко Леньку, жалко и студента в рваной шинели... Она думает о запрещенных бумажках, которые подкидывает рабочим этот студент... Засыпая, она видит, как ветер разносит по базару эти бумажки, видит, как Ленька взваливает на свою спину мешок, и сердце у нее сжимается от страха.

— Лень, ты не езди больше в город,— просит она, приходя на утес.

— Да я уж и так сижу... Плохо без билета ездить...— хмуро отвечает Ленька.— Только и тут мне делать нечего... Вчера еле-еле на хлеб наскреб.

Динка смотрит на бледные, запавшие щеки Леньки, на темные выемки под глазами.

— Катя, дай мне фартучек с белочкой,— просит она перед обедом тетку.

— Да ты уже выросла из него! — смеется Катя.

— Да нет еще... Дай мне, а то я очень пачкаю платья,— скромно говорит Динка.

Катя вытаскивает из комода детский фартучек с большим карманом на животе и с вышитой на кармане белкой.

— Вечные у тебя фантазии! — говорит она, пожимая плечами.

За обедом Динка запихивает в карман хлеб, хватает со своей тарелки котлету... Просаленная насквозь белка на ее животе предательски отдувается, и как ни исправилась Катя, а все-таки она сразу замечает и оттопыренный карман, и жирные пятна на Динкином фартуке.

— Что это ты сделала? — с удивлением восклицает она и, морщась от брезгливости, вытаскивает двумя пальцами измятую котлету.— Фу, какая гадость!

— Отдай! — чуть не плача, кричит Динка.— Это не гадость, это моя... я свою взяла!

Но Катя уже бросает котлету на грязную тарелку:

— Есть надо за столом! Сними сейчас же фартук, глупая девочка!

Динка молча снимает фартук.

«Наплевать мне на твою котлету! — сердито думает она.— Я завтра с шарманщиком напою сто штук таких котлет!»

И, бросив на стул фартук, она бежит к кукольному ящику, где хранится ее рваное платье.

«Встану раным-рано и пойду... Дзинь-дзинь денежки в шапке! Целую кучу заработаю и принесу Леньке!» — мечтает девочка.

Глава девятнадцатая

ТЯЖЕЛЫЙ ЗАРАБОТОК

Жарко палит солнце. Склонив усталые ветки и словно задумавшись о чем-то, стоят деревья; не шелохнется лист, притихли птицы. По лесной дороге, согнувшись под тяжестью шарманки, плетется старик. Рядом с ним, то отставая, то забегая вперед, семенит маленькая нищенка... Крутые кольца волос липнут к ее потному лбу; красные от жары щеки покрыты пылью, синие глаза устало щурятся на солнце, на разбегающиеся от дороги тропинки, на виднеющиеся среди зелени крыши разбросанных по лесу дач.

— Дедушка, нам дадут попить? — спрашивает Динка, облизывая языком губы и поправляя сползающее с плеча рваное платье.— Я попрошу, дедушка, ладно?

Но старик, глядя себе под ноги, молча шагает вперед... Сухое, морщинистое лицо его застыло в одном выражении долготерпения и покорности судьбе.

На свету кружатся мошки. Динка отгоняет их рукой и от нечего делать разглядывает приплюснутую шапку на голове шарманщика, изрезанный морщинами лоб, покрытый черными точками бугорчатый нос и свисающие из-под шапки, похожие на желтые лохмотья седые волосы.

Сед как лунь, на лбу морщины,
С испитым лицом,
Много видел он кручины
На веку своем...—

машинально припоминает она и, забегая вперед, участливо спрашивает:

— Тяжело тебе, дедушка?

— Тяжело,— каким-то хрипящим звуком выдыхает старик.

— Ты, наверное, хочешь пить? — снова спрашивает Динка.

Шарманщик медленно поднимает голову и поводит вокруг мутными, выцветшими глазами.

— Вот спросим... Где-нибудь подадут водички-то...

Старик и девочка рано выбрались на работу, они обошли уже несколько дач. Динка пела и перепевала три песни, которые играет шарманка; она пела старательно, чисто, но на глазах ее

уже не появлялись слезы, как тогда, на пристани. Она не жалела больше тех, о ком поется в песне, и не представляла себя несчастной, брошенной сиротой. Она думала о Леньке, и каждая монета, падающая в шапку, вызывала у нее радостную улыбку.

— Пожалейте нас, люди добрые! — весело говорила она, встряхивая шапкой.

Потом снова пела и, повторяя заученные слова песни, безучастно смотрела поверх голов своих слушателей... Динка работала. И ничто в ней уже не напоминало ту маленькую, трогательную нищенку, которая вызывала всеобщее сочувствие. И слушатели ее были уже не те простые, бедные люди, которые сами видели горькую нужду и от всего сердца жалели сироту. Сейчас это были дачники. Заслышав звуки шарманки, к ограде подбегали нарядные дети, а вслед за ними торопились бонны, нянечки в белых чепцах или бойкие горничные в кружевных передниках.

— Ступайте отсюда,— говорили они,— господа отдыхают.

Шарманщик резко обрывал музыку и шел к следующей даче; Динка, приготовившаяся петь, следовала за ним.

Но чаще дети поднимали крик и бежали к матери с просьбой впустить шарманщика.

— Мама! Там девочка! Пусти их! — кричали они, подбегая к веранде.

Калитка открывалась, горничная, брезгливо морщась и отстраняя детей, вела шарманщика и девочку по аллее, усаженной по бокам выращенными в оранжереях диковинными цветами.

— Играйте! — приказывала она, остановив их неподалеку от веранды.

Старик перетягивал на шее ремень и, стащив со своей спины шарманку, упирал ее деревянной ножкой в песок. Динка становилась в позу. Дети, стоя поодаль, с любопытством смотрели на ее вихрастую голову, рваное платье и босые ноги. Пение сопровождалось заунывной хрипящей музыкой. На веранде появлялись взрослые и, облокотившись на перила, перекидывались шутками. Маленькая бродяжка смешила их своей манерой прижимать руку к груди и откидывать назад голову с полузакрытыми глазами.

...Я с кинжалом в руке
Пробирался тайком...—

пела Динка, и с веранды раздавался громкий хохот... Дети подбегали к взрослым и, получив от них завернутые в бумажки деньги, бросали их в шапку. Динка разворачивала бумажки и, тряхнув над своим ухом шапкой, бежала к деду. Шарманщик выгребал деньги в свой карман и низко кланялся, благодарил.

Иногда музыка и пение прерывались на середине, горничная совала старику деньги и поспешно выпроваживала его за калитку. Динка, ничуть не огорченная тем, что ее прервали, бежала впереди...

В одной даче пожилая дама с седыми буклями остановила ее пение в самом начале:

— Подожди, девочка! Какие песни ты поешь? — строго спросила она.

Решив, что для этой важной дамы необходимо назвать композитора, Динка бойко перечислила все три песни, которые играла шарманка, и, остановившись на одной, громко заявила:

— «Ах, зачем эта ночь...» — песня композитора Глинки.

— Что такое? При чем тут Глинка? Это не для детей,— сказала старая дама и, обернувшись к мальчику и девочке, которые безмолвно стояли около ее кресла, повторила: — Вы видите, дети, это не для вас! Пусть старичок просто поиграет.

Динка возмутилась.

— Но я знаю и другие песни,— сказала она.

— Какие другие? Все в том же роде? Нет, уж не пой, пожалуйста!

Но дети, стоявшие за ее спиной как два истуканчика, вдруг зашевелились.

— Мы хотим, чтобы она спела! — хором сказали они.

— Но вы же слышите, что у нее все в одном роде! — взволновалась старая дама.

— Ни в каком не роде, а просто детские. Их играют на пианино для детей! — сказала Динка.

— Вот как! Что же, например? — заинтересовалась старая дама.

— Много. О птичках, о кошечках и о новогоднем снеге.

— Мы хотим...— тупо и упрямо повторили истуканчики, с двух сторон налегая на кресло.

— Ну, спой о птичке,— милостиво разрешила строгая дама

и, склонив голову набок, поправила букли.— Дети, прослушайте песню о птичке!

Динка приготовилась, но шарманщик не понял и затянул «Разлуку».

— Прекрати! Прекрати сейчас же! — замахала руками старая дама и подозвала горничную.

— Барыня хочет, чтоб девочка спела одна,— пояснила та испуганному старику.

Динка фыркнула, но сдержалась и, приняв позу, громко объявила:

— «Птичка»! Песня композитора Глинки. «Отчего, певунья-птичка, так печально ты сидишь...—медленно запела она, тщательно выводя мотив.—Грустно милую головку опустила и молчишь...»

Дама милостиво закивала головой.

— Вот видите, дети,— сказала она поучительным тоном.— Сейчас мы узнаем, почему загрустила птичка.

Динка пропела еще один куплет, где птичке предлагают сахару и водицы, но она отказывается.

В рабстве, дети, сахар горек...
Что мне в клетке золотой?
Возвратите мне отраду
Жизни вольной и простой! —

старательно пропела Динка.

— Ну вот, теперь нам понятно, что птичке не нравится ее клетка,— точно следуя за Динкой и переводя слова песни на поучение, объясняла дама своим истуканчикам.

Динка, давясь от смеха, с трудом дотянула последний куплет:

— «И тогда я вам в награду песню лучшую спою...» Ха-ха-ха! — неудержимо залилась она вдруг.

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! — прыснули за креслом истуканчики, но старая дама погрозила им пальцем, и они мгновенно смолкли.

— Ха-ха-ха! — еще громче заливалась Динка.

— Почему ты смеешься? Сейчас же объясни, почему ты смеешься? — прикрикнула на нее старая дама, и седые букли ее затряслись.

— Потому что... так полагается по нотам,— испугавшись, что ей ничего не заплатят, скромно сказала Динка.— Это для

того, чтобы дети развеселялись... Там просто так и написано: «Ха-ха-ха!» — сочиняла второпях Динка.— Это написал композитор Глинка.

— Ну, не знаю, кому это нужно... Мне, во всяком случае, ни к чему,— пожала плечами старая дама.— И вообще первый раз слышу что-нибудь подобное! Странная фантазия приписывать все Глинке!

Динка вспомнила стоящего у пианино Олега.

— Почему странная? А это что? «Смейся, паяц, над разбитой любовью...» — вдруг затянула она и, прервав себя на последнем слове, тоненько допела: — «Разве ты человек? Ха-ха-ха-ха! Ты ведь паяц!»

Старая дама заткнула двумя пальцами уши:

— Прекрати сейчас же! Это невозможно слушать! Спой лучше о кошечках, только, пожалуйста, без того самого «ха-ха»! — морщась, добавила она.

Но Динку душил смех, и, краснея как пион, она пояснила, что петь больше не может, так как у нее болит горло.

— Болит горло? И ты ходишь по дачам заражать детей? — в ужасе вскочила старая дама.— Да у тебя, может, ангина или дифтерит, а ты здесь поешь про птичек и распространяешь миазмы! Сейчас же уходи отсюда!.. Глаша! Дайте им два пятака, и пусть сейчас же уходят! — закричала она своей горничной. Горничная сунула Динке два пятака и поспешно выпроводила их с шарманщиком за калитку.

— С чего это она закричала-то? — спросил старик, отбирая у Динки пятаки.— Осердилась на тебя, что ли?

— Нет, она просто заболела...— Динка показала на горло.— У нее тут... дифтерит!

— Ишь ты, как сразу ее схватило! — покачал головой старик и, вздохнув, добавил: — Все под богом ходим!

Динка фыркнула и махнула рукой:

— Да пускай хоть умирает! Денежки дала, и ладно!.. А мы много сегодня заработали, да, дедушка? — весело добавила она и, подставив свой подол, попросила: — Высыпи мне в платье, дедушка! Я не потеряю! Я только побренчу немножко!

— Ну, не чуди, не чуди! — прикрикнул на нее старик.— Деньги не игрушка! Их с плачем добывают! Вот погоди, опосля зайдем в харчевню... штей поедим!

— Штей? С мясом? — спросила Динка и, поморщившись, вспомнила, что около харчевни всегда стоит теплый и тошнотворный запах перепрелой капусты. Особенно когда распахивается дверь... Один раз она даже задержалась у этой двери, чтобы спросить, что здесь варят, и какой-то возчик, вытирая ладонью рот, сказал: «Шти» — и добавил: «Есть пустые, есть с мясом! Это по цене!»

«Может быть, с мясом не так пахнут?» — подумала Динка. Ей уже давно хотелось есть. Но шарманщик не торопился. Он шел вдоль заборов, пропуская маленькие, скромные дачки и заходя в те, которые выглядели богаче.

В одной из таких дач мальчик высыпал старику в торбу обгрызенные корки хлеба.

— Что ты делаешь? — возмутилась Динка.— Разве можно давать кому-нибудь недоеденные корки?

— А почему же нельзя? — удивился мальчик.

— Да потому...— Динка наморщила лоб и наизусть повторила мамины слова: — Потому, что это унижает человеческое достоинство!

— Подумаешь, человеческое достоинство! Где это ты набралась таких слов? — спросил другой мальчик, постарше, лениво поднимаясь из гамака с книгой в руке.

Динка молча дернула плечом и отвернулась.

— Тебя спрашивают, откуда ты набралась таких слов? Эй, ты! — насмешливо крикнул мальчик и стукнул Динку по голове книгой.

— Дурак! — вспыхнула Динка, придвигаясь ближе к шарманщику, который, глядя куда-то в сторону, играл плясовую.

— Ого! Да ты еще ругаешься!.. Григорий! — крикнул мальчишка подошедшему дворнику.— Гони эту рвань к черту!

— Ступайте отсюдова! — замахнувшись метлой, закричал дворник.

Девочка шарахнулась в сторону; мальчик шикнул и засмеялся.

— Ступай, старик, ступай! — кричал дворник.

Шарманщик суетливо взваливал на плечи шарманку. Динка выхватила у него торбу и, вытащив из нее горсть сухих корок, швырнула их в лицо обидчику:

— На! Подавись!

— Григорий! — загораживаясь от нее рукой, закричал мальчишка.

Но Динка, прыгая через клумбы, уже достигла калитки...

Гнев дворника обрушился на шарманщика.

— Иди, иди! — гнал он старика, замахиваясь на него метлой.— Шляетесь здесь, грубияны нахальные!

— Дурак! Дурак! Вы все дураки! — кричала, повиснув на заборе, Динка.

— Я те покажу дураков! Чтоб духу вашего здесь больше не было! — ругался дворник, выталкивая шарманщика и запирая за ним калитку.

— Господи милостивый...— простонал старик, выйдя на дорогу.— Что ж это ты начудила там? Ну, стукнул барчук маленько... И стерпела бы... Ведь не ровня тебе... Вишь, как осердились и ни гроша не подали.

— Корки тебе подали! — огрызнулась Динка.

Старик пощупал рукой торбу и покачал головой:

— Ишь ты, какая озорница! Взяла да швырнула! Еще ладно, что только вытолкали, а то бы придрались, не дай бог!

Он с опаской оглянулся на богатую дачу и, отойдя еще немного, остановился:

— Не под силу мне идти. Руки, ноги дрожат...

Динка испугалась.

— Сядь, дедушка, сядь! — помогая старику снять с себя шарманку, с раскаянием бормотала она.— Сядь здесь, на траву! Отдохни!

Старик сел и, вынув из торбы сухие корки, разложил их на траве:

— На́ вот, пожуй маленько.

— Не буду,— решительно сказала Динка и, сглотнув слюну, отвернулась.

Старик потрогал корки и, выбрав одну, с сожалением сказал:

— Размочить бы в водичке... Так ведь у иных и воды не выпросишь.

Он снова потрогал сухие корки и, горестно покачав головой, сложил их обратно в торбу:

— Посидим, коль так.

«Старенький... Корочку хотел съесть... размочить в во-

дичке»,— подумала Динка, и ей захотелось громко заплакать.

Но старик закрыл глаза и, прислонившись спиной к шарманке, задремал. Седые, пожелтевшие от времени космы упали ему на лицо, дыхание с хрипом вырывалось из груди... Динка тоже закрыла глаза и, свернувшись клубочком, зарылась лицом в прохладную траву. Ноги у нее ныли, сбитые подошвы потрескались, горло пересохло от жажды, нестерпимо хотелось есть. Но усталость взяла свое, и Динка заснула.

Через час шарманщик и девочка снова шли по дороге.

Глава двадцатая

ДИНКИНА ПЕСЕНКА

Солнце уже садится за деревья. Голодная, усталая Динка еле тащится.

— Я не могу больше ходить, дедушка. У меня ноги отрываются... и голос весь вышел...— жалуется она.

— Вот еще в эту дачу зайдем, а тогда и домой... Тут четыре семейства снимают, очень люди хорошие. И попить дадут, и деньгами не обидят,— говорит старик, осторожно открывая чугунную калитку и направляясь к дому.

Динка медленно плетется за ним. От мелкого гравия на дорожках босые ноги ее горят и чешутся, на пятки больно наступать.

— Дедушка пришел! Дедушка пришел! — выбегая навстречу шарманщику, кричат дети.

Детей так много, что у Динки пестрит в глазах от их платьиц, рубашонок и вязанных, как чулок, с яркими полосками и с кисточками на концах, цветных фесок.

— А чья это девочка? Как ее зовут? — спрашивают они, перебивая друг дружку.— Она будет вертеть ручку шарманки? А нам ты дашь повертеть, дедушка?

— Моя, моя девочка. Она вам песенки споет. И ручку повертите, как же без этого? — еле успевает отвечать старик и, вытирая мокрый лоб, просит: — Вот только бы нам водички испить!

— Водички? Сейчас! Вам кипяченую? — бросаясь наперегонки к дому, кричат дети.

Около большой веранды круглая площадка; на скамейках сидят женщины с детьми.

Приход шарманщика вызывает всеобщее оживление, и вокруг старика и Динки сразу образуется толпа.

— Вона, гляди, кто пришел! — уговаривает раскапризничавшегося малыша старая нянюшка.— Сейчас как заведет, так и твоего голоса не будет слышно! Молчи лучше!

— Водички! Нате водички! — кричат дети, протягивая старику и девочке сразу несколько кружек.

— Спасибо, спасибо... Славные детки, бог их наградит! — растроганно бормочет старик, припадая к кружке с водой.

Динка пьет долго и жадно, потом, отняв от губ кружку, смотрит на детей. Мутная накипь от усталости, голода и унижений вдруг рассеивается в ее душе, и, словно очнувшись от тяжелого кошмара, она обращается ко всем с запоздалым приветствием:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, здравствуй, деточка! Садитесь вот с дедушкой, отдохните немножко,— освобождая место на скамеечке, приветливо откликаются женщины.

Откуда-то появляются чашка молока и сладкая булочка.

— Спасибо... я не хочу... Дайте дедушке,—с усилием отказываясь от еды, говорит Динка. Ей кажется, что если она отопьет хоть глоток молока и съест хоть кусочек булки, то сразу почувствует себя нищей... В чужом доме, в этом рваном платье...— Нет-нет! — отказывается она.— Дайте дедушке. Пусть он поест, а я пока спою... Я одна спою!

Динка вдруг вспоминает любимую песенку Мышки. В этой песенке рассказывается о внучке, которая водит слепого дедушку и передает ему все, что видит вокруг. Правда, Динка не помнит всех слов, но она так ясно видит идущих по лесной дороге дедушку и внучку, так ясно представляет себе залитый солнцем луг, что не думает о словах, они как-то придумываются на ходу сами и легко ложатся в рифму:

«Дедуся, луг блестит цветами,
Все жизни радуются вновь...»
И видит дед ее глазами
Цветы, деревья и любовь...

— «Дедуся...» — растроганно и нежно поет Динка, подняв к старику шарманщику сияющее лицо и легонько касаясь его рукава.

«Дедуся, лес шумит над нами,
Щебечет птичка над тобой...»
И видит дед ее глазами,
И дед уж больше не слепой...

Динка сама не знает, какими словами она заканчивает песню, она не видит обращенных к ней ласковых лиц, не слышит тихих голосов женщин... Потрясенная каким-то новым, глубоким чувством, она забывает и о Леньке, который хочет есть... Губы ее робко улыбаются, глаза блестят.

Но шарманщик сует ей в руки шапку, и она протягивает ее к женщинам.

— Сейчас, сейчас, девочка! Сейчас, милочка! — торопятся женщины, и в шапку со звоном падают монетки.

Динке не хочется брать от этих людей деньги.

— Спасибо,— стесняясь, говорит она.— Это не мне... Это Леньке...

— У тебя есть брат? — спрашивают ее женщины.

— Нет, не брат... Но мы всегда вместе... Он сирота,— путаясь, объясняет Динка.

Шарманщик берет из ее рук шапку и заводит плясовую; дети по очереди крутят железную ручку.

К калитке их провожают с добрыми пожеланиями.

— Приходите еще! Приходите! — просят взрослые и дети.

Глава двадцать первая

ГОРЬКАЯ ОБИДА

Выйдя на дорогу, старик решительно сказал:

— Пора и на покой. Все кости ноют. Завтра опять походим, а на сегодня хватит. Устал я...

Солнце уже совсем низко. Скоро с пристани донесется длинный гудок маминого парохода, но Динка забыла обо всем на свете. Подпрыгивая и прихрамывая, она бежит рядом с шарманщиком и весело болтает:

— Ты что купишь себе, дедушка? Я ничего не куплю! Мы вместе с Ленькой купим!

— А что тебе покупать? Вот съешь горяченьких штец да мороженого...— снова повторяет старик.

— Не надо! — машет рукой Динка.— Я сразу домой побегу...

Старик прибавляет шагу и, минуя последнюю просеку, выходит на тропинку, ведущую вниз, к пристани.

— Дедушка, ты пойдешь на базарную площадь? — спрашивает Динка.

— Ну да, через базар и пойдем. Там и харчевня...

— Я не хочу в харчевню... Я пойду домой! Давай тут разделимся, дедушка! — предлагает Динка, но старик словно не слышит ее и молча идет дальше.— Дедушка! Мне тут близко — почти у самого обрыва,— говорит Динка.— Дай мне мои денежки!

— Каки таки денежки? Я сам тебе морожено куплю... Денежки, денежки...— бормочет старик, не останавливаясь и не убавляя шагу.

— Дедушка, я домой хочу! — дергает его Динка.

— Ну, иди, чего пристала? Я тоже домой иду, не гулять ведь.

Тропинка выводит старика и девочку на базарную площадь. С пароходов идут пассажиры, тащатся с корзинами торговки, шныряют между рядами лавок босоногие ребята. Динка беспокойно оглядывает пассажиров и вспоминает о маме.

— Дедушка, дай мне денег! Давай сейчас же! — сердито кричит она и дергает старика за рукав.— Давай денежки, я домой хочу!

— Сказано — куплю морожено. А боле чего тебе? Каки таки деньги? — хмурится старик.

— Давай мои! Из кармана давай! — топает ногой Динка.

Прохожие останавливаются:

— Ай-яй-яй! Как нехорошо, девочка!

— Что же это ты так кричишь на своего дедушку? Бесстыдница этакая! Хоть бы людей постеснялась! — качая головой, вмешивается проходящая мимо женщина.

— Давай денежки! — вне себя кричит Динка, цепляясь за шарманщика.— Те, что в шапке были, давай!

Старик дрожащими пальцами роется в кармане и вынимает пятачок.

— На! Назола какая! Господи помилуй, вот горе-то навязалось на мою шею! — громко жалуется он.— На пятачок, что ли!

Динка видит одну монетку на его ладони и вспоминает богатый перезвон в шапке.

— Много давай! Разделись со мной! — гневно кричит она, отталкивая от себя ладонь с пятаком.

— Бессовестная! И не стыдно тебе старичка старенького обижать? — корят остановившиеся неподалеку торговки.

— Ведь вот есть же такие дети несочувственные! — возмущаются они.— Гляди, как топает! И где только набаловалась так? Ведь по всему видать — в нищете растет!

— Выпороть ее надо, а не пятачками баловать! — замечает проходящий мимо мужчина.

— Бери пятачок-то. Завтра еще дам,— пробует уговорить девочку шарманщик.— Что ж, правда, обижаешь старика?

Глаза Динки широко раскрываются.

— Я работала... я пела...— бормочет она, но голос ее прерывается горькими рыданиями, и, круто повернувшись, она бежит по дороге, спотыкаясь от усталости и горя.

— Ишь, пошла,— бормочет старик, глядя ей вслед. Но отчаянный, безнадежный плач девочки тревожит его.— Эй, мальчик! Снеси-ка ей вот...— подзывая к себе босоногого мальчугана, просит он и добавляет к пятаку еще три копейки.— Снеси, миленькой!

Мальчик, сверкнув босыми пятками, в несколько прыжков догоняет плачущую девочку.

— Вот возьми, старик тебе еще дал,— сует он ей в руки деньги.

Но Динка отстраняет протянутую ладонь и, не оглядываясь, бредет по дороге. Из последних сил царапается она на обрыв и, цепляясь за колючие кусты, плетется по тропинке к утесу.

Громкий плач ее переходит в горькое всхлипывание и тихие протяжные жалобы:

— Лень... Лень... Лень...

Глава двадцать вторая

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ ЛЕНЬКИ

В жизни Леньки редко бывали счастливые дни. Но сегодня ему повезло. Утром, пробравшись за пассажирами на пароход, он благополучно проехал в город и тут же, на пристани, заработал пятнадцать копеек у одной сердобольной барыньки, которой помог добраться с двумя чемоданами до извозчика.

— Сколько тебе? — спросила барынька.

Но Ленька, не считая свою помощь за большой труд, махнул рукой:

— Ладно... Чего там!

Барынька сунула ему гривенник, а потом, увидев, как просияли глаза мальчика, растрогалась и добавила пятачок. Это была удача, и Ленька сразу почувствовал себя человеком с деньгами. Он ходил по базару и, ощущая мучительный голод, приценивался то к пирогам, которыми торговал разносчик, то к горячей картошке, политой бараньим жиром... Особенно долго стоял он в обжорном ряду, наблюдая, как к длинному столу один за другим подходили люди и, заплатив три копейки, получали из рук торговки окутанную душистым паром жестяную миску с мятой картошкой. Соблазнительный запах щекотал ноздри, но Ленька не решался отдать сразу целых три копейки и, махнув рукой, отошел подальше, сказав себе свою любимую фразу:

«Чего тут... Не маленький небось...»

Приценялся он и к толстым румяным бубликам... Но всё казалось ему слишком дорого, и в конце концов он купил на две копейки горбушку хлеба и остался очень доволен собой. Но хлебом ему пришлось поделиться с Федькой, которого он встретил на базаре. Федька с утра продавал за гроши мелкую рыбешку, но рыбешка шла туго, Федька оголодал и собирался уже домой.

— Погоди... может, еще продашь! — разламывая пополам свой хлеб, сказал Ленька.— Тебе бы Макаку сюда! — засмеялся он, вспомнив свои торги рыбой.

Но Федьке было не до смеха.

— Меня нонче Митрич обещался взять с собой,— сказал он.— А из-за этой дряни и ловлю пропущу... Знаешь что? —

предложил он Леньке.— Бери ее себе! Что продашь, а что сваришь дома!

Ленька согласился и занял Федькино место. Вначале ему повезло, и он умудрился заработать десять копеек, но потом дело застопорилось, и последнюю кучку никто не хотел брать. А между тем базар был в полном разгаре, и Ленька боялся потерять заработок.

«Возьму домой, похлебку сварю»,— подумал мальчик и, сложив рыбу в корзинку, которую оставил ему Федька, пошел на пристань... Его привлекла столовая.

«Поглядеть бы, нет ли там опять дяди Степана?»

Но дяди Степана не было, зато Леньке снова удалось заработать немного денег, и он решил купить Динке большое румяное яблоко. Выбрав на возу самое лучшее яблоко, он прибавил к нему еще два поменьше и, заплатив, отошел.

Его беспокоила мысль о своем новом знакомом.

«Может, дома сидит... А может, на работе где-нибудь? — раздумывал Ленька.— А может, голодный?»

Мальчик решил купить хлеба и отнести Степану рыбу.

«Тот раз он меня кормил, а этот раз я его накормлю!» — радовался Ленька, шагая по грязному переулку и взбираясь по скрипучей лестнице деревянного флигеля.

Степан был дома.

— Вот и хорошо, что ты пришел! — весело сказал Степан.— А у меня вчера получка была! Сестра денег прислала, да за урок я получил! Пойдем в студенческую столовую обедать! — предложил он, садясь на кровать и натягивая на босые ноги ботинки.

Но Леньке не хотелось обедать за его счет.

— У меня есть рыба...— сказал он.— Я бы, дядя Степан, сварил похлебку, вот мы и наелись бы!

— Ну что ж! — согласился Степан, заглядывая в Ленькину корзинку.— Чего лучше! Сварим похлебку! Только один уговор: не называй ты меня дядей! Терпеть не могу всех этих дядей, тетей! — стаскивая ботинок, сказал он.

Ленька засмеялся.

— Ясно, смешно! Мы с тобой взрослые люди: ты Леонид, а я Степан! Ну, вываливай свою рыбу около печки, сейчас будем хозяйничать!

Сидя на корточках, они вдвоем выпотрошили рыбу, покормили спустившуюся с чердака голодную кошку, потом развели огонь и, поставив варить похлебку, разговорились. Польщенный тем, что Степан называет его Леонидом и считает его за равного себе, взрослого человека, Ленька вдруг почувствовал собственное достоинство и независимость; булькающая в кастрюле рыба и хлеб, выложенный им на стол, также прибавляли ему чувство независимости, а простое, дружеское отношение Степана располагало к доверию. Ленька рассказал о своем бегстве от хозяина и жизни на утесе.

— Как орел живу! — похвалился он.

— Это хорошо, это даже очень здорово,— задумчиво сказал Степан, закуривая папироску и пуская в потолок дым.— Но ведь вот какая неприятность: за летом приходит осень... дожди... Пожалуй, подмочит тебя на твоем утесе, а? — глядя на Леньку добрыми близорукими глазами, спросил он.

— Не подмочит! — засмеялся Ленька.— Я под камнем сплю!

Степан пощипал рыжий клинышек своей бородки и кивнул головой:

— Ну, спи пока под камнем! А зимой, если я до тех пор не получу бесплатную квартиру, будешь жить со мной!

— Это что же — тюрьму? — догадался Ленька.

— Ну да! Мало ли что может случиться... Вот поднял бы ты тот раз бумажку и крикнул бы: «Держите его!» — так сейчас же меня, голубчика, и сцапали бы,— сказал Степан.

— Я не предатель и не сыщик! — обиделся Ленька.

— А есть и предатели и сыщики,— бросая в угол папиросу, сказал Степан.

— А где же они есть? Если, например, среди рабочих, так там их нету...— пожал плечами Ленька.

— Почему — нету? Попадется вот такая бумажка какому-нибудь холую, подхалиму хозяйскому, вот он и снесет ее куда надо, а там начнется слежка...— заметил Степан.

— Так вы поаккуратней! Глядите, кому кладете...— нахмурился Ленька.

Степан поднял кастрюлю, подсыпал в жаровню углей, взял ложку.

— А ну, попробуй! — сказал он вместо ответа и выдвинул

из-под кровати сложенную горкой грязную посуду.— Вот, кстати, тарелок этих, ложек, плошек у меня набралось до черта! И пачкаются, понимаешь ли ты, и мыть их надо! Одним словом, лишняя посуда затрудняет жизнь! Не возьмешь ли на свой утес хоть половину? — наливая в миску воды из ведра и гремя тарелками, предложил Степан.

— Возьму! — засмеялся Ленька.— Мне как раз есть не на чем.

— Вот и хорошо! Бери грязную — там Волга у тебя под рукой, вымоешь...— засовывая в Ленькину корзинку миску и две тарелки, сказал Степан.— На́ вот и ложки. Сразу тебе кладу, чтоб не забыл.

Ленька, хохоча, помог ему собрать посуду.

— Чудной вы! — сказал он.

— Да не чудной я, а просто, понимаешь ли ты, некогда мне тут себя обхаживать, как старую барыню...

— А вы куфарку возьмите! — развеселившись, посоветовал Ленька.

— Только этого мне еще не хватало! — серьезно сказал Степан.

Убрав со стола книги, Ленька поставил тарелки, налил похлебку, нарезал хлеб. Ели молча, обжигаясь и откусывая большими кусками хлеб.

— Вот как мы! — весело сказал Степан, отодвигая пустую кастрюлю.— Да разве за нами кто угонится? — пошутил он, снимая с жаровни чайник.

Чай пили, заваренный прямо в жестяном чайнике. Пили долго, прикусывая сахар от одного куска. Никогда еще не ел и не пил Ленька так вкусно и сытно. И нигде еще не чувствовал он себя таким вольным человеком, как у Степана.

Размякнув от горячего чая и благодарности, мальчик глядел на своего нового друга и думал о том, что каждый поход Степана с запрещенными бумажками очень опасен и что он, Ленька, мог бы запросто помогать ему в этом деле.

— А что, Степан,— робко сказал он,— если бы я, например, зместо вас ходил бы с бумажками? Меня хоть и выследят, в случае чего, так мне ничего не будет!

— Не понимаешь ты, что говоришь! — серьезно сказал Степан.— Эти бумажки — драгоценная вещь; надо, чтобы ни

одна зря не пропала, а ты сунешь кому не надо... Кто ж тебе доверит такое важное дело?

— Уж так не суну, как вы... Попали на труса, он и выбросил. Хорошо, я подобрал...— осмелев, сказал Ленька и тихо добавил: — Я бы в бублики их...

— «В бублики, в бублики»! У самого хлеба нет, а он насчет бубликов толкует... Что это — одна или две? Молчи уж... А главное, держи язык за зубами — вот все, что от тебя требуется, раз уж свела нас судьба!

— Об этом не беспокойтесь,— сказал Ленька.

Степан лег и, закинув ноги на спинку кровати, сказал:

— Сегодня я сам себе забастовку объявил! Дай-ка мне со стола вон ту книгу.

Ленька дал ему книгу и, подперев рукой щеку, задумался о таких людях, как Степан и дядя Коля. Легко с ними и хорошо. Может, потому, что они просто хорошие люди, а может, потому, что, не жалея себя, борются за простой народ.

— А что, дядя Степан...— начал он.

— Что, тетя Леонид? — прервал его Степан, глядя смеющимися глазами из-под раскрытой книги.

Но Ленька не засмеялся.

— А что, Степан,— поправился он,— между вами, политическими, тоже есть предатели?

Степан положил книгу и сел:

— Между нами, политическими, их нет, но к нам затесываются иногда предатели. На моем веку был один такой случай...

— Был? Предатель? И все тайны ваши узнал? — с замирающим сердцем спросил Ленька.

— Все не все... но одно очень важное дело он нам провалил... Донес в полицию, и многих товарищей тогда арестовали... в том числе и твоего дядю Колю,— хмуро сказал Степан.

— Мой дядя Коля? Он большевик назывался... Но его еще тогда взяли, три года назад, вот за эти самые бумажки. Полиция обыск делала... Я все помню,— сказал Ленька.

— Да нет! Тогда он недолго сидел... А это дело весной было. Многих посадили. Меркурий всех знал в лицо...— задумчиво сказал Степан.

— Меркурий? — не понял Ленька.

— Ну, имя такое у этого предателя... Да что ты все

спрашиваешь! Проговоришься где-нибудь... Сказал тебе что мог, и хватит с тебя!

— Степан! — трогая его за плечо и присаживаясь на кровать, сказал Ленька.— Ведь я любил того дядю Колю!.. Я одного человека только так любил...

— Ну? — вопросительно поднял брови Степан.

— Так вы скажите, где он сидит? Я, может, схожу к нему! Выпрошусь как-нибудь!

— Нет, не сходишь и не выпросишься, а если не желаешь ему зла, то забудь о нем. Понял? У дяди Коли есть товарищи, они о нем заботятся. А ты забудь! — сурово повторил Степан.

— Не забуду. Пойти не пойду, а не забуду,— горько и упрямо повторил Ленька.

— Если я что-нибудь о нем узнаю, то скажу тебе,— смягчился Степан.

Ленька кивнул головой и вытер глаза.

— А того предателя споймали? — тихо спросил он, помолчав.

— Нет. Скрылся,— коротко ответил Степан, утыкаясь носом в книгу.

Глаза Леньки потемнели, и губы крепко сжались.

— Значит,— сказал он, вставая и в упор глядя на Степана,— сначала проглядели, а потом упустили... Чтоб еще кого посажал...

Степан снова отложил книгу и потянул Леньку за рукав.

— А по-твоему, что надо было с ним сделать? — с интересом спросил он.

— Убить! — коротко и решительно сказал Ленька.

Степан расхохотался и, засунув руки в карманы, быстро заходил по комнате.

— Не так все просто,— пробормотал он,— не так все просто!

Потом подошел к столу, отпил глоток холодного чаю и вдруг рассердился на себя и на Леньку за весь этот разговор:

— Что ты душу из меня вытаскиваешь? Не хочу я больше об этой сволочи говорить! А ты, понимаешь ли ты, все время лезешь не в свое дело! То с бубликами, понимаешь ли ты, то с этим предателем...— Степан совсем запутался и, увидев испуганное лицо Леньки, засмеялся.— Тебя бы в организаторы надо!

Ленька тоже засмеялся, и мир был восстановлен.

Поболтав о разных пустяках, мальчик собрался уходить.

— Подожди,— сказал Степан и, порывшись на вешалке, нашел среди старой одёжи свой пиджак.— На-ка, примерь! Будешь носить в холодную погоду.

Ленька примерил. Пиджак был широк и длинен.

— Это ничего,— сказал Степан,— а вот рукава придется подрезать. Клади их на стол! Сейчас я наточу нож.

Он поточил о печку нож и, смерив оба рукава, решительно обкромсал их.

— Теперь надевай! Да вот тебе еще на дорогу! — доставая из кармана новенький полтинник, сказал Степан.

Ленька попятился.

— Пинжак возьму, а денег не возьму,— запротестовал он.

Степан нахмурился.

— Хочешь дружить, так бери запросто, без всяких антимоний,— серьезно сказал он.

Ленька испугался и взял... Новенький, блестящий полтинник показался ему неслыханным богатством, и, прощаясь со Степаном, он с чувством сказал:

— Со всех сторон хороший вы человек, как мой дядя Коля!

На пароходе Ленька ехал с билетом и на утес явился как именинник. В одном кармане дареного пиджака у него лежало большое яблоко для Динки, в другом — полфунта сахару и осьмушка чаю.

После чаепития со Степаном Ленька решил, что чай — это самый питательный и благородный напиток на земле. Кроме того, он чувствовал себя взрослым и жаждал во всем подражать своему новому другу.

Вынув из корзины посуду и завернув в тряпочку Федькину долю от проданной рыбы, Ленька отложил ее в сторону. Потом посчитал оставшиеся от покупок медяки и, вынув на ладонь полтинник, со счастливой улыбкой подумал:

«Это на лодку! Прикопим с Федькой еще четыре с полтиной и купим лодку! Вот Макака обрадуется!» Он посмотрел на заходящее солнце и с грустью подумал, что сегодня поздно бежать к Динке, так как пароход «Гоголь» уже пришел и мать девочки дома.

«Завтра пораньше пойду...» — успокоил себя Ленька и, еще раз полюбовавшись своим полтинником, спрятал его в карман. Потом снял пиджак и, бережно сложив его, оглянулся, ища достойного места для такой богатой обновы.

— Лень... Лень... Лень...— жалобно и протяжно донеслось вдруг откуда-то издали.

Мальчик взрогнул, прислушался.

— Лень... Лень...— плакал знакомый голос.

— Макака!

Ленька бросил пиджак и, вихрем перелетев на обрыв, беспомощно заметался во все стороны:

— Макака! Макака!

Глава двадцать третья

НАШЛАСЬ!

— Лень... Лень...— слышится уже где-то ближе, вперемежку с рыданием, и в темной зелени белеет Динкино платье.

Ленька мчится навстречу девочке и, задохнувшись от бега, хватает ее за плечо.

— Кто тебя? — грозно кричит он, и светлые волосы его подымаются ершом, а лицо заливает краска гнева.— Кто тебя? Кто? — безжалостно встряхивая плачущую девочку, повторяет он, нетерпеливо требуя имя обидчика.

— Шар-ма-анщик,— опускаясь на землю, всхлипывает Динка.

— Шарманщик?! — не понимая, переспрашивает Ленька.

Динка кивает головой:

— Я целый день пела... Мы всё ходили, ходили... У меня уже... весь голос... вышел... Нам денежки давали... в шапку... много... Я хотела тебе... а он... не дал! — безутешно плача, рассказывает она.

— Денег не дал? Ну, погоди, старая чума! Я с него душу вытрясу! — грозит кулаком Ленька.

— Не-ет,— тоскливо тянет Динка,— с него нельзя... душу. он старый...

— Так что ж, что он старый? По мне, хоть столетка! — гневно вскидывает головой Ленька.

— Старых... нельзя... обижать...— безнадежно плачет Динка.

— А что же, цацкаться с ними? — кричит Ленька.

— Цацкаться...— тянет Динка.

— Ну нет! — сжимая зубы, говорит Ленька.— Я с него спрошу... Не денег спрошу, а вот за этот рев твой... Пойдем сейчас! Вставай! Я ему, гадюке, не спущу! — снова закипает гневом Ленька.— Вставай, говорю!

— Я не могу... у меня ножки болят. Я ничего не ела... с утра...— еще горше плачет Динка.

— С утра ушла? И до сих пор шаталась? Ума у тебя нет! — пугается Ленька и, присев на корточки, гладит девочку по голове.— Ну ладно! Молчи! Я тебе яблоко дам, хлебца! Чаю скипячу! Дойдешь до утеса-то?

— Дойду...

— Ну, держись за меня! А то давай на закорках понесу! — предлагает Ленька.

— На каких закорках?

— Ну, на спине, что ли... Понесть?

— Не-ет... я сама пойду! — ухватившись за его руку, подымается Динка.

Ленька бережно ведет ее по тропинке, раздвигая кусты и бешено ругаясь:

— Я ему покажу, старой чуме! Он у меня раньше время в могилу вскочит!

Динка вспоминает дрожащие пальцы старика, перебирающие сухие корки:

— Не надо, Лень... Он и так... чуть... не умер...

— Чуть не умер? А денежки взял! И до слез тебя довел!.. Хитер старик! Это надо только подумать — по всем дачам девчонку протаскал!

— Я сама... таскалась... и он тоже... таскался... с шарманкой...— уточняет Динка.

Они подходят к доске, перекинутой с обрыва на утес, и Ленька пугается:

— Не перейдешь ты! Сиди лучше здесь. Я тебе яблоко сейчас принесу!

— И хлеба...— просит Динка, покорно усаживаясь на обрыве.

— Все, все принесу! Только сиди тут! Не ходи, слышь? Я сейчас! — кричит Ленька, перебегая по доске на утес и скрываясь за камнем.

Динка, согнувшись и прерывисто вздыхая, смотрит ему вслед...

Ленька появляется с корзиной в руке. Из корзины свисают рукава дареного пиджака и торчат ободки грязных тарелок.

— Вот, все тебе принес! На́ яблоко! И хлеб вот ешь... Сахар еще! Ну, ешь, а я тебе новости свои расскажу!

Динка жадно грызет яблоко, прикусывая сахар и заедая хлебом. Распухшие от слез глаза ее начинают блестеть, и, только изредка прерывисто вздыхая, она вспоминает свою обиду.

А Ленька рассказывает ей про свои заработки, про Федькину рыбу, про похлебку и чаепитие у Степана и, заканчивая свой рассказ, просит:

— А теперь закрой глаза... Сейчас увидишь, какой подарок на мне!

Динка, прожевывая хлеб, закрывает глаза, и Ленька быстро облачается в дареный пиджак.

— Теперь гляди! — гордо говорит он, представая перед удивленной Динкой в своей необъятной одежде.— Спереди гляди и сзади гляди,— поворачиваясь, говорит он.— А теперь вот! Изнутри карман, и с боков по карману! Видала?

— Видала. А это Степан сам тебе сшил? — спрашивает Динка.

— Да нет! Это с него пиджак. Он свой мне подарил, понимаешь?

Динка кивает головой.

— Я еще с самого роду не видала таких пинжаков! — говорит она, удивляясь ширине и длине Ленькиной обновы.

— Ну вот! — радуется Ленька и, опускаясь рядом на корточки, таинственно шепчет: — А еще что покажу, так ахнешь! — Он разжимает кулак и показывает Динке новенький, блестящий полтинник.

— Это рубль, Лень? — спрашивает Динка и несмело дотрагивается пальцем до блестящего кружочка.

— Не рубль, а полтинник! Серебряный! На́! Поиграй! А хочешь — и совсем возьми! — великодушно предлагает он, жертвуя мечтой о лодке.

— Нет,— ежится Динка, и на глаза ее снова набегают слезы.— Я больше не люблю денег, Лень. Из-за денег плачут,— тихо вздыхает она и, подперев рукой щеку, с горькой обидой рассказывает Леньке весь свой трудный, тяжелый день.

— Мне много давали, а он все взял себе,— жалуется она.

— Ясно — себе. Ведь это если бы ты с ребятами пошла, так те по-честному делятся. А на взрослых какая надежда? Еще если политический, так тот чужого гроша не возьмет, скорей свое отдаст. А у шарманщика какая политика? Одна труха...— серьезно объясняет Ленька.

* * *

Динка возвращается домой, когда сумерки уже окутывают сад и беспокойство в доме переходит в отчаяние.

— Ди-на! Ди-на! — слышен неподалеку голос Кости.

— Диночка! Диночка! — перекликается с ним дрожащий голос Мышки.

— Лень! Выкопай мое платье под забором, где флажок,— притаившись в кустах, шепчет Динка.

Ленька выкапывает платье и прячет в ямку рваные отрепья ее нищенского наряда.

— Скорей! — шепчет он, скрываясь за деревьями.— Костя идет!

Девочка наскоро застегивает платье и, еле передвигая ноги, выходит из своего укрытия.

Костя бежит к ней, поднимает ее на руки.

— Где ты была? — с радостью и испугом спрашивает он.

— Я заблудилась...— бормочет Динка и, склонив на его плечо голову, закрывает глаза.

Костя осторожно несет ее в дом; обрадованная Мышка бежит за ним, поддерживая свесившиеся ноги сестры и гладя ее платье.

В доме открыты все двери; везде пустота и беспорядок...

Костя бережно кладет Динку на кровать.

— Она заснула,— шепотом говорит он Мышке и, словно боясь, чтобы девочка снова не исчезла, строго приказывает: — Посторожи тут, а я поищу маму!

Мышка в тревоге наклоняется над спящей сестрой.

— Ма-ри-на! Ау-у! Катя! Али-на! — выбежав за калитку, кричит Костя.

С берега Волги торопливо поднимается по тропинке Никич.

— Нашлась? — с одышкой спрашивает он.

— Нашлась! — радостно кивает Костя, и Никич бежит обратно, туда, где на берегу реки, расспрашивая всех встречных про девочку в беленьком платьице с голубыми горошинками, мечутся Марина и Катя.

От пристани, запыхавшись, торопится Лина; косынка ее сбилась набок, глаза заплаканы.

— Нашлась! Нашлась! — машет ей Костя.

И уже три голоса, разбегаясь вокруг маленькой дачи, сливаются в один радостный крик:

— На-аш-лась!

Глава двадцать четвертая

ГОЛОС МАТЕРИНСКОЙ ТРЕВОГИ

Долго сидит Марина над своей дочкой. Динка спит в платье и, беспокойно ворочаясь, судорожно вздыхает во сне. Мышка приносит матери тазик с теплой водой. Марина кладет себе на колени маленькие пыльные ноги Динки и осторожно обтирает их влажной губкой. Зорким материнским глазом она сразу видит каждый сбитый пальчик, каждую царапину и темные, натруженные ступни девочки.

«Ходила... бегала... искала дорогу»,— с глубокой жалостью думает она; наклонившись, вглядывается в распухшие от слез веки и утомленное лицо дочки. И тайный голос материнской тревоги проникает ей в сердце... Поднятые чердачками вверх капризные брови Динки кажутся ей скорбно-удивленными, а маленькая черточка у пухлых губ не по-детски горькой.

«Кто-нибудь обидел? Толкнул, накричал? Где она была? Почему ушла так далеко от дома? Одна ушла или с другими детьми? Куда? Зачем?» — мучительно гадает мать.

Есть такая игра в музыкальные поиски. Один из играющих осторожно входит в комнату и под звуки рояля ищет спрятанную вещь. Движения его то замедленны, то порывисты и неловки.

Они вызывают веселые улыбки у присутствующих. «Слушай музыку!» — кричат в этих случаях маленьким детям.

Когда играющий приближается к спрятанной вещи, музыка звучит громче; когда он отдаляется, музыка затихает. И чем дальше отходит играющий от этой вещи, тем все тише и тише звучит музыка. Но вот он снова приближается к цели, и музыка ускоряет темп; он протягивает руку, и поиски завершаются победными аккордами...

Марина похожа на одного из играющих. Она ощупью входит в замкнутый мир своей девочки, она ищет причину, которая увела ее дочку так далеко от дома. Она ищет те пути и тропинки, которые прошли, пробежали эти маленькие запыленные ножки. Она пытается понять горькую складочку у детских губ. Но не звуки рояля направляют ее мысли то в одну, то в другую сторону. Глубокий, таинственный голос материнской любви и тревоги ведет ее поиски.

Нет, не в лесу, не по мягкой траве ходила Динка. Она шла... долго шла по пыльной дороге... Куда она шла? С кем?

Короткие тройные вздохи вырываются из груди наплакавшейся Динки, и голос материнской тревоги звучит громче, словно приближает ее к цели.

«Обидел кто-то... сильно обидел,— догадывается мать.— А может, она испугалась чего-то, побежала... споткнулась, ушибла пальчик... потеряла дорогу... сильно плакала... Но сейчас она дома. Какое счастье, что она как-то добралась сама! Ведь наступали сумерки, вечер, ночь...» И голос тревоги смолкает, он заглушается трепетной радостью, что заблудившаяся Динка не осталась ночью одна в лесу.

Мать держит в теплых ладонях жесткие, натруженные за день коричневые ножки; отмытые от пыли детские ступни напоминают ей Динку-ребенка. И кажется, только вчера эти розовые пяточки разбрызгивали воду в детской ванночке, буйно раскидывая пеленки, а она, Марина, смеясь, ловила их и прижимала к своим губам. С тех пор прошло восемь лет... Но для нее, для матери, эта наплакавшаяся девочка — все тот же ребенок, та же Динка.

И, нежно склоняясь, мать целует влажные от воды, сбитые пальчики, маленькие жесткие ступни и розовеющую в сумерках детскую пяточку.

Целый день... с утра... бродила где-то ее девочка... «Нет, она не заблудилась. Это не то, не то...» — снова думает мать, и требовательный, настойчивый голос тревоги поднимается с новой силой.

Слушай, мать, голос сердца! Слушай свое сердце!..

Но так бывает в игре, что кто-нибудь из присутствующих отводит играющего от цели, затрудняя его поиски, сбивая с правильного пути.

— Это расстроенные нервы! — с сочувствием говорит Катя.— Ты очень переволновалась, Марина, и потому придумываешь себе всякие страхи... Как будто ты не знаешь Динки? Ну, побежала за какой-нибудь собакой, за птичкой и сбилась с дороги... Может быть, пошла не в ту сторону... Завтра мы всё узнаем от нее самой или от Мышки. Мышка — ее доверенное лицо!

— Да, может быть, это нервы...— задумчиво соглашается Марина, и голос материнской тревоги затихает.

Глава двадцать пятая

МЕЖ БОЛЬШИМИ КОРАБЛЯМИ

Сегодня воскресенье, и Марина просыпается успокоенной.

«Конечно, Динка сама все расскажет!» — думает она и тихо говорит сестре:

— Послушай... если Динка начнет что-нибудь рассказывать, не прерывай ее... И вообще никогда не прерывай и не высмеивай — ведь в этих рассказах она выкладывает какие-то свои впечатления, и можно многое понять...

— Как раз! Поймешь ты что-нибудь! Да она такого наскажет, что мы с тобой целый год будем ломать голову! — смеется Катя, расчесывая перед зеркалом свои густые кудри, и с привычным недовольным вниманием разглядывает свой нос. Этот нос всегда кажется Кате слишком длинным. А сегодня с утра приедет Костя, и Кате хочется быть красивой.— Вот нос так нос! — сердито говорит она, не слушая больше сестру.— Ты знаешь, как Динка меня копирует?

— Как?

— Ну ты бы только посмотрела! Усядется перед зеркалом — и начинается! Голову набок, туда, сюда... И морщится, и бьет себя пальцем по носу! Вот противная девчонка! За это бы драть и драть надо с утра до вечера!

— Так ты же при ней то же самое выделываешь со своим носом! — смеется Марина.— Не попадайся!

— Ну конечно! Я должна из-за нее прятаться под кровать с зеркалом! Ты такой защитник, Марина, что могла бы зарабатывать большие деньги.

— Детей я защищала бы бесплатно. У них всегда много обвинителей и мало защитников,— улыбается Марина и, вскочив с постели, открывает дверь в комнату детей.

— Мамочка!..— радуется Мышка.— Ты сегодня дома!

— Мама! — садясь на постели, как ни в чем не бывало кричит Динка.— Чур, ко мне! Иди раньше ко мне, мама!

— Нет, ко мне! — просит Мышка.

Обычный спор между девочками и веселый голос Динки совершенно успокаивают мать. Поцеловав девочек, она присаживается на кровать младшей дочки и с укоризной говорит:

— Ну и напугала ты нас вчера! Можно ли так далеко уходить, Диночка?!

— Уходить? — Динка сразу вспоминает вчерашний вечер и Костю, который нес ее на руках.— Я не уходила, мамочка! Я просто пошла и пошла... Мне хотелось покататься на гигантских шагах! — быстро придумывает она.

— На гигантских шагах? А где это?

— О, это очень далеко, о-о-чень далеко! — растягивая слово «очень», повторяет Динка.

— Но зачем же ты пошла одна? Уж если тебе так хотелось посмотреть на эти гигантские шаги, то попросила бы Катю,— недовольно выговаривает мать, не видя причин сомневаться в словах девочки.

— Ну, я не догадалась. Я думала, они ближе...— вздохнув, говорит Динка и, как всегда, держась где-то около правды, начинает рассказывать: — Я шла, шла... а там такие дачи богатые-богатые... И за калиткой дети... много детей... И мамы там всякие... И дворники в фартуках... Один был с метлой даже... А мальчики такие нехорошие... Они одному старичку дали сухие недоеденные корки. Разве так можно, мама?

— Конечно, нельзя! Вот ты бы и сказала этим мальчикам...

— Я не сказала...— говорит Динка, с привычной осторожностью избегая опасных положений.

Но мать ни в чем больше не подозревает свою девочку, рассказ кажется ей вполне естественным; она только спрашивает еще, как Динка искала и как нашла дорогу... И тут начинается сочинение на вольную тему.

— Я так ищу, ищу дорогу...— Динка широко разводит руки и оглядывается вокруг.— И вдруг вижу — идет маленькая тетенька... такая маленькая, что даже трава выше ее головы и все цветочки выше...

— Что же это? Карлица, что ли, какая? — пряча смеющийся взгляд, серьезно спрашивает мама.

— Да! Наверное даже! — с коротким смешком подтверждает Динка, вздергивая плечом и лукаво поглядывая на маму.— Она потом села на колокольчики и начала так качаться, качаться...

Мышка фыркает, прячется за мамину спину, но мама тихонько толкает ее.

— И что ж, долго эта тетенька на колокольчике качалась? — снова спрашивает мама.

— Нет, недолго. Но она качалась и пела песенку,— задумчиво припоминает Динка.

— Песенку! Вот какая прелесть! А ты помнишь, что она пела? — с живым интересом спрашивает мама.

— Я помню... Я сейчас вспомню...— медленно говорит Динка и, схватив со спинки кровати полотенце, накрывается им с головой.— Я сейчас вспомню...

Мышка за спиной мамы давится от смеха, но мама протягивает назад руку и грозит ей пальцем.

Из-под полотенца вдруг раздается тоненький-тоненький голосок:

Я меньше травочки лесной,
Я меньше паучка,
Но тот, кто встретится со мной,
Узнает про жука...

Динка вдруг открывает полотенце и застенчиво улыбается:

— Вот так она пела...

— Очень хорошо пела,— говорит мама.— И про какого-то жука. Что же это можно узнать про жука?

— Ну, про жука! Вот с такими рогами! — Динка показывает пальцами, какие рога, и вдохновение ее вдруг иссякает.— Мамочка, мне хочется пить и есть!

— Ну, пойдемте умываться! — весело и облегченно говорит Марина.— Сейчас будем пить и есть!

— Ну что? — спрашивает ее за дверью Катя.

— Кажется, ты была права... Материнские нервы! — смеясь, отвечает Марина.

— Ну, слава богу! Мне иногда кажется, что я лучше знаю ее, чем ты,— довольно улыбается Катя.

— Ни ты, ни я! — вдруг фыркает Марина и, потянув сестру за руку, тащит ее в свою комнату.— Динка так смешно пела...— хохоча, рассказывает она.— Про маленькую тетеньку, которая знает что-то про жука...

— Про какого жука? — удивляется Катя.

Но Марина ничего не может сказать от смеха и только машет на нее руками:

— Тише! Молчи... молчи...

* * *

После завтрака приезжает Костя. Поговорив о чем-то с Катей и Мариной, он начинает дурачиться с детьми. Костя очень веселый сегодня, и дети с удовольствием возятся с ним. Даже Алина, смеясь, завязывает ему на голове бантик из своей ленточки.

— Нет, вы погодите со мной шутить! — говорит вдруг Костя.— Я вам сейчас такое скажу, что вы все подымете рев!

— Не подымем! — бойко кричит Динка.

— Ладно. Посмотрим. А ну-ка, сядьте рядом со мной!

Костя торжественно усаживается на крылечке, вытянув вперед длинные ноги. Дети охотно примащиваются рядом.

— Вы знаете, что я теперь жених? — важно говорит Костя.

— Знаем! — улыбаются Мышка и Алина.

— Давно знаем! — кричит Динка.

— Хорошо. Объясняться со мной и гнать меня не будете?

— Не будем,— застенчиво прячась за Алину, говорит Мышка.

— Мы ни с какими женихами больше связываться не будем! — машет рукой Динка.

— Понятно. Так вот, если я жених, то вы должны меня слушаться! — продолжает Костя.

— Так ты же не наш жених! — возражает Динка.

— Нет, я не ваш. Я Катин. Но Катя вам тетя — значит, я ваш дядя! Что?

— Дядя! Дядя! — хохочут девочки.— Вот так дядя!

— Да-да! Костя теперь ваш дядя! — весело подтверждает Марина, садясь рядом с детьми.

— Ну вот! А дядя — это не тетя. И я за вас возьмусь самым строжайшим образом. Первым долгом я привяжу за ногу Динку вон к тому клену, чтобы она не бегала где попало! — угрожающим тоном говорит Костя.

— А я не бегаю! — быстро возражает Динка.

— Как это — не бегаешь? А кто вчера распевал романсы на чужой даче? Я рассказываю Крачковским, что ты потерялась, а Гога говорит, что слышал твой голос на соседней даче!

— Гога врушка! Гога врушка! — в смятении кричит Динка.

— Дина! Дина! — останавливает ее мать.

— Он врушка, врушка! — в беспокойстве и гневе топает ногой Динка.

— Подожди, подожди! Ведь он не сказал, что видел тебя, он только слышал, как какая-то девочка пела, и, по его мнению, это был твой голос,— поясняет Костя.

— Ну, «по его мнению, по его мнению»! — передразнивает Динка.— Он еще даже не знал ни одного берцового ребра, когда Мышка его спросила!

— Ну, вот берцового ребра не знал, а твой голос узнал! — поддразнивает девочку Костя.

— А чья это была дача? — быстро спрашивает Марина.

Волнение Динки снова пробуждает в ней успокоенный утром голос материнской тревоги.

— Да это соседняя с Крачковскими, очень богатая дача,— поясняет Костя.

«Богатая дача? Динка тоже говорила про богатые дачи»,— быстро сопоставляет Марина и тихо спрашивает Костю:

— Это дача... по дороге туда... к гигантским шагам?

— А где эти гигантские шаги? — удивляется Костя.

Динка испытующе и выжидательно смотрит на лица взрослых.

— Да нет, мамочка! Гигантские шаги — это в одной стороне, а дача Крачковских — в другой стороне! — говорит Алина.

Динка победоносно и лукаво улыбается.

— Я потерялась на гигантских шагах, а совсем не около Крачковских,— спокойно говорит она.

Марина тоже успокаивается.

«Действительно, глупости. Как могла она очутиться на какой-то богатой купеческой даче, да еще распевать там песни?» — думает она, объясняя волнение Динки протестом против напрасного подозрения Гоги.

Так, лавируя между большими кораблями, маленькая утлая лодчонка Динки выплывает на поверхность, а всколыхнувшийся было голос материнской тревоги снова затихает.

Глава двадцать шестая

ЛЕНЬКА СКУЧАЕТ

В воскресенье время проходит быстро. На террасе не смолкают веселые голоса и громкий смех Кости. К обеду неожиданно появляется Малайка с Марьяшкой на руках.

— Мы приехал, а он кричит, ложком бьет в калитка... Стал гонять, он плачет...— недоумевающе подняв брови, рассказывает Малайка.

У Марьяшки красное личико и мокрые полоски на щеках; она тоже что-то взволнованно пытается объяснить на своем языке.

— Это наша! Это Марьяшка! — кричит Мышка, подбегая к Малайке.— Она, наверное, никак не могла достучаться!

— Никак не мог! — подтверждает Малайка.

— Так вы прибили бы для нее медную дощечку к калитке,— говорит Костя,— чтобы по всему дому сразу пошел звон! А то ведь действительно ничего не слышно!.. Что, брат, не пускают тебя? А говорят: «Дорогá ложка к обеду!» — шутит он, заглядывая в повеселевшие глазки ребенка.

Марьяшка вдруг тянется к нему и, наклонив головку набок, показывает на Малайку:

— Дядя у-у... Незя!..

— Бери, Костя, носи...— торопясь освободиться от нее, весело говорит Малайка.

— Нет, погоди, куда же... Поставь на дорожку,— отмахивается Костя, но Марьяшка упорно тянется к нему.

— Костя, возьми! Она к тебе хочет! Ей ты понравился! — уговаривают Мышка и Динка.

— Понравился-то понравился,— смеется Костя,— но я совершенно не умею обращаться с детьми. Ну, так и быть!

Он осторожно берет Марьяшку на руки и подкидывает ее вверх. Марьяшка заразительно хохочет.

За обедом Алина объявляет, что в четыре часа начнется литературный вечер и каждый должен что-нибудь приготовить.

— Я всю жизнь на всех вечерах говорю одно и то же стихотворение. Вот я его вам и скажу! — обещает Костя.

— А я? — волнуется Динка.

— Ну, и ты подумай, с чем тебе выступить,— говорит Марина.

— Можно сказать «Дон Педро»? — спрашивает Динка.

— Что хочешь...

— А Мышка?

— Я скажу «Лесной царь»,— откликается Мышка.

Но главный номер программы — это Анюта. Анюта должна прочитать по букварю любой рассказик по желанию публики, а потом она еще скажет стихи. Это выдумала Алина, чтобы показать свою ученицу, а заодно и себя как учительницу. Анюта приходит после обеда, и обе они, взволнованные предстоящим экзаменом, старательно готовятся в уголке сада.

Динке вдруг делается очень скучно. «Ленька не придет,— думает она,— ведь сегодня воскресенье... А может быть, все-таки придет?»

Девочка на всякий случай бежит к забору, и лицо ее расцветает от радости: на заборе весело трепыхается цветной флажок.

— Макака! Я тута...— шепчет Ленька, перебегая от куста к забору и боязливо оглядываясь.— Не пойдешь на утес?

— Не могу я... Мама дома...

— А я чай вскипятил, чайку бы попили...

— Нельзя мне... Посиди лучше ты тут...— просит Динка.

— Опасно тут... Твоя Алина так и шмыгает туда и сюда. Уж один раз еле скрылся. Чего это она так шмыгает?

— А это...— Динка вспоминает палатку Никича и просьбу Кости, чтобы никто не знал о его поручении.— Это большая тайна,— прижимаясь к забору, шепчет она.— Алина ищет...

— Чего ищет? — таращит глаза Ленька.

— Она не чего, а кого... Одного человека.

— Человека?

— Ну да... Ей велел Костя...— еще тише шепчет Динка.

— Чудно́! — удивляется Ленька.— Может, меня? Может, кто прознал, что я сюда шатаюсь, дак и ищут?

Динка широко раскрывает рот. Это никак не приходило ей в голову. А вдруг правда?

— Проверить бы надо... Я где-нибудь подальше от забора нарочно попадусь ей на глаза и погляжу, что будет! А споймает она меня здесь, так тебя из дому не выпустят. Скажут: вот с какой рванью дружится! — взволнованно шепчет Ленька.

— С рванью? Что ты? У нас так никто не скажет! Я бы все рассказала... Тебя бы все жалели...— с робкой надеждой шепчет Динка. Ей так хочется привести Леньку к маме! Мама что-нибудь сделала бы такое, что жизнь Леньки сразу бы изменилась...

Но Ленька сурово обрывает ее мечты:

— Меня жалеть не за что! Я не калека и не нищий. Ты этот разговор брось, Макака! Знаю я твои мысли. И приживалом нигде не буду. От тебя возьму, от Степана возьму, от дяди Коли помощь принял бы... А от чужих людей мне ничего не нужно!

Динка грустно замолкает. Она не хочет спорить с Ленькой. Но как может ее мама быть кому-нибудь чужим человеком?

— Тогда иди на утес,— тихо вздыхает она.

Но Ленька не уходит.

— Скучаю я там без тебя,— серьезно говорит он.— Камни да Волга. Тоска забирает...

Динка вдруг вспоминает о литературном вечере.

— Лень, Алина не будет шмыгать! У нас скоро вечер, стихи будут читать! Я тоже прочту! — радостно шепчет она.— Знаешь что? Ты тогда подойти поближе и послушай, ладно?

— Ладно! А ты прибеги, скажи, где будете, я поближе сяду! — оживляется Ленька.

— Хорошо! Я сейчас узнаю! Наверное, уже все собираются! Подожди здесь!

Динка исчезает и скоро возвращается.

— Мы будем на крокетной площадке. Это близко к лазейке, там можно спрятаться у самого забора. Пойдем, я покажу! — шепчет она.

Но им приходится пережидать Костю. Костя прибивает к калитке медную дощечку для Марьяшки.

Глава двадцать седьмая

БЕЛОГЛАЗЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ленька выбрал за забором пышно растущие кусты орешника и, спрятавшись в них, глядел через щелку, как подходили, рассаживались на крокетной площадке взрослые и дети. Марину он знал хорошо и в ответ на ее улыбку, обращенную к детям, тоже улыбнулся за своим укрытием из зеленых крашеных досок забора. Катю он знал меньше и, впервые хорошенько приглядевшись к ней, отметил про себя, что она красивая, но гордая. Костя ему понравился, он был, по его мнению, настоящий политический, со своими лучистыми глазами и серьезным лицом. Лина напомнила Леньке одну из тех картин, которые продавали на базаре за 2 рубля. Там обязательно был нарисован зеленый пригорок с крупными цветами и восседающая на этих цветах красавица в русском сарафане... Но больше всех понравился Леньке Малайка. Он сидел около Лины и, как только она поворачивалась к нему, опасливо отодвигался на самый край скамейки. Круглое сияющее лицо его и нерусский говор смешил Леньку, и, прижавшись щекой к забору, Ленька от души хохотал, глядя на Малайку.

Выступление хотели начать с Кости, но Анюта так волновалась, что Алина решила выпустить раньше ее.

— Анюта Казбекова учится читать недавно. Сегодня она прочтет по букварю маленький рассказик по желанию публики,— серьезно сказала Алина, выводя за руку Анюту на середину площадки и передавая в «публику» букварь.

Анюта в чистеньком коричневом платьице и в черном гимназическом переднике, подаренном ей Алиной, выглядела

настоящей гимназисткой на первом экзамене. Глаза ее испуганно смотрели на свою учительницу, щеки пылали.

Марина и Костя выбрали рассказик в четыре строчки и передали его Алине.

— Читай громко, не торопись,— строго предупредила Алина свою ученицу.

Анюта дрожащими руками поднесла к глазам букварь и по складам прочитала рассказ.

«Публика» наградила ее громкими аплодисментами.

«Я куда лучше могу!» — с гордостью подумал Ленька.

— Анюта Казбекова прочтет стихотворение...— снова начала Алина, но ободренная Анюта не дала ей досказать и громко закричала:

Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок...
Невеселая дорога...

Она говорила бойко, весело, и аплодировали ей долго.

Потом выступила Мышка.

— «Кто скачет, кто мчится под хладною мглой...» — начала она, и серебристый голосок ее вызвал у Леньки задумчивую, мягкую улыбку.

Но он волновался за Динку.

«Не осрамилась бы энта Макака... Ведь ей как в голову взбредет...» — с тревогой думал он, получше пристраиваясь у забора.

На крокетной площадке наступила тишина. Динка что-то шептала на ухо Алине... Ленька прислушался, но сзади него тихо прошелестела трава; мальчик оглянулся. Человек в сером костюме осторожно шел вдоль забора, пристально разглядывая сидящих на площадке. Крадущиеся шаги его и настороженное выражение длинного серого лица привлекли внимание Леньки. Остановившись под кривой березой, человек оглянулся, и мальчика неприятно поразил пустой, холодный взгляд его бесцветных глаз.

«Кто же это? Подглядывает чего-то...» — забеспокоился Ленька.

— «Каменщик, каменщик в фартуке белом...» — громко начала читать Динка, и мальчик снова приник к щелке, изредка взглядывая на незнакомца в сером костюме.

«Слушает... Может, так, проходя, заинтересовался, а может, какой знакомый ихний...— снова подумал Ленька. Но неулыбчивое лицо с пустым выражением глаз внушало ему беспокойство.— Уж не тот ли это, которого ищет Алина? — вдруг подумал он, и морозный холодок пробежал по его спине.— Что же делать? Сказать бы...»

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье...—

донесся с площадки голос Кости, и незнакомец вдруг придвинулся вплотную к забору.

«Сыщик! Он!» — быстро мелькнуло в голове у Леньки. Пригнувшись к земле, он выполз из кустов на дорожку и, выпрямившись, быстро пошел к калитке. Незнакомец, заслышав шум, тоже отошел от забора. Тогда, боясь, что он скроется, Ленька стремглав помчался назад и, юркнув в Динкину лазейку, вбежал на крокетную площадку.

— Там у забора человек... Выслеживает чего-то... Длинный, белоглазый такой...— запыхавшись, выговорил он одним залпом и, увидев широко раскрытые глаза Динки, смутился.— Я только сказать... Вон там он!

— Малай! — крикнул Костя, вскакивая, и, прыгнув через скамейку, исчез в саду.

Малайка бросился за ним... Катя и Марина встревоженно смотрели им вслед.

— Мамочка... мамочка...— стоя рядом с матерью, шептала взволнованная Алина.

Мышка и Анюта, ничего не понимая, тоже глядели вслед Косте и Малайке... Лина, онемев от неожиданности, приросла к скамейке.

— Лень, Лень,— оглядываясь вокруг, тихо прошептала Динка.

Но Леньки уже не было...

Малайка и Костя вернулись не скоро. В густой чаще орешника они видели спину убегавшего человека, но их разделял забор, и человек успел скрыться.

— А где этот мальчик? — спросил Костя. (Но никто не знал.) — Чей он?

Этого тоже никто не знал. Испуганная Динка молчала.

— Это небось нищий. Их тут много ходит...— робко предположила Анюта.

— Но почему же он так быстро ушел? Странно! — удивился Костя и, глядя на Марину, озабоченно покачал головой.— Если это верно, то многое меняется... Очень важно было бы установить... Я сейчас пойду на пристань...

— Подожди, Костя!.. Но откуда знает этот мальчик? — провожая его к калитке, спросила Катя.

— Мальчик — это явление очень странное, конечно. Но мне достаточно одного его слова: «белоглазый»,— тихо и значительно сказал Костя.

На крокетной площадке царило напряженное молчание.

— Воров тоже много... Может, в дачу хотел залезть. Тут одних дочиста обобрали,— вдруг быстро заговорила Анюта.

Никто ее не слушал.

Глава двадцать восьмая

ССОРА

На другой день, сидя на утесе, Динка весело болтала, раскалывая стеклянным шариком сахар и прихлебывая из миски горячий чай.

— Кости долго не было вчера. А потом он пришел и сказал, что сразу перед ним отошел один пароход.

— Вот этот сыщик и уехал с ним, наверное,— хмуро сказал Ленька.

Динка слизала с ладони крошки сахара и задумчиво сказала:

— Может, он еще и не сыщик даже...

— Как это — не сыщик? Ходит вдоль забору, таится, как гад какой-нибудь, да не сыщик? — рассердился Ленька.— Сам Костя спугался, как я сказал... Сколько на пристани из-за него торчал...

— Ну да! Торчал, торчал, а потом уже вечером взял маму и Катю да пошел с ними в гости к Крачковским! И Алина за ними уцепилась — она тоже еще не видела дачи Крачковских. Я тоже сначала уцепилась, чтобы идти, а потом вспомнила про этого Гогу-Миногу и отцепилась. А то еще опять скажет, что я пела! — оживленно болтала Динка.

Но Ленька ее не слушал, темные брови его сошлись у переносья, и лицо казалось чем-то озабоченным. Динка набрала в рот чаю и вдруг, прыснув от смеха, обдала его горячими брызгами.

— Не плюйся! — сказал Ленька, подхватывая с ее колен подпрыгнувшую миску и утирая рукавом лицо.— Чего ты?

— Ой, Ленька, я так испугалась вчера, когда ты выскакнул на площадку! — заливаясь смехом, сказала Динка.— Я думала тебя что-нибудь укусило!

— Вот глупая! Чего меня там укусит?! — засмеялся и Ленька.

— А потом Анюта говорит про тебя: «Это небось нищий...» — уже успокаиваясь, рассказывает Динка.

— Ну и дура твоя Анюта! Я в пинжаке был. Разве нищие в пинжаках бывают! — обиделся Ленька, вставая и охорашиваясь.— Это ведь одёжа, а не рвань какая-нибудь!

Динка, наморщив лоб, смотрит на утонувшего в пиджаке Леньку, на широкие борта и спускающиеся к локтям плечи.

— Хороший спинжак, конечно... но только он совсем вырос из тебя, Лень...

— Не он вырос, а я до него не дорос, потому не на грудного ребенка сшит, а на Степана. Тут и удивляться нечему! — поясняет Ленька, и снова на его лице появляется озабоченное выражение.— Завтра в город поеду... Надо Степана предупредить. Он тоже мне про одного сыщика рассказывал,— тихо говорит он, усаживаясь рядом с Динкой.

— Как — предупредить? — пугается вдруг девочка.— Ты хочешь выдать Костину тайну? Ведь Костя сам сказал Алине, чтобы никому-никому...

— Ну что ж, что сказал? А может, это тот самый сыщик, так и Степана остеречь надо!

— Нет! Ты не имеешь права! Ты и меня выдавальщицей сделаешь! Ведь я только тебе сказала! — сильно волнуется Динка.— Я тебе поверила!

— Да погоди ты... Ведь, может, это тот самый сыщик,— пробует объяснить ей Ленька.

Но Динка, красная и сердитая, негодующе прерывает его.

— Какой тот самый? Это Костин сыщик! А у Степана свой!

И раз Костя не велел, так надо молчать! И ты не смеешь выдавать тайну!

— Тихо ты... Кричишь, будто тебе хвост прищемили! — раздражается Ленька.

— Хвост прищемили? — Динка в волнении вытаскивает изо рта обсосанный кусок сахару и протягивает его Леньке: — На тебе твой сахар!

Ленька машинально кладет сахар на ладонь.

— При чем это?

— И миску бери,— говорит Динка.

Ленька, вопросительно глядя на нее, берет и миску.

— Чтобы мне за мою тайну еще и хвост прищемили! — обиженно заключает Динка.

— Какой хвост? — совсем теряется Ленька.

— Не знаю уж какой... Только я с тобой не вожусь больше... Если ты все тайны выдаешь да еще за каждое слово придираешься... Не надо! — решительно встает Динка.

— Да подожди... Ты же мне рта раскрыть не даешь.

— Это ты мне ничего не даешь! Сахар отнял, миску отнял... К каждому слову придираешься! — вспыхнув, говорит Динка.

— Да когда я чего отнимал у тебя? Вон он, сахар. Сама положила... И миску отдала... Я только про сыщика хотел сказать... Степан ведь тоже политический...

— Все равно не надо. Костя сам знает, кому сказать... Знаешь, как Никич говорит про тайны? — Динка пошевелила пальцем и наморщила лоб.— Никич говорит: знает один — знает один, знают два — знают двадцать два. Вот нас два, а ты как начнешь всем рассказывать, так будет двадцать два...

Ленька безнадежно машет рукой.

— Ладно, не скажу. Только у каждого человека свое соображение...— не желая больше спорить, тихо проворчал он.

Динка успокоилась и, взяв обратно свой сахар, сказала:

— Оближи ладонь — она у тебя вся сладкая.

Ленька облизал ладонь, но лицо его оставалось хмурым и озабоченным.

— Сегодня Алина на весь день к своей Бебе ушла. Мы с Мышкой одни будем встречать маму... И по часам сами объявлять будем,— снова болтала Динка.

Ленька молчал и обдумывал про себя, как, не выдавая чужой

тайны, можно предупредить Степана, что появился какой-то сыщик. Конечно, сыщиков в полиции много. Один может на дачах выслеживать, а другой — в городе. За кем следит, а за кем — нет. Если вообще Степану напомнить, что вот, мол, осторожнее надо быть. «Так Степану я не советчик, он сам лучше моего все знает»,— рассуждал про себя Ленька, решив завтра обязательно наведаться к своему другу.

Но сделать это ему не пришлось.

Глава двадцать девятая

НЕОЖИДАННОЕ ГОРЕ

Алина не задержалась в гостях у Бебы, как это предполагала Динка. Она вернулась точно ко времени приезда мамы и, взяв у сестер часы, сама уселась перед ними на террасе. Но прошло уже два объявления, прогудел протяжный гудок парохода «Гоголь», дети, нетерпеливо глядя на дорогу, давно уже толклись у калитки, а мамы все не было.

— Алина, пройдем немного по дороге, хоть до Марьяшкиной дачи... Может, мама заговорилась с кем-нибудь...— сказала Мышка.

— Ну, пойдем! — согласилась Алина.

Мышка и Динка весело побежали вперед.

— Дети, дети! Не убегайте далеко! — важничая перед проходившими мимо дачниками, окликала сестер Алина. И хотя ей самой очень хотелось побежать вприпрыжку навстречу маме, но она нарочно замедляла шаги и шла прямо, не глядя по сторонам, серьезной и деловой походкой взрослого человека.

Динка и Мышка добежали до угла богатой дачи, где жила портниха, и остановились. За решетчатой оградой слышались взволнованные голоса, женский плач и тихие причитания.

— Там что-то случилось! Пойдем скорей! — сказала Мышка, и, не обращая внимания на окрики Алины, обе девочки бросились бежать к даче.

У раскрытой настежь калитки собрались люди, они спрашивали друг у друга, что случилось, заглядывали в сад, торопливо шагали по боковой аллее, туда, за дачу, к маленькой сторожке, где жила Марьяшка.

Динка схватила за руку сестру и, дрожа от волнения,

бросилась за людьми. Но навстречу девочкам шла Марина... Она шла быстро, ничего не видя перед собой, и лицо у нее было очень бледное.

— Мама! — ахнула Мышка.

— Мамочка! — громко закричала Динка.

Марина подняла глаза и, увидев детей, пошла им навстречу.

— Пойдем, пойдем!.. Марьяшка заболела! — отрывисто сказала она, поворачивая обеих девочек к калитке и увлекая их за собой.

Незнакомый, сдавленный голос ее и белое, без кровинки лицо были так необычны, что онемевшие от испуга Динка и Мышка, не сопротивляясь, выбежали вместе с ней на улицу. И тут все трое увидели жалкую, растерянную фигуру Алины. Она стояла около угла дачи, словно не решаясь идти дальше.

Марина выпрямилась и, крепко держа за руки младших детей, шепнула:

— Не спрашивайте сейчас ничего...

Но дети были так испуганы, что никому и в голову не приходило о чем-либо спрашивать.

— Алина, пойдем домой! — ласково сказала мама.

Но Алина вопросительно смотрела на нее и не двигалась с места.

— Алиночка, Марьяшка очень больна. Там сейчас доктор,— тихо пояснила мать.

— И ты видела ее? — заикаясь, спросила Алина.— Это правда, что говорят...

Мать быстро указала ей глазами на младших детей и строго повторила:

— Идите домой! Я еще ничего не знаю.

Алина молча взяла за руки сестер и пошла вперед. В тягостном молчании они дошли до своей калитки. Около дачи Марина опередила детей.

— Катя,— звенящим шепотом сказала она вышедшей ей навстречу сестре,— не спрашивай ничего. Уведи детей...

Катя, не понимая, что случилось, молча увела к себе в комнату детей.

— Сидите здесь! — строго сказала она.

Дети не спорили. Лицо Мышки покрылось рябью; оно то краснело, то бледнело, словно охваченное одновременно жаром

и холодом; тоненькая и беззащитная перед надвинувшимся на нее горем, она, еще не зная, что произошло, дрожала, как в лихорадке. Динка, охваченная тревогой за Марьяшку, медленно приходила в себя, и в глазах ее вставала аллея, ведущая к сторожке, испуганные лица чужих людей...

Катя, не спрашивая ничего, грела Мышкины руки, кутала ее в теплый платок, уговаривала лечь в постель. Но, когда она вышла из комнаты, Динка схватила за руку сестру и быстро сказала:

— Бежим! Бежим к Марьяшке!

В глазах у Мышки засветилась надежда, и, поняв, чего хочет сестра, она рванулась за ней в окно; не разбирая дороги, мчалась к забору и, выскользнув через лазейку, бежала за сестрой до решетчатой ограды... Калитка дачи все так же была раскрыта настежь, все так же входили и выходили оттуда чужие люди. Девочки почувствовали гнетущий испуг и, взявшись за руки, медленно пошли к сторожке.

Ноги у Мышки немели; крепко держась за руку сестры, она шла как приговоренная к казни. Динка, ощущая страстную жажду действовать, спасать, защищать и защищаться от неведомого врага, с жадной надеждой оглядывалась вокруг, ожидая, что вот-вот в конце аллеи появится маленькое существо с веселыми голубыми глазками и с ямочками на щеках...

Дверь сторожки была раскрыта... Около крыльца лежали сваленные в кучу обгоревшие кисейные занавески, ватное одеяло из цветных клинышков, с торчащей из него рыжей обгорелой ватой и еще какие-то вынесенные на воздух тряпки... Тут же стояло деревянное корыто с водой, а рядом на земле валялось прогоревшее в нескольких местах детское платье и матерчатые туфельки...

Марьяшка лежала на голом матрасе и тяжко, словно в забытьи, стонала. Круглая головка девочки, лицо и шея были покрыты темными ожогами, запекшиеся губки почернели... Мать Марьяшки, стоя на коленях около кровати, обводила всех присутствующих безумным взглядом и словно про себя повторяла одно и то же:

— Цветочки, цветочки загорелись!..

Старичок доктор что-то раскладывал на столе, вполголоса разговаривая с женщинами.

— Стала на кровать да и потянулась, видать, к цветочкам... Обвертела их вокруг шейки да и наклонила один какой-нибудь к лампадке... Ну, а долго ли бумажным цветам загореться?..— рассказывала ему словоохотливая соседка.

Динка, онемев от ужаса, смотрела на Марьяшку; взгляд Мышки растерянно блуждал по комнате и, остановившись на закопченном лице божьей матери, замер... Черная проволока от обгоревших гирлянд с бумажными цветами свешивалась над кроватью...

— Прошу всех выйти! — строго сказал доктор.

Мышка тихо повернулась и, шатаясь как слепая, пошла по аллее. Динка догнала ее уже на улице.

— Это не Марьяшка,— сказала Динка.

Мышка молча кивнула головой.

Мимо, не видя их, нагруженная ворохом каких-то вещей, пробежала Марина.

Дети подошли к калитке. Яркий луч заходящего солнца упал на медную дощечку, прибитую Костей, и Динка совершенно ясно увидела перед ней прежнюю Марьяшку, с ее неизменной ложкой. Ей даже послышался гулкий звук удара об эту медную дощечку... Но на улице, совсем рядом, кто-то громко и отчетливо сказал: «Умрет девочка...»

Динка отшатнулась, вскинула руки и, пятясь от калитки, от этой медной, освещенной солнцем дощечки, с криком отчаяния бросилась бежать. Она бежала, зажав руками уши, и собственный крик настигал ее, как гулкий стук Марьяшкиной ложки. И всюду — в траве, в кустах, за деревьями и на утоптанной пешеходами земле — этот жалобный крик рассыпался, как осколки разбитого вдребезги стекла. А в сознании стояли страшные слова ничем не поправимого горя: «Умрет девочка...»

Глава тридцатая

ВЕРНЫЙ ДРУГ

В этот день, проводив Динку, Ленька пошел на пристань.

Толкаясь между пассажирами, он видел, как сошла с парохода «Гоголь» Марина и торопливо направилась домой. Следующим пароходом приехал Костя, нагруженный какими-то удочка-

ми и рыболовными снастями. Его встретил Гога Крачковский, и они пошли вместе, оживленно беседуя о рыбной ловле. Заработать Леньке ничего не удалось, и, подсчитав оставшиеся копейки, он купил хлеба, с тем чтобы завтра с утра отправиться на заработки в город. Несмотря на данное Динке обещание, Ленька решил все же, не выдавая Костиной тайны, хотя бы узнать от Степана, какой из себя тот предатель, о котором шла речь в прошлый раз.

«Этот белоглазый, длинный, приметный... Только б Степан не рассердился и описал как следует! А то, пожалуй, рассердится да скажет: «Знаешь ли ты, понимаешь ли ты, что ты все время лезешь с расспросами...»

Вспомнив Степана, Ленька тепло улыбнулся и направился домой.

«Завтра встану пораньше и поеду. Может, еще дома застану».

Между тем страшная весть о портнихиной девочке уже облетела весь поселок, и народ, собираясь кучками, толковал о случившемся. Ленька подошел к одной такой кучке, где собравшиеся женщины, причитая и охая, рассказывали друг другу подробности о Нюре и ее девочке.

— Заперла да пошла... А куда она ее денет? Сродственников здесь нет, заработать на хлеб надо... Она ведь портниха, по домам ходит...

— Господи, господи! Нужда наша проклятая! Запрем детей да бежим сломя голову! Девчонка-то махонькая... Марьяшкой звать...

Марьяшку, общую любимицу Арсеньевых, Ленька хорошо знал. Динка, смеясь, рассказывала, как девочка стучит к ним в калитку своей ложкой, как смешно выговаривает слова. Длинные, перевитые бумажными ленточками конфеты по заказу Динки раза два привозил Ленька с базара для Марьяшки.

А однажды Динка вывела девочку погулять и уселась с ней в траве плести венок. Ленька нехотя рвал цветы и бросал их Динке на колени, а потом даже рассердился, когда она заставила его подставить Марьяшке лицо для поцелуя и Марьяшка, громко чмокнув, положила на его щеку мокрое пятнышко. Все это мгновенно пронеслось в голове Леньки, и, не слушая больше женщин, он бросился бежать к Марьяшкиной даче.

Дверь сторожки по-прежнему была открыта настежь. Ленька осторожно заглянул в дверь и в страхе попятился назад. Около кровати стояла Марина и подавала доктору бинты... Нюра, припав головой к подушке, тихо стонала...

Ленька с бьющимся сердцем побрел к калитке. Жалость заслонила его тревожные мысли о Макаке, но, проходя мимо дачи Арсеньевых, он остановился и вспомнил о своей подружке.

Только б не ходила она туда...

«Помрет ведь Марьяшка-то...» — с тревогой подумал он, как вдруг громкий, отчаянный плач повис в воздухе.

Ленька вздрогнул и огляделся; он не узнал голоса своей подружки, но плач несся прямо на него, громкий, жалобный, протестующий. В кустах мелькнуло знакомое платье... Зажав обеими руками уши, Динка неслась вниз по тропинке, ничего не видя перед собой.

— Макака! — бросаясь ей наперерез, крикнул Ленька.

Динка споткнулась, упала в траву и, рыдая, забилась головой о землю.

— Макака! Макака!

Ленька хватал ее за руки, силясь оторвать от земли, поднять, успокоить... Но она вырывалась и снова падала на землю с исступленным плачем.

Ленька, выросший без материнской ласки и никогда не произносивший ласковых слов, теперь в изобилии осыпал ими Динку, сам растерявшийся и несчастный:

— Макака... голубочка... миленькая! Молчи! Молчи! Слушай меня...

Но девочка не видела его, не слушала, и, обессиленный, исчерпавший все средства утешения, Ленька сел с ней рядом и громко заплакал.

— Не могу я унять тебя. Пропали мы обое... Пропали мы...— жалобно повторял он, вытирая рукавом пиджака бегущие по лицу слезы и глядя на рыдающую подружку... Потом, словно осененный отчаянием, он вдруг вскочил и, дернув за руку Динку, гневно крикнул над самым ее ухом: — Бежим! Скорее! Скорее!

Динка вскинула на него распухшие глаза и, уцепившись за его руку, поспешно встала.

— Бежим! Бежим! — кричал Ленька, увлекая ее за собой на лесную дорогу, на просеку, на широкую аллею, мимо дач и не

давая ей ни минуты передохнуть, остановиться.— Бежим! Бежим! — крепко держа ее за руку, рвался вперед Ленька.

Это был отчаянный, бешеный бег; ветер свистел в ушах мальчика; Динка из последних сил старалась не отстать от него; какая-то безумная надежда, что не все еще потеряно, что можно еще догнать или опередить смерть, вырвать из ее рук Марьяшку, гнала ее вперед. И плач ее постепенно смолкал, вырываясь теперь из груди короткими, редкими всхлипами.

— Бежим, бежим! — задыхаясь, кричал Ленька, но, споткнувшись о корни старого дуба, они оба упали и долго не могли подняться.

Потом сели рядом. Динка больше не плакала. Она сидела, согнувшись, придавленная горем, безучастная ко всему на свете... Ленька расстегнул ворот рубашки; худенькая грудь его нервно вздымалась, из посиневших губ вырывалось прерывистое дыхание... В лесу уже сумеречно темнели кусты, деревья почернели, и где-то, за дальней зеленью, в одной из дач вспыхнул огонек.

— Матерю твою жалко...— неожиданно сказал Ленька, и девочка, беспокойно шевельнувшись, подняла на него выплаканные глаза.— Мать одна за всех... Бьется она с вами как рыба об лед. Вот придешь ты, закричишь, а за тобой и Алина, а за Алиной — Мышка... Гроб матери с вами! — тихо закончил Ленька, вытирая рукавом слезы.

За лесом вспыхнул еще один огонек, за ним другой, третий...

— Я домой пойду...— тихо сказала Динка.

Ленька встал и огляделся. В лесу, словно красные светлячки, просвечивали сквозь деревья освещенные окна дач.

— Далеко зашли,— сказал Ленька и, взяв девочку за руку, вышел с ней на дорогу.

Они шли долго, и Ленька тихо, не повышая голоса, все говорил и говорил Динке о матери, о больной Алине, слабенькой Мышке... И, по его словам, выходило так, что, сраженные горем, они все могут умереть, цепляясь один за другого... Стоит только ей, Динке, закричать и заплакать еще раз, поднимется за ней Алина, потом Мышка, и всех их свалят эти слезы в одну общую могилу. А Марьяшка еще, может, выздоровеет, потому что у нее сидят доктор и Марина.

Динка молча слушала, молча кивала головой. У лазейки Ленька бросил на траву свой пиджак:

— Я здесь всю ночь буду. Коль испугаешься чего, беги сюда. Только слышь, Макака, чтоб слезы твои ни сестры, ни мать не видели.

Динка пролезла в лазейку и пошла к дому, потом остановилась, оглянулась.

— Иди, иди! Я здесь буду,— ласково повторил Ленька.

Динка ложилась одна. Катя сидела у постели Мышки и даже не повернула головы в ее сторону. И, только когда дыхание Мышки стало ровнее, она принесла Динке чашку молока и печенье. Динка взяла чашку, бросила туда печенье... Но густой, терпкий комок слез сжал ей горло: вот так же клали печенье в молоко для Марьяшки, девочка болтала в чашке своей ложкой. «Где ложка?.. Марьяшкина ложка... Она так плакала всегда без нее...» — с тревогой вспоминала Динка и, поставив на пол чашку с молоком, отвернулась к стене.

Глава тридцать первая

МАРЬЯШКИНА ЛОЖКА

Утром Лина встала, сварила манную кашу на воде и вызвала Катю:

— Вот, накорми детей. Не ходила я за молоком нынче,— тихо сказала она и, помолчав, добавила: — Уехать отсюда надо. Нет тут больше покоя...

Катя бросила взгляд на распухшие от бессонной ночи глаза Лины и, жалея ее, кивнула головой.

— Уедем... Уедем,— повторила Катя.— Только не показывайся сейчас детям.

Лина махнула рукой:

— Я не пойду...

Вытирая набегавшие на глаза слезы, она помогла Кате собрать стопку тарелок, нарезала хлеб.

— Кто ж ее в больницу-то повезет? Ты, что ли?

— Мы с Мариной... Костя и Никич посидят с детьми...

— Господи, укрепи веру мою...— простонала Лина, грузно валясь на измятую постель и утыкаясь лицом в подушку.

Катя разложила на тарелки кашу, но никто не притронулся к еде. Дети уже знали, что ночью Марьяшке было очень плохо и что доктор велел везти ее в больницу.

«Сейчас мама и Катя повезут ее»,— думала Динка и, вспомнив опять про Марьяшкину ложку, пошла к Леньке.

Продрогший за ночь Ленька, кутаясь в отсыревший пиджак, ходил вдоль забора. Он молча помог Динке вылезти через лазейку и, взяв ее за руку, повел к утесу. Но Динка остановилась на тропинке и потянула его назад.

— Марьяшку в больницу повезут... Ложку ей надо...— тихо прошептала она, глядя на него умоляющими глазами.

— Не надо! — испугался Ленька.— Не нужна она ей там...

— Нет, нужна... Марьяшка всегда плакала без нее. Пойдем, Лень... Я только отдам ей и уйду...— настойчиво тянула его Динка.

Глаза ее стали влажными, и Ленька, боясь, что она расплачется, повернул назад.

— Ведь плакать опять будешь...— в отчаянии сказал он.— И где она теперь, эта ложка?

— Я найду! — прошептала Динка.

Они дошли до решетчатой ограды.

Калитка была открыта.

Около сторожки все еще лежали сваленные в кучу обгоревшие тряпки, перевернутый чугун, грязные миски... Динка несмело подошла к ним, присела на корточки... Слезы застилали ей глаза.

— На память что-нибудь взять хотите? — стоя на пороге и с сочувствием глядя на девочку, спросила какая-то женщина.

— Ложку ищет. Марьяшка к ним всегда с ложкой ходила...— взволнованно пояснил Ленька.

— А! Знаю, знаю... Мы и то смеялись, бывало... Это, значит, от Арсеньевых девчушка-то?.. Ну, не плачь, не плачь, милушка. Есть ложечка, есть. Вот тут она. Я как пол мыла, так под кроватью нашла. Сейчас я тебе вынесу,— заторопилась женщина и, шлепая босыми ногами по полу, подошла к стенному шкафчику.

— Нашла она, сейчас вынесет,— помогая Динке встать, сказал Ленька.

Женщина вынесла ложку, обтерла ее фартуком и протянула Динке.

— А где Марьяшка? — несмело спросила Динка, заглядывая в сторожку.

— На пристань ее понесли. В больницу повезут. Бегите туда — может, еще не уехали! Только-только пошли они...

— Пойдем! — встрепенулась Динка.— Пойдем скорей, Лень!

И, прижав к груди ложку, девочка бросилась бежать.

— Несчастный я с тобой...— пробормотал измученный Ленька, догоняя ее у калитки.

Парохода еще не было. На пристани толпился народ, бросая любопытные и соболезнующие взгляды на забинтованного больного ребенка. Нюра, сидя на скамейке, держала Марьяшку на руках и, не обращая внимания на собравшихся вокруг людей, тихонько шептала ей ласковые слова.

Марина и Катя, стоя у билетной кассы, о чем-то разговаривали с кассиром.

— Иди, не бойся! Отдай ей ложечку-то...— вдруг донесся до них тихий голос.

Ленька, держа за руку свою подружку, осторожно подвел ее к Нюре.

— Марьяшечка, родненькая... вот ложка...— звенящим от волнения голосом сказала Динка и положила на грудь девочки ложку.

— Доченька, ложечку твою принесли! Вот она, ложечка-то...— вкладывая в руку девочки ложку, зашептала мать.

Марьяшка пошевелила головкой и тяжко застонала.

Губы у Динки задрожали.

— Не плачь! — строго остановил ее Ленька.— Скажи: «Выздоравливай, Марьяшка!..»

— Выздоравливай, Марьяшка! — прошептала за ним Динка.

— Ворочайся, мол, скорее из больницы,— снова сказал Ленька.

Серые глаза его неотступно и настороженно следили за каждым движением девочки. Тонкие темные брови узеньким мостиком сошлись у переносья и придавали его бледному лицу строгое и трагическое выражение.

— Поцелуй ее в ручку, и пойдем! — крепко держа за руку девочку и не замечая никого вокруг, тихо шептал Ленька.

Нюра плакала. Стоявшие вокруг женщины вытирали глаза. Марина и Катя, онемев от удивления, смотрели на обоих детей.

— Теперь пойдем,— ласково сказал Ленька.

Девочка не противилась, но, отойдя на несколько шагов, остановилась, неуверенно оглядываясь назад... Ленька, наклонившись над ней, что-то сказал. Динка послушалась и, держась за его руку, тихо пошла рядом. Потом снова остановилась, и снова он что-то сказал ей... Потом их детские фигурки замешались в толпе и скрылись из глаз...

Сестры долго молчали. Потом Марина подняла на сестру удивленные глаза:

— Это был тот же мальчик... Жаль, если они видели нас...

— Они не видели... Она ничего не видела из-за слез, а он ничего не видел, кроме ее слез,— тихо ответила Катя.

Глава тридцать вторая

ГОРЕЧЬ РАЗЛУКИ

Потянулись длинные, печальные дни. Несчастье, случившееся с Марьяшкой, оставило глубокий след в сердцах детей. Никому не хотелось шутить, смеяться, разговаривать громким голосом. Мышка, боясь растравить свое горе, избегала всяких разговоров с сестрой; Динка, скучая, бродила одна по саду и ждала Леньку... Алина теперь держалась особняком, не допуская ни слез, ни воспоминаний. Но когда приезжала мать, все трое бросались к ней с расспросами:

«Ну, как Марьяшка? Плачет она? Больно ей? Узнала она тебя?»

Марина не скрывала правды.

«Марьяшке уже лучше... Только глазки у нее еще забинтованы»,— отвечала она в первые дни.

Дети огорченно замолкали. Всем было страшно, что Марьяшка останется слепой.

Катя, привыкшая с детства к суровой скрытности чувств, казалась прежней и только по вечерам, оставаясь наедине с сестрой, плакала:

«Я не могу представить себе этого ребенка слепым...»

«Почему слепым? Ведь доктор еще не сказал этого. Надо всегда надеяться на лучшее... Перестань плакать, Катя! Посмотри, как борются со своим горем дети»,— мягко упрекала ее сестра.

Но боролись только Алина и Мышка. Динка не боролась, за нее боролся Ленька. Уцепившись за его руку, она тащилась за ним всюду и, тоскуя по Марьяшке, без умолку говорила о ней. В эти дни Ленька стал ее добровольной нянькой, кротким утешителем, самоотверженным другом. Терпеливо перенося ее жалобы, он тысячу раз повторял одни и те же слова:

— Доктора в больнице есть, они не допустят, чтоб Марьяшка слепая осталась. А вернется она, и все опять по-хорошему будет... Ложечку ты ей отнесла... И раньше всегда играла с ней, конфеты давала... Веночек в тот раз на голову сплела... И поцеловала она тебя... И меня поцеловала. Чего еще ей нужно? Не плачь больше, выздоровеет Марьяшка...

Девочка действительно выздоравливала. Однажды Марина приехала веселая и сказала, что глазки у Марьяшки не пострадали, повязку доктор снял и девочка уже бегает по всей палате.

— Бегает! Бегает! — в восторге кричала Динка, тормоша сестер.

Мышка и Алина смеялись.

— Ну, камень с души свалился! — радовалась Катя.

А Лина, глубоко вздыхая, говорила:

— Ведь эдакую муку мученическую перенес ребенок... Безгрешная ангельская душа...— и, думая о чем-то своем, скорбно глядела на богородицу...

* * *

В один из солнечных дней приехала портниха Нюра.

Завидев ее на дорожке, Динка взмахнула руками и бросилась к сестрам.

— Марьяшку привезли! Марьяшку привезли! — кричала она.

Алина и Мышка выбежали на крыльцо, из кухни заспешила Катя.

Но Нюра приехала одна.

— Уезжаем мы с дочкой,— смущаясь, объяснила она.—

К матери моей в деревню. Там Марьяшке будет хорошо. У матери и корова есть, и курочки...— Нюра долго перечисляла все, что есть в хозяйстве у ее матери, а девочки сидели молчаливые, огорченные неожиданным сообщением.

— А сюда, к нам, вы не привезете Марьяшку? Хоть попрощаться? — робко спросила Мышка.

— Да нет уж, милые мои... Пошто ее сюда возить... Вещи я нынче заберу... Вот зашла спасибо вам сказать. Уж очень хорошие вы люди...

Нюра посидела недолго. Рассказывая о Марьяшке, она не забыла упомянуть и о Марьяшкиной ложке.

— Как только сняли повязки с нее, так сейчас же она ручку выпростала и просит: «Лозку». Давай, значит, ей ложку... А потом постучит, бывало, ею по кроватке и засмеется...

Девочкам мгновенно вспомнился стук в калитку и звонкий детский голосок: «Кисей есть?»

Динка поймала растерянный взгляд Мышки и, присев на нижнюю ступеньку, крепко обняла сестру.

— Все вас поминает... Проснется и начнет кликать: «Мышка... Динка... Ку-ку!.. Ку-ку!» Все думает — спрятались вы от нее. Просто беда с ней!..— умилялась Нюра, не замечая, что ее слова, как шипы, вонзаются в любящие сердца девочек.

Когда она собралась уходить, Динка вытащила из своего ящика лучшие игрушки, Мышка — ленточки, Алина — цветные карандаши.

— Батюшки мои! Задарили вы мою Марьяшку! Век я этого не забуду...— растрогалась Нюра и, уходя, долго обнимала девочек, благодарила Катю и вспоминала Марину.— Мамашеньке-то низкий поклон! Недостойны мы с Марьяшкой хлопот ее. Берегите вы ее, деточки, за ради христа... Особый она человек...

Нюра ушла. Стоя у калитки, дети смотрели ей вслед.

Потом Динка повернулась к сестрам и горько сказала:

— Это не Нюра, это Марьяшка ушла от нас...

— Что ж делать? — серьезно, совсем как мама, ответила Алина.

— Марьяшка не наша. Мать всегда может увезти свою дочку,— словно примиряясь, вздохнула Мышка.

— Нет-нет! — гневно запротестовала вдруг Динка.— Мы ее тоже любили... Она не только Нюрина...

Вечером, положив голову на колени матери, девочка грустно сказала:

— Неправильно делают люди...— Но объяснить, что значат эти слова, она не захотела.

Глава тридцать третья

ПОСЛЕДНИЙ ШКВАЛ

Стоя у горячей плиты, Лина равнодушно смотрела, как выбегает из кастрюли кипящий суп, как пригорают котлеты... Нечесаные волосы ее были кое-как заткнуты под платок, неубранная постель дыбилась скомканным ватным одеялом, измятыми подушками, в углах кухни лежал невыметенный сор.

В один из таких дней приехал Малайка. Он приехал без обычных гостинцев, печальный и озабоченный.

Узнав о случившемся и о тяжелом состоянии Лины, он еще больше загрустил и, безнадежно почмокав языком, сказал:

— Ай, беда! Очень сильный беда!.. Кругом беда, Малайке тоже беда... Хозяин сказал: «Берем птица, привози бабу, чтобы он ухаживал за птицей. Дадим хороший квартиру, будем платить деньги. А не привезешь бабу, будем увольнять и брать женатого...» — Малайка глубоко вздохнул и развел руками: — Ой, беда! Кругом беда! Лина не хочет, другую не берем!

— Ну, пойди еще раз поговори с Линой! А потом я еще поговорю,— сказала Марина.

Малайка нерешительно встал, поправил на бритой голове тюбетейку.

— Пойдем, Малаечка! — потянула его за руку Мышка.

— Иди поговори...— повторила Марина.

Малайка медленно пошел по дорожке, нерешительно приблизился к кухне. Мышка забежала вперед и, распахнув дверь, как вкопанная застыла на пороге.

Лина, распростершись перед иконой, билась лбом об пол...

Перед глазами Мышки мгновенно встало страдальческое личико Марьяшки, обгорелые гирлянды бумажных цветов и покрытое черной копотью лицо богородицы...

— Лина! — в отчаянии крикнула Мышка.— Не молись ей, Лина! Ведь это она за бумажные цветочки...

Лина шарахнулась в сторону, вскочила с колен.

— Да-да! Она не пожалела Марьяшку! — со слезами и гневом кричала Мышка.— Она своего ребенка на руках держала, а Марьяшку бедную... Я никогда не прощу ей, Лина!

— Господи... Дочечка... дитятко мое... Малай Иваныч! Голубчик! — простонала Лина, беспомощно оглядываясь вокруг.

— Не заступилась!.. Не спасла! — гневно кричала Мышка.

— Мышенька! Хороший мой! Что он может? Он ничего не может...— испуганно забормотал Малайка и, подскочив к иконе, постучал по ней черным пальцем.— Какой это бог? Это дерево? Зачем плакать?

Лина широко раскрыв глаза, машинально гладила по голове припавшую к ней Мышку.

— Малай Иваныч, обгорела у нас девчоночка! На глазах божьей матери обгорела...

— Ай, Лина, Лина, миленький мой...— закачал головой Малайка, глядя на обеих круглыми жалостливыми глазами.

— Малай Иваныч! Изболелось мое сердце... Ото всего я отказалась... И себя и вас обездолила... Обидела меня богородица... Не отвела беды от девчушки...— тихо сказала Лина и, подняв глаза на икону, добавила словами Мышки: — Своего ребенка на руках держала, а чужого не пожалела...

— Лина! Унеси ее, Лина... Я не хочу, чтоб она была тут! Я не буду приходить к тебе, Лина! — цепляясь за ее шею, кричала Мышка.

Лина молча смотрела на икону. Малайка тоже молчал, потом, присев на кончик табуретки, расстроенно покачал головой:

— Нету здесь никакого бога, Лина... Один обман... Почему не понимаешь...

— Малай Иваныч! — строго прервала его Лина.— Не в нашем разумении, есть бог или нет... и не достойны мы обсуждать это... Только не могу я молиться с чистым сердцем...— Голос ее дрогнул, на щеке остановилась крупная слеза.— Сыми икону, Малай Иваныч...

Малайка растерянно заморгал глазами и не двинулся с места.

— Сыми, говорю,— повторила Лина.— Отдай верующему...— И голос ее зазвучал строже.— Не для хулы и насмешки отдаю... Сама от себя сердце отрываю! Гляди же и ты... не обидь меня глупым словом...

Мышка из-под широкого рукава Лины жадно следила за обоими.

Малайка осторожно снял икону; на пол посыпалась известка, на стене остались тонкие ниточки паутины.

— Сичас, пожаласта, берем...— держа икону прямо перед собой и выходя с ней за дверь, неуверенно бормотал Малайка. И, словно боясь, что Лина одумается, рассердится, раскричится, еще раз заглянул в кухню.— Совсем несть, Лина?

Лина, погруженная в свои мысли, не ответила. Малайка, прижимая к груди икону, на цыпочках прошел мимо окна и скрылся за деревьями.

— Ну вот,— сказала Лина.— Унес... Теперь пустой угол...

— Лина...— умоляюще прошептала Мышка.

— Ничего, доченька... не корю я тебя...

Лина оправила кровать, взбила подушки. Не спеша двигаясь по кухне, прибрала в углу сор и, открыв дверь, поглядела в сад. Малайки все не было.

— Небось в саму Волгу затащил, нехристь эдакий... возрадовался! — грустно усмехнулась Лина.

Но Малайка вернулся, весь пропыленный, с портретом в руках.

— Сичас, пожаласта...— промычал он, держа во рту гвозди, а под мышкой молоток.

— Что это ты, Малай Иваныч? Кого это притащил? — удивленно спросила Лина.

Круглое лицо Малайки расцвело смущенной улыбкой:

— Один очень умный человек... будешь скучать — смотри портрет.

На Лину глянуло лицо незнакомого человека. Глаза его смотрели умно и проницательно.

— Батюшки! Да где же ты его взял? — всплеснула руками Лина.

— На чердаке. В папином ящике,— тихо сказала Мышка.

Малайка, причмокнув языком от удовольствия, повесил портрет. Лина поглядела еще раз и глубоко вздохнула.

— Ничего, симпатичный,— равнодушно сказала она, махнув рукой.

— Это Чернышевский! — серьезно пояснила Мышка.

Глава тридцать четвертая

ОТРЕЧЕНИЕ ЛИНЫ И СЧАСТЬЕ МАЛАЙКИ

— Мама! — шепотом сказала Динка.— Малайка куда-то унес Линину икону.

— Что такое? — громко удивилась Марина.

Катя подняла голову от шитья, Алина — от книги; но Динке не пришлось повторить свое сообщение, так как из кухни прибежала Мышка и начала сбивчиво рассказывать о том, что произошло:

— Лина не будет больше молиться... Она сама сказала Малайке, чтобы он снял ее икону... А на месте божьей матери у нее теперь висит Чернышевский! — торжествующе закончила Мышка.

— Чернышевский? — рассеянно переспросила Марина и посмотрела на сестру.

Катя фыркнула и, пожав плечами, встала.

— Пойду посмотрю, в чем дело,— сказала она.

— Только не смейся, Лина очень плакала,— зашептала ей по дороге Мышка.

— Ничего не понимаю...— глядя на мать, сказала Алина.

— Я тоже... При чем тут Чернышевский? — ответила ей Марина.

Но Катя с Мышкой, обнявшись, вошли на террасу.

— Марина! — падая в изнеможении на стул и с трудом сдерживая смех, сказала Катя.— Там действительно вместо иконы — Чернышевский...

Она хотела еще что-то сказать, но из кухни рысцой прибежал Малайка. Круглые глаза его сияли, лицо лоснилось, белые зубы сверкали в восторженной улыбке.

— Лина согласилась! Свадьба будем делать! Сичас едем город, даем деньги попу, ныряем корыто, крестимся и берем

Лина! — взволнованно сообщил он и, испуганно оглянувшись, бросился обратно в кухню.

Дети тихонько прыснули от смеха и вопросительно поглядели на взрослых.

— Неужели до свадьбы дошло? — удивленно сказала Катя.

Марина засмеялась:

— Свадьба-то свадьбой, но в какое корыто он ныряет?

Дети засмеялись еще громче.

— Мамочка,— сказала Мышка,— это не корыто, это в церкви Малайка будет выкрещиваться!

— А-а! — захохотала Марина и, вытирая платком выступившие от смеха слезы, сказала: — Ну, это тоже исключительное событие! Не иначе, как Чернышевский помог!

— Нет, это не Чернышевский...— тихо сказала Мышка.

Катя вскочила и, взглянув через перила, дернула за рукав сестру:

— Идут! Малайка и Лина! Вместе идут! Дети, не смейтесь! — быстро предупредила она.

Девочки бросились к перилам.

По дорожке чинно шли Малайка и Лина. На Лине был новый сарафан из темно-синего сатинета, отороченный по подолу двумя рядами золотой ленточки, гладко причесанную голову покрывал темный шелковый платочек; свежее лицо ее казалось очень бледным, карие глаза, выплаканные за эти дни,— монашески строгими. Малайка, в застегнутом на все пуговицы пиджаке, важно шествовал с ней рядом, выпятив вперед грудь и глядя прямо перед собой.

— Ну, это уже не шутка,— пряча смешливую улыбку, тихонько шепнула Марина и, обернувшись к детям, строго погрозила им пальцем.

Алина отдернула от перил Динку и Мышку, поспешно усадила их за стол и села сама. Все трое с настороженным любопытством ждали приближения какого-то торжественного и незнакомого им момента.

Перед террасой Лина молча взяла за руку Малайку, медленно поднялась по ступенькам... Марина и Катя двинулись ей навстречу; дети тоже встали со своих мест.

— Милушки вы мои, родные мои! — зазвенел вдруг голос

Лины.— Нет у меня ни отца, ни матери, одни вы у меня на свете! — Она низко поклонилась.

Малайка, потерявший сразу всю важность, скосил на Лину свой черный глаз и также неловко поклонился.

— Поблагословите меня, родные мои, на законный брак, на любовь и согласие...— певучим голосом сказала Лина.

Марина и Катя бросились к ней, обняли ее.

— Лина! — в один голос вскрикнули младшие дети.

Алина беспокойно заморгала ресницами.

— Будь счастлива, Линочка... верная, родная моя подруженька! — вспомнив сразу элеватор и прожитые вместе годы, сказала Марина.

— Будь счастлива, Линочка! — повторила за ней растроганная Катя.

Лина, плача навзрыд, обняла обеих сестер. Глаза Малайки тревожно забегали по всем лицам.

— Зачим плакать? — беспомощно засуетился он.— Зачим плакать?!

— Лина! — расталкивая всех, закричала Динка.— Почему ты плачешь? Я не хочу такой свадьбы! Я не хочу, чтобы ты плакала!

— Дитятко мое выхоженное...— прижала ее к себе Лина.

— Конечно! При чем тут слезы? — быстро и весело сказала Марина.— Ведь это радость, что вы поженитесь!.. Дети, поцелуйте Лину и Малайку! У нас большая радость!

— Поздравляю тебя, Малайка! Лучшей жены во всем свете не сыскать тебе! — поддержала сестру Катя.

— Какой лучше... где есть лучше?..— заулыбался Малайка, отвечая на объятия и поцелуи.

Лина перестала плакать. Дети с мокрыми лицами лезли целоваться то к ней, то к Малайке.

Ой, и что ж то за шум учинився,
Что комар та на мухе ожинився! —

запел вдруг никем не замеченный и подошедший к террасе Олег.

Начались новые поздравления, пожелания счастья...

Малайка снова засиял как солнце. Лина, обняв детей, тоже улыбалась на громкие шутки Олега, но с лица ее не сходило печальное и торжественное выражение покорности своей будущей судьбе.

— Ну, Малай, не девушку отдаем мы тебе, а жемчужину! Береги ее пуще глаза! — поздравляя Малайку, сказал Олег.

— Будем беречь, будем смотреть! Как чуть заплачет, сичас сажаем пароход, везем к барина Мара, чтоб не скучал...— поспешно начал уверять Малайка, но от его слов повеяло вдруг близкой разлукой, и лица у всех опечалились.

— Ты уедешь от нас, Лина?.. Мамочка, Лина уедет от нас? — испуганно спрашивали дети.

— Лина будет приезжать... А зимой мы будем жить в одном городе...— храбрясь, отвечала Марина.

— Не наездишься, не находишься... Разорвется сердце мое...— тихо шептала Лина, припадая к детям.

Глава тридцать пятая

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Дни шли, а Ленька никак не мог выбраться в город. Со времени несчастного происшествия с Марьяшкой Динка так привыкла цепляться за него, что ни на один день не хотела остаться одна, а он, испуганный слезами девочки, боялся оставить ее. С самого раннего утра появлялся Ленька у знакомого забора и ждал, пока кудрявая голова подружки покажется в лазейке. Просунув в его руку свои маленькие жесткие пальчики, она шла за ним, весело болтая и не спрашивая, куда они идут. Чаще всего Ленька торопился на пристань, чтобы заработать две-три копейки на хлеб. Деньги у него давно кончились, и только один заветный и неприкосновенный полтинник лежал на утесе под круглым камушком; в полтиннике этом заключалась единственная надежда мальчика приобрести когда-нибудь лодку.

А между тем голод уже давно мучил Леньку. От богатого запаса сахара оставался один кусок, который он берег для Динки. Девочка полюбила пить на утесе чай и, усаживаясь на свое место у входа в пещеру, неизменно вынимала из кармана стеклянный шарик, которым Ленька, из подражания Степану, научил ее разбивать сахар. Научил он ее также пить вприкуску, и Динке казалось, что ничего на свете нет вкуснее такого чая.

Она называла его волжским, потому что воду Ленька зачерпывал своим котелком прямо из Волги.

Чая Ленька больше не покупал, так как они с Динкой решили, что вода из Волги и так желтая, но на сахар мальчик потратил все свои последние гроши. Отказать в сахаре Динке было невозможно... Усевшись с миской в руках, она дула на горячую воду и с наслаждением тянула из миски чай, похрустывая куском сахара. При этом весело болтала о доме и о разных вещах, о которых слышала или думала в этот день. О Марьяшке она больше не говорила, словно, затаив в себе горечь этой разлуки, не хотела ее касаться, и только однажды, увидев у разносчика длинные, перевитые ленточками конфеты, отвернулась и грустно сказала:

— Не покупай их мне никогда, Лень.

Мрачные мысли одолевали Динку только наедине с собой. При Леньке она была прежней озорной и лукавой девчонкой и, подметив в окружающих ее людях что-нибудь смешное, копировала их, меняя лицо, походку и голос. Глядя на нее, Ленька хохотал от всей души. В эти минуты голод и беспокойство мальчика забывались, но однажды, когда он выдал Динке последний кусок сахару и мрачно глядел, как она пьет, похрустывая им на зубах, все тревоги и горечь, скопившиеся в нем за эти дни, прорвались наружу:

— Не грызи сахар зубами, клади на язык! Ведь доешь скоро, что я тогда дам тебе?

И он начал говорить, что ему давно надо съездить в город, что он день и ночь беспокоится за Степана, что деньги здесь заработать нельзя, а полтинник свой он не тронет, хоть и умирать будет голодной смертью...

Динка испуганно смотрела на его похудевшее лицо, и вынутый изо рта сахар таял в ее руке. Она вспомнила свою тревогу о том, что Ленька голодает, вспомнила, как жадно собирала для него в шапку шарманщика заработанные копейки и как потом все эти дни совершенно не думала, где и что ест Ленька... И в ужасе от того, что она забыла о нем, вскочила и потребовала сама, чтобы Ленька завтра же ехал в город.

— А сегодня, сейчас, пойдем на пристань! — заторопилась она.— Я спою, и мне дадут денежки! Айда! Айда!

— Да погоди ты... куда ты? — пробовал остановить ее

Ленька, но девочка уже отставила в сторону свою миску, бросила кусок сахару и спешила к доске.

— Пойдем! Пойдем! Я хорошо буду петь, мне дадут денег!

Ленька, обрадованный ее разрешением ехать завтра в город, весело поспешил за ней.

— Ну, пойдем на пристань! Может, я чего заработаю! А петь ты больше и не думай, слышь, Макака! Еще попадешься кому на глаза или прибьет кто на дачах! Даже и не говори мне об этом! — строго сказал он.

Динка промолчала.

Они вышли на пристань. Дачных пароходов не было, только у причала стоял пароход «Надежда», но и он скоро отошел.

— Погрузился, видать... Я его еще с утра тут видел. Да это пароход дальний, он пассажиров не берет...— задумчиво сказал Ленька, оглядываясь на площадь.— Надо ждать дачного... Пойдем посидим на бревнах около причала,— предложил он подружке.

— Пойдем!

Они спустились к воде, но на бревнах расположились грузчики. Они, видимо, закусывали после работы. Ленька повернул назад.

— Эй, эй, ребятки! — окликнули их вдруг с бревен, и высокий кудрявый парень в тельняшке, улыбаясь, помахал рукой.— Идите сюда!

— Это Вася! — обрадованно сказала Динка.— Помнишь, тот, что нас от хозяина отнимал?

— Ага! — сказал Ленька.— Я его с той поры только один раз видел. Пойдем, что ли?

— Пойдем!

Грузчиков было человек семь. Одни из них сидели на бревнах, другие — прямо на песке. Вася резал большими кусками хлеб и колбасу, раскладывая ее на бумаге. Тут же лежала горка сушеной воблы. Ленька выдернул из своей руки Динкину руку и тихо сказал:

— Не держись за меня при людях... Здравствуйте,— вежливо поздоровался он, подходя к грузчикам.

Динка тоже кивнула головой и несмело улыбнулась.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — с любопытством оглядывая их, откликнулись грузчики.

— Садитесь вот,— сказал Вася,— будете обедать с нами!

Динка просияла и быстренько уселась перед разложенными на бумаге яствами. Но Ленька бросил на нее строгий, укоризненный взгляд и громко сказал:

— Спасибо. Мы не голодные.

— Чего там — не голодные! Ешьте, коль угощают,— сказал Вася, придвигая к Леньке и Динке хлеб.— Вот колбасу берите, воблу!

— Ешьте, чего тут! Это хлеб честный, рабочий, от него силушки прибавится! — пошутил один грузчик, придвигаясь ближе и накладывая на ломоть хлеба колбасу.

Ленька взял ломоть хлеба, разломил его пополам и половину дал Динке. Потом осторожно потянул за хвост воблу; Динка тоже взяла воблу.

Вася весело подмигнул товарищам:

— Девчушка-то та самая, что в бороду хозяину вцепилась!

Грузчики засмеялись.

— Я ее сразу признал,— сказал один.— Приметная девчонка!

— И как это она тогда, братцы, до бороды добралась! И главное дело: «Робя! Робя!» — а бороды не выпускает! Ну, умора с ей! — захохотал другой, кивая на Динку.

— Да ведь он, каторжная душа, за волосы ее схватил! Я думал, голову оторвет напрочь! — покачал головой Вася и, положив на Динкин хлеб колбасы, с любопытством спросил: — А кого же это ты на помочь звала?

— Да я вас звала...— улыбнулась Динка.

— Ишь ты! Это, значит, мы — робя! — захохотали грузчики.

А Вася спросил:

— Ну, а где же теперь живете-то?

— Она с матерью живет, а я на вольной воле,— сказал Ленька.

— Вона как!..— с удивлением протянул Вася.— Что ж, разве вы не брат с сестрой?

— Нет. Мы просто так, дружим,— солидно ответил Ленька.

— А мы так полагали — сестренка она тебе. Уж больно в защиту рвалась! — сказал один грузчик.

— С отчаянностью защищала! — захохотал другой.

Но Вася задумчиво поглядел на обоих ребят и серьезно спросил:

— Значит, она у матери живет, а ты сам по себе... Да-а... То-то, я вижу, исхудал ты, парень. Одни глаза торчат. На чьих же хлебах находишься теперь?

— Он не любит чужой хлеб,— быстро сказала Динка и, покраснев, подвинула Леньке свой ломтик колбасы.

— Я сам на себя зарабатываю! — гордо сказал Ленька, но худой, изможденный вид его красноречивей слов говорил об этих заработках.

Грузчики переглянулись.

— Во как! — с усмешкой сказал один и потрепал Леньку по плечу.— Амбиции своей, значит, не теряешь?

Ленька смущенно улыбнулся, и ему вдруг захотелось похвалиться перед этими людьми своей независимостью.

— Я в город езжу. Кому что поднесу на базаре — когда пять, а когда и десять копеек дадут. А то еще знакомый студент там у меня есть, вместе чай пьем! — с гордостью сказал он.

— Ну, со студентом только чаи гонять. С ихнего брата помощи мало. Плохо твое дело, Ленька! — серьезно сказал Вася.

— Студенты теперь всё больше по тюрьмам сидят. С ними лучше не связываться,— покачал головой староста.

— Кто за народ стоит, тот и в тюрьме сидит,— ответил задетый за живое Ленька.

Грузчики переглянулись.

— Вона как! — усмехнулся Вася.— Складно сказал. И правильно. Студенты — народ товарищеский. Это у нас в артели все вразброд. Кто куда смотрит... Не натерла еще лямка спину, видать...

— Хоть и натерла, дак податься некуда. Когда б на заводе али на фабрике работать, а то кучка нас...— хмуро сказал другой грузчик.

— Своя рубаха ближе к телу...— вздохнул староста.

— Что ж... Сидеть да выжидать легче... На студентов, что ли, будем надеяться? — с горькой усмешкой спросил Вася.

Ленька вспомнил Степана и, вспыхнув, отложил в сторону свой хлеб.

— Есть люди, себя не жалеют... Не знаете вы их,— с обидой сказал он.

— Знаем! — сказал Вася и, весело улыбнувшись, похлопал его по плечу.— Они вперед, мы за ними... Свой своего не продаст и не выдаст. Только не об этом сейчас речь... Вот, вижу я, ты со своим заработком пропадешь на этом свете! Как пигалица пропадешь!

— Не пропаду! — упрямо сказал Ленька и вдруг робко спросил: — А что, про хозяина моего не слышно еще?

Грузчики с любопытством посмотрели на мальчика.

— А ты разве ничего не слыхал? — быстро спросил Вася.

— Нет! — побледнел Ленька.

Динка бросила воблу и, быстро оглянувшись, схватила Васю за руку.

— Едет он? — испуганно спросила она.

— Куда едет? — захохотал Вася.— Он уже заехал, дальше некуда! Да ты что побелел весь? — обратился он к Леньке.— Али не слыхал ничего?

— Ясное дело, не слыхал. А ты погоди сказывать, Вася... Может, отец он ему? — встревожились грузчики.

— Не отец он мне, а отчим. А хоть бы и отец был, так не пойду я к нему больше! — взволновался Ленька.

Вася удивленно смотрел на него. Грузчики вдруг о чем-то заспорили.

— Слышь, а бумаги у тебя есть, что он тебе отчим? Баржа-то ведь без призору осталась, а она денег стоит...— сказал староста, трогая Леньку за плечо.

— Да погодите вы делить! Не знает он, видно, ничего... Убили твоего хозяина, парень! Свои же выследили и убили... А ты что ж, не знал, что он беглый был? — спросил вдруг Вася.

— Беглый... С откудова?.. Не знал...— бледнея, пролепетал Ленька.

— Ну, брат, скажи спасибо, что вырвался ты от него, а то не глядели б мы на тебя сейчас,— покачал головой Вася.

Глава тридцать шестая

ВЕСТИ О ХОЗЯИНЕ БАРЖИ

— Как же это ты не знал? Жил с ним — и не знал? — удивленно повторил Вася.

— Да откуда же! Разве он мне сказывался? — пожал плечами все еще бледный и испуганный Ленька.

Динка широко раскрытыми глазами смотрела то на него, то на Васю.

— Ну вот,— сказал Вася.— Так это уже те, которые его убили, в полиции показывали. Вроде как бы бежали они с каторги втроих. А тоже за убийство туда попали. Ну, сбегли... по дороге, видать, пограбили немало... Сибирь-то велика, и тоже тайгой пробирались больше. Страдали, значит, вместе и вместе злодействовали...

— Нет, ты, Вася, скажи, как он имя и фамилию свою сменил,— перебил староста.

— Ну да! Имя и фамилия — это, конечно, не его, только он и перед своими дружками сплутовал. Видно, чтой-то задумал тогда уж,— скручивая цигарку, сказал Вася.— Одним словом, не знаю, как уж они шли, много ли, мало народу уложили, только попался им один бобыль в лесу. В попутчики, что ли, они ему навязались. И видят — денежки есть у человека. Расспросили. Семьи нет, искать некому. Ну, убили его, вытащили узелок с деньгами. Денег порядочно... А хозяин твой потихоньку и паспорт убитого припрятал. Вот как раз он-то и был Гордей Ревякин, бобыль, с дальнего хутора какого-то... Ну ладно...

Вася снова свернул цигарку. Грузчики с интересом слушали уже знакомую историю. Динка, вцепившись в Ленькину руку, сидела ни жива ни мертва от страха. Ей чудился густой незнакомый лес и три страшных человека с такими же бородами, как у Ленькиного хозяина.

— Ну, пошли дальше... Спрятали деньги в дупле, а сами зашли под вечер, попросились в одном селе заночевать. Ну, пустили их. Заночевали они. А утром встают — одного нету.

— Это хозяина моего? — едва слышно спросил Ленька.

— Ну да... Нету и нету. Они назад, в лес. Ан и узелка с деньгами нету! Бросились догонять... Ну, где догонишь! Пришли в одно село, а Гордей этот... или как его... лошадь

у одного хуторского купил да и скрылся. Так они его в тот раз и не нашли... Да, кстати, и самим опасаться надо, не больно-то расспрашивать будешь, но на примете всегда имели, чтоб отомстить, значит...

— А что ж полиция-то не искала их, что ли? — спросил один из грузчиков.

— Искала. Да где найдешь? Русь велика, мало ли бродяг по дорогам шатается. Да и паспорта́ они себе небось тоже спроворили другие. Ну, и ходили по городам: где работенку какую возьмут, где пограбят... А тут — видать, в Саратове — и выследили своего изменщика. Как раз он баржу разгружал... бочки-то эти. А они, может, подработать хотели, да узнали его и сокрылись до времени.

— А он-то их не узнал, что ли?

— Так они на глаза и не показались. Видят — он перед ними. Отошли, посоветовались. Спросили, конечно, кто такой, чья баржа — чтоб ошибки, значит, не было...— с увлечением рассказывал Вася.

— А ему и не в голове, что за ним следят,— перебил его староста.— Когда б такая думка была, живо скрылся бы.

— Ясно. Он бочки сгрузил — да в город, к купцу за расчетом, значит. А они на барже спрятались... Вот был бы ты, к примеру, так и тебя не пощадили бы,— обратился Вася к Леньке.

У Леньки пробежал по спине мороз, а Динка еще крепче вцепилась в его руку.

— Да-а... Ну, так и порешили они его. Пришел он поздно, один, навеселе, конечно. Уж дело к ночи. Лег спать в своей хибарке, а они тут как тут... Здравствуй и прощай! Сперва-то денег требовали, а как деньги отдал, так скрутили его по ногам да рукам и давай свой суд творить. Рот тряпкой забили... Ну, и прикончили, конечно. И надо бы им уходить, а жадность одолела. Давай искать, не припрятаны ли еще где деньги. А на это время сторож на причал заявился. И другой с ним зашел. Глядят, на барже какие-то люди тыркаются... И что-то попритчилось им неладное, потому как видели, что хозяин один был, один и назад ехать собирался. Чуть свет отплыть должен был. Ну, закричали они. Собрался народ, грузчики как раз на берегу ночевали... Злодеи — бежать, а эти за ними. Ну, и крышка...—

закончил свой рассказ Вася и, улыбнувшись, погладил по голове притихшую Динку.— Вишь, какие дела на свете творятся! Не вцепись ты тогда в бороду хозяина, пропал бы твой дружок Ленька!

— Да мало этого... Не закричи ты нас на помочь, одолел бы он вас обоих! — весело сказал молодой грузчик и засмеялся.— Вот те и «робя»!

— В товариществе сила! Она понимает! — подмигнул Вася и, поглядев на Леньку, вздохнул: — А тебе, может, и правда за баржу деньги хлопотать? Все же раз отчим, а других родных нет, так, может, и выдадут, а? — спросил он.

— И то правда. Деньги немалые...— подтвердили грузчики.

Ленька передернулся, вспыхнул:

— Что я, на крови людской забогатеть хочу! Не нужны мне его деньги! Свои заработаю!

Грузчики с уважением посмотрели на него.

— Гордый какой... Ну, это хорошо, это, значит, ты с совестью, парень! — сказал староста и тут же предложил: — Давай, робя, шапку по кругу!

— Нет-нет! — вскочил Ленька.— Не возьму я!

— И от нас не возьмешь? — прищурив глаза, с интересом спросил Вася.

— Не возьму! — решительно мотнул головой Ленька.

Вася схватил его руку и крепко тряхнул ее.

— Вот, робя! Это по-моему! Так и живи, Ленька! Никому в ноги не кланяйся! А работу я тебе найду! Я капитана «Надежды» попрошу. Хороший человек! Уж если бы он тебя на свой пароход взял, то считай, что будешь у Христа за пазухой! — торжественно закончил Вася.

— Да, это бы да... Славный человек, большой справедливости человек... Вот приедет, всей артелью просить будем! — загудели вокруг грузчики.

— А когда он приедет? — с замиранием сердца спросил Ленька.

— Да недели через две вернется. Только сегодня отбыл... Ну, да ты, Ленька, не бойсь! Ежели что, приходи к нам! Хошь не хошь, а поддержка всякому человеку нужна, вот ты и приходи!

— С подружки своей пример бери! Она еще и знакомства

с нами не имела, а уже кричала: «Робя! Робя!» — весело пошутил Вася.

Грузчики засмеялись, но у Динки сжалось сердце. Она уже видела, как пароход «Надежда» увозит ее Леньку куда-то далеко-далеко, в неизвестный рейс.

Глава тридцать седьмая

НОЧЬ И ДЕНЬ ЛЕНЬКИ

Плохо спал в эту ночь Ленька. В памяти его вставали дни и годы, прожитые с хозяином. Теперь, после рассказа Васи, вся эта жизнь казалась ему еще страшней, чем раньше, многое становилось понятным... Гордей, очевидно, знал или подозревал, что обманутые им сообщники тщательно разыскивают его и что пощады ему от них не будет. Вот почему он, посылая Леньку на базар или в булочную, строго наказывал мальчику никому не говорить, где и с кем он проживает, и сам входил в город только поздно вечером и часто менял свое местожительство.

Вспомнил Ленька, как однажды, вернувшись поздно из города, хозяин велел ему, не мешкая, связывать узлы и, расплатившись с квартирной хозяйкой, в ту же ночь уехал с ним в один из приволжских городков, бросив на произвол судьбы стоявшую на ремонте баржу. Компании Гордей Лукич ни с кем не водил и водку пил только с купцовыми приказчиками или один, когда баржа отчаливала от берега... И, несмотря на то что среди речного простора ничто, казалось, не угрожало хозяину, он дико ругался и, пьяный, вымещал свою ненависть к людям на беззащитном мальчике.

«Кто ты мне есть? Лихой враг! Змееныш! Подойдет случай — и продашь! — глотая из бутылки водку, хрипел он.— Давно задушить тебя надо да выбросить за борт! — И, забывшись, страшно поводя синими белками глаз, направлялся он вдруг к Леньке, глухо бормоча: — Задушить, чтоб не выплыл... А то камень на шею — и в воду...»

Сколько раз ночью прятался от него Ленька то под старыми канатами, то под грузом, который они везли... Но, видимо, он был еще нужен Гордею и потому уцелел.

Лежа один на утесе, мальчик с ужасом вспоминал то

страшное время; неотступно глядели на него из темноты бешеные, налитые темной злобой глаза хозяина, и морозный холодок пробегал по спине от рассказа Васи.

Подгоняемая ночным ветерком, шумела под утесом Волга, и казалось, что носится в просторах большой реки опустевшая баржа с окровавленным телом хозяина... Ленька садился у входа в пещеру и смотрел на усеянное звездами небо, нетерпеливо ожидая рассвета. Он уже не раз пожалел, что не остался ночевать под Динкиным забором, рядом с дачей, где жила Динкина мать и Динка. Ни о чем не думалось бы ему вблизи этих людей, хотя и сама Динка сильно напугалась после рассказа Васи.

Ленька вспомнил, как они шли с пристани, был еще белый день, а Динка бежала вперед и тащила его за собой.

«Ну, куда бежишь как оглашенная?» — недовольно ворчал он, удерживая ее за руку.

«А хозяин, Лень... Я твоего хозяина боюсь...» — тихо шептала она, оглядываясь по сторонам.

«Так ведь убитый хозяин... Сказано тебе, что убитый».

«А может, он еще не совсем умер... Мы не спросили, Лень,— может, он не мертвый...»

«Как это — не мертвый, если убитый?»

«Но я никогда не слышала, чтобы мертвых называли убитыми... И если он еще не совсем...— с дрожью отвечала Динка, беспокойно оглядываясь.— А ведь я его схватила за бороду тогда...» Под ногами хрустела ветка, и Динка, шарахаясь в сторону, замолкала.

«Вот глупая ты! Ну и глупая! Знал бы, не велел Васе при тебе рассказывать...»

Вспоминая Динкин перепуг, мальчик усмехался.

«Теперь завтра никуда не выйдет. Будет весь день около Мышки сидеть. Это и лучше. Я хоть в город съезжу — к Степану зайду. Давно не бывал уже...» — думал он и, отвлекшись мыслями от своей прежней жизни, спокойно завернулся в одеяло и лег у входа. Забытый Динкой стеклянный шарик подкатился ему под щеку. Он поглядел на круглый плоский камень у входа, где всегда сидела его подружка, и, закрыв глаза, представил себе, что она и сейчас сидит там, обхватив руками коленки и прислушиваясь к шуму волн...

«Эх ты, капля... Глупышка еще...» — ласково улыбнулся Ленька и, успокоившись, стал думать о том, что завтра ему предстоит много дел: нужно успеть заработать, повидать Степана и засветло вернуться домой.

«Привезу сахару Макаке... И вообще буду ездить в город на заработки. А там, глядишь, Вася устроит меня к капитану «Надежды». В другие города начну ездить, гостинцы буду Макаке привозить. Матросский воротник справлю себе. Не достать теперь меня хозяину! Убитый — это мертвый, и все тут!»

Буйная радость жизни и гордые мальчишеские мечты овладели Ленькой, и, не дожидаясь рассвета, он сладко заснул, согревая своей щекой Динкин шарик.

* * *

Проспав два утренних парохода, Ленька едва успел на третий и, прячась от «билетчика», добрался до города в девятом часу. Базар был уже в разгаре. Ленька потолкался между покупателями, но работы не нашел, зато в рыбном ряду его окликнул Федька. Он торговал рыбой Митрича.

— Много старик ловит теперь. Ему один тут с дачи ловкую удочку сделал! И сеть подарил. Они вдвоем ездят на ловлю... Меня Митрич вовсе не берет... Все с этим дачником ездит! — с завистью рассказывал Федька.

— С каким дачником? — спросил Ленька.

— Да не знаю... Никичем зовут. Старик тоже, еще постарше Митрича, а на веслах сидит... греблю любит... Митрич и лодку себе завел двухвесельную. Надо и нам покупать, Ленька... Пропадем без лодки! — вздохнул Федька.

— У меня полтинник есть! — похвастал Ленька, думая о том, что если бы им с Федькой удалось купить лодку, то, пожалуй, и к капитану «Надежды» незачем было идти. Своя лодка, сам себе хозяин — чего лучше! — Я еще прикоплю! — пообещал он товарищу.

— Копи! — обрадовался Федька.— У меня два рубля в копилке... А еще, может, этот рыбак уступит аль подождет немного.

Поговорив с товарищем, Ленька пошел искать Степана, но ни на базаре, ни в столовке его не было. Остановившись

в нерешительности около одного воза, мальчик увидел молодую женщину с девочкой. Девочка хныкала и просилась на руки, но мать несла тяжелую корзинку и кувшин с молоком.

Ленька вспомнил Марьяшку и робко предложил:

— Позвольте, я понесу девочку...

Женщина окинула его быстрым взглядом, посмотрела на корзинку, на молоко и, нагнувшись к ребенку, спросила:

— Пойдешь на ручки к мальчику?

— Пойдет! — сказал Ленька и, ощущая смутное сходство девочки с Марьяшкой, осторожно взял ребенка на руки.

Девочка перестала хныкать и с любопытством смотрела ему в лицо.

— Нас только с базара вывести. А то здесь толкучка... Тяжело тебе? — идя рядом, спрашивала женщина.

— Нет, что вы! Я бы нес и нес...— с умилением сказал Ленька, прижимая к себе ребенка.

— У тебя, наверное, дома сестренка такая? — ласково спросила женщина.

— Была такая... да в деревне сейчас...— нехотя ответил Ленька.

Прощаясь, женщина вынула из сумочки десять копеек.

— Нет,— сказал Ленька,— не возьму.— И кивнул на девочку: — Я ее заместо Марьяшки нес.

— Я знаю. Ты, видно, очень любишь сестренку. Но все-таки возьми деньги. Я тебя очень прошу, ведь у тебя нет... Разве я не вижу!

— Нет-нет! — сказал Ленька, все еще глядя на девочку.— Я с радостью ее нес; за это денег не берут...— и, распростившись, быстро пошел к базару.

Но женщина окликнула его.

— Тогда,— сказала она,— донеси мне уж до дому вот эту корзинку; у меня очень устала рука от нее.

Ленька взял корзинку. Оказалось, что дом, где жили женщина с девочкой, был почти у самого базара. Но женщина попросила, чтобы Ленька отнес ей корзинку прямо на квартиру. Там женщина заставила его съесть кусок булки с маслом и, давая двадцать копеек, сказала:

— Это не за девочку. Это за корзинку — она была ужасно тяжелая.

Ленька засмеялся и взял. Выйдя во двор, он остановился и поглядел на захлопнувшуюся за ним дверь. Женщина выглянула в окно:

— Ты что-нибудь забыл, мальчик?

— Нет,— смущенно сказал Ленька.— Просто так.

«Трудно уходить навсегда от хороших людей»,— подумал он.

Женщина поняла.

— Приходи к нам! Приходи, когда захочешь! — крикнула она в окошко.

Ленька улыбнулся и кивнул головой. Он знал, что никогда не придет, но на душе у него стало светло и радостно.

Потолкавшись на базаре, мальчик отнес одной старой барыне на дом рыбу. Рыба была не тяжелая, но живая. Она била хвостом и выскальзывала из корзинки. Барыня пугалась и жалела ее.

— Ах, боже мой! — всю дорогу говорила она.— Невозможно сочетать свои вкусы с жалостью! Я всегда покупаю к обеду живую рыбу и всегда так расстраиваюсь, что потом весь вечер мучаюсь мигренью!

Леньку она не жалела и дала ему только пять копеек, не впустив дальше порога черного хода.

Ленька снова вернулся на базар, но заработать уже больше не пытался, а купил только хлеба и большой кусок сахару.

«Теперь можно идти к Степану!» — весело подумал он и, решив, что его новый друг тоже соскучился и сильно обрадуется его появлению, заявился к Степану не просто, а трижды кукарекнув под его дверью.

Но на Степана это произвело обратное впечатление.

— Ты чего кукарекаешь? — ворчливо сказал он.— Терпеть не могу петухов! Меня в детстве одна такая птица полчаса клювом долбила! Следующий раз лучше мяукай, если это тебе необходимо!

— А может, и кошка вас в детстве полчаса царапала? — засмеялся Ленька.

— Нет, кошки ко мне всегда хорошо относились,— серьезно сказал Степан и, пристально взглянув на Леньку, спросил: — А ты что какой-то вытянутый сегодня? Почему не являлся?

Ленька отговорился делами и стал рассказывать про своего хозяина.

— Убили? — удивился Степан.— Ну что ж! Плохого человека не жалко. А для тебя это просто спасение! Давай-ка по этому случаю выпьем за помин души твоего хозяина крепкого чайку!

Они вскипятили чай. Ленька положил на стол хлеб и сахар. Но сахар у Степана был.

— Бери обратно свой сахар,— сказал он.

Чай пили молча. Ленька снова вспомнил о сыщике и, не зная, как начать о нем разговор, сидел тихо, с хмурым, озабоченным лицом.

— Что это ты кривишься, как будто тебя напоили касторкой? — прихлебывая чай, спросил Степан.

Ленька засмеялся и, осмелев от его шутки, спросил:

— А что, Степан, тот предатель, про которого вы говорили,— какой он из себя?

Степан поставил блюдечко с чаем на стол и круто повернулся к мальчику:

— Ты что, знаешь ли, понимаешь ли, аппетит мне портишь? Какого мне черта нужно, понимаешь ли ты, как он выглядит? Что я, понимаешь ли ты, здоровьем его интересуюсь или замуж за него собираюсь? — возмущенно сказал он.

— Да нет... Я просто так спросил! — испугался Ленька.

— Тьфу! — сказал Степан, вскакивая.— И какой дьявол дернул меня за язык! Чтоб я больше не слышал от тебя ни одного вопроса по этому поводу! — шагая по комнате и останавливаясь перед Ленькой, закричал он.

— Ладно! — махнув рукой, сказал Ленька. Ему и в самом деле показалось вдруг, что беспокойство его напрасно.

А Степан, словно расстроившись чем-то, все ходил и ходил по комнате, долговязый, небритый, в рваных носках... но бесконечно близкий и дорогой Ленькиному сердцу. И поэтому, несмотря на то что Степан рассердился и прикрикнул на него, Ленька спокойно допил чай, ополоснул чашки и, собравшись домой, крепко обнял своего друга. Тот взлохматил ему волосы, заглянул в глаза:

— Ты не забывай меня, приходи. Можешь даже ночевать тут. Койка свободна. Я ведь работаю ночью.

«А где вы работаете?» — хотел спросить Ленька, но вовремя прикусил язык и, поблагодарив, простился.

Глава тридцать восьмая

СБОРЫ ЛИНЫ

В семье Арсеньевых произошло большое событие — помолвка Лины с Малайкой. Для детей это было только неожиданное развлечение, волнующее своими необычайными приготовлениями. Никто из них не мог даже представить себе, что Лина уходит, что она уже не будет постоянным членом их семьи, не будет ласково и ворчливо заботиться о них, не прибежит на их плач и смех, хлопотливая, горячая от плиты. Привыкнув с пеленок считать Лину такой же своей, какими были в доме дедушка Никич, Катя и мать, они и не думали о разлуке с ней, а, уступая взрослым, только мысленно соединяли ее с Малайкой, которого очень жалели и любили; им казалось, что после свадьбы Лины Малайка просто прибавится к их семье и всем будет очень хорошо и весело.

Совсем иначе смотрели на это событие взрослые.

— Плохо, плохо будет вам, сестрички, без Лины,— вздыхая, говорил Олег.— Рушится главный столп вашего благополучия.

— Ну мало ли что! Конечно, трудно! Но для нее такой муж, как Малайка,— это счастье! — убежденно говорила Катя.— Как-нибудь справимся... Что делать!

— Конечно, справимся... Все это пустяки... Жить можно повсякому, хуже, лучше...— грустно улыбаясь, говорила Марина.— Но опустеет дом. И это будет очень тяжело. С Линой так много связано, и так все мы привыкли к ней...— Глаза Марины туманились, но она быстро справлялась с собой и, смеясь, говорила: — Распустилась я в последнее время. Не могу спокойно принять эту разлуку.

— Да какая разлука? Будете жить в одном городе и каждый день видеться! Все это чепуха, Маринка! Давайте лучше подумаем, как нам снарядить нашу невесту. Чтобы все было, как говорят в деревне, «по-богатому»...— улыбнулся Олег.

— Я буду шить Лине приданое,— задумчиво сказала Катя.— Надо купить полотна...

И она начала перечислять, сколько, по ее мнению, надо сшить белья в приданое.

— Так поезжай завтра в город и купи все, что надо,— давая

ей деньги, сказал брат.— Заложим жен и детей, а выдадим нашу Лину как полагается! Кстати, роскошный свадебный подарок у меня уже есть! — лукаво усмехаясь, добавил он.

— Уже есть? Какой? — удивились сестры.

Олег откинулся назад и весело расхохотался:

— А сервиз? Забыли? Массивный чайный сервиз с золотом!

— Постой, это не тот, что ты подарил нам с Сашей на свадьбу, а потом, когда ты женился, мы подарили его твоей жене? Не тот? — живо спросила Марина.

— Тот! Тот самый! — окончательно развеселился Олег.— Он уже выдержал две свадьбы, выдержит и третью!

Сестры засмеялись.

— Так неужели он еще сохранился? — спросила Марина.

— Великолепно сохранился! Лежит в кладовке целехонек. А кто же пьет чай из таких дорогих чашек? Это же одно беспокойство! Я охотно подарю его Лине. Она любит всякие безделушки.

— Роскошный подарок! Как это тебе пришло в голову?

— А как это вам с Сашей пришло в голову передарить мне на свадьбу мой же подарок? — хохотал брат.

— Да у нас не было ни копейки денег! И вдруг ты женишься! Мы ведь твою жену не знали тогда... Ну, думаем, надо что-то хорошее дарить, а то еще обидится...

— Так хоть бы меня предупредили! Хорошо, что я сразу понял, в чем дело!

— Ну, довольно смеяться! Значит, у тебя этот трехсвадебный сервиз! А у нас что с Мариной? — озабоченно сказала Катя.

— Я завтра достану еще денег. Вы подарите ей подвенечное платье! Только уж платье ты, Катюшка, сама не шей... Отдайте кому-нибудь! — серьезно посоветовал брат.

На другой день Катя выехала в город, и обе сестры вернулись вместе, нагруженные покупками.

Сунув свой нос в ворох материй, Динка моментально помчалась в кухню и притащила оттуда Лину.

— Иди, иди! — толкая ее, кричала она.— Мама и Катя тебе всего навезли! Приданое шить будут!

— Батюшки! — всплеснула руками Лина, увидев на столе горы полотна.— Неужто и взаправду меня замуж отдаете? — И,

припав к плечу Марины, горько запричитала: — Да куда ж я пойду от вас? Как жить буду? Разорвется мое сердце от тоски...

Шитье приданого расстроило Лину. Махнув рукой и надвинув на глаза платок, она ушла к себе и больше не появлялась.

Поздно вечером Марина сама пошла к ней в кухню. До полуночи сидели они вдвоем, вспоминая то далекое счастливое время, когда в первый раз пришла на элеватор Лина в длинном деревенском сарафане, с толстой русой косой.

— Как жить буду? Оторвется листочек от родимой ветки... Покидаю я тебя, моя милушка бесталанная, покидаю и дитятко мое выхоженное...— плакала Лина. И, плача, просила за Динку: — Хуш не ругайте вы ее тута... Ведь и утешить-то без меня некому... Все, бывало, она к Лине своей бежит... Не найти мне теперь вовек спокоя...

— Не плачь, Линочка! Мы всегда будем видеться. Ведь в одном городе живем. А вернется Саша, устроится где-нибудь на место и возьмет к себе Малайку. Будем опять все вместе жить,— успокаивала Марина.

* * *

А на террасе с самого утра стучала швейная машинка — Катя шила приданое. Расстроенная и молчаливая Лина ходила по комнатам, собирала детское белье, снимала чехлы, занавески, стирала, штопала, скребла и мыла...

— Вот гляди, Катя, где продукта будет... Да не завози кастрюль-то... Не ставь на шибкий огонь... Кто из вас обедать-то готовить будет...— убитым голосом говорила она.

Марина часто шепталась с Олегом и, задерживаясь в городе, привозила разные свертки... Детям казалось, что наступает какой-то большой праздник, и они с интересом наблюдали эту предпраздничную возню. Приезжал Малайка, торопил со сборами, рассказывал, что он уже выкрестился в русского Ивана и что венчаться они теперь с Линой будут в русской церкви.

Лина слушала, кивала головой, а один раз тихо спросила:

— А ты думаешь ли, Малай Иваныч, каково мне с моей семьей расставаться?

Малайка растерялся, заморгал ресницами:

— Зачим расставаться? Ходить будем, ездить будем...— И, увидев грустные глаза Лины, жалобно запросил: — Лина! Золотой мой, хороший! Что скажешь, все сделаю! На руках таскать буду! Скажешь: ныряй, Малайка, Волгу,— сичас ныряем! Скажешь: вылезай,— вылезаем!

— Чего тебе нырять от меня, Малай Иваныч! Я девица скромная. К мужу буду уважительная. Чего не надо, того не стребую,— с прежней лукавой улыбкой ответила Лина.

Глава тридцать девятая

ТЯЖКОЕ ОДИНОЧЕСТВО

После страшного рассказа Васи Динке стало боязно гулять одной, и до приезда Леньки из города она сидела дома. Слоняясь без дела по саду или забившись в свою комнату, девочка погружалась вдруг в мрачное раздумье.

«Все стало другое...— думала она,— все, все... И мама стала какая-то другая, и Катя, и Алина... и Мышка... и Никич... и Лина... Даже листья на деревьях стали другие, словно кто-то подкрасил их по краям желтыми и красными ободочками... Но в саду это может быть от близкой осени, а что же случилось с людьми?»

Динка чувствовала приливы глубокой тоски в сердце и шла искать Мышку. Давно уже они не оставались вдвоем, не смеялись вместе, не шептались в уголках, не говорили друг другу сердитых или нежных слов. Что же так изменилось в их жизни?

Динка вдруг вспоминает пристань и прощание с Марьяшкой... Бедная Марьяшка... Как жалела ее, как плакала тогда Динка... Слезы вырывались из ее груди вместе с сердцем... А потом Марьяшка выздоровела, и мать увезла ее в деревню. А те слезы остались навсегда. Потому и жизнь так изменилась, и не смеются они теперь с Мышкой... Как смеяться, если люди не жалеют друг друга... Увезла Нюра Марьяшку и даже попрощаться не дала... Конечно, кто они ей? Чужие. С родными так не поступают... Вот и Малайка хочет увезти Лину... И никто даже не удивляется этому... А ведь Лина всю жизнь была ихняя. Сколько помнит себя Динка, столько помнит и Лину... При чем

же тут Малайка? Конечно, он очень хороший... Но разве Динка променяла бы когда-нибудь Лину даже на самого лучшего человека?

— Ни-ког-да! — громко отвечает себе Динка.

И оттого, что Лина все-таки меняет ее на Малайку, девочка чувствует себя такой беззащитной перед людской несправедливостью, что хочется ей уйти куда-нибудь далеко-далеко в широкое поле, превратиться в белую березку... и стоять там день и ночь одной-одинешенькой... Будет ветер ее трепать, и дожди на нее прольются, а однажды в черную-черную ночь люди вспомнят о ней и скажут:

«Не березка ли это белеет в темноте, не она ли стоит одна-одинешенька среди голого поля?»

— Ну его! Ну его! — вдруг пугается Динка.— Не пойду я на это поле, зачем мне оно, я с Ленькой буду... При Леньке меня и хозяин не тронет, а так мало ли что может случиться...

Фантазия Динки снова разыгрывается... Девочка представляет себе, как подходит к их забору страшный бородатый человек, еще не совсем убитый, но весь в крови...

«Где она? — грозным шепотом говорит он и закидывает за забор одну ногу, потом другую.— Где та девчонка, что висела на моей бороде, а... а?..»

Динка машет рукой, вскакивает, хочет бежать. Она понимает, что все это она придумала сама, но от страшных мыслей никак нельзя избавиться. Они приходят и днем и ночью. Если бы случилось что-нибудь такое, что бы сразу отшибло эти мысли... Может, считать до двадцати? Или найти какую-нибудь приставучую скороговорку, вроде: «Карл у Клары украл кораллы... Карл у Клары украл кораллы...»

Мама как-то раз сказала, что такая глупость засоряет голову. А Динке как раз и надо засорить голову, чтоб не думать о страшном. Можно еще вот это говорить, оно такое же не очень умное:

«Окло леса, окло леса шла с бараном баронесса».

Или уж совсем просто:

«Баран, баран, бу-у! Баран, баран, бу-у!»

Динка, глубоко вздыхая, выходит на террасу. Катя быстро-быстро вертит блестящее колесико машинки, из-под левой руки ее сползает на пол длинный белый кусок полотна...

Но Динку не интересует больше Линино приданое, она уже знает, что в этих сборах кроется много грустного. Но почему притворяются взрослые, что это хорошо и весело? Почему, несмотря на Линины слезы, Катя все шьет и шьет это противное белое приданое?

Спросить об этом Динка не решается и, сойдя со ступенек, направляется в палатку к Никичу. Но в палатке слышится громкий храп. Никич теперь часто спит днем, потому что ночью ездит на рыбную ловлю. Один раз он притащил целое ведро рыбы. Но лучше бы он сидел дома... Динка заходит за палатку, открывает свой сундучок, но папиной карточки там нет... Наверное, взял Никич...

Динка плетется в кухню. Лина чистит и моет кухонные полки, перебирает какую-то посуду.

— Лина,— говорит Динка,— я думаю, что тебе нужно прекратить немедленно эту свадьбу!

— Крохотка ты моя! — притягивая девочку к себе, говорит Лина.— Уж я вроде и сама не рада. Заела меня тоска в сердце...

— Вот видишь,— уныло говорит Динка, прижимая руку к груди,— меня тоже заело это самое...

Лина гладит ее волосы, целует ее глаза и щеки:

— Доченька ты моя ненаглядная!

— Подожди, Линочка...— уклоняясь от ее ласк, говорит Динка.— Если хочешь, я сломаю Катину машинку, и это длинное белое приданое сразу перестанет сползать на пол.

— Бог с тобой, милочка! — пугается Лина.— Ведь на это деньги потрачены. Катя и мама, как родную, меня провожают...

— Почему провожают? Куда провожают, Лина? — озабоченно спрашивает Динка.— Разве вы с Малайкой не будете жить с нами?

Лина смаргивает слезы и молчит.

— Ты уже не любишь нас, Лина, ты одного Малайку любишь? — жалобно говорит Динка.

— Что ты, что ты, крохотка моя! Разве променяю я вас на кого-нибудь?! Никогда и не думай этого! Как была вашей Лина, так на всю жизнь и останется... А Малайка... это что ж? Это особь статья... Каждой девице надо замуж выходить, а он человек добрый, хороший...— взволнованно объясняет Лина.

Но Динка уже не слушает ее и, чувствуя какую-то горькую обиду, выходит из кухни.

На крокетной площадке занимается Алина с Анютой. Алина тоже изменилась; она совсем не замечает младших сестер, как будто они обе провалились сквозь землю. Она редко подходит и к маме, когда мама дома, ее словно ничего не интересует в жизни, кроме Кости и его поручения. И хотя белоглазый человек больше никому не попадался на глаза, Алина, как верный страж, несколько раз в день обходит весь сад...

Динка смотрит из-за кустов на гамак, где сидит Мышка. Подойти или не подойти? Мышка читает. Гога, узнав про ее слезы о Марьяшке, подарил ей несколько книг Диккенса в красивых переплетах. Для Мышки это, конечно, было отвлечением, но Динка окончательно затосковала без сестры.

«Никто не соскучивается без меня, никому я не нужна!» — с горечью думает Динка.

Но Мышка вдруг поднимает голову от книги и тихонько зовет:

— Динка, иди сюда!

Динка подбегает к ней, садится на гамак, обнимает Мышку за шею.

— Диночка,— тихонько шепчет Мышка,— я все думаю... Неужели мы никогда уже не увидим Марьяшки!.. Куда ее увезли?

У Динки сразу падает сердце, она болезненно кривится и умоляюще смотрит на сестру:

— Не говори ни о чем грустном... Не говори...

— Но как же, Диночка... Разве ты уже ее забыла? — удивленно спрашивает Мышка.

— Никто не забыл... Но я умру, если буду обо всем думать... Ах, зачем ты сказала!

Динка встает и, заткнув обеими руками уши, бежит по дорожке.

— «Карл у Клары украл кораллы... Карл у Клары...» — Но что-то сжимает ей горло, и слова путаются: — «Карл у Клары клорал кораллы...»

Глава сороковая

СНОВА БЕЛОГЛАЗЫЙ ЧЕЛОВЕК

В этот день Митрич поручил Леньке продать рыбу. Ленька с вечера забежал к Федьке и соблазнил его ехать вместе.

— У Митрича рыба крупная, и торговать он велел по десяткам... Вот и будем класть девять штук его да одну твою... Поедем! Заработаешь! Я так делал единово! — вспомнив свой базар с Динкой, сказал Ленька.

Федька согласился. На базаре в этот день было людно, в рыбном ряду не протолкаться, и рыбины у торговок все большие, жирные, не чета Митричевым.

— Большой привоз нынче,— с огорчением сказал Федька.— Боюсь, простоим мы зря и вся наша рыба протухнет.

— Так пойдем на пристань,— предложил Ленька— Наша рыба дешевая, ее живо около рабочей столовки раскупят.

Мальчики пошли на пристань. Там тоже царило оживление, только покупатель здесь был попроще и победнее, а товар — похуже и подешевле. Торговки, покупая у рыбаков весь их улов скопом, тут же отделяли лучшую рыбу на базар, а остальное продавали за гроши толпившейся на пристани бедноте.

Мальчики пристроились прямо на земле, выложив свой товар на мешок.

— Наша рыба еще лучше! Гляди, какую мятую здесь продают! — с гордостью сказал Федька.

К мальчикам начали подходить покупатели. Торгуя, Ленька вытягивал шею и искал в толпе Степана.

«Как раз завтрак сейчас у рабочих... Может, и он где около столовки ходит...»

Ему очень хотелось повидать Степана, но пойти поискать его он не решился, так как один раз, во время разговора, Степан вдруг сказал:

«Около столовки меня не окликай и не ищи! Это привлекает внимание и может испортить дело. Дома увидимся».

Ленька испугался и, слоняясь по базару в поисках работы, вовсе перестал появляться у пристани.

Сегодня он не собирался заходить к Степану и на дом, так как торопился. Его беспокоила Динка. Девочка выглядела какой-то запуганной, и, когда под вечер он, приезжая из города,

звал ее на утес пить чай, она нерешительно оглядывалась вокруг и качала головой:

«Нет, Лень. Уже скоро вечер, деревья и кусты станут черными...»

«Да какой сейчас вечер? Еще до приезда твоей матери целый час! Пойдем!» — звал ее Ленька.

«Нет... Лучше побудь здесь. Я, знаешь...— Она прижимала к щели лицо и тихо говорила: — Я хозяина твоего боюсь...»

«Да брось ты об нем думать! Зачем он тебе нужен?!»

«Как — нужен? — Динка в испуге трясла головой.— Он мне совсем не нужен! Совсем не нужен!»

«Ну, так чего ты к нему пристала?» — возмущался Ленька.

«Не я к нему пристала, а он ко мне пристал. Вот так закрою глаза — и сразу подымается, подымается... Особенно если темно... И даже дома... Я так боюсь, Лень...— морщась, говорила Динка и тихо добавляла: — У меня вообще всякое в голове страшное. Я и не хочу думать, а думаю...»

Ленька растерянно глядел в ее испуганное лицо и не мог понять, что с ней случилось.

«В воскресенье ее мать дома, а сейчас она все больше с Мышкой, а Мышка и сама расстроенная... И Лина у них собирается — это небось тоже действует, да еще беда, рассказал при ней Вася про хозяина...»

Озабоченный этими мыслями, Ленька забыл о Степане и торопился продать рыбу, чтобы поскорей уехать домой. На его счастье, покупателей было много, и, нанизав на бечевку «набор для ухи», как учил Митрич, он легко прикидывал к каждой связке десятую рыбешку Федьки.

— Вот стерлядь, потроха, вот жирная уха! — выкликал он, подражая Динке.

Покупатели подходили, и Федька, похлопывая рукой по стертому кожаному кошельку, весело говорил:

— Здорово получается! Гляди-ка, сколько Митричевых рыб в нашу пользу остается! Старику-то ведь лишь бы цену взять. Мы и его не обидели и сами заработали!

— Да я ж про то и говорил! — с гордостью отвечал Ленька, вглядываясь в проходивших покупателей.— Рабочие жены мяса не покупают, им подешевле что давай... Вот рыба, рыба! Дешево и сердито! — бойко закричал Ленька и вдруг осекся...

За толпившимися женщинами, рваными платками, ситцевыми кофтами и вылинявшими кепками вдруг мелькнуло знакомое серое лицо... Ленька вытянул шею и впился взглядом в длинную фигуру, серую шляпу, прилипшие к вискам жидкие волосы и бесцветные, словно вымоченные в воде, глаза.

Федька тоже разглядел что-то в толпе и, подтолкнув товарища локтем, тихо сказал:

— Гляди-ка... полиция... Ловит, что ли, кого?

— Торгуй тут! — быстро сказал Ленька и, перепрыгнув через мешок с рыбой, скрылся в толпе.

«Сыщик! Сыщик... тот самый...» — мысленно повторял он про себя и, стараясь не бежать, изо всех сил пробивался вперед...

До столовки было далеко. От пристани то и дело отъезжали груженные мешками возы, босоногие, рваные мальчишки шмыгали между ними, подбирая просыпавшуюся картошку и ловко прорезая сзади мешки... Всюду стоял шум и гам: возчики щелкали кнутами, торговки визгливо нападали друг на дружку, с пароходов доносились резкие гудки, смачно ругались грузчики... Всюду толпился народ, но Ленька, расталкивая всех локтями и слыша позади сердитые окрики, протиснулся сквозь толпу и выбежал к столовке. В замусоленные потными руками двери входили и выходили рабочие. Затягиваясь махоркой, они громко ругали протухшие щи и, сплевывая в сторону, поминали червивую селедку... Ленька шмыгнул в дверь, нетерпеливо и жадно оглядывая сидевших за столами и стоявших у стойки рабочих. Громкие голоса, звон тарелок и тошнотный запах пареных кислых щей ошеломили Леньку.

«Степан! Степан!» — в отчаянии взывал он про себя, пробегая взглядом по чужим изможденным лицам...

Половые, в серых передниках, с горой грязных тарелок и пустыми чайниками, бесцеремонно толкали его в спину... Но нигде не было видно знакомой долговязой фигуры в старой шинели...

Холодный пот выступил на лбу мальчика, колени задрожали... И вдруг за одним из столиков, под засиженной мухами занавеской, шевельнулась серая шинель. Степан спокойно беседовал с рабочими, прихлебывая чай и прикусывая хлеб. За стулом его висела знакомая Леньке плетеная кошелка.

Ленька прошмыгнул мимо столиков и, стараясь казаться спокойным, подошел к Степану.

— Степан,— тихо сказал он, нетерпеливо дернув своего друга за локоть.

Степан быстро оглянулся и, сердито сдвинув брови, посмотрел ему в глаза:

— Зачем ты тут?

Но лицо Леньки поразило его, и, не сказав больше ни слова, он поднялся и отошел с ним в сторону.

— Сыщик... полиция...— пробормотал белый как мел Ленька и потянул к себе плетеную кошелку.— Давайте что есть... скорее...

Степан еще раз оглянулся и, уставившись на него близорукими глазами, вспыхнул от гнева:

— Да ты, понимаешь ли ты, помешался на сыщиках...

— Степан! — умоляюще прошептал Ленька.— Этот тот... белоглазый... идут ведь... давайте скорей!

Степан сжал его руку, подошел к окну... Ленька тоже вскинул голову, поглядел в окно... И оба они одновременно увидели осторожно пробирающуюся между людьми длинную фигуру сыщика и следующих за ним в почтительном отдалении жандармов.

Степан отшатнулся и с ненавистью сказал:

— Меркурий... предатель! — Потом быстро сунул руку в кошелку и, вытащив завернутую в газету пачку бумаг, сунул их Леньке: — Уходи... Вечером принесешь...

— Еще где? В кармане смотрите! — пряча под пиджак пачку, прошептал Ленька.

— Нету! Уходи! — быстро шепнул Степан и, словно вспомнив что-то, вытащил из-за обшлага сложенную вчетверо бумажку.

Ленька жадно выхватил ее из его ладони и, пригнувшись между столами, бросился к двери.

Прячась за спинами рабочих, он под самым носом жандармов выскочил на улицу.

Степан сел на свое место и, не спеша прихлебывая чай, наблюдал за входившими в дверь жандармами. Белоглазого предателя Меркурия между ними не было.

В столовой все смолкло... Рабочие перестали есть и насторо-

женно смотрели на пробиравшегося между столами жандармского офицера.

Степан был спокоен.

— Господин студент, прошу вас следовать за мной,— вежливо произнес офицер, останавливаясь около его столика, и добавил: — Вы арестованы.

Глава сорок первая

МЛАДШИЙ ТОВАРИЩ

Не останавливаясь и не переводя дыхания, Ленька перебежал на другую сторону улицы и, прижимая к себе раздутый карман пиджака, вышел через пустырь в ближайший переулок. Сердце его бешено колотилось, и в голове была одна только мысль — поскорее уйти подальше от столовки и скрыться куда-нибудь в надежное место со своей драгоценной ношей.

Минуя один за другим переулки, он вышел на длинную немощеную улицу, ведущую к пристани, и тут только вспомнил, что в судорожно зажатом кулаке его лежит бумажка, которую вытащил из своего обшлага Степан.

Сунув кулак в глубокий карман своих штанов, он положил эту бумажку на самое дно и, облегченно вздохнув, подумал:

«Хорошо, что я догадался спросить у Степана... Ведь он как раз с рабочими сидел. Значит, вынул одну из пачки и кому-нибудь подложить собирался. А потом второпях за обшлаг спрятал...— Мысли Леньки пошли ровнее, спокойнее.— Если Степана и арестуют, то обыщут и отпустят. Раз у человека ничего запрещенного нет, то за что его в тюрьму сажать?»

Ленька прошел еще одну длинную улицу. Впереди блестела и переливалась на солнце Волга, слышались пароходные гудки...

Ходить по улицам с запрещенными бумажками Ленька боялся, сунуться с ними домой к Степану уж и совсем было опасно, и мальчик решил отвезти все на утес и, спрятав в укромном месте под камень, вернуться. Если Степан окажется дома, то Ленька еще раз съездит за бумажками, но ведь может быть, что у Степана сделают обыск... как тогда у дяди Коли... И кто знает, что найдут у него дома...

Ленька снова сильно забеспокоился и, оглядываясь по сторонам, побежал к пристани. На пароход пришлось купить

билет, так как ехать с запрещенными бумажками без билета было опасно. Всю дорогу Ленька неотступно думал о Степане и чем больше думал, тем больше беспокоился. Степан назвал белоглазого сыщика Меркурием.

«Меркурий... предатель!» — с ненавистью сказал Степан, и Ленька вспомнил его рассказ о сыщике, который втерся в доверие к политическим, долгое время притворялся их товарищем, а потом выдал много людей, в том числе и Николая Пономаренко. Теперь он охотился за Степаном, а перед этим бродил под забором Арсеньевых и что-то высматривал на их даче. Конечно, каждый человек может подойти и послушать под забором стихи, но тогда почему так взволновался Костя?

Обуреваемый всеми этими мыслями, Ленька не заметил, как пароход подошел к пристани. Выскочив с первыми пассажирами, мальчик добрался до утеса и, перебросив доску, перешел через расселину.

Подняв на утесе самый большой камень, Ленька спрятал под него всю пачку бумаг, присоединив к ней и ту, последнюю, которую вытащил из своего обшлага Степан. Уходя, он тщательно замаскировал спрятанную на обрыве доску и, вспомнив про Динку, глубоко вздохнул:

«Кто знает, когда вернусь... Предупредить бы ее надо...»

Но терять время было нельзя.

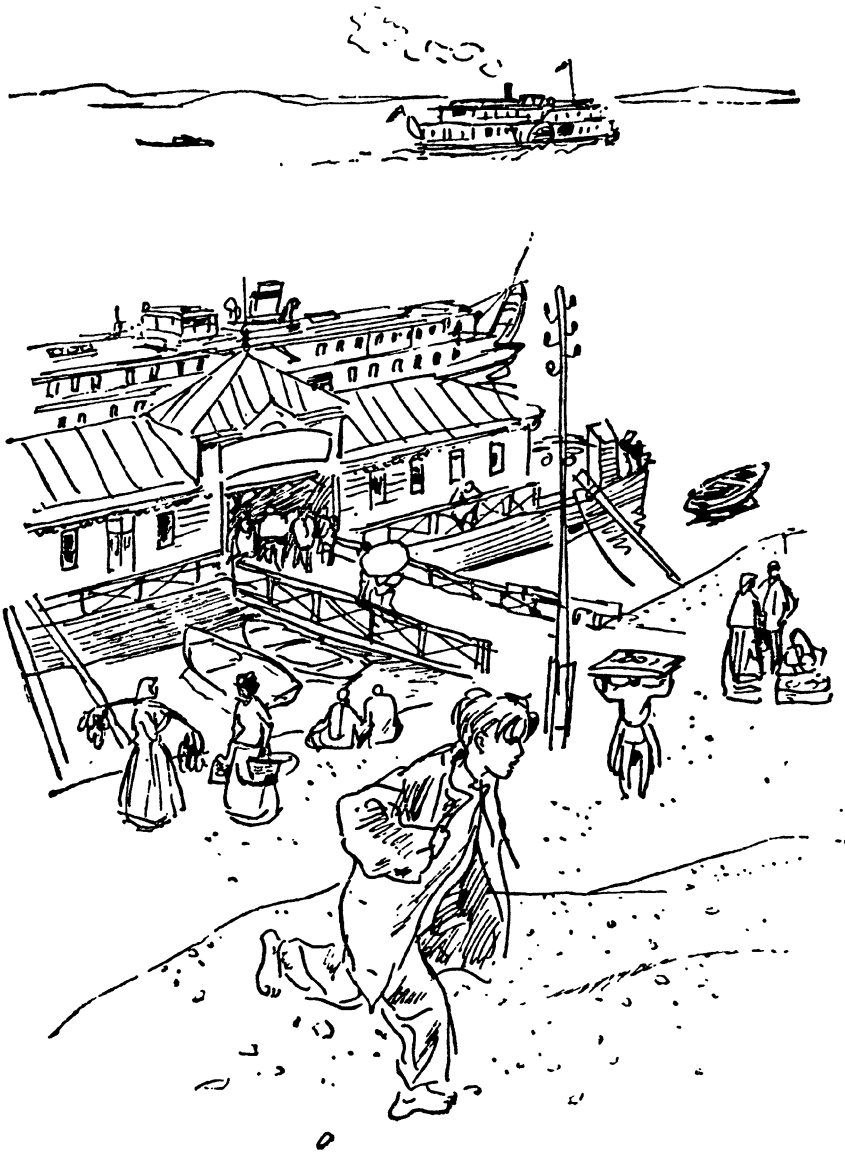
«Надо прежде всего повидать Степана и успокоить его насчет бумажек... А если Степан арестован, то тогда...»

Ленька не знал, что тогда... Он все-таки надеялся, что Степан дома, и, не думая уже о Динке, помчался на пароход.

* * *

Попасть без билета на первый пароход ему не удалось. Пришлось целый час ждать на пристани. Ослабев от голода и пережитых волнений, Ленька машинально провожал глазами приехавших из города пассажиров. Неожиданно между ними показался Федька. Он шел, потряхивая пустой корзинкой и победоносно сдвинув на затылок старую кепку.

— Федька! — окликнул его Ленька. Он только сейчас вспомнил, что оставил товарища одного на базаре, не объяснив ему ничем своего исчезновения.



Федька удивленно вскинул белобрысые брови и, опасливо оглянувшись по сторонам, подошел к другу.

— Удрал? — радостно улыбаясь, сказал он.— А я думал, поймали тебя.

— Кто поймал? — не понял Ленька.

— Да эти, ищейки-то полицейские. Их потом знаешь сколь еще подвалило... Штук пять прошло... Целую канитель развели, а словили только одного. Студента какого-то обшарпанного. Прокрался, что ли...

— Студента? В шинели? С черной кошелкой? — испуганно спросил Ленька.

— Ну да, в шинели. А кошелки я что-то не видел...— Федька пытливо посмотрел в лицо товарища и сочувственно вздохнул.— А ты что ж... Попадался, что ли, им когда... Чего испугался?

— Я не испугался. Просто так побежал. Не люблю полицейских,— хмурясь, ответил Ленька. Ему было страшно и больно за Степана, но спрашивать ни о чем не хотелось.

А Федька, молча переминаясь с ноги на ногу, стоял перед ним, и на белобрысом веснушчатом лице его выражались сомнение и грусть.

— Ты, слышь, Ленька... Если нехорошими делами занялся, это к добру не ведет. Один раз скрадешь да убежишь. А другой раз попадешься... Конечно, с голодухи это... Но только красть — последнее дело. Ворам тюрьма...— тихо закончил он.

Ленька повернул к нему лицо. Оно было светлое, грустное, серые глаза смотрели честно и прямо.

— Ничего сроду не крал я, Федя. И студент тот не крал. Чистые мы люди... А теперь ты скажи, что с рыбой сделал?

— Рыбу? Рыбу я всю продал. За это не беспокойся. И Митричу все сполна отдадим, и выручку пополам поделим! Вот бери! — Федька полез за кошельком.

Но Ленька остановил его:

— Мне не надо. Митричу отдай и себе возьми.

— Ну нет! Вместе ехали. Митричу я отдам, а тебе тоже вот, бери... По десять копеек нам вышло, да еще старик за продажу даст... Бери, Ленька!

Ленька нерешительно взял десять копеек.

— Ну ладно! — сказал он.— А за продажу от Митрича бери себе; я не торговал, я и не возьму.

К пристани подошел пароход, и товарищи расстались. Ленька ехал в город, расстроенный сообщением, что Степана все-таки повели...

«Может, еще где бумажку какую нашли у него? Или обыскать хотят в участке? На улице небось не обыскивают...»

Сойдя с парохода, мальчик бегом побежал по знакомым улицам, но, свернув в переулок, где жил Степан, он умерил шаг и дважды прошел по другой стороне, заглядывая на окно чердака. Но с улицы ничего не было видно, окно было закрыто, и на крыше, осторожно ступая по карнизу, мяукала голодная кошка. Ленька вошел во двор и направился прямо к черному провалу парадного входа. Дверь в нижней квартире была открыта настежь, из нее несло тяжелым духом старых сапог и затхлого помещения. На низенькой скамеечке перед верстаком сидел старик сапожник. Ленька уже не раз видел его, проходя к Степану, и, задержавшись у лестницы, вежливо поздоровался.

— Ты куда? К Степану? — не отвечая на приветствие, живо спросил старик и поманил его пальцем.— Нету Степана... Полиция обыск у него сделала и увела.

— Совсем увели? — с замирающим сердцем спросил Ленька.

— Ну, как это узнаешь? При обыске ничего не нашли. Везде искали... Даже печку разворотили, а не нашли. Я нарочно вышел, как его вели. Думаю — может, сказать чего-нибудь человеку надо. И верно. Он еще с лестницы мне крикнул: «Скажи, говорит, Матвеич, что не по праву меня арестуют. Ничего у меня не нашли!» Так сам и сказал...— охотно рассказывал старик сапожник.

Ленька постоял около лестницы, держась за перила. Вспомнил осиротевшую Степанову кошку, вынул три копейки.

— Дедушка, там кошка Степана... заголодает теперь... Нате вот... Покормите ее, а я еще принесу денег как-нибудь...

— Прячь, прячь... Без тебя покормлю...— заверил сапожник и, суетливо вытирая руки о передник, вылез на двор.— Где она там?.. Кис, кис, кис!.. Ишь, бродит, хозяина кричит... Животная и та от полиции страдает...

Ленька вышел на улицу, чувствуя горькую опустошенность в сердце.

Второй раз в жизни терял он близкого человека. Но теперь уже Ленька не был девятилетним мальчиком, со слезами бродившим под стенами тюрьмы. Нет! Новый Ленька был старше; суровый опыт жизни высушил его слезы и вместе с горьким чувством потери друга поднял в его сердце бурю ненависти. И эта ненависть требовала действий.

Запахнув свой пиджак, Ленька зашагал к пристани. По дороге он купил на свои десять копеек пухлых румяных бубликов и, бережно рассовав их по карманам, поехал домой.

Глава сорок вторая

ЛЮБОВЬ И ДОЛГ

Ленька подошел к Динкиному забору, когда уже начало смеркаться. Динка ждала... Мальчик еще издали увидел в зеленых пролетах забора ее светлое платье и помахал ей рукой. Чувствуя себя виноватым, что опять явился так поздно, он с тревогой и нежностью глядел на свою подружку; ему хотелось развеселить ее, сказать ей ласковые, утешительные слова, но сам он после пережитых волнений, поездок на пароходе и беготни по городу был душевно и физически разбит. И Динка, чувствуя это, не откликалась на слова и улыбки.

— Макака, миленькая! — прижав к щели серое от пыли лицо, тоскливо говорил Ленька.— Скучно тебе одной... Но вот погоди, я еще только раза три съезжу в город, а тогда все дни с тобой буду. Гулять будем, чай пить... Я и завтра пораньше вернусь, ладно?

— Ладно,— кивала головой Динка и молча, без улыбки глядела на него из щели, держась обеими руками за доски и напоминая маленького грустного зверька, посаженного за решетку.

— Макака, что ты такая? — спрашивал Ленька, и сердце его сжималось от жалости. В этой робкой, молчаливой девочке, покорно кивающей головой в ответ на его утешение, не было и тени прежней капризной, озорной, безудержно веселой и требовательной к нему Макаки, и Ленька с нарастающей тоской вглядывался в ее некрасивое, словно застывшее в одном выражении, такое незнакомое, но дорогое ему лицо, повторяя

с горечью и тревогой: — Макака!.. Улыбнись хоть... засмейся... Подменили тебя, что ли?

— Нет, не подменили меня, Лень... Но всех кругом подменили,— шепотом сказала Макака и, оглянувшись, указала глазами на свой дом.

— А что ж там у вас? Случилось что? — цепляясь за эту надежду, спросил Ленька.

— Нет, не случилось, а просто так как-то... Все стали отдельные. Я тоже отдельная,— серьезно ответила Динка и, словно испугавшись наступающих сумерек, заторопилась: — Я пойду, Лень...

— Погоди... Не думай ты ни о чем... Завтра я рано приеду, тогда пойдем на утес, все расскажешь... Ладно?

Динка опять равнодушно кивнула головой и пошла.

— Макака! — окликнул ее на полдороге Ленька.— Вынеси мне нитки. Нит-ки...— прижав к щели лицо и вытянув губы, раздельно повторил он.

— Сейчас? — спросила девочка.

— Сейчас, сейчас! Я подожду тут,— закивал ей Ленька.

Динка ушла, потом вернулась и принесла катушку белых ниток:

— Я из приданого взяла... Отмотай себе на палочку, а то Катя искать будет.

Ленька отмотал ниток и отдал катушку:

— Положи где взяла, а то ругать тебя будут.

— Нет,— сказала Динка, пряча катушку в карман.— Меня давно никто не ругает. Всем некогда.

Ленька вернулся на утес поздно. Огня в своей пещере он никогда не зажигал, а в темноте делать было нечего. Сунув руку под камень, он ощупал заветные Степановы бумажки и, втянув на утес доску, лег.

«Для начала хоть десять штук возьму. А остальные тут спрячу... Аккуратней надо, чтоб ни одна бумажка зря не пропала. Люди за них головой рисковали...— И, вспомнив Степана, он мысленно пообещал: — Все сделаю, как надо... Только я, Степан, в бублики вложу и ниткой для верности обмотаю... По своему способу...»

Ночь была короткой. Рассвет застал Леньку уже за работой, а первый пароход отвез его в город. На базаре было еще

пустынно. Хлопали железные болты на дверях лавок, открывались рундуки, шли с корзинами торговки... На пристань съезжались возы. Половой в сером холщовом фартуке подметал крыльцо столовой. Рабочие шли завтракать.

Глава сорок третья

ПРЕДСВАДЕБНАЯ КУТЕРЬМА

Волнение началось с утра. День был воскресный и почему-то напоминал праздник пасхи. Всю ночь Лина пекла пироги, Марина и Катя убирали комнаты, гладили, помогали Лине. Утром явился Олег, нагруженный покупками, среди которых выделялся большой длинный ящик — сервиз.

Узнав от Кости, который теперь почти всегда ночевал в любезно предоставленном ему маленьком флигеле, о предстоящем событии, Крачковская немедленно напросилась в гости.

В углу террасы был установлен небольшой столик, заваленный подарками. Самый богатый подарок был от Олега. Крачковская подарила молодоженам еще один сервиз, на этот раз столовый. Отдельные скромные знаки любви и внимания были от Марины, Кати и от детей. Динка, с помощью Никича, закончила свой сундучок и все время ревниво следила, чтобы он стоял на самом видном месте.

Все эти хлопоты и суета трогали Лину, и, вынимая из духовки пироги, она обильно поливала их слезами... Малайка, явившийся сказать, что он договорился и поп будет ожидать их завтра в двенадцать часов утра, был смущен и до глубины души тронут заботливыми приготовлениями к свадьбе.

А задерганные хлопотами Катя и Марина думали только об одном: чтоб все было хорошо!

Потихоньку от Лины они закладывали вещи, тратили деньги Олега и мастерили приданое для невесты.

* * *

Утром в знаменательный день приехал Малайка. В новом чесучовом костюме, с неизменной тюбетейкой на голове, он выглядел очень торжественно и нарядно.

— Жених приехал! Жених! — забежав вперед, крикнула Динка.

И скромный Малайка, который обычно никому не доставлял хлопот, сейчас вызвал целый переполох на маленькой даче. Взрослые засуетились, начали одеваться.

— Скорее, скорее! — торопила всех Алина, нагревая утюг.

Марина и Костя должны были сопровождать молодых к венцу.

Из детей в город брали только Алину; Динка и Мышка оставались дома; Катя велела им нарвать цветов и, когда Лина вернется из города, встретить ее у калитки.

А пока все собирались и прихорашивались.

Малайка, не зная, как вести себя в своем новом положении, растерянно стоял посреди террасы, а Динка, заложив за спину руки, молча и удивленно разглядывала его со всех сторон.

Все это было похоже на пестрый сон, но Лина ни в чем не изменила себе и своим деревенским обычаям; выбрав посаженым отцом Никича, а посаженой матерью — Марину, она взяла за руку Малайку и перед отъездом торжественно подошла под благословение «родителей».

— Пусть будет этот день самым счастливым днем вашей жизни! — растроганно сказала молодым Марина.

Когда взрослые уехали, Динка и Мышка бросились собирать цветы. Никич, уставший от беготни, присел на крыльцо выкурить цигарку.

— Мышка,— сказала сестре Динка, срывая вдоль забора васильки и ромашки,— все-таки свадьба — это очень веселая кутерьма! Когда я вырасту и буду богатой, я каждую неделю буду устраивать себе свадьбу!

Мышка, оживленная общим волнением, пожала острыми плечиками.

— Я еще не знаю, грустно это или весело,— с недоумением сказала она.

— Если совсем ни о чем не думать, то это весело. Просто так: Карл у Клары украл кораллы! Вот и все! Хочешь, давай летать и кружиться? У нас белые платья и банты. Давай попробуем увязаться за бабочками! — весело предложила Динка.

Мышка согласилась сначала робко, потом разошлась.

Динка, взмахивая руками, как крыльями, летела впереди и, указывая на стайку желтеньких бабочек, кричала:

— За ними! За ними!

А у лазейки стоял Ленька и смотрел на обеих девочек. Он вернулся рано, гордый выполненным долгом.

Первые десять бубликов уже были розданы. Ловкий и неприметный Ленька толокся среди рабочих; сидя с ними за одним столом, пил чай в столовке и, внимательно глядя на лица, обдумывал каждый свой шаг... Бублики его исчезали в рабочих кошелках, в ящиках с инструментами, а иногда и в глубоких карманах засаленных брюк. Раздав все, до последнего бублика, Ленька вытащил тщательно завернутый в тряпочку заветный полтинник и пошел в булочную. Купив фунт хлеба и рассовав по карманам новую партию пухлых бубликов, он разменял полтинник и заторопился к пароходу. На пристани какая-то женщина попросила поднести ей к дому вещи, но мальчик отказался. Перед глазами его стояло несчастное лицо Макаки, и он спешил домой. Теперь, стоя у забора и глядя издали на свою подружку, Ленька не знал, уйти ему или остаться... Динка была в том самом платье, в котором когда-то шла на утес, волоча за собой оборку. Теперь оборка была пришита и разглажена, а на голове девочки торчал, как пропеллер, огромный белый бант. Это была еще одна, чужая ему, Макака.

Ленька тихо повернулся и хотел уйти, но Динка заметила его и, размахивая руками, подлетела к забору.

— У нас свадьба,— шепнула она и, оглянувшись на Мышку, которая, словно заведенная, кружилась на одном месте, добавила: — Я не могу уйти. Сейчас все приедут из церкви. Но ты подожди здесь!..— Накрахмаленные оборки ее замелькали в кустах.

«Чего мне ждать?» — устало подумал Ленька.

Через минуту Динка вернулась.

— Возьми, возьми скорей! — громко зашептала она, протягивая через забор слипшиеся в руке пирожки.

Но Ленька, круто повернувшись, зашагал на утес.

Глава сорок четвертая

ПРОВОДЫ ЛИНЫ

Когда вернувшаяся из города веселая процессия подошла к калитке, Лина предстала перед детьми как сказочное видение.

Муаровое платье ловко обтягивало ее статную фигуру, пышные кисейные рукава оттеняли полные руки; на шее в два ряда блестели бусы, а легкий бледно-розовый шарф с разлетающимися концами красиво оттенял золотые волосы.

— Лина, ты ужас какая красивая! — с восторгом сказала Динка, прижимая к груди свой букет.— Ты можешь цвести, Лина, в нашем саду! Как яблоня! Она была весной такая же красивая, как ты!

— Мама! Наша Лина лучше всех! — прошептала матери Мышка.

Лина обняла обеих девочек и засмеялась счастливым, звонким смехом. Все вокруг тоже засмеялись, а Олег сказал:

— Вы не видели, как смотрели на Лину в городе! Я просто серьезно опасался, что кто-нибудь выкрадет у нас невесту прямо из-под носа!

— Не выкрадет теперь, Малай не даст! — заявил одуревший от счастья Малайка и, подхватив обеих девочек, закружился с ними на дорожке.

Но Лина, поравнявшись с ним, степенно заметила:

— Малай Иваныч, что это вы на виду у всех с ума сходите?

Выйдя из церкви, Лина сразу начала называть мужа на «вы» и по имени-отчеству. Это очень веселило присутствующих. Костя хохотал от всей души.

Под вечер пришли Крачковские. Олег и Костя весело прислуживали, наливая вино и разнося закуски.

Динку Лина посадила рядом с собой; Алина, к своему неудовольствию, сидела около Гоги, а Мышка — с Малайкой. Марина и Катя были счастливы, что все так хорошо и красиво, что, несмотря на все трудности, им удалось сделать настоящую свадьбу. Олег острил и дурачился; Костя, хохоча, уверял Малайку, что теперь он пропал, так как самое главное в процедуре венчания — это первому стать хотя бы одной ногой на коврик, подстеленный под ноги молодым.

— Хотя бы одной ногой, Малай Иваныч! Хотя бы одной...— хохотал Костя.— Ведь теперь Лина всю жизнь будет командовать вами!

— Пускай командывает! Что захочет, то и будет! — соглашался на все Малайка.

— Нет уж, Малай Иваныч,— с улыбкой говорила Лина,— теперь уж вы командуйте! Какая радость жене над мужем верх держать!

Смущенное лицо Малайки, не привыкшего к покорности Лины, вызвало новый взрыв хохота. Громче всех хохотала Крачковская, хотя глаза у нее были усталые и лицо озабоченное.

— Гога, подними бокал и провозгласи тост, а потом мы сообщим дорогим хозяевам нашу новость,— тихонько шепнула она сыну.

Гога поднял бокал.

Любовь и дружба двух людей
Соединяют.
Пусть эти чувства вечно с вами
Пребывают! —

громко сказал он заранее приготовленный тост и, смутившись, подошел к Лине чокнуться.

Лина чокнулась, поцеловала его в лоб и подошла к Крачковской.

— Спасибо вам за вашу доброту! — растроганно сказала она, кланяясь в пояс.

Крачковская еще раз пожелала молодоженам счастья и торжественно сказала:

— А теперь мы с Гогой должны сообщить вам новость! Мы уезжаем. Муж срочно вызывает нас к себе!

Слова Крачковской ошеломили присутствующих. За столом наступила полная тишина.

— Мы уезжаем завтра, мои дорогие! Мне очень жаль расставаться с вами. Я очень благодарна Константину Федоровичу за Гогу! Он столько возился с ним последнее время...— приятно улыбаясь, сказала Полина Владиславовна и при общем молчании обратилась к сыну: — Гога, ты хотел, кажется, предложить Константину Федоровичу ключ от флигеля...

Гога вскочил:

— Константин Федорович! Мы с мамой просим вас чувствовать себя полным хозяином флигеля до самого конца лета! Торжественно передаю вам ключ!

Все сразу ожили, зашевелились. Костя трогательно поблагодарил за гостеприимство.

— «В вашем доме, как сны золотые...» — дурачась, пропел Олег.

Марина и Катя с искренним чувством обняли Полину Владиславовну.

Гога подошел к Мышке и, стоя за ее стулом, сказал:

— В память нашей дружбы я оставлю тебе полное собрание сочинений Толстого.

Мышка вспыхнула от радости, застеснялась.

— А я что?..— робко пролепетала она.— Я тебе Пушкина...

— Не надо... У меня есть! — великодушно ответил Гога.

Провожали Крачковских шумно и весело, но после их ухода все вздохнули свободнее. За столом стало как-то уютнее и проще. Никто уже не острил, не хохотал, всем хотелось посидеть одним, своей семьей, и разговор перешел в тихую беседу. Обсуждались всякие мелочи будущей жизни Малайки и Лины.

— Помещение хозяин дал Малайке хорошее, но мебели там нет. Один стол и стул да поломанная кровать...— сказала Катя.

Марина задумалась:

— Тогда надо хоть из кухни перевезти им Линину кровать и стол.

— Вот уж нет! — сразу заволновалась Лина.— Не порушайте моего ничего. Я свою кровать старенькой одеялкой покрыла и подушку оставляю. Как было, так пусть и будет. И кажное воскресенье приезжать стану. Не порушайте моего ничего!

— Конечно, конечно! Пусть все так и останется! — заторопилась успокоить ее Катя.— Можно взять что-нибудь с городской квартиры...

Дети, сидя между взрослыми, впитывали в себя все впечатления праздника и, притихнув, машинально запихивали в рот сладости. Лина и Малайка должны были уехать вечером. Боясь грустного прощания, Катя заставила Мышку лечь спать.

Усталая Мышка не противилась. Она поцеловала Лину и, моргая сонными глазками, спросила:

— Ты никуда не уедешь, Лина?

— Уеду и приеду,— ответила Лина и, прижав к себе девочку, добавила: — Была вашей Лина, вашей и останется!

Мышка ушла, а Динка воспротивилась. Лина тоже не захотела отпустить свою любимицу. Они сидели рядом, и Лина, отламывая кусочки сладкого пирога, клала их девочке в рот. Динке хотелось стать совсем маленькой и, прижавшись к Лининой груди, заснуть у нее на коленях. Она закрыла глаза, прислонилась к Лининому плечу... Лина, разговаривая с Катей, перешла на шепот, взяла Динку на колени и тихонько закачала, баюкая ее, как ребенка... Всем вспомнился элеватор, когда, бывало, Лина, усевшись за стол, клала маленькую Динку к себе на колени и, лежачую, кормила ее кашей.

«Лина, ты все даешь и даешь ей... Может, она больше не хочет?» — беспокоилась Марина.

«Это твои старшенькие не хочут, а моя все хочет! — спокойно отвечала Лина, дуя на ложку.— Она как наестся, так сразу знак подаст: стукнет ножкой об стол аль по ложке ручкой вдарит».

«Вот воспитание!» — хохотал тогда Олег.

Но сейчас, глядя на Лину, укачивающую на своих коленях восьмилетнюю Динку, никто не смеялся. Все понимали, что именно здесь, в этом материнском чувстве Лины к вскормленной ею девочке, и в Динке, привыкшей считать Лину своей второй матерью, таилась главная трагедия ухода Лины из семьи, именно здесь был источник ее горьких слез о разлуке.

А Динка, припав головой к груди Лины, сладко и безмятежно спала... В саду уже сгущались сумерки, в комнатах зажгли лампы.

— Малай Иваныч, подержите-кось ребенка...— сказала вдруг Лина.

Малайка вскочил и бережно принял на вытянутые руки спящую Динку.

Лина отряхнула с платья крошки и, открыв дверь в комнату, тихо сказала:

— Кладите ее, Малай Иваныч, на кроватку.

Малайка положил Динку на кровать и на цыпочках вышел.

Лина сняла с девочки нарядные белые башмачки и, наклонившись, перекрестила ее широким крестом. Частые слезы ее закапали на грудь Динки.

— Господи, не помощник ты людям в великой скорби душевной,— тихо простонала Лина.

Динка неспокойно шевельнулась во сне и, словно почувствовав ее слезы, тоненько, по-ребячьи всхлипнула.

Через час Лина уехала. Олег, Костя и Малайка несли ее вещи. Марина и Катя стояли у калитки. Алина, по настоянию Кости, простилась раньше.

Лина шла, не оглядываясь назад, но сердце ее знало, что дом, который она оставила, осиротел.

Глава сорок пятая

ОПУСТЕВШИЙ ДОМ И СООБЩЕНИЕ КОСТИ

Динка проснулась рано и, услышав звон посуды, в одной рубашонке выскочила на террасу.

— Я думала, Лина...— сказала она, встретив вопросительный взгляд Кати.

— Лина приедет в воскресенье. Она часто будет приезжать,— мягко ответила Катя, убирая со стола грязные тарелки.

На террасе был страшный беспорядок: на полу валялись бумажки от конфет, скорлупа от орехов; вчерашние блюда, пироги и закуски были наспех прикрыты газетами. Видно, Лина очень торопилась и не успела прибрать, а может, Катя и Марина не позволили ей прибирать в свадебном наряде. Динка побежала в комнату, накинула платье, надела свой фартучек с белкой и скромно вышла на террасу:

— Я помогу тебе, Катя, ладно?

Катя ласково кивнула головой.

— Ну, возьми веничек и подмети терраску,— сказала она.

— Я раньше отнесу грязные тарелки, ладно? — дотрагиваясь до тарелок, сказала Динка. Ей почему-то хотелось пробежаться в кухню.

— Ну, отнеси, только не все сразу,— согласилась Катя.

Динка взяла горку тарелок и, прижимая их к себе обеими

руками, пошла к кухне... Она еще никак не могла себе представить, что Лины там нет. Но дверь кухни была заперта, окно плотно прикрыто. Динка поставила на дорожку тарелки и, помедлив на пороге, открыла дверь. В кухне было чисто и пусто. Под окном стояла аккуратно застеленная кровать, на плите блестели начищенные кастрюли, где-то тихо жужжала муха...

Динка присела на краешек Лининой постели и обвела глазами стены, ища знакомые фотографии. Вон там, на маленьком гвоздике, висела карточка мамы; она была под стеклом в лазоревой рамке, а рядом с ней стоял во весь рост солдат Силантий, Линин брат. А на другой фотографии была снята Лина с маленькой Динкой на руках, и над кроватью висела карточка Лины с детьми, а над самым изголовьем — карточка одной Динки.

Теперь фотографий не было, вместо них на белой стене торчали голые шляпки гвоздиков. И только из угла строго и задумчиво смотрел на девочку Чернышевский.

Динка глубоко вздохнула. Приоткрыв дверь, она внесла тарелки, осторожно, стараясь не стучать, поставила их на стол и вышла. Молча и задумчиво подметала она террасу, молча съела сладкий пирог, который дала ей Катя, положила в карман конфетку...

В кухне загремели ведра: Никич принес воды и начал ставить самовар. Потянуло знакомым запахом дыма, послышался разговор. Но Динка не шевельнулась, для нее кухня оставалась такой же пустой и тихой, какой она увидела ее в это утро.

Вставало солнце, теплые лучи его потянули Динку в сад. Она прошлась по дорожкам, покачалась в гамаке. Глубокая тишина и пустота Лининой кухни неотвязно преследовали ее, хотелось тихо ходить, тихо говорить...

«Я делаюсь больной!» — испуганно подумала Динка и, чтобы услышать свой голос, громко сказала:

— Карл у Клары украл кораллы... Карл у Клары украл кораллы! — еще громче крикнула она, а с террасы вдруг откликнулся голос Мышки:

— Иду!

Динка обрадовалась, побежала навстречу сестре, обняла ее за шею:

— Лины уже нигде нет.

— Она будет приезжать каждое воскресенье, а может быть, даже среди недели,— живо сказала Мышка.— Они будут приезжать вместе с Малайкой...

— В кухне остался один Чернышевский,— думая о своем, сказала Динка.

— Ну что же,— сказала Мышка.— С ним все-таки веселее...

Динка замолчала.

— Кате будет теперь трудно. Ей придется самой варить обед. Вчера Костя привез ей такую книжку..

— А какой писатель пишет про супы? — поинтересовалась Динка.

— Не знаю...— пожала плечами Мышка.— Я никогда не читала.

— Я думаю, какой-нибудь голодный,— серьезно предположила Динка,— потому что когда человек голодный, то ему представляется какое-нибудь кушанье.

Мышка опять пожала плечами.

— Я умею варить картошку в собственной кожуре. Если Катя захочет, то я могу поставить на два камушка котелок, потом наломать сухих палочек и зажечь. Это очень просто. А потом в этом же самом котелке можно сделать чай... И если набрать воды из Волги, то он совершенно желтый без всякой заварки! — с увлечением сказала Динка.

— Неужели? — удивилась Мышка.— Но откуда ты все это знаешь?

— Я знаю...— Динка неопределенно мотнула головой в сторону Волги.— Я видела на берегу. Так варит себе один голодный писатель,— неожиданно фыркнула она.

Мышка тоже засмеялась.

— Ты так быстро врешь,— сказала она,— что я даже ничего не успеваю подумать!

— У меня не простое вранье! — важно сказала Динка.— Но тебе никогда не додуматься, потому что оно похоже знаешь на что?

— На длинный язык! — фыркнула Мышка.

— Нет... На яичко, которое вкладывается одно в другое, одно в другое, а в самом конце такой шарик.

— Ну и что?

— Шарик взаправдашний, а кругом вранье,— объяснила Динка.

— Это такая загадка? — спросила Мышка.

— Да. Я могу много насочинять таких загадок... Я могу стать даже писателем супов, если меня не кормить! — похвасталась она.

— Дети, идите пить чай! — крикнула с террасы Алина.

— Пойдем! — сказала Динка.— На столе много вкусного от вчерашнего пира.

— А какая красивая была Лина! — с восторгом вспомнила Мышка.

Но Динка насупилась и тихо сказала:

— Я ненавижу свадьбы...

Чай разливала Алина.

— Дети,— сказала она,— Лины нет, и мы должны помогать по хозяйству. Надо прибирать со стола, мыть посуду, подметать комнаты. Можете выбирать что кому нравится!

Мышка предложила подметать комнаты или мыть посуду. Динке не нравилось ни то ни другое.

— Я буду варить картошку в собственной кожуре,— безнадежно повторяла она.

После завтрака Алина и Мышка прибрали со стола и помыли посуду. Динка взяла веник и пошла подметать свою комнату. На террасе послышались поспешные шаги и голос Кости:

— Где Катя? Позовите ее на минутку!

Динка услышала, как Костя прошел в соседнюю комнату.

— Что-нибудь случилось? — спросила, входя, Катя.

Динка невольно прислушалась.

— Степан арестован. Третьего дня в рабочей столовке... Был обыск... У меня есть сведения, что его взяли без всяких улик...— шагая по комнате, взволнованно сказал Костя и, приоткрыв дверь, заглянул в детскую. (Динка присела за спинкой кровати.) Костя закрыл дверь.— Третьего дня, рано утром. А ночью Степан работал в типографии и вышел с целой пачкой свежих прокламаций... Не понимаю, куда он их дел!

— Но ты же говоришь — при нем ничего не нашли? — испуганно переспросила Катя.

— И при нем ничего, и в квартире ничего. Взяли без всяких улик. Это большая удача, но где прокламации?

Динка сидела ни жива ни мертва. Может, это Ленькин Степан? Ведь это он ходил в столовую с запрещенными бумажками, которые называются прокламациями. Но почему же его взяли без всяких улик? Что значит улики? Это, наверное, что-нибудь из одёжи... Но как же он шел по улице без этих самых улик? И где был в это время Ленька — ведь он часто заходил к Степану?

Динке стало очень жаль Степана, но больше всего она испугалась за Леньку.

«Вдруг сегодня Ленька пойдет к Степану, а там полиция! Ведь Леньку тоже могут арестовать!» — подумала она, прислушиваясь к голосу Кости.

— Степан сидит в подследственной камере, перестучаться с ним и узнать что-нибудь точнее невозможно. Но если нет улик, то его должны скоро выпустить.

Динка не стала слушать дальше; бросив в угол веник, она вылезла в окно и побежала к забору. Где Ленька? Ведь он обещал приехать раньше... Динка вернулась домой, посмотрела на часы. Было без четверти двенадцать...

На пристани загудел пароход. По тропинке мимо забора прошли дачники. Но Леньки между ними не было.

Глава сорок шестая

ЛЕНЬКИНЫ БУБЛИКИ

Еще дважды прогудели пароходы и прошли мимо приехавшие дачники... Динка смотрела на часы, возвращалась назад и в волнении бегала вдоль забора.

«Может, это совсем и не тот Степан... Но почему же тогда Костя сказал про эти самые прокламации?» — старалась догадаться Динка. В конце концов она начала сердиться... И в это время на тропинке показался Ленька. Он шел не спеша, словно раздумывая, идти или не идти. Ему казалось, что свадьба в Динкином доме еще не кончилась и сама Динка снова встретит его, как чужая барышня. Леньке было обидно и унизительно вспоминать, что эта «барышня» просунула ему через забор подачку, но, тоскуя по своей подружке, он все-таки шел...

— Ленька! — стукнув кулачком по ладони, сердито крикну-

ла Динка и, нырнув в лазейку, помчалась навстречу мальчику.— Почему ты не идешь? Не идешь и не идешь!

— А что? — оторопело спросил Ленька.

— Как — что? Пойдем скорей! — Динка схватила его за руку и потащила за собой.

— Да погоди... На пожар, что ли? — пошутил Ленька, и лицо его просветлело.— Вот уж Макака так Макака! Настоящая Макака! — с удовольствием сказал он и засмеялся.

— Не смейся! Пойдем! Я тебе не смешное скажу! — снова прикрикнула на него Динка.

— А что, случилось у вас что-нибудь? — спросил Ленька.

— Пойдем! Пойдем!

— Ну, пойдем, коли так! — Ленька вырвался вперед и потащил за собой Динку.

Не переводя дух, они домчались до обрыва, молча перешли на утес и уселись около входа в пещеру.

— Ну что там стряслось? — спросил Ленька.

Динка, прерывисто дыша, наклонилась к его уху.

— Степан арестован! — сообщила она.

Ленька удивленно поднял брови и невесело усмехнулся.

— Здравствуй, кум, я твой Федор...— пробормотал он и вдруг быстро спросил: — Ты откуда знаешь?

— Костя по секрету сказал Кате. А я слышала.

— Что ж он сказал? — все так же удивленно спросил Ленька.

— Так и сказал: Степан арестован, его взяли прямо с кровати без всего, поэтому скоро выпустят,— дополнила от себя Динка.

— С кровати? Значит, дома. Так это другой Степан...— сообразил Ленька.

— Ну вот. Я тоже так думала... Но Костя сказал еще, что третьего дня... и не дома, а в столовке... И что у Степана была целая пачка прокламаций, но у него ничего не нашли, а делали обыск дома и прямо в чем был, без всяких улик, повели по улицам...— захлебываясь, рассказывала Динка.

— Постой!.. Что ты все путаешь?.. Вспомни хорошенько, что сказал Костя... Где Степана арестовали? — взволновался Ленька.

— Ну, в рабочей столовке... И он еще не успел подложить свои бумажки... А потом был обыск и его повели без каких-то улик...— снова повторила Динка и, посмотрев в озадаченное лицо товарища, пожала плечами: — Что это за улики такие? Одёжа, что ли?

— При чем тут одёжа... Улики — это, например, те же прокламации или еще что-нибудь запрещенное... А у него не нашли... Ну вот и говорится: арестовали без улик,— серьезно пояснил Ленька.

Динка фыркнула и зажала себе рукой рот:

— Ой, Лень... А я думала, это какая-нибудь одёжа... и вообще что-нибудь...

— Погоди...— что-то соображая, сказал Ленька.— Не пойму я: откуда Костя узнал?

— Ему товарищи сказали... А от Степана ничего узнать нельзя, так как он сидит в какой-то наследственной камере...— вспомнила еще Динка.

Ленька крепко задумался.

— Ну что, наш это Степан или не наш? — с тревогой спросила Динка.

— Степан наш...— тихо ответил Ленька и строго поглядел в глаза подружки.— Мне нужно тайну одну тебе открыть, только смотри: проговоришься, так меня сейчас же схватит полиция, да и Степану хуже будет...

— А что я, маленькая или совсем уж дурочка! — обиделась Динка.

— Да я тебя знаю, а то бы нипочем не доверил! — Ленька придвинулся ближе и стал рассказывать Динке все, что произошло в эти дни.— Теперь я работаю за Степана... Только я в бублики кладу... На весь полтинник уже купил...

— На тот полтинник? А лодка? — всплеснула руками Динка.

— Какая тут лодка! Это дело первой важности. Я понемногу вожу. Много не беру, а то попадусь если, так, по крайности, бумажки целы будут.

— Конечно,— вздохнула Динка.— Наплевать уж на лодку... А много у тебя еще этих бумажек, Лень?

— Немного уже осталось... Завтра да послезавтра съезжу — и конец.

— Лень, возьми меня! Я тебе помогу...— запросилась Динка.

— Куда ты! Это не простое дело. Я и так и сяк приловчаюсь... Ох и трудно! Ведь не лишь бы как сунуть... Я к рабочим хожу... Кому в мешок с инструментом подброшу, кому в котомку с харчами...

— Смотри, Лень, заметит кто-нибудь, и арестуют тебя, как Степана! — со страхом сказала Динка.

— Да раз уж взялся за такое дело, так от тюрьмы не уйдешь. Только не скоро они меня поймают! Я ловкий! — с важностью сказал Ленька.

Динка искоса взглянула на него и наморщила лоб:

— Подожди, Лень... Я все думаю. Значит, это был тот сыщик, тот самый, что тогда у нас?

— Он! Я его длинную морду сразу узнал. Да еще глаза — вроде у слепого... Он самый! — убежденно сказал Ленька.

— Но тогда, значит, этот сыщик и у нас хочет кого-то арестовать?

— Само собой. Выслеживает чего-то... Может, думал, Степан у вас? Раз Костя со Степаном товарищи, а вы с Костей дружите, так он и охотился под забором...— предположил Ленька.

— Верно, верно! Он за Степаном приходил! — успокоилась Динка.

Ленька развел огонь и поставил на два камушка котелок с чаем. Пока вода закипала, он вынул связку бубликов, потом обошел вокруг утес, внимательно поглядел на обрыв и, присев около Динки, вытащил из-под камня завернутые в тряпку прокламации.

— Дай мне подержать,— сказала Динка и с робостью взяла в руки листок с напечатанным на нем воззванием к рабочим.— А о чем тут пишут? Ты читал? — шепотом спросила она.

Ленька кивнул головой.

— Тут все как есть правда... Про всю нашу жизнь... И насчет царя, конечно... что свергать его нужно...— задумчиво сказал Ленька.

— Да ведь царя, Лень, уже свергали! Я просто удивляюсь, как это он еще сидит? — пожала плечами Динка.

— Да потому, что свергать нужно всем сообща. Вот погоди,

как рабочие почитают эти бумажки, так и поймут, как надо действовать. А то окружился царь войском и сидит за десятью замками. С утра до вечера только кисель жрет!

— Ну, кисель! У царя денег много, он и мороженое прямо из бочки ест! — облизнувшись, сказала Динка.

— Вишь ты, какой гад! Иному хлеба купить не на что, а он занялся мороженым. Ну, недолго осталось! Вот я все бумажки подложу — тогда живо дело пойдет! Давай-ка, пока чай скипит, бублики заготовим!

— Давай! — обрадовалась Динка. Ей тоже очень хотелось помочь свержению царя.

Ленька взял один бублик, сделал внутри продольный разрез ножом и, сложив в тонкую трубочку прокламацию, задвинул ее внутрь бублика. Потом, для верности, завертел этот надрез ниткой.

— Нитку видно,— сказала Динка.

— Бублик еще больше видно,— засмеялся Ленька.— Рабочий бублик не выбросит, а что к чему — дома разберется,— усмехнулся Ленька.

Динка принялась помогать ему заготавливать бублики. У нее получалось гораздо лучше, чем у Леньки, потому что свою нитку она опустила раньше в чай. Нитка стала желтой и менее заметной.

— Я тоже теперь мочить буду,— сказал Ленька.

Вдвоем они быстро заготовили десять штук, остальные Ленька аккуратно завернул в тряпочку и спрятал опять под камень.

— Завтра придешь — и эти сделаем,— сказал Ленька.

Динка посидела еще немного и, уходя, попросила:

— Лень, ты не попадись полиции, ладно?

— Ладно. А ты, Макака, вот чего... слушай там, что Костя про Степана говорить будет!

— Ладно! — в свою очередь пообещала Динка. И заторопилась: — Пойдем. А то стемнеет...

Она все еще боялась «недобитого» хозяина.

Глава сорок седьмая

ДОМАШНИЕ ДЕЛА

Динка пришла поздно. Марина была уже дома и недовольно сказала:

— Дина, не опаздывай на обед! Катя не может кормить вас каждую отдельно!

— Бессовестная, даже не встретила маму сегодня! — упрекнула Алина.

Они с Мышкой накрывали на стол вместе, но когда все сели, то оказалось, что нет соли. Мышка побежала в кухню за солью. Катя принесла кастрюлю с супом; от усталости и горячей плиты щеки у нее горели.

— Я потом приноровлюсь,— сказала она.— Но сегодня получилась какая-то чепуха. Много беготни и мало толку!

Никич тоже пришел усталый, хотя этой ночью не ездил на рыбалку.

— Ну,— сказал он, усаживаясь на свое место за столом,— сегодня мы первый день без Лины — сбились с ног.

Марина вздохнула:

— Лина все делала как-то незаметно...

Все замолчали, и Динка снова вспомнила пустую тишину кухни.

После обеда Марина и Катя ушли в свою комнату.

— Пусть дети сами приберут со стола и вымоют посуду. Надо приучать их к самостоятельности,— сказала Марина.

— Пусть прибирает Динка — она сегодня весь день пробегала! — с раздражением сказала Мышке Алина.

— Да, вы вдвоем убирали, а я одна буду...— заворчала Динка. Обед запоздал, и на террасе уже зажгли лампу. В кухне тоже горела лампа, но идти туда одной Динке было страшно.— Я не буду одна носить посуду и мыть одна в кухне не буду — я там боюсь! — заявила она.

— Иди к себе в комнату, Алина. Мы с Динкой вдвоем все сделаем! — предложила Мышка.

Алина сердито посмотрела на Динку и ушла.

Младшие девочки принялись за уборку. Они сложили горкой грязную посуду, собрали в кучу ножи и вилки.

— Сейчас темно — можно споткнуться и все разбить. Давай носить понемногу,— сказала Мышка.

— Вот еще! — возмутилась Динка.— Лина носила все сразу!

— Так у Лины большие руки, а у нас маленькие.

— «Маленькие, большие»... Подожди! Я сейчас приду! — убегая в комнату, крикнула Динка и через секунду явилась назад со старой шляпной картонкой.— Складывай все сюда!

— Ты с ума сошла! Это же для шляп! — возмутилась Мышка.

Но Динка уже свалила в картонку все ножи и вилки, а сверху стала складывать тарелки. Потом, на глазах испуганной Мышки, она поставила картонку на пол, нажала на нее коленкой затянула ремни и, ухватив ее за ручку, прошлась по террасе, изображая старую даму и с улыбкой оглядываясь на присевшую от смеха Мышку.

— Мадам, я тороплюсь на поезд! Мадам Мышка, идите за мной!

«Мадам» Мышка, ухватив один конец ремешка, тоже разок прошлась по террасе, потом Динка изобразила «двух мадамов», опаздывающих на поезд, и девочки со смехом потащили картонку в кухню.

В кухне Динку снова охватило то неприятное сиротливое чувство, которое она испытала утром, но теперь, в присутствии Мышки и от жилого духа, который шел от горячей плиты, чувство это притупилось. Мышка налила в таз горячей воды и хотела мыть тарелки, но Динка опустила в воду руки.

— Подожди, я раньше помою тут руки, а потом уж тарелки! — сказала она.

— Ну, что ты! Тарелки же должны мыться в чистой воде! — отталкивая ее, запротестовала Мышка.

— А руки, по-твоему, должны мыться в грязной воде? — нажимая на нее плечом, ответила Динка и примиряюще добавила: — Не порть мне дело! Грязные тарелки и грязные руки можно мыть вместе.

— Ой-ой-ой! — с сомнением закачала головой Мышка.

Но Динка уже бултыхнула в таз всю посуду и, устроив в воде бурю, сказала:

— Вот и руки чистые и тарелки чистые! Так и надо всегда делать, нечего нянчиться!

Осмотрев на плите жирные кастрюли с остатками пищи, она наморщила лоб и деловито заявила:

— Завтра я приведу соседских собак. Кастрюли — это их дело. Они будут сильно вылизывать, а потом мы только ополоснем — и все!

— Ну, фу! Никто тебе этого не позволит, лучше никому не говори!

— Подумаешь, какие нежности! Когда я вырасту, у меня обязательно будут три собаки-судомойки.

— Почему три? — заинтересовалась Мышка.

— Очень просто. Собака на первое, собака на второе и собака на третье!

— Хи-хи! — захихикала Мышка.— Собака на третье! А если она не ест киселя?

— Так я полью ей молоком — и она съест!

— Ну хорошо... А сейчас же у тебя еще нет собак, так давай мыть сами! — засучивая рукава, сказала Мышка.

Но Динка уселась на кровать и, сложив на коленях руки, сморщилась:

— Ну как их мыть? Там все стенки жирные. Разве налить воды и повертеть внутри веником?

— Как? — не поняла Мышка.

— Я говорю: повертеть внутри веник...— вздохнула Динка, безразлично оглядывая стены.

— Хи-хи-хи! — захихикала опять Мышка, припадая к Лининой подушке.— Хи-хи-хи!

— Ну, что тут за веселье у вас? — останавливаясь на пороге, спросила Марина.— Ушли и пропали. Мы с Катей уже начали беспокоиться... Неужели так трудно вымыть тарелки?

— Тарелки мы вымыли, а кастрюли, мамочка, мы сейчас...— заторопилась Мышка.

Марина заглянула в кастрюли, налила в них воды и накрыла крышками.

— Кастрюли надо чистить. Лина делала это каждый день. Но придется то, что нужно было сделать сегодня, оставить на завтра,— улыбнулась она и потушила лампу.— Идемте спать, уже поздно.

Девочки быстро разделись и улеглись. Мышка еще несколько раз принималась тоненько хихикать под одеялом, но Динка была уже занята другими мыслями. Она думала о том, что завтра Ленька опять поедет со своими бубликами и что напрасно она послушалась и так скоро отцепилась от него, согласившись остаться дома.

Нужно было ехать вместе... По крайней мере, если бы кто-нибудь стал Леньку арестовывать, то она бы вцепилась обеими руками в главного полицейского, а Ленька убежал бы. А потом она бы сказала: «Ведите меня прямо к царю»,— а они подумали бы, что она дурочка, и отпустили бы ее. А потом она собрала бы вокруг народ и стала бы плакать и кричать, что царь сажает в тюрьму маленьких девочек и даже без всяких улик... Тогда народ стал бы тоже кричать: «Долой царя! Долой царя!» И тут началась бы такая сильная революция, что царь просто бегал бы по всему дворцу и не знал бы, куда деваться. А тут приехал бы папа...

Динка представила себе веселые, смеющиеся глаза молодого железнодорожника на карточке Никича и с улыбкой закрыла глаза... Молодой смеющийся железнодорожный папа доснился ей уже во сне.

Глава сорок восьмая

ДИНКА ХОЗЯЙНИЧАЕТ

Динка проснулась рано и вспомнила все свои домашние дела: вспомнила упреки Алины и недовольный голос мамы, когда она, Динка, опоздала к обеду. Вспомнила также, с каким усердием они с Ленькой делали бублики, и ей стало обидно:

«Упрекают... Как будто я зря пробегала... Сами политические, а политическую ругают...»

После навертывания ниток на бублики и посвящения в Ленькину тайну Динка считала себя почти такой же политической, как Ленька, но Леньке все-таки отдавалось первенство в этом деле, так как, по представлению Динки, за ним, как за Степаном, охотилась полиция во главе с длинным, как жердь, белоглазым сыщиком...

Динка, оборвав свои мысли, вскочила, посмотрела на часы;

было так рано, что даже мама еще спала. Динка вышла на террасу, сняла с гвоздика ключ и медленно пошла к кухне.

«Перемою эти чертовские кастрюли, пока все спят»,— подумала она. Войдя в кухню, она дружески кивнула головой Чернышевскому. Этот симпатичный человек являлся теперь единственным живым существом, поселившимся в покинутой Лининой кухне, и, когда один раз мама сказала, что его надо оттуда взять, Динка сильно запротестовала:

«Не надо, мамочка! Лина просила ничего не трогать. Пускай он будет!»

Марина не спорила, хотя и считала, что кухня — это совершенно неподходящее место для Чернышевского, но просьба Лины не трогать ничего в кухне остановила Марину.

«Ну, пускай пока...— сказала она, махнув рукой.— Все равно уже начало августа, и скоро надо собираться в город».

Чернышевский остался, и утром, увидев с порога его теплый и серьезный взгляд, Динка улыбнулась.

— Вот видите, какая стала жизнь! — сказала она, легонько пожимая плечами и указывая на кастрюли.— Придется чистить песком!

Чернышевский сочувственно поглядел в раскрытую дверь, где около порога желтела горка песку и валялись нагроможденные друг на дружку кастрюли.

Динка уселась на порожке. Прохладный утренний ветерок легким ознобом пробегал по веткам, шевеля желтеющие листья. Солнце скупой позолотой трогало примятую траву, воробьи хлопотали около кастрюль. От ночной сырости песок был влажный. Динка налепила пирожков и бросила в каждую кастрюлю по два пирожка. Но от прикосновения к холодному и мокрому песку руки ее до самых плеч покрылись гусиной кожей, пальцы покраснели.

«Ого! — подумала Динка.— С такой работой замерзнешь... «Работать надо весело,— всегда говорил Никич.— Тут дело такое: либо работа тебя одолеет, либо ты работу одолеешь...» Я одолею»,— сказала себе Динка и, завертевшись волчком вокруг самой большой кастрюли, яростно начала тереть ее мочалкой в такт веселой песенке:

У попа-то рукава-то — батюшки!
Ширина-то, долина-то — матушки!

Песок скрипел, кастрюли трещали, но чистились. В конце концов, чтобы не обмывать каждую отдельно, Динка потащила их к бочке и с громким бульканьем утопила в дождевой воде, присев тут же отдохнуть.

На террасу выбежала мама — она, видимо, опоздывала, и Катя с каким-то бутербродом догнала ее уже у самой калитки.

Увидев Катю, Динка поспешно бросилась вынимать кастрюли, но руки ее не доставали до дна и края бочки были слишком высоки, чтобы перегнуться через них... Динка испуганно заметалась вокруг.

«Ну, фу! — скажет Катя.— Кто же моет кастрюли в дождевой бочке?»

И вместо похвалы может получиться сильная неприятность. Единственно, кто может помочь вытащить затонувшие кастрюли,— это Никич. Динка бросилась в палатку.

Старик был с вечера у Митрича, помогал ему смолить лодку и сейчас, утомленный работой, крепко спал, приоткрыв рот и издавая носом свист. Но дело не терпело отлагательства.

— Никич, Никич! — тормоша старика за плечо, шепнула Динка.— Вставай скорей, а то Катя сейчас пойдет в кухню!

— А? Что? Чего? — поднимая мохнатые брови и садясь на нары, пробормотал Никич.

— Никич, полезай в бочку! Вставай, полезай скорей в бочку! — умоляюще зашептала Динка.

— Постой, постой... В какую бочку? — спуская с нар босые ноги и моргая сонными глазами, переспросил старик.

— В бочку с водой. Полезай скорей. У тебя длинные руки... а я не могу... Катя будет ругаться,— чуть не плача, тащила Никича Динка.

— Да ты что, в своем уме... Или уже я спросонья обалдел... В какую бочку нырять? Зачем меня туда понесет? — сердито заговорил Никич.

— Да там кастрюли... Они утопились на самое дно. Я чистила, чистила, а теперь Катя меня ругать будет. Пойдем, вытащи... Ты потом опять ляжешь! — торопливо сказала Динка.

Никич, кряхтя, поднялся с нар.

— Сгонишь ты меня на тот свет, дурочка эдакая суматошная! — говорил он, выходя из палатки.

— Никич! Бочка под террасой. Там три кастрюли... Ты вы-

тащи и отнеси в кухню. А я заговорю Катю, чтобы она не видела.

Динка бросилась в комнату. Катя стелила свою кровать.

— Доброе утро, Катечка! Ты уже встала? — появляясь в дверях, весело сказала Динка.

— Я провожала маму. А ты чего так рано вскочила? — спросила Катя, направляясь к двери с одеялом в руках.— Пусти меня, Диночка!

— Подожди... Давай одеяло, я вытряхну! А ты отдохни! Отдохни, Катечка! — вцепившись в одеяло и все так же стоя в дверях, забормотала Динка.— Отдохни, Катечка!

— Да я всю ночь отдыхала... Я сама вытряхну. Пусти скорей, а то надо уже готовить завтрак.

— Готовить завтрак? Уже? Да сейчас еще все спят! Что ты, Катенька! — заулыбалась Динка, не выпуская одеяла. По ее расчетам, медлительный Никич еще не дошел до кухни.

— Ну, пусти, пусти! Не задерживай меня, мне некогда! — уже с раздражением сказала Катя.

Динка бросилась в кухню. Кастрюли стояли на плите. Никич разводил самовар.

— Хорошо почистила,— миролюбиво сказал он.— Только ополоснуть надо еще раз. И песку в бочку ты насыпала теперь. Это уж не дело!

— Так все-то не угадаешь ведь,— совсем как взрослая ответила ему Динка.

— Хе-хе-хе! Ты угадаешь! Ты так угадаешь, что меня кондрашка когда-нибудь хватит от тебя! Мыслимое ли дело — разбудить человека ни свет ни заря... Полезай, мол, в бочку! Хе-хе-хе! Вот чучелка-то! — добродушно смеялся старик, раздувая самовар своим сапогом.

Но Динка, не слушая его, побежала навстречу Кате:

— Катя! Я тебе все кастрюли начистила! Песком! Посмотри скорей, они на плите в кухне!

— Да? — приятно удивилась Катя.— Ну спасибо! Иди побегай пока. Я сейчас сварю кашу.

Динка, довольная, приплясывая и кружась, побежала по дорожке.

Тучки весенние, вечные странники,
Вечная странница с вами и я,
Где мы шатаемся, где мы скитаемся,
Вертится, тучки, над нами земля! —

весело запела она, присочиняя к словам песни свои слова.

— Ого-го-го! — крикнула она уже у забора в неизбывной радости, бросаясь лицом в мокрую траву.— Росой умывался, травой утирался... Ого-го-го! — И, вспомнив о Леньке, радостно подумала: «Поехал Ленька! Сейчас уже в городе. А здóрово он придумал с бубликами! Только бы не попался!»

Но тревоги не было. Разве может случиться что-нибудь плохое в такой хороший день?

За завтраком Катя еще раз похвалила Динку, и Динка, готовая от похвал залезть на седьмое небо, торжественно пообещала каждый день с утра чистить и мыть кастрюли.

— Ну что ж, это будет большая помощь! — ласково сказала Катя.

А Мышка, фыркнув в кулачок, тихо спросила:

— Ты уже нашла своих собак?

После завтрака Катя пошла готовить обед; она действительно уже немного приноровилась, хотя, стоя у плиты, все время держала под мышкой Костину поваренную книжку.

— Вот как избаловала нас Лина! — говорила она детям.— Я не могу приготовить простой обед! Это же стыдно! Надо установить дежурство, чтобы каждая из вас училась готовить!

Но на дежурство никто не соглашался: Алина отговаривалась занятиями с Анютой, Мышка уверяла, что она каждый день «дочитывает» какую-то интересную книгу, а Динка, махнув рукой, заявила, что ей совсем не надо учиться, так как если она будет голодная, то сумеет наварить целую дюжину разных кушаний.

— Только, может быть, все эти кушанья будут называться «тутти фрутти»,— хохоча, добавила она.

* * *

Ленька приехал рано. Завидев его широкий развевающийся пиджак, Динка выбежала навстречу.

— Ну как ты, Лень? Не арестовали тебя, не ловили? — шепотом спросила она по дороге на утес.

— Какое там! Я на один завод ездил и в ремонтных мастерских был... И на базаре три штуки пристроил! — похвастался Ленька.— Пускай везде почитают! Все разложил,

теперь завтра последний десяток отвезу. И заработал хорошо сегодня, а то уж на бублики денег не хватало!

На утесе дети принялись «устраивать» последние десять бубликов.

— Вот выйдет Степан — может, еще мне даст! Теперь доверит! — мечтал вслух Ленька.

Сознание исполненного долга сильно подбодрило его в последнее время, и, хотя он по-прежнему голодал, питаясь одной картошкой и зачастую сидя без хлеба, настроение у него было хорошее, бодрое.

— Нигде зря ни одной бумажки я не подкинул... Ни одной у меня не пропало! — возбужденно повторял он и, словно сожалея, что остается последний десяток, добавил: — Эх, скорей бы Степан вышел! Мы бы с ним вдвоем работали!

— А сыщик? Видел ты того сыщика? — обеспокоенно спросила Динка.

— А на что он мне, гад эдакий! Я сейчас другим делом занят! — важно заявил Ленька.

— Ну, а если он тебя подстережет где-нибудь?

— Я сам его подстерегу! — сердито блеснув глазами, сказал Ленька.— Я ему все припомню!

— Побьешь? — с любопытством спросила Динка.

— Размозжу!..— стиснув зубы, ответил Ленька, и брови его туго сошлись у переносья.— Пущай меня хоть на каторгу зашлют, а размозжу!

— Да-а, тебе хорошо, ты на каторгу пойдешь, а я как останусь? — забеспокоилась Динка.

— Чего мне хорошо? Каторга не тиятр... Да и без тебя тоже... Я знаешь как в слободное время скучаю по тебе...— мрачно сказал Ленька.

— Я тоже в свободное время скучаю,— вздохнула Динка.

— Ну вот. А хоть с сыщиком, хоть без сыщика, когда б я попался с этими бумажками, так все равно тюрьма! — чтобы повысить себе цену в ее глазах, припугнул Ленька, но девочка совершенно неожиданно рассердилась.

— Не попадайся! — сказала она.— У тебя глаза есть, ноги есть. Не зевай! А в случае чего, беги, как черт... Кого свалишь на улице, наплевать! Даже больше навали народу — тогда легче

скрыться! Вали и вали!..— размахивая руками, наказывала Динка.

— «Вали и вали»! — передразнил ее Ленька и, схватившись за живот, расхохотался до слез.— Ты, пожалуй, присоветуешь...

— А что же? — развеселилась и Динка.— Все как попáдают да как закричат: «Ой-ой-ой, караул!» — полиция сразу и растеряется.

Посмеявшись и похлебав вприкусу горячий чай из Степановой миски, Динка опять заспешила домой.

— Я пойду, а то скоро темно будет, а в темноте знаешь кто меня пугает? — зябко поводя плечами, сказала она и, наклонившись к Ленькиному уху, шепнула: — Хозяин!

Ленька всплеснул руками.

— Да ты что, совсем с ума сошла! — сердито прикрикнул он.

— Нет, Лень, не совсем, но все-таки я очень боюсь,— жалобно сказала Динка.

Ленька задумался.

— Ну ладно! Вот я скоро буду дома, тогда отучу тебя,— серьезно сказал он.

Прощаясь у забора, Динка сказала:

— Ты завтра рано поедешь, Лень?

— Я рано. Я всегда рано... А что?

— Поезжай пораньше и скорей возвращайся, ладно?

— Ладно. А ты гляди, если Костя приедет, не пропусти его... Может, опять про Степана что-нибудь скажет. Не пропустишь?

— Конечно,— вздохнула Динка.

Ей очень не нравилось подслушивать, мама часто говорила, что это делают только очень низкие, неблагородные люди, но отказать Леньке она не могла: он любил Степана и беспокоился за него. Как же отказать?

Глава сорок девятая

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

После обеда мама взяла Динку за руку и сказала:

— Пойдем на нашу секретную скамеечку!

Когда мама удалялась с кем-нибудь из детей на секретную скамеечку, это означало, что она хочет о чем-то поговорить наедине.

Динка обрадовалась и испугалась. Побыть наедине с мамой было теперь редким удовольствием, но о чем она хочет поговорить, девочка не знала.

— Диночка,— сказала мама, когда они сели на скамейку,— почему ты никогда не позовешь к себе в гости того мальчика, с которым дружишь?

Мама спросила так просто, как ни в чем не бывало, но голова Динки сразу въехала в плечи, как будто с неба неожиданно свалился огромный камень и стукнул ее по затылку.

— Ка-кой маль-чик? — с трудом пролепетала она.

— Ну, тот мальчик, который прибежал один раз к нам на площадку. Это, кажется, очень хороший мальчик, и я рада, что ты дружишь с ним, но зачем делать из этого тайну? Почему он никогда не придет к нам?

Динка ободрилась и почувствовала доверие:

— Раньше, мамочка, он боялся хозяина, что кто-нибудь скажет его хозяину, а теперь хозяина убили...

Она рассказала, что Ленька сирота, что хозяин плохо обращался с ним, что он убежал, а теперь хозяина уже нет...

Она говорила осторожно, часто понижая голос; ей казалось, что, приникнув к забору, Ленька слушает ее, но лгать было стыдно и бессмысленно.

— Как же он живет? Кто его кормит? Почему ты никогда не говорила об этом? Ведь он мог бы хоть изредка прийти к нам пообедать...— взволновалась мать.

Но Динка вспыхнула и быстро перебила ее:

— О нет, нет, мама! Он не нищий! Он никогда не хочет есть чужой хлеб! Он любит свой, заработанный!

— Это хорошо, Диночка! Но ведь он еще мальчик. Где же он зарабатывает? — с беспокойством спросила мама.

— Он кому-нибудь поднесет мешок на базаре или еще что-нибудь... Конечно, ему мало дают... Он плохо ест, мама. У него такие худые ребра...— с жалостью вздохнула Динка.

Мать задумчиво смотрела на девочку, перед глазами ее пронеслось трогательное воспоминание о встрече на пристани.

— Если бы мой друг голодал, я не могла бы терпеть этого, Дина,— удивленно и грустно сказала она.

Динка вспомнила свой поход на дачи, обманувшего ее шарманщика и молча хрустнула пальцами.

— И этот мальчик, этот твой Леня, не хочет даже узнать, кто у тебя есть? — снова спросила мама.

— Не хочет? — удивилась Динка, и лицо ее сразу посветлело.— Да он всех знает, мамочка! И тебя, и Мышку, и Алину, и Катю — всех, всех! Когда ему скучно, он приходит к нашему забору. Он видел, как мы встречали тебя.

— Ах, Дина, Дина! — с глубоким волнением сказала мать.— Так легко ты говоришь об этом! Ведь у этого мальчика никого нет.

Глаза Динки потемнели, горечь упрека матери больно кольнула ее в сердце.

— У него есть, мама... У него есть одна подружка... Она жалеет его, мама... Это неправда...— тихо сказала она, низко опустив голову.

— Тогда... скажи ему, что твоя мама просит его прийти... скажи, что она рада вашей дружбе...— с волнением сказала мать.

— Я скажу,— тихо прошептала Динка.

Обе долго молчали. Потом мама встала и пошла по дорожке.

Динка осталась одна, не зная, плохо или хорошо то, что случилось... Что скажет на это Ленька?

Она сидела долго, пока из всего разговора по душам не выкристаллизовались четкие и беспощадные слова матери: «Если бы мой друг голодал, я не могла бы терпеть этого...» Что же делать? Она снова пойдет работать...

Перед глазами ее встала длинная пыльная дорога, чужие богатые дачи... злой барчук... сухие корки хлеба... Она пойдет одна, без шарманщика... Но где взять музыку? Надо какую-нибудь музыку.

«Конечно, играть можно и на гребешке, лишь бы обратить на себя внимание... Войти и заиграть...»

Динка встала и решительным шагом направилась в комнату. Мать издали смотрела на нее, потрясенная глубоким и серьезным выражением ее лица.

«Как мало знаем мы наших детей!» — с горечью думала она, и маленькое верное сердце Динки вызывало в ней гордость и умиление. Но через минуту это чувство остыло и перешло в грустное разочарование: из комнаты донеслись вдруг беспеч-

ные, режущие слух звуки. Динка сидела около пианино и, приложив к губам гребешок с папиросной бумажкой, забавлялась неприятной музыкой. На полу лежала куча нот с любимыми романсами Олега.

— Дина! — холодно сказала мать, останавливаясь в дверях.— Что это за глупая забава! Она режет уши! И зачем ты вытащила все эти ноты? Положи их сейчас же на место и ступай со своим гребешком в сад!

Глава пятидесятая

ПОДВИГ ДРУЖБЫ

Весь вечер Динка все что-то напевала и, прижимая руки к груди, придавала своему лицу разные выражения. В конце концов это рассердило Алину, которой хотелось читать:

— Мама, скажи Дине! Что это за пение, на самом деле! Гудит, гудит над ухом — невозможно читать!

— Перестань, Дина! И иди уже спать! Десятый час! — строго прикрикнула Марина.

Динка пошла спать, спрятала под подушку свое рваное платье, посидела на кровати, поболтала ногой, припоминая вычитанные из нот фамилии композиторов. Из всех фамилий запоминалась всегда одна: Глинка.

«Опять Глинка!» — со вздохом подумала девочка и, забравшись под одеяло, нащупала завернутый в платье гребешок. Папиросная бумажка захрустела.

— «Вы просите песен, их нет у меня...» — прижимая под одеялом руку к сердцу, снова прорепетировала Динка.

— Перестань!.. Все уже легли спать,— недовольным шепотом остановила ее Мышка.

А мама открыла дверь и строго сказала:

— Опять поешь? Я накажу тебя, Дина!

Девочка притихла, но заснуть не могла. Трудный день работы, одной, без шарманщика, чужие дворы с собаками и злыми дворниками тревожили ее... Алина давно ушла к себе, Мышка уже спала, Катя и Марина тихонько разговаривали в своей комнате, а Динка никак не могла сомкнуть глаз...

И вдруг где-то хлопнула дверь.

— Костя? — спросила Марина.— Отчего так поздно?

— Дети спят? — спросил Костя.

Марина вошла в детскую, наклонилась над Мышкой, потом над Динкой. Динка дышала мерно и сонно.

— Спят,— прикрывая за собой дверь, сказала Марина.

Динка мгновенно сползла с кровати и в одной рубашонке приникла к двери.

— Вторая партия уходит через три дня. Завтра надо передать вот это. (Он что-то дал Кате.) Запечешь в хлеб... Марина, вы отвезете. Как Никич?

— У него все готово. Он говорит, что гребет лучше, чем в молодости,— улыбнулась Марина.

— Ну, добро! Значит, все наготове. Близится решительный момент! — взволнованно сказал Костя и с размаху бросился в кресло.— Олегу я уже дал знать. Все товарищи в нетерпении. У вас нет стакана чая? Я чертовски голоден!

Катя побежала за чаем.

— Ну, Костя,— взволнованно сказала Марина,— что-то сейчас переживает Николай... А где его мать?

— Она уже у Олега. Заграничный паспорт и билеты тоже там...

Катя принесла чай, звякнула тарелкой. Костя, жадно прихлебывая чай, вдруг усмехнулся:

— А со Степаном странная история. Непостижимый случай...

Динка, ничего не понимавшая до сих пор из разговора взрослых, приникла к двери.

— Степан сидит, а кто-то работает за него. И кто — узнать невозможно. Но, видимо, находчивый товарищ... Объявились уже на двух заводах наши прокламации. И что интереснее всего — они вложены в бублики.

— В бублики? В обыкновенные бублики?

— Ну да! В том-то и дело! Сегодня мне передали, что в ремонтной мастерской арестованы двое рабочих с прокламациями и в полицию доставлен один такой бублик...

Динка от страха быть замеченной присела под дверью.

— Полиция голову себе сломала с этим Бубликом,— усмехнулся Костя.

— Но кто же это? Степан, верно, знает. И когда он успел

передать прокламации? Ведь его арестовали неожиданно! — живо заинтересовалась Марина.

— А со Степаном никак нельзя наладить связь? — спросила Катя.

— Пока никак. Улик против него нет. Наоборот, этот Бублик упорно доказывает его непричастность к делу распространения прокламаций. Но Степана все-таки считают нужным держать в строгой изоляции. Хуже не то! — взволнованно сказал вдруг Костя.— Хуже всего то, что этот смельчак может очень скоро попасть в руки жандармов. Меня предупредили, что завтра будет установлена специальная слежка.

— Неужели нельзя что-нибудь сделать? — встревожилась Марина.

— Ну, а что ж можно сделать? Ведь его никто не знает. Боюсь, что пропал наш Бублик! — со вздохом закончил Костя и заговорил о другом.— Крачковские уехали,— между прочим сказал он.

— Это лучше? — осторожно спросила Катя.

— Вероятно. Я теперь полный хозяин флигеля. На даче остался один сторож,— задумчиво ответил Костя.

Но Динка уже не слушала. Добравшись до своей постели, она шарила в темноте, разыскивая платье.

«Леньку ждет полиция... Он сказал, что поедет раным-рано... Он пойдет к рабочим и будет куда-то класть свои бублики... Его посадят в тюрьму... Что делать?» Динка уже видела за тюремной решеткой бледное лицо Леньки. «Прощай, Макака!» — грустно говорил он, кивая ей головой.

— Нет-нет, не прощай, не прощай, Лень...— бормотала она словно в лихорадке, натягивая платье.

«Я побегу на утес... Предупрежу...» — думала Динка и, дрожа от страха, представляла себе лесную тропинку, черные в темноте деревья...

Костя, поговорив еще немного, попрощался и ушел. Марина и Катя потушили свет...

Динка влезла на подоконник, открыла окно. Из-за туч вышла луна и осветила сад. В ее неровном свете кусты и деревья странно меняли очертания. На Динку потянуло холодной свежестью ночи... Вся дрожа, она спустила с подоконника ноги и спрыгнула в сад...

«Сарынь на кичку! Сарынь на кичку! Стенька Разин, миленький, помоги!..»

Динка, закрыв глаза, шагнула к одному дереву, потом перебежала к другому... Мокрая трава облепила ее босые ноги. Из-за деревьев выступила мрачная, темная кухня. Там не было Лины, и Динка поспешно отвела от нее глаза. Кусты у забора непонятной темной массой закрывали лазейку... Динка остановилась, огляделась... С сильно бьющимся сердцем приблизилась к кустам, протянула вперед руки, потрогала влажные ветки... отодвинула доску... Чужой, темный и страшный лес встал перед ней... Вернуться, лечь, накрыться с головой одеялом... Динка испуганно оглянулась назад... «Лень, Лень...» Он поедет рано утром... Она может проспать... Надо идти... Динка с отчаянием нырнула в лазейку и, ступив на освещенную луной тропинку, бросилась бежать... Но тропинка, сбегая вниз, кружила между кустами и деревьями. Что-то черное, высокое и мохнатое стало вдруг впереди... Динка в ужасе шарахнулась назад. Страшное бородатое лицо склонилось над нею... Тяжелый огромный кулак потянулся к ее волосам... Хозяин!..

— Қлар у Қлары... курал... кораллы...— дрожащим голосом пробормотала Динка и, закрыв глаза, путаясь между деревьями, как слепая пошла вперед.

Потом, снова нащупав тропинку, побежала... Теперь уже далеко от дачи... Надо бежать, бежать скорее на обрыв, там Ленька... Где-то уже близко шумит Волга... Динка споткнулась и упала, больно зашибив коленку. Впереди виднелся просвет, там уже не было больших деревьев, там были колючие кусты. Хромая и царапая руки, Динка бросилась напрямик через эти кусты... Наконец показался обрыв. Освещенный тусклым светом луны, белел в темноте утес...

— Лень! Лень! — протянув к утесу руки, крикнула Динка.

Где-то за лесом эхо насмешливо повторило ее крик.

— Лень! Лень! Вставай! Это я, Макака! — звала Динка.

Но ничто не шевельнулось ей в ответ. Ленька крепко спал в своей пещере, укрывшись с головой одеялом и положив около себя завернутые в пиджак бублики.

— Лень, Лень! — падая в траву, крикнула еще раз Динка.

Ее одинокий голос достиг пещеры. Ленька пошевельнулся и сел.

— Лень! Лень! — донесся до его слуха отчаянный призыв.

Луна зашла за тучи; темное небо было усеяно мелкими звездами. Ленька накинул на себя одеяло и осторожно вышел из пещеры. Жалобный, дрожащий голос тихо спросил:

— Лень... это ты?

— Макака!..— встрепенулся Ленька и, ничего не понимая, бросился к ней.

Через минуту он сидел рядом с Динкой на обрыве и, слушая ее рассказ, удивленно смотрел на жалкую, продрогшую фигурку своей подружки. Рассказывая, Динка часто оглядывалась на лес и, зябко поводя плечами, цеплялась за его руку. Она была похожа на маленького перепуганного зайчишку, за которым гнались охотники.

— Не поезжай, Лень, не поезжай завтра! — лихорадочно повторила Динка.

— Ладно. Не поеду я... Иди спи спокойно. Боялась небось? Давай провожу...— сказал он, поднимая девочку с земли.

Они вступили в темную полосу леса, но Динка уже не бежала, не шарахалась от каждого куста. Рядом с ней шел Ленька...

— Со мной не бойся,— говорил он.— Со мной ни зверь, ни человек не справится. Ты только пальцем мне укажи, кто тебе не угоден, и не будет его, как не было. У меня такая сила, что вот стоит дуб, сто лет стоит, а захочу я — и выдерну его с корнем и закину за Волгу! Вот какой я!

Динка слушала, и страх ее рассеивался... Как в тумане, нырнула она в свою лазейку, подошла на цыпочках к дому, влезла в окно. Ленька ждал. Когда рама тихонько хлопнула, он повернулся и заспешил на утес. Луна совсем скрылась. Пробираясь ощупью между деревьями, мальчик думал об оставленной доске, и страх леденил его сердце. Что, если за то время, пока он провожал Динку, кто-нибудь прошел на утес и ждет его там, завладев драгоценными бубликами... Ленька подобрал на земле толстую палку и, размахивая ею, вышел на обрыв. И хотя он был тот, кто выдергивает с корнем вековые деревья и насмерть уничтожает всякого неугодного человека, сердце у него билось, как у самого обыкновенного двенадцатилетнего мальчишки, когда, подняв свою палку, он с трепетом перешел доску.

В пещере никого не было. Пиджак лежал на своем месте.

Глава пятьдесят первая

ВОСКРЕСЕНЬЕ

На другой день было воскресенье. Динка проснулась поздно. Все происшедшее ночью показалось ей тяжелым сном, и, хотя при дневном свете деревья и кусты уже не были такими страшными, девочка никак не могла себе представить, что это она ночью, совершенно одна, бегала на утес. Зато Ленька был спасен. Он никуда не уехал и теперь, наверное, скоро будет ждать ее у забора...

— Что ты все спишь? Ведь сегодня приедет Лина! — напомнила вдруг Мышка, просовывая в дверь голову.

— Лина!

Динка вскочила, наскоро натянула платье, побрызгала водой лицо и побежала за калитку. Потом вышла Мышка и даже Алина. Катя спешно наводила порядок в кухне, чтоб не осрамиться перед чистехой Линой. Марина тоже ждала... Всем казалось, что уж очень-очень давно они не виделись с Линой... Но от пристани один за другим отходили прибывшие из города пароходы, оглашая дачную местность веселыми праздничными гудками, а Лины не было... Катя позвала завтракать, и за столом все сидели скучные, обеспокоенные.

— Лина рвалась сюда всю неделю... Странно, что ее до сих пор нет...— сказала Марина.

И как всегда бывает, что в разлуке с близким человеком малейшая причина его молчания или долгого отсутствия вызывает целую бурю беспокойства и предположений, так и сейчас всем стало казаться, что Лина заболела, что случилось что-нибудь с Малайкой.

— Но Лина никогда не болела...— с робкой надеждой сказала Мышка.

— Она каждый день плакала...— угрюмо заявила Динка.

— Завтра после службы я поеду на элеватор,— решила Марина.

Воскресенье померкло и потеряло свой праздничный блеск. Всамделишные гости больше не приходили. Катя запретила Анюте приводить их, чтоб не расстраивать детей излишним напоминанием о любимой недостающей гостье. Приходила одна

Анюта. Но Анюта уже давно не была гостьей, она была подругой и даже немного заменяла уехавшую с дачи Бебу, но больше всего Алина ценила ее как старательную и способную ученицу. Анюта действительно делала большие успехи: она уже бойко читала и, пристрастившись к чтению, сидела иногда в уголке сада, тихая, неслышная, погрузившаяся в книгу. Мать Анюты горячо благодарила Алину.

«Отец учить ее хочет. А один раз товарищей привел и велел ей читать газету. Гордится!» — радостным шепотом говорила она.

Личико Анюты округлилось, порозовело, и обычное настороженное выражение его исчезло, сменившись тихой углубленной задумчивостью. Алина подарила ей свою старенькую коричневую форму с черным передником. Анюта туго крахмалила белый воротничок и нарукавники. Опрятная, чистенькая и скромная, она напоминала первую ученицу в классе. Алина гордилась ею, и в это воскресенье они обе, чистенькие и нарядные, сидели в гамаке, читая вслух. Мышка тоже занялась разборкой подаренных ей Гогой книг.

Одна Динка не находила себе места. Она сидела на траве за калиткой и, глядя на дорогу, ждала... Она не могла поверить, что Лина не приедет... Так прошло время до обеда... Девочка поняла, что Лина уже не приедет, и грустно побрела на пристань искать Леньку. Она решила, что, пользуясь воскресным днем, мальчик старается что-нибудь подработать у пассажиров. Динка спустилась на берег, вспомнила Трошку и Миньку. Давно она их не видала... Ленька сказал как-то, что теперь все мальчишки торчат на баштане, потому что поспели арбузы. Динка прошла на базарную площадь, но, заслышав звуки шарманки, вернулась к пристани. И тут, около сложенных штабелями бревен, она неожиданно увидела Леньку. Он стоял с Васей и о чем-то солидно беседовал с ним. Увидев издали Динку, мальчик вдруг взволновался и, указывая на нее, что-то сказал. Вася удивился, всплеснул руками и громко расхохотался. Но Ленька покачал головой и серьезно повторил ему что-то. Вася перестал смеяться и поманил девочку пальцем.

— Эй, подружка! Иди-ка сюда! У нас секретов нет! — крикнул он.

Динка подошла и стала около Леньки.

— Вот, слышь, парень, и ты, подружка, какую я вам новость сейчас сообщу! — таинственно сказал Вася и, захватив ладонью свой подбородок, добавил: — Вот дело какое! Теперь уж сам видел я вашего хозяина! (Ленька метнул на него быстрый, тревожный взгляд, Динка широко раскрыла рот.) Самолично видел, детушки мои! Убили его, милые мои, насмерть! Так убили, что дальше ехать некуда! В лучшем виде! — Он развел руки и поглядел на Динку.— А то ведь знаешь как... Бают люди, а докель своими глазами не увидал, все думалось: ну как встанет он да побегит? Так ведь?

— Конечно,— с дрожью в голосе сказала Динка.— Встанет да побежит...

— Ну вот,— удовлетворенно кивнул Вася.— Дак я и поехал: дай, мол, сам погляжу! И верно, гляжу — убили насмерть... И схоронили под землей в глы-бо-кой яме, да еще камней навалили сверху! Шабаш ему теперь! Ни рукой ни ногой не шевельнуть! Раз — то, что мертвый, а два — то, что камнями заваленный! Вот как! — Вася выпрямился и, бросив торжествующий взгляд на Леньку, схватился за щеку и закачал головой.— Ох, и завалили ж его...

Динка неожиданно засмеялась, брови ее подскочили кверху, глаза засияли.

— Так и надо! — быстро сказала она.— Это хорошо, что его уже закопали, правда, Лень?

— Еще бы! — усмехнулся Ленька.

Девочка доверчиво просунула свою руку под Васин локоть и прижалась щекой к его рукаву:

— Я больше не буду бояться. Правда, теперь нечего его бояться, Вася?

Вася, тронутый ее лаской, окончательно рассвирепел.

— Да чтоб он еще раз сдох! Чтоб ему трижды в гробу перевернуться! — с жаром сказал он.

— Нет, пусть не переворачивается! Пусть лежит так, как есть! — испугалась Динка.

— Я ему поворочаюсь!..— еще раз пригрозил на всякий случай Вася.

Все трое засмеялись. Потом Вася сказал, чтоб Ленька следил, когда придет пароход «Надежда», и чтоб сразу бежал на пристань.

— Теперь уж скоро придет он... Я тогда сразу к капитану: так, мол, и так...— подмигнул Вася.

Дети пошли по берегу.

— Где ты был, Лень? — спросила Динка.— Я тебя все утро ждала!

— Утром-то я на пристани был...— Ленька побренчал в кармане медяками.— Заработал маленько... В «Букет» с Васей ходили... А сейчас я из города,— добавил Ленька и, глядя, как брови девочки испуганно подскочили вверх, гордо усмехнулся: — А ты что, думала, полиции испугаюсь? Ну нет! Я еще одно место нашел... Там рабочих много... И столовая ихняя там есть... Все подложил! — с сияющими глазами сказал Ленька и, наклонившись, шепотом добавил: — А одну бумажку Васе в карман сунул.

— Все подложил? — переспросила Динка.

— Все до единой... И сам глядел, как один рабочий товарищам читал. Эх, раньше не догадался, где класть надо! А теперь уж нету больше,— с сожалением добавил он, разводя руками.

— Теперь дома будешь, Лень? — робко спросила Динка.

Ленька вспомнил, как ночью Динка прибежала на обрыв.

— Теперь с тобой буду,— сказал он улыбаясь.— Вчера Минька и Трошка большие арбузы с баштана несли. Я тебе самый здоровый скраду!

— Скради! — обрадовалась Динка и с опаской спросила: — А не покорежит тебя, если ты скрадешь?

— За арбуз не корежит,— твердо ответил Ленька и, подумав, добавил: — Земля-то для всех, а арбуз на земле растет!

На утес Динка не пошла.

— Сегодня воскресенье, мама дома,— сказала она и, вздохнув, добавила: — А Лина не приехала...

Ленька вытащил из кармана смятую, облепленную газетной бумажкой тянучку:

— На́ вот! Замялась маленько... Погоди, бумажку сыму!

Динка широко раскрыла рот и ждала, пока он отдерет прилипшую бумажку.

— Скорей! — нетерпеливо сказала она.— Слюна набирается!

Ленька поспешно вложил ей в рот пеструю от бумаги тянучку.

— Больше не выйдешь сегодня? — спросил он, проводив Динку до лазейки.

Динка покачала головой и, вспомнив разговор с матерью, сказала:

— Пойдем еще до калитки. Я тебе что-то скажу...

Они пошли вдоль забора. Динка передала слова матери, стараясь не упустить ни одного слова.

Ленька был тронут.

— Я приду,— сказал он.— Таиться мне больше нечего... Только что я сейчас? — Он оглядел свой пиджак и залатанные штаны.— Бродяжка! Вот поступлю к капитану, справлю себе матросский воротник — и приду!

Около калитки Динка вдруг встрепенулась, схватила Леньку за руку.

Из сада послышалась знакомая песня.

— Лина! — вскрикнула Динка и, бросив Ленькину руку, помчалась по дорожке.

Ленька поднялся на забор и поглядел в сад. От кухни доносился тягучий молодой голос...

Пускай мой труп тебе напомнит
Мою горячую любовь...

Динка, широко раскрыв руки, неслась на этот голос:

— Лина! Лина!

На террасу вышли Марина и Катя. Около кухни загремело корыто, голос смолк, и Лина с мыльной пеной на руках бросилась навстречу Динке. Перехватив ее на дорожке и прижимая к своей груди, она взволнованно повторяла одни и те же слова:

— Крохотка моя! Доченька моя! Глазочек мой!

А Динка, ухватив обеими руками ее круглое румяное лицо, заглядывала ей в глаза, тревожно спрашивая:

— Ты уже побыла замужем, Лина? Ты приехала насовсем? Ты больше никуда не уедешь?

Глава пятьдесят вторая

НЕ НАЕЗДИШЬСЯ, НЕ НАХОДИШЬСЯ...

Лина бегает из комнаты в кухню. Она приехала поздно и сразу взялась за работу. Она печет, варит, стирает. Динка сидит на траве, обхватив руками коленки, мыльные брызги летят ей в лицо, но так уютно сидеть около Лины, такой душистый теплый пар вырывается из раскрытой двери кухни... Динка грызет тугие рожки, которые привезла ей Лина, и болтает обо всех делах: о Кате, которая готовит обед, держа под мышкой поваренную книгу, о кастрюлях, которые она, Динка, чистила песком и топила в бочке с водой, о пустой кухне, где по вечерам так темно поблескивают стекла окон... Динка рассказывает просто и весело, но Лина не смеется: крупные слезы ползут по ее щекам и падают в мыльную пену.

— Не наездишься, не находишься...— громко шепчет она, громыхая корытом.

Лина полощет белье и, сложив его в большой таз, развешивает на веревке; Динка вертится тут же и подает ей мелкие вещи. Лина бежит в кухню, месит тесто, лепит пирожки, а Динка сидит на ее кровати и лижет ложку со сладкой начинкой... Только к вечеру кое-как освобождается Лина.

— Вот пироги вам на неделю... Обед на два дня, разогревать будете, кисель детям, яблочки печеные...— говорит она, вытирая фартуком раскрасневшееся потное лицо.

— Посиди с нами, Лина! Все равно всего не переделаешь! Ну что ты так беспокоишься? — говорит Марина.

— Ночи не сплю, все думаю... А тут приснилось под пятницу, будто Динка ко мне в кухню стучится. «Лина, грит, дай пирожка». Проснулась я и свету невзвидела. Так бы обернулась птицей и полетела сюда...

Вечером приезжает Олег. Вся семья усаживается на крылечке.

— Ну, как живешь, Лина? — с сочувствием глядя в печальные глаза Лины, спрашивает Олег.— Как Малайка?

— А что наша жизнь! Подневольные мы обое. Я за птицей хожу, еле вырвалась нынче... Малай Иваныч тоже всегда занятой... Вот и рвется душа на все стороны... Отпросилась

нынче, а теперь уже не скоро опять приеду... Отрезанный я ломоть. Не наездишься, не находишься...— говорит Лина.

Марина подсаживается к ней на крыльцо и, обняв ее, говорит:

— Линочка! У нас с Олегом большие планы... Мы, наверное, уедем на Украину...

Лина, всплеснув руками, с молчаливым испугом смотрит ей в лицо. Дети тоже замирают от неожиданности.

— Не пугайтесь, не пугайтесь! — улыбается Марина.— Мы и Лину с Малайкой возьмем с собой.

— Меня его графское сиятельство переводит в черниговское имение, понятно? — вмешивается Олег.— Ну, а куда иголка, туда и нитка! Марина и Катя подхватят детей под мышку, а Малайка — тебя, и мы всей семьей двинемся на новое место.

— Батюшки! У вас, значит, жить будем? — повеселевшим голосом спрашивает его Лина.

— Нет, мы в Киеве, а он — в Чернигове, это недалеко... В Киеве у нас много друзей: Малайку устроим куда-нибудь на завод и жить будем все вместе...— мечтает Марина.

— А я буду к вам приезжать! — весело заканчивает Олег.

— Господи! Хотя бы так-то... Настрадались мы в этом городе — одних обысков да беспокойств сколько было! Поедем, коль, отседова! И мы с Малай Иванычем около вас будем! Только вот местов нигде нет... Устроим ли Малай Иваныча-то? — беспокоится Лина.

— Устроим,— кивает головой Олег.

— Мама, мы правда уедем? А гимназия? Как же моя гимназия? — волнуется Алина.

— Мама, где эта Украина? Далеко отсюда? — с замиранием сердца спрашивает Динка.

— Ну, пристанете теперь! — машет рукой Марина.— Во-первых, это еще не скоро. Я даже не хотела вам говорить!

Алина и Динка успокаиваются, а Лина снова пригорюнивается. Но Марине уже не до нее: брат что-то тихо спрашивает, нетерпеливо смотрит на часы... Они отходят в сторону и, стоя вместе с Катей у перил, о чем-то тихо беседуют. Динке делается обидно за Лину, ей кажется, что все о ней забыли.

«Вот какие! — думает она.— Могли бы потом посекретничать!»

И, обняв Лину за шею, она тихо шепчет ей на ухо:

— Мы везде вместе будем. Куда бы ни поехали...

Лина молча прижимает ее к себе. Сестры еще долго шепчутся с братом, но Марина показывает глазами на притихшую, словно осиротевшую Лину, и Олег громко предлагает:

— А ну-ка, Лина, чернобровая дивчина, споем украинскую песню! Подхватывайте, сестрички! «Сидит голубь на дубочку, голубка летае»,— тихо затягивает он.

Сестры подхватывают мягкий украинский напев, Лина, не выдержав, вступает со вто́рой... На крыльце делается тепло и уютно. Динка, положив на колени Лине голову, смотрит на звезды. Мелкие и крупные светящиеся точки усеяли темное небо... Вот упала, покатилась на землю одна звездоча... Куда она упала? Вдруг скатится прямо на нее, Динку, и запутается в ее волосах...

Маю жинку, маю диты в далекой Вкраине,
Раскроялось сердце мое на две половины...—

горько жалуется в песне казак, полюбивший в чужом краю дивчину... Казаку надо ехать на Украину, где остались у него жинка и диты...

— «Раскроялось сердце мое на две половины...» — жалобно повторяет песня, и не звездочка срывается с неба, а тяжелая Линина слеза падает на Динкину голову.

«Не наездишься, не находишься...» — вспоминает Динка, и непонятные Линины слова надолго остаются в ее памяти.

Что делать, если сердце Лины не может разорваться пополам... И, прощаясь в этот вечер со своей преданной нянькой, Динка старается не плакать:

— Я знаю, Линочка, у тебя разрывается сердце на две половины. Я потерплю... Все равно уж ты не находишься, не наездишься теперь.

Глава пятьдесят третья

ВЗРОСЛЫЕ ШЕПЧУТСЯ

Динка не спит. Каждый день приходят к ней новые мысли, а иногда их собирается так много вместе со старыми, что невозможно заснуть. Трудно понять дела взрослых, но Динка уже знает, что они люди подневольные и стоит им только выйти за калитку, как суровая неволя сковывает все их желания. Плачет и рвется к ним Лина, но ее что-то не пускает. И сердце у нее раскалывается на две половины: одна — там, другая — здесь... Так, чем дольше живет на свете человек, тем больше узнает он плохого. То одно, то другое с ним случается...

Динка засовывает руку под подушку — там лежит узелок с Линиными гостинцами. Раньше, бывало, положишь в рот конфету и сразу успокоишься, а теперь от Лининых гостинцев еще горше на сердце... Бедная Лина! Динка кладет в рот маковку и, лениво разжевывая ее, машинально прислушивается к тихим голосам в соседней комнате. Там у мамы и Кати сегодня на всю ночь засиделись гости: Олег, Костя и Никич... Гости это не чужие, но все-таки чего они сидят так поздно?

— Мышка...— шепчет Динка.

Но Мышка спит, отвернувшись к стене, а из маминой комнаты сразу открывается дверь, и Динка по привычке крепко закрывает глаза.

— Диночка, ты спишь? — шепотом спрашивает мама и долго стоит, наклонившись над кроватью.

Мама хочет, чтоб дети крепко спали, Динка, посапывая, молчит. Мышка спит взаправду, и мама на цыпочках выходит, плотно притворив за собой дверь.

«У взрослых все время секреты»,— думает Динка. Но раз Леньке не грозит больше опасность, то можно не подслушивать. Разве только Костя скажет что-нибудь о Степане?

Но Костя говорит совсем другое:

— Марина! Вот, чтоб не забыть, ваш ключ от парадной двери. А этот — от черного хода. Я сделал два: один себе, один вам... Мне, наверное, придется некоторое время менять ночевки...

— Вы проходите через сарайчик? — спрашивает Марина, вешая около двери два ключа.— Через пустырь?

— Да, конечно, там очень удобно: на сарайчике висит большой замок, так что никаких подозрений... Отодвинешь доску, потом изнутри просунешь руку, откроешь замок — и сразу около двери. Замок без ключа, просто туго прикрывается... Очень удобно! — говорит Костя.

Динка вспоминает около черного хода их городской квартиры маленький дровяной сарайчик; он стоит в ряду других таких же сарайчиков для жильцов. На городской квартире никого нет, там вечно закрыты окна тяжелыми синими портьерами и в комнатах стоит нежилой, душный запах. Один раз они ездили с мамой в город и заходили туда... «Что делать Косте в их квартире, если там никого нет?» — удивляется Динка. Разговор кажется ей скучным, и, поворачиваясь лицом к стене, она закрывает глаза.

— На первые пять верст орловские рысаки. Дальше рабочие приведут три свежие лошадки,— говорит вдруг Олег.

Динка сразу открывает глаза:

«А! Катанье какое-то! Вот хитрые! Наверное, дядя Лека их к себе приглашает!» — думает она с завистью.

Но Костя говорит что-то другое:

— Имейте в виду погоду. Лодку может отнести по течению.

— Все это учтено. Держите на огонек папиросы,— отвечает Олег и начинает что-то тихо объяснять.

В разговор вмешиваются Катя и Марина, потом все стихает, и голосов почти не слышно... Под Динкиным окном хрустит песок; Динка осторожно приоткрывает окно, и сейчас же в комнату снова входит мама... Динка сонно ворочается... Мама укрывает ее и уходит... Разговор в комнате совсем затихает...

Потом Костя встает и выглядывает в сад.

— Там Алина,— говорит он, возвращаясь.— Удивительная девочка!

— Сашина дочка! — вставляет Никич. В его устах это высшая похвала.

Динка обиженно выпячивает нижнюю губу.

«Как будто только Алина Сашина дочка,— думает она,— а я и Мышка нет!.. Глупый этот Никич...»

Вообще она недовольна сегодня взрослыми — они так мало обращали внимания на Лину и весь вечер ждали Костю и переглядывались. Лина всего напекла, наварила, а мама так

недолго посидела с ней на крыльце. Только что попели немного вместе... И дядя Лека плохо шутил, совсем не утешал Лину, а только сказал, что надо потерпеть... И на детей дядя Лека сегодня никакого внимания не обращал, как будто их вовсе нет на свете!

«Ладно, ладно! — думает Динка.— Можете совсем отказаться от своих детей! Мама тоже последнее время не разговаривает ни о чем, не читает вслух...»

Катя и та не обращает никакого внимания на Динку, даже не жалуется уже маме, все только своего Костю ждет да еще Мышку кормит гоголь-моголем. Динка чувствует горькую обиду, но сладкое воспоминание о гоголь-моголе заставляет ее залезть под подушку, в Линин узелок. Заложив в рот липкую конфету, она успокаивается. Конфета сосется медленно, а сон уже закрывает глаза. «Это не конфета, это тянучка»,— с трудом соображает Динка, ей делается лень жевать...

А взрослые всё шепчутся да шепчутся...

— Как бы не спутали все карты уголовники... Увидев подходящий момент, они тоже бросятся бежать,— говорит Марина.

— Все это учтено,— тихо отвечает Костя.

Но Динка уже спит крепким сном, и прилипшая к нёбу тянучка до утра ночует у нее во рту.

Глава пятьдесят четвертая

НА БАШТАНЕ

Динка просыпается поздно. На террасе, скорчившись в кресле, читает Мышка.

— Все уехали,— печально говорит она.— И Катя тоже...

Катя тоже? Это новость!

— А зачем уехала Катя? — спрашивает Динка.

— Наверное, что-нибудь купить. Она поехала с корзинкой,— говорит Мышка.

Динка бежит в кухню. Там возится Никич. Он скоблит ножом стол, вытирает испачканную мукой доску. От плиты пышет жаром, но на ней ничего не стоит. Динка поводит носом. В кухне

пахнет чем-то печеным... Наверное, вчерашними пирогами, которые пекла Лина. Но почему же тут прибирается Никич?

«Странно,— думает Динка.— Лина никогда бы не оставила такой беспорядок...»

— Никич,— спрашивает девочка,— разве сегодня ты хозяйничаешь на кухне?

— Да нет, куда мне! Я так, маленько прибрал тут...— отвечает старик и выходит во двор раздувать самовар.— Иди на террасу, зови сестер! Сейчас чай будем пить! — кричит он со двора Динке.

Чай пьют с Никичем. Разливает Алина. Мышка, по своему обыкновению, держит на коленях книгу; Никич молча забирает у нее эту книгу и строго говорит:

— Пей чай с пирогами, а не с книгой! Успеешь еще начитаться!

На столе гора пышных пирожков, заготовленных Линой на целую неделю. Алина ест молча, маленькими кусочками. Мышка тоже понемногу отщипывает от своего пирога. Одна Динка уплетает с неизменным аппетитом. Откусит, взглянет на начинку, снова откусит, запьет чаем и первая встает из-за стола, захватив с собой еще два пирожка.

— Гулять, что ли, пойдешь? — спрашивает Никич.

Динка кивает головой:

— Ага!

Она торопится на утес. Сегодня они с Ленькой пойдут на баштан за арбузами.

Девочка бежит через сад к лазейке, и нырнув в нее, мчится по дорожке.

— Макака! — смеясь, окликает ее Ленька.— Куда бежишь? Вот он я!

— Пойдем на баштан? — не здороваясь, спрашивает Динка.

Широко раскинулся баштан. Густая шершавая ботва заплела его от края и до края. Из-за толстых корней и желтеющей вырезной листвы видны гладкие полосатые и темно-зеленые бока арбузов... Но посредине баштана угрожающе торчит высокий соломенный шалаш, к шалашу прислонено ружье, заряженное едкой солью, а рядом с шалашом сидит дед-баштанщик. Дед плетет лапти и гоняет мальчишек, потрясая своим ружьем, а иногда и стреляя по ним, как по воробьям. Но,

несмотря на сердитого баштанщика и на его ружье, неподалеку от дороги, в зеленом овражке, поросшем густым кустарником, идет веселое угощение.

— Эй! — машет оттуда Трошка, завидев Леньку и Динку.— Идите сюда!

Ребята спускаются в овраг. Здесь, сидя на корточках, несколько мальчишек делят добычу. Между ними Трошка и Минька.

— Дайте и им,— указывая на подошедших, говорит Трошка.— Это тоже наши, с пристани!

— Пущай едят,— равнодушно говорит веснушчатый паренек в такой рваной рубахе, что кажется, от нее остались только грязный ворот и два рукава.— Ешьте, не жалко! — бросая Леньке арбуз, приглашает он.

Ленька не спеша берет арбуз, с размаху бьет его об камень и, разломив на две половины, подает лучшую Динке.

Мальчишки также бьют свои арбузы об камень, и все молча, сосредоточенно впиваются зубами в красную сахаристую мякоть, обливаясь соком и пряча в половине арбуза лицо.

Динка, держа свою половину обеими руками, тоже всасывается в арбуз... Пиршество идет молча, только семечки летят направо и налево в истоптанную и покрытую увядшими арбузными корками траву.

— Как выкатываете? — серьезно спрашивает Ленька, обтирая рукавом умытое сладким соком лицо.

Мальчишки охотно объясняют свой способ добычи.

— Вот он,— указывая на Миньку, говорит веснушчатый паренек,— обходит сзаду и починает клянчить: «Дедушка, дай арбуз! Дедушка, дай!» Ну, старик на него, конечно, кидается. А мы тем временем выкатываем...

— А сейчас уж он догадался,— говорит худенький черненький подросток, похожий на спугнутую птицу.— На Миньку не глядит, а обернется и стреляет! Вон Ваське чуть не полыхнул по заду!

— Ну, «полыхнул»! — откликается из-за арбузной корки рыжий, как огонь, Васька.— Я убег небось.

Динка слушает и с интересом оглядывает новую для нее компанию. Штаны и рубахи у мальчишек пыльные, грязные, залитые арбузным соком, коленки дырявые, протертые, но лица

чистые, румяные, так чисто не отмыть бы их за неделю в горячей бане! И глаза у всех разные, а блестят одинаково! Динке нравятся и мальчики и арбузы. А главное, уж очень вкусно зарываться лицом в розовую мякоть! Совсем не то что кусок арбуза на тарелочке!

И, восседая рядом с Ленькой на поваленном дереве, она проникается чувством товарищества.

— Ладно,— подумав, говорит Ленька и вынимает из кармана перочинный нож.— Сейчас иначе будем выкатывать! Я сам спробую! Дайте-ка мне вот тот, самый большой арбуз!

Мальчишки подают ему большой полосатый арбуз и с интересом смотрят, как он срезает у него широкое дно, вычищает середину. Потом меряет себе на голову, прорезает дырки для глаз и для носа... И снова меряет...

— Это ты так ползти хошь? — с жадным любопытством спрашивает рыжий Васька.

Мальчики придвигаются ближе, советуют:

— Около шеи-то пошире сделай... И глаза больше прорежь.

— Хватит,— говорит Ленька и встает.— Ложитесь у поля два-три... Будете подбирать... А чуть он за ружье — свистните... Пошли!

Ребята гурьбой двигаются за Ленькой. Динка бежит тоже.

— А ты сиди тут,— говорит вдруг Ленька.

— Сиди тут! — цыкают на Динку мальчишки.

— Вот еще! Я тоже посмотреть хочу! — сердится Динка.

— Сиди, говорят! — замахивается на нее рыжий Васька.

— Ну-ну! — грозно сдвигает брови Ленька.— Не тронь, а то перьев не соберешь!.. Макака, ты поглядеть хочешь? — ласково спрашивает он девочку.— Так вон там ложись, в бурьян, а то платье у тебя светлое. Поняла?

Динка кивает головой и идет в бурьян, густо растущий около баштана.

Мальчишки тоже словно проваливаются сквозь землю. Ленька, не доходя до баштана, надевает на голову арбуз и осторожно заползает в густую ботву... Арбузная голова его, слегка покачиваясь, иногда появляется над ботвой и, зарываясь глубже, появляется уже в другом месте... Динка с замиранием сердца смотрит на баштанщика. Ей кажется, что старик глядит именно в ту сторону поля, где ползет Ленька. Но вот арбузная

голова поворачивает обратно, толкая перед собой срезанные по пути арбузы. Мальчишки, лежа в траве, подползают ближе, и каждый, подхватывая арбуз, откатывает его, словно по конвейеру, следующему... Последний скатывает добытые арбузы в овражек.

Ленька, покачивая арбузной шапкой, снова исчезает в ботве. Срезает он только самые большие арбузы и, путаясь в ботве, даже легонько пощелкивает их пальцами, чтобы определить зрелость. Потом, найдя, что достаточно, он вылезает из ботвы и, сбросив с головы арбуз, вытирает рукавом мокрое лицо.

В овраге идет веселое пиршество.

— Эх, здорово! Вот здорово! — восторгаются Ленькой мальчишки.

Динка весело смеется, показывая, как дед-баштанщик глядел на покачивающийся арбуз.

Снова, захлебываясь соком, радуются мальчишки, слышатся смех, веселые остроты.

— Ну, делитесь тут,— говорит Ленька и берет себе два арбуза.— Мы пошли!..

— Возьмешь арбуз домой? — спрашивает он около забора Динку.

— Нет,— говорит Динка.— Я боюсь... Скажут еще, что он краденый.

— Ну, я на утес занесу! Завтра придешь, будем угощаться! — говорит Ленька.

Динка нехотя идет домой.

— Пообедаю и выйду,— обещает она.

Глава пятьдесят пятая

ТРЕВОЖНЫЙ ВЕЧЕР

На другой день Динка снова тащит своего друга на баштан. Ей нравится уважение, с каким встречают его мальчишки, нравится, как Ленька делит добычу, отдавая бóльшую часть на «обчество» и оставляя себе один-два арбуза; Динке нравится в веселой компании погружать свой нос в сахарную красную мякоть и, захлебываясь соком, глядеть, как из-за арбузных

половинок блестят черные, карие, голубые и зеленые глаза. Но, возвращаясь к обеду домой, она вдруг серьезно сообщает:

— Я, наверное, уже объелась, Лень, потому что у меня в животе что-то ходит большими ногами.

— Да ну? — пугается Ленька.— Говорил, не ешь много.

— Ты ничего не говорил...

— Еще заболеешь теперь! — волнуется Ленька.

— Нет, я не заболею. Я просто пересплю это время.

— Ну, так не выходи после обеда, ложись спать!

Динка соглашается. Она действительно так переполнилась арбузным соком, что даже щеки у нее лоснятся и нос стал розовый, как у поросенка.

— Ты ничего не ешь, Диночка... Может, тебе нездоровится? — спрашивает мама.

— Нет, мне очень здоровится,— отвечает Динка и обводит взглядом все лица за столом.

«Это им всем нездоровится»,— думает она, замечая необычную бледность матери, втянутые щеки Кати и окаймленные голубоватой тенью глаза Алины. О Мышке и говорить нечего — Мышка стала похожа на пестик внутри цветка. Никич и тот совсем засушился к концу лета. А говорят, что на даче люди поправляются... Вот так поправились, нечего сказать! Ей и жалко всех, и почему-то смешно. Но когда взрослые молчат и хмурятся, то смеяться нельзя. Нельзя и рассказывать что-нибудь. Катя сразу закроет рот одним словом: «Прекрати!»

Ладно. Динка с трудом дожевывает свою котлету и вылезает из-за стола.

На Волге гудит пароход. Катя вскидывает глаза на Марину и тихо говорит:

— Уже шесть часов...

Марина кивает головой, молча катает по скатерти хлебный шарик.

Никич двигает седыми бровями и, откашлявшись, глухо бросает в сторону:

— Теперь уж так или иначе...

Алина быстрым, тревожным взглядом окидывает лица взрослых и вытягивает из воротника шею, как будто ей душно.

— Кто-нибудь должен приехать, мама? — звонким голоском спрашивает Мышка.

— Нет, почему же? Сегодня не воскресенье,— отвечает мать.

Но голос Мышки прерывает тягостное молчание за столом.

— Теперь уж на дачах посвободнее стало. Многие в город переехали,— говорит Никич.

— Да. И на пароходе заметно меньше пассажиров,— вставляет Марина.

— Осень...— жестко и холодно бросает Катя.

И все глаза устремляются в сад, на пожелтевшие верхушки деревьев, на покрасневшие кусты и цветные мохнатые астры на клумбе. Осень — это длинные, тягучие дожди и холодный ветер. А сейчас еще тепло, и над садом летают белые пушинки, и листья еще изо всех сил цепляются за свои ветки...

— Бабье лето...— уточняет Никич.

У Алины делается несчастное лицо: скоро начнутся занятия в гимназии, а мама еще ничего не говорит о переезде в город. Да и как можно сейчас говорить об этом... Словно грозная туча нависла над их домом; Алина чувствует это в каждом слове, в каждом движении взрослых... Ее не обманешь. Не обманешь и чуткую Мышку.

— Катечка,— прижимаясь к плечу тетки, тихонько говорит она,— ты, может, с кем-нибудь поссорилась? Ты обиделась на что-нибудь, Катечка?

— Нет, Мышка, не беспокойся,— ласково отвечает Катя, принуждая себя улыбнуться.— Откуда ты взяла?

— Я так...— вздыхает Мышка, не зная, что сказать.

Одна Динка не беспокоится. Все уже пережито ею: и тяжелый заговор молчания, и круглое одиночество в отсутствие Леньки, и мучительные страхи, и гнетущее беспокойство за Марьяшку, и разлука с Линой... Динка знает теперь, что мысли могут одолеть человека, если позволить им разыграться, да еще если не просто думать, а все свое думанье представлять себе в лицах, с разговором и разными житейскими мелочами, убеждающими в полной действительности надуманного... Эге! Она этого больше не допускает, выработав несколько простых приемов, вроде «Карла и Клары», а то и просто вскакивает, бегает, поет, повторяет себе в защиту: «Ничего, ничего! Головешка-бомбежка! Я тебе придумаю! Я тебе придумаю!»

Хозяина она тоже больше не боится. С тех пор как Вася

плотно завалил его камнями и вполне убедился сам, что он «убит в лучшем виде», образ этого человека с злодейской бородой куда-то совсем исчез и забылся...

А взрослые — сами по себе. И дела у них свои. Приедет Костя, наговорит что-то, а потом они сидят вот так, как сегодня за обедом... Конечно, Костя жених, а с женихами всегда морока, и конца ей, видно, нет. Одного Динка с Мышкой уже выгнали, так не успели оглянуться, как Малайка сделался женихом и увез Лину, а теперь Костя... Динка любит и Костю и Малайку, но где-то глубоко в душе у нее затаилось чувство обиды против них, особенно после отъезда Лины. Вон как они делают нехорошо! Себе одному взял Малайка Лину, пустая стоит кухня, и не к кому прибежать Динке, некому пожалеть ее...

Девочка сидит в гамаке и, отягощенная арбузным соком, лениво решает вопрос, лечь ей спать или пойти к Никичу постругать что-нибудь, сделать себе тоненький острый ножичек. Давно уж не работает с ними Никич, изленился совсем, днем спит... И никто ничего не говорит ему. Правда, он давным-давно не берет в рот водки. Поэтому, может быть, и Катя с ним дружит, и Костя часто ходит к нему в палатку поболтать. Заважничал Никич. А сегодня и вовсе сидит целый день на террасе с Катей; уже давно и мама приехала, а он все сидит... Может быть, мама хочет одна побыть со своими детьми... может, она хочет почитать им книжку или поговорить о папе...

Динка вдруг чувствует непреодолимое желание уткнуться головой в колени матери, слушать ее голос, прижиматься лицом к ее нежным рукам.

«Пойду подговорю Мышку, и вместе скажем: «Посиди с нами на крылечке, мама!»

Но где Мышка? Куда она залезла со своей книгой? Читать сейчас уже поздно, сумерки окутывают сад, скоро в комнатах зажгутся лампы... Давно-давно мама не играла на пианино и дядя Лека не пел под ее аккомпанемент...

Динка потихоньку подходит к террасе, но на дорожке появляется Алина. Она в своей коричневой форме, только без передника и без белого воротничка, такая строгая и скучная, как учительница.

— Алиночка, давай попросим маму посидеть с нами на крылечке! — заискивающе говорит Динка.

Но в глазах Алины появляется искренний испуг.

— Ты с ума сошла! — восклицает она, и лицо ее делается еще строже.

— Почему я сошла с ума? Мы же сидели раньше... Сумасшедшие, что ли, были? — обиженно ворчит Динка.

Но Алина, против обыкновения, не сердится.

— Диночка,— мягко говорит она,— лучше бы ты легла спать. Смотри, какие тучи на небе... Мышка уже пошла в свою комнату... Хочешь, я попрошу ее рассказать тебе на ночь сказку?

До ночи еще далеко, но с Динкой можно все сделать, если обращаются с ней по-хорошему. Она доверчиво берет за руку старшую сестру.

— Пойдем, если хочешь... Я лягу спать, а Мышка пусть рассказывает,— покорно говорит она.

Алина приводит ее в комнату. Мышка сидит на подоконнике и читает.

— Уже темно читать,— говорит Алина.— Уложи лучше Динку и расскажи ей сказку.

Мышка со вздохом прячет под подушку книгу. Алина уходит. Динка медленно раздевается, долго возится с лифчиком.

— Жил-был один царь...— присев в ногах ее постели, начинает Мышка.

— Подожди со своим царем, я еще ноги не вымыла! — сердито обрывает ее Динка. Мышка не Алина, на нее можно и поворчать.

— Жил-был один царь...— снова начинает Мышка, видя, что сестренка уже вытерла ноги полотенцем и залезает в кровать.

— «Царь, царь»! Говори про что-нибудь другое... Укладывают спать, когда еще не стемнело даже! — сварливо выговаривает Динка, подкидывая ногами одеяло.

— Ну жила-была одна бедная женщина...— покорно меняет сказку Мышка.

Но в комнате мамы слышен голос Никича.

— Ну, я ухожу на свое место...— говорит он.

— Да, идите, Никич. Посмотрите, как там Волга... Что-то очень стало душно. Не было бы грозы...— беспокоится мама.

— Похоже на это... Но, может, к ночи подымется ветерок,

а то большая туча идет... Но это все дело второстепенное. Я пошел,— говорит Никич.

— Возьмите плащ! — напоминает ему Марина.

«Куда это он?» — удивляется Динка и лезет на подоконник посмотреть на тучу.

— Закрой окно! Катя не велела открывать,— говорит Мышка.

Но Динка высовывается в окно.

— Никакой грозы нет. Только небо черное. Я люблю грозу! — говорит она, спрыгивая на кровать и закрывая окно.— Ну, говори твою сказку! — свертываясь уютным клубочком, смягчается она.

Мышка начинает длинную историю одной женщины, которая очень хотела иметь детей. И вот родилась у нее девочка. У самой бедной женщины самая красивая девочка во всем королевстве! Беленькая, как снежок, румяненькая, как яблочко, и стройная, как березка...

— А какая еще? — косит из-под одеяла одним глазом Динка.— Может, дура? Говори про нее все!

— Ну, почему дура? — обижается грубо прерванная в своем сказочном красноречии Мышка.— Умница-разумница! За что ни возьмется, все у нее спорится...

Динка больше не перебивает... Тихий голос Мышки клонит ее ко сну, но, засыпая, она слышит за стеной такой же тихий голос мамы:

— Уже десять минут девятого...

— «Ах,— сказала бедная женщина,— я не отдам свою дочь во дворец, деньги не приносят счастья!» Но король рассердился...— мерным голосом продолжает Мышка.

— Ужасно шумит Волга...— глухо доносится из-за двери голос Кати...

Голос сказки, чередуясь с суровым голосом жизни, тихо укачивает Динку, а заодно и усыпляет сказочницу Мышку.

— Уложи детей,— говорит Катя.

Но Динка уже крепко спит. Мама раздевает сонную Мышку и укладывает ее в постель, проверяет, плотно ли закрыто окно. В комнате у Алины темно.

— Дети спят,— говорит Марина, входя в свою комнату.

Но Алина не спит. Маленькой, неприметной тенью скользит

она вдоль забора, обходит каждый куст, каждое дерево. Притаившись у калитки, смотрит на дорогу. В душном предгрозовом воздухе не колышется ни один лист, не шевельнется ни одна ветка, притихли птицы.

Глава пятьдесят шестая

СЕРАЯ ТЕНЬ

Душный вечер сменяется прохладной свежей ночью, грозовое затишье прерывается глухими далекими раскатами грома, острые и блестящие, как длинные иголки, молнии прорезают темное небо... Глаза Алины, постепенно привыкшие к темноте, видят каждую покачнувшуюся ветку, вспорхнувшую из кустов птицу... Страх уже давно превратил в ледяной комочек ее сердце. Алине чудится, что за каждым ее движением следят страшные пустые глаза чужого человека, холодное прикосновение веток кажется ей прикосновением длинных паучьих рук... Но Алина не уходит со своего поста, тревога и ответственность за что-то большое, свершающееся в эту ночь, побеждают в ней страх, и только изредка она останавливается перевести дыхание и, беспомощно оглянувшись на огонек в комнате матери, снова продолжает свой обход... На террасе тихо, без скрипа отворяется дверь, и Катя, прижавшись к перилам, смотрит в сад... Потом так же тихо уходит в комнату и, прикрутив фитиль лампы, оставляет слабый ночник... Сад погружается в полную тьму. А через несколько минут на террасе появляется Марина и также, постояв около перил, уходит...

Алина понимает, с каким волнением и тревогой мать и тетка ждут Костю. Алина знает гораздо больше, чем думают взрослые; схваченное на лету слово, таинственные разговоры в комнате матери, странная дружба Кости с Крачковскими, отдаленный флигель в их саду и, наконец, этот день напряженного ожидания, тревога, которую трудно скрыть... Алина привыкла читать по лицам, и сейчас она, так же как мать и Катя, ждет Костю... Но самое главное, самое ответственное ее задание — не пропустить в сад никого чужого. Девочке кажется нескончаемым тянущийся вокруг дачи забор. Запертая и чернеющая в темноте кухня, опустевшая палатка Никича наводят на нее ужас... Что, если

там, в палатке, спрятался тот человек... Ведь палатку нельзя закрыть, как кухню.

Алина осторожно пробирается к палатке и, притаившись за кучей сваленных досок, ждет... Сердце ее бьется бешеными толчками, в глазах двоится и разверзается продольная щель у входа... Вот-вот появится в ней страшное, знакомое лицо...

Но с террасы тихонько сходит Катя и направляется к палатке... Алина отступает в тень. Катя зажигает в палатке маленькую лампочку, подкручивает фитиль и уходит обратно в дом.

«Она хочет, чтоб думали, что Никич дома»,— соображает Алина, и тяжелый страх отпускает ее на секунду. Палатка проверена и безопасна, сыщик не пойдет на свет, надо ходить вдоль забора... Алина ползет вдоль дорожки, но чуткий слух ее неожиданно различает осторожные шаги на дороге... Она останавливается, прислушивается... Да, это шаги... Кто-то крадется к калитке. Девочка, пригнувшись, перебегает от дерева к дереву и, притаившись за кустами, замирает в тревожном ожидании... Что она сделает, если это он? Что она сделает? Ведь дома только Катя и мама... Но калитка тихо открывается, и Алина видит... Костю. Сердце ее прыгает от радости и надежды.

«Костя здесь, Костя пришел... Сейчас он пойдет к Кате и маме. Он скажет им про того, другого... А потом он, наверное, поспешит туда, к Крачковским. Если все хорошо, он будет спешить, а если нет...» Алина хотела бы услышать хоть одно слово, а потом она хоть всю ночь будет сторожить сад...

Костя неслышно взбегает по ступенькам, осторожно открывает дверь Марининой комнаты.

Сестры вскакивают ему навстречу:

— Костя!

— Я... я...— шепчет Костя. В слабом свете ночника блестят его глаза.— Все хорошо... Ложитесь спать... Я сейчас ухожу...— отрывисто говорит Костя и, встретившись с Катей взглядом, неожиданно крепко обнимает ее.— Не волнуйся! Все будет хорошо... Никич пошел?

— Да, он давно пошел...— волнуясь, шепчет Марина и вопросительно смотрит на Костю.

— Есть, есть... Потом все расскажу. Олег взял из графской

конюшни лошадей, просил, чтоб завтра вы с Катей приехали... Возьмете Алину... Надо создать видимость пикника... Там будут наши...— скороговоркой передает Костя.

— Подождите! А мать Николая? — волнуется Марина.

— Уедет с ним... Ну, я пошел,— торопится Костя.

Но сестры снова забрасывают его вопросами, суют ему в руки пробковые пояса: на Волге буря, лодка может опрокинуться...

Но Костя, снисходительно улыбаясь, вешает пояса на спинку кровати.

— «Будет буря, мы поспорим и поборемся мы с ней...» — блестя глазами, шепчет Костя.

Алина, забыв свой страх, напряженно смотрит на дверь маминой комнаты. Она ждет Костю... А от забора медленно отделяется большая серая тень и, прячась за углом темной кухни, неслышно скользит к дому.

Глава пятьдесят седьмая

ДВА ВЫСТРЕЛА

«Что же я стою? — вспоминает вдруг Алина.— Ведь сейчас самое главное... Здесь Костя, он что-то рассказывает... Надо обойти дом...»

Девочку уже не пугает темный сад. Одно присутствие Кости вселяет в нее бодрость и отвагу. Пригнувшись и зорко вглядываясь в темноту, она медленно двигается вдоль террасы... За углом, в нескольких шагах, мамино окно... Алина осторожно заглядывает за угол... и ноги ее прирастают к земле. Узкая, как ниточка, полоска света пробивается сквозь плотно задвинутые занавески, и, словно в горячечном тумане, Алина видит знакомое вытянутое лицо... Собрав все силы, девочка тихо пятится назад, она не смеет повернуться, не смеет вздохнуть... Путь до ступенек террасы кажется ей нескончаемым; пригнувшись к самому полу, неслышно добирается она до комнаты матери и, осторожно приоткрыв дверь, лицом к лицу сталкивается с Костей...

Сердце ее останавливается, побелевшие губы не произносят ни одного звука. Но ужас, застывший в глазах девочки, и слабое

движение руки, указывающей на окно, красноречивее слов. Отодвинув со своего пути Алину, Костя бросается на террасу и прыгает через перила в сад. Оцепенев от неожиданности, Катя остановившимися глазами смотрит ему вслед. Марина молча втаскивает в комнату девочку.

Глухой стук оконной рамы и шум борьбы достигает их ушей. Катя, очнувшись, выбегает на террасу... Гулкий и резкий в тишине звук выстрела встряхивает дом. В комнате дребезжат стекла. Марина толкает девочку к детской.

— Иди к детям! — торопливо бросает она ей, исчезая за дверью.

Но Алина не двигается с места; за окном слышен топот убегающих ног, треск ломаемых веток...

— Мамочка... мамочка...— жалобно доносится из детской, и Мышка, сонная, в одной рубашке, протискивается в дверь.

Алина обнимает сестру и уводит ее обратно.

— Ложись, ложись... Это гроза...— укладывая ее в постель, торопливо шепчет Алина.

— Что-то так сильно ударило...— закрывая глаза, бормочет сонная Мышка...

— Это гром... Не бойся... Спи, спи...— укрывая ее одеялом, дрожащим шепотом уговаривает Алина.

Мышка покорно закрывает глаза... Рядом на постели, разметавшись в богатырском сне, сочно всхрапывает Динка...

Уложив сестру и убедившись, что она спит, Алина выходит в комнату матери. Катя в немом отчаянии стоит, прислонившись к притолоке двери...

— Помни о главном... Мы еще ничего не знаем...— строго говорит ей Марина, закрывая на ключ дверь.— Помни о главном, Катя...— повторяет она, сжимая плечи сестры.

Катя, бессильно уронив руки, опускается на кровать.

— Алина,— говорит мать, замечая девочку,— иди спать, я сейчас приду к тебе.

Алина послушно идет в свою комнату и, не раздеваясь, ложится на постель.

Марина заглядывает в детскую, выходит на террасу; остановившись на ступеньках, слушает глухие отдаленные раскаты грома, торопливо проходит в палатку, тушит свет и, возвращаясь к сестре, тихо говорит:

— Сейчас могут прийти. Возьми себя в руки. Где второй ключ от флигеля?

— Под крыльцом справа... Я пойду, я все сделаю, не беспокойся...— чужим, безжизненным голосом отвечает Катя.

Марина порывисто обнимает сестру:

— Катя... родная... Сейчас это главное. Я все понимаю, но надо спасти Николая... Меня могут арестовать...

Катя вскидывает на нее черные сухие глаза:

— А если... и меня?

— Тогда пусть идет Алина. Я сейчас скажу ей, где ключ...— твердо говорит Марина.

Катя молчит... Глухой отдаленный звук второго выстрела доносится с Волги. Катя со стоном хватается за голову.

— Марина! У Кости нет револьвера... Это стреляют в него...— задыхаясь, шепчет она.

— Будем ждать... полчаса, час...— словно окаменев от тревоги, твердо повторяет Марина.— Помни о главном...

Катя помнит, но сейчас главное для нее — это жизнь Кости... Марина уходит, потушив свет. Она проходит в комнату Алины и, ложась рядом с дочерью, обнимает ее худенькие плечи.

— Алиночка! К нам могут сейчас прийти...— шепчет она.

— Я ничего не слышала, я спала...— тихо отвечает девочка.

Марина гладит ее холодные руки.

— На время... может, на несколько часов... нас с Катей могут увести,— с трепещущим сердцем предупреждает Марина и, чувствуя, как дрожат тонкие плечи девочки, замолкает...

Но Алина поднимает голову и, прижимаясь к уху матери, тихо шепчет:

— Я все знаю... Я пройду к флигелю... Отведу к Никичу...

— Ключ под крыльцом... справа... Запомни: справа под крыльцом...

— Не бойся, мама...

Марина молча сжимает руку дочери.

У калитки слышен громкий стук.

— Кто стрелял? — кричит ночной сторож.— Это у вас стреляли?

Глава пятьдесят восьмая

ГЛАЗА И УШИ УТЕСА

Не спится в эту ночь Леньке. Ночная сырость забирается в его пещеру, влажное одеяло липнет к плечам. Под утесом глухо шумит и бьется о камни вода. Опершись на локоть, Ленька смотрит на кусочек темного неба, изредка прорезаемого молнией, на верхушки деревьев, вспыхивающие в темноте желтыми огоньками, и думает о близкой осени... Скоро покинет он этот утес и уйдет на пароход, служить новому хозяину. Только теперь свободный человек Ленька. Честно будет работать он и обижать себя не позволит.

Леньке чудится, как от пристани отходит пароход «Надежда», плывет он в разные города, день и ночь плывет. Чисто, до блеска, драит Ленька палубу, четко и быстро исполняет все приказания капитана, сидит среди матросов, и красуется у него на плечах матросский воротник... Хорошо это! По-человечески, по-настоящему! Только вот на берегу останется его Макака... Придет и сядет на обрыв одна-одинешенька. Поглядит на Волгу, поглядит на утес:

«Лень, а Лень?»

А его-то и нету... Далеко он, не прибежит, не приедет скоро... А случись что-нибудь, и слез ее не услышит. Только думать будет о ней: не обидел бы кто!

«Эх ты, Макака! Хотя б постарше была, а то ведь капля. Вот как есть капля в Волге-реке, так и она среди людей».

Разволнованный своими мыслями, Ленька накидывает на плечи пиджак и садится у входа.

«Всем ребятам закажу, голову сниму, если кто ее хоть пальцем тронет!.. А заработаю денег — куплю Макаке красные сапожки на осень. Мягонькие они, и подковки у них, как жар, горят. Хорошо бы такие сапожки, только небось дорого они стоят... Ну ничего! Отпустит капитан на берег, у пассажиров подработаю, а то на погрузку попрошусь... Достигну я эти сапожки, только б не плакала без меня Макака! Христом-богом попрошу: «Не плачь! Где б ни был, а услышу я твои слезы, и не будет мне спокоя. Не плачь без меня, глупая... Не побегу ведь я по воде, как Иисус Христос, небось!»

Ленька глубоко вдыхает ночной воздух и, высунув голову,

глядит на небо, но в ушах его вдруг прокатывается гулкий звук выстрела... Что это? Недалеко где-то... Ленька вскакивает и тревожно вглядывается в лесную гущу. Не воры ли куда залезли? Много сейчас пустых дач, одни сторожа ходят. Сторожа и стреляют... Только бы не разбудили Макаку, а то испугается она... Дома у них одни женщины да старик Никич... Нынче небось хоть старик дома — не пойдет он в такую ночь рыбачить.

Глухой шум доносится до слуха Леньки: словно ломая кусты, кто-то напрямик бежит через чащу.

Ленька вспоминает, что он не втянул на утес доску, и, накрывшись с головой пиджаком, бежит к переходу... Но кусты раздвигаются, и на обрыв выбегает человек... Выстрел с треском разрывается неподалеку от мальчика, и, ухватившись за край доски, он припадает грудью к камням, не в силах сдвинуться с места. А из чащи прыгает другой человек, и на обрыве завязывается молчаливая борьба... Острая молния прорезает небо, и в одном из борющихся Ленька узнает Костю.

«Сюда, сюда!» — хочет он крикнуть, но язык не повинуется ему.

Но вот один из борющихся вскакивает и, подняв вверх обе руки, пятится назад, к краю обрыва. Молния снова освещает крохотную площадку. И Ленька видит Костю; теперь уже в руках у него револьвер... Он наступает, а человек с поднятыми вверх руками, быстро оглянувшись, ступает на доску... Что-то знакомое чудится Леньке в его длинной фигуре, и он еще крепче вцепляется в край доски.

— Меркурий, предатель! — глухо бросает Костя, медленно двигаясь к краю обрыва.

В голове Леньки мгновенно проносится быстрая мысль, он видит за решеткой тюрьмы бледное лицо дяди Коли... В памяти его возникают те же слова, брошенные Степаном:

«Меркурий, предатель!»

А человек, пятясь задом, вот-вот достигнет края утеса.... И, стиснув зубы, Ленька сильным рывком поворачивает доску... В глазах его темнеет, но человек, взмахнув руками, с коротким вскриком исчезает в расселине... Холодный пот выступает на лбу Леньки, и, уткнувшись лицом в песок, он крепко зажмуривает глаза.

* * *

Глухо бьется о камни Волга, с шумом катятся крутые волны, гремит отдаленный гром, а в ушах мальчика все еще стоит короткий вскрик упавшего в пропасть человека.

Когда Ленька снова открывает глаза, Кости уже нет, в черной тьме ночи по-прежнему вспыхивают молнии, освещая притихший обрыв... И кажется, что из глубины пропасти тянутся к утесу длинные руки... Высоко подброшенное волной, встает мертвое тело, с одежды его ручьями стекает вода, пустые, страшные глаза ищут Леньку...

Мальчик вскакивает на ноги и, закрывшись с головой пиджаком, перепрыгивает на обрыв.

Безотчетный страх гонит его подальше от утеса, и, не разбирая тропинки, он мчится вдоль берега, туда, к пристани, к живым людям...

А Костя, запыхавшись, вбегает на террасу безмолвной маленькой дачи.

— Тушите свет! С Меркурием покончено... Нет, не я! Простая случайность... Ложитесь, мы сейчас уходим. Дальнейшее расскажет Никич...

И Костя исчезает в кромешной тьме ночи.

Глава пятьдесят девятая

В ПРЕДРАССВЕТНУЮ БУРЮ

Черная туча медленно проползает над Волгой. Глухо волнуется большая река; словно подгоняя друг дружку, с пеной вздымаются сердитые волны, все ближе прокатывается рокочущий гром, золотыми изломанными иголками сверкает во тьме молния... У старого причала мечутся на волнах привязанные рыбачьи лодки, жалобно звенят и бьются об их борта натянутые цепи... Темная, закутанная в дождевой плащ фигура неподвижно стоит у берега.

— Митрич! — радостно окликает с обрыва мальчишеский голос, и Ленька, цепляясь за корни, спускается на берег... Наконец-то живой человек, рыбак Митрич! Он пришел, наверное, проверить, не оторвалась ли цепь у лодки.

Мальчик, проваливаясь в холодный песок, бежит к берегу, но человек в дождевом плаще встревожен.

— Стой! Куда бежишь? Что тебе тут надо? — грозно останавливает он мальчика и, схватив его за плечо, хриплым, старческим голосом отрывисто спрашивает: — Кто послал? Какой тебе Митрич сейчас нужен?

Капюшон сползает на плечи старика, и Ленька узнает Никича.

— Обознался я...— робко говорит он, и смутная догадка мелькает в его голове... Кого ждет Никич, зачем стоит он ночью у причала, почему испугался его, Леньки?

— Обознался? А теперь узнал? — все так же крепко держа мальчика за плечи, подозрительно допытывается старик.

— Узнал... Вы Никич! — испуганно шепчет ему на ухо мальчик.

Старик отшатывается и, словно не зная, что делать с этим неожиданным пришельцем, подозрительно оглядывается:

— Кто с тобой?..

— Никого... Честное слово, никого...— бормочет Ленька.

Но с обрыва вдруг спрыгивают две фигуры и быстро приближаются к берегу.

— Кто это? — спрашивает один, и Ленька, вздрогнув, узнает голос Кости.

— Да вот... спрыгнул с обрыва. Вроде к Митричу. Говорит — один...— взволнованно поясняет ему старик.

— Взять с собой! Поехали! — командует Костя, и, пока Никич гремит замком, он, близко наклонившись к лицу мальчика, спрашивает: — Зачем пришел?

— Я свой... свой... Я поеду, я грести могу... Я Ленька,— умоляюще глядя ему в лицо, шепчет мальчик.

Костя в недоумении поворачивается к молчаливо стоящему в стороне товарищу:

— Ну что с ним делать? Оставить нельзя...

— А чей он, откуда? — спрашивает тот, поворачиваясь к мальчику.

Ленька, подавшись вперед и схватившись рукой за ворот своего пиджака, широко раскрытыми глазами смотрит в лицо незнакомца. Темнота мешает ему разглядеть его черты, но голос... Никогда и ни с кем не спутает мальчик этот голос!

— Я Ленька, Ленька! — с тихим рыданием прорываясь вперед, бормочет он, и сильные руки незнакомца вдруг порывисто притягивают его к себе, глаза смотрят в глаза.

— Молчи, брат Ленька, молчи...— отвечает взволнованный голос.— Не время...

Костя с трудом удерживает цепь скачущей на волнах двухвесельной лодки. Никич вталкивает в нее Николая и садится сам. Ленька, боясь, что его оставят, прыгает за ними.

— Оставайся! Буря! — поймав его за голову, кричит сквозь шум волн Николай.— Я тебе напишу, я тебя не забыл... Оставайся!

— Нет-нет! — вертит головой Ленька.— Я грести буду, воду вычерпывать, я все могу!

Костя вскакивает последним и садится на весла, другие весла берет Николай. Лодка, сильно накренившись, вспрыгивает на волну и падает вниз, зарываясь носом в темную пучину... Яркая молния освещает быстро удаляющийся берег и на одно мгновение выхватывает из темноты бледное открытое лицо с блестящими глазами и черными полосками бровей.

— Дядя Коля! Дядя Коля! — вне себя от счастья повторяет Ленька, и Николай молча кивает ему головой, нажимая на весла...

Лодку бросает то вверх, то вниз, через борта ее льется вода... Никич сует Леньке черпак, а сам торопливо выпрямляет руль... На середине реки черная туча вдруг опрокидывается навзничь и вместе со страшным ударом грома разражается ливнем... Лодка встает дыбом и беспомощно вертится в пучине волн, ветер рвет из рук весла...

— Руль! Держи руль! — кричит Костя.

— Держу! — глухо откликается с кормы Никич.

«Потопнем...» — с ужасом думает Ленька, изо всех сил вычерпывая за борт воду. Но страх его не за себя, а за этих троих людей, за дядю Колю, своего большого друга, которого так чудесно нашел он в эту страшную ночь... Не хочется умирать Леньке... Жить бы да жить ему сейчас и радоваться, что жив его дядя Коля... Да еще нельзя ему, Леньке, оставлять навеки свою Макаку... И, не разгибая спины, работает он черпаком, а лодка все наполняется и наполняется водой... То с боков, то с носа обрушиваются на нее волны, а крупный косой ливень беспо-

щадно захлестывает сидящих в ней людей... Пиджак Леньки, намокший и тяжелый, связывает ему руки... Мальчик сбрасывает его под ноги, и крупные капли дождя хлещут по его голой спине...

А лодка то вертится на одном месте, то, глубоко ныряя, рывком бросается вперед, и в черной тьме нигде не видно ни одного огонька...

Плечи у Леньки ломит от непрерывного вычерпывания, он не знает, сколько времени борются они с разъяренной рекой; некогда взглянуть ему на взрослых; молча слушает он изредка подаваемую Костей отрывистую команду:

— Держи лево!.. Относит!

Ленька приходит в себя, когда ливень вдруг затихает и там, где край реки сливается с небом, появляется мутная белая полоса рассвета... Ленька быстро вскидывает глаза, ищет берег... Берега нет нигде... И кажется ему, что лодка, не двигаясь, стоит на одном месте... Но буря постепенно утихает; гром уже не ударяет в уши, а, глухо ворча, как встревоженный в своем логове медведь, уходит куда-то за Волгу... Медленно рассеивается тьма, и вдруг впереди вспыхивает короткий огонек.

— Огонь! — подбодрившись, кричит Никич.— Навались!

Буря стихает, но волны разъяренной реки не успокаиваются... Еще и еще раз вспыхивает и гаснет на берегу огонек... Лодку относит в сторону от него... Никич вынимает одной рукой железную табакерку и, с трудом достав оттуда коробку спичек, зажигает сразу две. Ветер и брызги воды мгновенно тушат их, но через минуту ответный огонек на берегу вспыхивает уже в том направлении, куда относит лодку...

Ленька черпает и черпает воду... В молочно-сером рассвете чуть-чуть уже обозначаются лица; мальчик мельком взглядывает на своего дядю Колю и встречает ласковый блеск его глаз... И чудится ему, что знакомый голос, как прежде, шепчет ему слова утешения и надежды:

«Терпи, брат Ленька! Все повернем мы по-своему и жить будем...»

«...как цари!» — подсказывает ему Ленька.

«Ну, зачем нам такая дурацкая жизнь? Цари, брат, лодыри и тунеядцы, а мы — рабочие...»

Замечтавшись, Ленька уже не глядит на бушующую реку

и не ищет берега. Берег приближается как-то быстро и неожиданно.

Первым выпрыгивает Костя, за ним Николай. На пустынно песчаном откосе в серой мгле виден пароконный экипаж; около него, попыхивая папироской, стоит кучер.

— Живее! — торопит Костя.

Но Николай, крепко прижав к себе мокрого до нитки Леньку, быстро говорит:

— Константин, запомни: это Ленька-Бублик, мой Ленька! Позаботьтесь о его судьбе! — И, глядя в глаза мальчика, тихо добавляет: — А ты жди меня и слушайся приказа старших!

Ленька ничего не успевает сказать, затуманенными глазами смотрит он вслед исчезающим в сумраке Николаю и Косте, слышит цоканье копыт, видит, как, сорвавшись с места, быстрые кони уносят куда-то вдаль закрытый экипаж с его дядей Колей...

— Садись, Леня! Уехали они. Время и нам обратно, а то хватится Митрич лодки...— ласково, с глубоким удовлетворением говорит Никич.

Ленька садится на весла... Медленные крупные слезы текут и текут по его лицу... И не знает он сам, сладкие или горькие эти слезы...

— Не плачь! Радуйся! На свободу вырвался большой человек,— строго говорит Никич.

Глава шестидесятая

НА ГОРОДСКУЮ КВАРТИРУ

На другой день, сидя на утесе, Ленька тихо и взволнованно передавал Динке все события этой страшной ночи.

Динка слушала, широко раскрыв глаза:

— А как же я проспала! Как же я не слышала ничего! Я только утром проснулась, когда мама поила Никича чаем... Я думала, что Никич заболел, потому что мама и Катя все упрашивали его лечь в комнате, а потом ходили в палатку и натирали Никичу спину скипидаром с салом,— морща нос, рассказывала Динка.

— Продрог он. Мы назад ехали, дак волны уже потише были и дождь перестал, но ведь мокрые обое до нитки... Пока гребли,

еще ничего, только руки в плечах как обломал кто... Устал он, Никич-то. Вылезли на берег, руки у него трясутся, весь синий, никак лодку привязать не мог. Я сам привязал и замок замкнул... Хорошо, никого из рыбаков не было...— ежась, вспоминал Ленька и тут же, широко улыбаясь, радостно добавлял: — Убёг мой дядя Коля!.. Кони как птицы! Так подхватили и понесли! А кучер-то знаешь кто был? — Ленька наклонился к уху девочки.— Сдается мне, ваш дядя Олег... Я его по всей повадке узнал...

— Наверное...— задумчиво сказала Динка.— Они ведь все заодно. А лошади такие, как птицы, наверное, из графской конюшни. Я их видела летом... А только куда же мама с Катей поехали? И Алину с собой взяли... И амазонки свои взяли...

— А кто это — амазонки? — удивленно спросил Ленька.

— Это такая одёжа, вроде длинного платья, чтоб верхом кататься. Они сказали, что едут к дяде Леке на пикник. А меня не взяли и Мышку не взяли... Я бы прицепилась, конечно, но мне без тебя не очень хотелось, и Мышка осталась ухаживать за Никичем...

— Это что-то не зря...— задумчиво заключил Ленька и, вдруг побледнев, испуганно огляделся вокруг.— Когда б этот предатель Меркурий остался живой, не уйти бы дяде Коле...— прошептал он словно про себя.

— Постой... а куда он делся? — держа его за рукав, спросила Динка.

Ленька посмотрел на нее мрачными, потемневшими глазами.

— Убил я его...— тихо сказал он.

— Убил? — Глаза у Динки заблестели.— Сам, один, или с Костей?

Ленька прерывистым шепотом стал рассказывать то, что вначале хотел обязательно скрыть. Но душа его, отягощенная свершенным поступком, требовала облегчения и сочувствия подруги.

— Сбросил я его, понимаешь? Человека убил! — с ужасом в глазах добавил он хриплым шепотом.

— Какого человека? Это же был предатель. Его так и надо...— убежденно сказала Динка и, вскочив, рванулась к краю пропасти.

— Стой, куда ты! — схватил ее за руку Ленька.

— Я посмотрю, где он,— вырвавшись, шепнула Динка и, подбежав к доске, осторожно заглянула вниз.

— Упадешь! — бросился за ней Ленька.

— Да не упаду... Нету его... Уплыл...— сообщила она, вставая, и вдруг серьезно сказала: — Такого гада и раки есть не будут!

Ленька с удивлением посмотрел на нее, и глаза его повеселели.

— А я знаешь как запугался... Впервые мне это случилось... Конечно, не человек он, а предатель, это ты правильно сказала. Теперь я и думать об нем не буду!

— Вот еще — думать! Ты молодец, Лень... Он бы, может, и Костю, и твоего дядю Колю выдал... Таких всегда убивать нужно! — деловито сказала Динка, разворачивая принесенный с собой из дому узелок.— Давай попьем чаю, Лень. Вот Линины пироги и мясо, что Катя нам на сегодня оставила. И сахар вот, и хлеб...— с удовольствием раскладывала она на камушке свое угощение.

Ленька, не евший ничего со вчерашнего обеда, весело сказал:

— А чай у меня в котелке горячий! Я все кипяток пил тут...

Запивая горячим чаем Линины пироги, дети продолжали обсуждать события этой ночи.

— Вот еще что... Дядя Коля сказал про меня: «Это, говорит, Ленька-Бублик! — захлебываясь от радости, рассказывал мальчик.— Позаботьтесь о нем»,— сказал он вашему Косте.

— Так и сказал, Лень? Так они все знают про тебя! Они непременно позаботятся! — обрадовалась Динка.

— Нет, я на это не надеюсь. Кому обо мне думать?! Вот, может, завтра или послезавтра мой капитан приедет. Я вчерась Миньку и Трошку просил сообщить, в случае чего... Минькин отец — кассир, он все знает... А пока, может, у вас под забором поночую... Неохота мне тут на ночь оставаться! — с брезгливым чувством сказал Ленька.

Динка задумалась.

— Под забором холодно. Земля мокрая... Может, перед сном натереть тебя скипидаром с жиром, как Никича? Это против простуды, кажется...

— Ну, Никич старик, а я молодой. У меня свой жир небось...— махнул рукой Ленька.

Динка с сомнением поглядела на его торчащие лопатки и голую худую спину.

— Нет, Лень, у тебя одна гусиная кожа. Ты очень худой... Нельзя тебе ночевать под забором, ты и от скипидара не согреешься!

— Может, конечно, и дождь пойти. Под прикрытием бы лучше... Я и сейчас еще не согрелся со вчерашней ночи... Может, в город поехать, подработать что-нибудь да и около вокзала пошататься. Там таких много бездомных...— соображал вслух мальчик.

— Нет! — строго сказала Динка.— Я знаю, где тебе ночевать! На нашей городской квартире, вот где! У мамы есть запасной ключ от черного хода, там только пройти через сарайчик — и уже дома! Никто тебя даже и не увидит! Только надо поехать, когда стемнеет. Сегодня мама поздно вернется, давай вместе поедем! Я дорогу хорошо знаю. Поедешь, Лень?

— Ну что ж! — согласился Ленька.— Мне бы это хорошо... Утром встану, заработаю что-нибудь на базаре и приеду! А там, глядишь, и пароход мой придет!

Посидев еще немножко и вволю наговорившись о событиях этой ночи, друзья пошли на пристань.

— Пароход «Надежда» придет послезавтра, один день будет тут разгружаться да нагружаться...— сообщил им Минька.— Отец сказал, что он потом аж до Казани пойдет.

— А далеко это? — спросила Динка, но никто из мальчиков не знал.

— Ладно! — махнул рукой Ленька.— Лишь бы взяли меня, а уж куда плыть — не наше дело!

Он думал теперь о том, что утес перестал быть его надежным убежищем и что в длинные осенние ночи негде приклонить ему голову... А Макака?.. Что ж Макака! Она в тепле. Подождет, поскучает... Что делать?

Под вечер, когда уже начинало смеркаться, Динка взяла потихоньку ключ от черного хода городской квартиры и выехала вместе с Ленькой в город.

Глава шестьдесят первая

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

К поездке в город Динка приготовилась тщательно: она достала из шкафа короткое летнее пальто, вынула из картонки свою красную фетровую шляпу с широкими лентами, завязывавшимися под подбородком, положила в маленькую корзиночку хлеб и, сообразив, что на билеты нужны деньги, осторожно открыла ящик маминого письменного стола... Там после отъезда Лины всегда лежали мелкие деньги на хозяйство. Динка подержала в руках полтинник, потрогала мелочь... Потом оставила мелочь в столе, а полтинник положила в карман. Мало ли что может случиться в дороге — ведь назад ей придется ехать одной, без Леньки.

Сложив все свои вещи в кучу, девочка отнесла их к лазейке и только тогда сообщила Мышке, что идет на фейерверк.

— Но мама не велела никуда уходить. Она сказала, чтобы мы помогли Никичу перебраться из палатки в кухню.

— Молчи, пожалуйста! Алину на пикник взяли, а мне даже на фейерверк нельзя, да?

И, показав сестре язык, Динка исчезла.

Увидев девочку в пальто и нарядной шляпе с бантами, Ленька неодобрительно хмыкнул:

— Чего вырядилась как на свадьбу!.. Когда б еще я в матросском воротнике был, а то едешь как барыня со слугой!

— Да ведь мне надо прилично... Вдруг я встречу дворника Герасима — пускай он думает, что я с мамой...— оправдываясь, сказала Динка, но все-таки сняла с головы шляпку и, держа ее за ленты, бегала по всей палубе.

— Да уймись ты, чего бегаешь? — урезонивал ее Ленька.

— А чего мне униматься? Я же с билетом еду!

Ленька купил им обоим билеты, разменяв полтинник, и сунул сдачу к себе в карман.

— Конфет у меня не проси в городе. Я завтра подработаю и доложу те, что потратил, а ты потихоньку обратно в ящик опустишь,— строго сказал он подружке.

Динка ничего не просила и, сойдя с парохода, сразу заторопилась на квартиру. Уже начало темнеть, и она боялась поздно возвращаться одна домой.

— Идем скорей! Нам по Дворянской, мимо игрушечного магазина Христанзена...

Они прошли несколько улиц. В магазинах уже зажглись витрины. Дворянская улица считалась главной улицей в городе, и по ней непрерывно сновали нарядные экипажи. Лошади, покрытые цветными сетками, горделиво переступая тонкими ногами, обернутыми по щиколотку белым холстом, останавливались у богатых магазинов. По тротуару гуляли хорошо одетые люди — дети, дамы, мужчины... На углах улиц стояли городовые.

Леньку стесняла вся эта празднично разодетая богатая публика.

— Ну, куда залезла! — запахивая свой пиджачок и стараясь прикрыть им залатанные штаны, хмуро говорил он.— Здесь одни баре... Обошли бы стороной как-нибудь...

— Вот еще! — дергала плечами Динка.— Нам на них наплевать! Что мы, в дом к ним пришли, что ли! Не смотри на себя — и все!

Она подбегала к витринам с игрушками, показывала Леньке кондитерские с выставленными в окнах красивыми коробками.

— Вот это купим! И это купим! Все мы себе купим, когда забогатеем, да, Лень? — весело болтала она. Только у двух магазинов ее болтовня смолкла. У одного она вдруг закрыла обеими руками глаза и жалобно сказала: — Веди меня, Лень... Здесь большие галоши. Я очень боюсь их. Это «Треугольник»...

— А что тебе они сделают? — засмеялся Ленька, держа девочку за руку и разглядывая выставленную на витрине огромную, в человеческий рост, галошу...

Около магазина с гробами, ангелами и венками Динка совсем уткнулась головой в его пиджак.

— Я здесь не дышу...— серьезно сказала она, пятясь боком.

Наконец с главной улицы они свернули куда-то вбок, и Ленька указал пальцем на один из переулков:

— Не эта ли?

Но Динка поспешно схватила его за вытянутый палец и строго сказала:

— Не показывай пальцем на улице! Это неприлично!

Ленька искренне расхохотался:

— Ох, ты ж и путаная, Макака! На самой Дворянской,

когда мимо гробов шли, прямо в живот мне уткнулась, так то было прилично! — сказал он.

— Ну! — возмутилась Динка.— Люди сами виноваты! Зачем для живых людей выставлять гробы? На месте царя я бы торговала ими на кладбище! А вот когда показывают пальцем, то какой-нибудь человек может подумать, что это на него... Приятно тебе, чтоб на тебя показывали пальцем? Ага?

Ленька согласился, что неприятно, и, только кивнув головой на переулок, снова напомнил о нем девочке.

— Не пройди мимо-то. Какой номер дома?.. Гляди, темно уж. Как одна назад поедешь? — забеспокоился он.

— Ничего! Возьму билет и поеду! А там за людьми побегу...— храбрилась Динка. Не доходя немного до своего двора, она вдруг выпустила Ленькину руку и сказала: — Я пройду мимо и посмотрю, нет ли огня у нас в окнах. Подожди тут.

Осторожно подойдя к воротам, девочка заглянула во двор и в испуге отпрянула назад... Около квартиры дворника Герасима стояли два жандарма; подальше, разговаривая с самим Герасимом, жандармский офицер, медленно стягивая с рук белые перчатки и указывая на стоявшего поодаль извозчика, давал какие-то распоряжения.

«Обыск!» — быстро подумала Динка и поглядела в глубину двора, на двухэтажный флигель. В нижнем этаже была их квартира. Окна и парадный ход выходили во двор, черный ход был сзади дома, прямо от него шли деревянные сарайчики для дров...

В окнах их квартиры было совсем темно, и девочка успокоилась.

«Это не к нам. Конечно, зачем им к нам? Тут же пустая квартира».

— Лень! — сказала она, перебегая через улицу к товарищу.— У нас во дворе жандармы... Бежим скорей через пустырь, а то потом и сарайчиком не пройдешь...

— Погоди... Может, не идти лучше? — нахмурился Ленька.

— Да нет! Это не к нам. Мы же на даче! Пойдем скорей!

Дети прошли через соседний двор на пустырь. Сюда выходили задние стенки дровяных сараев.

— Вот наш, третий от края...— посчитала Динка и, оглянувшись, скомандовала: — Отодвигай доски!

Ленька, присев на корточки, потрогал доски. Две из них подались, и ребята один за другим шмыгнули в сарай.

— Не упади, здесь дрова...— шепотом предупредила Динка и, пробравшись к двери, нащупала рукой крючок.— Смотри, потом все так же запри... Там, с той стороны, замок... Он для виду...

Девочка осторожно, стараясь не брякнуть висящим с внешней стороны замком, приоткрыла дверь. Около черного хода их квартиры никого не было. Она потихоньку вышла, потянув за собой Леньку, и, прикрыв сарай, быстро перебежала к крылечку.

— Открывай, открывай! Вот ключ! — зашептала она, всовывая в руки Леньке ключ.

В темноте ничего не было видно. Мальчик нащупал замок и тихо повернул ключ... Динка проскользнула первая... Из дверей комнаты узенькой полоской просачивался в коридор красноватый свет... Динка поспешно втолкнула Леньку за открытую дверь кухни и в тот же момент услышала негромкий голос:

— Кто здесь?

На пороге комнаты стоял Костя. На нем было старое, рваное пальто и помятая кепка... Видно было, что он только что пришел и еще не успел раздеться.

Глава шестьдесят вторая

АРЕСТ КОСТИ

Потрясенная неожиданной встречей и странным нарядом Кости, Динка бросилась к нему.

— Костя! Ты что? Откуда? У нас во дворе жандармы... И дворник Герасим... И жандармский офицер. Может, это обыск? — торопливо зашептала она.

Костя сдвинул брови и, крепко сжав ее плечо, бросил взгляд на дверь черного хода.

— Ты с мамой?

— Нет... я одна... Костя, уходи... Через сарайчик, там еще

никого нет...— снова зашептала в испуге Динка. Она вдруг поняла, что жандармы пришли к ним.

— Я не могу уйти,— быстро сказал Костя и вошел в комнату.— Останься здесь! — строго приказал он Динке, прикрывая за собой дверь.

Динка растерянно оглянулась на спрятавшегося за дверью Леньку и приникла к щели.

«Почему он не уходит? — взволнованно думала она, глядя, как Костя торопливо роется в брошенном на стуле пиджаке... И вдруг сердце ее сжалось, глаза широко раскрылись. Костя вытащил из-под одежды револьвер и, остановившись посреди комнаты, внимательно оглянулся вокруг.— Это револьвер, который он отнял у того сыщика»,— быстро сообразила девочка, с ужасом глядя, как Костя вдруг решительно подошел к печке и, присев на корточки, начал выбрасывать из нее дрова.

Ей вспомнился рассказ Леньки про обыск у Степана... «Всю печку разворошили»,— сказал ему тогда сапожник; вспомнились рассказы Мышки, как жандармы рылись даже в горячей золе...

«Костя, не туда... не туда...» — хотела она крикнуть.

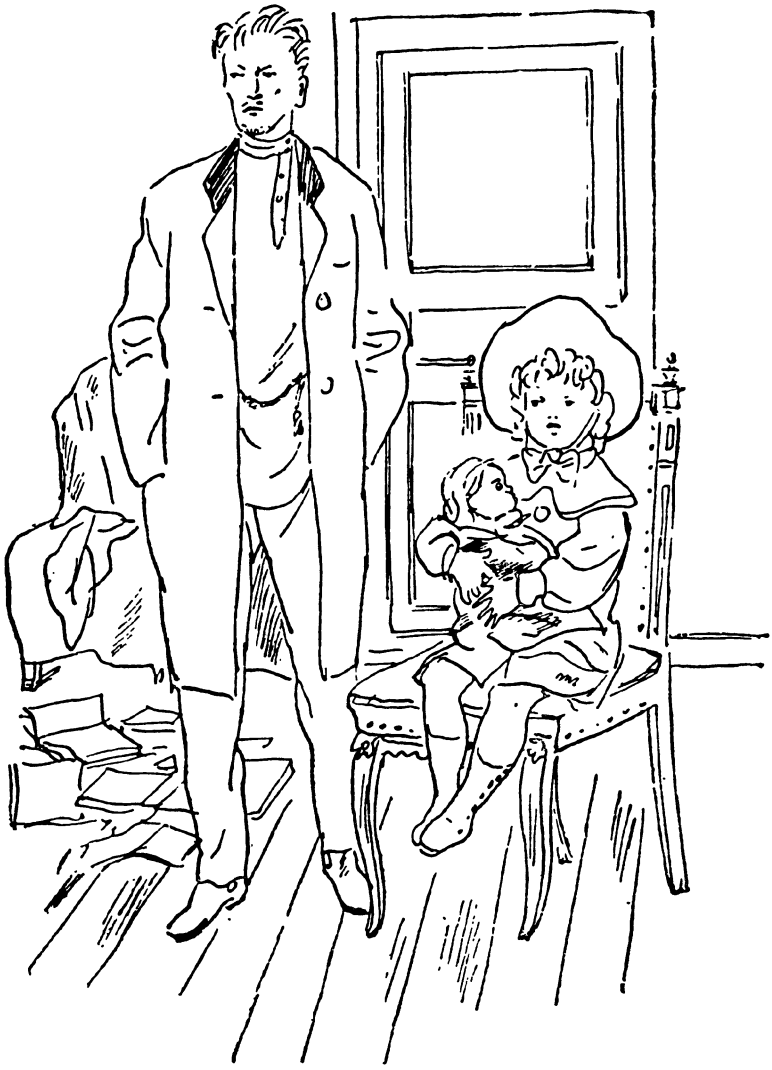
Но Костя, видимо, и сам решил, что это место ненадежно, и, вскочив на ноги, снова оглядел комнату. Сердце Динки замерло от тревоги... Она видела, как Костя остановился около детской кроватки и, наклонившись, взял оттуда большую Алинину куклу...

«Зачем это?» — подумала Динка, пытаясь разглядеть, что делает с куклой Костя. Но в щелку была видна только часть комнаты, и Кости там не было...

— Дина! — вдруг тихо позвал он, выходя из соседней комнаты и держа в руках туго завернутую в одеяльце куклу.— Сядь на стул и держи свою куклу. Не разворачивай ее и не выпускай из рук. Поняла? — строго спросил он, придвигая девочке стул.

Динка, задохнувшись от волнения, молча кивнула головой и, усевшись на стул, положила на колени куклу.

«Ленька!» — вдруг вспомнила она и, когда Костя ушел в соседнюю комнату, торопливо развернула куклу и, зажмурившись от страха, вытащила тяжелый холодный предмет. Не глядя на него и не дыша, Динка выскользнула в коридор и бросилась к черному ходу... В полумраке навстречу ей



выступил Ленька. Девочка сунула ему в руку револьвер и толкнула к двери:

— Беги, Лень, беги...

Ленька понял и, прыгнув с крыльца, мгновенно исчез в темноте. Динка заперла дверь на ключ и, вернувшись в комнату, снова завернула куклу в одеяло и уселась на свой стул. Костя, не обращая на нее внимания, рвал какие-то бумажки, вытряхивал карманы. Потом, подбежав к столу, бросил бумажки в самовар... Динка снова сползла со стула и, собрав в печке уголь, тоже бросила его в самовар, чтоб закрыть белеющие в трубе бумажки.

Костя мягко улыбнулся ей и, пробегая мимо, сказал:

— Не бойся и не вставай с места!

Сильный стук в парадную дверь, как удар грома, прокатился по коридору.

— Кто там? — спокойно спросил Костя.

Динка поправила свою шляпку, дрожащими руками завязала под подбородком бант и приросла к стулу...

Коридор заполнился вошедшими людьми, затопали большие сапоги...

Костя открыл дверь в комнату и, бросив быстрый взгляд на Динку, остановился у стола. Жандармский офицер прошел вперед и, оглядев обе комнаты, молча направился в кухню. В комнате остался жандарм, в дверях стояли понятые, дворник Герасим пошел за офицером в кухню.

— Госпожа Арсеньева занимает две комнаты? — послышался из коридора голос жандармского офицера.

— Так точно... две комнаты с кухней,— ответил дворник Герасим.

— Ты уверял меня, что в квартире никто не бывает, однако здесь, видимо, ночуют неизвестные лица...

Динка взглянула на Костю, но лицо Кости было непроницаемо спокойно. Из коридора было слышно, как заискивающе оправдывается в чем-то дворник Герасим.

Динка подумала о Леньке... Если бы его поймали, то, наверное, привели бы сюда. Она облегченно вздохнула и ободряюще улыбнулась Косте, но Костя молча глядел, как, отодвинув на середину комнаты стол, жандарм, вытянувшись, встал за спинкой стула. Офицер, придерживая рукой шашку и звеня

шпорами, вошел в комнату, подтянув изящным движением брюки, сел за стол и похлопал белыми пальцами по клеенчатой папке, которую услужливо положил перед ним жандарм.

— Ну что ж, молодой человек, я вынужден приступить к своей неприятной обязанности,— словно сожалея о принятой на себя роли, сказал он, обращаясь к Косте.— Ваше имя и отчество?

Костя назвал себя. Дальше следовали еще какие-то мелкие подробности о возрасте, о роде занятий... Офицер спрашивал, Костя отвечал... Динка внимательно следила за вопросами, мельком взглядывая то на Костю, то на офицера. Но вот офицер, прочитав вслух Костин адрес, постучал пальцами по столу.

— Скажите, пожалуйста, почему вы очутились здесь, в этой квартире, когда вам заведомо известно, что госпожа Арсеньева проживает сейчас на даче? — ехидно спросил он, склоняя набок гладко прилизанную голову.

Но Костя не успел ответить.

— Потому что я заблудилась на пристани, и Костя привел меня сюда! Мы сейчас поедем на дачу! — бойко выкрикнула со своего стула Динка и, поправив одной рукой шляпку, крепче прижала к себе куклу.

— Девочка заблудилась, и мы зашли сюда взять некоторые вещи,— спокойно подтвердил Костя, не глядя на Динку.

— Так... Предположим, что так... Но не можете ли вы сказать, когда это было? В котором часу?

Костя пожал плечами, словно припоминая...

— Это было, когда вы стояли во дворе и снимали белые перчатки. Мы с Костей прошли мимо вас... Вы спрятали свои перчатки в карман...— поспешно уточнила Динка.

— Так точно, ваше благородие, они прошли-с сторонкой, когда ваше благородие снимали перчаточки,— подобострастно сказал дворник Герасим.

— Так... так... Я снимал перчатки, а ключи от квартиры, вероятно, были у госпожи Арсеньевой, а не у ее дочки. Так каким же образом вы, молодой человек...

Динка вытащила из кармана ключ и, зажав его в кулаке, показала офицеру:

— У меня был тоже... Я Косте сразу сказала... Вот! От черного хода! — затараторила она.

Жандармский офицер чуть приметно шевельнул бровями и, не оборачиваясь, приказал стоявшему за его стулом жандарму:

— Возьмите и испробуйте!

Жандарм поспешно взял у Динки ключ и, вернувшись, доложил, что он действительно открывает и закрывает дверь черного хода. Жандармский офицер лениво откинулся на спинку стула.

— Перейдем к обыску! — сказал он.

«Ищите!» — с торжеством подумала Динка, крепче усаживаясь на свой стул и покачивая на коленях куклу. Колючие, злые глаза ее впились в холеное, парикмахерское лицо с черными завитыми усиками... В соседней комнате жандармы двигали столы, открывали шкафы и комоды, выбрасывали на пол вещи, встряхивали матрасы...

— Вы не имеете права делать обыск в отсутствие хозяйки квартиры! — возмущенно сказал Костя.

— Прошу не указывать,— сухо сказал жандармский офицер, записывая что-то в тетрадь.

Один из жандармов вынес из комнаты завязанное в узел платье и, бросив его на пол перед офицером, поднял вверх старое, порыжевшее пальто и дешевые подержанные брюки.

— Найдено-с за комодом,— доложил он.

Офицер, брезгливо морщась, отодвинул свой стул. Жандарм вывернул карманы пальто, встряхнул брюки.

— Думаю, что этот маскарадный костюм не принадлежит госпоже Арсеньевой,— с кривой усмешкой сказал офицер.

Динка, почувствовав, что он снова ловит на чем-то Костю, мгновенно вмешалась:

— Это мама купила Никичу! Это наше! — быстро сказала она.

Привычка постоянно выкручиваться и что-то придумывать в свое оправдание безошибочно подсказывала ей, где таится опасность.

— Так точно, ваше благородие... У них есть такой пьющий старик,— кашлянув в руку, подтвердил дворник Герасим.

— Уберите! — махнул рукой офицер.

Обыск передвинулся в комнату, где сидел офицер. Понятые стояли в дверях; жандармы выбирали из ящика письменного стола бумаги, шарили за обивкой дивана, снимали со стен

картины, бросали на пол одеяла, подушки... Костя стоял рядом с Динкой, молчаливый и спокойный... Один из жандармов, присев на корточки перед печкой, начал выбрасывать оттуда полуобгоревшие дрова и золу. Офицер, отодвинувшись к стене, внимательно наблюдал за обыском... Когда последние дрова были выброшены и жандарм, засучив рукава, начал выбрасывать накопившуюся золу, Динка мельком взглянула на Костю.

«Хорошо, что ты не спрятал в печку...»— говорил ее взгляд, а губы едва удерживали торжествующую улыбку.

— Ничего нет-с...— поднимаясь с колен, заявил жандарм и еще раз для верности пошарил в печке рукой.

Динка посмотрела в лицо офицеру и неожиданно фыркнула.

— Полезайте в трубу! — сострила она.

Офицер рассвирепел.

— Выведите девочку в коридор! Обыщите и выведите! — гневно закричал он.

Динка испуганно вскочила. Лицо Кости покрылось серой бледностью.

— Не трогайте ребенка! — строго остановил он подошедшего жандарма и, наклонившись к Динке, сказал: — Сними пальто и выйди в коридор!

Динка, придерживая одной рукой куклу, послушно сняла пальто и пошла к двери.

— Оставьте здесь куклу,— глядя ей вслед, сказал офицер.

— Прекратите, наконец, издевательство над ребенком! — возмутился Костя.— Я буду жаловаться!

— Я тоже буду жаловаться! Это моя кукла! — отталкивая от себя жандарма, крикнула Динка.

Черные усики офицера задергались.

— Я вынужден буду прибегнуть к насилию! — с угрозой сказал он.

Герасим поспешно обежал стол и, нагнувшись к Динке, испуганно прошептал:

— Позвольте куколку, барышня!..— Потом, умоляюще взглянув на Костю, добавил: — Господин офицер могут перейти к насилию!

Костя взял у девочки куклу и молча положил ее на стол. Притихшая Динка не сопротивлялась, но глаза ее жадно искали Костиного взгляда, а рука, поймав его руку, крепко сдавила

ее. Но Костя не шевельнулся. Взгляд его был прикован к офицеру, который не спеша развернул одеяльце, повертел в руках скомканную кружевную накидку и, подняв вверх куклу, тщательно осматривал ее...

Лицо Кости посветлело; он машинально повернул голову в сторону Динки и, встретив ее смеющийся взгляд, удивленно поднял брови...

Девочку вывели в коридор. Герасим вынес ей стул и тихо сказал:

— Подремлите пока, барышня...

Обыск длился долго... Динка сидела и слушала, как звенит в кухне посуда, грохочут кастрюли, хлопают дверцы плиты...

Огромная тяжесть навалилась вдруг на ее плечи, глаза смыкались... Она очнулась, когда рядом с ее стулом раздался голос Кости:

— Герасим, возьмите девочку к себе и первым утренним пароходом поезжайте на дачу.

Динка вскочила. Костю уводили... Она поняла и с криком вцепилась в него:

— Костя! Костя! Куда ты?

Костя крепко прижал ее к себе:

— Я завтра приеду к вам на дачу. Ступай к дяде Герасиму и ложись спать. Расскажи маме все, что здесь было,— тихо шепнул он, прижимаясь к ее щеке, и еще тише добавил: — Спасибо, умница...

Динка сдержала готовые брызнуть слезы: политические не плачут, они держатся гордо и независимо... как мама, как Костя...

— Возвращайся скорей, Костя,— сказала она шепотом, разжимая руки.

Костю увели... На дворе зацокали копыта лошади. Дворник Герасим запер все двери и, гремя связкой ключей, подошел к девочке.

— Пойдемте, барышня... чайком вас напою, уложу спать, а завтра к мамаше поедем...— ласково сказал он.

— Нет-нет! — решительно запротестовала Динка.— Я буду ночевать здесь. Я ничего не боюсь! Дайте мне мой ключ, и я сама завтра поеду к маме! Спасибо, дядя Герасим!

Она была уверена, что где-то неподалеку бродит вокруг дома

Ленька. Может быть, он притаился в сарайчике и ждет, когда все уйдут...

— Я ни за что не пойду... я не боюсь,— повторила девочка.

Дворник открыл парадную дверь и выглянул во двор:

— Пойдемте, барышня... Глубокая ночь на дворе. Ночи теперь длинные, осенние... Забоитесь одна в пустой квартире, ась?..

Но Динка не пошла. Герасим удрученно развел руками и, отдав ей ключ от черного хода, предупредил:

— Запирайтесь хорошо!.. Вот тут и крючочек! Да с огнем-то поаккуратней... Ложитесь вот на диванчик и загасите свечу. А то, не ровен час, пожар...

Для успокоения Герасима Динка улеглась на диване и потушила свечу.

Дворник вышел и, постояв на крыльце, направился к себе в дворницкую. А Динка снова зажгла свечу и, поставив ее в коридоре на пол, села под дверью черного хода. Она ждала Леньку... Но Ленька был далеко...

Глава шестьдесят третья

ЛЕНЬКА-БУБЛИК

Ленька сидел на корме парохода, туго запахнув свой пиджак и подозрительно оглядывая едущих людей. Рубашки на мальчике не было, и неудобный тяжелый предмет, который он прятал за пазухой, прижимался к его голой груди, упираясь холодным дулом в сердце.

«Интересно, взведен у него курок или не взведен? — с опаской думал Ленька, боясь лишний раз пошевелиться.— Ведь револьвер небось Меркурия этого... Заряженный... Ну как стрельнет?»

Ленька поднял голову. Прямо над ним золотыми точками рассыпались по небу звезды; разбегаясь к берегу широкими волнами, река отражала огни парохода, ветер освежал лицо и трепал волосы... Ленька снова подумал о револьвере. Спущен у него курок или нет? Мальчику не терпелось вытащить его из-за пазухи и хорошенько осмотреть, но он преодолел это желание и стал думать о другом.

«Может, был обыск, а может, не был. Все равно Макаку выручать нужно. И револьвер подальше запрятать... И на дачу сходить, а то приедет мать, а девчонки нет...»

Ленька осторожно поправил револьвер, на всякий случай выпустив дуло под мышку.

«Теперь если и стрельнет, так мимо. Скорей бы с парохода сойти, а то не толканули бы...»

Но публики в этот час было мало, и Ленька, благополучно сойдя с парохода, заспешил на утес. На пустынном берегу он вытащил спрятанный под пиджаком револьвер и гордо понес его перед собой на вытянутой руке.

«Эх, стрельнуть бы разок...» — мелькнула у него заманчивая мысль, но стрелять он, конечно, не решился. Нужно было поскорей и подальше спрятать эту опасную вещь. Хорошо, что удалось вынести ее из квартиры... А то обязательно арестовали бы Костю... Да еще если бы узнали, чей револьвер, так и вовсе плохо было бы...

Ленька сильно забеспокоился. Когда он вбежал в сарайчик, ему послышались голоса... Значит, обыск все-таки был... И Костю могли арестовать, а с кем же осталась Макака? Может, сидит одна в квартире.... А тут мать приехала, бросится искать, подумает — утонула девчонка...

Ленька осторожно поднялся на обрыв; положив на землю револьвер, вытащил из кустов доску и перешел на утес. Там, выбрав за камнем укромное место, он разгреб в песке глубокую ямку, завернул револьвер в свою рваную рубаху и тщательно заложил его большим камнем. Потом, оглянувшись, снова перешел на обрыв и так же тщательно запрятал в кустах доску. После этого, почувствовав себя освободившимся от одного важного дела, он побежал на дачу. В темноте ноги его часто сбивались с тропинки, выступавшие из земли корни саднили босые пятки...

Ленька вспомнил, как такой же темной ночью по этой тропинке бежала на утес Макака предупредить его о грозящей опасности. Вспомнил, как, сидя на обрыве, она плакала от страха, и сердце его защемило глубокой жалостью. Что, если и сейчас она сидит одна и плачет? Успеет ли он на последний пароход? Сколько времени сейчас? И, не думая уже больше ни о чем, кроме Макаки, он обежал знакомый забор и направился

к калитке. В окнах дачи горел свет, терраса тоже была освещена, оттуда доносились громкие взволнованные голоса.

«Мать приехала...» — догадался Ленька, но, открыв калитку, остановился как вкопанный. Прямо перед ним стояла Алина. В темноте белело ее платье, из-под шляпки, которую она еще не успела снять, испуганно блеснули глаза...

— Здравствуйте...— растерянно пробормотал Ленька.

Волосы его липли ко лбу, пиджак распахнулся, обнажая голую грудь. Алина в испуге попятилась назад, но Ленька быстро сказал:

— Беги к матери. Скажи, что Динка ночует на городской квартире. Там и Костя...

— Она... жива? С ней ничего не случилось? — растерянно спросила Алина.

— Жива... Только, слышь, Алина... Во дворе были жандармы... Может, Костю увели... Я сейчас еду туда... Беги к матери! — строго сказал Ленька и, повернувшись, исчез.

Алина хотела еще что-то спросить, но в темноте был слышен только шорох кустов и топот босых ног. Девочка бросилась к матери.

— Мама, мама! Динка жива, она на городской квартире... Она с Костей! — вбегая на террасу, кричала девочка.

Марина в изнеможении опустилась на стул.

— Кто тебе сказал? — шепотом спросила она, прижимая руку к сильно бьющемуся сердцу.

— Кто сказал? — тревожно повторила за сестрой Катя.

Мышка с надеждой взглянула на сестру.

— Мне сказал... тот мальчик... тот самый, что тогда приходил на площадку...— заторопилась Алина.

Никич, серый от пережитых волнений, оторвался от перил.

— Это Ленька-Бублик... Ему можно верить,— с облегчением сказал он.

Глава шестьдесят четвертая

ПАРОХОД «НАДЕЖДА»

На пристани горели слабые огни. Последний пароход давно ушел. Ленька в отчаянии присел на бревна и опустил голову. С базарной площади доносился деревянный стук колотушки. У трактира «Букет» слышался одинокий испитой голос заблудившегося пьяницы. По Волге плавали красные огоньки, указывающие пароходам на мель. Темная вода набегала на берег, выметая на мокрый песок кучи сора. Ночная сырость забиралась под пиджак, волосы Леньки стали влажными, босые ноги закоченели...

Ленька думал о Косте, о Макаке... Если при обыске ничего не нашли, то Костя не оставит Макаку одну. Но у Кости могли найти и другие запрещенные вещи; кроме того, Леньке было уже ясно, что побег из тюрьмы Николая Пономаренко устроен с помощью Кости — значит, его вообще могли разыскивать... А может, уже выплыл где-нибудь труп сыщика и на Костю легло подозрение в убийстве? От этой мысли по телу Леньки пробежал озноб. Что делать тогда? Сознаться? Рассказать, как было дело, пойти на вечную каторгу?..

Ленька натянул на голову пиджак, спрятал в рукава онемевшие от ночного холода руки.

Ну что ж, на каторгу так на каторгу! Не допустит же он, чтоб пострадал за него другой человек. Да еще такой человек, как Костя... Спаситель дяди Коли...

Ленька вспомнил ночную борьбу на обрыве, ясно ощутил в своих руках поднятый край доски, услышал короткий вскрик и глухое падение тела, но в душе его уже не было ни страха, ни тяжести.

«Не человека я убил, а предателя. И опять убью, коль повстречаю еще раз такого гада!» — с упрямым спокойствием подумал он и поднял голову.

Далеко-далеко на Волге виднелось светлое пятно. Пятно это росло, ширилось и словно бежало по темным волнам, освещая путь идущему пароходу. Ленька оглянулся на пристань — там замигали вдруг огни, послышались голоса... Мимо бревен, сонно покашливая и поеживаясь, прошли грузчики. Ленька встал и, жмурясь, как от солнца, поглядел на Волгу. Свет делался все

ярче, пароход приближался... Издали донесся длинный певучий гудок. Потом стал слышен стук колес... Пароход дал еще один гудок, широко развернулся и замедлил ход... На берегу все задвигалось, зашумело; мимо мальчика пробежали запоздавшие грузчики.

Широко раскрыв глаза, Ленька смотрел на подходивший к пристани пароход. Он был похож на сказочную белую птицу лебедь, и на борту его четко и красиво вырисовывалось одно слово: «Надежда».

У Леньки дрогнуло сердце, и в один миг он очутился на пристани...

Пароход причаливал медленно и важно. За решетчатыми бортами палубы пробегали матросы. Они были похожи друг на друга, как близнецы. Их черные ленты взлетали над синими матросскими воротниками, и рубахи, вздуваясь от ветра, белели, как гребни крутых волн. А на капитанском мостике стоял высокий, красивый человек, и Ленька, как во сне, слышал его звучный голос и слова, обращенные к грузчикам:

— Разгрузка начнется завтра. Ложитесь, ребята, спать! Отдыхайте пока. Мы простоим здесь долго.

* * *

На первый утренний пароход прибежали Марина и Катя. Продрогший за ночь и ослабевший от волнений Ленька, увидев их еще издали, обрадовался:

«Едут за Макакой... Я теперь там не нужен... Пойду на утес, согрею чаю».

Он вспомнил оставленный Макакой Линин пирог, укрытую от дождей и ветров пещеру, ватное одеяло и, почувствовав вдруг манящее тепло своего угла, горько улыбнулся:

«Последние денечки на свободе доживаю. Завтра поговорит с капитаном Вася, и уйду я на матросский харч, под начальство чужого человека...»

Ленька тихо побрел по берегу... Белоснежный пароход «Надежда», показавшийся ему ночью сказочным лебедем, теперь хмуро и неприязненно вырисовывался в предутреннем тумане, палуба его была пуста, огни погашены... Этот пароход, о котором мальчик столько мечтал в голодные дни и суровые

осенние ночи, отнимал у него теперь самое дорогое: вольную жизнь, независимость и Макаку. Правда, взамен он снимал с него уличное звание бездомного бродяги, наделяя его достоинством работающего человека, облекая в черные брюки и матросский воротник. Но сейчас все эти блага меркли перед домашним уютом его пещеры, перед разлукой с единственным близким существом — Макакой.

И Ленька брел к себе домой, беззащитный и слабый, как выпавший из гнезда птенец; как подбитый орел, ковылял он на свой утес, волоча по песку обломанные крылья.

Глава шестьдесят пятая

ДИНКА

Приехав в город, Марина и Катя первым долгом бросились к дворнику Герасиму. Они были уверены, что Динка ночует там. Сонный Герасим объяснил, что в квартире Арсеньевых был обыск, что Костя арестован, а девочка ночевать в дворницкой отказалась. Измученные тревогой за Динку и убитые сообщением о Костином аресте, сестры молча прошли по двору; торопясь и волнуясь, открыли дверь в свою квартиру.

— Диночка! — окликнула Марина, но никто не отозвался на ее голос.

Тогда, переступая через брошенные в беспорядке вещи, сестры прошли в одну комнату... в другую...

— Диночка! Дина! — в страхе звала мать. Она заглянула в кухню, потом снова вернулась в комнату.

— Тише! — остановила ее Катя, к чему-то прислушиваясь.

Марина замерла, глядя сухими тревожными глазами на голые стены, на сдвинутую мебель...

— Дина!— в отчаянии крикнула она.

Под столом что-то зашевелилось, и оттуда высунулась маленькая нога, обутая в белый башмачок. Марина всплеснула руками и, присев на корточки, подняла край свисающей до полу скатерти:

— Дина!..

Девочка сладко потянулась и села, протирая обеими руками

глаза. Лицо у нее было сонное, волосы вихрастым веером стояли на голове.

— Ах, боже мой! — вздохнула Марина, помогая ей вылезти из-под стола.

— Мама! — еще не совсем проснувшись, пробормотала Динка.

Катя, хрустнув пальцами, нетерпеливо сказала:

— Пусть умоется и расскажет, что здесь было...

Динка сразу пришла в себя, глаза ее широко раскрылись.

— Я не умоюсь, я так расскажу... Мамочка, здесь был такой сильный обыск! — указывая на разбросанные вещи, быстро сказала она.— Пришли всякие жандармы и офицер с белыми перчатками...

— Пусть только не врет! Марина, скажи ей — пусть говорит правду! — нервно стискивая руки, перебила Катя.

Динка испуганно вскинула брови и раскрыла рот.

— Диночка,— ласково сказала Марина, привлекая ее к себе,— нам нужно знать правду... Не придумывай ничего, это может повредить Косте. Расскажи все, как было.

Динка вспомнила бледное, но спокойное лицо Кости, вспомнила, как крепко он обнял ее перед уходом. Нет-нет! Если ее вранье может хоть немного повредить Косте, она не будет ни лгать, ни выкручиваться. И, глядя прямо в глаза матери, она громко сказала:

— Я расскажу всю правду, мама! Я взяла у тебя ключ от черного хода... Мы с Ленькой прошли через сарайчик, а во дворе уже были жандармы...

Динка рассказывала все честно, не щадя себя во имя спасения Кости. Когда она дошла до того места, как жандармский офицер требовал у нее куклу, Катя не выдержала:

— Говори скорей... Нашли?

— Ничего не нашли! Потому что когда Костя ушел в другую комнату, то я этот револьвер перепрятала...

— Ты перепрятала? Куда же? — с тревогой спросила Марина.

Катя недоверчиво пожала плечами и взглянула на сестру.

— Подожди...— остановила ее Марина.— Диночка, говори правду! — повторила она с оттенком строгости.

— Ну, мама... Я дала его Леньке и сказала: «Беги, беги!» И Ленька убежал, он больше не пришел. Он совсем не пришел, я так боялась одна...

Губы у Динки дрогнули, она мельком взглянула на свое место под столом, потом взяла себя в руки и стала рассказывать дальше... Она не забыла ничего, и, слушая этот рассказ, мать задумчиво перебирала ее спутавшиеся кудри, не глядя на Катю...

— Костя сказал: «Ты умница...» — тихо закончила Динка и с надеждой взглянула на тетку.

Катя ответила ей растерянной улыбкой и, отвернувшись, вытерла платком глаза.

— А Ленька не пришел...— тоскливо повторила Динка.

Марина успокоила ее, сказав, что мальчик приходил к ним ночью и, видимо, опоздал на пароход... Динка запросилась домой. Но ей пришлось ждать, пока Марина и Катя убирали квартиру и разговаривали с дворником Герасимом. Потом Марина заспешила на службу.

Динка ехала домой с Катей. И первое, что увидела она около дачной пристани,— это большой белый пароход, на борту которого было написано:

«НАДЕЖДА».

Глава шестьдесят шестая

У КАПИТАНА «НАДЕЖДЫ»

Вася так красочно описал историю жизни Леньки, что капитан «Надежды» растрогался.

— Ну что ж! Если он толковый мальчишка, то сделаю из него хорошего матроса! — сказал он.

А когда Вася, обрадованный согласием взять мальчика, прибавил к своему рассказу трагическую и смешную сцену, разыгравшуюся на барже, то капитан пожелал видеть и Динку:

— Пусть придут вместе... Такая дружба дорого стоит!

Ленька собирался недолго — почистил пиджак, вымыл ноги и взял Динку за руку:

— Пойдем, решается моя судьба!

Девочка пошла, но, по мере того как они приближались к пристани, ее начала охватывать робость.

— Лучше б ты пошел один, Лень...— замедляя шаг, сказала она.— Ведь я совсем не знакома с этим капитаном...

— А я разве знаком? — возразил Ленька. И, оглянувшись на подружку, усмехнулся: — Не больно-то ему нужно наше знакомство!

— Я делаюсь больной...— вздохнула Динка.— Может, он очень важный?

Ей не раз приходилось слышать, как капитаны подают зычную команду со своих мостиков да еще, не довольствуясь своим голосом, орут в какую-то трубу... Что, если он вздумает вот так же заорать на них с Ленькой? Динка боялась слишком громких голосов, она видела также, что и матросы боятся своих капитанов, потому-то они всегда молча и быстро выполняют их приказания.

«Лучше б мне не идти...— тоскливо думала Динка.— Трудно понравиться такому строгому, взрослому человеку. Можно нечаянно сказать что-нибудь не так, как надо. И вообще нужно сидеть пришитой к стулу...»

В конце концов Динке начало казаться, что капитан должен быть похож на какого-то водяного учителя, потому что учителя, которых она знала, были сухопутные. В прошлом году, когда Катя хотела устроиться на службу, девочку отдали в гимназию. Но она удержалась там только одну неделю... Для начала ее сильно запугала Алина.

«Смотри не болтай зря и не забывай делать реверансы!» — несколько раз внушала она.

Динка не болтала и делала реверансы, но уроки казались ей слишком длинными, и, соскучившись, она попросту выходила из класса. За это ее приводили в учительскую и читали ей длинные, строгие нотации.

«Что тебе говорили в учительской?» — спрашивала мать.

Но Динка не помнила слов.

«Я помню только мотив,— простодушно сознавалась она и, подняв вверх палец, с точностью старалась воспроизвести полученный выговор: — Тра-та-та, тра-та-та, та-та-та-та... Но я все время приседала»,— оправдываясь, добавляла она.

Марине посоветовали оставить ее еще на год дома. Динка

перестала ходить в гимназию, но воспоминание о запертом вместе с детьми классе и о скучных, строгих учителях осталось у нее на всю жизнь. И теперь, приближаясь к пристани, она еле тащилась сзади Леньки, тихонько повторяя:

— Я делаюсь больной...

А Ленька, наоборот, сильно ободренный ее присутствием, шел смело. Он был уверен, что Макака понравится капитану и при ней этот первый трудный разговор с его будущим начальством пройдет легче.

— Иди, не бойся,— говорил он, поднимаясь по сходням и чувствуя дрожь под коленками.— Не бойся...

Матросы с любопытством смотрели на длиннополый пиджак Леньки и вихрастую голову его подружки. Один из них велел им обмахнуть шваброй пыльные босые ноги и с веселой ухмылкой проводил к капитану.

Перед дверью каюты Динка окончательно оробела и всунулась туда вслед за Ленькой боком.

«Не болтай зря и не забывай делать реверансы»,— вспомнились ей слова Алины, и, не разглядев еще никого из-за Ленькиной спины, она поспешно и низко присела.

— Нам нужно господина капитана...— неуверенным голосом сказал Ленька.

— А-а! Пришли! — откликнулся из-за стола высокий человек в белом кителе.— Идите сюда поближе... Я не господин, а просто капитан,— с улыбкой сказал он, откидываясь на спинку стула и внимательно разглядывая вошедших.

Динка бросила на него быстрый взгляд и увидела загорелое лицо с блестящими темными глазами, ястребиный нос, загибающийся книзу, и подпирающий шею высокий воротник кителя.

— Поближе...— повторил капитан, словно клюнув воздух своим длинным носом.

Ленька двинулся на два шага вперед. Динка на всякий случай сделала еще один реверанс и удивленно подумала:

«Вот так нос! Если б Кате такой нос, то она разбила бы зеркало».

Потом взгляд ее скользнул по каюте... Она заметила, что койка капитана была подвесная, а стол и стулья привинчены к полу.

— Я слышал о тебе,— сказал Леньке капитан.

Голос у него был сочный, густой, и Динка, испугавшись, снова присела.

Капитан начал о чем-то спрашивать Леньку, как-то особенно внимательно и часто взглядывая на Динку, а она, заметив его взгляд, молча приседала с вытянутым, постным лицом. И чем больше она приседала, тем чаще и удивленнее взглядывал на нее капитан. Ленька тоже начал беспокоиться...

Но от испуга и тупого приседания в девочку вдруг вселился какой-то новый образ — полудурочки... Глаза ее приняли тусклое, сонное выражение, рот полуоткрылся, руки повисли вдоль тела...

Ленька, разговаривая с капитаном, потихоньку дергал ее за платье.

Динка поспешно закрывала рот и смотрела себе под ноги, стараясь сделать умное лицо; испуг ее давно прошел, так как капитан совсем не кричал в трубу, а говорил спокойным, звучным и приятным голосом, но новая роль молчаливой, тупой дурочки настолько властно овладела уже Динкой, что выкарабкаться из нее она никак не могла. И, представляя свой полураскрытый рот и бессмысленное выражение глаз, она с трудом удерживалась от желания тоненько замычать.

А Ленька, расстроенный и красный от волнения, дергал ее, шипел, сердился...

— Ну, что вы там шепчетесь? — недовольно спросил капитан.

Ему нравилось открытое, честное лицо Леньки и безмерно раздражала его тупая подружка. Совсем не то ожидал он увидеть, судя по рассказу Васи. И, вспомнив, как девочка, вступившись за товарища, повисла на бороде его хозяина, капитан неудержимо расхохотался. Неужели это была она?

— А ну-ка, поди сюда! — сказал он, поворачиваясь к Динке.— Так это ты схватила за бороду его хозяина?

Динка мгновенно насторожилась и, выскочив из своей роли, быстро ответила:

— Но у вас ведь нет бороды... И потом, вы же не будете бить Леньку?

Капитан провел рукой по бритому подбородку, и в глазах его забегали веселые смешинки.

— Леньку бить я не буду, но тебя с удовольствием вздул бы

за одни твои реверансы! Ну, что ты все время приседаешь? Что я тебе, учитель, что ли?

— Конечно, нет! Я просто так, из вежливости приседаю... Учитель — это плохое дело! — пожав плечами, ответила Динка.

Быстрая перемена в ее лице заинтересовала капитана.

— Вот как! — желая продолжить разговор, сказал он.— За что же ты так не любишь учителей?

— Я не то что не люблю, а просто не хотела бы иметь с ними никакого дела, потому что один раз я уже еле-еле унесла ноги из их гимназии.

— Ого! — усмехнулся капитан.— А учителя, верно, очень гнались за тобой?

— Нет, они не гнались,— махнув рукой, сказала Динка.— У них еще много осталось детей. Мне просто очень не понравилось сидеть в запертом классе и ждать звонка.

— Да-да, пожалуй... Для всех лентяев урок всегда идет очень долго! — сочувственно сказал капитан.

Его сочувствие расположило Динку, и, присев рядом на соседний стул, она начала рассказывать про гимназию:

— Вы знаете, даже сам Никич сказал, что в гимназии учатся одни белоручки! Ведь нам ничего не велят делать, и руки мы все время держим под партой, как будто они мертвые. Да еще в этом запертом классе все время разговаривает только одна учительница. И она такая эгоистка, что никому из детей не дает раскрыть рта!

— Но учительница знает больше, чем дети,— возразил капитан.

— Вовсе нет! Дети могли бы рассказать такое, что никакой учительнице не придет даже в голову! — убежденно заявила Динка.

Капитан снова засмеялся. Ленька, обрадовавшись, что Динка стала сама собой, весело кивнул головой.

— Она кого хочешь насмешит! — сказал он с гордостью и, желая оправдать в глазах капитана недавнюю дурость своей подружки, добавил: — А то ишь какой дурочкой притворилась!

— Я не притворилась... Я просто сильно запугалась, и у меня сделались куриные мозги,— пояснила Динка.

— Но почему же ты запугалась? Разве я такой страшный? — спросил капитан.

— Нет, вы оказались не страшный. Но ведь я же не знала, какие бывают капитаны... И потом, я всегда боюсь очень умных взрослых людей. Потому что в голове у меня такая суматоха...— засмеялась Динка, встряхивая своими кудрями.

— У тебя не в голове, а на голове суматоха. Вот Ленька поедет со мной в Казань и привезет тебе в подарок красивую ленту! — сказал капитан.

— Нет, не ленту, а красивые сапожки. Да, Лень?.. Он привезет мне красные сапожки! — похвалилась Динка.

Капитан, улыбаясь, взглянул на Леньку.

— Ну, где они еще... Это я так, подумал только...— застеснялся мальчик.

— Раз обещал, надо привезти,— сказал капитан и снова спросил Динку: — А ты не будешь скучать, когда он уедет?

— Я день и ночь буду...— вздохнула Динка и, соскочив со стула, подошла к Леньке: — Правда, Лень, мы обое будем очень скучать?

— Ничего...— сказал Ленька и, боясь, что она расстроится, стал поспешно прощаться.

— Не опаздывай. Послезавтра мы уходим,— напомнил капитан.

— Я не опоздаю! — сияя, сказал Ленька и легонько подтолкнул Динку к двери.— Попрощайся! — шепнул он ей.

Динка подошла к капитану, взяла обеими руками его руку.

— Прощайте! — сказала она.— Я еще приду проводить Леньку.

Глава шестьдесят седьмая

ГОРЬКИЕ МЫСЛИ

Домой Динка не шла, а бежала и тащила за собой Леньку.

— Пойдем скорей на утес,— говорила она.— Там это все забудется...

— Что забудется? — не понимал Ленька.

— Ну, вот этот пароход... и капитан...

— А что ж капитан? Разве он тебе не понравился? — удивился мальчик.

— Нет, понравился. Но ведь он сказал, что ты с ним уедешь,— вздыхая, говорила Динка.

— Вот глупая! Так мы же сами просили! — грустно усмехался Ленька.

Его тоже пугала близкая разлука, но при мысли, что теперь он станет настоящим человеком и будет служить на большом, красивом пароходе, даже предстоящая разлука казалась ему легче. Леньку радовало, что капитан действительно оказался простым и добрым человеком.

«Стараться буду вовсю!» — с благодарностью думал мальчик, представляя себе, как мчится он на зов капитана, быстрый, ловкий, сообразительный. Нравилось ему также, что он будет есть и спать вместе с матросами. Койки у них небось тоже подвесные, как люльки... Широка, глубока Волга, плывет по ней пароход «Надежда», на пароходе служит лихой матрос Леонид Славянов — не принято там называть по имени.

«Эй, Славянов!» — станут величать Леньку матросы, и вместе с собственной фамилией получит он собственное достоинство, придет в гости к Макаке, подаст всем руку. А пока... Что ж, пока надо расставаться. Может, на неделю, а может, и на две...

Ленька бросает украдкой взгляд на идущую рядом подружку, и мечты его тускнеют. Кажется, что в ней особенного? Суматошная она девчонка, беспокойная... А брось ее — и заскучаешь! Когда б еще знать, что не ревет она, не бегает, не ищет его. А то хоть вплавь бросайся и греби назад, да и только! «Вроде няньки я ей»,— с грустной усмешкой думает Ленька, ощущая в своей руке маленькую цепкую руку.

— Ты слышь, Макака... Не реви тут, как я уеду,— говорит он вздыхая.

Девочка поднимает на него глаза и молчит.

— Эх, ты,— говорит Ленька,— надсада...

Потом снова думает о капитане, о большом белом пароходе и матросском воротнике, только мысли эти короткие, не за что им зацепиться надолго; а вот та жизнь, с которой он расстается, имеет уже глубокие корни, крепко сидят эти корни в Ленькиной душе, глубоко вросли в нее.

— Ты спроси дома, не слыхать ли чего о Косте, а то уеду я и ничего знать не буду... И про дядю Колю узнать бы, а то ведь

толком ничего я о нем не слышал больше... А еще, может, Степана уже выпустили... Повидать бы его мне, когда приеду...— говорит Ленька.

— Пойдем к моей маме... У нас теперь все тебя знают, почему ты не идешь? — тоскливо спрашивает Динка.

— Я приду... Вот приеду и приду. А сейчас нет...— упрямится мальчик и, сдвинув брови, вспоминает свой ночной визит.— Шарахнулась тот раз от меня ваша Алина, как от жулика. А ты вот что скажи, если кто спросит...— Ленька вдруг поднимает голову и веско говорит: — Ты скажи: у него, мол, другая одёжа есть. Штаны черные, навыпуск, бескозырка с лентой и воротник матросский, ни разу не надеванный... При матери скажи, ладно?

— Ладно... Только зачем моей маме твоя одёжа? — удивляется Динка.

— А вот чтоб не жалела она меня, как нищего.

* * *

На утесе Ленька чувствует себя дома, и дети, забыв о предстоящей разлуке, весело болтают до самого обеда. Потом Динка уходит.

— Если мама и Катя приехали уже, то я не приду... А где ты будешь ночевать, Лень? — уходя, забеспокоилась она.

— Как — где? На утесе. Мне теперь наплевать, я себя переборол. Завернусь в твое одеяло и засну, как медведь в берлоге. Ведь последние ночки дома,— вздыхает Ленька.

— Как — последние? — пугается Динка.

— Ну эта да еще завтра... Конечно, последние! — говорит Ленька, но, взглянув на расстроенное лицо девочки, быстро меняет разговор.— Утром на баштан пойдем! Арбузов тебе нарву и ребятам закажу, чтоб без меня носили!

— Пускай,— соглашается Динка.— Мы их съедим, когда ты вернешься,— и, кивнув ему головой, ныряет в свою лазейку.

Под ногами уже шуршат опавшие листья, сад очень поредел, и сквозь желто-красные кусты далеко видно забор. Девочка оглядывается. Ленька стоит все на том же месте и смотрит ей вслед. Она быстро поворачивается и спешит назад.

— Ты что? — спрашивает ее Ленька.

— А ты что? — отвечает тем же вопросом девочка.

— Вот мартышка! — легонько дернув ее за вихор, хохочет Ленька.

— Ты сам Мартын! — веселится Динка и, схватив пригоршнями желтые листья, швыряет их в товарища.

Ленька тоже не остается в долгу. Наигравшись, они наконец расстаются. Только теперь первым уходит Ленька.

— Иди ты, а то мне очень скучно уходить,— говорит Динка.

Но едва скрывается среди деревьев длиннополый Ленькин пиджак, ей все равно делается скучно. В затуманенных глазах встает белый, как лебедь, пароход «Надежда» и новый, незнакомый Ленька в матросской рубашке.

* * *

Проходя мимо кухни, девочка отворачивается: там теперь живет Никич. Кряхтя и покашливая, поднимается он рано утром; потирая ладонью поясницу, выходит на порог, колет дрова, ставит самовар...

Динке не хочется встречаться с ним. Что-то разладилось в ее отношениях с Никичем. Один раз старик упрекнул ее за нечищеные кастрюли, другой раз назвал «барышней».

И правда, совсем не помогает в хозяйстве Динка: картошку чистит Мышка, посуду моет Алина, обед готовит Катя. А Динка все бегает да бегает... И за столом уже не стучит ложкой, не протягивает раньше всех свою тарелку, а ждет.

Сегодня и совсем будет совестно, потому что Катя уезжала и обед готовил Никич. Он может спросить:

«А вам, барышня, налить супу?»

У Динки делается совсем скверно на душе, и, пробираясь сторонкой мимо кухни, она спешит узнать, приехала ли Катя. На крокетной площадке слышен голос Алины. Она по-прежнему занимается с Анютой и сейчас объясняет ей скучным, печальным голосом:

— Мы будем еще долго жить здесь, а потом, может быть, уедем на Украину, потому что туда переводят дядю Леку...

Динка останавливается, прислушивается.

«Опять она про эту Украину! Мама же сказала, что еще ничего не известно»,— недовольно думает девочка. Им с Лень-

кой совершенно не подходят эти планы; лучше сидеть и сидеть на даче, пока не наступит зима и не остановится Волга. А потом... Но что будет потом, Динка не думает. Если еще думать далеко вперед, то вовсе не хватит головы. И, успокоившись, Динка идет на террасу. Там уже накрыт стол, и Мышка режет хлеб. Она прижимает весь каравай к груди и, покраснев от натуги, пилит его ножом прямо на себя.

— Пусти! Ты зарежешься! — хватая у нее нож, кричит Динка и, положив хлеб на стол, начинает резать сама.

— Нельзя на клеенке! Сними клеенку! — пугается Мышка.

— Ничего ей не будет, вашей клеенке! — ворчит Динка, отгибая с угла клеенку и бросая мельком взгляд на озабоченное лицо сестры.— Ты что такая? Разве Катя еще не приехала? — спрашивает она.

— Нет, Катя уже приехала... И дядя Лека приехал. Они пошли в сад поговорить...

— Дядя Лека приехал? — оживляется Динка и, вспомнив наказ Леньки узнать что-нибудь о дяде Коле, немедленно приступает к допросу: — Он что-нибудь сказал? Ты слышала? Он приехал веселый?

— Да, он очень веселый приехал. Он сказал, что какой-то Николай уехал со своей матерью за границу и что теперь уже все хорошо,— шепотом рассказывает Мышка, но глаза ее снова делаются грустными.— А Катя сначала обрадовалась, а потом сказала ему про Костю... И они пошли в сад.

Динка смотрит на Мышку; она рада за Ленькиного дядю Колю, но ей жаль Костю. Она так старалась защитить его во время обыска, и, уходя, он так ласково сказал ей: «Спасибо, умница».

У Динки набухает нижняя губа, ей тоже становится очень грустно.

— Подожди, Мышенька... А Катя ведь ездила — разве она ничего не узнала про Костю?

— Нет, она ничего не говорила... Она сказала только дяде Леке, что в полиции есть карточка Кости. И что это может повредить ему... А потом они ушли в сад...— шепотом добавила Мышка.

— И больше ты ничего не знаешь? — нетерпеливо спросила Динка, оглядываясь на сад.

— Нет... я знаю только, что и мама... приедет поздно,— совсем поникнув, говорит Мышка.

Динка быстро чмокает сестру в щеку:

— Ладно... я пойду пройдусь.

Но Мышка хватает ее за руку:

— Нет! Не мешай им! Ты, наверное, в сад... Но там Катя. Она плачет... Не ходи туда!

— Зачем мне мешать? Я же не сумасшедшая! Пусти,— вырывается Динка и для успокоения сестры бежит по дорожке в кухню.— Я к Никичу! — кричит она стоящей у перил Мышке.

Но она идет не к Никичу, а, скрывшись из глаз Мышки, тихонько идет вдоль забора. Ей хочется послушать, что рассказывает дяде Леке Катя. Ведь она ездила в город, к Косте...

Но нигде не слышно голосов. Динка пробирается на крокетную площадку. Катя и дядя Лека молча прохаживаются по дорожке. Когда они подходят ближе и останавливаются под большой березой, Динка видит, что Катя плачет, а дядя Лека ласково, как ребенка, гладит ее по голове... Динка садится в колючие кусты терна и затаив дыхание слушает... Но никто ничего не говорит, а дядя Лека вдруг крепко обнимает сестру и, прижав ее голову к своей груди, тихонько запевает: «Запад гаснет в дали бледно-розовой, небо звезды усеяли чистые...» Голос его звучит так нежно, так грустно поет он над плачущей Катей, что Динка глубже зарывается в кусты, и горячая жалость приливает к ее сердцу.

Соловьи свищут в роще березовой,
И цветами запахло душистыми...—

тихонько поет дядя Лека, и чем нежнее звучит его голос, тем тоскливее сжимается Динкино сердце. Теперь уже не одну Катю ей жаль — сердце ее разрывается от жалости ко всем, кого она любит. Всех, всех жалко Динке: и маму, и Костю, и Мышку, а больше всего себя... Надолго, надолго останется она без Леньки... Не придет к забору Ленька, не пойдут они вдвоем на утес... Не пойдет она туда и одна... Осиротеет утес, и вместе с ней будет глядеть он на Волгу: не появится ли пароход «Надежда»...

Знаю, что́ тебе в думушку вкралося,
Знаю сердца немолчные жалобы...
Не хочу я, чтоб ты притворялася
И к улыбке себя принуждала бы...—

поет дядя Лека, и горькие мысли Динки разрастаются. Все самое печальное собирается в ее сердце. Она вспоминает Лину... Уехала, бросила ее Лина... Никому не нужна Динка. Все заняты своими делами. Мышка жалеет Катю... Как сирота живет Динка, некому утешить ее песнями... Нет у нее брата.

Твое сердце болит безотрадное,
В нем не светит звезда ни единая...—

доносится из сада... Динка вытирает подолом мокрое лицо и сквозь слезы смотрит, как дядя Лека ласково гладит по голове прильнувшую к нему Катю...

«Папа! — вдруг вспоминает Динка.— Если б у меня был папа, он так же утешал бы меня...» Но папы нет, и девочке вдруг хочется вскочить, зареветь в полный голос, заорать на весь сад: «Папа!..»

Но в это время Катя поднимает на дядю Леку глаза и улыбается. Свежее, розовое лицо ее, обрызганное, как росой, слезами, кажется Динке нежным и красивым, как цветок. Катя уже не плачет, Катя улыбается; дядя Лека тоже улыбается, и Динка чувствует себя еще более одинокой и брошенной.

Выбравшись из кустов, она с опустошенным сердцем идет в дальний угол сада.

Глава шестьдесят восьмая

ПЕСНЯ-УТЕШИТЕЛЬНИЦА

Динка приходит на утес расстроенная, тихая. Ленька мешает кашу. Девочка усаживается рядом с ним... В ушах ее все еще звенит песня дяди Леки.

— Лень,— говорит она вдруг,— когда я заплачу, утешай меня песней.

— Чего? — вскидывая на нее глаза, удивленно спрашивает Ленька.

Динка тихо и упрямо повторяет свою просьбу.

— Еще что придумаешь! — усмехается Ленька.— Ты заревешь, а я запою! Цирк!

— Никакого цирка! — с обидой говорит Динка.— Так все братья утешают сестер, а у меня нет брата... И некому меня утешать...

— Как это — некому? — хмурится Ленька.— Я все равно что брат тебе, а ты говоришь: некому! Не ври уж лучше!

Но Динка горестно качает головой, и губы ее дрожат.

— Некому мне... петь...

Ленька оторопело смотрит на нее и, бросив ложку в котелок, подсаживается ближе:

— Да чего тебе петь? Вот ведь глупая! Сама глупая и другого человека дураком хочешь сделать!

— Пой мне...— всхлипывает Динка.

— Цирк! Ей-богу, цирк! — с недоумением качая головой, говорит Ленька.

— Пускай цирк...— уже по-настоящему ревет Динка.

— Вот ведь беда! Бедовская беда мне с тобой! Ну, давай буду петь, только молчи! — сердится Ленька.

Динка замолкает и, вытирая слезы, искоса смотрит на своего утешителя.

— «У попа-то рукава-то — батюшки! Ширина-то долина-то — матушки!» — весело выкрикивает Ленька и, усмехнувшись, спрашивает: — Хватит, что ли?

Слезы Динки сразу высыхают, глаза загораются злыми огоньками.

— Ты совсем не то поешь! Просто как дурак какой-нибудь! — сердито кричит она.

— Ну вот! Теперь злишься, а сама ведь сказала: «Я буду реветь, а ты пой!» — хохочет Ленька.

— «Сказала, сказала»! Зачем мне про попа какого-то. Надо вот какую песню...

Она вытирает ладонью глаза и, глубоко вздыхая, старается войти в настроение другой песни.

— Сейчас... только отозлюсь,— тихо говорит она, видя, что Ленька ждет.

— Ну ладно, отозлись... А то подожди, поедим каши...— мирно соглашается Ленька, пробуя разваренную бурую жидкость.

Но Динка не хочет каши.

— Вот, слушай! — говорит она.— И сразу выучи эту песню...

— Ладно! — весело кивает Ленька, с улыбкой глядя в изменившееся лицо девочки.

Запад гаснет в дали бледно-розовой,
Небо звезды усеяли чистые...—

медленно запевает Динка, копируя дядю Леку. Лицо у нее делается проникновенно-грустное, в голосе слышится глубокая, недетская тоска...

Сердце Леньки сжимается... И, как всегда, он оправдывает подружку одними и теми же словами: «Маленькая она, глупая. Ну, скапризничала, просит петь... А зачем мне ее дразнить! Петь так петь!»

И, подтягивая за Динкой песню, он искренне старается запомнить слова и мотив... Динка довольна, глаза ее блестят, растревоженное сердце успокаивается.

И, только уходя уже домой, она вдруг вспоминает, что не передала Леньке услышанные от Мышки новости.

— Лень! — торопливо говорит она.— А дядя Коля уже за границей вместе со своей матерью... А про Костю ничего не известно, только в полиции есть какая-то карточка...

Ленька всплескивает руками, в глазах его радость и укор.

— Что ж ты молчала? Два часа я за тобой, как дьячок на клиросе, твою песню вытягивал, а про главное ты молчала?! — возмутился он.

— Песня — тоже главное...— пробует оправдаться Динка.

Но Ленька уже не слушает ее, а смотрит куда-то далеко-далеко, за Волгу, за желтеющий на той стороне реки лес; может быть, ему кажется, что где-то в этой дали скрывается «заграница»...

— Дядю Колю теперь не достать! Вот еще Костю да Степана жаль...— Он поднимает вверх сжатые кулаки, и серые глаза его

вспыхивают гневом.— Эх, разбить бы эту тюрьму, раскидать ее по камушку!

А про Костину карточку Ленька и не думает.

«Это так что-нибудь... Карточка к делу не касается. Это просто фотография».

Глава шестьдесят девятая

ТРЕВОЖНЫЕ ВЕСТИ

Олег и Катя с нетерпением ждали Марину. Динка тоже ждала мать и ни за что не хотела ложиться.

— Я дождусь и тогда лягу,— упрямо отвечала она на все уговоры.

Но Динка не дождалась и заснула не раздеваясь.

Марина приехала с последним пароходом, усталая и расстроенная. Она даже не зашла к детям, а сразу заперлась в своей комнате с Олегом и Катей. Новости были плохие. Фотографическая карточка Кости, заботливо доставленная в полицию сыщиком Меркурием, вызывала подозрение, что организатор весеннего побега из тюрьмы Григорий Мордуленко и Костя — одно и то же лицо.

Настоящей фамилии Кости Меркурий не знал, хотя долгое время числился в среде товарищей своим человеком... Это затрудняло сыщику поиски, пока он не побывал на даче Арсеньевых...

Новый дерзкий побег, освободивший из тюрьмы важного политического преступника Николая Пономаренко, поставил на ноги всю полицию. Сыщик Меркурий предполагал, что Костя снова принял участие в организации побега и что вместе с Николаем Пономаренко временно скрывается на даче у Арсеньевых... С этой целью в день побега он выехал на Барбашину Поляну и вечером пробрался в сад, под окно Марины... О флигеле на даче Крачковских он, очевидно, не знал или не предполагал, что известные в городе богачи и аристократы Крачковские приютят у себя политического преступника.

План Меркурия — немедленно сообщить в полицию о местонахождении Кости и Николая — провалился, и сам сыщик бесследно исчез... Казалось, против Кости не было серьезных

улик, но фотографическая карточка, под которой стояла подпись: «Григорий Мордуленко», новый побег из тюрьмы и самое исчезновение сыщика вызывали тяжелые подозрения...

Все это, волнуясь и торопясь, рассказала брату и сестре Марина.

— Выдать Костю могла бы только квартирная хозяйка, у которой он был прописан как Мордуленко, но товарищи уже приняли меры, и сегодня у меня было свидание с этой женщиной...— оживленно добавила Марина.

— Как, ты виделась с ней? — быстро спросила Катя.

— Конечно. Виделась и говорила... Это очень бедная женщина, вдова какого-то чиновника; у нее пятеро детей.

— Она поставила какие-нибудь условия? — живо спросил Олег.

— Никаких условий! Она очень хорошо помнит Костю. И как начала мне рассказывать, сколько он сделал для нее и для детей... Я просто не знала, как остановить ее: говорит и говорит... А я сижу волнуюсь... Ну, потом наконец рассказала ей, в чем дело... И оказалось, что назавтра ее уже вызвали в полицию... Хорошо, что я не опоздала. Она, конечно, не признáет в Косте своего бывшего постояльца Мордуленко, но беда в том, что даже в разговоре со мной она все время называет его Гришей.

— Это ужасно!.. Она просто может ошибиться! — взволновалась Катя.

— Так ты бы хорошенько внушила ей,— покачав головой, сказал Олег.

— Ну конечно... она все понимает, но в ней избыток искренности, и вообще она привыкла к этому имени! — пожала плечами Марина.

Все трое замолчали. За дверью раздался тихий шепот Алины:

— Мамочка, это я...

Марина открыла дверь.

— Я на минутку...— сказала Алина, встретив неодобрительный взгляд дяди Леки, и поглядела на низко опущенную голову Кати.— Мама! Ты рассказываешь что-то плохое? Разве я не могу знать о Косте, ведь он все-таки доверял мне...— обратилась она к матери.

— Пока ничего нет хорошего, Алиночка!.. А это главное. Завтра я все тебе расскажу... а пока иди спать,— устало откидываясь на спинку стула, сказала Марина.— Мы тоже ляжем сейчас!

— Мама, и еще я хотела спросить... Почему мы не переезжаем в город? — снова сказала Алина.

— Потому что нам здесь спокойнее. В городе сейчас проходит волна арестов, и товарищи просили меня впредь до их распоряжения пожить на даче... Вот я получила на днях коротенькую записку... Ты знаешь, кто нам пишет...— улыбнулась мать.

Алина кивнула головой и, не решившись спросить, как же будет с ее гимназией и с переездом на Украину, ушла.

Олег поглядел ей вслед и покачал головой, потом вдруг, вспомнив что-то, быстро сказал:

— Ну, а где же этот мальчик Николая? Вот этот Бублик-Леня, что ли?

— Ах да! — вспомнила Марина.— Приходил он? — спросила она Катю.

— Нет, не приходил... Но Динка, наверное, видела его...

— Надо сказать, чтобы он обязательно пришел. Но я бы хотела, чтобы первый раз это было при мне. Говорят, он очень независимый и самолюбивый мальчик, надо как-то убедить его... Я говорила с товарищами...— взволновалась Марина.

— Ну, я думаю, ты сумеешь... Тем более он так привязан к Динке... Только не будет ли тебе трудно все-таки, знаешь... Со своими ты как-то справляешься, а ведь это мальчишка...— озабоченно сказал брат.

— Не знаю... Но он, кажется, очень хороший... Помимо всяких его подвигов с этими бубликами и с револьвером, он просто трогательный какой-то... в отношении к Динке... И вообще, ему двенадцать лет. Это уже большой мальчик! Мне с ним, может быть, легче будет... Только надо как-то сразу взять правильный тон...— задумчиво сказала Марина.

Катя подняла на Олега измученные, выплаканные глаза:

— Не знаю... Но мне кажется, что этот мальчик — новое осложнение в нашей жизни... Ведь если Костю вышлют, я поеду за ним... я не могу оставить его одного... А что будет здесь?

Наши дети да еще этот мальчик... Марина не справится с четырьмя детьми...

— Ну в крайнем случае она отдаст его в пансион... Товарищи ведь ни на чем не настаивают, они, конечно, хотели бы поместить мальчика в семью,— сказал Олег.

— Ну, это все впереди, а сейчас надо мне повидать его... Ведь уже осень и холодно... Где он живет?

— Динка знает, конечно, пусть позовет его, когда ты будешь дома,— сказала Катя.

— А когда я буду дома? Завтра, наверное, опять задержусь... Динке пока ничего говорить не надо, а то она сейчас же передаст, и выйдет какая-нибудь ерунда...

— Да, это надо пока скрыть от нее, да и от других девочек тоже... Тут нужна Маринина подготовка,— улыбнулся Олег.

Разговор снова вернулся к Косте.

— Конечно, он знает, что товарищи думают о нем, заботятся, хлопочут. Но каково ему в одиночной камере! — покачала головой Марина.

— Его посадили в одиночную? — страдальчески морща брови, спросила Катя.

Марина с огорчением посмотрела на нее:

— Катя, нам нужно еще много сил! А тебе особенно... Скрепи свое сердце, нельзя так поддаваться горю... Ты всегда была такая стойкая!

— Все разбилось, Марина... Впереди неизвестность... Если Костю сошлют... Ехать за ним? Оставить тебя, детей? — тихо сказала Катя.

— Да, оставить нас и ехать! Поскучаем, поплачем, будем писать друг другу... Но что же делать? Надо быть решительной, Катя! И главное, нельзя опускать голову!

Катя беспомощно, по-детски прижалась к плечу брата и закрыла глаза.

— Не ругай ее,— сказал Олег.— Мы с тобой уже многое пережили, а у нашей Катюшки это первое большое горе. Справится и она с ним... Но не сразу, постепенно... Да, Катюшка?

Катя кивнула головой и еще крепче уткнулась лицом в плечо брата. В комнате наступила тишина. Из детской было слышно сонное дыхание Мышки и Динки.

Глава семидесятая

ПЕРЕД ОТПЛЫТИЕМ...

В последний день перед отплытием Ленька снова сбегал на пароход. Капитан встретил его приветливо, вызвал в каюту толстого пароходного кока и приказал временно взять мальчика к себе в помощники.

— Откорми его там хорошенько, Никифорович! Чтоб через две недели я не видел этих украшений! — сказал капитан, указывая на торчащие лопатки Леньки.

Круглолицый, румяный, как на картинке, кок подмигнул мальчику:

— Подправим! Это дело в наших руках!

Леньке показали койку, где он будет спать, выдали постельное белье, научили заправлять одеяло...

Обо всем этом, захлебываясь от восторга, мальчик рассказал Динке.

— И про тебя капитан спрашивал: «Чего, говорит, не пришла? Славная, говорит, у тебя подружка!» — с гордостью добавил он.

Пароход «Надежда» уже принял груз и готовился к отплытию в шесть часов вечера.

— Еще не скоро... Все матросы на берегу... Я Васю видел, он с артелью в чайной обедал... «Садись, говорит, с нами!» Но я только воблу купил и ушел... Давай сходим еще на баштан, я ребятам напоследок арбузов натаскаю! — предложил Ленька.

Они пошли на баштан. День был солнечный, над головой кружились белые пушинки, желтые и красные листья делали все вокруг нарядным, праздничным. В пожелтевшей траве доцветали поблекшие васильки и ромашки... Динка шла, крепко держась за руку своего товарища. Ленька был лихорадочно весел, все время вспоминал капитана, и оба они, не чувствуя приближающейся разлуки, болтали о пустяках...

— «Запад гаснет в дали бледно-розовой...» — бойко запевала Динка.

— «Небо звезды усеяли чистые...» — звонким мальчишеским голосом подтягивал Ленька и, прерывая себя, говорил: — Эх и сапожки привезу тебе! Красные, с серебряными подковка-

ми... Сафьяновые!.. Вот поставь ногу на мою ладонь — я длину смеряю!

Он опустился на корточки, положил на траву руку с растопыренными пальцами. Динка поставила на его ладонь свою пыльную босую ногу и весело наказала:

— Самые красненькие привези!

— Что ни на есть красные! — подтвердил Ленька.

— И с подковками...— сказала Динка.

— Это уж обязательно! — кивнул головой Ленька.

На баштане мальчишки встретили их весело, угостили лучшим арбузом. Трошка и Минька были тут же. Ребята уже знали от них, что Ленька теперь станет матросом, и обращались с ним почтительно.

— В кругосветное не пойдешь? — спрашивал рыжий, веснушчатый Васька, подмигивая одним глазом.

— Может, и пойду... А сейчас в Казань плывем! — важно ответил Ленька, подтягивая свои залатанные штаны и подбрасывая вверх подаренный Динкой перламутровый ножичек.

— Это известно... Сначала в Казань, по Волге, а там, глядишь, и по океану,— соглашались ребята.

— А что, капитан твой по морде бьет аль нет? — спрашивал черненький мальчик, похожий на испуганную птицу.

— Ну да! Такого капитана по всей России поискать, так не сыщешь! Он своих матросов и пальцем не тронет! — хвастался Ленька.

— Ну, а как внутри парохода? Машины и прочее... Глядел ты? — завистливо спрашивали мальчишки, которым никогда не удавалось пробраться внутрь парохода.

Ленька начал рассказывать; мальчишки слушали, раскрыв рты и вставляя свои замечания; а Динка, восседая среди них, молча, с уважением глядела на Леньку... Трошка и Минька, чувствуя себя более близкими приятелями будущего матроса, старались держаться поближе к нему и Динке.

— Он пошел тот раз к капитану, а мы с пристани глядели...— вставлял Минька.

А Трошка, улыбаясь во всю ширь своего круглого, румяного лица, указывал пальцем на Динку:

— Она тоже с им на пароход ходила...

Насладившись беседой о дальних и ближних плаваниях,

припомнив вычитанные из книг и прослышанные где-то страшные истории про морских пиратов, мальчишки вспомнили про баштан.

— Хошь, чичас накрадем тебе арбузов на дорогу? — предложил Леньке веснушчатый паренек.

— Куда я на пароход с арбузами пойду! — усмехнулся Ленька.

— В плавание — да с арбузами! Сообразил тоже! — смеясь, подхватили мальчишки.

— Там он и так сыт будет. Матросский харч завсегда хороший,— сказал Минька.

— Ну, это не скажи... Как где. Это от капитана зависимо... Ежели он себе не скрадет,— задумчиво поковырял в носу рыжий Васька.

— Мой не скрадет! — строго сказал Ленька.— Харч у него знатный. Хлеба сколько хошь и шти с мясом!

Мальчишки с завистью посмотрели на него.

Увидев их голодные глаза, Ленька заторопился:

— Сейчас я вам натаскаю этих арбузов целую кучу! Может, продадите да хлеба купите! — сказал он, выдалбливая себе арбузный шлем.

Мальчишки оживились, подтянули штаны и живо распределили роли, кому где стоять... Динка с нетерпением ждала конца их приготовлений. Между тем Ленька уже надел на голову свой арбузный шлем и по-командирски распорядился рыть волчьи ямы.

— Сейчас выкачу вам штук сорок, а то и поболе. А вы прячьте в ямы... А то скоро баштанщики все арбузы снимут, тогда и останетесь ни с чем! — предупредил он, отправляясь на «охоту».

Мальчишки во главе с Васькой, отыскав в овражке укромное местечко, принялись рыть яму... Кто-то сбегал за лопатой и топором...

А с баштана Минька и Трошка уже скатывали в овраг добытые Ленькой арбузы...

Динка, не в силах долго сидеть в бездействии, начала собирать хворост, чтоб завалить им волчью яму... Время шло незаметно, Минька и Трошка уже натаскали целую гору арбузов, когда потный и усталый Ленька наконец вернулся.

Мальчишки бросились рассовывать «урожай» по кустам; часть прятали в неглубокую свежую яму и заваливали хворостом.

Прощался Ленька со всеми за руку и, кивнув на Динку, сказал:

— Вот ей без меня пару арбузов снесите! Трошка знает, где она живет.

— Я знаю, я найду...— заторопился Трошка, а все мальчишки дружно подтвердили, что самый что ни на есть лучший арбуз будет выделяться Динке.

С баштана пошли на утес.

На утесе пробыли долго, пили чай, говорили о последних событиях, вспоминали сыщика.

— А что, Лень, может, и он где-нибудь плывет до Казани? — испуганно спросила Динка.

— Ну, какая ему Казань...— хмуро сказал Ленька.— Он, скорей всего, тут где-нибудь, в камнях, застрял... Ведь не нашли тело-то...

— Фу!..— брезгливо поежилась Динка.— Не стоит говорить о нем...

— Ну, а когда б был жив, то несдобровать бы Косте,— серьезно сказал Ленька и, придвигая к девочке разложенные на плоском камне кусочки сахара, переменил разговор: — На, доедай! Когда еще вместе чай пить будем! Может, я из Казани конфет привезу! — снова размечтался он.

Динка с удовольствием слушала его мечты. Они были все те же: красные сапожки с серебряными подковками. Теперь к ним прибавлялись конфеты и пряники, расписные казанские. С этими конфетами и пряниками они будут пить чай, когда Ленька вернется. А к тому времени, может, выпустят Костю и Степана... Тогда они пойдут ходить по гостям. Сначала к Динке домой, потом к Степану... На брюках чтоб ни пылинки... бескозырка на одном ухе... ленты на плече... Матрос — человек при своем деле...

Динка слушала, Ленька мечтал, а время шло.

Глава семьдесят первая

«ЗАПАД ГАСНЕТ В ДАЛИ БЛЕДНО-РОЗОВОЙ...»

Заходящее солнце освещает темные волны большой реки. Пароход «Надежда» готов к отплытию... Чуть-чуть поднимаются и опускаются около пристани его белоснежные борта, нетерпеливо роет воду серебряный нос... Редкие пассажиры, едущие в Казань, расположились на палубе; между ними мелькают веселые, загорелые лица матросов. Динка стоит на пристани, прижавшись головой к гладким деревянным перилам. Весь день отъезд Леньки казался ей еще далеким и ненастоящим, но сейчас, когда из трубы парохода уже с пыхтением вырывается пар, сердце ее сжимается от горя. Испуганная и притихшая, она растерянно смотрит то на пробегающих мимо матросов, то на стоящего рядом Леньку.

— Макака... погляди! Вон где капитанский мостик-то... И труба тама...— стараясь отвлечь ее от грустных мыслей, говорит мальчик. Но голос его постепенно затихает, и в глазах появляется тревога.

— Лень... ты сейчас уже... совсем уедешь? — беспомощно оглядываясь вокруг, спрашивает Динка.

— Я скоренько... Только туда и обратно, ты не бойся,— теряясь от ее вопроса, торопливо уверяет Ленька.

— А я... как же... пойду одна домой? — все так же растерянно спрашивает девочка.

— А ты бережком, бережком... по песочку — и домой... Ладно? А я тебе сапожки красные... с подковками,— наклоняясь к ней, расстроенно говорит Ленька.

Но Динка, не спуская с него испуганных глаз, медленно качает головой:

— Не надо... Мне ничего не надо, Лень...

Капитан в белоснежном кителе быстро взбегает по сходням и, остановившись наверху, машет рукой грузчикам:

— До свиданья, ребята! Ждите через недельку-другую.

— Счастливо возвратиться! — дружно желают ему грузчики, толпясь около сходней.

Капитан бросает взгляд на стоящего у перил Леньку.

— Прощайся, прощайся! — кивает он ему головой.— Сейчас отправляемся!

— Макака...— взволнованно шепчет Ленька.— Я пойду... Я оттуда глядеть на тебя буду... Ладно?

И, не дожидаясь ответа, он бросается вслед за капитаном.

— Макака!.. Я вот где!..— кричит он через секунду уже с палубы, налегая грудью на перила.

Динка поворачивает голову, ищет его взглядом.

— Вот я! Вот я! — кричит Ленька.

Матрос, проходя мимо, легонько толкает его в спину:

— Не ори... Это тебе не дома. Раньше прощаться надо...

Из трубы парохода вдруг вырываются черные клубы дыма, резкий гудок оглушает пассажиров... Сходни поспешно убираются...

— Отдать концы! — командует с мостика капитан.

Матросы втягивают тяжелые канаты, за кормой, вздымая пенистые брызги, бурлит винт, сбоку медленно поворачивается огромное колесо, и пароход отрывается от пристани.

Динка громко всхлипывает и закрывает руками лицо.

— Макака... не плачь!..— налегая на перила, кричит Ленька.

Но девочка горько плачет, и, по мере того как растет темная щель между пристанью и пароходом, плач ее становится все громче и жалобней...

— Макака!..— в отчаянии мечется по палубе Ленька.— Макака! Не плачь! Слушай!

Запад гаснет в дали бледно-розовой,
Небо звезды усеяли чистые...—

перегнувшись через перила, выкрикивает он высоким срывающимся голосом.

Девочка поднимает залитое слезами лицо и прислушивается. За спиной Леньки переглядываются пассажиры, добродушно посмеиваются матросы... Капитан поворачивает голову и смотрит на пристань. Горькая, залитая слезами улыбка бродит по лицу девочки.

— Полный вперед! — командует капитан.

Все быстрее и быстрее вертятся колеса, все дальше и дальше отступает пристань... Уже далеко над Волгой рвется с удаляющегося парохода звонкий мальчишеский голос... И плач на берегу затихает.

Глава семьдесят вторая

ДАЛЕКО ЛИ СИБИРЬ?

На другой день шел дождь. Он шел и шел вперемешку с Динкиными слезами, желтые листья прилипали к мокрой земле, сухими завитушками плавали в лужах; ветер гнул в саду деревья, и ветки их нещадно хлестали друг друга, царапая стекла окон и теряя последнюю осеннюю листву. Алина и Мышка прибегали из кухни с посиневшими руками, кутались в старые платки. Никич, держась за поясницу, подкладывал в плиту дрова... Ни мамы, ни Кати не было... По хмурому виду Никича и по бледному встревоженному лицу Алины Динка чувствовала, что с Костей что-то случилось нехорошее, но спросить было некого. Мышка знала только, что мама и Катя повезли в город какие-то теплые вещи, папино пальто, меховую безрукавку и валенки... Все это они собирали спешно вчера вечером, рылись в папиных вещах, в старом, обитом жестью сундуке...

Динка пришла с пристани наплакавшаяся и усталая; еле волоча ноги, она добралась до своей постели и сразу уснула. Никто не обращал на нее внимания, одна Мышка, ложась спать, подошла к сестре и попробовала сунуть ей под мышку градусник; но Динка так брыкнула во сне ногами, что Мышка отошла ни с чем... Подумав, она поставила градусник себе и, проспав с ним до утра, отнесла в мамину комнату. Бедной Мышке казалось, что все больны; она мало что знала о происходящих событиях, но видела вокруг себя бледные, осунувшиеся лица, слышала тревожные тихие голоса в комнате матери... Мышка знала, что все разговоры сейчас касаются Кости, который арестован и сидит в тюрьме... Страдая за всех и за каждого в отдельности, Мышка плохо спала, в тревожные ночи огромная жалость разрывала ее сердце, топила в слезах подушку. Увидев, как младшая сестра бессильно свалилась вечером на постель, Мышка решила, что она заболела. Но утром Динка встала, умылась, помыла в луже ноги и, захолодав на ветру, вернулась в комнату.

— Ты здорова? — с беспокойством спросила ее Мышка.

— Да,— коротко ответила Динка, глядя на нее безразличным, отсутствующим взглядом.

— У тебя какое-то длинное лицо...— испуганно сказала Мышка, вглядываясь в застывшие, словно замороженные, черты, втянутые щеки и посеревшие глаза сестры.— Улыбнись скорей, не смотри так! — взмолилась она, пораженная странной переменой, происшедшей в этом живом, смешливом лице, знакомом ей до последней черточки.

Динка махнула рукой и ничего не ответила.

Чай пили в комнате... На столе нарезанный большими кусками хлеб и чашки без блюдец выглядели скучно и неуютно. Масла не было.

— Посоли хлеб и ешь... Вот горбушечку бери,— сказал Динке Никич.

— Я посолю сахаром,— отодвигая соль, сказала Динка.

Мышка и Алина отщипывали корочки хлеба и ели молча. Каша Никича, сваренная на воде, пропахла дымом, и никто не стал ее есть.

— Проголодаетесь, так съедите,— спокойно сказал старик, унося продымленную кастрюлю в кухню.

«Мы, наверное, стали очень бедные»,— равнодушно подумала Динка, вылезая из-за стола. И, вспомнив слова Леньки о том, что на пароходе «Надежда» знатный «харч», повеселела.

Дождь все еще шел, мелкий, тягучий, досадный, но Динка не могла усидеть дома... Ее тянуло к утесу... на обрыв. Казалось, где-то там еще ждет ее Ленька... Она прошла по скользкой тропинке; измокшее платье липло к ее коленям, с кустов и деревьев сыпались на голову крупные капли дождя, ветер холодил спину... На обрыве Динка остановилась... Внизу сердито шумела Волга... Динка несмело подошла к доске, которую Ленька второпях забыл убрать.

«Сяду в пещере, там сухо»,— подумала Динка, но перед ней встало испуганное лицо Леньки... Она вспомнила данное ему обещание не переходить одной на утес и поспешно отступила. На обрыве в примятой пожелтевшей траве валялись обгрызенные половинки арбуза. В одной из них, как в розовой чашке, стояла вода... Динка села около этих двух половинок.

«Одна моя, одна Ленькина...»— подумала она и снова взглянула на утес.

Там еще лежали котелок и две миски, из которых они пили чай... Но доска была мокрая, скользкая, и откуда-то, словно

издалека, Динке слышался предупреждающий голос Леньки: «Не ходи!..»

— Нет, Лень, нет! Я не пойду, не бойся! — громко ответила она и задумалась.

«Недельку-другую...» — сказал капитан. Динка насчитала четырнадцать дней и с упавшим сердцем пошла домой.

— Четырнадцать дней, четырнадцать дней,— повторяла она, растопыривая пальцы обеих рук.— Даже пальцев не хватает у меня...

Домой Динка пришла промокшая насквозь, с красными, окоченевшими руками, но ни от дождя, ни от ветра она не пряталась и от калитки шла не спеша, покусывая сорванную по пути травинку.

— Вот бесчувственная! Дождь идет, а ее вроде и не касается! — ворчал, стоя на террасе, Никич и, не выдержав, прикрикнул: — Чего разгуливаешь? И так вся мокрая как мышь! Схватишь насморк или кашель, тогда возись с тобой!

— Это у тебя все насморки да кашли...— буркнула Динка и, войдя на крыльцо, встряхнулась, обдавая Никича фонтаном брызг.

— Стой, стой! Чтоб тебя мухи съели! Чего встряхиваешься, как кудлатка... Снимай с себя все мокрое. Не ходи в комнату — наследишь везде! Несуразница ты эдакая! — замахал на нее руками старик.

Динка встряхнулась еще раз и громко засмеялась. Это был первый смех после отъезда Леньки.

Из комнаты вышла Алина и велела сестре немедленно раздеться. Мышка принесла сухое платье, чулки... Динка переоделась и хотела уже идти в комнату, как калитка стукнула и Алина громко ахнула:

— Катя!

Катя, согнувшись под тяжестью узла и надвинув на лоб мокрый шарфик, с трудом шла по дорожке. Никич бросился к ней навстречу, за ним поспешила Алина... Мышка, не смея высунуться под дождь, ждала на крыльце... Только что переодетая и высушенная Динка стояла у перил и смотрела на подходившую тетку... Лицо у Кати было усталое, измученное.

— Назад? — спросил Никич, указывая на узел и взваливая его себе на спину.

— Костю увезли... сегодня ночью...— чужим, упавшим голосом сказала Катя.

Алина испуганно метнула глазами на Никича и, опустив голову, пошла рядом с Катей.

— Марина знает? — спросил Никич, подходя к террасе.

— Знает... Мы были вместе.

Они вошли на крыльцо; Никич положил на стол узел... Мышка бросилась к Кате, обхватила обеими руками ее мокрый жакетик. Катя нагнулась, обняла девочку.

Наступило тягостное молчание...

Никич закашлялся.

— Д-да... вот так... значит... Без суда и следствия...— пробормотал он.

Катя выпрямилась, блеснула зелеными глазами.

— По высочайшему повелению... В тобольскую тюрьму... Как государственного преступника!..— отрывисто, с ядовитой усмешкой и ненавистью сказала она.

Алина, прижав к груди руки, большими остановившимися глазами смотрела на тетку. Динка вспомнила, как ласково прощался с ней Костя...

В горле у нее защекотало, она отвернулась... У Никича затряслась голова, и, пробежав мелкими, старческими шажками через террасу, он схватил со стола самовар и потащил его в кухню...

Холодный ветер вместе с дождем полоснул Динку по лицу, она отодвинулась от перил и тревожно спросила:

— А где это тобольская тюрьма? Это далеко? Там холодно?

Но ей никто не ответил. Катя молча обнимала старших девочек, и все трое молчали.

Динка потрогала Катин узел и тревожно заходила по террасе, припоминая вслух, в чем был одет Костя, когда его увела полиция.

— На нем была куртка... и летнее пальто... А шапку он не мог найти... его увели без шапки...— Она вдруг остановилась посреди террасы и тихо попросила: — Скажите же кто-нибудь, где тобольская тюрьма? Там холодно? Там Сибирь?

Но вопросы ее казались праздным и неуместным любопытством в этот тяжелый момент.

— Молчи! — отрываясь от плеча тетки, сказала Алина.— Стыдно тебе! У нас горе, а ты...

Динка широко раскрыла глаза, растерянно улыбнулась.

— У вас горе?..— переспросила она и, почувствовав себя одинокой и лишней, поспешно вышла.

Глава семьдесят третья

ГДЕ ЛЕНЯ?

К вечеру приехала Марина. Как всегда, она внесла в поникшие сердца бодрость и надежду. Костя действительно был выслан, но никаких важных улик против него не было. Вызванная на очную ставку квартирная хозяйка показала, что жилец, по фамилии Мордуленко, был человек пожилой и ничего общего с Костей не имеет.

«Этого я и в глаза не видела... Напрасно вы меня и побеспокоили»,— обиженно говорила вдова, не глядя на Костю.

Улик не было; но среди рабочих, которые хорошо знали и любили Костю, начались волнения. Испуганное тюремное начальство доложило о беспорядках, и по «высочайшему повелению» Костя был срочно выслан в Тобольск.

Марина рассказывала все это громко, не скрывая от детей.

— Единственная улика — это карточка Кости, доставленная в свое время Меркурием. Но сыщик исчез, и доказательств нет...— взволнованно заключила Марина, глядя на сестру.

— Да, но полиция ведет розыски... И ей уже известно, что в день своего исчезновения этот Меркурий был здесь. Известно и про ночные выстрелы, и про то, что Костя в это время был на даче у Крачковских...— с опасением сказала Катя.

— Ну и что ж? — пожала плечами Марина.— Мало ли кто был на даче! Все это недоказуемо... А Меркурий уже не появится!

— Конечно, не появится! — вдруг весело сказала Динка.— Его давно съели раки.

Взрослые с удивлением переглянулись; на щеках Марины вспыхнул румянец.

— Не смей говорить о том, чего ты не знаешь! — потеряв на

минуту самообладание, закричала она на девочку.— Не смей! Слышишь, не смей!

Динка испуганно попятилась, она никогда не видела мать такой сердитой.

— Я же молчу... я только вам сказала...

Но Марина уже взяла себя в руки:

— Ты большая девочка, Дина, и если мы что-нибудь говорим при тебе, то это только потому, что мы знаем, что ты все понимаешь и будешь молчать. Всякая лишняя болтовня может очень повредить Косте...

Марина, чувствуя себя виноватой, не нашла больше слов и с досадой замолчала. Бледное лицо Кати выражало упрек и недовольство. Никич тоже хмурился. Алина обиженно дулась... И все молчали...

Динка не могла перенести этого молчания.

— Я знаю больше всех вас, но я никому не скажу, потому что это страшная тайна, а я не выдавальщица! — с обидой сказала она и, уткнувшись в плечо матери, заплакала.

— Ну, будет, будет! — нахмурилась Марина и быстро переменила разговор.— Завтра воскресенье, я буду дома. Скажи своему Лене, чтобы он обязательно пришел. Мне надо очень серьезно поговорить с ним.

— Он придет,— всхлипывая, сказала Динка,— только не завтра... Он придет в новой одёже, у него уже есть ненадеванный матросский воротник... и бескозырка... Он придет...

— Какая бескозырка? Я ничего не понимаю! Скажи, чтоб обязательно пришел завтра, Дина... Я буду дома...— нетерпеливо перебила ее Марина.

Динка вытерла слезы и глубоко вздохнула:

— Он уехал, мама... На пароходе «Надежда». Его взял хороший капитан... Там будут давать знатный харч...

— Подожди! — взволнованно остановила ее Марина; Катя и Никич тоже вопросительно смотрели на девочку.— Говори правду! Где Леня? Послушай меня внимательно! Ты знаешь, кто такой дядя Коля? Ты слышала о нем когда-нибудь?

Динка снисходительно усмехнулась:

— Конечно, слышала.

— Тебе говорил Леня? Так вот, дядя Коля хочет, чтоб мальчик учился и стал настоящим человеком... Он просил всех

своих товарищей устроить Леню в хорошую семью, чтобы он ни в чем не нуждался,— стараясь объяснить Динке, чтобы она не упорствовала и говорила правду, волновалась Марина.— И если ты не приведешь его завтра, когда я свободна...

— Но я же говорю тебе, мама, что он уехал! Он нанялся служить матросом! — взволновалась, в свою очередь, Динка и, чувствуя на себе недоверчивые взгляды, сердито добавила: — И он ни в какую семью не пойдет! Он не нищий. У него есть новая одёжа и харч... И подвесная койка. Он поехал в Казань. Это такой город на Волге... Но он приедет. И привезет мне красные сапожки, вот! — с гордостью глядя на всех, закончила Динка.

Взрослые переглянулись.

— Это, очевидно, правда...— неуверенно сказала Марина.

Катя чуть приметно улыбнулась:

— Фантазия... Какие-то красные сапожки... Неужели ты веришь?

Динка между тем быстро считала что-то по пальцам.

— Один день уже прошел. Осталось тринадцать,— задумчиво, словно про себя, сказала она.

— Мама,— раздраженно крикнула Алина,— она все врет!

— Нет,— выскальзывая из-под теплой руки Кати, вдруг откликнулась Мышка.— Она не врет! Я знаю по ее лицу. Динка не врет!

— Хорошо. Мы поговорим с ней наедине,— глядя на девочку, сказала Марина.

Но Динка была занята своим трудным счетом; капитан сказал: недельку-другую... Другую — это не наверное, это только в крайнем случае, если на Волге будет буря или еще что-нибудь. В общем, одна неделька... И уже прошла ночь...

Динка вдруг засмеялась и громко сказала:

— Теперь моих пальцев даже больше, чем нужно. Осталось шесть дней...

— Шесть дней до чего? — быстро спросила Марина.

— До приезда Леньки! — гордо пояснила Динка.

— Значит, все правда,— сказала Марина, бросив взгляд на Катю.— Но какая же досада, что я не поговорила с ним раньше...

— А может быть, это к лучшему. Сейчас столько всяких дел и волнений...— поверив наконец, сказала Катя.

А Динка уже забыла о разговоре с матерью и, сбежав в сад, уселась на мокрый гамак.

— Ленька при... Ленька при... приедет! При-едет!..— раскачиваясь изо всех сил, напевала она, забыв обо всем на свете.

Глава семьдесят четвертая

СВЕТЛОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Под вечер дождик утих, но скамейки в саду были мокрые, с веток сыпались дождевые капли.

— Здесь негде сесть,— оглянувшись, сказала Марина.

Динка сбегала за одеялом, постелила его на гамак. Она была счастлива, что мама захотела побыть с ней наедине.

Марина накинула на девочку один конец своего теплого платка и, усевшись вместе с ней на гамак, сказала:

— Я хочу поговорить с тобой о Лёне... И если ты считаешь себя настоящим другом этого мальчика, то будешь говорить мне только правду.

Динка высунула из-под платка лохматую голову, лицо ее посветлело, и синие глаза засияли глубоким, проникновенным чувством:

— Я и так буду говорить правду!.. Я уже давно, очень давно ничего не врала, мама!

Губы Марины дрогнули, на щеке вспрыгнула ямочка.

— Ты как будто жалеешь об этом, Диночка?

— Ой, нет, мама, нет! Я никогда не хотела врать тебе, но у меня была такая трудная жизнь...— порывисто прижимаясь к плечу матери, сказала Динка, и вдруг, словно желая оправдаться или покаяться во всех своих грехах, она сбивчиво и лихорадочно стала рассказывать о себе, о Леньке, о злом бородатом хозяине, о заработках, которые так плохо кормили Леньку, о своем хождении по дачам со стариком шарманщиком.— Я знаю, я плохая,— говорила она, заглядывая в лицо матери.— Но я сейчас все расскажу и тогда сразу исправлюсь...— И, стараясь ничего не забыть, Динка вспомнила даже сухие корки, которые не мог разжевать старик шарманщик.—

Мама, он не дал мне мои денежки, и я очень плакала, но сейчас, мамочка, он, наверное, голодает, потому что все дачники уехали...

Динка рассказывала, часто перебивая себя... Дойдя до того места, как Ленька познакомился со Степаном, она вдруг припомнила базар:

— Я торговала там рыбой... Я кричала: «Сахарная, сахарная!» — и у меня покупали...

Мать слушала ее затаив дыхание и не прерывая ни единым вопросом, но, по мере того как раскрывалась перед ней глубоко скрытая от взрослых, трудная жизнь ее девочки, глаза ее широко раскрывались и по лицу медленно катились слезы.

— Не плачь, мамочка, не плачь,— припадая к ней, бормотала Динка.— Я исправлюсь, я сейчас исправлюсь...

Она рассказала про утес и про то, как они пили там чай с Ленькой и как Ленька разменял полтинник, чтоб купить бубликов... В эти бублики он прятал запрещенные бумажки, а она, Динка, макала в чай ниточки и перевязывала эти бублики...

Динка близко наклонилась к матери, понижая голос и тревожно оглядываясь... Потом зашептала ей в самое ухо про спрятанный на утесе револьвер и, захлебнувшись от своих беспорядочных, взволнованных слов, вдруг примолкла.

Тогда, вспомнив непонятное замечание девочки, что сыщика, верно, уже «съели раки», Марина тихо спросила:

— А почему ты сказала, что сыщик уже не появится? Разве ты знаешь что-нибудь о нем?

Лицо Динки вдруг потемнело, и сияющее, светлое откровение ее души померкло.

— Нет, мама... я ничего не знаю... Я просто так сболтнула...

Перед ней снова встала тайна... Это была Ленькина страшная, вечная тайна, о которой никому и никогда нельзя сказать... Но мать ни о чем больше не допытывалась. Она крепко прижала к своей груди голову Динки и молча старалась побороть волнение, вызванное рассказом девочки.

— Диночка! — сказала она, помолчав.— Мы возьмем к себе Леню... Я всегда мечтала иметь сына... И мне будет очень жаль, если он не захочет...

— Он захочет, мама! Я скажу ему, чтоб он захотел! — радостно откликнулась Динка.

— Да... И ты скажешь ему, что это не чужой хлеб... Я буду ему только матерью, а деньги нам дадут наши товарищи, они дадут их Леньке-Бублику... О нем просил дядя Коля. Леня будет учиться, вы вместе пойдете учиться...

— Опять? — упавшим голосом переспросила Динка, и в глазах Марины снова промелькнула улыбка.

— А ты считаешь, что уже выучилась? — тихо спросила она.

Обе засмеялись.

— Ну ладно! — весело тряхнув головой, сказала Динка.— Я, мамочка, с Ленькой хоть к черту на кулички пойду! Только ты купи нам ранцы. Знаешь, такие меховые ранцы, в которые можно все класть,— заглядывая в лицо матери, попросила она и тут же добавила: — А если они очень дорого стоят, то хотя бы одному Леньке. Ладно, мамочка?

Глава семьдесят пятая

ОЖИДАНИЕ

Дни шли, Динка загибала уже третий палец, но ей казалось, что с отъезда Леньки прошло уже тысячу дней. Тысячу дней и тысячу ночей! Она садилась на обрыве и, обхватив руками коленки, смотрела на Волгу... Осеннее солнце золотило темные волны; по-прежнему шли по реке баржи, тащились нагруженные плоты, стрекотал буксирный пароходик... Динка смотрела всегда в ту сторону, куда ушел пароход «Надежда». Где-то там, за дальней далью, был город Казань... Динка подробно расспросила маму, какой это город, и на карте видела маленький кружочек. Но это не уменьшило ее тоски, и только об одном думала она, глядя на Волгу: если бы там, за желтыми обрывистыми берегами, показался белый пароход! Динка вскакивала и, прикрыв глаза рукой, смотрела вдаль...

Однажды она действительно увидела дымок... По Волге шел большой белый пароход... Девочка помчалась по краю оврага; царапая руки, спустилась на берег; задыхаясь, добежала до пристани... Но пароход шел мимо, и на борту его было написано большими буквами: «Витязь».

Динка повернула обратно... Она шла и плакала, а сзади нее тихо тащились Минька и Трошка. Трошка держал в руках большой арбуз и каждый раз, когда Динка замедляла шаг, уныло повторял:

— Поешь арбуза-то, слышь? Смерть какой сладкий... Разбить тебе об камень?

Но Динка молча махала рукой.

Так они дошли до обрыва. Динка, цепляясь за корни, полезла наверх, а мальчики остались внизу. Трошка, прижимая к груди полосатый арбуз, смотрел вслед плачущей девочке, и на его расстроенном круглом лице блестели капельки пота.

С тех пор под вечер у Динкиной калитки всегда появлялся большой арбуз. Иногда его вкатывали прямо на дорожку, и за забором слышались мальчишеские голоса:

— Дин-ка! Выйди! Дин-ка, выйди!

Если на террасе появлялась Алина или кто-нибудь из взрослых, голоса мгновенно стихали, но арбуз оставался.

— Мама! Какие-то мальчики носят Динке арбузы! — широко раскрывая глаза, жаловалась матери Алина.

— Это мои арбузы. Им велел Ленька,— без всяких объяснений заявляла Динка.

— Знатный арбуз! — хвалил Никич, раскладывая по тарелкам красные сахаристые ломти.— Я сам мальчишкой, бывало, на баштаны лазил...

Марина рассеянно смотрела на Никича, на арбуз, на Динку... В последние дни она стала озабоченной и молчаливой. Катя тоже притихла... Один раз Динка проснулась утром от стука швейной машинки... Она испуганно прислушалась, протерла глаза и бросилась к Мышке:

— Мышка, слышишь? Катя опять шьет какое-то приданое... Что это, кому это, Мышка?

Мышка открыла сонные глаза и, не успев еще окончательно проснуться, глубоко вздохнула:

— Катя уезжает... Разве ты не знаешь? Она уезжает к Косте... И это не приданое... Она шьет нам формы, чтобы маме не пришлось отдавать портнихе...

Динка вышла на цыпочках из комнаты, выглянула на террасу... Катя шила, склонив над коричневой материей бледное, грустное лицо. У Динки больно сжалось сердце. Катя

уезжает? Она представила себе опустевший дом без Кати, без Лины... Что же это такое? Как они будут жить, как будут жить без Кати мама, Мышка?.. Ей захотелось вдруг броситься к Кате, обнять ее, просить не уезжать, не оставлять их одних...

Но на террасе была уже Мышка. Посиневшая от холода, в белой ночной рубашонке, она стояла около Кати, обхватив обеими руками ее шею.

Динка поспешно спряталась за дверью...

После завтрака она покорно стояла перед Катей, примеряла старую Мышкину форму, черный передник... Катя подшивала подол, подрезала рукава, закалывала булавками продольный шов... Динка стояла молча и терпеливо, чтоб хоть чем-нибудь угодить Кате... Она словно в первый раз вдруг почувствовала нежную и горячую привязанность к своей тетке.

«Катя, Катя, неужели ты уезжаешь? Как же ты будешь жить без нас? Как будем мы жить без тебя?..» — горько думала Динка, не смея ничего спросить и с трудом удерживая слезы... О Катином отъезде никто не говорил... Может, Мышка ошиблась?

В воскресенье приезжала Лина, мыла, стирала, торопилась, уговаривала бросать дачу.

— В городе я почаще забегать буду, а сюда пока доберешься! И чего сидите? Все добрые люди уже давно переехали...— выговаривала она Кате.

Динка по-прежнему льнула к Лине, и Лина, закармливая ее гостинцами, жалобно говорила:

— Господи! Похудел ребенок, нос как пуговка, ручки тоненькие... Переезжайте скорей, за ради христа...

Приезжал Олег и тоже озабоченно спрашивал Марину:

— Когда же ты переедешь в город?.. Что это значит, наконец?

Марина показывала ему записку, читала ее вслух... Кто-то писал, что товарищи беспокоятся о судьбе Марины и детей, что через несколько дней вопрос этот окончательно решится.

— Я сама не хочу сейчас переезжать в город. Мне так противна наша городская квартира, там все перевернуто вверх дном после обыска и так живо напоминает арест Кости...— говорила Марина.

Олег с болью смотрел на обеих сестер; он уже знал, что Катя

уезжает... В его глазах Катя была все еще маленькой девочкой, той Катюшкой, которую они вместе с Мариной вырвали из рук мачехи и воспитывали, стараясь постоянной лаской и нежностью заглушить в ней тяжелые воспоминания раннего детства. Она казалась Олегу совсем еще юной и беспомощной... Его пугала далекая, занесенная снегом Сибирь, неизвестная судьба заброшенной туда младшей сестренки... Но он знал, что ехать ей необходимо, что Костя ей так же дорог, как брат и сестра. Олег переводил глаза на Марину... Она всегда удивляла его своей стойкостью и мужеством! Так держалась она и теперь, но брат хорошо понимал, чего стоит ей разлука с Катей и как одиноко и тяжело старшей сестре остаться одной с тремя детьми... А может, и с четырьмя, если она возьмет этого сироту, мальчика Леню...

Но Марина ничего не боялась; спокойно и грустно улыбалась она брату, спокойно говорила об отъезде Кати.

В последний день перед разлукой с сестрой на Марину свалилась еще одна беда.

— Меня уволили со службы,— сообщила она домашним и, глядя на пораженные, остолбеневшие лица, вдруг громко и весело расхохоталась.

— Марина! — всплеснула руками Катя.— Как ты можешь смеяться?

— Ну, а что мне делать? Плакать? — Марина пожала плечами.— С какой стати!

— Но как же ты будешь жить? — в отчаянии прошептала Катя.

Марина посмотрела на детей.

— Как мы будем жить? — с улыбкой повторила она.— Сначала, верно, плохо, а потом я снова найду работу! Мы ничего не боимся, правда, дети?

— Конечно, мамочка! Мы не боимся, мы ничего не боимся! — закричала Мышка.

— Мы не боимся! — гордо заявила Алина, хотя большие голубые глаза ее были полны тревоги.

— Я заработаю! — весело махнула рукой Динка.

— Вот и хорошо! Посиди немножко дома,— сказал, узнав о Маринином увольнении, Олег.— Пока я жив, никто с голоду не пропадет!

Все эти события дома Динка переживала глубоко и горько. Мечтая о Ленькином возвращении, она верила, что ее друг и товарищ принесет успокоение в их грустный, опустевший дом.

Глава семьдесят шестая

ТЯЖКОЕ ПРОЩАНИЕ

Катя уехала внезапно. Из Тобольска пришло известие, что Костя в дороге заболел и лежит в тюремном лазарете. Никича послали за билетом. Катя молча, без слез, запихивала в чемоданы какие-то вещи, Марина укладывала в портплед теплое одеяло, шерстяные носки, беличью телогрейку. Дети толклись около взрослых. Алина пыталась чем-то помочь, Мышка не отходила от Кати, Динка, прижимаясь спиной к перилам, растерянно смотрела на разбросанные вещи, на связанные узлы и раскрытые чемоданы, на Катю, которая одной рукой прижимала к себе Мышку, а другой укладывала вещи. Потом, оторвавшись от Мышки, она обнимала Алину, и обе они, вытирая слезы, что-то обещали друг другу.

— Мама останется одна...— доносился до Динки взволнованный шепот Кати.

— Я буду помогать ей, не беспокойся за маму,— серьезно отвечала Алина.

Динка ежилась и, чувствуя себя лишней, смотрела в сад. Больше всего она боялась, что Катя забудет попрощаться с ней, забудет обнять ее, как обнимала Мышку и Алину. И, может быть, никогда уже не придется Динке попросить у нее прощения за все плохое, что она делала, и никогда не придется сказать, что она, Динка, так же любит Катю, как Алина и Мышка...

А Катя, замученная беспокойством за Костю, убитая горем от разлуки со своей любимицей Мышкой, встревоженная мыслью, что старшая сестра останется одна с детьми, действительно забыла о Динке.

Марина, мельком взглянув на младшую дочку, подозвала ее к себе:

— Возьми щетку, почисти вот это платье!

Динка схватила платье — она была рада хоть что-нибудь сделать для Кати.

Платье было серое, шерстяное. Марина готовила его сестре в дорогу, Динка, размахивая щеткой, изо всех сил трясла и чистила это платье, потом, подбежав к матери, обняла ее за шею и взволнованно прошептала:

— Скажи Кате, чтобы она не забыла обнять меня, мама... Я ведь тоже люблю ее...

Марина удивленно вскинула на нее глаза, грустная тень пробежала по ее лицу, и, не найдя других слов, она тихо сказала

— Катя вспомнит сама...

Но Катя не вспомнила сама. Присев около нее на полу, Марина с горьким упреком зашептала, склонясь над чемоданом.

— Ты забыла Динку... Ты забыла, как она старалась спасти Костю...

Катя закрыла лицо руками.

— Динка, Диночка...— позвала она.

Динка оторвалась от перил, бросилась в ее объятия... Они плакали вместе, крепко обнимая друг друга.

— Я буду хорошей девочкой...— захлебываясь от слез, бормотала Динка.

— Прости меня, прости меня, маленькая, родная моя..— шептала Катя.

На вокзал поехали все вместе. Олега не было. Наступало время охоты, и его сиятельство граф потребовал, чтобы умелый стрелок-лесничий неотступно сопровождал его на охоте.. О внезапном отъезде младшей сестры Олег не знал...

Сиротливой кучкой стояли около поезда дети... Катя и Марина молча смотрели друг на друга.

— Я никогда не говорила тебе... но я преклоняюсь перед твоим мужеством, Марина...— не отрывая глаз от лица сестры, сказала Катя.

Марина улыбнулась ей, голубые глаза ее, обведенные темными кругами, просияли. И, как всегда в самые трудные минуты жизни, она твердо сказала:

— Я верю, Катя... Верь и ты...

Когда поезд двинулся, дети бросились за ним.. Катя замахала платком.

— Пойдемте,— сказала Марина, положив руки на головы младших детей.— Пойдем, Алина!

Глава семьдесят седьмая

ОПУСТЕВШЕЕ ГНЕЗДО

Снова идут дни... Динка уже потеряла им счет на своих пальцах... По-прежнему прибегает она на обрыв, садится на сухую порыжелую траву и, опустив голову в колени, ждет. И кажется ей, что, пока она так сидит на обрыве, время идет да идет, шумит над ее головой осенними ветрами, окрашивает в желтые и красные цвета листья, покрывает рябью темные волны реки... Динка вспоминает густую сочную траву с колокольчиками, с крупными ромашками, вспоминает белые нежные кувшинки на желтом откосе и, протянув руку, ласково дотрагивается до сухих, мертвых цветов. Ей не жаль уходящего лета. Пусть идет время...

«Пусть скорей идет время»,— думает она и медленно плетется домой. Ей нельзя надолго отлучаться из дому. Все изменилось там теперь. Нет Кати... нет Лины... Правда, мама уже не ездит на службу, она целый день проводит с детьми. Накинув на голову платочек, она готовит обед. Алина, Мышка и Динка втроем вертятся вокруг нее, стараясь изо всех сил помогать маме.

— Идите, Никич! Нас много, мы сварим! Отдыхайте! — говорит старику Марина.

Никич, качая головой, смотрит, как все четверо толкутся около плиты, как суп с шумом выбрасывается из-под крышки, как бешено бурлит каша...

— Все поставлено, теперь оно само будет вариться! Пойдем почитаем до обеда! — весело говорит Марина.

Она усаживается на гамак вместе с Мышкой, Алина и Динка устраиваются около нее на стульях. Мышка на особом положении.

— Не давайте ей плакать! — говорит мама.— Она очень тоскует по Кате...

По Кате тоскуют все, но Мышка больше всех... Она часто забирается в свою кровать и, спрятав голову под подушку, тихонько плачет. Но Алина и Динка неусыпно следят за сестрой.

— Мама, иди скорей! Мышка плачет! — взволнованно сообщает Алина.

— Мышка, Мышенька! Вот мама! Мама с нами! Она всегда будет с нами! — обнимая сестру, утешает ее Динка.

— Мышенька! — говорит мама, присаживаясь на кровать.— Катя скоро напишет нам письмо, а летом она приедет! Не плачь, моя голубочка! Мама с тобой...

— И мы тут, Мышка... Вот мы с Динкой...— успокаивает ее Алина.

Никто теперь не претендует на самое лучшее место около мамы, там всегда из-под маминой руки торчит острый носик осиротевшей Мышки.

Марина читает веселую книжку, громко смеется... Дети смотрят на мать растерянными глазами и улыбаются... Им почему-то не хочется смеяться, и мамин смех звучит так одиноко, что у Динки щекочет в горле.

«Бедная мама! Она хочет нас развеселить, а самой ей еще хуже, чем нам...»

За обедом Никич сердито выговаривает хозяйкам за пригоревшую кашу и выбежавший суп.

— «Ложись, Никич! Ложись! Отдыхай!» А чего тут отдыхать, когда в кухне дым и чад! Как теперь кашу будете есть? — ворчит старик.

— Так и будем есть! Правда? — накладывая на тарелки пригоревшую кашу и с улыбкой глядя на детей, говорит Марина.

— Правда! Правда! — кричат все трое, хватая ложки

— Ешь, не подводи маму,— шепчет Мышке старшая сестра, торопясь доесть свою порцию.

— Ничего! — весело заявляет Динка.— Если сильно проголодаться, то и черта можно проглотить!

На завтрак, по совету Динки, варится картошка в мундире, на второе и третье блюдо появляются на столе арбузы.

— Дин-ка, вый-ди! Вый-ди! — по-прежнему выкликают девочку Минька и Трошка, являясь под забор со своими дарами.

Со времени отъезда Кати пошел уже пятый день...

— Мама,— шепотом спрашивает Алина,— когда же мы переедем в город?

Марина уходит с дочерью на большую скамейку и долго что-то объясняет ей. Они сидят рядышком, как две подружки, Алина изо всех сил старается заменить маме Катю.

— Мы пойдем посоветоваться. Не ходите за нами,— строго говорит она младшим сестрам.

Но они не советуются. Мама сама ждет совета.

— Я сказала товарищам, что хочу уехать на Украину... Сейчас они решают вопрос, как помочь нам. А пока просили меня посидеть с вами на даче...

— Но почему же так долго, мамочка? Ведь уже становится холодно. И потом, я пропускаю гимназию...— зябко поводя плечами, говорит Алина.

Но мать ничего не может ей сказать. Она сама беспокоится, что так долго нет никаких указаний от товарищей.

— Подождем еще недельку... Кстати, вернется Леня... Мне надо с ним серьезно поговорить,— отвечает она дочери.

Алина замолкает. Ей кажется, что уже давно все ее подруги учатся, одна она все еще сидит на даче. Алине не нравится и переезд на Украину: ей жаль расстаться со своими подругами и особенно с Бебой. Алина любит свою гимназию, но она молчит. Ей жаль маму. Маме так тяжело без Кати... И от папы уже давно-давно нет писем... Алина уже не спрашивает о нем...

— Будем ждать, Алина,— поднимаясь со скамьи, устало говорит мать.

Девочка смотрит на нее с глубокой грустью, но, верная Катиному завету, безропотно отвечает:

— Конечно, подождем, мама.

Оставшись одна, Марина неподвижно сидит в кресле. Она думает о Кате, о муже, думает о своей трудной жизни, о детях, которые так болезненно чувствуют свое одиночество.

Но Марина не плачет.

Тонкая морщинка прорезает ее лоб, темные ободки вокруг ее светлых глаз с каждым днем становятся глубже, в длинных косах серебрятся новые ниточки... Марина не думает о себе, она думает о детях... Она всегда там, где готовы брызнуть слезы... Чаще всего она с Мышкой.

Но однажды, спрятавшись в уголок террасы, тихонько всхлипывает Динка.

— О чем ты? — спрашивает мама.

— Я боюсь... что... Ленькин... пароход вдруг... утонет...— безутешно шепчет Динка.

Мама, всплеснув руками, поднимает ее голову, смеясь вытирает ей лицо своим платком.

— Пароход не утонет,— говорит она, и Динка успокаивается.

Пароход и правда не тонет, но откуда же может знать Марина, сколько горьких слез еще готовит судьба ее дочке...

Глава семьдесят восьмая

ПАДАЮТ ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ...

Марина сидит на крыльце. Сбоку, под большим теплым платком матери, прилепилась Мышка. По другую сторону — Алина. А около колен, как всегда, сжалась в комочек Динка...

Солнце уже давно спряталось. Свежий ветер сметает в кучи сухие листья... Желтыми листьями усыпано и крыльцо... Медленно кружась, падают они на головы детей, на пушистые косы Марины...

Поредел и словно вымер сад. Опустели цветочные клумбы. Пусто и грустно в маленькой даче. Давно-давно не слышно здесь веселого шума голосов, детского смеха. Все реже и реже бегает на обрыв Динка.

«Нас и так мало осталось...» — думает она, глядя на печальные лица сестер и матери. Каждый вечер сидят они теперь на крылечке, но все грустней и грустней это тихое сидение на опустевшей даче. Лежит на коленях Марины раскрытая книга...

— Не надо читать, мамочка! Посидим так...— просят дети.

Марина смотрит на их осунувшиеся, вытянутые лица, глубокая усталость охватывает ее. Кажется, что иссякли все слова утешения, не звучит смех, и вместо веселой улыбки горькая складочка ложится у губ.

— Давайте споем что-нибудь...— предлагает Марина, стараясь вспомнить бодрую, веселую песню, но вместо этой песни на память невольно приходят другие.— «Поздняя осень, грачи улетели...» — запевает она и, с невеселым смехом обрывая себя, машет рукой: — Нет, не эту!

— Давайте дяди Лекину: «Так ветер всю красу наряда с деревьев осенью сорвет...» — тихо начинает Динка.

— Нет-нет, я сейчас вспомню...— говорит Марина, но песни, веселые песни, не приходят ей на ум.— Давайте я скажу вам стихи,— предлагает она.— Вот Шевченко. Вы ведь любите Шевченко?

— Мы любим...— хором откликаются дети.

Марина читает стихи. На последних строчках голос ее звучит все тише и неуверенней:

...і не знаю,
Чи я живу, чи доживаю,
Чи так по світу волочусь,
Бо вже не плачу й не сміюсь...

Нет, не читается сегодня,— решительно говорит Марина.

Маленькая сиротливая кучка сдвигается ближе...

— Мы не можем петь, мамочка. Нас так мало... Нас было много раньше,— жалобно говорит Мышка.

Никто не отвечает ей... Стучит оторванной ставней ветер, а кажется всем, что в уголке террасы стучит швейная машинка, а может, это стучит в калитке Марьяшка своей неизменной ложкой... А может, в кухне месит тесто Лина, налегая на доску...

Динка смотрит на сад, и каждый падающий лист представляется ей цветным флажком, взлетающим над забором... И Динка не выдерживает.

— Мама, почему у нас все время какое-то горе? — уткнувшись в колени матери, спрашивает она.

— У нас нет горя! — резко отвечает Марина, словно встряхнувшись от тяжкого сна.— У нас никто не умер... Папа жив, Костя жив... Лина недавно приезжала... У нас нет горя... а если бы даже оно и было, то мы не поддались бы ему, не опустили головы... Надо думать о хорошем, а не о плохом, Дина!

— Конечно...— неуверенно поддерживает ее Алина.— Если Катя поехала, так ведь она поможет Косте и другим несчастным людям...

— А Лина вышла замуж за хорошего человека, Малайку,— это ведь тоже надо радоваться, да, мама? — стараясь попасть в тон сестре, предположила Динка.

— А папа наш любит нас... и тоже мы радуемся...— высунув из-под платка распухший нос, добавила Мышка.

Марина откинула назад голову и засмеялась.

— Значит, у нас нет горя? — весело сказала она.— Вот видите! Надо уметь во всем находить хорошее! Горе — это враг человека, с ним надо бороться не слезами, а мужеством! — твердо закончила Марина.

— Ну да! — вдохновленная ее словами, встряхнула головой Динка.— Горе — это враг! Но мы не поддадимся! — И, решив сразу проявить мужество, она вскочила и показала сестрам шиш.— Вот ему!

Алина шутя хлопнула ее по руке; все засмеялись.

— И еще...— сказала Марина, радуясь, что дети развеселились.— Еще часто бывает, что за горем следует радость... Вот как на небе: тучи, тучи, и вдруг солнышко...

— Динка! Вый-ди! Вый-ди! — вдруг раздалось за забором.

— Арбузы кричат! — засмеялась Динка и побежала к калитке.

Навстречу ей выдвинулся Трошка; круглая физиономия его лоснилась от удовольствия.

— Погоди, я скажу...— оттолкнув выпрыгнувшего из кустов Миньку, заторопился он.— Слышь, Динка! Пароход «Надежда» вышел из Казани! Мы от Минькиного отца узнали!

Динка взвизгнула, хлопнула калиткой и помчалась к даче.

— Мама, мама! Ленька едет! — кричала в буйной радости Динка.— Ленька едет! — повторяла она, ликуя и кружась.

— Ну вот, и пришла радость! — сказала с облегченным сердцем Марина.

— Но ведь это только для Динки...— разочарованно откликнулась старшая девочка.

— И для меня! — выскочила вдруг Мышка.

— И для нас! — строго сказала Марина.— Нам всем нужен такой верный, стойкий товарищ, как Леня.

— Он старше меня? — ревниво спросила Алина.

Мать ничего не ответила. Она смотрела на младшую дочку и радовалась ее радости. Широко раскрыв руки и закинув голову, Динка смеялась и пела, кружилась и падала, надувая пузырем платье... Скучные осенние листья вдруг ожили. Красные, желтые, оранжевые, как разноцветные птицы, они веселыми стайками слетали с деревьев на голову и плечи девочки.

И Марине снова захотелось, чтобы на крыльце бодро и радостно зазвучали голоса детей.

— Ах, как же я не могу вспомнить ни одной хорошей песни! — с досадой сказала она, проводя ладонью по лбу и тщетно роясь в своей памяти.— Вспомните хоть вы, Алина, Мышка!

Но девочки тоже не могли вспомнить веселой песни; все, что они предлагали, в конце, или в середине, или с самого начала было грустное... А звонкий голос Динки раздавался уже в другом углу сада, и желтые печальные листья снова медленно и скучно падали на крыльцо.

Глава семьдесят девятая

КРАСНЫЕ САПОЖКИ

Вот и Казань... Ленька стоит на борту парохода и смотрит на кривые улички предместья, убогие домишки с плоскими крышами.

— Это еще, брат, не Казань... Это так около берега беднота ютится. Сама Казань эвон где! — говорит повар Никифорович, указывая рукой на затонувшие в желтеющих садах золотые маковки церквей.— Старинный город... Казань-матушка!

— А сколько здесь стоять будем? — спрашивает мальчик. Ему кажется, что прошло уже много дней и ночей, с тех пор как пароход «Надежда» отчалил от родной пристани... Сильно скучает Ленька. Плохо ест, не идет ему «знатный матросский харч» на пользу.

— Не в коня корм...— ворчит толстый кок Никифорович, подкладывая Леньке не в очередь лучшие куски.— Не могу откормить, ваше благородие,— говорит он капитану.— Шибко задумывается мальчонка...

Не радовала Леньку и подвесная койка. По ночам тяжело ворочался он с боку на бок, слышался ему горький плач покинутой Макаки... Представлялось ему, что идет она по берегу одна-одинешенька, остановится, оглянется... Нет Леньки!

Больше всего мучили мальчика ночные кошмары: никак не мог он забыть перекинутую на утес и оставленную второпях

доску. Снилось: идет по этой доске Макака, пошатнулась, взмахнула руками: «Лень!.. Лень!..»

А доска тихо поворачивается под ней...

Ленька вскакивал, крупный пот катился по его лицу...

«Нет, не работа это, не жизнь это...» — тоскливо думал он.

А все было бы хорошо, когда б не тоска по оставленной подружке. Матросы относятся к Леньке бережно и любовно; каждому бросается на помощь Ленька, не гнушается никакой работой. И промеж взрослых держится скромно; сидя за общим котлом, хлебает щи аккуратно, позади всех протягивает ложку...

— Хороший малец! Старательный, только уж больно невеселый,— докладывают капитану матросы.

Капитан зовет мальчика к себе в каюту, подолгу разговаривает с ним.

— Скучаешь, Леня? — часто спрашивает он.

Ленька молчит и смущенно улыбается.

— Ты, малец, к нам привыкай. Дружба — она, конечно, первеющее дело, только на воде подружек забывать надо. Не до них тут!..— глядя на Леньку, говорят старые матросы.

Без шуток, конечно, тоже не обходилось.

— Ну, вот пел ты ей... Пел не пел, а кричал чегой-то во всю глотку...— начинает, посмеиваясь, какой-нибудь молодой матрос.— Ну ладно! Сейчас она девчонка маленькая... И дружба у вас, видать, крепкая... А вот как подрастет, тогда песней не утешишь...— Матрос смотрит на Леньку смеющимися глазами и подталкивает локтем соседа.— Да, подрастет и, глядишь, сменит тебя на какого ни на есть сухопутного Ваньку... А ты скучаешь...

— Не сменит! — гордо отвечает Ленька, и губы его растягиваются в улыбку.

— Чего там — не сменит! — сердито прикусывая хлеб, вступает пожилой матрос.— Подружка твоя с господского дому. Барышня! А ты — сирота без роду, без племени... Тебе за ней не гоняться, вот что!

— Верно, верно! — качает головой молодой матрос.— Она себе подберет почище... Вот как ездят у нас пассажиры иногда... Чудные имена у барчат... Все Мунчик да Пунчик, али Гогуся какой-либо... Вот и бросит она тебя ради Гогуси али Пунчика.. Эх, ты!

— Не бросит! — повторяет Ленька, и, представив себе, как сердито налетает Макака на неугодных ей пунчиков и гогусек, он вдруг звонко хохочет.— Вот знала б она!

— Ну, вот и развеселился! — добродушно улыбаются матросы.— А как повернем назад от Казани, так и вовсе запрыгаешь!

Ленька ждет Казани. Долго стоит пароход в Симбирске. Капитан снова берет груз... Матросы носят на плечах мешки с зерном, ящики с сушеной рыбой.

Ленька суетится вместе со всеми, тянет на плечи тяжелый мешок.

— Иди, иди! — гонят его матросы.— Куда лезешь? Не подужаешь ведь.

Ленька выходит на пристань. Заработать бы тут, да пассажиров мало, и, того гляди, капитан рассердится. «Ты,— скажет,— сыт, чего матросскую честь мараешь? Как нищий за пассажирами вяжешься...» Эх! Не на что Леньке купить обещанные красные сапожки, негде заработать ему на эту покупку...

Перед Казанью капитан вызывает мальчика в каюту:

— Пойдешь со мной в город. В Казани сейчас выставка. Вот тебе рубль — купи что-нибудь на память!

— Спасибо,— сияя, говорит Ленька и бежит чистить свои новые брюки.

По всей форме нарядили Леньку матросы. Портной Силыч перешил ему брюки и рубаху, воротник пришлось сзади присобрать, бескозырка нашлась в аккурат.

Гордо сходит на берег Ленька. Рядом с ним идет капитан в своем белом нарядном кителе. Кажется мальчику, что все встречные пялят глаза на его капитана. Да и на него, Леньку, тоже небось посматривают — матрос! По всей форме матрос, только ростом маловат. Ленька выпячивает грудь, тянется вверх, непривычные к ботинкам ноги его зажаты как в колодки, но он все готов стерпеть! И на душе у него радостно. Целый рубль дал ему капитан! На это не только сапожки купишь, а и тюбетеечку Макаке можно привезти.

Долго идут по кривым уличкам и переулкам капитан с Ленькой, а города все не видно.

— Вон город! Там улицы красивые, просторные... Магазины, лавки... Татары прямо на улицах коврами торгуют, тюбетейки, чувяки продают... А на выставке всего много! — говорит капитан.

«Мне, самое главное, сапожки...» — оглядываясь, думает Ленька.

Они проходят мимо большой, красивой церкви. На паперти сидят нищие. Из широко раскрытых резных дверей слышен однообразный певучий голос попа.

Капитан замедляет шаги.

— Ты богу молишься? — спрашивает он Леньку.

— Нет,— усмехается Ленька.— Не молюсь.

— Что ж так? — удивляется капитан.

— Разочаровался я в боге. Два раза просил его заступиться, и оба раза надул он меня,— серьезно говорит Ленька и машет рукой: — Бог с ним, с этим богом!

— О чем же ты просил его? — с улыбкой спрашивает капитан.

— Да один раз послал меня хозяин за хлебом и три копейки дал. А я, уж не знаю как, обронил эти три копейки. Ну, думаю, запорет меня злодей... Искал, искал — нету... А тут церковь, народ молится... Бросился я туда; бился, бился головой об пол, плакал, просил: «Господи, подкинь мне мои три копейки либо защити меня от хозяина...» — Ленька грустно усмехнулся и махнул рукой: — Два дня после этого без памяти лежал от побоев...

Капитан внимательно и серьезно глядел на тонкое, бледное лицо мальчика, на лучистые серые глаза с глубоким, недетским выражением...

— Бог — это наша совесть, Леня,— сказал он, помолчав.— У каждого человека свой бог.

Они вышли на главную улицу. Здесь бойко цокали по мостовой экипажи, звенели конки... Встречалось много нарядной публики, между ними важно шествовали богатые татары в пестрых длинных халатах, в расшитых цветной шерстью тюбетейках... Около входа на выставку толпился народ. Капитан взял два билета, и они прошли на главную аллею; от нее шли еще аллеи. Между ними — огромная клумба с цветами. Цветочки были всех сортов, но очень маленькие, кукольные; они

густо синели, краснели, розовели в поблекшей, но все еще густой бархатной траве. На дощечке было написано: «Американский газон. За топтание — штраф!»

«Сорвать бы Макаке... Не видала она еще таких-то...» — подумал Ленька, но сорвать не посмел.

Они прошли с капитаном мимо богатых лавок. В одной торговали яркими, расшитыми цветной шерстью коврами; ковры были раскинуты прямо на траве; в другой Ленька увидел, как из зерен какао делают шоколад... Шоколаду было много; среди плиток, уложенных на громадный противень, были белые, зеленые и розовые шоколадины.

«Не едала еще Макака таких-то,— сжимая в кармане свой рубль, подумал Ленька.— Вот куплю сапожки, тогда уж что останется...»

Рубль казался Леньке несметным богатством. Он зорко глядел по сторонам, не висят ли, не стоят ли где красные сапожки со светлыми подковками... Эх, обегать бы живо-два всю выставку, да капитан идет рядом...

Прошли еще аллею. Широкие, усыпанные песком дорожки были тщательно подметены, только кое-где стояли непросохшие лужицы, но день был хороший, солнечный.

— Последний день выставки,— сказал капитан.— Завтра закроется...

Ленька беспокойно забегал глазами по раскинутым палаткам, рундукам и лавкам. Около одной, прямо на земле, лежала толстая кошма, люди сидели на высоких подушках и пили чай из круглых цветных пиал. Тут же продавались восточные сладости: халва, кишмиш и сваренные в сахаре золотистые орехи... Капитан купил пакетик засахаренных орехов, разделил их пополам с Ленькой и сунул свою долю в карман. Ленька осторожно взял в рот один орех, остальные тоже спрятал.

У лавки с глиняной расписной посудой стояли долго... Ленька соскучился глядеть на чашки, миски и кувшины, искусно раскрашенные и отполированные, словно покрытые лаком.

В глубине аллеи толпился народ... Капитан и Ленька подошли ближе.

— «Король и королева с Малайских островов»,— громко прочел капитан наверху балагана.

За железной решеткой на деревянном возвышении сидел высокий курчавый негр. Черное тело его, натертое маслом, лоснилось, на жестких волосах торчали во все стороны цветные перья, сквозь нижнюю губу было продето медное кольцо, на шее брякали бусы, пальцы на руках были унизаны дешевыми кольцами... Рядом с ним сидела такая же пестрая, разукрашенная цветными бусами и лентами черная королева. Костюмы обоих состояли только из коротких юбочек; на женщине был еще красный, расшитый блестками лифчик...

Черные лица короля и королевы блестели от пота, белки черных глаз медленно поворачивались то вправо, то влево, по тихому звону колокольчика толстые красные губы обоих раздвигались, обнажая блестящие белые зубы... К решетке липла гогочущая толпа, протянутые руки бросали неграм куски сахара, бублики и дешевые побрякушки...

Капитан быстро вышел из толпы.

Ленька протиснулся ближе к решетке. Рядом с ним встала какая-то женщина с ребенком. Ребенок, увидев незнакомых черных людей, заплакал. Королева вдруг поднялась и, напряженно прислушиваясь к плачу ребенка, медленно подошла к решетке... Ленька увидел совсем близко от себя огромные, полные слез и тоски черные глаза...

Он дрогнул, схватился за решетку:

— Пустите ее! Сволочи!

Притихшая было толпа громко охнула.

— Ты что в присутственном месте выражаешься? — накинулась на мальчика стоявшая сзади старуха.— Сейчас полицию позову!

— Шныряет тут в толпе, жулик эдакий! А еще матрос! — поддержали ее в толпе.

Ленька, боясь попасть в перебранку и осрамить своего капитана, молча нырнул между людьми и, отойдя подальше, оглянулся. Он был зол и расстроен.

«Тьфу с ней, с этой выставкой! Знал бы, не ходил...»

Он поискал глазами капитана, но капитана нигде не было.

«Ну и ладно! — подумал Ленька.— Какой интерес мне с ним ходить... Я один-то быстрее все обегаю да сапожки куплю».

Он пробежал еще несколько аллей, заплутался, попал к выходу, потом снова обошел все ряды лавок... В одном месте

детей катали на осликах, в другом вертелась карусель... Наконец начались ряды лавок с одеждой... Дальше шли палатки с обувью — чувяками, сапожками. Сердце Леньки замерло, остановилось. В одной из палаток, над головой старого татарина в тюбетейке, висели красные сафьяновые сапожки со светлыми подковами. Сапожки были всех размеров, и Ленька, вытянув вперед растопыренную ладонь, несмело подошел к торговцу.

— Мне сапожки... Вон энти сымите...— охрипшим от волнения голосом сказал он.

Татарин ловко поддел связанные шнурком сапожки и, бросив их на прилавок, спросил:

— Какой нога надо?

Ленька, трепеща, положил на прилавок свою ладонь, примерил подошвы.

— Велики... Меньше давай...

Татарин полез под прилавок, вытащил еще две пары. Сапожки были мягкие, с кожаной подошвой и светлыми подковками на каблучках. На верху голенищ шли зеленые и желтые полоски с двумя кисточками посредине... Ленька поставил один сапожок к себе на ладонь и засмеялся:

— Как раз! Как раз будут!

— Ну, бери. Спасибо скажешь — хорош товар. Плати деньги! — обрадовался и торговец.

— А сколь денег-то? — оробел вдруг Ленька, вытаскивая из кармана свой рубль.

— Два рубля с полтиной давай,— протягивая руку, сказал торговец.

Ленька сжал свой рубль, лицо его посерело, глаза испуганно поглядели на продавца.

— За рубль отдай... Нет у меня больше,— безнадежно прошептал он, крепко держа одной рукой красные сапожки.

— Чего рубль?! Два с полтиной давай, дешевле нет... Смотри товар, не жалей! — звонко стукнув о прилавок каблуками, нахмурился татарин.

— Нету у меня...— умоляюще пробормотал Ленька.— Уступи, дяденька...

— Чего уступал? Зачим торгуешь, если денег нет! Ступай, ступай! — рассердился татарин.

Ленька, крепко держась за сапожки, тянул их к себе, торговец — к себе...

— Уступи! Я тебе чем ни чем отработаю,— безнадежно бормотал мальчик.

— Иди! Выпускай сапог! Караул кричать будем! — толкал его татарин.

— В чем дело? Сколько тебе не хватает? — раздался вдруг за спиной мальчика знакомый голос.

Стоя в отдалении, капитан уже давно наблюдал Ленькину торговлю. Глядя на упрямое и несчастное лицо мальчика, он вспомнил кудрявую встрепанную девчушку и обещание Леньки привезти ей из Казани красные сапожки.

— Ну, бери сапожки... Вот еще полтора рубля,— бросая на прилавок деньги, сказал капитан.

Ленька, не смея верить своему счастью, вынул из вспотевшей ладони драгоценный рубль и, прижимая к груди завернутые в бумагу сапожки, отошел от прилавка.

Лицо его сияло, на бледном лбу выступили крупные капли пота.

— Спасибо... Я заслужу... Отработаю...— сказал он капитану.

* * *

На другой день пароход «Надежда» двинулся в обратный путь. Ночью Ленька беспокойно вертелся на своей койке. Под подушкой у него лежали красные сапожки, и во сне скупой татарин требовал их назад, а из-за решетки вдруг выступала черная женщина с огромными тоскливыми глазами... Ленька стонал, просыпался, ощупывал под подушкой сапожки и, прислушиваясь к стуку машины, взволнованно думал:

«Еду... Домой еду... На утес к Макаке...»

Глава восьмидесятая

НЕОЖИДАННЫЙ ВЕСТНИК

Снова грустный осенний вечер на крылечке. Веселится одна Динка. Она уже не сидит около маминых колен, а, подхватив прыгалки, скачет по всем дорожкам, весело распевая:

Из Казани-Наказани
Пароход идет!
Ленька едет, Ленька едет,
Здравствуй, Новый год!

— Господи, при чем тут Новый год? — смеется Марина.

— А я знаю,— говорит Мышка.— Это она поет, что все у нее будет по-новому, и потом просто для рифмы.

— Вот чепуха какая! Поди-ка догадайся! — усмехается Марина.

— А я все у нее знаю. Я даже по ее лицу могу сказать, когда она говорит правду, а когда врет,— уверяет Мышка.

Марина вспоминает светлое откровение Динки и грустно качает головой:

— Узнаешь, когда она сама скажет.

— А она всегда скажет... Динка ведь очень болтливая, мама,— говорит Алина.

— И болтливая и скрытная,— поправляет мать.

— Ну! — машет рукой Алина.— Я бы ей ничего не доверила!

— А я бы доверила,— серьезно говорит Марина.

— А ты знаешь, мамочка, что она один раз сказала! — вдруг оживляется Мышка.— Она сказала, что ее вранье одно вкладывается в другое, как деревянные яички, и только самый шарик внутри взаправдашний!

— Ну вот, поди-ка доберись до этого шарика! — смеется Марина и, вспомнив Динкиного друга Леньку, начинает рассказывать о его тяжелом детстве, о злом хозяине.

Девочки слушают молча, но еще печальней и тоскливей становится на крыльце от этого грустного рассказа... Марина хочет пробудить в Алине и Мышке любовь и сочувствие к Леньке: ведь мальчик завтра придет в их семью... Она не сомневается в Мышке, но как отнесется к нему Алина?

— Пусть каждая из вас поставит себя на место Лени. Вот он придет в нашу семью, и все мы, кроме Динки, еще чужие ему. И так важно хорошо и ласково встретить человека... Показать, что его ждали..

Марина ищет нужных слов, но Мышка подсказывает их ей из глубины своего доброго сердечка:

— Мы сразу будем любить его, мама. Мы скажем ему, что теперь он — наш брат.

— Конечно, мы не обидим его, но согласится ли папа? Ведь ты хочешь, чтобы он был тебе как сын? — строго спрашивает Алина.

Лицо матери вспыхивает румянцем. Холодный взгляд голубых глаз останавливается на старшей дочери вопросительно и гневно:

— Ты должна знать раз и навсегда, что папа во всем полагается на меня! И каждый отец будет гордиться таким сыном, как Леня...

— Конечно! Я же ничего не сказала, мама. Почему ты сердишься? — пугается Алина.

Мать спохватывается и, горько улыбаясь, говорит:

— Я ничего не требую от тебя, я только боюсь, чтобы Леня не почувствовал себя чужим в нашей семье.

— Пускай наравне, мамочка: как мы, так и он,— подсказывает Мышка.

— Вот именно: как вы, так и он. Это не гость, не случайный человек... Тут нужно сердце и чутье, Алина! — волнуется мать и, слыша приближающийся топот по дорожке, быстро меняет разговор.— Я хочу тихонько-тихонько спеть одну песню... Знаете, какую?

Алина, еще не остывшая от волнующего разговора, молча поднимает на мать обиженные глаза... Но Марина знает, чем успокоить старшую дочку.

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...—

с улыбкой запевает она.

В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...—

торжественно подхватывают обе девочки.

— «Но мы поднимем гордо и смело...» — волоча за собой прыгалки и примащиваясь около матери, вступает в хор Динка.

Дети хорошо знают, что песня эта запрещенная, голоса их звучат тихо и торжественно. Они стараются петь так твердо и храбро, как поют настоящие революционеры, они знают, что с этой песней в девятьсот пятом году шли по улицам толпы

народа... За эту песню казаки били людей нагайками, топтали лошадьми...

— «В бой роковой мы вступили с врагами...» — выпятив худенькую грудь, поет Алина. Она так честно и гордо выводит эти слова, что даже кончики ее торчащих ушей из-за туго стянутых кос покраснели от волнения и глаза стали огромными.

Мышка тоже преобразилась, и звонкий голос ее уверенно ныряет то вверх, то вниз, выскакивая из общего хора, но с жаром повторяя знакомые слова...

Динке просто нравится, что песня эта запрещенная, что их всех вместе с мамой могут арестовать и даже побить нагайками, но ей это нипочем: она чувствует себя очень смелой и, в случае чего, сама побьет всякого полицейского с нагайкой.

— «В бой роковой мы вступили с врагами...» — с особенным удовольствием поет она, размахивая крепко сжатым кулаком.

Марина знает, что на дачах сейчас пустынно, даже ночные сторожа уже не стучат по ночам в колотушки, но, когда маленький хор разрастается, она предупреждающе поднимает вверх палец и понижает голос... Динка и Алина послушно следуют за ней, но Мышка сама не владеет своим голосом.

— «На бой кровавый, святой и правый...» — серебристо выкрикивает она, и вдруг... калитка громко хлопает.— «Марш, марш вперед, рабочий народ...» — испуганно заканчивает в наступившей тишине Мышка.

— Здесь живет госпожа Арсеньева? — громко спрашивает мужской голос.

Марина медленно поднимается, поправляя растрепавшиеся косы... Уши у Алины делаются малиновыми, но она тоже встает и вместе с матерью сходит с крыльца.

— Вы кто? Зачем? — опережая их, громко кричит Динка и, широко раскинув руки, останавливается посредине дорожки.— Не пущу!

— Это Кулеша,— говорит Марина, и с лица ее медленно сбегает краска.— Он привозил нам весной письма от папы...

— Кулеша... Кулеша...— удивленно и испуганно повторяет Алина.

Мышка молча пытается понять, что привез им гость.

Глава восемьдесят первая

ТРУДНАЯ ДЕВОЧКА

Приезжий человек — небольшого роста, но у него широкие, мощные плечи, крепко посаженная круглая голова, усыпанное желтыми веснушками лицо и веселые, широко открытые голубые глаза...

— А ну-ка, сверни с дороги! — сильно нажимая на букву «о», запросто говорит он Динке, и большие ручищи его мягко вскидывают девочку на воздух.— Давай сюда свою маму!

Динка вырывается, дрыгает ногами и, очутившись снова на дорожке, весело хохочет.

— Кулеша...— встревоженно говорит Марина и бросает быстрый взгляд на детей.— Вы что-нибудь привезли мне?

Сердце ее бьется неровными толчками, губы крепко сжимаются. Гость снимает фуражку и, пожимая ее холодную руку, весело улыбается:

— Не бойтесь, не бойтесь! Я — добрый вестник! Я привез вам оглушительную новость! Мне поручено вызволить вас из дачной неволи... Сейчас передам вам деньги, билеты, и начнем укладываться!

— Как — укладываться? Какие билеты? — удивленно вскинув брови, спрашивает Марина.

— Билеты на поезд. Завтра, ровно в шесть, вы должны выехать. Не позже и не раньше... Вот письмо. Что не дописано, то дополню устно,— спокойно говорит приезжий, шествуя рядом с Мариной к дому и на ходу вынимая из бумажника сложенный вдвое конверт.— Вот, читайте и располагайте мной, как упаковщиком, грузчиком, носильщиком — одним словом, как вам будет угодно!

— Вы что-то шутите, Кулеша...— недоуменно пожимая плечами и раскрывая письмо, говорит Марина.

— А, старина, здорово! — окликает гость выглянувшего из-за террасы Никича.

Старик обрадованно семенит ему навстречу:

— Здравствуй, землячок! С чем приехал?

Гость подмигивает ему одним глазом:

— Экстренное поручение! Сейчас все станет ясным!.

Он входит на террасу и, оглядываясь, качает головой:

— Ну, вы действительно всех дачников пересидели! Ни одной души вокруг... Товарищи уже волновались, что вас тут похитят, убьют, обокрадут...

— Ничего! У меня кое-какое ружьишко при себе...— улыбается Никич.

Марина уходит с письмом в свою комнату. Алина проскальзывает за ней.

— Мамочка, от кого это? Когда мы едем? Почему так быстро? — нетерпеливо допытывается она.

— Письмо от товарищей, но я сама ничего не могу еще понять,— распечатывая письмо, говорит Марина.

— Мамочка, читай громко. Может, тут что-нибудь о папе...

Мать, перескакивая через строчки, шепотом читает вслух выхваченные фразы: «Отъезд на Украину... одобряем... Фамилия Арсеньевых слишком хорошо известна полиции. Посылаем деньги и всяческие пожелания... Поспешность отъезда объяснит Кулеша... он же поможет выехать с вещами... Бери всех четверых детей... Не опаздывай...»

Марина опускает на колени письмо:

— Выехать завтра же... Но это невозможно... И почему так срочно?.. Билеты... деньги...

Алина напряженно смотрит в лицо матери.

— Кулеша! Идите скорей сюда! — раскрывая дверь, кричит Марина. В руке ее смятое письмо, в глазах — голубые взволнованные огоньки.— Кулеша! Что это за билеты? Почему мы должны выехать так срочно, завтра?

— А-а! — говорит Кулеша, просовываясь своим тучным телом в узкую дверь.— Это сюрприз! — Губы его расплываются в широкую улыбку, глаза лукаво блестят, толстый палец указывает на девочку.

— Говорите при ней! — волнуется Марина.

Но Кулеша поворачивается лицом к террасе, где стоят Мышка и Динка, осторожно прикрывает за собой дверь, потом снова открывает дверь и манит пальцем Никича. Динка и Мышка остаются одни.

— Кулеша привез какую-то тайну...— шепчет Динка.

— Мы, кажется, завтра уезжаем...— неуверенно предполагает Мышка.

— Завтра? Ну что ты!.. Ведь Ленька еще не приехал...— бормочет встревоженная Динка.

За дверью раздаются радостные восклицания, взволнованный смех.

— Кулеша, вы ужасный человек! Почему вы не сказали сразу? — весело кричит Марина, и в распахнутую настежь дверь выбегает Кулеша.

Пригнув вниз голову и прикрывая ее своими огромными ручищами, он с хохотом прячется за табуретку. Марина, расшалившись, настигает его своим зонтиком, дети, моментально включаясь в игру, загоняют Кулешу под стол. На столе со звоном падают чашки, Никич хватает самовар... На террасе стоит визг и хохот.

— Ловите его, ловите! Мама, вот он, вот он! — кричат дети.

Марина останавливается, хлопает в ладоши.

— Складываться! Складываться! — кричит она, бросая в угол зонтик.

Кулеша на четвереньках вылезает из-под стола.

— Что, попало? — потирая руки, хихикает Никич.— У нас, брат, хорошее подавай сразу!

Алина с раскрасневшимся лицом, запыхавшаяся от беготни, бросается к сестрам:

— Мы едем! Едем! Мы будем всю ночь складываться! Мы едем!

— Нет... нет...— пятясь от нее, говорит Динка и ищет глазами мать.— Ленька не найдет меня... Я потеряюсь...— растерянно бормочет она и вдруг с отчаянным криком бросается на пол.— Не складывайтесь! Не складывайтесь! Я никуда не поеду! Я останусь здесь, на утесе... Я буду ждать Леньку...

Марина поспешно наклоняется к девочке и крепко обнимает ее, пытаясь поднять с пола. Но Динка, плача, отталкивает ее руки...

Кулеша, растерянный и удивленный, стоит посреди террасы с пустым чемоданом и молча хлопает глазами.

— Лени нет... Он уехал в Казань. Но он должен приехать... Дина! Диночка! Мы пойдем утром на пристань. Я все узнаю.

— Это Леня-Бублик? Так он может приехать потом с Никичем... Вы поедете раньше, а он позже,— придя в себя, громко говорит Кулеша.

Но Динка вскакивает, растрепанная, красная, злая...

— Пошли вон! — кричит она, топая ногами.— Пошли вон! Мы поедем вместе!

— Ого!..— пятясь от нее, бормочет озадаченный Кулеша.— Вот так перец...

Марина поспешно уводит девочку в комнату. Алина и Мышка, тихо советуясь о чем-то в сторонке, несмело подходят к Кулеше.

— Вы не сердитесь... Вы знаете, Динка не злая... Это она из-за Леньки,— краснея, бормочет Мышка.

— Нам очень стыдно... Вы гость... Простите, пожалуйста... Она у нас трудная девочка...— с пылающими щеками добавляет Алина.

Глава восемьдесят вторая

ПОСЛЕДНИЕ ХЛОПОТЫ

В эту ночь беспокойно спит Динка... Она слышит быстрые, легкие шаги матери и тихий разговор на террасе, слышит, как скрипят дверцы шкафа, выдвигаются ящики комода... Слышит, как Никич увязывает корзину и, кряхтя, выносит ее на террасу... Опершись локтем на подушку, Динка смотрит в темноту сухими, выплаканными глазами... Из тоненькой щелки маминой двери просачивается свет... Почему так спешит мама? Почему она не может подождать хоть один день? Ведь пароход «Надежда» уже вышел из Казани. Горькая обида сжимает сердце девочки. Никому, никому нет дела до нее и до Леньки...

«Мама, я потеряюсь... Он не найдет меня...» — плакала вчера Динка.

Но мама не согласилась подождать Ленькиного парохода.

Голова девочки падает на подушку, глаза бессильно закрываются... Какой-то большой город снится ей. В нем не видно домов — одни большие деревья. На деревьях прямые, как свечи, белые цветы... «Это каштаны»,— догадывается во сне Динка... А цветы вдруг раскрываются, и из них падают блестящие коричневые каштаны... совсем такие, как рассказывала мама... «Значит, мы уже на Украине...» — смутно соображает девочка и, беспокойно оглядываясь, ищет Леньку...

«Лень! Лень!» — кричит она во сне и с усилием открывает глаза. За окном серенькое утро. Динка приникает горячим лбом к стеклу. По дорожке проходит нагруженный вещами Кулеша, рядом с ним семенит Никич с двумя узлами... Марина догоняет их у калитки и что-то быстро говорит Никичу. Динку охватывает безысходное отчаяние... Значит, это правда, они уезжают... Вещи уже унесли... Она осторожно открывает дверь маминой комнаты... Там так голо и пусто... На окнах нет занавесок, кровать сложена и приставлена к стене, у письменного стола выдвинуты пустые ящики. На подоконнике тускло горит лампа...

Динка выходит на террасу... Марина сидит у стола и что-то пишет... Девочка останавливается за ее стулом.

— Я никуда не поеду, мама. Я буду ждать Леньку,— тихо и упрямо говорит она, не поднимая глаз.

Марина быстро оборачивается и, обняв ее одной рукой, привлекает к себе.

— Леня еще может приехать... Сейчас очень рано, ложись спать. Утром мы пойдем с тобой на пристань и узнаем, когда придет пароход. На всякий случай я пишу письмо Лениному капитану...

Марина читает Динке письмо, но Динка не слушает его. В ее растревоженном сердце вдруг зарождается надежда.

— Может быть, пароход уже пришел? Я сейчас сбегаю на пристань, мама! — шепотом говорит она.— Сейчас уже совсем светло!

— Нет-нет! Потерпи еще немножко! Мы пойдем вместе! — ласково говорит мать.

Динка отходит от ее стула и усаживается на ступеньки:

— Я подожду утра здесь.

Марина с глубокой жалостью смотрит на ее сиротливую фигурку. Динка подбирает босые ноги под длинную ночную рубашку и, опустив голову в колени, молчит.

Мать садится с ней рядом, кутает ее плечи в свой платок, осторожно поднимает кудрявую голову и заглядывает девочке в глаза. Темные, пустые, наплаканные глаза не отвечают на ее ласку, и матери делается страшно.

— Диночка, мама понимает твое беспокойство. И, если Леня не приедет, мама примет все меры...

Марина не находит слов, ее смущает темный, безразличный взгляд дочки. Измученная ее горем и бессонной ночью, Марина с трудом удерживается от слез.

— Разве ты не веришь своей маме, Диночка? — тихо спрашивает она, дотрагиваясь до крепко сжатых маленьких рук.

Динка молчит и смотрит куда-то далеко-далеко, поверх деревьев... Серое, холодное утро медленно вползает в сад, хмурый осенний туман поднимается с земли...

Марина встает и, подойдя к столу, перечитывает свое письмо к капитану, потом бегло дописывает несколько строчек и, запечатав конверт, прячет его в свою сумочку. Потом она уходит в комнату и снова что-то складывает там. А Динка молчаливо и неподвижно сидит на крыльце, ждет, когда настанет утро...

Алина осторожно приоткрывает свою дверь и, застегивая на ходу платье, шмыгает в мамину комнату. Динка слышит тихие голоса мамы и Алины, они о чем-то советуются и шепчутся, как две подружки... Динка еще ниже утыкается головой в колени и закрывает глаза. Непреодолимый сон сковывает ее.

Алина выносит из комнаты целый ворох какой-то одежды и кладет ее на перила.

— Я положу здесь, чтобы было наготове. А что ты наденешь, мамочка? — шепотом спрашивает она.

— Я надену папино любимое платье...— тихо говорит Марина.

— Конечно! Ты нарядись, мамочка! И не заплетай косы, хорошо? — шумно радуясь, бросается к матери Алина, но мать испуганно показывает ей глазами на безмолвную Динку. Лицо Алины сразу меняется; краска досады проступает на ее щеках.— Ты не должна этого позволять, мама! — возмущенно шепчет она.

Марина хмурит тонкие брови, горькая складка ложится около ее губ.

— Я страдаю вместе с ней...— тихо отвечает она.

На дорожке слышны тяжелые мужские шаги.

— Это Никич с Кулешей,— озабоченно говорит Марина.— Беги скорей, предупреди их, чтобы не разбудили Динку.

Алина осторожно обходит сидящую на крыльце сестру и бежит навстречу приезжим.

— Тише, тише!..— машет она рукой.— Мама просила не будить Динку...

— Будить Динку? А зачем нам ее будить? — удивляется Кулеша.

— Капризы, капризы...— ворчит Никич.— Поменьше б потакать вам! Ишь чего разделала девчонка!

Они подходят к крыльцу и останавливаются перед спящей Динкой.

— Ну, как теперь? Нам вещи носить, а она сидит на самой дороге...— хмурится Никич.

— Ничего, ничего... Дружбу надо уважать! За такой подружкой я бы пошел на край света! — шепотом говорит Кулеша и, высоко поднимая ноги, шагает через две ступеньки, на цыпочках обходя спящую Динку.

Марина, стоя на террасе, благодарно улыбается. А Динка спит...

Из комнат выволакиваются тяжелые корзины; Кулеша, упираясь коленями в большой узел, обвязывает его ремнями. На террасе наскоро закусывают бутербродами.

— Ну, кажется, все! Завтра мы с Никичем сдадим вещи в багаж и приедем сюда с подводой забирать мебель. А на сегодняшний день дачу надо будет заколотить,— говорит Кулеша, поспешно доедая бутерброд и связывая вместе два узла.

— Кулеша! Это невозможно! Ну как вы потащите один? — беспокоится Марина.

— Как потащу? Очень просто! Я такой верблюд! —говорит Кулеша, одним взмахом перекидывая через плечо два узла и поднимая с пола корзину.— Давайте еще что-нибудь! Одна рука свободна!

— Нечего, нечего больше... У нас остались только ручные вещи... Так вы завезете это на квартиру и будете ждать нас там? — спрашивает Марина.

— В пять часов... Выбирайтесь отсюда пораньше. На квартире у вас содом и гоморра... Надо же еще сложить все зимние вещи,— деловито шагая к крыльцу, говорит нагруженный как верблюд Кулеша. Осторожно обойдя Динку, он

останавливается на дорожке и долго смотрит на свернувшуюся в комочек жалкую фигурку.— Скажите ей, что я не виноват... Я рад бы сам приволочить из Казани этот самый Ленькин пароход.

* * *

Через два часа Марина будит Динку, и они спешат на пристань. Осеннее солнце золотит на деревьях листья, свежий ветерок холодит плечи. Марина с трудом поспевает за девочкой, и лицо ее расстроенно. Что-то ждет их на пристани? Может быть, они узнают, что пароход «Надежда» прибывает только завтра? Как подготовить к этому Динку и что сделает она, услышав эту весть... Марина видит, как окрыленная надеждой девочка забегает далеко вперед и, не смея торопить запыхавшуюся мать, останавливается с нетерпеливой, жалкой улыбкой... Щеки ее порозовели, глаза ожили... Волга, Волга!.. Идет ли, плывет ли, качается ли у берега на твоих темных волнах белоснежный пароход?..

Марина берет Динку за руку. Они выходят вместе на широкую базарную площадь. Отсюда уже хорошо видна пристань... Но нет, нигде нет парохода «Надежда». Ни одного парохода не видит Марина, и сердце ее сжимается. Динка тоже замедляет шаги и, подняв голову, смотрит куда-то далеко, на Волгу... Широка, просторна большая река, но ничего не видно на ней: не белеет вдали густой дымок.

— Мы сейчас спросим... может быть, он придет позднее,— неуверенно говорит Марина.

— Спросим...— как печальное эхо, откликается Динка.

Марина оставляет девочку около причала и уходит в будку к кассиру. Потом вместе с кассиром идет еще куда-то, в другую будку, стоящую на берегу.

— Подожди меня здесь! — говорит она, проходя мимо девочки.

Динка ждет, и минуты кажутся ей длинными часами, а от пристального смотрения на Волгу в глазах начинает все покрываться рябью.

Но вот она слышит мамин голос, веселый, дорогой голос своей мамы.

— Спасибо, спасибо! Так, пожалуйста, сразу передайте это письмо капитану! Это очень важно! Если в четыре часа есть пароход, так он еще успеет.

— Мама! — срываясь с места, кричит Динка и мчится на знакомый голос.

Но мама уже спешит к ней, ловит ее в свои объятия.

— Пароход прибывает в два часа. Леня еще застанет нас на городской квартире,— задыхаясь от радостного волнения, говорит она.

Но Динка выскальзывает из ее рук.

— Как — на квартире? Мы будем ждать Леньку здесь! Мы не уедем без него, мама! — дрожащим голосом говорит она.

Но Марина, измученная ее слезами, ожидавшая гораздо худшего, неожиданно закипает гневом:

— Не мучай меня, Дина! Я тысячу раз уже объясняла тебе, что нам нужно взять в городе зимние вещи, что я должна зайти к хозяину квартиры и расплатиться... Я оставила письмо капитану, оставлю на всякий случай еще одно письмо Анюте. Но мы должны ехать — и поедем! Леня хорошо знает, где наша квартира, и приедет сам!

Динка чувствует, что мама сердится, и больше не просит ни о чем.

«Если Ленька не найдет меня, я вернусь на утес и найду его сама»,— твердо решает она про себя, и привычная хитрость, как единственное верное оружие, диктует ей тихие, покорные слова:

— Конечно, если нам нельзя ждать, то мы поедем... Я ничего не говорю... Ведь Ленька не маленький, он и сам найдет дорогу...

Марина мельком бросает на нее взгляд, но дома у нее еще столько хлопот, и если самое главное уже как-то разрешилось, то надо подумать о другом.

— Ах, Дина, Дина... Конечно же, он приедет...— рассеянно бросает она, торопясь домой.

Глава восемьдесят третья

НАСОВСЕМ...

— Прощай, утес! — говорит Динка, обнимая холодный, пожелтевший от времени камень.— Может быть, мы с Ленькой уедем и я никогда уже не вернусь сюда...

Тягостно, тревожно на душе у девочки. Будет ли искать ее на городской квартире Ленька? Захочет ли он жить в их семье, после того как поступил на пароход и теперь уже, наверное, носит синий матросский воротник...

— Будешь жить у моей мамы, Лень? — робко спрашивает она вслух и, вытирая кулаком слезы, добавляет: — А то ведь меня увезут, и мы потеряемся...

Молчит утес, только черные ветки засохшего дерева тихо шевелятся от ветра. Динка садится у входа в пещеру, печально смотрит на сложенные горкой миски, на черный, прокопченный котелок... Одеяло Ленька отнес ей в день своего отъезда... В углу лежат два выпуска «Пещеры Лихтвейса»... Динке попадается под руку большой толстый карандаш, один конец его синий, другой — красный. Этим карандашом Динка помечала свои лазейки в заборе, а потом подарила его Леньке.

Девочка берет карандаш и со всех сторон обходит белый камень. Выбрав чистое и гладкое место, она, крепко зажав в кулаке толстый карандаш, старательно выводит на камне большие печатные буквы...

Крупные частые слезы застилают ей глаза, карандаш больно давит на ладонь, но печатные буквы понемногу складываются в слова. Красные, пылающие как огонь горячие слова жалобы, просьбы и приказа, прощальные слова, облитые горькими слезами и продиктованные отчаянием. Динка бросает карандаш, медленно переходит по доске на обрыв... Еще раз оглядывается на утес... И, понурив голову, идет домой...

Там уже все готово к отъезду. Никич заколачивает досками ставни. Марина укладывает в дорожную корзинку какие-то покупки. Она в черном шелковом любимом папином платье. Алина и Мышка одеты в новые гимназические формы с белыми передниками. Третья форма осталась недошитой. Для Динки на перилах висит шерстяное платье с матросским воротником...

Но никто не ищет и не зовет Динку.

В уголке террасы стоит плачущая Анюта. Около нее целая гора книг, тетрадей, игрушек... Мышка приносит еще и еще, но Анюта не смотрит на подарки. Она смотрит на расстроенное лицо своей учительницы, молча кивает головой на слова утешения.

— Анюта! Я буду часто писать тебе, ты приедешь к нам летом,— крепко обнимая ее, говорит Алина.

Мышка тоже изо всех сил пытается утешить девочку:

— Анюточка... Наша мама попросит твою маму отпустить тебя летом...

Марина бросает укладку и подходит к девочкам.

— Анюта! Мы расстаемся только на зиму, а летом ты приедешь к нам,— говорит она, привлекая к себе девочку.

Но Анюта, рыдая, прячет свое лицо у нее на груди.

— Не будет этого... ничего уже не будет... Куда я поеду?..— говорит она сквозь слезы.

Девочки вопросительно смотрят на мать. В глазах их горячая просьба.

Марина поднимает голову Анюты, вытирает платком ее глаза:

— Я обещаю тебе... Я даю тебе слово, что ты приедешь! А теперь перестань плакать... Хорошо?

Анюта верит и, улыбаясь сквозь слезы, судорожно обнимает Марину.

— Мама, а где Динка? — вдруг вспоминает Алина.— Ведь она еще не одевалась! Мы опоздаем!.. Дина! Дина!

— Да вот она! — смеется Мышка.— Давно уже тут!

— Я тут,— говорит Динка, сползая с перил.

— Так одевайся! Мы же скоро поедем! Пойди вымой руки!

Динка моет руки, покорно переодевается и задумчиво стоит перед старшей сестрой. Алина пробует примочить водой ее буйные кудри, но Динка равнодушно говорит, что «тогда они будут еще хуже».

Марина подзывает к себе Анюту и дает ей письмо.

— Я посижу тут на крылечке... Не бойтесь, я передам, если Леня придет...— обещает Анюта.

Никич вносит на террасу доски.

— Все взяли из комнат? — спрашивает он.— А то я сейчас забивать буду!

— Подождите, я еще раз посмотрю...— говорит Марина, заглядывая во все комнаты.

— Подождите! — кричит вдруг Динка.— Где мой ящик с игрушками?

— Ящик на террасе, но там ничего нет хорошего. Открытки Мышка спрятала, а остальное можно выбросить,— говорит Алина.

— Как — выбросить? Там у меня самое главное...

Динка бросается к своему ящику, долго роется в нем и, прижимая к груди железный гребень, прячет в карман стеклянный шарик.

— Мама, смотри, что она берет! Какой-то чужой гребень! — в ужасе всплескивает руками Алина.

— Фу, Динка! Откуда у тебя эта гадость? — морщится мать.

— Это не гадость, это лошадиный гребень! — гордо заявляет Динка.— Мне подарил его Ленька!

Мышка весело фыркает, и Марина, махнув рукой, тихо говорит:

— Пусть завернет его хоть в бумагу...

Время идет... Вот уже все вещи вынесены на террасу, Никич забивает двери... Глухой стук молотка больно отдается в сердце Динки... Алина волнуется и поминутно спрашивает, сколько времени.

Но вот сборы окончены...

— Одевайтесь! — говорит мать.

— Одевайтесь! Одевайтесь! — торопит сестер Алина и торжественно снимает с перил три одинаковых темно-синих плаща с шелковыми клетчатыми капюшонами и такими же шелковыми клетчатыми шапочками. Это весенний подарок отца. Он прислал эти плащи всем трем дочкам из Финляндии... Эти дорогие вещи Катя давала детям только в особо торжественных случаях.

— Одевайтесь! Вот Мышкин! Это мой! А это Динкин! — суетилась Алина.

* * *

В последний раз открылась и закрылась калитка... Дача опустела; она стояла грустная, с заколоченными окнами и наглухо забитыми дверьми... Желтые листья, тихо кружась, падали на осиротевшее крыльцо, на плечи рыдающей Анюты, на сложенные горкой, оставленные ей в утешение подарки...

— Дети, возьмитесь за руки! — взволнованно распоряжалась Алина. Ей хотелось, чтобы все видели, какие у нее приличные и нарядные сестры. Сама она, чтобы казаться старше, держалась рядом с матерью.

Марина шла быстрой, легкой походкой. Утомленная сборами и бессонной ночью, измученная Динкиными слезами и огорченная отсутствием Лени, она сразу осунулась и побледнела, но ярко-голубые глаза ее сияли... Строгое черное платье с высоким воротником, такое не подходящее для дальней дороги, напоминало ей далекие счастливые дни. Только для одного человека берегла это платье Марина. И Никич, часто взглядывая на нее, тихо, по-стариковски радовался...

Они подошли к пристани. Парохода еще не было. Динка молча вырвала свою руку из Мышкиной руки и отошла в сторону.

Глаза ее безнадежно искали на Волге знакомый пароход... и, не находя его, закипали тяжелыми слезами... А вокруг собирались мальчишки и с любопытством смотрели на отъезжающих.

Минька и Трошка осторожно приблизились к нарядному плащу Динки и, словно не веря своим глазам, тихо окликнули:

— Динка, слышь? Ты, что ли?

Динка обернулась и молча кивнула головой.

— Вы что ж? Уезжаете? Насовсем? — с любопытством спросил Минька.

Трошка, напряженно вытянув шею, ждал ответа.

— Насовсем,— сказала Динка.

— А что ж Ленька? Ведь пароход-то его нынче здесь будет...— удивленно глядя на нее, пробормотал Минька.

Трошка, молча переминаясь с ноги на ногу, смотрел на Динку.

— Насовсем уезжаешь? — тихо переспросил он, и круглое лицо его покрылось испариной, а глаза испуганно замигали.

— Насовсем...— убитым голосом повторила Динка и, порывшись в кармане своего плаща, вынула две красивые запасные пуговицы: — Вот, Трошка, на память.— Она протянула одну Трошке, другую — Миньке.

Мальчики взяли. Минька поиграл пуговицей на ладони и спрятал ее в карман. Трошка зажал в кулак и в третий раз безнадежно спросил:

— Насовсем, значит?

Динка не ответила. К пристани подходил дачный пароход, и слышался громкий голос Алины:

— Дина? Где Дина?

— Прощайте! — сказала Динка и пошла к пристани.

Трошка бросился за ней, но Никич крепко взял Динку за руку и повел к матери.

— Вот она. С арбузниками прощалась,— улыбаясь, сказал он.

Через несколько минут пароход отошел. Динка стояла на палубе и смотрела на берег... Глаза ее застилал туман.

* * *

А два часа спустя там, где вода сливается с небом, в той дальней дали, куда так часто и так безнадежно смотрела Динка, показался белый дымок... Пароход «Надежда» шел к пристани...

Глава восемьдесят четвертая

«НАЙДИ МЕНЯ, ЛЕНЬКА!»

Медленно и красиво развернувшись, пароход подошел к пристани. Там уже теснились грузчики, радостными криками приветствуя команду... Ленька, в черных брюках и белой рубашке с матросским воротником, счастливый и гордый, стоял у самого выхода. Глаза его нетерпеливо искали в толпе встречающих знакомую взлохмаченную голову Макаки...

Крепко прижимая к груди обернутые газетной бумагой красные сапожки, Ленька широко улыбался и на всякий случай кивал головой...

Расстояние между пристанью и пароходом быстро уменьшалось... Матросы, размахнувшись, с силой бросили грузчикам свернутые змеей толстые канаты с петлями на концах:

— Лови!

— Есть! — бойко откликнулись грузчики и, поймав на лету канаты, накинули петли на чугунные стойки.

Пароход легко закачался у пристани. Ленька первый вскочил на сходни и, юркнув в толпу грузчиков, громко окликнул:

— Макака!

Грузчики засмеялись, но им было не до Леньки... На сходнях показался капитан...

Ленька обежал всю пристань и, не найдя подруги, заспешил на утес... Новые ботинки его проваливались в песок, бумага на сапожках обтрепалась, и на высунувшихся стальных подковках запрыгали веселые солнечные зайчики.

— Эй, Лень, Лень! — донеслись откуда-то издалека хриплые мальчишеские голоса.

Ленька обернулся... Минька и Трошка, стоя около пристани, отчаянно махали руками и, перебивая друг друга, что-то кричали ему вслед. Но Ленька не остановился. Он спешил на утес.

«Положу там сапожки и побегу на дачу за Макакой... «Пойдем, скажу, я тебе одну чудовинку привез...» Сядем, скипячу чай...— Ленька ощупал в кармане слипшийся комок засахаренных орехов.— А тогда выну сапожки... «Вот, скажу, носи, Макака...»

Ленька представил себе, как обрадуется девочка, как всплеснет руками и засмеется. Потом наденет сапожки и вскочит на камушек, а подковки будут гореть как жар, и нарядные кисточки запрыгают на мягкой сафьяновой коже...

Ленька вскарабкался на обрыв и, увидев перекинутую на утес доску, затрепетал от страха... И то, что Макаки не было на пристани, вдруг показалось ему недобрым знаком... С сильно бьющимся сердцем он подошел к доске, потрогал, крепко ли держится она, с ужасом заглянул в глубокую щель. Далеко внизу бились о камни волны...

Не помня себя мальчик бросился на утес и, обойдя вокруг белый камень, остановился как вкопанный. На камне большими печатными буквами, неровные и красные, как маки, алели выведенные Динкой слова: «Найди меня, Ленька!»

Мальчик, не веря своим глазам, читал и перечитывал эту горькую надпись, тихо шевеля побледневшими губами... Перед ним вставало заплаканное лицо Макаки, маленькая дрожащая рука, выписывающая эти жалобные, умоляющие слова... Ленька не мог понять, что случилось, но сердце его уже чувствовало, что Макаки нет. Нет и, может быть, никогда не будет... Что значат эти слова: «Найди меня, Ленька!»

Мальчик бросил на землю сапожки и не помня себя помчался на знакомую дачу.

«Макака... Макака...» — повторял он в тяжелом предчувствии неожиданного несчастья... Задыхаясь от быстрого бега, он миновал крутую тропинку, бросился к забору и заглянул в сад. В саду было тихо и пусто. Сквозь поредевшие кусты и деревья виднелись заколоченные окна дачи... Ленька отодвинул в заборе доску и пошел к дому. Силы покинули его. Медленно шевеля ногами сухие листья, прошел он мимо забитой нежилой кухни; не сводя глаз с заколоченных досками окон, приблизился к террасе...

Уехали... Уехали в город! Надежда вдруг острой радостью кольнула его в сердце. Макака уехала в город! Ну что ж, он поедет к ней туда, он хорошо помнит ее дом и улицу... Ленька глубоко вздохнул и, бросив последний взгляд на опустевшую дачу, пошел назад...

Но с крыльца террасы вдруг сбежала девочка и, остановившись в нескольких шагах от него, робко спросила:

— Ты Леня?

Мальчик оглянулся и узнал Анюту. Он часто видел ее вместе с Алиной и, обрадовавшись ей, как старой знакомой, подошел к крыльцу.

— Я — Леня... Они уехали? В город? На ту же квартиру? — быстро спросил он.

— Нет-нет, не в город.. Они уехали насовсем... На Украину...— взволнованно забормотала Анюта и, всхлипнув, достала из-за пазухи письмо.— Вот тебе... Они всё ждали...

Ленька взял письмо, но в глазах его чужие строчки заплывали красными, огненными словами: «Найди меня, Ленька!»

А Анюта уже дергала его за рукав и со слезами повторяла:

— Беги же... Может, еще застанешь... В шесть часов уходит их поезд... Беги скорей! Что ты стоишь?

Ленька сунул в карман письмо и, не простившись с Анютой, бросился бежать. Из слов девочки он понял, что Динка уезжает далеко, но что ее можно еще застать на городской квартире Заглянув на утес, он схватил брошенные около камня сапожки, еще раз прочитал Динкину надпись и пошел на пристань. Радостный, счастливый мир вдруг опустел... Леньке казалось, что и небо и земля стали серыми, пустыми, а жизнь его никому не нужной. Как будет он жить без Макаки?.. Кто скажет ему смешные неожиданные слова, кто улыбнется ему так, как улыбалась Макака, кому скажет он все, что лежит у него на душе?..

Ленька поднял голову и громко сказал:

— Найду! На край света заеду, а найду! Слышь, Макака? Где ты, там и я!

А на пристани, держа в руках письмо Марины, капитан строго наказывал собравшимся вокруг него мальчишкам:

— Найти, немедленно найти Леньку! Летите вихрем во все стороны, скажите, что его ждет мать, сестры! Что я велел ему сейчас же бежать на пристань!

Мальчишки вместе с Трошкой и Минькой, как стая галок, разлетелись по дачам...

Но Ленька пришел сам.

— Капитан...— сказал он дрожащим голосом.— Спасибо вам за все.. Только я уже не матрос. У меня теперь другая судьба... Я уезжаю...

Капитан положил руку на его плечо.

— Я не знаю семьи, которая хочет усыновить тебя... Но в каждой строчке этого письма... бьется живое сердце! — Капитан протянул Леньке полученное им письмо: — На́ и прочти его по дороге. Вот тут тебе оставлены и деньги. С пристани возьмешь извозчика... Спеши, у тебя мало времени...

Он протянул Леньке руку; мальчик благодарно пожал ее.

* * *

Знакомый берег медленно удалялся. Ленька стоял на палубе и не отрываясь смотрел на утес... Заходящее солнце освещало белый камень, и мальчику казалось, что он видит написанные на нем слова: «Найди меня, Ленька!»

Когда утес совсем скрылся из глаз, он вынул из кармана оба письма и внимательно прочел их. Слова были теплые, ласковые. Ленька почувствовал, что они написаны от всего сердца... Он вспомнил другие слова, сказанные ему на берегу дядей Колей: «Слушайся старших»,— и, опустив голову, словно издалека увидел спокойные лучистые глаза Марины, увидел добрую, жалостливую Мышку, строгую, холодную Алину... Но всех их заслоняла собой Макака. Она плакала и сердилась, повторяя одни и те же слова: «Найди меня, Ленька!»

«Да ладно тебе! Еду уж. Не идет ведь пароход-то шибчее...» — мысленно ответил он ей.

Глава восемьдесят пятая

ВРЕМЯ ЕХАТЬ

Над городской квартирой Арсеньевых нависла черная туча.

— Мама, уже пять часов! — волновалась Алина.

— Ничего. Мы можем выехать в половине шестого,— стараясь казаться спокойной, отвечала мать.

Все вещи были сложены и сданы в багаж. Кулеша, сидя верхом на стуле, держал на ладони часы... Марина уже расплатилась с хозяином, попрощалась с дворником Герасимом... Никич пошел за извозчиками.

— Мама, вдруг дедушка Никич не найдет извозчиков! — нервничала Алина.

— Извозчики на каждом углу,— сухо отвечала ей мать.

Алина, ломая руки, ходила из угла в угол, в глазах ее стояли слезы. Притихшая Мышка, утонув в своем роскошном плаще, молча сидела в уголке дивана. Из-под клетчатого картузика с низко надвинутым на лоб блестящим козырьком серые глаза ее тревожно переводили взгляд с матери на Алину, с Алины на сидевшего с часами Кулешу...

Динка, как затравленный зверек, металась по коридору, выбегала на крыльцо и жалобно звала:

— Лень! Лень!

Сердце Марины больно сжималось от ее крика.

«Что делать? Лени нет... Он уже не приедет»,— в отчаянии думала она, бесцельно бродя по комнате и делая вид, что ей необходимо собрать какие-то мелочи.

— Вы всё еще ждете? — тихо спросил ее Кулеша.

— Я буду ждать до последней возможности.

Кулеша выразительно показал на часы:

— Это уже недолго...

На дворе зацокали копыта лошадей.

— Мама! Это извозчики! Давайте выходить! — закричала Алина.

Никич быстрыми шажками пробежал в комнату и взял чемодан. Кулеша помог ему вынести вещи и, подойдя к Марине, серьезно сказал:

— Время ехать. Вы можете опоздать.

— Еще пять минут,— нервно ответила Марина.— Я должна ее уговорить...

Она поискала глазами Динку, но девочка, увидев извозчиков, спряталась за дверьми кухни и, присев на пол, крепко-накрепко привязала веревкой свою ногу к ножке стула. Чутко прислушиваясь к голосам взрослых, она испуганно смотрела на коридор, по которому выносили вещи.

А между взрослыми шел взволнованный спор, прерываемый рыданиями Алины.

— Это ребенок! Надо просто взять ее на руки и вынести к извозчику! — сердито говорил Никич.

— Конечно, мы сильнее, нам ничего не стоит схватить ее, потащить... Но я не могу допустить такое насилие! — волновалась Марина.— Я прошу у вас пять минут... Я скажу ей, почему мы не можем остаться...

Она быстрыми шагами пробежала по коридору, заглянула в кухню. Динка, увидев ее, закрыла лицо руками и разразилась громким плачем.

— Динка! Голубка моя! Послушай...— Марина опустилась на пол и, пробуя разнять ее руки, умоляюще зашептала: — Послушай, послушай меня...

— Нет! Нет! Я буду ждать! Я не поеду! — со слезами кричала Динка.

— Кулеша! — в отчаянии позвала мать.

Но входная дверь стремительно хлопнула, и в коридор влетел Ленька:

— Макака!..

— Леня! Ленечка! — радостно вскрикнула Мышка.

— Леня! Леня! — подхватила Алина.

Динка рванулась к двери, стул с грохотом покатился за ней.

Ленька, запыхавшись, остановился на пороге:

— Макака!..

Динка, подпрыгнув на одной ноге, с плачем повисла у него на шее.

Марина растерянно смотрела на опрокинутый стул и затянутую в несколько узлов веревку на Динкиной ноге.

— Ах, боже мой...— простонала она.— Леня! Скорей, отвяжи ее и сажай на извозчика! Выходите! Вот Мышка... Алина, мы едем! — закричала она, выбегая в коридор.

Ленька достал из кармана ножик и, разрезав веревку, хмуро спросил:

— Кто тебя?..

— Сама... я сама... чтоб не увезли...— всхлипывая, ответила Динка.

— Пошли! Пошли! — кричал со двора Кулеша.

Ленька схватил за руку Динку.

— Пойдем, Мыша...— ласково сказал он, кивая головой Мышке.

— Я не Мыша, а Мышка,— кротко улыбаясь, поправила его девочка.

Динка громко засмеялась.

— «Мыша, Мыша»! — передразнила она, подталкивая сестру.

— Леня, чего она...— пожаловалась Мышка, отмахиваясь от приставшей к ней Динки.

— Макака, не балуй! На́ вот тебе...— Ленька сунул девочке сверток с сапожками.— Иди, иди! Потом поглядишь! Как в поезд погрузимся, так и поглядишь!

Динка, подпрыгивая, побежала вперед. Ленька усадил обеих

девочек на извозчика и вернулся. Увидев ослабевшую от слез Алину, он тихо сказал:

— Ишь как наревелась! Держись вот за меня. Пойдем! — и, осторожно взяв ее за плечи, повел к извозчику.

За ними вышла Марина.

Кулеша и Никич заперли двери. Дворник взял ключи.

— Подождите! Я забыла сумочку! — крикнула вдруг Марина.

— Ну вот! Все не слава богу...— заворчал Никич, пропуская ее в дом.

Ленька, усадив девочек, стоял около извозчика.

— Я поеду на облучке. Извозчик, подвиньтесь! — сказала вдруг Динка.

— Это неприлично! — напала на нее Алина.— И потом, ты изомнешь свой плащ.

Сестры заспорили.

— Хватит вам! Вон мать идет! Макака, сядь на свое место. А ты, Алина, молчи! Помни себя! — строго сказал Ленька, стаскивая Динку с облучка.

Обе замолчали. Но через минуту Алина снова сделала замечание, на этот раз Мышке.

— Да замолчи ты!.. Что тебе, больше всех надо? — с укором сказал Ленька.

Алина пожала плечами и отвернулась.

— Ну, тогда распоряжайся сам,— неуверенно сказала она.

— Поехали, поехали! — подходя к извозчику и усаживаясь рядом с детьми, сказала Марина.— Леня, садись с Никичем и Кулешей!

— Нет...— рванулась было Динка, но мальчик погрозил ей пальцем и побежал к другому извозчику.

По дороге Кулеша сказал:

— Привет тебе, Леня, от Степана!

— Он вышел? — обрадовался Ленька.

— Конечно. Держали, держали, но улик-то ведь нет! Улики все в бубликах спрятались! — весело подмигнув мальчику, сострил Кулеша.

Оба расхохотались. А Никич озабоченно сказал:

— Смех смехом, а вот не опоздать бы к поезду!..

— Не опоздаем! — сказал Кулеша.— Я все часы перевел на двадцать минут вперед. Это совершенно необходимо, когда едут женщины и дети!

* * *

На вокзал приехали к первому звонку. Суетились. Наскоро забрасывали в купе картонки, чемоданы. Марина, открыв окно, давала последние наставления Никичу:

— Скажите Лине и Малайке, что как только мы устроимся, то сейчас же выпишем их к себе. Скажите Олегу, чтоб не беспокоился. Я напишу ему...

Никич стоял на перроне и махал рукой детям. Кулеша делал какие-то гримасы Динке; девочка смеялась.

Наконец поезд двинулся. Марина прислонилась к окну и закрыла глаза.

— Не тревожьте ее...— тихо сказал девочкам Ленька.

Глава восемьдесят шестая

БРАТ И СЫН

За окном стояла черная осенняя ночь. В купе слабо мерцал фонарь, внутри его коптила и оплывала свеча. Утомленные сборами и волнениями, дети крепко спали. Динку и Мышку уложили внизу на одну полку, против них лежала Марина. Алина устроилась на верхней полке, Ленька тоже взобрался наверх. Но мальчику не спалось... Непривычно и громко стучали колеса, лязгало и скрежетало под вагоном железо, неожиданные толчки замедляли ход поезда.

«Не смазали колеса, видать...— думал мальчик и, опустив голову, смотрел вниз, на спящих детей.— Не разбудили бы, а то опять матери забота...— Он очень жалел Марину: — Беда ей с девчонками! Ревут как белужки. То одна, то другая... Но я их отучу матери нервы портить...»

Динка уже сообщила мальчику, что «мама ждала его до последней минуты и со всеми спорила и даже на Алину не обращала внимания...».

Ленька был глубоко тронут и, приглядываясь в сумерках к усталому лицу Марины, тревожился.

Марина не спала... Утомительные сборы, боязнь опоздать на поезд, слезы Алины и отчаяние Динки отняли у нее последние силы. Нервы Марины не выдержали, и, уложив детей, она долго стояла у окна. Плечи ее вздрагивали, слезы неудержимо бежали по лицу... Ленька лег последним. С тревогой поглядывая на Марину, он не решался залезть на свою полку.

— Ложись, Леня,— не оборачиваясь, сказала она.

Мальчик лег; Марина оторвалась от окна и, оглядев спящих детей, тоже легла. Но в темноте Ленька видел, как зажатый в руке беленький комочек непрерывно прижимается к ее лицу. Сквозь шум колес ему даже слышались тихие горькие всхлипы...

«Плачет... Замучилась...» — с глубоким сочувствием подумал Ленька и, отвернувшись к стене, закрыл глаза.

Сердце его было спокойно за Макаку. Он вспомнил, как радовалась девочка его подарку, как в узком купе отплясывала она в своих красных сапожках.

«Как раз по ноге пришлись. Ловко ей в них бегать-то...» — удовлетворенно подумал Ленька. Но сквозь эти мысли о себе, о Макаке, о красных сапожках он все время прислушивался, спит ли Марина. Но она не спала, и Ленька не выдержал... Стараясь не разбудить детей и повиснув на одной руке, он бесшумно спрыгнул вниз.

Марина, увидев его, поспешно вытерла глаза.

— Ты хочешь выйти, Леня? — шепотом спросила она, приподнимаясь на локте.

— Нет,— так же тихо прошептал Ленька и, несмело подойдя к ее постели, опустился на корточки.— Я так встал... Поглядел и встал... Только что ж плакать? Теперь будем вместе с ими валандаться...— кивая на спящих детей, прошептал он.

Марину не удивило это слово «валандаться», горло ее сжалось от нахлынувших слез, и, обхватив шею Леньки, она неожиданно для себя тихо пожаловалась:

— Трудно мне, Леня. Так трудно бывает...

— Как не трудно! Одной-то... Только теперь я буду... Они ко мне живо привыкнут...— боясь пошевелиться, сказал Ленька.

Марина еще крепче обняла его:

— Леня, я так рада тебе, потому... что ты как сын... Ты будешь мне сыном, Леня?

Ленька, растроганный и смущенный, улыбнулся в темноте.

— Ну что ж... Я еще никому сыном не был, а здесь буду. Я вас всех жалею...

Алина свесила голову с полки и тревожно спросила:

— Мамочка, кто с тобой?

— Спи, спи... Это Леня,— поспешно ответила ей мать.

— А когда же, мама... Может быть, встать? — снова спросила Алина.

— Нет-нет! Мы еще недалеко отъехали. Спи, еще рано,— успокоила ее мать.

Ленька, вслушиваясь в эти загадочные слова, полез на полку.

«Ждут чего-то...» — удивленно подумал он.

Глава восемьдесят седьмая

«ПАПА, Я НЕ УСПЕЛА ИСПРАВИТЬСЯ!»

Но Алина все-таки встала. За ней поднялись и другие дети: Динка, сонно хлопая глазами, натягивала свои сапожки; Мышка попросила пить; Ленька опять слез со своей полки.

Алина, отдернув занавеску, поглядела в окно... Поезд пробегал мимо лесов и полей. В поле был туман, за деревьями мутно и серо вставал рассвет... Младшие дети тоже потянулись к окну.

— Лень,— шептала Динка,— мы уже далеко заехали? Мы уже никогда не вернемся на наш утес?

— Вернемся еще,— сказал Ленька и посмотрел на Марину.

Черное шелковое платье с высоким воротником оттеняло ее бледное лицо, но она спала крепко и спокойно. Мышка и Алина, сидя на полке, вытащили свои книги.

— Не видать ничего...— сказал Ленька.— Пошто глаза портите?

— Леня! — робко сказала Алина.— Ты много слов гово-

ришь неправильно. Ты не обидишься, если я буду поправлять тебя?

— За науку не обижаются,— улыбнулся Ленька.

— И потом, он теперь наш брат, он не будет обижаться,— тихо сказала Мышка.

— Ну да! Он не всехний брат, а только мой! — ревниво загораживая Леньку, заявила Динка.

— Неправда! — строго остановила ее Алина.— Мама так не говорила. Леня — общий брат.

— А кто нашел его?! — вскинулась Динка.

Но мальчик, смеясь, потрепал ее по голове.

— Я вам всем брат,— серьезно сказал он.— Всех охранять буду, а за матерю вашу душу отдам!

Девочки примолкли и с уважением посмотрели на своего нового брата. Марина спала... Ленька умылся и велел Алине умыть сестер. Свежие, розовые лица их наполнили его сердце незнакомым теплом и уютом. За окном быстро светлело.

— Лень, Лень! Вон домички... А вон река!..— глядя в окно, радовалась Динка.

И вдруг дверь купе распахнулась, и на пороге стал человек. Осторожно прикрыв за собой дверь, он обернулся к детям. Черная борода закрывала половину его лица, но глаза ярко синели.

— Леня...— испуганно пробормотала Алина.

— Что надо? — загораживая собой сестер, строго спросил Ленька, но из-под его руки вдруг выскользнула пушистая голова Динки.

Глядя в упор на стоящего перед ней человека, девочка вдруг увидела смеющиеся глаза молодого железнодорожника. И, прижав к груди руку, боясь назвать вслух дорогое имя и чувствуя испуг оттого, что он может не узнать свою дочку, она неуверенно двинулась к нему, повторяя с робкой мольбой:

— Я Динка... Динка...

Отец протянул к ней руки и, подняв ее, прижал к своей груди.

— Папа, я не успела исправиться! — прошептала ему на ухо Динка.

В купе все зашевелились. Алина и Мышка бросились к отцу. Марина вскочила.

— Леня, посторожи...— взволнованно шепнула она.

Ленька бросился в коридор.

— Родные мои... Чижики мои...— обнимая всех сразу, шептал отец.— Я теперь в России, мы будем часто видеться... Но сейчас у меня три минуты... Я должен соскочить на следующем разъезде... Только не плачьте, не скучайте обо мне! Скоро мы все будем вместе! Скоро наступит такая жизнь... такая...— Он посмотрел на младшую дочку и, подхватив ее на руки, весело добавил: — Что даже моя Динка исправится!

КОММЕНТАРИИ

ДИНКА. ПОВЕСТЬ. ЧАСТИ I И II

Каждое новое произведение В. А. Осеевой неизменно становилось любимым детьми и подростками. Но в этом ряду повесть «Динка» занимает особое место.

Вышедшая впервые в 1959 году в Детгизе (издательство «Детская литература») отдельной книгой, она была сразу восторженно встречена читателями. Бурному успеху повести способствовал, прежде всего, неожиданный для главной героини характер озорницы Динки Арсеньевой, называемой даже в собственной семье «трудным ребенком».

«Взяв книгу «Динка», я не смогла оторваться от чтения, я забросила все свои дела и ходила как во сне. Я была потрясена этой повестью»,— писала в Дом детской книги восьмиклассница Ольга Я. из Ивановской области.

Состояние потрясения, взволнованности, душевного взлета переживали многие и многие корреспонденты Дома детской книги, которым посчастливилось прочесть повесть В. А. Осеевой.

«Невозможно описать все, что радовало и огорчало меня, когда я читала о Динке. Эта книга научила меня жить, разбираться в людях, быть доброй, решать трудные задачи, которые ставит жизнь, быть стойкой и не падать духом, когда наступит беда. Это замечательная, ужасно интересная, поучительная, добрая книга. Я не нахожу слов, чтобы написать теплый отзыв о «Динке». Да тут ясно и без слов, что книгу эту нельзя забыть никогда» (Светлана Е., 15 лет, г. Куйбышев).

Да, пятнадцатилетняя Светлана нашла, вопреки своему сомнению, достаточно убедительные слова о повести В. А. Осеевой.

А одним из источников секрета популярности книги является то, что писательница не просто знала время и людей, о которых создавала повесть, но глубоко пережила все рассказанное. Ее книга — автобиографична. «Отец мой — Александр Дмитриевич Осеев работал инспектором на элеваторе,— писала в автобиографии В. А. Осеева.— Мать, Ариадна Леонидовна, работала корректором в газете. И отец и мать вели революционную работу. В нашем доме была явочная квартира, печатались прокламации. Отец был председателем стачечного комитета, мать работала в воскресных школах для рабочих. После крупной железнодорожной забастовки отец, преследуемый полицией, вынужден был бежать, а мать с тремя детьми (я и мои сестры Галина и Анжелика) переехали в город Киев. С тех пор мы часто переезжали из города в город, так как постоянно подвергались различным преследованиям со стороны полиции. В 1909 году отец мой был арестован и посажен в крепость».

Не правда ли, все сказанное писательницей о собственном отце и семье очень похоже на жизнь семьи Арсеньевых из повести «Динка» — мужественную и добрую мать Динки — Марину, сестер девочки — Алину и Мышку, живущих идеалами отца и неиссякаемой любовью к нему, скрывающемуся от полиции?

«А. Д. Осеев был связан с нашей семьей в середине 90-х годов, когда он начал принимать участие в революционной работе — распространение листовок и нелегальной литературы,— писала об отце В. А. Осеевой сестра В. И. Ленина — М. И. Ульянова.— За эту работу т. Осеев был уволен с Моск.-Курск. ж. д., где он служил тогда.

В начале 90-х годов принимал участие в революционном движении в Самаре. Особенно крупна роль т. Осеева в революционном движении в 1905 г. как руководителя и председателя ж. д. забастовочного Комитета. После конференции 29-ти жел. дорог в Москве он с наступлением реакции должен был уйти в подполье и работал нелегально под фамилией С. Н. Скворцова. В Благовещенске был арестован и отправлен

в ссылку в Усть-Цильму Архангельской губ., но возвращен для суда в Самару, где просидел в тюрьме около 3-х лет».

Атмосфера жизни семьи Осеевых воссоздана в повести «Динка». И наверное, поэтому так прекрасна маленькая бунтарка Динка, не принимающая никакой несправедливости и унижения человеческого достоинства. К семье Арсеньевых тянулись люди и стар и млад — от четырехгодовалой Марьяшки, до старика Никича — и нравственная красота и духовная наполненность жизни Динкиной семьи пленяет читателей. Сердцем принимая непоседливую, темпераментную девочку, они видят и чувствуют благородные истоки даже самых экстравагантных ее выходок. И за это любят.

Ну, а если принять во внимание великолепный писательский дар В. А. Осеевой, умеющей держать читателя в постоянном напряженном ожидании: «А что же будет дальше?», то необыкновенная популярность повести «Динка» станет понятной.

«Мне было 12 лет, когда в день рождения мне подарили Вашу «Динку»,— обращалась к В. А. Осеевой читательница Е. Д. Атаманова из Ленинградской области.— Сейчас мне уже 30 лет, и до сих пор все эти годы «Динка» всегда была рядом со мной. Когда мне весело и когда мне грустно, я беру эту книгу, и перечитываю вновь и вновь такие добрые, такие светлые строки, хотя знаю их уже наизусть... Когда мы собираемся вместе, три сестры (а все мы уже взрослые, у всех дети), то обязательно после всех разговоров кто-нибудь скажет: «Почитаем «Динку». И мы читаем вслух, и вновь переживаем и радуемся, как дети. Я надеюсь, что и для моих сыновей эта умная книга тоже станет необходимой».

Повесть «Динка» не однажды переиздавалась в издательстве «Детская литература» в 1962, 1963, 1965, 1967, 1970 и 1974 годах.

Переведена она на несколько языков народов СССР и народов зарубежных стран.

З. Короза

СОДЕРЖАНИЕ

ДИНКА

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

5

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

213

Комментарии

539

Для младшего школьного возраста

Валентина Александровна Осеева

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Том 3

ИБ № 8828

Ответственный редактор
Р Н. Ефремова

Художественный редактор
М. Д. Суховцева

Технический редактор
Е. М. Захарова

Корректоры
Э. Н. Сизова и Е. А. Сукясян

Сдано в набор 30.04.85. Подписано к печати 06.12.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 34. Усл. кр.-отт. 34,5. Уч.-изд. л. 27,73. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1063. Цена 1 р. 30 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Осеева В. А.

О-72 Собрание сочинений в четырех томах /Коммент. З. Короза.— М.: Дет. лит., т. III. Динка. Части первая и вторая. Рис. А. Ермолаева; Оформл. А. Ганнушкина.— 1986.— 542 с., ил.

В пер.. 1 р. 30 к.

В третий том Собрания сочинений входит повесть «Динка» Части первая и вторая

О $\frac{4803010102-072}{M101(03)86}$ Подп. изд. Р2